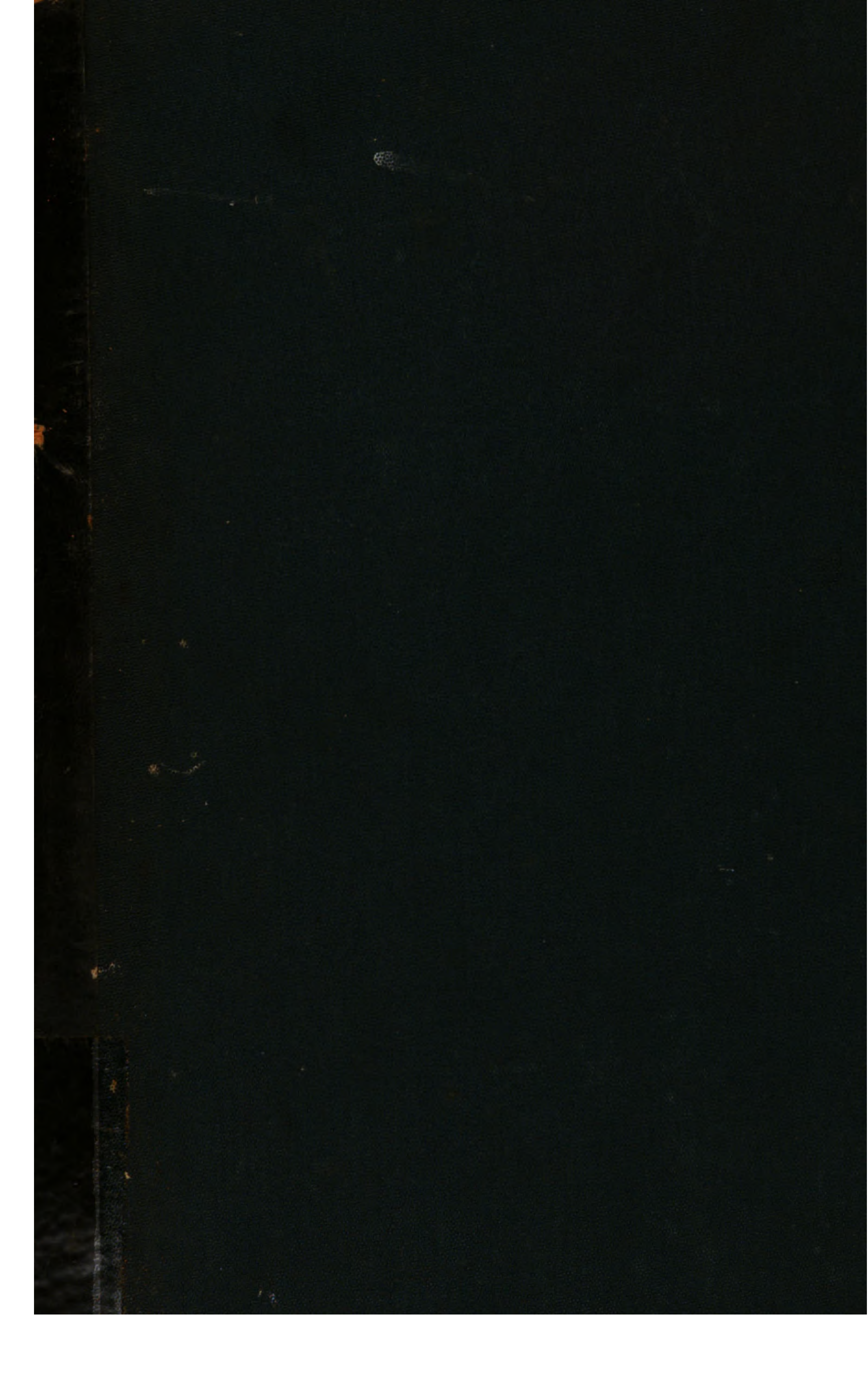
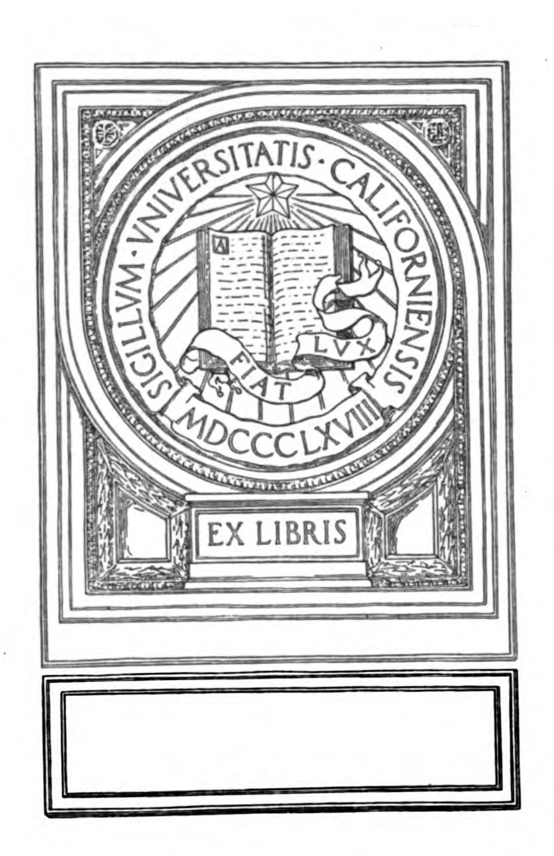
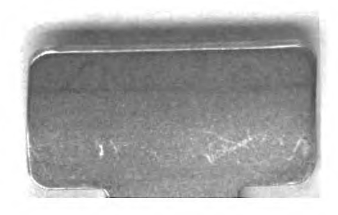
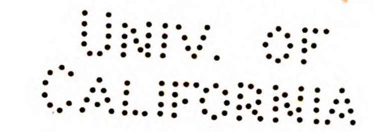

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ VII-й. № 2-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

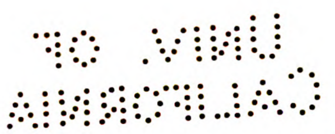
ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ФЕВРАЛЬ

1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ VII-й. № 2-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ФЕВРАЛЬ

1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

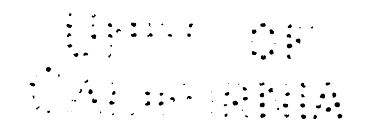
Дозволено цензурою 28 января 1898 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

МОРСКОЕ ДНО.

Проф. **А. П. Павловъ.**

I.

Жизнь въ морѣ.—Осадки на днѣ открытаго моря.—Коралловые острова.—Осадки прибрежной полосы моря.—Берега моря.—Участіе моря въ созданіи материковъ и геологическія напластованія.

Быть можетъ, многимъ изъ читателей случалось видѣть море, то спокойное и блещущее торжественной красой, то бурное, мрачное и угрожающее, и иногда задуматься о томъ, что скрываетъ подъ собою эта необъятная масса водъ. Это выраженіе — необъятная — вовсе не преувеличено. Мы съ изумленіемъ смотримъ на громады горъ, на необозримыя степи, пустыни, тундры, но какъ все это ничтожно въ сравненіи съ пространствомъ водной поверхности, съ количествомъ воды въ океанахъ. Достаточно сказать, что объемъ океаническихъ водъ болѣе чѣмъ въ 12 разъ превосходитъ объемъ всей суши, поднимающейся надъ ихъ поверхностью, и если бы мы могли срыть всѣ наши континенты до самаго уровня моря и распредѣлить весь срытый матеріалъ по дну океаническихъ впадинъ, то мы уменьшили бы ихъ глубину только на $^1/_{12}$ часть, т. е. мы не только не засыпали-бы океаны, но даже и не уменьшили бы замѣтно ихъ глубину, подобно тому, какъ если бы потолокъ нашей комнаты опустили въ нашемъ отсутствіи на $^1/_{12}$ часть ея высоты,—мы, войдя въ нее, едва ли и замѣтили бы сразу эту перемѣну.

Эта колоссальная масса воды на землѣ даетъ влагу нашей атмосферѣ, посылаетъ намъ тучи и дожди, питающіе наши рѣки и источники и дѣлающіе возможной жизнь на землѣ. Неудивительно, что естествоиспытатели съ давнихъ поръ стремятся извѣдать океанъ глубокій.

Мы попытаемся теперь, призвавъ на помощь науку, проникнуть на дно морское и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Намъ невозможно, да и нѣтъ надобности, опускаться самимъ (хотя бы и мысленно) на большія глубины. Достаточно опустить туда рядъ инструментовъ; напр., измѣрительный лотъ для опредѣленія глубины, притомъ такъ устроенный, чтобъ

онъ, достигнувъ дна, немного врѣзался въ грунтъ своимъ высверленнымъ внутри концомъ и захватилъ въ себя образчикъ того, изъ чего состоитъ морское дно. Инструментъ, такимъ образомъ устроенный, изобрѣтенъ американскимъ морякомъ Брукомъ и называется лотомъ Брука, рис. 1; чугунное ядро надѣто на этотъ лотъ такъ, что тотчасъ сбрасывается, какъ только лотъ достигаетъ дна, а завѣдующіе работой на палубѣ парохода замѣчаютъ, что вѣсъ снаряда уменьшился и что пора приступить къ его поднятію.

Можно также приспособить бутылку, такъ что она захватитъ воду съ желаемой глубины, термометръ, который отмѣтитъ температуру

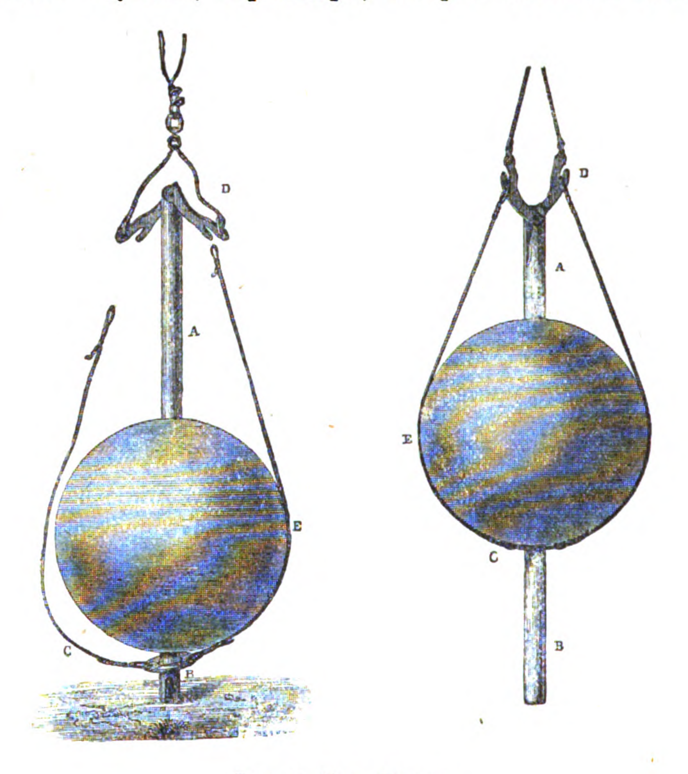

Рис. 1. Лотъ Брука.

вблизи дна или на любой глубинѣ. Можно опустить фотографическую пластинку и, открывая ее на различной глубинѣ, опредѣлить, какъ глубоко проникаетъ свѣтъ въ океаническія воды. Далѣе, можно опустить сѣть, которая захватитъ намъ живущихъ на днѣ или плавающихъ на большей или меньшей глубинѣ животныхъ,—словомъ, цѣлый рядъ инструментовъ и снарядовъ, которые принесутъ намъ столько указаній на природу и условія морскихъ глубинъ, что мы будемъ въ состояніи вполнѣ отчетливо представить себѣ, что тамъ происходитъ.

Представимъ себѣ теперь, что мы на особомъ пароходѣ, снабженномъ всѣми необходимыми снарядами, находимся гдѣ-нибудь далеко отъ

береговъ, среди необъятнаго океана. Днемъ мы видимъ водную гладь, сливающуюся съ небомъ, а ночью надъ нами разстилается темное и глубокое, но блещущее яркими и незнакомыми намъ созвѣздіями тропическое небо. По временамъ свѣтлою чертою пронесется по небу падающая звѣзда или яркій метеоръ беззвучно пролетитъ и исчезнетъ. Ученые дознались, что эти падающія звѣзды и метеоры не имѣютъ ничего общаго съ настоящими звѣздами. Звѣзды—это огромныя солнца, сіяющія на громадныхъ отъ насъ разстояніяхъ, а падающія звѣзды—это ничтожныя минеральныя или металлическія зерна, которыя проносятся съ большою быстротой въ небесномъ пространствѣ, встрѣчаются на своемъ пути съ нашей землей, врѣзываются въ ея атмосферу и сгораютъ въ ней совершенно или отчасти, а вещество, ихъ составлявшее, дѣлается достояніемъ нашей планеты. Эти частицы такъ ничтожны, что, можно сказать, представляютъ собою міровую или космическую пыль. И самъ человѣкъ, затерянный съ своимъ кораблемъ въ пустынѣ водъ, какъ ничтоженъ онъ среди такой обстановки!

Трудно передать впечатлѣніе, какое мы испытываемъ, находясь ночью на палубѣ корабля посреди океана. Мы видимъ надъ собою пучины мірового пространства, населеннаго свѣтилами и хранящаго въ себѣ такъ много тайнъ и чудесъ, и въ то же время знаемъ, что тамъ внизу подъ кораблемъ другая пучина, представляющая свой особый, также чуждый человѣку, также таинственный міръ.

Надъ бездной бездна звѣздъ полна.
Все дышитъ тайною ночною.
Краса небесъ повторена
Морской прозрачной глубиною *).

Но взглянемъ поближе на поверхность океана въ ночное время и мы увидимъ, что и она свѣтится и особенно тамъ, гдѣ вода разрѣзывается пароходомъ и приводится въ движеніе. И здѣсь въ этой слабо свѣтящейся полосѣ пронесется время отъ времени болѣе яркая звѣздочка и угаснетъ.

Спустимъ наши снаряды, зачерпнемъ этой свѣтящейся воды въ большой стеклянный сосудъ, попытаемся поймать эти плавающія и по временамъ вспыхивающія звѣздочки, чтобы разсмотрѣть все это при дневномъ свѣтѣ, и мы увидимъ весьма странныя и разнообразныя живыя существа, но большею частью почти совершенно прозрачныя, такъ что трудно разсмотрѣть ихъ очертанія въ морской водѣ (рис. 2); иногда видна только лента кишечнаго канала и кажется, что она плаваетъ прямо въ водѣ, какъ стебелекъ морской травы. Нѣкоторыя животныя, сохраняя свою прозрачность, оказываются окрашенными въ нѣжный зеленовато-голубой цвѣтъ, похожій на цвѣтъ морской воды,

*) Изъ А. Мюссе, перев. А. М. Өедорова.

иногда встрѣчаются вмѣстѣ съ этими почти невидимыми существами и ярко окрашенныя животныя, чаще всего въ синеватые и фіолетовые цвѣта. Среди этого населенія поверхностныхъ водъ открытаго моря мы почти совсѣмъ не находимъ животныхъ съ твердыми непрозрачными раковинами и панцырями, столь обыкновенныхъ у береговъ суши.

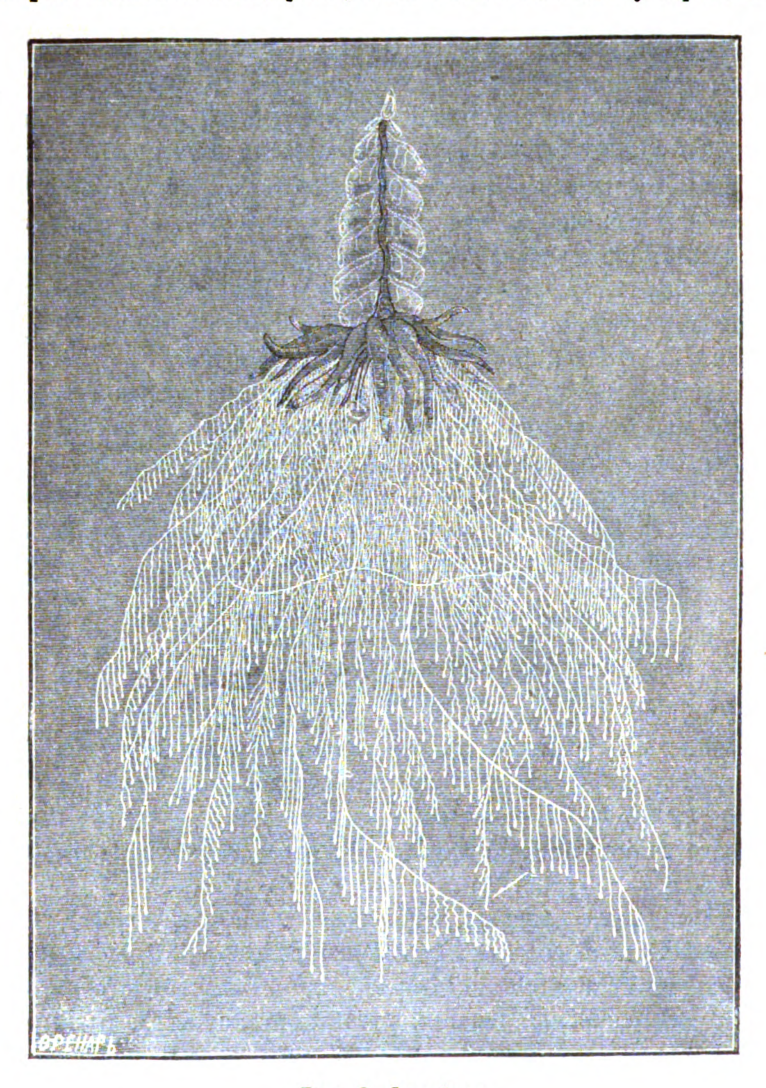

Рис. 2. Физофора.

Лишь внимательно всматриваясь, и разсматривая небольшія пробы воды подъ лупой или даже микроскопомъ, можно увидѣть множество очень маленькихъ существъ съ тонкой, почти прозрачной известковой раковинкой, отъ которой, какъ лучи, расходятся во всѣ стороны тонкія и гибкія иголочки (рис. 3). Впрочемъ, эти лучи легко опадаютъ и остается небольшая раковинка съ однимъ или нѣсколькими сообщающимися между

собою отдѣленіями или камерами, въ которыхъ живетъ простѣйшее по организаціи существо, представляющее комочекъ живого бѣлковаго вещества (протоплазмы), способнаго сжиматься и растягиваться и выпускать черезъ маленькія скважины раковины тонкія и тягучія, живыя и чувствительныя нити, посредствомъ которыхъ это существо входитъ въ соприкосновеніе съ окружающимъ міромъ. Раковинки имѣютъ неодинаковую, обыкновенно очень красивую форму. Эти созданьица образуютъ особый классъ среди простѣйшихъ по организаціи животныхъ и называются корненожками или фораминиферами. Между различными формами,

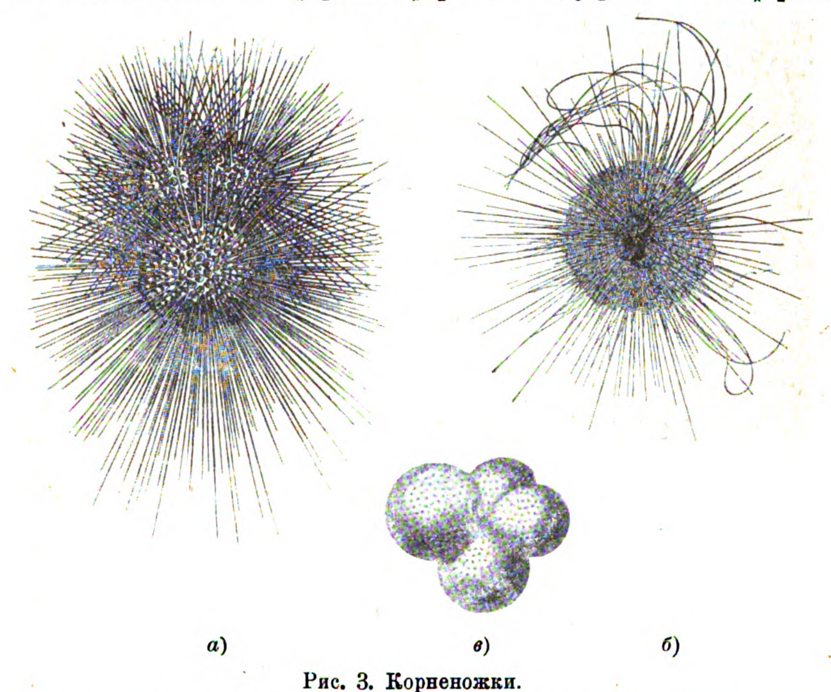

Рис. 3. Корненожки.
а) Глобигерина покрытая иглами. б) Гастигерина (Hastigerina).
в) Глобигерина съ опавшими иглами.

къ нимъ относящимися, наибольшимъ распространеніемъ пользуются такъ-называемыя глобигерины.

Въ водѣ, нами зачерпнутой, встрѣчаются и живыя, и отжившія свой вѣкъ глобигерины и другія корненожки, и много ихъ раковинокъ можно собрать на днѣ нашего сосуда, послѣ того, какъ онъ нѣкоторое время постоитъ. Вмѣстѣ съ корненожками встрѣчаются, обыкновенно, еще болѣе мелкія и еще болѣе нѣжныя и прозрачныя звѣздочки, рѣшеточки и т. под. образованія, состоящія изъ тончайшихъ кремнистыхъ, какъ бы стеклянныхъ иголочекъ и перекладинокъ, обыкновенно правильно и красиво расположенныхъ (рис. 4). Это твердый защитительный аппаратъ другихъ простѣйшихъ животныхъ, образующихъ классъ радіолярій или лучевиковъ. Они такъ малы, что разсмотрѣть ихъ можно только при сильныхъ увеличеніяхъ микроскопа. При этомъ можно убѣдиться, что

живая протоплазма, заключенная внутри нѣжной раковинки и выпускающая наружу тонкіе нитевидные выросты, не вполнѣ однородна во всей своей массѣ; она заключаетъ въ себѣ болѣе уплотненные комочки (ядра) и какіе-то мелкія зернышки. Подобное микроскопическое населеніе мы встрѣчаемъ почти всюду въ океаническихъ водахъ тропическихъ и умѣренныхъ странъ. Но, подвигаясь изъ теплыхъ морей къ холоднымъ околополярнымъ, мы замѣтили бы, что корненожки и радіоляріи становятся рѣже, къ нимъ примѣшиваются, а потомъ и начинаютъ преобладать, иныя по организаціи тоже микроскопически мелкія существа, такъ называемыя діатомеи; это водоросли съ тонкими и красивыми кремнистыми оболочками, родственныя съ тѣми, которыя во множествѣ встрѣ-

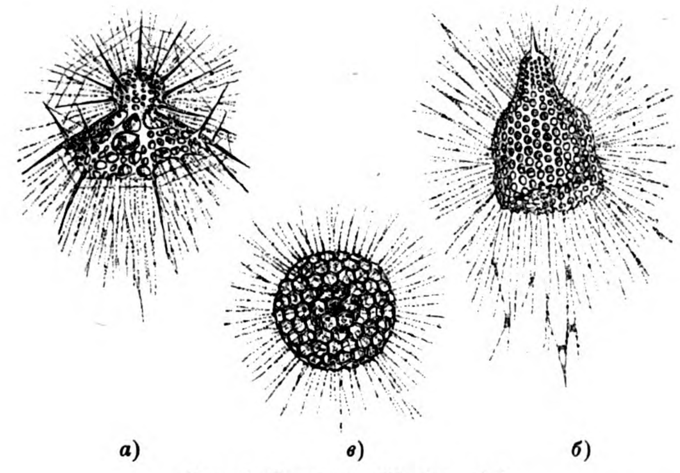

Рис. 4. Лучевики (Радіоляріи).
а) Эйциртидій (Eucyrtidium). б) Арахнокорисъ (Arachnocorys).
в) Геліосфера (Heliosphaera).

чаются въ зеленоватой тинѣ нашихъ прудовъ и болотъ (рис. 5). Онѣ встрѣчаются въ водахъ океана или отдѣльными одиночными клѣточками, или группируются въ красивые ряды и нити. Особенно изобилуютъ этими микроскопическими растеньицами южныя околополярныя моря, въ которыхъ они настолько изобильны, что придаютъ водѣ особую темнозеленоватую окраску.

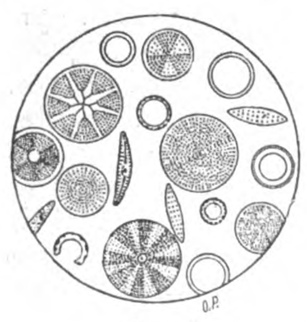

Рис. 5.

Среди плавающаго населенія океаническихъ водъ, какъ теплыхъ, такъ и холодныхъ, встрѣчаются еще, хотя значительно рѣже, мелкія моллюски съ очень плоской и прозрачной известковой раковинкой, относящіеся къ отряду крылоногихъ. Кромѣ этихъ крайне мелкихъ существъ, мы обыкновенно не встрѣчаемъ животныхъ съ твердыми по-

кровами и панцырями. Мягкія, нѣжныя, прозрачныя животныя и животныя съ упругимъ, какъ бы хрящевымъ, но тоже прозрачнымъ тѣломъ, какъ медузы, составляютъ населеніе поверхностныхъ водъ открытаго моря, если не считать рыбъ, которыя попадаются рѣдко сравнительно съ сейчасъ упомянутыми оригинальными существами.

Что же можемъ мы встрѣтить дальше на очень большихъ глубинахъ или даже на средней океанической глубинѣ, въ $1^1/_2$, въ 2 тысячи саженъ?

Тайны морскихъ глубинъ до послѣдняго времени оставались почти совершенно отъ насъ сокрытыми и можно было давать здѣсь полную волю своей фантазіи.

Одинъ изъ нашихъ поэтовъ даетъ намъ такую картину подводнаго царства:

На морской глубинѣ, въ свѣтломъ царскомъ дворцѣ,
Ходятъ рыбы-киты и дельфины,
И сѣдые усы у царя на лицѣ
Очищаютъ отъ грязи и тины.
Съ неба солнца лучи свѣтятъ въ царскій дворецъ,
Зажигаютъ огни-изумруды.

Наука рисуетъ намъ нѣсколько иную картину морской глубины.

Солнца лучи не проникаютъ на большія глубины моря; очень слабо освѣщены зеленоватымъ свѣтомъ глубины въ 400—500 метр., а это очень мелко въ сравненіи съ глубиною въ тысячи саженъ. Вѣчный мракъ царитъ въ этихъ глубинахъ и не видятъ онѣ смѣны дня и ночи, нѣтъ тамъ и смѣны лѣтняго тепла и зимней стужи. Въ этомъ мрачномъ и вѣчно прохладномъ жилищѣ морского царя, дѣйствительно ходятъ рыбы и живутъ многія другія животныя. У многихъ изъ нихъ есть глаза и даже очень большіе. Они могутъ видѣть окружающій ихъ міръ, хотя онъ и не освѣщается лучами солнца.

Оказывается, что тамъ дѣйствительно зажигаются огни-изумруды, но зажигаютъ ихъ не солнечные лучи, а сами жители этого царства. Весьма многія глубинныя животныя, пойманныя и извлеченныя изъ моря, издавали свѣтъ и нѣкоторыя довольно яркій, дававшій возможность читать книгу. Они свѣтились разнымъ свѣтомъ: краснымъ, желтымъ, зеленымъ, фіолетовымъ. Многія рыбы выдѣляютъ всею своею поверхностью свѣтящуюся слизь, другія снабжены особыми свѣтящимися органами, какъ бы фонарями, которыми онѣ могутъ управлять по своей волѣ (рис. 6). Этой способностью обладаютъ и многія ракообразныя, живущія на большихъ глубинахъ.

Одно изъ самыхъ интересныхъ свѣтящихся животныхъ принадлежитъ къ классу морскихъ звѣздъ и называемая Бризинга. Эта изумительно красивая морская звѣзда, красновато-оранжеваго цвѣта, съ многочисленными длинными и гибкими лучами, издаетъ яркій зеленоватый фосфорическій свѣтъ (она изображена на переднемъ планѣ; предстоящей

картинки рис. 7). Къ сожалѣнію весьма трудно добыть ее въ цѣломъ видѣ, потому что, будучи поймана и стремясь освободиться, она обыкновенно отламываетъ и теряетъ свои лучи.

Растенія не живутъ безъ солнечнаго свѣта, и тамъ ихъ нѣтъ; но зато тамъ есть животныя, похожія съ виду на растенія; это морскія лиліи и кораллы. Морскія лиліи, нерѣдко окрашенныя въ зеленый цвѣтъ, образуютъ мѣстами цѣлыя заросли на большихъ глубинахъ океана, какъ это показано на правой сторонѣ картинки, и среди этихъ зарослей мѣстами возвышаются вѣтвистыя колоніи кораллловъ, родственныхъ со знакомымъ намъ краснымъ коралломъ. Свѣтящіяся полипы, образующіе эти колоніи, расположены на концахъ вѣтвей, какъ какіе-то фантастическіе свѣтящіеся во тьмѣ, цвѣтки (съ лѣвой стороны картинки).

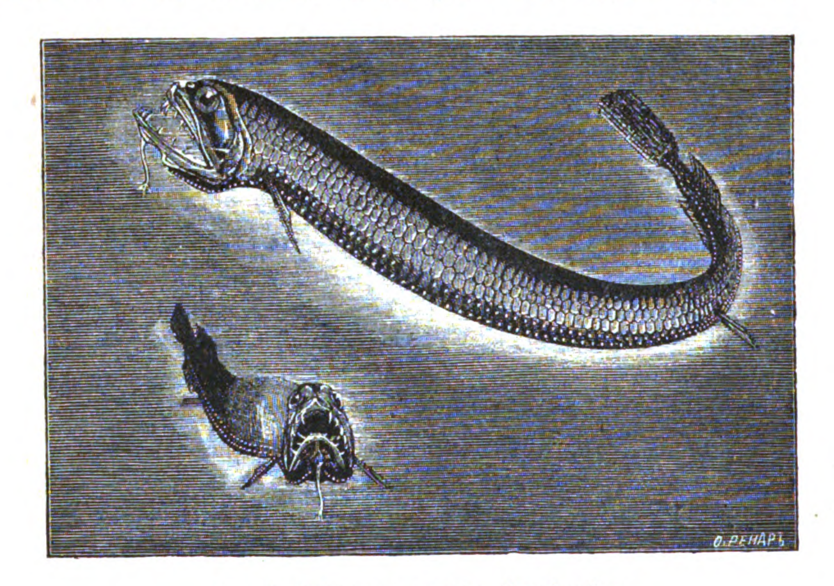

Рис. 6. Свѣтящаяся рыба. *Stomias boa.*

Въ этихъ заросляхъ морскихъ лилій и кораловъ плаваютъ и ползаютъ глубоководные раки разнообразной формы и окраски, а по дну въ промежуткахъ и прогалинахъ располагаются небольшія и неяркоокрашенныя раковины моллюскъ, глубоководныя губки, похожія на небольшія птичьи гнѣзда, сотканныя изъ изящныхъ кремнистыхъ звѣздочекъ, одѣтыхъ студенистымъ веществомъ, проявляющимъ свою особую оригинальную жизнь; мѣстами красивыя оранжево-красныя Бризинги мерцаютъ какъ звѣзды во тьмѣ, освѣщая своимъ фосфорическимъ свѣтомъ этотъ оригинальный міръ, такъ долго остававшійся намъ совершенно неизвѣстнымъ.

Много въ подводномъ царствѣ такого, на чемъ стоитъ остановиться и поразмыслить, но обо всѣхъ его диковинахъ нельзя разсказать въ одной небольшой статьѣ; нужно выбирать одно и проходить мимо дру-

гое. Я думаю, что многимъ изъ моихъ читателей приходилось уже не разъ слышать или читать въ другихъ книжкахъ о населенiи большихъ глубинъ. Такъ не будемъ больше на немъ останавливаться, а обратимъ вниманiе на то, что нашъ поэтъ назвалъ грязью и тиной, осѣдающей

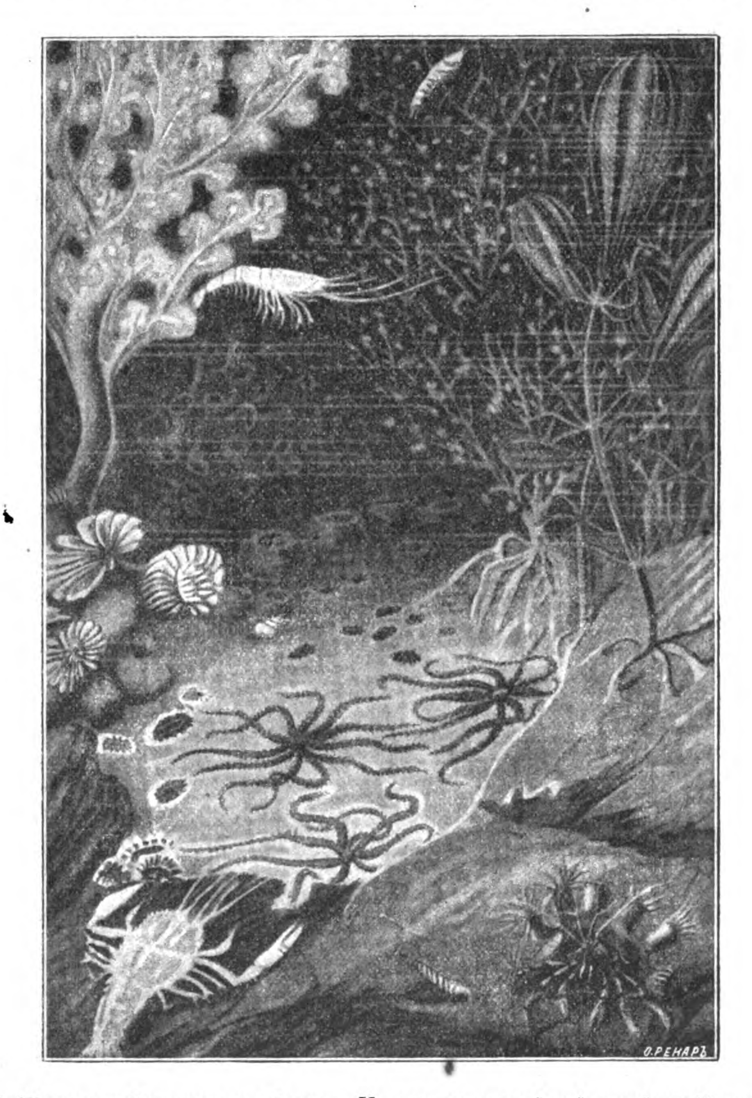

Рис. 7. Жизнь на большихъ глубинахъ. На заднемъ планѣ слѣва свѣтящiйся кораллъ *Mopsea*; на заднемъ планѣ справа, другой видъ того же коралла и впереди отъ него свѣтящаяся морская лилiя *Pentacrinus Wyville-Thomsoni;* на заднемъ планѣ по срединѣ губки; въ средней части рисунка три бризинги, на переднемъ планѣ слѣва ракъ *Pentacheles spinosus*, слѣва *Epizoanthus parasiticus.*

на усы морского царя—на тотъ илъ или тѣ илы, которые устилаютъ дно морское.

Изслѣдованiя океаническаго дна при помощи упомянутаго раньше лота, который приноситъ съ собой образчикъ ила, покрывающаго дно,

обнаружили, что на среднихъ океаническихъ глубинахъ въ 2.000—2.500 саж. и вдали отъ континентовъ океаническое дно покрыто иломъ, совсѣмъ не похожимъ на ту минеральную муть, которая устилаетъ дно

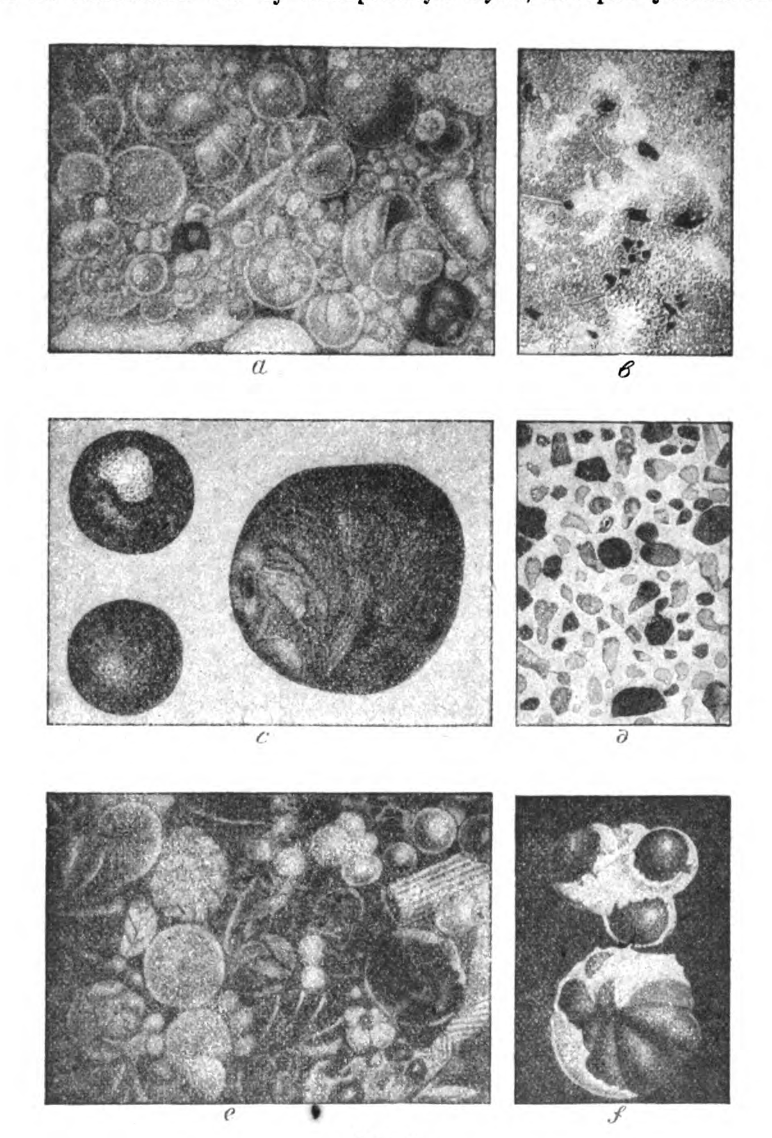

Рис. 8.
Морскіе осадки подъ микроскопомъ.

a) Глобигериновый илъ.
b) Остатокъ отъ растворенія глобигериноваго ила.
c) Метеорическіе шарики.
d) Минералы прибрежнаго осадка.
e) Глауконитовый илъ.
f) Глауконитъ въ раковинахъ корненожекъ.

нашихъ озеръ или покрываетъ дно неглубокихъ морей вблизи берега суши. Этотъ илъ имѣетъ бѣлый, слегка желтоватый или розоватый цвѣтъ, въ сухомъ видѣ онъ представляетъ довольно мягкое, марающее

пальцы, вещество, похожее на мѣлъ, сильно вскипающее или пѣнящееся, если облить его кислотой, что обнаруживаетъ его известковую природу. Если взять небольшую пробу этого осадка и разсматривать ее въ микроскопъ, то мы увидимъ, что мелкія известковыя частички, его составляющія, имѣютъ разнообразную, обыкновенно правильную и красивую форму (8-й рис. фиг. а) и, всматриваясь въ нихъ, мы безъ труда замѣтимъ среди нихъ большое количество глобигеринъ и другихъ корненожекъ, съ которыми мы познакомились, изслѣдуя населеніе поверхностныхъ водъ океана. Вмѣстѣ съ ними попадаются кремнистыя звѣздочки и рѣшеточки радіолярій, раковинки крылоногихъ моллюскъ, а также и безформенное или имѣющее видъ неправильныхъ обломочковъ известковое вещество. Вмѣстѣ съ этимъ иломъ со дна океана удавалось извлекать нѣкоторыя еще живыя корненожки, живущія въ небольшомъ количествѣ на большихъ глубинахъ, но замѣчательно, что всѣ глобигерины, орбулины и другія живущія въ поверхностныхъ водахъ формы были извлекаемы только въ видѣ пустыхъ или наполненныхъ иломъ раковинокъ и никогда не попадались живыми, что и показываетъ, что раковинки ихъ опустились на дно послѣ смерти животныхъ. Эти раковинки покрываютъ дно океана въ предѣлахъ тропическихъ и умѣренныхъ широтъ на протяженіи многихъ сотенъ верстъ, и къ нимъ постоянно прибавляются изъ верхняго слоя океаническихъ водъ все новыя и новыя раковинки, отжившія свой вѣкъ и погружающіяся въ морскія глубины. Такимъ образомъ, эти мельчайшія раковинки образуютъ какъ бы мелкій дождикъ изъ известковыхъ частицъ, медленно падающій съ поверхности на дно океана и постоянно, хотя и медленно увеличивающій толщину того известковаго осадка, который лежитъ на морскомъ днѣ.

Однако, этотъ глобигериновый илъ не сплошь покрываетъ все дно тропическихъ и умѣренно-теплыхъ морей, а лишь тѣ мѣста морскаго дна, которыя лежатъ не глубже 2.800 саж. Когда опускали лотъ Брука на глубины, превышающія 2.800 саж., онъ обыкновенно извлекалъ илъ, цвѣтъ котораго становился все болѣе и болѣе темнымъ и принималъ буровато-красные оттѣнки по мѣрѣ того, какъ возрастала глубина океана; известковыя раковинки корненожекъ встрѣчались въ немъ все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ, притомъ разныя украшенія на ихъ поверхности сохранялись менѣе отчетливо или сглаживались, и, наконецъ, на самыхъ большихъ глубинахъ, эти раковинки почти вовсе не встрѣчались, несмотря на то, что въ поверхностныхъ водахъ моря они были и здѣсь такъ же изобильны, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Изслѣдователи догадались, что причина этого явленія заключается въ томъ, что эти мелкія раковинки во время своего опусканія успѣваютъ раствориться въ водѣ, прежде чѣмъ достигнутъ дна. Красноватый осадокъ, устилающій дно глубочайшихъ океаническихъ пучинъ въ 3.000—4.000 саж. называютъ красной океанической глиной.

Животное населеніе становится крайне скуднымъ на этихъ страшныхъ океаническихъ глубинахъ или даже и совсѣмъ исчезаетъ. Вмѣсто разнообразныхъ животныхъ, которыя были извлекаемы еще живыми со дна менѣе глубокихъ частей океана, съ этихъ огромныхъ глубинъ снаряды извлекали довольно странные предметы: массивныя, округлой формы кости, признанныя натуралистами за ушныя кости китовъ; эти кости между всѣми костями скелета выдѣляются своею плотностью и прочностью, благодаря чему онѣ, вѣроятно, и сохраняются долго отъ разрушенія; весьма обыкновенны также случаи, когда снаряды приносили со дна много острыхъ зубовъ, совершенно такихъ, какими вооружена пасть акулъ. Многіе изъ этихъ зубовъ оказались покрытыми плотнымъ слоемъ насѣвшаго на нихъ марганцоваго минерала, медленно выдѣлявшагося изъ воды и облекавшаго собою эти зубы (рис. 9). Нѣкоторые изъ этихъ зубовъ оказались принадлежащими такимъ формамъ акулъ, которыя теперь уже не встрѣчаются живыми, а принадлежатъ къ числу вымершихъ видовъ; это показываетъ, что красная океаническая глина отлагается крайне медленно, и попавшіе на дно кости и зубы долго-долго остаются лежать тамъ, прежде чѣмъ осадокъ покроетъ ихъ.

Рис. 9. Марганцовая конкреція съ зубомъ акулы внутри.

Самый осадокъ, если разсматривать его въ микроскопъ, оказывается состоящимъ изъ безформенныхъ мельчайшихъ частицъ глины, среди которыхъ встрѣчаются мельчайшіе кристаллики вулканическихъ минераловъ. Это, вѣроятно, занесенныя вѣтромъ съ вулканическихъ острововъ мельчайшія пылинки, быть можетъ, когда-то выброшенныя вулканомъ въ видѣ минеральнаго пепла, мелкія частицы котораго захватываются движеніемъ воздуха въ верхнихъ слояхъ атмосферы и могутъ быть унесены очень далеко, пока, наконецъ, не осядутъ гдѣ-нибудь на поверхность океана и не начнутъ медленно опускаться на его дно.

Еще одна примѣсь къ красной океанической глинѣ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Это микроскопически мелкіе (ок. $^1/_5$ мм. въ діаметрѣ) круглые шарики изъ желѣза и нѣкоторыхъ минераловъ (рис. 8, фиг. с) совершенно такіе, какіе нерѣдко встрѣчаются въ такъ-называемыхъ метеоритахъ, тѣхъ камняхъ, которые, носясь со страшной быстротой въ небесномъ пространствѣ, время отъ времени врѣзываются въ атмосферу нашей земли, раскаляются въ атмосферѣ вслѣдствіе быстроты своего движенія и, проносясь надъ землей, или сгораютъ и кажутся намъ падающими звѣздами и метеорами, или иногда и упадаютъ на землю и попадаютъ въ руки ученыхъ. Мелкіе желѣзные и минеральные шарики метеорическаго происхожденія, находимые въ красной океанической глинѣ, такъ же, какъ и болѣе крупные метеориты, из-

рѣдка упадающіе на землю, наглядно указываютъ намъ, что земля, совершая свой путь въ небесномъ пространствѣ, захватываетъ на пути частицы не принадлежавшаго ей вещества и дѣлаетъ ихъ своимъ достояніемъ. Падающія звѣзды, которыми мы любуемся, созерцая ясною ночью опрокинутый надъ океаномъ небесный сводъ, пріобрѣтаютъ теперь для насъ еще большій интересъ.

Отчего же, однако, эти метеорическіе шарики, эти кристаллики вулканическихъ минераловъ и другія вещества, образующія красную океаническую глину, встрѣчаются только на самыхъ большихъ глубинахъ океановъ? Развѣ всѣ эти вещества не попадаютъ въ море по всей его поверхности? Въ отвѣтъ на это, можно высказать мысль, что, вѣроятно, все это есть и въ глобигериновомъ илѣ, но только образуетъ очень ничтожную примѣсь и ускользаетъ отъ нашего вниманія среди множества глобигеринъ. Чтобы подтвердить эту догадку, пробовали брать большое количество глобигериноваго ила и растворять въ слабой кислотѣ не успѣвшія раствориться въ морской водѣ известковыя раковинки, образующія главную массу этого осадка; тогда оказывалось, что въ остаткѣ получается вещество, очень похожее на красную океаническую глину (рис. 8, фиг. b); и въ немъ есть вулканическіе кристаллики и метеорическіе шарики, но только остатка этого получается очень мало сравнительно съ количествомъ взятаго глобигериноваго ила, понятно, поэтому, что и образующаяся естественнымъ путемъ красная глина должна отлагаться крайне медленно, чѣмъ и объясняется сравнительно частое нахожденіе въ этомъ осадкѣ метеорическихъ шариковъ, а на днѣ моря, въ области этого осадка—многочисленныхъ зубовъ акулъ и т. п. Какъ тѣ, такъ и другіе накоплялись въ теченіе долгаго времени; много поколѣній акулъ успѣло смѣниться за то время, въ продолженіе котораго образовался лишь тонкій слой осадка.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ океановъ, особенно Тихаго и Индѣйскаго, лотъ Брука извлекалъ со дна, съ очень большихъ глубинъ, особенную разновидность красной глины, въ которой, какъ и въ обыкновенной красной глинѣ, попадаются изрѣдка послѣднія, уцѣлѣвшія отъ растворенія корненожки и въ значительно бо̀льшемъ количествѣ встрѣчаются кремнистые панцыри радіолярій, которыя въ этихъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ населяютъ океаническія воды. Этотъ глубоководный осадокъ названъ радіоляріевымъ иломъ (рис. 10). Тамъ, гдѣ количество радіолярій уменьшается, этотъ осадокъ переходитъ въ обыкновенную красную океаническую глину; тамъ, гдѣ море становится менѣе глубоко, глобигерины сохраняются въ бо̀льшемъ количествѣ, и радіоляріевый илъ, какъ и красная глина, смѣняется глобигериновымъ иломъ. По мѣрѣ приближенія къ полярнымъ областямъ глоберины постепенно смѣняются другими организмами, между которыми особенно многочисленны микроскопическія водоросли съ кремнистыми панцырями, называемыя діатомеями. Соотвѣтственно этому измѣненію органическаго населенія поверхностныхъ

водъ измѣняется и свойство осадка, покрывающаго дно. Вмѣсто бѣлаго глобигериноваго ила, лотъ приноситъ намъ соломенно-желтый илъ, состоящій почти исключительно изъ кремнистыхъ панцырей діатомей (рис. 11) и этотъ осадокъ покрываетъ огромныя площади дна, особенно въ моряхъ южнаго полушарія. Этотъ осадокъ называютъ діатомовымъ иломъ.

По мѣрѣ удаленія отъ полярныхъ областей, діатомовый илъ постепенно переходитъ въ глобигериновый.

Мы теперь знаемъ, что дно океановъ, за исключеніемъ самыхъ глубокихъ мѣстъ, населено разнообразными существами, живущими своею особою жизнью въ вѣчномъ мракѣ морскихъ глубинъ, мы знаемъ, что даже грязь и тина, или, какъ мы говоримъ, илы, осѣдающіе на дно, представляютъ особенности столь интересныя, что заслуживаютъ неменьшаго вниманія, чѣмъ жители этого таинственнаго царства, что эти илы, устилающіе дно вдали отъ береговъ, являются результатомъ жизни

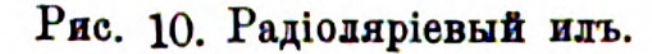

Рис. 10. Радіоляріевый илъ.

Рис. 11. Діатомовый илъ.

микроскопически мелкихъ существъ, населяющихъ океаническія воды и лишь на самыхъ огромныхъ глубинахъ, да и то не вездѣ, существуетъ илъ, бѣдный органическими остатками, но зато и образующійся такъ медленно, что въ теченіе многихъ вѣковъ успѣваетъ отложиться лишь очень тонкій его слой.

Если теперь, оставивъ свободныя океаническія пространства, мы станемъ изучать свойства морского дна вблизи небольшихъ разсѣянныхъ въ океанѣ острововъ, то замѣтимъ, что осадокъ, извлекамый со дна вблизи этихъ острововъ будетъ отличаться отъ знакомыхъ намъ иловъ. По мѣрѣ приближенія къ тѣмъ островамъ, которые представляютъ изъ себя дѣйствующіе или уже не дѣйствующіе вулканы, какъ въ глобигериновомъ, такъ и въ другихъ илахъ, извлекаемыхъ со дна, оказывается все больше и больше тѣхъ кристалликовъ вулканическихъ минераловъ, которые мы уже встрѣчали въ нѣкоторыхъ осадкахъ открытаго моря, и кристаллики эти становятся крупнѣе, а раковинокъ глоби-

геринъ и радіолярій становится все меньше, наконецъ, вблизи вулканическихъ острововъ осадокъ состоитъ почти изъ однихъ кристалликовъ и обломочковъ вулканическихъ минераловъ. Это такъ-называемый вулканическій илъ. Не трудно догадаться, что онъ образовался изъ минеральнаго пепла, выброшеннаго во время изверженій вулкановъ и распредѣлившагося по дну окружающаго моря.

Въ тропической и околотропической части океановъ, кромѣ вулканическихъ островов, существуютъ мѣстами острова совершенно другого вида, называемые коралловыми.

Если мы станемъ доставать нашимъ снарядомъ пробы морского дна вблизи этихъ островов, то окажется, что осадокъ, покрывающій здѣсь дно, очень похожъ на глобигериновый илъ и незамѣтно въ него переходитъ по мѣрѣ удаленія отъ коралловыхъ островов. Это бѣлый известковый осадокъ, въ которомъ подъ микроскопомъ мы увидимъ, кромѣ глобигеринъ, еще большое количество известковыхъ обломковъ и безформеннаго известковаго ила. Близъ самаго острова эти обломочки становятся крупнѣе и осадокъ принимаетъ видъ известковаго песка.

Рис. 12. Атолъ.

Очевидно, образованіе этого осадка тѣсно связано съ природой коралловыхъ островов, близъ которыхъ мы его встрѣчаемъ, и чтобы уяснить себѣ его происхожденіе, нужно немного познакомиться съ самыми островами.

Эти оригинальные острова или, лучше сказать, островки, такъ какъ они не бываютъ большими, очень невысоко приподнимаются надъ уровнемъ моря, обыкновенно имѣютъ удлиненную и изогнутую форму и нерѣдко группируются такъ, что нѣсколько такихъ островковъ образуютъ или круглое, или неправильной формы кольцо, разорванное въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Внутри такого кольца море очень мелко и образуетъ такъ называемую лагуну, а съ наружной стороны море близъ самыхъ островковъ тоже неглубоко, а нѣсколько поодаль часто бываетъ очень глубоко; такія группы островов съ мелководной лагуной по срединѣ называются атолами.

Бываетъ также, что атолъ состоитъ не изъ нѣсколькихъ, а только изъ одного узкаго изогнутаго островка, образующаго разорванное въ какомъ-нибудь мѣстѣ, а иногда и сплошное кольцо, (рис. 12); впрочемъ,

нѣтъ существенной разницы между сплошнымъ кольцевымъ островомъ и группою расположенныхъ кольцомъ островковъ, такъ какъ эти отдѣльные маленькіе островки соединены между собою подводнымъ, едва покрытымъ водою валомъ или рифомъ, и если бы уровень моря лишь

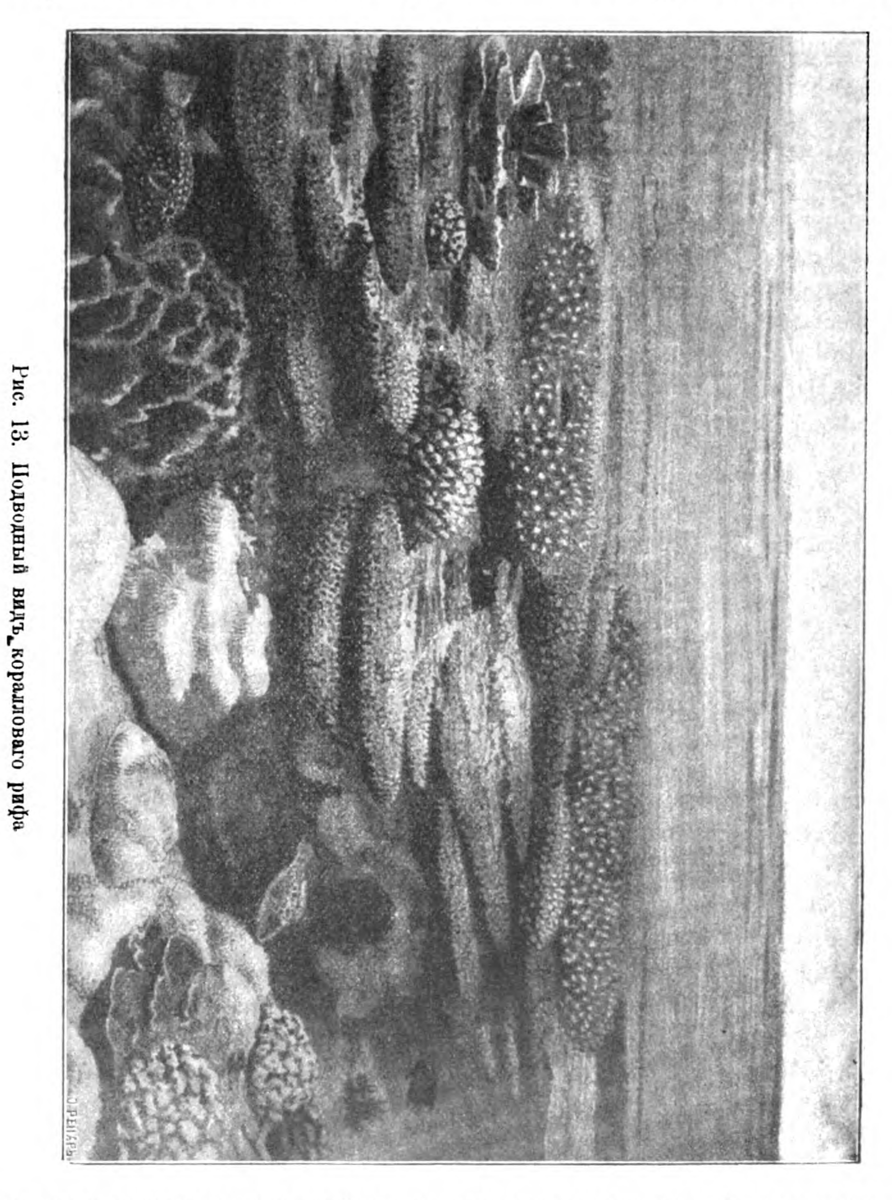

Рис. 13. Подводный видъ коралловаго рифа

немного понизился, эти отдѣльные островки соединились бы въ сплошную узкую полоску суши. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ подводнымъ коралловымъ рифомъ, отдѣльныя самыя высокія точки котораго выдаются надъ водой и образуютъ островки. Такіе кольцевые рифы и острова, при очень небольшой ширинѣ, обыкновенно имѣютъ

нѣсколько верстъ въ поперечникѣ, самые большіе достигаютъ 50-ти, даже 100 верстъ. Вокругъ островковъ и съ внѣшней стороны атола, на томъ пространствѣ, гдѣ море еще не глубоко, морское дно представляетъ чрезвычайно интересное зрѣлище. Оно покрыто цѣлыми зарослями кораллов (рис. 13), образующихъ красивыя вѣтвистыя группы

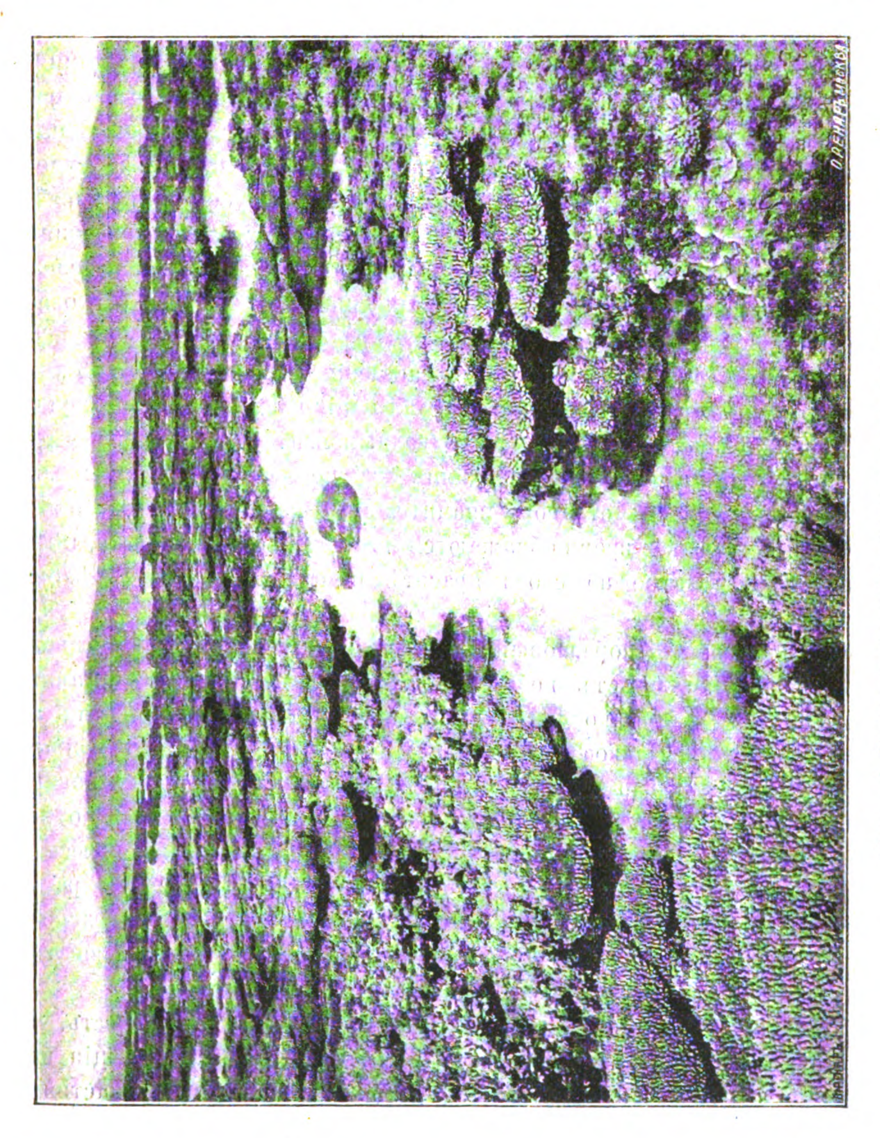

Рис. 14. Коралловый рифъ во время сильнаго отлива.

или округлыя куполообразныя поверхности, окрашенныя въ разнообразные цвѣта, между которыми преобладаютъ палевый, буровато-красный, розовый, фіолетовый. Лишь на небольшихъ прогалинахъ между этими зарослями видно ровное, покрытое бѣлымъ известковымъ пескомъ дно. Далѣе глубина моря быстро увеличивается, сплошныя заросли корал-

ловъ исчезаютъ и лотъ извлекаетъ со дна уже знакомый намъ коралловый илъ.

И на самыхъ коралловыхъ зарасляхъ, и на днѣ остающихся между ними каналовъ и прогалинъ ютятся чрезвычайно разнообразныя морскія животныя: причудливыя формы губокъ, красивыя разноцвѣтныя актиніи или морскіе анемоны, напоминающіе цвѣтки со звѣдчато-расположенными лепестками, мѣшковатыя голотуріи, пятиконечныя, разнообразно-окрашенныя морскія звѣзды, морскіе ежи съ торчащими во всѣ стороны иглами, забавно и суетливо бѣгающіе крабы, разнообразные, часто очень крупные и ярко окрашенные моллюски и между ними гигантская двустворчатая Тридакна съ раковиною въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ; а въ изумительно прозрачной зеленовато-голубой водѣ рѣзвятся красивыя, пестро окрашенныя рыбы и плавно движутся или неподвижно стоятъ почти прозрачные зонтики медузъ. Словомъ, подводное населеніе этихъ мелководныхъ платформъ, окаймляющихъ коралловые острова и атолы, блещетъ разнообразіемъ формъ, красотой и яркостью окраски.

Изъ всѣхъ представителей этого населенія безспорно самые важные и интересные кораллы. Они устилаютъ большія площади дна, образуютъ красивыя группы, иногда цѣлыя подводныя платформы съ разнообразными выступами и пещерами, дающими убѣжище другимъ животнымъ. Во время очень сильныхъ отливовъ значительныя части этихъ коралловыхъ зарослей на короткое время обнажаются изъ-подъ воды и представляютъ тогда замѣчательное по своей красотѣ и оригинальности зрѣлище, (рис. 14).

Самое животное (коралловый полипъ), образующее эти сложныя и красивыя формы, имѣетъ небольшіе размѣры и несложную организацію; оно, какъ и близко родственныя съ нимъ актиніи, имѣютъ небольшое мягкое мѣшкообразное или трубчатое тѣло, однимъ концомъ приросшее къ дну или какому-нибудь подводному предмету—раковинѣ, другому кораллу и т. п., а на другомъ концѣ имѣющее ротовое отверстіе, продолжающееся въ короткую трубу, свободно открывающуюся во внутреннюю полость тѣла, подраздѣленную на камеры лучисто расходящимися перегородками; надъ этими камерами вокругъ рта располагается вѣнецъ подвижныхъ, способныхъ сокращаться и втягиваться щупалецъ, которыми животное захватываетъ свою добычу.

Кораллы имѣютъ сравнительно съ актиніями ту особенность, что какъ самое тѣло ихъ, такъ и лучистыя перегородки, раздѣляющія внутреннюю его полость, выдѣляютъ твердыя известковыя пластинки, образующія какъ бы скелетъ животнаго, (рис. 15).

При дальнѣйшемъ своемъ ростѣ коралловые полипы могутъ давать боковыя почки, превращающіяся въ самостоятельные полипы, хотя и остающіеся въ связи съ родоначальнымъ (какъ это видно съ лѣвой стороны рис. 15 на группѣ полиповъ, приросшей къ раковинѣ), или они раздѣляются такъ, что изъ одного полипа образуется два или

нѣсколько связанныхъ вмѣстѣ основаніемъ. Эти, въ свою очередь, подраздѣляются и развиваются дальше, а нижняя первоначальная часть колоніи отмираетъ и превращается въ пористую известковую массу (полипнякъ). Такимъ образомъ можетъ развиться большая и сложная

Рис. 15. Группа коралловъ.

колонія, имѣющая разнообразную форму: кустообразную, куполообразную (рис. 16), чашеобразную и т. п. Такія колоніи поселяются обыкновенно на не глубокихъ (не глубже 18—20 саж.) мѣстахъ морского дна, по подводнымъ склонамъ береговъ какого-нибудь острова, на отмеляхъ

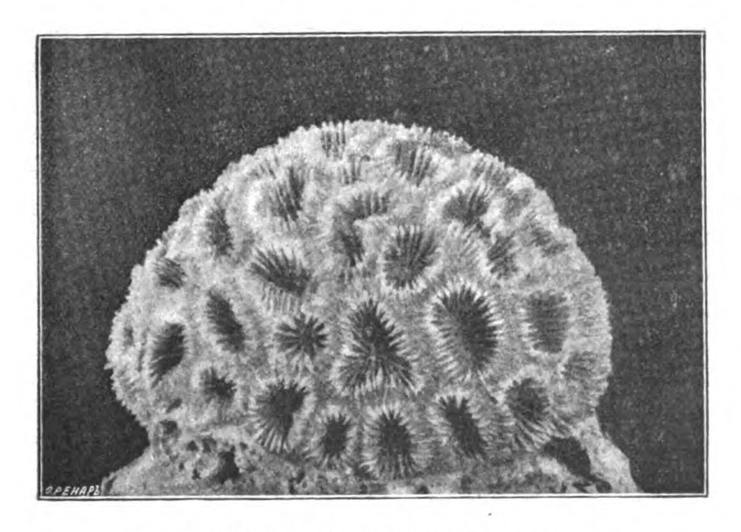

Рис. 16. Куполообразная колонія коралловъ.

на размытыхъ прибоемъ вулканическихъ островахъ и т. п. и образуютъ мѣстами большія заросли или такъ называемые коралловые рифы, вовсе не поднимающіеся надъ водой или мѣстами обнажающіеся лишь на очень короткое время при сильныхъ отливахъ.

Не одни подводные коралловые рифы, но и поднимающіеся надъ водою коралловые острова представляютъ результатъ дѣятельности коралловъ, такъ какъ вся ихъ известковая почва состоитъ изъ выброшенныхъ моремъ обломковъ коралловъ, то довольно крупныхъ, то раздробленныхъ прибоемъ волнъ и превращенныхъ въ известковый песокъ. Дождевая вода, просачиваясь черезъ эту почву, растворяетъ нѣкоторую часть известковаго вещества этихъ скопленій; этотъ известковый растворъ, проникая глубже, связываетъ всю массу обломковъ въ плотный камень, и островъ такимъ образомъ пріобрѣтаетъ прочность и устойчивость, а бури и волны, обрушивающіяся на окаймляющую его коралловую платформу, прибиваютъ къ его берегу и выбрасываютъ на него новые запасы обломковъ и кораллового песка и такимъ образомъ размѣры островка могутъ увеличиваться.

Тѣ же морскіе волны и бури приносятъ иногда на эти заброшенные среди океана островки сѣмена растеній и кокосовые орѣхи; выросшія изъ нихъ растенія, разростаясь на островкахъ, оживляютъ и придаютъ еще большую красоту этимъ оригинальнымъ и изящнымъ произведеніямъ океана.

Тотъ же прибой волнъ раздробляющій и истирающій обломки коралловъ и известковые панцыри другихъ живущихъ на рифахъ животныхъ, доставляетъ и тотъ известковый илъ, который устилаетъ дно моря вокругъ рифовъ; въ образованіи его принимаютъ участіе и раковинки корненожекъ, какъ живущихъ на днѣ, такъ и плавающихъ въ водахъ океана. Безчисленые морскіе ежи, голотуріи и другія животныя, населяющія рифъ, отыскивая свою пищу, заглатываютъ множество этихъ мелкихъ раковинокъ, дробятъ и истираютъ ихъ своими челюстями и зубами и тѣмъ увеличиваютъ въ осадкѣ примѣсь мелко истертаго известковаго вещества, вотъ почему его оказывается такъ много въ известковомъ осадкѣ близъ коралловыхъ островов.

Коралловые острова и рифы не всегда бываютъ разсѣяны въ океанѣ; иногда они окаймляютъ какой-нибудь островъ или берегъ материка, такъ что между островомъ или материкомъ и рифомъ остается мѣстами узкая и очень неглубокая полоска воды. Эти рифы называются береговыми (рис. 17).

Они обыкновенно прерываются тамъ, гдѣ въ море впадаетъ какой-нибудь ручей, что объясняется тѣмъ, что коралловые полипы любятъ чистую, совершенно прозрачную воду и не живутъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ручьи примѣшиваютъ къ морской водѣ свою прѣсную и иногда мутную воду.

Бываетъ и такъ, что коралловый рифъ или цѣпь коралловыхъ островковъ располагается на довольно значительномъ разстояніи отъ берега континента или острова, такъ что между коралловымъ валомъ и берегомъ остается довольно глубокая (до 20 — 30 саж. глубиною) полоса моря въ нѣсколько верстъ шириною. Такая коралловая постройка назы-

вается барьернымъ рифомъ. Рисунокъ 12-й представляетъ на переднемъ планѣ часть такого барьернаго рифа, далѣе видна полоса моря, отдѣляющая рифъ отъ берега и вдали высокій гористый берегъ. Такой рифъ тянется, напримѣръ, вдоль сѣверо-восточнаго берега Австраліи на протяженіи болѣе 1.500 верстъ. Если бы его можно было перенести и расположить на пространствѣ Россіи, то онъ протянулся бы отъ С.-Петербурга

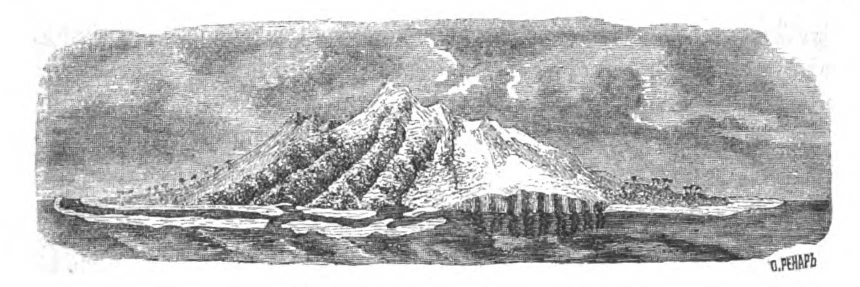

Рис. 17. Береговой рифъ.

черезъ Москву до Азовскаго моря. Это самое колоссальное въ мірѣ коралловое сооруженіе, наглядно показывающее, какіе большіе результаты можетъ дать совмѣстная дѣятельность очень маленькихъ существъ.

Нѣкоторые барьерные рифы представляютъ собою, подобно атоламъ, цѣпь островковъ или небольшой кольцевой островъ, отличающійся отъ атола только тѣмъ, что внутри его надъ уровнемъ его лагуны возвышается небольшой скалистый островокъ не кораллового происхожденія; рисунокъ 18-й изображаетъ такой островокъ и часть расположеннаго вокругъ него коралловаго кольца.

Рис. 18. Барьерный рифъ.

Изслѣдованія морского дна вблизи коралловыхъ острововъ показали, что эти острова и особенно атолы и барьерные рифы съ внѣшней своей стороны имѣютъ очень крутые подводные склоны и море, со дна котораго поднимается коралловое сооруженіе, очень глубоко. Этотъ фактъ не могъ не казаться страннымъ при сопоставленіи его съ тѣмъ обстоятельствомъ, что полипы, строющіе рифъ, живутъ только на мелкихъ мѣстахъ морского дна не глубже 20 саж.

Ч. Дарвинъ, изучавшій рифы во время своего кругосвѣтнаго путешествія, высказалъ по этому поводу мнѣніе, что глубина моря близъ нѣкоторыхъ атоловъ не всегда была столь значительна, и было время, когда на мѣстѣ атола возвышался скалистый островъ. Коралловые полипы поселились на подводномъ склонѣ этого острова, на удобной для нихъ глубинѣ, возвели свою постройку до поверхности моря и опоясали островъ береговымъ рифомъ. Но, по мѣрѣ возростанія рифа, морское дно вмѣстѣ съ островомъ медленно понижалось, глубина моря, тамъ, гдѣ кораллы начали свою постройку увеличивалась, полипы нижней части рифа, попадая такимъ образомъ на несвойственную имъ глубину, погибали, между тѣмъ какъ верхняя часть рифа продолжала возростать; притомъ, конечно, и островъ, опоясанный рифомъ, постепенно умень-

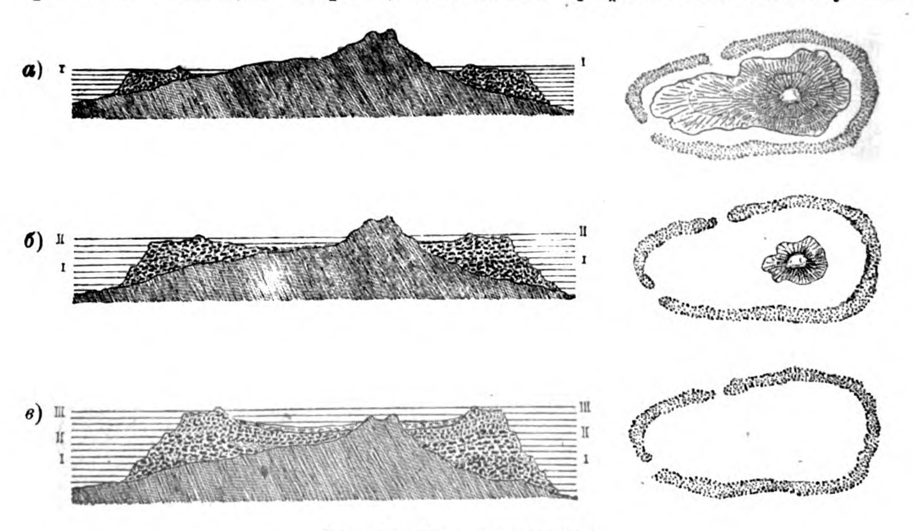

Рис. 19. Коралловые рифы.

а) Береговой рифъ.
б) Барьерный рифъ.
в) Атолъ.

шался въ своихъ размѣрахъ и, наконецъ, превратился въ маленькій скалистый островокъ, окруженный барьернымъ рифомъ. Съ дальнѣйшимъ пониженіемъ морского дна и углубленіемъ моря исчезъ и этотъ маленькій островокъ и барьерный рифъ превратился въ атолъ съ мелководной лагуной въ серединѣ. Три фигуры рис. 19-го изображаютъ эти послѣдовательныя перемѣны. Лѣвая половина рисунка изображаетъ мысленные разрѣзы острова и рифа, а правая—планы того же острова съ окружающимъ его рифомъ.

Такъ какъ такое объясненіе есть только предположеніе или догадка, а не фактъ, непосредственно наблюдавшійся, то, конечно, съ нимъ можно было и не соглашаться и естественно, что были дѣлаемы и другія попытки для объясненія того, какъ образовались атолы и барьерные рифы. Меррей, руководитель большой англійской экспедиціи, изучавшей море и

морское дно, полагаетъ, что атолы могли возникнуть вслѣдствіе того, что кораллы, поселившіеся на поверхности какой нибудь подводной возвышенности, разростались особенно роскошно и быстро по краю этой возвышенности, такъ какъ краевые полипы получали болѣе обильную пищу, приносимую теченіемъ и волнами; такимъ способомъ и образовалось краевое коралловое кольцо съ мелководнымъ бассейномъ по серединѣ, т. е. атолъ. При этомъ нѣтъ надобности предполагать, чтобы поверхность такой подводной платформы находилась непремѣнно на глубинѣ 20 саж.; дно моря могло быть здѣсь и нѣсколько глубже, но роскошно и быстро развивающіеся въ сравнительно не глубокихъ частяхъ тропическаго моря моллюски, морскіе ежи, морскія лиліи, корненожки и другія животныя съ известковыми покровами, все больше и больше накопляли здѣсь известковый осадокъ, глубина все уменьшалась и могла, наконецъ, сдѣлаться какъ разъ такою, какая нужна строющимъ рифы coралламъ. Подобная подводная платформа, еще не застланная рифовыми кораллами, существуетъ, напр., въ Атлантическомъ океанѣ близъ береговъ Флориды. Могло случиться и такъ, что на мѣстѣ атола былъ прежде островъ вулканическаго происхожденія, построенный изъ слоевъ вулканическаго пепла и лавы, этотъ островъ былъ разрушенъ и размытъ прибоемъ волнъ и превращенъ въ подводную платформу; кораллы опоясали известковымъ кольцомъ эту платформу, ихъ раздробленные прибоемъ обломки одѣли склоны прежняго вулкана и сдѣлали его похожимъ на поднимающуюся съ большой глубины коралловую постройку.

Барьерный рифъ со скалистымъ островкомъ по серединѣ могъ также произойти вслѣдствіе разростанія коралловъ на краяхъ размытаго вулканическаго острова, отъ котораго однако уцѣлѣла при размываніи центральная, болѣе прочная часть, состоявшая изъ той лавы, которая поднялась когда-то по жерлу вулкана и застыла въ немъ въ видѣ каменнаго столба. Этотъ-то каменный столбъ и могъ уцѣлѣть отъ разрушенія, въ то время, какъ краевыя, менѣе прочныя части вулкана, состоявшія изъ пепла и шлаковъ, выброшенныхъ вулканомъ, не устояли противъ прибоя волнъ и разрушились, оставивъ на своемъ мѣстѣ подводный уступъ или платформу вокругъ скалистаго островка; этою платформою и воспользовались кораллы; они разрослись всего роскошнѣе у края платформы и, доведя свое сооруженіе до поверхности воды, образовали барьерный рифъ.

Чтобы рѣшить вопросъ о томъ, какое изъ этихъ двухъ объясненій вѣрнѣе, было рѣшено пробурить глубокую скважину на одномъ изъ атоловъ и посмотрѣть, встрѣтится ли уже на небольшой глубинѣ тотъ вулканическій фундаментъ, на которомъ кораллы возвели свою постройку, или окажется, что плотный коралловый известнякъ идетъ на очень большую глубину и что нынѣшній атолъ надстроенъ на краяхъ постепенно погружавшагося въ глубину береговаго рифа. Для опыта былъ

избранъ островъ Фунафути въ группѣ Эллисъ въ Тихомъ океанѣ. Долго предпріятіе не удавалось и, наконецъ, въ октябрѣ 1897 г. была получена телеграмма, что скважина доведена до глубины 92 саж. и все время шла по плотному известняку. Такимъ образомъ результаты этого опыта говорятъ въ пользу возможности образованія атола на мѣстѣ погрузившагося въ глубину береговаго и барьернаго рифа но, онъ, конечно, не доказываетъ невозможности образованія атола инымъ способомъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что въ природѣ одинаковые результаты могутъ быть достигнуты различными способами. Въ данномъ случаѣ такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что при изслѣдованіи нѣкоторыхъ коралловыхъ острововъ обнаружилось, что они представляютъ собою рифы, приподнявшіеся надъ уровнемъ моря выше той высоты, на которую волны могутъ выбрасывать обломки коралловъ. Мы имѣемъ такимъ образомъ нѣкоторыя указанія на то, что твердое дно морское не остается совершенно неподвижнымъ, но въ однихъ мѣстахъ можетъ медленно понижаться, въ другихъ медленно подниматься.

Оставимъ теперь область открытаго моря и океаническихъ острововъ и поинтересуемся тѣмъ, что находится на днѣ океана не въ дальнемъ разстояніи отъ материковъ и изъ чего здѣсь состоитъ морское дно.

Приближаясь изъ области открытаго моря къ берегамъ материковъ, мы замѣчаемъ почти всюду, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ берега опоясаны коралловыми рифами, что въ осадкахъ, покрывающихъ дно, каковы бы ни были эти осадки (глобигериновый илъ, діатомовый илъ и др.), все въ большемъ и въ большемъ количествѣ встрѣчаются минеральныя частицы и, наконецъ, эти минеральныя частицы начинаютъ преобладать надъ раковинами и панцырями морскихъ организмовъ, осадокъ пріобрѣтаетъ болѣе темный цвѣтъ и становится похожимъ на тотъ темный или буроватый илъ, который осаждается во внутреннихъ моряхъ и заливахъ и даже на обыкновенный озерный илъ, хотя морской прибрежный илъ представляетъ и многія особенности.

Есть, впрочемъ, мѣста, хотя и немногія, гдѣ, вблизи береговъ дно моря покрыто совершенно особыми оригинальными осадками, съ которыми мы ознакомимся прежде, чѣмъ остановить наше вниманіе на всюду распространенномъ прибрежномъ илѣ и пескѣ.

Одинъ изъ такихъ осадковъ встрѣчается вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ на далекое разстояніе тянутся крутые и скалистые берега моря и гдѣ нѣтъ устьевъ большихъ рѣкъ съ сопровождающими ихъ низменными дельтами. Въ такихъ мѣстахъ самое море даже вблизи материка обыкновенно бываетъ довольно глубоко и осадки открытаго моря, напр., глобигериновый илъ или діатомовый встрѣчаются уже не въ очень далекомъ разстояніи отъ берега, а еще ближе къ берегу эти осадки постепенно смѣняются красивымъ зеленымъ иломъ или зеленымъ пескомъ, который называется глауконитовымъ, потому что въ немъ встрѣчается очень много зеленыхъ зеренъ, состоящихъ изъ минерала глауконита,

представляющаго довольно сложное по своему составу вещество *). Разсматривая эти зерна подъ микроскопомъ (рис. 8, фиг. *e* и *f*), не трудно убѣдиться, что почти всѣ они имѣютъ правильную форму и очень похожи по виду и величинѣ на раковинки корненожекъ; встрѣчаются даже такія зерна, которыя отчасти покрыты известковой скорлупкой, представляющей уцѣлѣвшій обломокъ раковины корненожки, можно даже найти почти цѣльныя раковинки, наполненныя внутри зеленоватымъ глауконитомъ. Все это показываетъ, что глауконитъ образуется внутри раковинокъ корненожекъ, повидимому, при участіи разрушающагося органическаго вещества корненожки изъ проникающихъ въ раковину частицъ ила и солей морской воды, претерпѣвающихъ медленное химическое преобразованіе, результатомъ котораго и является глауконитъ.

Такой оригинальный осадокъ встрѣчается, напр., у береговъ Испаніи, у береговъ Южной Африки, у береговъ Сѣверной Америки, сѣверной Флориды на глубинѣ отъ 80 до 850 саж. Тамъ, гдѣ распространенъ этотъ осадокъ, а также и въ области распространенія другихъ осадковъ, изслѣдователямъ морского дна случалось доставать со дна моря округлые или неправильные комочки и сростки, состоящіе изъ фосфорита (минерала, въ составъ котораго входитъ фосфорная кислота и известь); нерѣдко внутри такихъ комочковъ оказываются остатки какого-нибудь морского животнаго, а иногда самое вещество фосфорита заключаетъ въ себѣ много зеренъ глауконита, какъ бы склеенныхъ фосфоритомъ въ твердый комокъ. Изученіе свойствъ и условій нахожденія фосфорита привело изслѣдователей къ нѣкоторымъ небезъинтереснымъ соображеніямъ объ условіяхъ его образованія. Извѣстно, что фосфорная кислота встрѣчается въ морской водѣ лишь въ крайне ничтожномъ количествѣ и постоянно извлекается живущими въ морѣ животными и растеніями и концентрируется ими, какъ одна изъ необходимыхъ составныхъ частей ихъ тѣла. Послѣ смерти животнаго происходитъ распаденіе веществъ, входившихъ въ составъ его тѣла, разнообразныя вещества, при этомъ образующіяся, химически дѣйствуютъ на вещества, растворенныя въ морской водѣ, а также и на окружающія частицы осаждающагося на дно ила, обломочки раковинъ и т. п. Результатомъ этого взаимодѣйствія являются разнообразныя вещества, частью жидкія и газообразныя и, слѣдовательно, не остающіяся на мѣстѣ своего образованія, частью твердыя и, между прочимъ, соединеніе фосфорной кислоты и извести—фосфоритъ. Интересно, что чаще всего извлекали фосфоритъ со дна моря въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходитъ встрѣча холоднаго и теплаго морского теченія и гдѣ, поэтому, много животныхъ гибнетъ, попадая внезапно въ воду непривычной для нихъ температуры.

---

*) Минералъ этотъ содержитъ въ своемъ составѣ кремнеземъ, глиноземъ, желѣзо, кали, известь и воду.

Съ морскими теченіями связано образованіе и другого оригинальнаго осадка, покрывающаго океаническое дно въ сравнительно неглубокихъ мѣстахъ и не очень далеко отъ континентовъ. Это известковый осадокъ, похожій на глобигериновый илъ, но отличающійся тѣмъ, что въ немъ глобигерины и другія живущія въ поверхностныхъ водахъ корненожки не играютъ такой преобладающей роли; въ немъ преобладаютъ раковины корненожекъ, живущихъ на днѣ раковины моллюскъ, известковые панцыри, иглы морскихъ ежей, стебли и чашечки морскихъ лилій, полипняки нестроющихъ рифы коралловъ, живущихъ одиночно или небольшими колоніями, неправильно спутанныя известковыя трубочки, служившія жилищемъ червей и т. п. Все это разнообразное населеніе, принимающее участіе въ образованіи такого осадка, быстро и роскошно разростается въ неглубокихъ мѣстахъ моря тамъ, куда не доходятъ мутныя и прѣсныя воды рѣкъ и куда теплыя океаническія теченія постоянно приносятъ чистую теплую воду и пищу. Говоря о коралловыхъ рифахъ, мы уже упоминали объ одномъ такомъ мѣстѣ въ Атлантическомъ океанѣ; оно лежитъ недалеко отъ береговъ Флориды и называется Пурталесово плато.

За исключеніемъ сейчасъ упомянутыхъ случаевъ, почти всюду въ предѣлахъ береговой области моря шириною верстъ въ 200—300 лотъ обыкновенно извлекаетъ намъ со дна мягкую илистую муть синевато-сѣраго цвѣта; при помощи микроскопа можно разсмотрѣть въ ней много обломочковъ разныхъ минеральныхъ веществъ (рис. 8, фиг. *d*), изъ которыхъ состоятъ горы и почва сосѣдняго континента, только эти обломочки, въ отличіе отъ тѣхъ, которые мы встрѣчаемъ въ осадкахъ открытаго моря, имѣютъ болѣе округленную форму, они какъ будто обточены по угламъ; кромѣ этихъ минеральныхъ обломочковъ мы встрѣчаемъ въ осадкѣ раковины корненожекъ, кремнистыя звѣздочки радіолярій и безформенное глинистое вещество. Если взять пробу подальше по направленію къ открытому морю, количество раковинокъ и панцырей микроскопическихъ организмовъ увеличивается и минеральная муть постепенно смѣняется осадкомъ открытаго моря.

Въ полосѣ океана, непосредственно примыкающей къ континенту, глинистая муть по большей части смѣняется обыкновеннымъ пескомъ съ примѣсью раковинъ и остатковъ другихъ морскихъ организмовъ. Мѣстами количество раковинъ и обломковъ раковинъ настолько увеличивается въ этихъ осадкахъ, что они переходятъ въ известковый раковинный песокъ. Есть и такія мѣста, гдѣ устрицы размножаются въ такомъ количествѣ, что изъ скопленія ихъ раковинъ образуется цѣлый слой, занимающій иногда большое пространство и обнажающійся изъ-подъ воды при самыхъ большихъ отливахъ; такія скопленія называютъ устричными банками (рис. 20).

Въ сравнительно неглубокихъ водахъ этой области моря, приводимыхъ въ движеніе теченіями, приливами, бурями, освѣщаемыхъ и со-

грѣваемыхъ солнечными лучами, ютится разнообразное населеніе растительное и животное; мѣстами илистое или песчаное дно покрыто густыми красивыми зарослями водорослей разнообразной формы: кустообразныхъ, лентообразныхъ, вѣерообразныхъ, то ярко-зеленыхъ, то бурыхъ или желтовато-зеленыхъ, то ярко-красныхъ; многочисленныя и обыкновенно пестро окрашенныя раковины моллюсокъ, рыбы, ракообразныя и т. п. оживляютъ эти заросли. Сепіи и другіе хищные и быстро плавающіе головоногіе моллюски добываютъ здѣсь свою добычу или сами спасаются отъ преслѣдованія, замутивъ воду выпущенной изъ ихъ чернильнаго мѣшка струею краски.

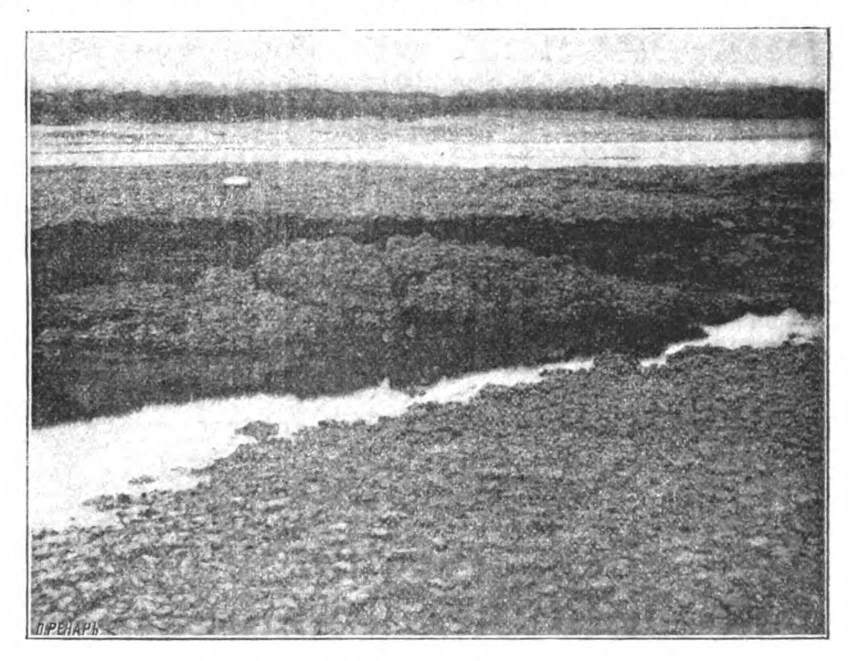

Рис. 20. Устричный банкъ.

Не менѣе разнообразную жизнь можно наблюдать и на той береговой полосѣ морского дна, которая бываетъ попеременно то дномъ моря, то сушей, обнажаясь во время отлива и затопляясь во время прилива. Чаще всего полоса эта покрыта пескомъ. Многочисленные моллюски, черви, крабы и другіе морскіе организмы живутъ на этомъ пескѣ, зарываясь въ него во время отлива; въ многочисленныхъ углубленіяхъ этого песчанаго побережья, въ которыхъ задерживается вода во время отлива, ютится цѣлый своеобразный живой міръ: мелкія, тонко разсѣченныя и разнообразно окрашенныя водоросли, рыбы, крабы, морскіе ежи, морскія звѣзды, моллюски и проч., и проч.

Особенно широкія песчаныя, а мѣстами и илистыя полосы обнажаются во время отлива близъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ море впадаетъ какая-нибудь рѣка или даже ручей; рисунокъ 21-й изображаетъ одну такую

мѣстность у г. Трувиля, на берегу Ламанша. На томъ же берегу Ламанша недалеко отъ устья Сены при каждомъ отливѣ мѣстами обнажаются широкія низменныя полосы песка и ила, или уже существующая низменная береговая полоса значительно расширяется. Многочисленныя струйки и потоки воды прорѣзываютъ эти песчаныя низины и сама рѣка прокладываетъ черезъ нихъ себѣ путь къ открытому морю, иногда раздѣляясь на нѣсколько протоковъ. Эта низменная полоса суши, періодически затопляемая моремъ, зыбка и неустойчива, какъ будто она только что образовалась и еще не окрѣпла. Она образовалась изъ песка и ила, приносимаго рѣкою и отдаваемаго въ распоряженіе моря. Если бы здѣсь не было приливовъ и отливовъ, вызывающихъ постоянное движеніе воды и перемѣщеніе илистыхъ и песчаныхъ частицъ, то изъ нихъ образовалась бы постоянная устойчивая полоса суши и получилась бы такъ на-

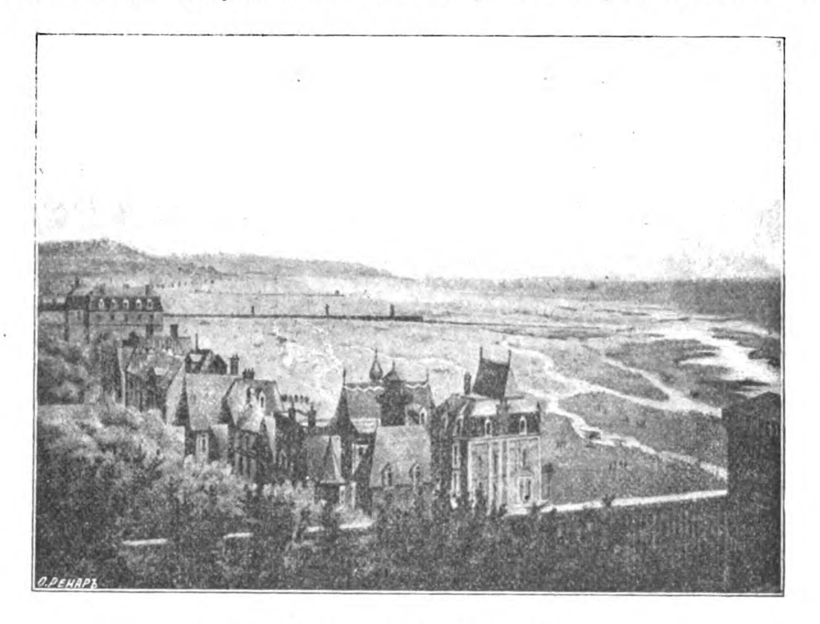

Рис. 21. Песчаное побережье у Трувиля.

зываемая дельта, подобная, напр., той, какая существуетъ у устья другой французской рѣки Роны, впадающей не въ открытый океанъ, а въ Средиземное море, гдѣ нѣтъ приливовъ. У Сены нѣтъ дельты; смѣняющіеся приливы постоянно размываютъ ея наносы и уносятъ илистыя частицы дальше въ море.

Кому случалось видѣть рѣку во время разлива или послѣ сильныхъ дождей, когда воды ея стали мутны отъ множества минеральныхъ частицъ, принесенныхъ въ нее притоками или дождевыми струями, или отмытыхъ самою рѣкой отъ ея береговъ, тотъ легко пойметъ, откуда берутся эти запасы ила, который покрываетъ дно моря близъ береговъ и разносится движеніемъ морской воды иногда на многіе десятки верстъ

отъ берега, пока не осядетъ на дно и не образуетъ тотъ синеватый илистый осадокъ, съ которымъ мы уже познакомились.

Кромѣ этихъ видимыхъ глазу веществъ каждая рѣка приноситъ морю огромное количество минеральныхъ веществъ, растворенныхъ въ ея водѣ и невидимыхъ; одними изъ этихъ веществъ пользуются живыя существа, населяющія море, и превращаютъ ихъ въ известковыя и кремнистыя образованія, поддерживающія или защищающія ихъ тѣло; другія, оставаясь въ морской водѣ, сообщаютъ ей ея горько-соленый вкусъ.

Много такихъ рѣкъ и потоковъ вливается въ море и каждый несетъ морю результаты своей работы на сушѣ, свою добычу и какъ будто говоритъ, подобно одному русскому потоку, подслушанному поэтомъ:

Разступись, о старецъ Море,
Дай пріютъ моей волнѣ,
Погулялъ я на просторѣ
Отдохнуть пора бы мнѣ.

И отдыхаютъ воды потока, слившись съ водами моря, пока частицы ихъ не будутъ вновь увлечены въ атмосферу, не соберутся въ тучи и не прольются вновь на землю, гдѣ имъ придется начать новое странствованіе и новую работу.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НОЧНАЯ ВЬЮГА.

Когда на темный городъ сходитъ
Въ глухую ночь глубокій сонъ,
Когда мятель, кружась, заводитъ
На колокольняхъ перезвонъ,—

Какъ жутко сердце замираетъ!
Какъ заунывно въ этотъ часъ
Сквозь стоны бури долетаетъ
Колоколовъ невнятный гласъ!

Звучитъ онъ скорбью погребальной
И снится мнѣ: ужъ не взойдетъ
Изъ тьмы холодной и печальной
Ни новый день, ни новый годъ...

Міръ опустѣлъ... Земля остыла...
А вьюга трупы замела
И вѣтромъ звѣзды загасила,
И бьетъ во тьмѣ въ колокола.

И на пустынномъ, на великомъ
Погостѣ жизни міровой
Кружится смерть въ весельи дикомъ
И развѣваетъ саванъ свой!..

Ив. Бунинъ.

КАЛИГУЛА.

Очеркъ.

Сѣренькій февральскій день съ низко нависшимъ надъ землею облачнымъ небомъ, съ вѣтромъ и пронизывающимъ туманомъ, съ холодными каплями прыгающей съ крышъ и карнизовъ воды, тускнѣлъ и кое-гдѣ по окнамъ магазиновъ уже засвѣтились желтоватые огни керосиновыхъ лампъ.

Невзрачные дома, мокрые заборы, грязныя извозчичьи санки, поджарыя лошади, хмурыя лица встрѣчныхъ прохожихъ, слякоть на панеляхъ,—вся эта мозглая, пропитанная сыростью, слезящаяся мокрыми окнами домовъ улица, съ печальнымъ освѣщеніемъ надвигающихся сумеркъ, дѣйствовала на душу Якова Ивановича самымъ удручающимъ образомъ. Въ сознаніи Якова Ивановича вставало смутное воспоминаніе о томъ, что когда-то уже было именно такъ, какъ теперь: онъ бѣгалъ по городу и искалъ мѣста, а на душѣ его было такъ пасмурно и скверно, что на единственный имѣвшійся у него въ карманѣ четвертакъ Яковъ Ивановичъ рѣшилъ не покупать чаю и хлѣба, а лучше выпить водки и погрѣться въ пропитанномъ табачнымъ дымомъ и алкоголемъ, трактирчикѣ, въ обществѣ плохо одѣтыхъ и недовольныхъ лицъ, обойденныхъ, какъ и онъ, несправедливой фортуною...

Теперь такъ же, какъ тогда, промокли ноги, также хлюпаютъ худыя резиновыя галоши, и также въ сердцѣ вспыхиваетъ искорка молчаливаго протеста, и также тухнетъ въ безсильной злобѣ маленькаго безсильнаго человѣка...

Старенькая выцвѣтшая фуражка съ кокардою какъ-то грустно и безсильно нависла своимъ блиномъ надъ глазами Якова Ивановича и прятала отъ постороннихъ взоръ его, въ которомъ попеременно отражались злоба, отчаяніе, жалобная мольба, упрекъ и угроза. Одинъ носъ, широкій и мясистый, предательски краснѣлъ изъ-подъ козырька фуражки Якова Ивановича и многихъ встрѣчныхъ дамъ въ бѣдныхъ салопахъ и старомодныхъ шляпкахъ наводилъ на грустныя размышленія о пагубномъ пристрастіи

мужей къ спиртнымъ напиткамъ и о томъ, что̀ отъ такого пристрастія случается...

— Эй, носъ! берегись!..—весело крикнулъ по адресу переходившаго черезъ дорогу Якова Ивановича извозчикъ и, подхлестнувъ свою лошадку, добавилъ:

— Ну, братъ и носъ же у тебя!..

Это замѣчаніе обезкуражило Якова Ивановича, обидѣло его до глубины души. Поднявъ кверху голову и сдѣлавъ строгую мину на физіономіи, Яковъ Ивановичъ намѣревался обругать извозчика мерзавцемъ и другими, еще болѣе обидными словами, но не сдѣлалъ этого: въ санкахъ сидѣла миловидная, хорошо одѣтая дама. Онъ только показалъ извозчику указательнымъ пальцемъ правой руки на свою кокарду и затѣмъ угрожающе погрозилъ этимъ же пальцемъ нахалу... Но нахалъ ухмыльнулся, презрительно бросилъ „Эхъ, горе—чиновникъ!“ и скрылся за угломъ...

Яковъ Ивановичъ поправилъ фуражку, нѣсколько пріободрился и тоже скрылся за стеклянной съ рѣшеткою дверью трактира „Плевна“. Здѣсь, потребовавъ себѣ полбутылки водки, Яковъ Ивановичъ усѣлся въ дальнемъ углу за столикомъ, накрытымъ грязною пятнистою скатертью, растегнулъ свое пальто на ватѣ, и, похлопавъ фуражкой по колѣнкѣ, чтобы стряхнуть воду, бросилъ фуражку на подоконникъ и сталъ дожидаться... Изрѣдка Яковъ Ивановичъ бралъ двумя пальцами свой носъ, словно безпокоился, не правъ ли былъ извозчикъ, высказавшій свое удивленіе по поводу носа Якова Ивановича, и думалъ: „да, онъ пьетъ, пилъ и будетъ пить, какъ пьютъ всѣ такіе чиновники; однако, кому какое дѣло, что онъ пьетъ? По службѣ ущерба отъ этого не бываетъ: раза два Яковъ Ивановичъ умиралъ и все-таки ходилъ на занятія и работалъ наравнѣ со здоровыми, очень часто Яковъ Ивановичъ работаетъ по праздникамъ, отказывая себѣ въ удовольствіи сходить въ храмъ и помолиться Господу, нерѣдко сидитъ въ неурочное время въ палатѣ... Какое же дѣло до того, что онъ пьетъ?..“

— Да-съ!—произнесъ вслухъ Яковъ Ивановичъ, приготовляясь выпить первую рюмку водки,—если бы у Якова Ивановича былъ носъ не сизый, даже зеленый,—то и тогда это никого не касается.

Выпивъ водки, Яковъ Ивано̀вичъ началъ размышлять надъ людской несправедливостью и резюмировалъ ее такими словами:

— Если бы Яковъ Ивановичъ умеръ надъ бумагами, его не пожалѣли бы... Право! Его стали бы ругать, почему умеръ не дома, потому—хлопоты...

Сегодня Яковъ Ивановичъ потерпѣлъ полное пораженіе въ генеральной битвѣ, которую онъ далъ обществу въ борьбѣ за свое чиновничье существованіе: Яковъ Ивановичъ держалъ при мѣстной

классической гимназіи экзаменъ на право получить первый чинъ и... не выдержалъ...

Если бы кто-нибудь зналъ, что значило въ жизни Якова Ивановича это пораженіе!..

О, это было для него своего рода Ватерлоо...

Будь Яковъ Ивановичъ помоложе, онъ, конечно, попытался бы еще разъ пойти на приступъ и въ штыки взять такъ необходимый ему чинъ коллежскаго регистратора. Но теперь это было невозможно. Сразу погибло все: многолѣтнее корпѣніе по ночамъ и по праздникамъ надъ всѣми этими Иловайскими, Малинииными, „Европами, Азіями, Африками и Америками", погибли вырываемые чуть не изо-рта кровные гроши, которые пошли на наемъ подготовлявшаго Якова Ивановича къ экзаменамъ семинариста, а главное, однимъ взмахомъ и окончательно разбита уже и безъ того тухнущая энергія сорокалѣтняго вѣчно сражавшагося съ нуждой человѣка и поставленъ крестъ надъ послѣдними надеждами и планами выбиться...

Безъ чина нельзя выйти изъ рядовъ канцелярскихъ служителей и попасть въ настоящіе штатные чиновники съ опредѣленнымъ окладомъ и съ нѣкоторыми перспективами въ будущемъ... Теперь—мертвая точка, выше которой никогда не подняться Якову Ивановичу, теперь постоянная оцѣнка работы „по трудамъ и заслугамъ", какъ это полагается по отношенію канцелярскихъ служителей.

По трудамъ и заслугамъ... Казалось бы, что такая оцѣнка труда—наисправедливѣйшая, не оставляющая желать ничего лучшаго... Къ сожалѣнію, это не такъ... Спросите Якова Ивановича, онъ вамъ разскажетъ, сколько обиды и безвыходности скрывается въ этомъ „по трудамъ и заслугамъ"...

— Это означаетъ, что больше 30 рублей не получишь, хоть всѣ жилы свои вытяни, хоть просиди весь мѣсяцъ, не вставая со стула, а меньше получить всегда можешь, потому что все зависитъ отъ секретаря: скажетъ, что никакихъ трудовъ и заслугъ въ этомъ мѣсяцѣ не было—и баста!

Яковъ Ивановичъ мечталъ выбиться. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, просидѣвъ всю ночь напролетъ, онъ являлся утромъ въ палату, блѣдный, испитой, съ опухшими красными глазами, и подавалъ четко и красиво переписанное представленіе въ Петербургъ на двѣнадцати листахъ,—секретарь говорилъ ему, возвращаясь изъ кабинета начальника, что тотъ очень доволенъ и что если бы Яковъ Ивановичъ имѣлъ чинъ, то его можно было бы „двинуть"...

— Я предался наукамъ уже третій годъ... Буду стараться выдержать экзаменъ на чинъ,—смущенно произносилъ умиленный Яковъ Ивановичъ и, поощренный туманнымъ обѣщаніемъ двинуть,

старался еще болѣе зарекомендовать себя со стороны безпримѣрной усидчивости, терпѣнія и выносливости. На лицѣ Якова Ивановича застывало выраженіе готовности и исполнительности, вся фигура его свидѣтельствовала о безропотной покорности судьбѣ и всякому выше его поставленному человѣку. Тогда казалось, что этотъ человѣкъ, съ сизымъ носомъ и съ испитымъ лицомъ, созданъ исключительно для исполненія однихъ только приказаній и живетъ на свѣтѣ какъ-то механически, безъ участія какихъ-либо духовныхъ силъ. Яковъ Ивановичъ сидѣлъ и писалъ, писалъ какъ чернильный perpetuum mobile... Секретарь распекалъ его за неграмотность,—Яковъ Ивановичъ молчалъ и не позволялъ себѣ возражать даже въ тѣхъ случаяхъ, когда секретарь былъ не правъ: изучая къ экзамену грамматику, Яковъ Ивановичъ иногда могъ поспорить въ этомъ дѣлѣ съ секретаремъ, но зачѣмъ? Богъ съ ними! если начальство хочетъ писать слово „вышеуказанное" отдѣльно, вотъ такъ: „выше—указанное",—надо исполнять; „у всякаго начальника своя грамматика; когда секретаремъ былъ Ефимъ Николаевичъ, они приказывали писать указанное выше"—думалъ Яковъ Ивановичъ и переписывалъ помаранную бумагу съизнова. Яковъ Ивановичъ былъ воплощенная покорность и смиреніе.

Только по двадцатымъ числамъ мѣсяцевъ, выпивши по случаю получки жалованья водки больше обыкновеннаго, Яковъ Ивановичъ позволялъ себѣ ворчать и браниться, и то лишь дома, въ своей семьѣ, у самовара... Со дна души Якова Ивановича поднималась тогда досада на весь міръ и онъ начиналъ жаловаться и ругать каторгой жизнь и критиковать свое начальство:

— Яковъ Ивановичъ,—ворчалъ онъ,—все стерпитъ. Нечего его жалѣть. Гни его въ дугу, плюй ему въ морду! Развѣ Яковъ Ивановичъ человѣкъ? Скотина! пишущая скотина... Ей-Богу! И всѣ вы,—говорилъ онъ членамъ семьи,—скоты: жрать ваше дѣло и больше ничего... Мое дѣло—писать, ваше дѣло—жрать... да!

Но на другой день утромъ Яковъ Ивановичъ уже былъ тише воды, ниже травы. Выпивъ живой воды—такъ называлъ Яковъ Ивановичъ воду съ примѣсью нашатырнаго спирта—онъ шелъ, какъ ни въ чемъ не бывало, на службу и никто бы не сказалъ, что вчера только этотъ человѣкъ позволялъ критиковать дѣйствія начальства.

— Надо быть болваномъ, чтобы не понять такой простой вещи,—резонерствовалъ секретарь по поводу какого-нибудь промаха со стороны Якова Ивановича.

Яковъ Ивановичъ слышалъ, но молчалъ. Онъ только ниже нагибался къ столу, почти ложился на бумагу, и еще усерднѣе скрипѣлъ перомъ.

— Подай-ка еще огурчикъ!

— Слушаю, Яковъ Ивановичъ!..

Яковъ Ивановичъ уже кончалъ полбутылку. Склонившись надъ рюмкой водки, онъ въ сотый разъ переживалъ ужасъ своего пораженія, припоминалъ мельчайшія подробности этого несчастія и терзалъ себя упреками...

Извѣстно, что странъ свѣта — четыре, а онъ, дуракъ, сказалъ, — пять...

— А сколько частей свѣта?—спрашиваютъ.

Извѣстно, что частей свѣта пять, а онъ, дуракъ, сказалъ— четыре. Такъ было по географіи, а по исторіи—еще хуже. Понявъ свой неудачный отвѣтъ о странахъ и частяхъ свѣта, Яковъ Ивановичъ—какъ онъ самъ выражался—соскочилъ съ рельсовъ и сталъ трястись—по шпаламъ.

— А какого французы вѣроисповѣданія?—спрашиваютъ.

— Республиканскаго.

— А вы? Единодержавнаго?

— Такъ-съ. Монархическаго,—сморозилъ Яковъ Ивановичъ.

Захохотали громко и весело всѣ три экзаменатора, потомъ пошептались о чемъ-то между собою и одинъ изъ нихъ, самый молодой, въ очкахъ, сказалъ, пристально разглядывая носъ Якова Ивановича:

— Нѣтъ, вамъ придется еще подъучиться, а потомъ—милости просимъ къ намъ!..

Яковъ Ивановичъ вспыхнулъ, какъ огонь при вѣтрѣ, и дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Вы, милостивый государь, спросите меня еще! Пожилому человѣку долго ли спутаться?

На голомъ темени Якова Ивановича выступили крупныя капли пота отъ чрезмѣрнаго напряженія всѣхъ чувствъ и способностей. Онъ вынулъ изъ кармана носовой платокъ, отеръ имъ свою лысину и принужденно смѣясь, добавилъ:

— Какъ же человѣку не знать, какого онъ вѣроисповѣданія?.. Помилуйте! Спутался... Взволновался немного...

Все изъ старой головы вылетѣло. А, вѣдь, какъ зналъ? Разбуди среди ночи и соннаго спроси: главные города, чѣмъ каждый замѣчателенъ, сколько жителей, рѣки съ притоками и всю эту чертовщину,—все могъ разсказать...

Наканунѣ экзамена Яковъ Ивановичъ долго не могъ заснуть: цари не давали ему покоя; онъ перечислялъ ихъ по порядку въ памяти, этихъ безчисленныхъ царей римскихъ, англійскихъ, французскихъ,—и сбивался. Приходилось вставать съ постели, зажигать лампу и рыться въ учебникѣ.

— Что ты, Яша?—испуганно спрашивала жена, разбуженная возней и свѣтомъ лампы въ неурочное время.

— Кали-гула, Калигула, гула,—автоматически повторялъ Яковъ Ивановичъ,—залѣзая снова на кровать.

— Никакъ ужъ съ ума сходишь?

— Память стала, мать, измѣнять. Эхе-хе! Два пробило ужъ...— шепталъ, позевывая, Яковъ Ивановичъ.

Теперь, видя свою неудачу, Яковъ Ивановичъ сдѣлалъ послѣднее усиліе и въ надеждѣ на „царей" жалобно попросилъ:

— Вы, господа, попробуйте еще! Долго ли спутаться? Спросите хоть про римскихъ царей и тому подобное...

Но когда Якова Ивановича спросили про римскихъ царей, онъ потерялъ послѣднюю позицію: подавленный цѣлымъ сонмомъ завертѣвшихся въ его памяти именъ царей разныхъ странъ и народовъ, Яковъ Ивановичъ палъ подъ ихъ бременемъ.

— Вы все перепутали. И потомъ: не Калугила, а Ка-ли-гу-ла! Надо еще подучиться, а потомъ приходите,—сказали Якову Ивановичу.

— Господа! мнѣ уже сорокъ первый годъ отъ роду... Семья!— простоналъ Яковъ Ивановичъ, готовый расплакаться, какъ школьникъ.

— Нельзя. До свиданья.

Припоминая теперь все это, Яковъ Ивановичъ бранилъ себя и экзаменаторовъ, особенно того изъ нихъ, который, какъ замѣтилъ Яковъ Ивановичъ, пристально смотрѣлъ на его носъ.

— Эхъ, Яковъ Ивановичъ! башка твоя, какъ рѣшето: ничего не держится,—шепталъ онъ по своему адресу, а затѣмъ обращался къ экзаменаторамъ:

— Развѣ вы, господа, не видите, что человѣкъ кушать хочетъ? Какой вамъ убытокъ, если меня въ чинъ произведутъ? Никому никакого вреда, одна польза бѣдному семейству... Да и зачѣмъ мнѣ знать всѣхъ королей?.. А на носъ мой смотрѣть нечего, молодой человѣкъ! Поживи съ мое, такъ, можетъ быть, и твой носъ будетъ не лучше... Эхъ, Яковъ Ивановичъ, выпей-ка! Чортъ съ ними!

И Яковъ Ивановичъ выпивалъ. Когда вся водка была выпита, онъ всталъ и нѣсколько неровнымъ, хотя рѣшительнымъ шагомъ пошелъ вонъ изъ „Плевны", бросивъ на ходу хозяину заведенія:

— Запиши, Егоръ Васильичъ!

На душѣ Якова Ивановича стало немного получше, а потому и внѣшній видъ его измѣнился въ ту же сторону: блинъ фуражки не лѣзъ на глаза, а загибался къ затылку, козырекъ не скрывалъ не только глазъ, но и лба, перерѣзаннаго, какъ боль-

шая дорога—колеями—глубокими морщинами, пальто было распахнуто и трепетало полами...

На службѣ хуже кія изсохъ я, ну хоть брось!
А между тѣмъ, другіе все лѣзутъ врозь да врозь...

вполголоса баскомъ весело гудѣлъ, какъ шмель, Яковъ Ивановичъ, шагая по тротуару, мимо освѣщенныхъ оконъ магазиновъ. Онъ шелъ, самъ не зная куда, но, во всякомъ случаѣ, не домой: если бы съ экзаменомъ было благополучно,—другое дѣло, а теперь не хотѣлось, да было и неловко что-то... Колька спроситъ: „выдержалъ, папаня?", а папаня провалился по всѣмъ статьямъ...

Въ числѣ многочисленнаго потомства у Якова Ивановича имѣется сынъ, гимназистъ перваго класса, Николай. Когда, въ прошломъ году, онъ шелъ на экзаменъ—изъ приготовительнаго въ первый, Яковъ Ивановичъ, благословляя его, напутствовалъ такими словами:

— Ну, братъ, не сплошай! Не будь болваномъ и не осрами отца; въ нашемъ роду дураковъ не было...

Николай выдержалъ, а вотъ онъ, Яковъ Ивановичъ, оскандалился. Откровенно говоря, Якову Ивановичу всего больше и было совѣстно теперь передъ этимъ мальчикомъ. Сегодня, уходя въ гимназію, сынъ тоже напутствовалъ отца:

— Папаня, ты сегодня придешь къ намъ держать экзаменъ?

— Сегодня.

— Главное—Василій Якимычъ—изъ исторіи и географіи... Онъ любитъ, чтобы не думать, а говорить сразу... Смотри, не срѣжься!

— Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. Ты колъ изъ латинскаго не схвати! Я не успѣлъ спросить-то тебя,—отвѣтилъ онъ.

Надо сказать, что Яковъ Ивановичъ помогалъ сыну изучать недававшійся ему латинскій языкъ; дѣло это было нелегкое: Якову Ивановичу приходилось самому учить задаваемые уроки по латинскому, что̀ давалось ему также съ громаднымъ трудомъ и съ страшной скукою.

Когда Яковъ Ивановичъ шелъ по Москательной улицѣ, его окрикнулъ чей-то голосъ:

— Якову Ивановичу! Куда?

Яковъ Ивановичъ оглянулся. Черезъ дорогу шелъ къ нему сослуживецъ Ивановъ, длинный, какъ жердь, сухой и поджарый. Онъ шагалъ крупно, нагибаясь впередъ всѣмъ корпусомъ; коротенькое пальто и узкіе брюки Иванова еще болѣе усугубляли впечатлѣніе протяженности этого человѣка. Подъ мышкой у Иванова было воткнуто что-то, завернутое въ платокъ.

— Иду-себѣ,—отвѣтилъ смущенно Яковъ Ивановичъ, подавая руку сослуживцу,—а ты что тащишь?

— Гитара. Ѳедька имянинникъ, такъ музыку тащу.

— И какъ ты этихъ имянинниковъ отыскиваешь? Вѣдь вчера, никакъ, былъ на имянинахъ?

— Да что, братъ, скучно... выпить хочется, а двадцатое было давно ужъ... Только на имянинахъ и выпить теперь... Пойдемъ! Пулечку раздавимъ, ерофеича хватимъ...

— Меня онъ не звалъ,—въ раздумьи промычалъ Яковъ Ивановичъ, которому вдругъ захотѣлось побыть въ веселой безалаберной и безпечной компаніи холостыхъ чиновниковъ, которые, не смотря на свои пятнадцати-рублевые оклады, ухитряются всетаки не грустить и не жаловаться на судьбу.

— Наплевать!—произнесъ Ивановъ и, подхвативъ Якова Ивановича подъ руку, повлекъ его на имянины къ Ѳедькѣ. При этомъ Ивановъ задѣлъ грифомъ гитары проходившую мимо барыню и испугалъ ее внезапно раздавшимся аккордомъ музыки...

— Пардонѐ-съ!—извинился Ивановъ.

— Тяжело на душѣ что-то,—пожаловался дорогой Яковъ Ивановичъ,—выпить поэтому простительно.

— Еще бы! Двадцатое было давно, и до двадцатаго далеко... Самое двусмысленное положеніе,—игриво замѣтилъ Ивановъ.

— У меня по другой причинѣ,—грустно сказалъ Яковъ Ивановичъ, которому захотѣлось вдругъ подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ горемъ, и хотя спутникъ не поинтересовался, по какой именно причинѣ тяжело на душѣ у Якова Ивановича, но тотъ пояснилъ:

— Не выдержалъ я экзаменъ-то. Спутали, живодеры! Развѣ у нихъ есть къ людямъ жалость? Никакой!.. Да. Теперь, значитъ, безконечное томленіе... Нужда и брань, ссоры и всякая пакость... И Колькѣ плохо... Всякая кляуза, сосущая человѣка, какъ піявка... Хотѣли двинуть, а теперь все пропало...—говорилъ Яковъ Ивановичъ упавшимъ тономъ и блинъ его фуражки снова трясся надъ глазами и вся фигура его опять какъ-то обвисла и съежилась...

— Подумать только,—тихо и печально говорилъ онъ,—что такое, напримѣръ, Калигула и прочее?.. На кой мнѣ чортъ? а между тѣмъ вся карьера разбита окончательно...

— Наплевать, Яша!—весело произнесъ Ивановъ.

На окраинѣ города, на грязномъ дворѣ, въ покривившемся деревянномъ флигелькѣ, изъ оконъ котораго открывался печальный видъ на помойную яму съ кучами загрязненнаго всякими отбросами снѣга вокругъ, въ двухъ небольшихъ комнаткахъ и кухнѣ проживало семейство чиновника Якова Ивановича Козырева. Это проживаніе было похоже на оборонительную войну...

Старуха-мать, съ сиплымъ кашлемъ и шепотомъ молитвъ; болѣзненная жена, олицетвореніе печали и жалобы, съ постояннымъ упрекомъ и страхомъ въ оттѣненныхъ синевою глазахъ; мальчикъ-гимназистъ въ коротенькихъ брючкахъ и стоптанныхъ ботинкахъ, съ худымъ серьезнымъ не по возрасту личикомъ, долбящій въ уголку латинскія слова; самъ Яковъ Ивановичъ, изучающій съ тоской исторію Иловайскаго; сестра Якова Ивановича, чахоточная дѣвушка, изъ силъ выбивающаяся, чтобы какъ-нибудь облегчить тяготы родныхъ, таскающая съ рѣки воду, собирающая на постройкахъ щепки; плачущія больныя дѣти,—всѣ вмѣстѣ они производили впечатлѣніе чего-то барахтающагося и безсильно и медленно гибнущаго въ неровномъ бою съ людскими несправедливостями, напастями и хронической нуждой... И тѣмъ рѣзче бросалась въ глаза эта нужда, чѣмъ сильнѣе женщины семьи старались прикрыть ее своими незамысловатыми средствами: какой-нибудь бѣлой скатеркой съ дырочками и неотстирывающимися ржавыми пятнами, дешевенькой ситцевой занавѣсочкой, старомодной шляпкою, зонтикомъ безъ ручки и худыми перчатками... Всѣ эти средства только еще болѣе оттѣняли убожество, стыдливо прикрывающее отъ постороннихъ людей свои дыры и лохмотья.

— Погодите, получу регистратора,—поправимся!—ободрялъ себя и близкихъ людей Яковъ Ивановичъ каждое двадцатое число, когда отъ тридцати рублей получаемаго имъ жалованья, за уплатой долговъ въ лавочку, въ ближайшій кабачекъ и за погашеніемъ „внутреннихъ займовъ“, сдѣланныхъ въ теченіе мѣсяца у своихъ сослуживцевъ, оставалось рублей 18—20, изъ которыхъ 8 рублей слѣдовало отдать за квартиру, рубля на два купить дровъ, а на остальные 8—10 рублей кормиться, одѣваться, обуваться, освѣщаться, однимъ словомъ проживать всѣмъ обитателямъ флигеля.

— На, Маша!..

Жена брала отъ Якова Ивановича деньги и, устремляя свой грустный взоръ куда-то далеко, за предѣлы жилья, вздыхала и оставалась неподвижною. Тамъ, куда устремляла свой взоръ Маша, были: новые сапожки Колѣ, проектъ передѣлки стараго бурнуса, резиновыя галоши мужу, на платье дѣвочкамъ... Все это теперь уплывало вдаль, къ слѣдующему двадцатому числу, чтобы затѣмъ отодвинуться еще далѣе.

— Хоть бы тебѣ рублей десять прибавили!—неожиданно высказывала Маша свою завѣтную мечту, отрывая взоръ отъ разбитыхъ плановъ. Яковъ Ивановичъ сердился:

— Я тебѣ сто разъ говорилъ, что прибавить не могутъ, а могутъ только убавить; надо выдержать экзаменъ на чинъ, и тогда—другое дѣло!.. Что болтать пустяки? Я получаю высшій окладъ...—отвѣчалъ Яковъ Ивановичъ.

— Хоть бы поскорѣе выдержалъ ты, Яша, этотъ экзаменъ...

— Загорѣлось!.. Скоро да не споро. Это вѣдь не пирогъ состряпать... Думаешь, что это такъ, пустяки, все равно что плюнуть?.. Ошибаешься, матушка...

— Знаю, Яша... Что дѣлать? Не сердись, я вѣдь понимаю, что ты ничего не можешь сдѣлать... что ты стараешься...

Яковъ Ивановичъ смягчался. Баба, что съ нея взять? Отъ добраго сердца ноетъ...

— Терпи, казакъ,—атаманомъ будешь! — восклицалъ Яковъ Ивановичъ и, дружески хлопнувъ жену рукою по худому костлявому плечу, заискивающе произносилъ:

— Пошли-ка, мать, за полбутылочкой! Нынче я всѣ до послѣдней копѣечки тебѣ принесъ... И въ „Плевну" не ходилъ... Воздержался, мать... Не грѣхъ...

Жена долго рылась въ „мелкихъ" и, наконецъ, выдавала Фенѣ (сестрѣ мужа) двугривенный на покупку водки.

— Сейчасъ, братецъ, сбѣгаю,—кротко говорила чахоточная дѣвушка, въ глазахъ которой всегда сохранялось выраженіе боязни за свою неумѣстность, опасеніе, что она въ тягость роднымъ...

Яковъ Ивановичъ потиралъ руки, говорилъ, что у нихъ сегодня что-то холодновато, какъ-то особенно горбился и присаживался къ накрытому столу.

Сегодня во флигелѣ было совсѣмъ особое настроеніе; со стороны можно было подумать, что здѣсь имянинникъ, такъ величаво и торжественно чувствовали и вели себя обитатели.

Имянинника однако не было, а дѣло заключалось въ томъ, что Яковъ Ивановичъ ушелъ сдавать экзаменъ, и всѣ находились подъ впечатлѣніемъ этого чрезвычайнаго событія; хотя не всѣ понимали, что такое это значило, но всѣ чувствовали, что сегодня совершается нѣчто важное, долженствующее произвести коренной переворотъ въ жизни семьи, что съ этимъ переворотомъ связаны: повышеніе по службѣ и прибавка жалованья, давно желанный новый салопъ, можетъ быть, новая квартирка, побольше и почище этой, и вообще много, очень много хорошаго, что оставалось до сихъ поръ только фантастическими замыслами...

Но Яковъ Ивановичъ ушелъ въ десять часовъ утра и запропалъ. Его ждали обѣдать, но стемнѣло уже, а его не было, и пришлось пообѣдать безъ отца. Якова Ивановича ждалъ приборъ и не одинъ приборъ, а еще и водочка: жена понимала, что Яшѣ трудно тамъ, что онъ страшно устанетъ и захочетъ съ устатку выпить; жена вспоминала и разсказывала, какъ Яша вскакивалъ ночью съ постели, зажигалъ лампу и шелестилъ листочками книгъ...

— Экъ, какъ его, бѣднаго, морятъ тамъ!—восклицала она,

нетерпѣливо прислушиваясь, не стукнетъ ли защелкой сѣнная дверь.

Феня нѣсколько разъ выбѣгала съ тою же цѣлью за ворота, на улицу, но тоже безрезультатно.

— Нѣтъ. Пропалъ,—говорила она, обивая о порогъ свои ноги, облѣпленныя мягкимъ февральскимъ снѣгомъ.

Даже шестидесятилѣтняя старуха-мать тревожилась: кашляя сиплымъ овечьимъ кашлемъ, она поминутно безпокоила учившаго уроки внука:

— А ну-ка, Коля, посмотри, много ли часовъ?

Мальчикъ сердился:

— Какая ты, бабушка, безпамятная! Я тебѣ только что сказалъ, что седьмой часъ.

Маленькіе стѣнные часики, торопливо стукая бѣгавшимъ по стѣнкѣ маятникомъ, пробили 7, 8 и 9, а Якова Ивановича не было. Всѣ истомились. Время шло такъ медленно—медленно; было скучно и дѣлалось страшно. Жена вздыхала все чаще, Феня говорила шепотомъ и ходила на ципочкахъ, Коля дремалъ, положивъ голову на раскрытую латинскую грамматику... Казалось, въ комнатахъ витаетъ невидимый призракъ чего-то недобраго, и всѣ обитатели флигеля это чувствовали, но боялись высказать другъ другу.

Наконецъ, въ полночь, когда всѣ, кромѣ жены Якова Ивановича, спали и въ тишинѣ ночи стоялъ дружный храпъ, свистъ и сопѣніе, на крыльцѣ кто-то тяжело завозился. Слышно было, что человѣкъ съ большимъ трудомъ управляетъ своими ногами...

Конечно, это и былъ Яковъ Ивановичъ.

Дремавшая чуткою тревожною дремою жена Якова Ивановича подняла съ подушки голову, вперила въ темноту ночи свои глаза и прислушалась.

Отчаянный стукъ въ дверь заставилъ ее моментально соскочить съ кровати и опрометью кинуться въ сѣни.

— Кто тамъ?

— Калигула!.. Отпирай, мать!—пробасилъ за дверью пьяный голосъ.

— Не кричи, Яша, нехорошо...

— Колька спитъ?

— Конечно, спитъ. Ему завтра—въ гимназію... И тебѣ, вѣдь, на службу!.. Какъ не совѣстно, Яша? Мы ждали-ждали...

— Вотъ потому-то я и не приходилъ, что мнѣ было совѣстно... Не понимаешь? Эхъ, бабы! Провалился я, мать, не выдержалъ... И наплевать, чортъ съ ними, съ разными тамъ Калигулами да Каракаллами, чтобы имъ не на что было опохмелиться! Я и такъ проживу. Проживемъ, мать? а?—бормоталъ Яковъ Ивановичъ, стараясь снять пальто и будучи не въ состояніи сдѣлать это...

— Ахъ, Господи!.. Дай сюда руку!.. вотъ такъ!..

Сильно пошатываясь, Яковъ Ивановичъ ввалился въ полутемную комнату. Жена подняла фитиль лампы и, при свѣтѣ ея, увидала совершенно пьяное лицо мужа, съ безсмысленными оловянными глазами, всклокоченнаго и краснаго, и сердце ея сжалось отъ страха, и вся она сдѣлалась еще безотвѣтнѣй, молчаливѣе и печальнѣй, какъ-то постарѣла вдругъ и осунулась...

Раза два-три въ годъ Яковъ Ивановичъ запивалъ основательно, и теперь лицо у него было именно такое, какое бывало при началѣ такихъ случаевъ; теперь этотъ запой былъ страшенъ по возможнымъ послѣдствіямъ, такъ какъ онъ не совпадалъ съ неприсутственными днями Рождества или Пасхи, какъ случалось ранѣе, и потому могъ повлечь за собою потерю Яковомъ Ивановичемъ мѣста...

— Ахъ, мать! Никакъ и водочки приготовила? Умница, люблю за это! Вотъ я хвачу съ горя и лягу... И всѣхъ этихъ Калигулъ забуду,—заговорилъ Яковъ Ивановичъ, увидѣвши на столѣ бутылочку и рюмку.

— Не пей, Яша! ты ужъ довольно выпилъ. Завтра идти на службу... Репутацію потеряешь...

— Плевалъ я на репутацію. У нашего брата извѣстная репутація: красный носъ... Смотрятъ на носъ... Развѣ они цѣнятъ мое стараніе? Что вотъ этотъ столъ, что Яковъ Ивановичъ, со всѣми вами, дурами старыми и молодыми... Сказала тоже: репу-тація!.. На той недѣлѣ вонъ секретарь меня болваномъ назвалъ. Вотъ она, репутація! Конечно, я смолчалъ... Жрать хочется всѣмъ... Однако, надоѣло ужъ! Плюютъ и утираться не даютъ... А ты— репутація!.. Ну-ка, выпьемъ!..

Дѣло было плохо: такъ невѣжливо и злобно Яковъ Ивановичъ говорилъ о начальствѣ только при запояхъ; по двадцатымъ числамъ критика была слабѣе и не носила столь страстнаго характера,— тогда больше фигурировала „проклятая жизнь“.

Прячась за пологомъ кровати, жена прислушивалась къ рѣзкимъ словамъ Якова Ивановича, къ бульканью наливаемой имъ водки, утирала шалью слезы и крестилась, мысленно взывая къ Богу о помощи. Ей хотѣлось громко заплакать, закричать, выбросить водку, словомъ, принять какія-нибудь рѣшительныя мѣры, чтобы остановить начинающійся запой...

Проснулась Феня. Она сейчасъ же поняла, что братецъ вернулся пьянымъ; прислушиваясь къ его безсвязному бормотанію, Феня плотнѣе прижималась къ стѣнкѣ, стараясь сдѣлаться какъ можно меньше и незамѣтнѣе. Пьяный братецъ бывалъ иногда безпощаденъ въ своихъ упрекахъ въ дармоѣдствѣ и ругательствахъ, и потому дѣвушка боялась чѣмъ-нибудь напомнить ему о своемъ

существованіи: она даже не смѣла кашлять и зажимала себѣ ротъ угломъ подушки.

Однако, сверхъ обыкновенія, Яковъ Ивановичъ былъ мягокъ и не безобразничалъ. Наткнувшись на учебники сына, сложенные столбикомъ на окошкѣ, Яковъ Ивановичъ взялъ латинскую грамматику.

— А ну-ка, гдѣ мы съ Николаемъ Яковлевичемъ остановились?—сказалъ онъ, перелистывая книгу.—Вотъ. Глаголъ sum... Sum, es, est, sumus, estis, sunt... Теперь имперфектъ... Fui, fuisti, fuit... Ха-ха-ха! Собачій языкъ... а? Слышишь, мать? fuit?.. На этомъ проклятомъ языкѣ и этотъ Калигула разговаривалъ... Вѣчная ему память. Выпью-ка за него рюмочку!.. Вотъ такъ! хорошо! Э э, а Каракалла? Каракаллѣ обидно... Виноватъ, господинъ Каракалла, и за васъ рюмочку выпью!

Когда блѣдный разсвѣтъ приближающагося утра бросилъ печальный взоръ свой въ окна флигеля, Яковъ Ивановичъ дремалъ, уронивъ голову на руки, а руки—на латинскую грамматику.

Измученная перспективой возможныхъ несчастій и бѣдъ, Марья Петровна заснула въ самомъ неудобномъ положеніи, со свѣшанными съ постели ногами въ башмакахъ и красныхъ чулкахъ, съ лицомъ, спрятаннымъ подъ подушку. Огонь лампы, слабый и неувѣренный, умиралъ въ сѣрыхъ полусумеркахъ разсвѣта. На чугунно-литейномъ заводѣ монотонный, безконечно долгій призывной свистокъ прорѣзалъ сонный воздухъ спящаго еще города своимъ грустнымъ гудѣніемъ.

Когда этотъ свистокъ, понизивъ тонъ, замолчалъ, а потомъ снова затянулъ свою пѣсню, Яковъ Ивановичъ поднялъ съ рукъ голову и оглядѣлся вокругъ, припоминая и соображая что-то. Затѣмъ онъ потянулся къ бутылочкѣ, но та оказалась пустой.

— Пустота пустотъ и всяческая пустота!—прогудѣлъ Яковъ Ивановичъ.

— Fui, fuisti, fuit...—произнесъ онъ, остановивши взоръ на раскрытой латинской грамматикѣ,—вотъ тебѣ и fuit!.. Эхъ, Колюшка! думалъ тебя на ноги поставить, въ люди вывести, да— нѣтъ, жила коротка, не вытягивается...

Недавно директоръ вызывалъ Якова Ивановича въ гимназію и говорилъ, что ученику неудобно ходить въ совершенно худыхъ, какъ у нищаго, башмакахъ, причемъ удивлялся, зачѣмъ отдаютъ въ гимназію своихъ дѣтей тѣ родители, которые не имѣютъ достаточныхъ средствъ къ этому.

— Теперь лѣзутъ въ гимназію даже тѣ, кому уѣзднаго училища вполнѣ достаточно...

— Такъ-то такъ, ваше превосходительство, да вѣдь каждому

родителю хочется получше жизнь дѣтямъ своимъ устроить, человѣкомъ сдѣлать,—сконфуженно возразилъ Яковъ Ивановичъ.

— Э, батенька! Теперь ремесленники живутъ лучше насъ, людей образованныхъ... Вонъ мой портной, напримѣръ. Да вы никогда не узнали бъ, что это — портной. Одѣтъ лучше насъ съ вами, въ золотыхъ очкахъ, держитъ себя корректно... Будь у меня дѣти, я никогда бы не отдалъ ихъ въ гимназію...

— Шутить изволите,—виновато улыбаясь, сказалъ Яковъ Ивановичъ, но директоръ сдѣлалъ серьезное лицо.

— Мнѣ, батенька, не до шутокъ. Такъ вотъ-съ: панталончики надо сыну новые, г. Козыревъ, и ботинки тоже... Иначе неудобно ему являться сюда,—серьезно сказалъ онъ, пристально вглядываясь въ носъ Якова Ивановича. Потомъ слегка кивнулъ ему головой и, повернувшись, заговорилъ съ проходившимъ мимо надзирателемъ.

Все это припомнилось теперь Якову Ивановичу. Остановившись около сундука, на которомъ, поджавъ ножки, спалъ подъ женскимъ салопомъ мальчикъ съ востренькимъ носикомъ, съ такимъ желтымъ личикомъ, напоминавшимъ какую-то птичку, Яковъ Ивановичъ печально покачалъ головой и сказалъ:

— Теперь, братъ, мы съ тобой пропали!.. Куда ужъ намъ, Николай Яковлевичъ, съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ?!.

Яковъ Ивановичъ утеръ кулакомъ остановившіяся въ его пьяныхъ глазахъ слезы...

— Вотъ тебѣ, братъ, и fuit!—ласково, сквозь слезы, пошутилъ онъ и, махнувъ рукой, отошелъ...

Тихо пробрался онъ въ кухню, напился прямо изъ ведра воды, потомъ осторожно, руками, напялилъ на ноги худыя калоши, набросилъ на плечи пальто, а на голову—фуражку и вышелъ...

— Марья Петровна! Машенька! братецъ убѣжали!—съ ужасомъ прохрипѣла, закашлявшись, Феня.

Марья Петровна вскочила съ постели, нѣсколько мгновеній стояла растерянно на мѣстѣ, но, взглянувъ туда, гдѣ долженъ былъ сидѣть мужъ и гдѣ его не было, испуганно вскрикнула:

— Яша! Яша!

— Братецъ сейчасъ убѣжали—повторила Феня.

Марья Петровна опрометью кинулась въ сѣни, выскочила на крыльцо и съ мольбой и отчаяніемъ закричала:

— Яша! Яшенька! вернись, голубчикъ! опомнись!

Но Яша, не оборачиваясь, отмахнулся рукою отъ этихъ отчаянныхъ воплей и скрылся за воротами....

Всѣ, кто знаетъ Якова Ивановича, удивляются и, недовѣрчиво покачивая головами, восклицаютъ: „не можетъ быть!..“

Однако все это произошло именно такъ, какъ разсказываютъ очевидцы.

Было часовъ около одиннадцати дня, и палата работала, такъ сказать, полнымъ ходомъ. Эта огромная бюрократическая машина, съ ея колесами, винтиками и шестернями въ человѣческомъ образѣ, въ серьезно-дѣловомъ молчанiи скрипѣла перьями, шелестила бумагой, пощелкивала косточками счетъ и этотъ своеобразный смѣшанный шумъ былъ похожъ на шелестъ листвы при вѣтрѣ и проливномъ дождѣ. Изрѣдка въ этотъ шумъ врывался сухой трескъ электрическаго звонка, начальственный окрикъ, робкiй кашель „мелкой сошки" и громкiй, на всю комнату,—людей, высоко стоящихъ...

Секретарь—эта не особенно большая, но тѣмъ не менѣе весьма существенная пружинка въ механизмѣ учрежденiя—давно уже былъ на мѣстѣ и не разъ, взглядывая на пустой столъ съ задвинутымъ стуломъ, задавалъ вопросъ:

— А Козыревъ еще не пожаловалъ?

Никто не отвѣчалъ. Секретарь начиналъ выпускать остроты:

— Все еще экзаменъ держитъ... Профессоръ химiи, составитель кислыхъ щей...

Многiе чиновники спѣшили смѣяться на встрѣчу этимъ остротамъ, и секретарю было прiятно, что онъ такъ ядовито и удачно бросаетъ свои замѣчанiя.

— Вѣроятно, на радостяхъ запилъ...

— Онъ не выдержалъ,—несмѣло подсказалъ чей-то голосъ съ дальнихъ столовъ.

— Ну такъ—съ горя!—произнесъ секретарь.

Въ этотъ моментъ Яковъ Ивановичъ вошелъ въ комнату, вѣжливо поклонился секретарю и направился на свое мѣсто. Всѣ замѣтили, что Яковъ Ивановичъ шелъ твердой походкой, не на цыпочкахъ, какъ ходилъ обыкновенно при начальствѣ, а полными ступнями, и даже пристукивалъ довольно громко каблуками своихъ сапогъ. Подойдя къ столу, Яковъ Ивановичъ съ громомъ выдвинулъ стулъ и сѣлъ, положивъ ногу на ногу.

— Нельзя ли, г. Козыревъ, ходить потише!—съ оттѣнкомъ неудовольствiя замѣтилъ секретарь, не отрываясь отъ газеты.

— Можно-съ,—развязно отвѣтилъ Яковъ Ивановичъ.

— Вы все еще, г. Козыревъ, экзамены держите?

— Закончилъ-съ. Провалился!.. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, а дуракомъ умрешь,—отвѣтилъ Яковъ Ивановичъ.

— Вѣрно, г. Козыревъ,—смѣясь, бросилъ секретарь.

— Пословица эта, Николай Николаевичъ, относится ко всѣмъ людямъ безъ изъятiя,— возразилъ Яковъ Ивановичъ, роясь въ выдвинутомъ ящикѣ стола, при чемъ какъ-то особенно громко кашлянулъ и игривымъ взоромъ окинулъ сослуживцевъ.

— Потрудитесь не кашлять такъ громко!—съ сердцемъ бросилъ секретарь.

— Постараюсь... по возможности... И даже—не чихать-съ!

— Прошу не разсуждать.

— И это можно-съ.

Секретарь покраснѣлъ и насупился. Онъ былъ такъ обезкураженъ дерзкимъ поведеніемъ Якова Ивановича, что растерялся и не зналъ, что ему дѣлать...

Сослуживцы Якова Ивановича какъ-то сократились, сдѣлались особенно усердными и спрятались за спины другъ друга, словно боялись, что вотъ-вотъ сейчасъ раздастся выстрѣлъ, которымъ непремѣнно убьетъ кого-нибудь изъ нихъ.

Секретарь громко стучалъ прессъ-бюваромъ и со скрипомъ подписывалъ бумаги, дѣлая энергичные росчерки съ кляксами и колоніями чернильныхъ точекъ.

А Яковъ Ивановичъ чувствовалъ себя совершенно независимо: онъ плевалъ на полъ, сморкался громко, даже чрезмѣрно громко, а, чихнувъ, вызывающе произнесъ:

— Виноватъ! Не въ силахъ бороться съ установленными Богомъ законами природы-съ.

Секретарь продолжалъ молчать; онъ, повидимому, притворялся, что не замѣчаетъ вызывающаго поведенія Якова Ивановича. Когда Яковъ Ивановичъ, спустя полчаса, подалъ ему начисто переписанную бумагу, секретарь впился въ нее глазами, что-то сердито перечеркнулъ, исправилъ и отбросилъ въ сторону:

— Г. Козыревъ!

— Я здѣсь.

— Подите сюда, а не „здѣсь“!

Яковъ Ивановичъ не побѣжалъ, какъ случалось раньше, а медленно, съ достоинствомъ, приблизился.

— Я вамъ, кажется, десять разъ говорилъ, что „копѣйка“ пишется черезъ „ѣ“, а „вышеуказанное“—отдѣльно?

— Изволили говорить...

— Перепишите!

— Не могу-съ.

— Что такое?..

— Я написалъ правильно. Относительно „копѣйки“ точныхъ правилъ еще не установлено и предоставлено писать ее и такъ, и этакъ-съ... А что касается слова „вышеуказанный“, то оно написано правильно: никакого тире не полагается...

— Что-о?

— Я такъ обученъ. Грамматика для всѣхъ одна,—спокойно сказалъ Яковъ Ивановичъ.

— Молчать!—закричалъ секретарь, раздраженіе котораго перешло, наконецъ, границы всякаго терпѣнія.

— Этакого закона нѣтъ. А есть такая статья, по которой кричать на чиновниковъ, хотя и не имѣющихъ чина, возбраняется... Позвольте Ш-й томъ, я вамъ отыщу эту статью...

На мгновеніе стало такъ тихо, необычно тихо, словно даже сами стѣны палаты замерли отъ испуга, услыхавъ эти чрезмѣрно смѣлыя для тридцати-рублеваго чиновника слова. Сослуживцы Якова Ивановича отъ избытка страха, любопытства и удивленія, казалось, совсѣмъ перестали дышать... О, въ ихъ сердцахъ горѣла теперь самая преступная радость!.. Одни радовались, просто, рѣдкостному скандалу, который дастъ неизсякаемый источникъ чиновничьимъ пересудамъ и сплетнямъ, а другіе, такіе же забитые, такіе же безличные чернильные perpetuum mobile, какимъ былъ до сихъ поръ Яковъ Ивановичъ, торжествовали по иной причинѣ: вотъ и нашелся, наконецъ, человѣкъ, который прямо и громко высказалъ то, что наболѣло у всѣхъ этихъ perpetuum mobile на душѣ и что таилось и пряталось отъ начальства подъ страхомъ за кусокъ хлѣба... Въ глазахъ этого сорта людей Яковъ Ивановичъ былъ героемъ, и изъ среды этихъ именно людей, когда секретарь пошелъ жаловаться, послышалось боязливое восклицаніе шепотомъ: „молодецъ, Яша!“

Яковъ Ивановичъ чувствовалъ на себѣ взоры сослуживцевъ, слышалъ это „молодецъ, Яша!“ и почерпалъ въ семъ дальнѣйшее мужество и стойкость.

— Да что тутъ? Молчалъ, молчалъ, да и будетъ! Всему бываетъ конецъ. Я, братцы, не могу, не могу больше. Горько мнѣ, братцы, и обидно... За человѣка, братцы, обидно!..

Гитаристъ Ивановъ соскочилъ съ мѣста и, подойдя къ Якову Ивановичу, началъ убѣждать его наплевать и уйти домой спать.

— Я не боюсь,—заявилъ Яковъ Ивановичъ,—кричать на себя никому не позволю... Что онъ, въ самомъ дѣлѣ? Поломался надъ человѣкомъ и довольно. Надо честь знать.

— Г. Козыревъ! Къ управляющему!

— Ну такъ что же? И пойду! Не испугался.

Яковъ Ивановичъ рѣшительно двинулся въ кабинетъ.

Начальникъ былъ углубленъ въ какую-то бумагу и долго не обращалъ вниманія на присутствіе Якова Ивановича. Яковъ Ивановичъ кашлянулъ разъ, другой, а потомъ нашелъ необходимымъ обратиться къ членораздѣльной рѣчи:

— Я здѣсь, ваше превосходительство! Что прикажете?

— Погодите!

— Торопиться некуда,—вслухъ подумалъ Яковъ Ивановичъ.

Начальникъ вскинулъ глаза на Якова Ивановича, поискалъ въ памяти фамилію этого чиновника, но, не найдя ея, опустилъ

взоры снова на бумагу и заговорилъ какъ-то, между прочимъ, занятый совершенно другой мыслью:

— Что вы тамъ безобразничаете?.. а?

— Ничего подобнаго!—возмущенно воскликнулъ Яковъ Ивановичъ.

— Говорите дерзости секретарю и...

— Это называется „дерзость"! Позвольте объяснить,—жестикулируя руками, страстно заговорилъ Яковъ Ивановичъ, приближаясь къ столу управляющаго.—Секретарь принуждаетъ меня нарушать грамматику. Я себѣ этого не позволю. Это—разъ! А, помимо изложеннаго, какъ же я, напримѣръ, могу не чихать, если сама природа говоритъ мнѣ: „чихай, Яковъ Ивановичъ!" Какъ же, равнымъ образомъ, я могу не разсуждать, когда Господь создалъ меня по образу и подобію...

— Прошу не разсуждать, а—молчать, когда съ вами говорятъ,—строго оборвалъ управляющій.

— Это ужъ какой разговоръ, ваше превосходительство!

— Вы пьяны?

— Есть немного, но веду себя совершенно трезво,—убѣжденно отвѣтилъ Яковъ Ивановичъ и взглянулъ на потолокъ, на стѣны...

— Потрудитесь выйти вонъ!

— Позвольте спросить: зачѣмъ, напримѣръ, ругать человѣка болваномъ, когда онъ дожилъ до сорока лѣтъ? Неужели я при крещеніи названъ болваномъ?

— Выйдите вонъ!—повторилъ начальникъ.

— Я уйду, но позвольте спросить: могли бы ваше пр—во отказаться отъ чиханія, если бы это было воспрещено даже циркуляромъ господина министра внутреннихъ дѣлъ?..

Начальникъ подавилъ пальцемъ пуговку электрическаго звонка,—вошелъ секретарь.

— Позовите курьера! Пусть выведутъ.

Начальникъ небрежно показалъ пальцемъ на Якова Ивановича и углубился въ бумаги.

— Уйду! Самъ уйду... Ахъ вы... Калигулы!—растворивъ дверь кабинета и обернувшись назадъ, громко и со смѣхомъ сказалъ Яковъ Ивановичъ и вышелъ...

Прошла недѣля. Яковъ Ивановичъ „остепенился" и сдѣлался опять смиреннѣйшимъ въ мірѣ существомъ, неспособнымъ обидѣть даже мухи... Съ покорностью выслушивалъ онъ теперь жесткіе упрека жены, совѣстился сестрицы и только вздыхалъ и кряхтѣлъ, избѣгая всякихъ объясненій. Ему было стыдно смотрѣть въ глаза окружающимъ и онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ у

дальняго окна, разсматривая гравюры „Крестнаго Календаря" и съ тревогой и болью прислушиваясь къ стонамъ и жалобамъ Марьи Петровны на нужду и на то, что „послѣдніе гроши пропиваются въ то время, когда Колѣ запретили ходить въ гимназію до тѣхъ поръ, пока не будутъ сшиты новые брючки и башмаки".

На службѣ Яковъ Ивановичъ еще не былъ.

— Недоставало только, чтобы выгнали!—роптала жена—да и какъ не выгнать?—думала она вслухъ и такъ громко, чтобы эти думы слышалъ Яковъ Ивановичъ, — цѣлую недѣлю носа въ палату не показываетъ... Я... я бы такого чиновника на порогъ не пустила...

Этого именно и боялся Яковъ Ивановичъ. Смутно припоминая свой послѣдній визитъ въ палату и объясненія съ управляющимъ, Яковъ Ивановичъ только глубже вздыхалъ и внимательнѣе разсматривалъ картинки „Крестнаго Календаря".

Была суббота. Яковъ Ивановичъ пошелъ ко всенощной въ Ивановскій монастырь. Стоя въ притворѣ, въ полусумракѣ неосвѣщенныхъ сводовъ и колоннъ, у самой стѣнки, Яковъ Ивановичъ усердно молился въ этомъ уединеніи, располагающемъ къ покаянному настроенію. Здѣсь Яковъ Ивановичъ чувствовалъ себя такимъ ничтожнымъ и маленькимъ, и все земное казалось ему такимъ же. Прислушиваясь къ грустному, монотонному пѣнію псалмовъ монахами, Яковъ Ивановичъ думалъ о томъ, что все—суета суетъ и что всѣ мы, люди, умремъ со всѣми нашими печалями и радостями... Крѣпко прижималъ онъ сложенныя въ крестъ пальцы къ холодному лбу, поднималъ глаза подъ самый куполъ и потомъ сокрушенно склонялъ голову...

И на сердце Якова Ивановича опускалось спокойствіе, онъ забывалъ о томъ, что дома нѣтъ ни чаю, ни сахару и что Колѣ не на что купить новыхъ брючекъ; въ сердцѣ его тихо разгоралась искра спасительной надежды на Бога и на то, что Онъ спасетъ и помилуетъ...

Когда народъ, толкаясь, выходилъ изъ храма и Яковъ Ивановичъ медленно плылъ въ волнѣ православныхъ христіанъ къ выходнымъ дверямъ паперти, кто-то сказалъ ему въ самое ухо:

— Калигула! Здорово, братъ!

Яковъ Ивановичъ испуганно обернулся: то былъ гитаристъ Ивановъ.

На улицѣ Ивановъ взялъ Якова Ивановича подъ руку и они пошли вмѣстѣ.

— Какъ ты ихъ отдѣлалъ?.. Молодчина! Ей-Богу!.. Они и сейчасъ не прочихаются. Секретарь шелковый сталъ...

— Ничего не помню...—глухо отвѣтилъ Яковъ Ивановичъ,—что я тамъ натворилъ?

Тогда Ивановъ, съ веселымъ смѣхомъ и жестами, началъ разсказывать подробно, даже съ прикрасами, всю эту исторію, а Яковъ Ивановичъ слушалъ, ужасался и не вѣрилъ, чтобы все это могло случиться съ нимъ.

— Пропалъ, —произнесъ онъ, когда Ивановъ замолчалъ.

Тотъ сообщилъ, что еще не все потеряно, что приказа объ его исключеніи со службы не было и что можно все уладить:

— Пусть жена идетъ къ секретаршѣ и попроситъ... А то самъ иди. Наплевать!.. Чортъ съ нимъ! Ты ихъ достаточно отдѣлалъ...

Все спокойствіе, слетѣвшее на душу Якова Ивановича въ храмѣ, исчезло и опять на душѣ его стало тревожно и скверно, опять закопошились, какъ гады, страхъ, заботы, раскаяніе... Когда Ивановъ, простившись, пошелъ своей дорогой, и Яковъ Ивановичъ остался одинъ, онъ окончательно упалъ духомъ и въ туманѣ его сознанія нѣсколько разъ вставала „Плевна"...

Въ „Плевну" онъ, однако, не пошелъ: превозмогъ слабость.

Вернувшись домой и напившись чаю, Яковъ Ивановичъ, сказалъ женѣ:

— Давай-ка, мать, почитаемъ библію!..

Они читали библію, читали исторію Іова, и Яковъ Ивановичъ говорилъ:

— Вотъ, мать, это — страданія!.. А мы съ тобой что?... Слава Богу!..

Ночью горѣла передъ образомъ лампадка, и Яковъ Ивановичъ, лежа въ постели, смотрѣлъ, какъ на потолкѣ трепетали красноватыя и синіи тѣни отъ разноцвѣтныхъ граней лампаднаго стаканчика, смотрѣлъ, вздыхалъ и думалъ, какъ теперь быть...

Коля сладко похрапывалъ; жена, уткнувшись головой подъ подушку, спала, такая маленькая, какъ дѣвочка; сестра, надрываясь, кашляла и, успокоившись, устало шептала: „Господи, Господи!"...

Яковъ Ивановичъ прислушивался ко всему этому и думалъ: „ахъ вы, бѣдные мои!"...

На другой день онъ всталъ очень рано, чистилъ въ кухнѣ свое платье, щиблеты и пальто, брился передъ маленькимъ кругленькимъ зеркальцемъ, въ которомъ отражались только клочки его физіономіи, что-то зашивалъ... Все это онъ дѣлалъ тихо, чтобы не разбудить родныхъ.

Не пивши чая, пошелъ онъ въ соборъ къ обѣднѣ, а оттуда пошелъ къ секретарю. Войдя по широкой лѣстницѣ во второй этажъ, Яковъ Ивановичъ долго стоялъ у двери и въ нерѣшительности смотрѣлъ на мѣдную дощечку съ фамиліей. Наконецъ онъ перекрестился и тихо дернулъ за ручку звонка. Долго не отпи-

рали, и онъ хотѣлъ идти назадъ, но услыхавъ, что идутъ отпирать, застылъ на мѣстѣ.

Долго Яковъ Ивановичъ ждалъ секретаря въ передней. Наконецъ, появился и секретарь. Онъ жевалъ что-то и разглаживалъ усы.

— Николай Николаевичъ! Не губите!

— Что вамъ нужно?

— Не губите! Простите! Пожалѣйте жену, ребятишекъ! Что хотите, дѣлайте, только не губите! Богомъ прошу, Христомъ! Затменіе какое-то нашло... видитъ Богъ, что и самъ не помню, что̀ говорилъ и дѣлалъ,—дрожащимъ голосомъ, со слезами на глазахъ, заговорилъ Яковъ Ивановичъ.

— Не могу.

— Николай Николаевичъ!

Яковъ Ивановичъ намѣревался бухнуться въ ноги, но секретарь удержалъ его:

— Полноте! Что вы унижаетесь?.. Я—не Богъ.

— Простите! Четверо дѣтей...

— Хорошо. Завтра переговоримъ съ управляющимъ.

— Николай Николаевичъ!

— Но съ условіемъ: если что-нибудь подобное повторится...

— Никогда! Никогда! Да развѣ я подлецъ какой-нибудь? Развѣ я не цѣню, Николай Николаевичъ? Господи!..

— Ну хорошо... Приходите завтра... Посмотримъ...

— Благодарю васъ, Николай Николаевичъ. Господь видитъ вашу доброту и вознаградитъ ее!—съ пророческимъ паѳосомъ воскликнулъ Яковъ Ивановичъ и вышелъ за дверь...

Здѣсь онъ быстро перекрестился и пошелъ съ лѣстницы...

Евгеній Чириковъ.

Капитализація земледѣльческой промышленности.

I.

Городъ и деревня.

1.

Развитіе городовъ.—Сельское населеніе уменьшается относительно, въ нѣкоторыхъ странахъ даже абсолютно.—*Rural exodus.*—Статистическія данныя.

Жизнь подвигается все впередъ, какъ неугомонный ручей, задерживаемый иногда какой-нибудь преградой, но умѣющій всегда найти исходъ. Напрасно ставили ей и ставятъ на дорогѣ задержки и стараются противодѣйствовать стихійно возникающимъ новымъ формамъ общежитія. Если бы мы собрали отзывы и разсужденія нашихъ дѣдовъ и даже недавно умершихъ современниковъ, то, на основаніи такого матеріала, мы могли бы произнести очень суровый приговоръ по отношенію къ человѣческой самоувѣренности, которая наивно полагаетъ, что общественное развитіе завершило уже свою созидающую дѣятельность, породивъ существующія отношенія и учрежденія.

Исторія городовъ представляетъ много примѣровъ такого стремленія задержать ходъ развитія.

Францискъ I, король французскій, въ разговорѣ съ Карломъ V, гордый своей столицей, увѣрялъ его, что «городъ Парижъ — настоящій весь міръ!» Статистическія данныя отсутствуютъ и мы не можемъ съ точностью опредѣлить, сколько жителей считалъ тогда городъ, омываемый водами Сены. Мы имѣемъ полнѣйшее право сомнѣваться, чтобы тогдашнее его населеніе состояло изъ четырехъ сотъ тысячъ—оно, вѣроятно, было ниже. Современный житель Парижа разсмѣялся бы иронически, если бы кто-нибудь теперь въ его присутствіи считалъ Ліонъ или Брюссель «настоящимъ міромъ». Величина городовъ измѣнилась, и то, что нѣкогда казалось громаднымъ, сегодня перестало быть диковинкой.

Францискъ I ограничился удивленіемъ. Но не всѣ были такъ осторожны. Видя, что города привлекаютъ къ себѣ народонаселеніе со всѣхъ концовъ страны, они полагали, что должны воспрепятствовать этому росту, не предвѣщающему ничего путнаго. Елизавета англійская въ

1593 г. пришла къ убѣжденію, что по своей величинѣ Лондонъ сдѣлался ненормальнымъ явленіемъ и что дальнѣйшій ростъ его сулитъ лишь упадокъ нравственности и уничтоженіе порядка. Канцлерское вѣдомство издало распоряженіе, въ которомъ говорится, что «Лондонъ растетъ и увеличивается изо дня въ день, обременяетъ дома безчисленными семьями и даетъ убѣжище слишкомъ многимъ жильцамъ», что «вслѣдствіе такихъ условій, злокачественныя болѣзни распространяются, съѣстные припасы подлежатъ поддѣлкѣ». Елизавета, опасаясь дальнѣйшихъ послѣдствій, повелѣваетъ, что впередъ «никому не дозволяется строить новаго зданія или зданій, дома или домовъ, жилой избы или избъ, на разстояніи трехъ миль отъ городскихъ воротъ!» Тогдашній Лондонъ, который своей величиной столько причинилъ хлопотъ англійскому правительству, вмѣщалъ всего 150 тысячъ жителей. Въ наше время населеніе столицы Великой Британіи увеличивается каждый годъ почти на ту же самую цыфру. Каждый годъ присоединяетъ къ Лондону новый городъ, равный по своей величинѣ англійской столицѣ въ XVI вѣкѣ.

Большіе города сдѣлались обычнымъ явленіемъ въ наши времена. Народонаселеніе Лондона доходитъ до шести милліоновъ, т. е. столица Англіи содержитъ въ своихъ стѣнахъ столькихъ жителей, сколько Голландія и Швеція вмѣстѣ. Страны, которыя оставили свое имя на страницахъ исторіи, иногда имѣли гораздо меньше гражданъ. Большой городъ накладываетъ свой характеръ на всю культуру народа: въ наслѣдственной монархіи Гогенцоллерновъ каждый двадцатый подданный живетъ въ Берлинѣ, каждый седьмой англичанинъ — лондонецъ. Умы такъ привыкли къ существованію большихъ городовъ, что, даже рисуя картину далекаго будущаго, нѣкоторые не могутъ представить себѣ грядущихъ вѣковъ безъ этого громаднаго собранія домовъ, безъ этой тяжелой атмосферы, пропитанной пылью и сажей. Французъ Шарль Рише, поверхностный эволюціонистъ, въ своей утопіи, какой видъ будетъ имѣть общежитіе въ концѣ будущаго вѣка, начертилъ картины двухъ государствъ: лондонскаго и парижскаго. Каждое изъ нихъ будетъ имѣть по десятку милліоновъ гражданъ, будетъ обладать собственнымъ правительствомъ и самостоятельными интересами, разнящимися отъ интересовъ соотвѣтственныхъ странъ. Эти цифры не удивляютъ читателей, — такъ умы привыкли къ существованію большихъ городовъ и дальнѣйшему ихъ росту. Въ Америкѣ и даже въ Европѣ города возникаютъ и растутъ, какъ грибы послѣ дождя. Чикаго въ 1837 г. былъ маленькимъ поселкомъ, въ 1886 г. насчитывалъ нѣсколько сотъ тысячъ жителей, въ теченіе же послѣдняго десятка лѣтъ увеличился въ три-четыре раза. Въ Европѣ Берлинъ можетъ служить за образецъ лихорадочнаго роста, свойственнаго городамъ. Два названные города не исключеніе; мы привели ихъ только какъ примѣръ.

Съ ростомъ городовъ тѣсно связано другое явленіе, очень важное при анализѣ современнаго переворота въ земледѣліи. Именно городское

населеніе по своей относительной численности возростаетъ быстрѣе, чѣмъ народонаселеніе всей страны. Отсюда слѣдуетъ, что сельское населеніе, выраженное въ процентахъ, вездѣ уменьшается и что центръ тяжести перемѣщается изъ деревни въ городъ.

Разсмотримъ это явленіе для передовыхъ странъ Европы.

Во Франціи въ теченіе 1800—1885 гг. народонаселеніе увеличилось:

во всей странѣ на	42%
въ городахъ съ населеніемъ выше 100.000.	268%
» Парижѣ	328%

Въ Германіи приростъ народонаселенія, въ теченіе 1871—1886 гг. составилъ:

въ деревняхъ				3%
» городахъ,	2.000—5.000	жителей		12%
»	»	5 000—20.000	»	4%
»	»	20.000—100.000	»	31%
»	»	выше 100.000	»	69%

Въ Австріи за время 1880—1890 гг. народонаселеніе увеличилось:

а) въ фабричныхъ округахъ:	
Нижняя Австрія	13,8%
Вѣна	21,9%
б) въ земледѣльческихъ округахъ:	
Тироль	0,9%
Каринтія	3,6%
в) во всемъ государствѣ	7,6

Наконецъ, въ Англіи движеніе народонаселенія въ теченіе 1861—1891 гг. представляется:

	1861 г.	1871 г.	1881 г.	1891 г.
въ городахъ *)	12,7 милл.	14,9 милл.	17,6 милл.	20,8 милл.
» деревняхъ	7,4 »	7,8 »	8,3 »	8,2 »

Мы оставляемъ въ сторонѣ Соединенные Штаты, такъ какъ, вслѣдствіе эмиграцій, развитіе тамошнихъ отношеній отличается крайней неустойчивостью (все-таки мы должны замѣтить, что ростъ народонаселенія въ Приатлантическихъ Штатахъ идетъ въ томъ же направленіи, какъ въ разсмотрѣнныхъ нами странахъ Европы).

Это характеристическое явленіе, присущее новѣйшимъ временамъ, иногда обнаруживается въ очень острой формѣ. Есть страны, въ которыхъ сельское населеніе уменьшается не только относительно, но и абсолютно, т. е. количество людей, живущихъ въ деревнѣ, изъ году въ годъ становится все меньше. Такое развитіе связано тѣснѣйшимъ образомъ съ прогрессомъ обработывающей, фабричной промышленности: именно страны, въ которыхъ индустріализмъ развился, представляютъ

*) Въ Англіи и фабричные округа подведены подъ категорію городовъ.

наиболѣе яркую картину численнаго упадка сельскаго народонаселенія. Англія идетъ впереди другихъ странъ. Мы привели нѣкоторыя статистическія данныя, относящіяся къ этой странѣ. Но онѣ требуютъ дополненія, если мы желаемъ имѣть наглядную картину, какъ народонаселеніе измѣняется современемъ въ своемъ размѣщеніи. Разсматривая статистическія цифры, мы увидимъ, что сельское народонаселеніе уменьшается тамъ абсолютно. Въ Шотландіи, въ теченіе 1881—1891 гг., народонаселеніе въ округахъ:

земледѣльческихъ	понизилось на	6,26%
мелко-городскихъ	возрасло »	6,26%
средне-городскихъ	» »	20,51
велико-городскихъ	» »	12,63

Въ Уэльсѣ народонаселеніе въ своей абсолютной цифрѣ понизилось въ десяти графствахъ, графствъ же въ этой части Соединеннаго Королевства насчитываютъ всего двѣнадцать. Въ двухъ графствахъ народонаселеніе низошло на уровень, на которомъ находилось въ 1851 г.; въ въ одномъ на уровень 1841 г., въ одномъ сравнялось по своей численностью съ тѣмъ, которое тамъ существовало въ 1831 г., наконецъ, въ двухъ—въ 1891 г. считалось столько жителей, сколько было въ 1821 г. Напротивъ, въ графствѣ Гламорганшайръ, которое славится своими копями, народонаселеніе увеличилось. Въ собственной Англіи эмиграція селянъ приняла такіе громадные размѣры, что обратила на себя вниманіе публицистовъ и даже создала довольно значительную литературу. Печать наименовала это явленіе кличкой, взятой изъ библейскихъ разсказовъ и напоминающей массовый исходъ сыновъ Израиля изъ Египта: *Rural exodus*. «Эмигрируютъ въ городъ,—пишетъ Андерсонъ Грэмъ,—не только отборные слои сельской молодежи, не только каждый смѣлый парень или дѣвушка. Движеніе приняло невозможные размѣры. И тѣ, которые смогутъ приспособиться къ условіямъ городской жизни, и тѣ, у которыхъ нѣтъ тамъ будущаго, бросаютъ деревню и отправляются въ городъ». «Я спрашивалъ сотни людей въ различныхъ частяхъ страны,—говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ,—и всегда получалъ тотъ же самый отвѣтъ. Оказывается, что самые интеллигентные и лучшіе рабочіе раньше другихъ оставляютъ деревню и уходятъ въ городъ... Я обращался съ вопросами къ старикамъ, чтобы они разъяснили мнѣ причину эмиграціи. Они отвѣчали неизмѣннымъ образомъ, что только дураки остаются въ деревнѣ, такъ какъ нѣтъ тамъ никакихъ условій зарабатывать достаточное количество денегъ и что будущее не сулитъ тамъ ничего лучшаго. Разсказывающій кончалъ всегда сожалѣніемъ, что не отправился въ городъ, когда былъ помоложе».

По словамъ Грэма, англійская деревня представляетъ видъ какъ будто послѣ погрома: ставни у оконъ закрыты, двери наглухо забиты, жилыя избы безъ жильцевъ...

Но Англія не составляетъ исключенія. Все дѣло въ томъ, что произ-

водительныя силы нашего времени, которыя вызвали такой переворотъ въ размѣщеніи народонаселенія, тамъ развились сильнѣй и обнаружили ярче свое вліяніе. И въ другихъ странахъ народонаселеніе земледѣльческихъ округовъ понижается въ своей абсолютной цифрѣ.

Во Франціи, впродолженіи 1886 — 1891 гг., народонаселеніе понизилось въ 59 департаментахъ изъ 87. Уже въ 1886 г. въ нѣсколькихъ департаментахъ оно низошло на уровень 1851 г.

И въ Германіи явленіе это становится все шире. Въ Прусскомъ королевствѣ насчитываютъ 489 земледѣльческихъ округовъ. Послѣднія статистическія данныя, которыя мы имѣемъ подъ рукой, доказываютъ, что въ 210 изъ нихъ народонаселеніе уменьшилось въ своей абсолютной величинѣ. Въ Познани, напр., оно упало въ 40 округахъ изъ 60, въ Восточной Пруссіи въ 25 изъ 38, въ Силезіи въ 46 изъ общаго числа 61 и т. д. Уроженцы земледѣльческихъ округовъ уходятъ въ городъ, привлекаемые надеждой болѣе высокаго заработка. Вліяніе большихъ городовъ такъ сильно, что они начинаютъ смотрѣть на сельскія занятія, какъ на нѣчто постыдное и стыдятся надѣть народный костюмъ. Помѣщики въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи жалуются, что начинаютъ ощущать недостатокъ рабочей силы въ деревнѣ, и даже требуютъ отъ государства, чтобы при посредствѣ рентовыхъ надѣловъ оно закрѣпостило крестьянъ и воспрепятствовало выходу въ города.

2.

Города въ средніе вѣка. — Большіе города должны были вызвать переворотъ во всемъ обществѣ.—Примѣръ этого приспособленія—торговля яйцами.

Большіе города и промышленные, фабричные округа представляютъ особаго рода образованія въ общественномъ организмѣ. Существованіе ихъ и ростъ свидѣтельствуютъ, что соціальный организмъ подвергся соотвѣтствующимъ измѣненіямъ.

Города во время среднихъ вѣковъ, развивались медленно, встрѣчая постоянно препятствіе. Сомнительно, чтобы хотя одинъ городъ въ Германіи XIV—XV вѣковъ считалъ болѣе ста тысячъ жителей. Быть можетъ, одинъ Любекъ могъ бы похвастать такимъ числомъ гражданъ. Гамбургъ, Нюрнбергъ и другіе города, даже въ эпоху своего торговаго преуспѣванія, имѣли не болѣе двухъ, трехъ, пожалуй, пяти десятковъ тысячъ жителей. Бельгія въ этомъ отношеніи опередила Германію, но и тамъ полсотни тысячъ составляли уже громадную цифру. Лишь въ одной Италіи находились болѣе многолюдные города, напр., Венеція.

Ростъ городовъ подвигался медленно, по недостатку подвоза съѣстныхъ припасовъ. Пути сообщенія находились въ плачевномъ состояніи: дожди осенью и весной уничтожали всякія сношенія и отрѣзывали го-

родъ даже отъ ближайшихъ окрестностей. Транспортъ производился при помощи животныхъ, т. е. не могъ отличаться ни быстротой, ни размѣрами. Натуральное хозяйство господствовало и только излишекъ земледѣльческихъ произведеній появлялся на городскихъ рынкахъ. Значитъ, ввозъ съѣстныхъ припасовъ былъ довольно несистематиченъ. Городъ могъ пользоваться продуктами лишь очень небольшого района. Все это задерживало ростъ городовъ. Неурожай въ провинціи и слишкомъ большой вывозъ хлѣба изъ нея угрожали городу страшнымъ бѣдствіемъ—голодомъ. Снабженіе города надлежащимъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ составляло одну изъ наиболѣе насущныхъ задачъ средневѣковыхъ городскихъ думъ. Съ этою цѣлью возникли въ бургахъ городскіе амбары, въ которыхъ всегда находились запасы хлѣба, достаточные для пропитанія города въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Земледѣльцы могли продавать хлѣбъ лишь на мѣстномъ рынкѣ и въ опредѣленные часы дня, отдѣльное лицо не могло сразу покупать болѣе извѣстнаго максимума. Муниципальныя власти отбирали даромъ хлѣбъ у крестьянъ, которые держали его въ амбарахъ дольше двухъ лѣтъ; торговцамъ не дозволялось покупать хлѣбъ не на рынкѣ. По воззрѣніямъ манчестерскаго направленія въ политической экономіи, всѣ эти ограниченія—большой промахъ средневѣковой жизни, но что бы ни говорили безусловные защитники свободной конкурренціи, эти ограниченія были необходимымъ явленіямъ. Если бы не было этихъ стѣсненій, то, быть можетъ, и весь режимъ свободной конкурренціи, это произведеніе городовъ, не могъ бы осуществиться со временемъ.

Вышеприведенные факты свидѣтельствуютъ, что средневѣковые города, чтобы систематически получать хлѣбъ, должны были бороться съ многочисленными препятствіями. Поэтому, выдвинулись только тѣ изъ нихъ, которые находились въ исключительныхъ условіяхъ, именно вблизи судоходныхъ рѣкъ, этихъ важнѣйшихъ путей сообщенія въ былыя времена.

Наша эпоха представляетъ совсѣмъ другое зрѣлище. Лондонъ на небольшомъ пространствѣ совмѣстилъ больше людей, нежели то или другое государство въ Европѣ. Мы можемъ даже разсматривать всю Англію, какъ сплошной большой городъ, разбросанный въ пространствѣ. И все-таки пропитаніе такихъ громадныхъ массъ народа не причиняетъ и сотой части тѣхъ хлопотъ, подъ тяжестью которыхъ сгибались муниципальныя власти средневѣковыхъ городовъ, насчитывающихъ всего нѣсколько тысячъ гражданъ. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что глубочайшій переворотъ произошелъ въ механизмѣ общественной жизни, что города приспособили къ себѣ соціальный организмъ, т. е. производство съѣстныхъ припасовъ и ихъ обмѣнъ. Приложеніе силы пара къ транспорту съиграло громадную роль въ этомъ переворотѣ. Желѣзныя дороги уничтожили зависимость города отъ близости судоходныхъ рѣкъ. Большіе города—это произведенія паровой машины: тамъ,

на окраинахъ, въ Америкѣ и въ Австраліи, паровая машина рѣшаетъ, въ какомъ мѣстѣ должны возникнуть новые центры промышленности и торговли.

Наши предки твердили, что нѣтъ ничего труднѣе перевозки хрупкаго стекла. Но наше время, когда желудокъ большого города требуетъ изо дня въ день громадныхъ количествъ съѣстныхъ припасовъ,—совершило болѣе удивительныя дѣла: оно создало амбары, въ которыхъ, не смотря на лѣтній жаръ, можно сохранить яйца, какъ наши дѣды сохраняли пшеницу, и высылаетъ милліонами штукъ этотъ *perishable good*, какъ говорятъ англичане; воздвигло элеваторы для фруктовъ; въ такихъ городахъ, какъ Нью-Іоркъ, уничтожило самостоятельныхъ мясниковъ и снабжаетъ каждый день городскихъ обывателей мясомъ, приходящимъ изъ центровъ, которые находятся на разстояніи двухъ и трехъ тысячъ верстъ. Порваны узы, накладываемые пространствомъ. Переворотъ же, хотя громадный, лишь начался.

Остановимся подробнѣе на торговлѣ яйцами. Товаръ этотъ отличается свойстами, дѣлающими перевозку его и сохраненіе задачей очень трудной И все-таки онъ сталъ продуктомъ международнаго обмѣна!

Въ Лондонѣ существуетъ нѣчто въ родѣ биржи, на которой производятся обороты исключительно яйцами. Это одно обстоятельство свидѣтельствуетъ, что тамъ должны господствовать другіе обычаи, чѣмъ въ нашихъ уѣздныхъ городахъ, на рынкѣ которыхъ крестьянка продаетъ дюжину, много пять или шесть дюжинъ яицъ. Продажа производится въ громадныхъ размѣрахъ и пользуется соотвѣтственными пріемами. На лондовскую биржу допускаются лишь яйца, уложенныя въ особыхъ продолговатыхъ ящикахъ, такъ, чтобы можно было распилить ящикъ на любой высотѣ, не повредивъ товара. Въ каждомъ ящикѣ находится шесть гроссовъ (гроссъ заключаетъ въ себѣ 120 штукъ). Яйца подлежатъ сортировкѣ. Тѣ, которыя не проходятъ чрезъ кружокъ, имѣющій сорокъ миллиметровъ въ діаметрѣ, принадлежатъ къ первому сорту; проходящія чрезъ такое отверстіе, но слишкомъ большія для кружка 38 миллиметровъ, имѣютъ уже иную номенклатуру; наконецъ, достаточно малыя и для меньшаго кружка, составляютъ третій сортъ. Въ ящикѣ находятся яйца лишь одного и того же сорта. Лондонская биржа для яицъ составляетъ центръ, къ которому стремится товаръ изъ самыхъ отдаленныхъ странъ, изъ Австраліи, Вятской и Уфимской губерніи. Яйца, привозимыя въ это мѣсто, расходятся отсюда по всей Англіи: товаръ изъ Лондона выходитъ большими партіями, тѣ распадаются на меньшія и т. д. и, наконецъ, тонутъ въ лавкахъ мелкихъ розничныхъ торговцевъ. Въ Лондонѣ покупка и продажа производится лишь одинъ разъ въ недѣлю—по понедѣльникамъ.

Оптовые купцы, которые въ своихъ рукахъ сосредоточили ввозъ этого товара въ Англію, оказываютъ давленіе на очень далекія страны. Мнѣ пришлось, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, посѣтить ярмарку въ Бод-

зановѣ, небольшомъ поселкѣ Плоцкой губерніи. Я тамъ замѣтилъ еврейку посреди нѣсколькихъ корзинъ съ яйцами. Мужъ ея тутъ же складывалъ ящики изъ приготовленныхъ заранѣе досокъ опредѣленной величины. Еврейка занималась сортировкой яицъ и упаковкой въ ящики: укладывала она товаръ рядами, причемъ яйца каждаго сорта попадали въ другой величины ящикъ. Я спросилъ ее, зачѣмъ она такъ дѣлаетъ. Она сама не знала и отвѣтила лишь, что оптовый купецъ велѣлъ ей такъ поступать и что товаръ будетъ высланъ въ Германію. Ея знаніе дѣла дальше не простиралось. Она даже не подозрѣвала, что составляетъ лишь отдѣльное звено въ большой цѣпи обмѣна, части которой получаютъ заказы изъ Лондона и дѣйствуютъ сообразно съ тамошними пріемами. Не смотря на свои старанія, я не могъ ничего больше узнать. Зато я напалъ на слѣдъ торговой организаціи яицъ въ губерніи Кѣлецкой. Мелкіе торгаши посѣщаютъ тамъ деревни, покупаютъ яйца у крестьянъ и сбываютъ ихъ каждый день въ ближайшемъ посадѣ особымъ торговцамъ. Тѣ отвозятъ товаръ въ бо́льшемъ количествѣ въ Стопницу и Хмѣльникъ—два центра вывоза яицъ. Товаръ, перешедши чрезъ руки нѣсколькихъ посредниковъ, попадаетъ въ губернскій городъ Кѣльцы—къ оптовымъ домамъ, имѣющимъ сношеніе съ заграничными фирмами. Въ 1892 г., весной и лѣтомъ, еженедѣльно уходило семь и восемь вагоновъ, наполненныхъ одними яйцами, т. е. купцы высылали около милліона штукъ. Только-что названный городъ выслалъ въ 1892 г. заграницу 36 милліоновъ яицъ.

«Вѣстникъ министерства финансовъ» *) помѣстилъ нѣсколько статистическихъ данныхъ, относящихся къ вывозу яицъ изъ Россіи. Оказывается, что Нижній-Новгородъ высылаетъ заграницу ежегодно 120 милліоновъ штукъ. Нѣсколько центровъ вывоза находится вдоль линіи Козловъ-Воронежъ-Ростовъ. Либава и Рига—главнѣйшіе порты вывоза. Въ Ригѣ существуетъ англійскій торговый домъ, имѣющій особые пароходы для транспорта яицъ въ Лондонъ. Онъ построилъ магазинъ, который можетъ вмѣстить 150 милліоновъ яицъ. Всѣ эти центры, равно какъ и самый вывозъ,—дѣло послѣднихъ лѣтъ. Лѣтъ 15—20 тому назадъ, весь вывозный оборотъ яйцами не простирался выше десяти милліоновъ, т. е. того количества, которое теперь въ теченіе двухъ мѣсяцевъ Кѣльцы высылаютъ въ Германію. Теперь же, по оцѣнкѣ министерства финансовъ, вывозъ достигъ громадной цифры милліарда яицъ, т. е. уходитъ заграницу 80% всего продукта, привозимаго крестьянами на рынки. Изъ этого числа 38% отправляется въ Австрію, 21%—въ Германію, отсюда же отчасти въ Англію и, наконецъ, 18%—непосредственно въ Лондонъ.

Лондонскіе оптовые купцы имѣютъ своихъ коммиссіонеровъ на всемъ пространствѣ Франціи, Германіи и Голландіи. Но отношенія, свойственныя нашей части свѣта, не могутъ даже сравниться, по своей величинѣ, съ

*) 1895 годъ. № 20.

пріемами Америки. Тамъ, въ Нью-Іоркѣ, напр., существуетъ оптовый магазинъ, ежедневный оборотъ котораго простирается до полумилліона штукъ. Нѣсколько человѣкъ, въ темной избѣ, занимается лишь осмотромъ яицъ, не испорчены ли онѣ. Съ невѣроятной скоростью проводятъ они яйцо между глазами и лампой и отбрасываютъ непрозрачныя. Возникли амбары: торговые дома, торгующіе одними яйцами, покупаютъ товаръ въ маѣ, т. е. тогда, когда цѣны его самые низкія, около 10 центовъ за дюжину, и сохраняютъ до наступленія зимы, когда цѣны поднимаются въ два раза и выше. Они держатъ товаръ въ особомъ растворѣ, въ громадныхъ сосудахъ, каждый расчитанный на шесть тысячъ яицъ. Потребитель имѣетъ тамъ даже больше возможности получить свѣжій товаръ, нежели мы зимой въ большомъ городѣ. Между прочимъ, существуютъ въ Америкѣ фабрики, которыя спеціально занимаются производствомъ ящиковъ для упаковки — обстоятельство, лучше всего свидѣтельствующее о развитіи торговли яицами *).

3.

Своеволіе, господствующее на мелкихъ рынкахъ, и правильность, свойственная большимъ.—Необходимость появленія регулирующихъ учрежденій.—Срочныя продажи и покупки.—Ихъ значеніе въ общественной жизни.

Поѣзда желѣзныхъ дорогъ и обыкновенные возы, днемъ и ночью, подвозятъ въ большой городъ громадныя количества хлѣба, овощей, мяса, молока и иныхъ съѣстныхъ припасовъ, исчезающихъ безслѣдно во все пожирающей пасти чудовища. Муниципальныя думы перестали нести заботу о продовольствіи жителей города, передавъ это дѣло въ руки купцовъ. Каждый изъ нихъ, на видъ, дѣйствуетъ самостоятельно, не подумавъ даже о потребностяхъ города, какъ чего-то цѣлаго. Слѣдовало бы опасаться, что свободная конкурренція должна создать безпорядокъ и недостаточное удовлетвореніе насущныхъ потребностей: обременять отъ времени до времени рынокъ товаромъ, то снова создавать недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, какъ иногда случается у насъ, когда снѣжныя мятели уничтожатъ сообщеніе деревни съ городомъ. Но жизнь въ большихъ городахъ, несмотря на своеволіе свободной конкурренціи, не знаетъ такихъ бѣдствій и переполоховъ. Механизмъ тамъ дѣйствуетъ такъ правильно, что, отправляясь вечеромъ спать, мы вполнѣ увѣрены, что на слѣдующій день въ лавкахъ найдемъ все необходимое для удовлетворенія нашихъ нуждъ. Въ этомъ мы почти такъ же увѣрены, какъ относительно восхода солнца въ надлежащее время. Обмѣнъ происходитъ

*) Въ послѣднее время началъ развиваться вывозъ раковъ. Въ Виленской губ. есть агенты, имѣющіе по шести и болѣе помощниковъ. Высылаютъ они живыхъ раковъ въ ящикахъ, наполненныхъ мхомъ. Въ 1893 г. вывозъ чрезъ Рени достигъ 15 тысячъ пудовъ, чрезъ Подволочискъ и Радзивилловъ—8 тысячъ, чрезъ Граево (во Францію) 12 тысячъ пудовъ. Юго-западныя желѣзныя дороги должны были заказать дюжину вагоновъ, назначенныхъ спеціально для вывоза раковъ (сравни *Gazeta Polska* 1895, № 246).

стихійно и механически, но каждое звено его точно исполняетъ свои задачи. Трудно даже сразу представить себѣ всю величину общественнаго переполоха, если бы транспорты хлѣба или мяса прибывали въ большой городъ своевольно и опрометчиво. Механизмъ купли-продажи долженъ дѣйствовать систематически, съ такой правильностью, съ какой потребности горожанъ, послѣ ежедневнаго удовлетворенія, снова ежедневно возникаютъ. Мы уже видѣли, изъ какой дали привозятся яйца въ Англію. Хлѣбъ и мясо приходятъ изъ еще болѣе далекихъ мѣстъ. На всемъ пространствѣ, откуда приходятъ съѣстные продукты, привозимые въ Лондонъ, должны были явиться учрежденія, способствующія правильной и систематической дѣятельности рынка и систематическому распредѣленію продуктовъ между потребителями. Спокойно ли море, или бури бушуютъ на немъ, весна или осень на дворѣ, существуютъ ли въ какой-нибудь странѣ хорошіе пути сообщенія,—эти обстоятельства должны остаться безъ послѣдствій и не могутъ уничтожать правильности распредѣленія съѣстныхъ припасовъ въ большомъ городѣ.

Такія требованія предъявляетъ потребитель. Но и интересъ купцовъ, занимающихся ввозомъ, требуетъ тоже правильности и извѣстной устойчивости.

Въ городишкѣ совсѣмъ другіе обычаи царствуютъ на рынкѣ, нежели въ международномъ обмѣнѣ. Мелкіе земледѣльцы, особенно крестьяне, привозятъ хлѣбъ на рынокъ, не имѣя даже малѣйшаго понятія о цѣнахъ, свойственныхъ большимъ центрамъ торговли, ни о размѣрахъ спроса, представляемаго купцами. Продажа производится въ узкомъ кругу неразвитыхъ экономическихъ отношеній и опредѣляется условіями, существующими въ данное время. Количество хлѣба на рынкѣ, размѣры насущнаго спроса, близость взноса податей рѣшаютъ о высотѣ цѣнъ. А такъ какъ эти обстоятельства подлежатъ сильнымъ измѣненіямъ въ теченіе недѣли, то цѣны бываютъ неустойчивы и подвержены частымъ колебаніямъ. «Сегодня» не связано съ «завтрашнимъ днемъ», нѣтъ воздѣйствія между слѣдующими одинъ за другимъ торгами. И земледѣлецъ, и потребитель находятся во власти случая, въ нѣкоторые годы цѣны на хлѣбъ въ одномъ мѣсяцѣ могутъ быть на 50% и даже 100% выше, чѣмъ въ другомъ. Но торговля, производимая въ большихъ размѣрахъ, не можетъ зависѣть отъ случая. Крестьяне, переполнивши сосѣдній рынокъ хлѣбомъ, теряютъ каждый нѣсколько гривенниковъ или полтинниковъ. Но такое же переполненіе большого рынка вызвало бы громаднѣйшія, милліонныя потери: торговцы или должны были бы продавать значительные транспорты хлѣба по пониженной цѣнѣ, или сдать товаръ въ магазины, платить за сохраненіе и имѣть въ виду еще другія непредвидѣнныя издержки. Значитъ: не смотря на взаимную конкурренцію между торговыми фирмами, должны существовать учрежденія, которыя предупредили бы возможность переполненія рынка или, по крайней мѣрѣ, сдѣлали бы ее не столь частой.

Словомъ, существованіе большихъ городовъ и фабричныхъ округовъ вызываетъ къ жизни учрежденіе, которое позволяло бы соразмѣрить предложеніе со спросомъ, связало бы сегодняшній день съ далекимъ завтра, обезпечило бы потребителю правильное удовлетвореніе потребностей, освободило купцовъ отъ переполненія рынковъ, для общества сберегло бы *faux frais*, т. е., лишнія издержки, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя. Не смотря на анархію рынка и безпорядокъ свободной конкурренціи, въ центрахъ ввоза хлѣба должно возникнуть учрежденіе, исполняющее задачи статистическаго комитета, хотя само не сознающее своихъ функцій,—учрежденіе, которое стихійнымъ образомъ, согласно съ режимомъ свободной конкурренціи, могло бы съ извѣстнымъ приближеніемъ опредѣлять величину спроса и назначать срокъ подвозовъ и ихъ размѣры. Оно должно считаться со всѣми обстоятельствами и предвидѣть картину рынка въ будущемъ. Нужно въ этомъ *quasi*-статистическомъ разсчетѣ принять во вниманіе дожди, которые въ Индіи уничтожили надежду урожая, засухи, проявившія свое вліяніе въ иныхъ странахъ, и много другихъ обстоятельствъ, которыя могутъ оказать дѣйствіе на величину подвоза. Купецъ долженъ пустить въ ходъ средства, способныя предупредить возможный недостатокъ хлѣба.

Въ экономическомъ режимѣ, опирающемся на свободной конкурренціи нѣтъ непосредственной связи между спросомъ на рынкѣ и величиной и скоростью производства. Фабрикантъ не въ состояніи опредѣлить размѣры потребленія. Онъ высылаетъ машины, ткани и т. д. въ далекія страны, товаръ нагромождается въ магазинахъ и переполняетъ каналы сбыта, но все-таки не сейчасъ вызываетъ давленіе на сферу производства и не замедляетъ ея хода. Уравновѣшеніе спроса и предложенія происходитъ въ періодическихъ промежуткахъ времени при посредствѣ кризисовъ. Но, по отношенію къ съѣстнымъ припасамъ, несоотвѣтствіе не можетъ достигать слишкомъ большихъ размѣровъ. Качество продуктовъ вліяетъ и создаетъ своего рода равновѣсіе. Мука, масло и другіе съѣстные продукты не могутъ ждать такъ долго покупателя, какъ ножи или полотно. Въ большинствѣ случаевъ, между производствомъ и продажей существуетъ болѣе тѣсная связь. Большія мельницы въ Англіи, просуществовавъ нѣсколько лѣтъ, могутъ впередъ опредѣлить, сколько онѣ продадутъ муки въ каждый мѣсяцъ. Кругъ покупателей сохраняетъ до извѣстной степени постоянство; если же и измѣняется, то все-таки измѣненія эти довольно правильны. Завѣдующій мельницей въ собственномъ интересѣ долженъ стараться, чтобы его заводъ снабжалъ покупателей (розничныхъ торговцевъ) мукой систематически и регулярно. По необходимости, онъ долженъ обезпечить себѣ возможность систематическаго подвоза хлѣба, чего достигаетъ, входя съ коммиссіонерами въ *срочныя сдѣлки*. Коммиссіонныя фирмы производятъ подобныя сдѣлки на рынкахъ, занимающихся вывозомъ. (Срочныя сдѣлки состоятъ въ томъ, что покупающій обязывается купить хлѣбъ опредѣленнаго сорта и въ опредѣленномъ количествѣ, продающій же

доставить его въ опредѣленный срокъ). Совокупность этихъ посредниковъ, дѣйствующихъ на англійскомъ рынкѣ и къ опредѣленному сроку выписывающихъ хлѣбъ изъ Россіи, Индіи или Америки, представляетъ какъ будто статистическій комитетъ, принимающій на себя задачу снабдить страну необходимымъ количествомъ хлѣба. Онъ занялъ мѣсто городскихъ думъ среднихъ вѣковъ и замѣнилъ тогдашнія аграрныя предписанія, но, сообразно со всемъ строемъ нашей эпохи, онъ представляетъ организацію по кругу своего дѣйствія не городскую, но національную, дѣйствующую при помощи свободной купли-продажи. Посредники распредѣляютъ ввозъ хлѣба, Англія же, благодаря этому, получаетъ хлѣбные подвозы систематически опредѣленной величины. Разумѣется, англійская организація—это лишь отдѣльное звено въ международномъ механизмѣ обмѣна. Срочная продажа въ Ливерпулѣ влечетъ за собой возникновеніе цѣлаго ряда срочныхъ сдѣлокъ на большихъ рынкахъ вывоза въ Америкѣ, Россіи и т. д., большіе рынки даютъ заказы меньшимъ. Волна, вышедшая изъ хлѣбной биржи въ Англіи, распространяется все дальше.

Такимъ образомъ, при помощи срочныхъ сдѣлокъ, экспортеры получаютъ указаніе относительно спроса на центральномъ рынкѣ, т. е. когда они должны туда ввозить хлѣбъ и въ какомъ количествѣ. Фирмѣ, занимающейся ввозомъ, нечего теперь опасаться, что она можетъ заказать слишкомъ большой транспортъ или въ ненадлежащее время; она теперь до извѣстной степени освобождена отъ нѣкоторыхъ промаховъ. Каждый посредникъ дѣйствуетъ самостоятельно и безъ связи съ остальными. Если бы не было регулирующаго механизма, какимъ являются срочныя сдѣлки, на рынкѣ возникъ бы безпорядокъ и вызвалъ бы громадныя *faux frais*: транспорты переходили бы съ рынка на рынокъ, ища покупателя, хлѣбъ лежалъ бы въ центрахъ торговли въ амбарахъ, цѣны колебались бы сильно. Срочная торговля вводитъ нѣкоторую правильность въ анархію рынка. Она является рукой, противодѣйствующей недостаточному ввозу и не допускающей излишка. Срочныя сдѣлки регулируютъ движеніе хлѣба. Разумѣется, онѣ не уничтожаютъ всѣхъ отрицательныхъ сторонъ свободной конкурренціи и всѣхъ излишнихъ издержекъ, проистекающихъ изъ взаимной независимости посредниковъ, но все-таки смягчаютъ ихъ. Какъ торговцы смотрятъ на хлѣбную биржу, для насъ все равно. Съ общественной точки зрѣнія, она исполняетъ очень важную задачу. Такъ, въ лицѣ посредниковъ, которые толпятся на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ квадратныхъ аршинъ, входя взаимно въ срочныя сдѣлки, сосредоточивается вся статистика англійскаго спроса, распредѣленная правильно по временамъ года. Даже биржевая игра, стремящаяся повысить или понизить цѣны, дѣйствуетъ какъ своего рода автоматическій регуляторъ, стихійнымъ образомъ исправляющій ошибки, которыя вкрались въ статистическіе разсчеты, производимые тоже стихійно. Тѣ, которые условились къ опредѣленному сроку продать хлѣбъ, составляютъ какъ будто заграничное вѣдомство ста-

тистическаго комитета, долженствующее увѣдомить экспортеровъ о величинѣ спроса и организовать вывозъ. Срочныя сдѣлки, расширяясь изъ одной биржи на остальныя, противодѣйствуютъ опрометчивости посредниковъ и обезпечиваютъ систематическое удовлетвореніе спроса.

4.

Переворотъ въ методахъ земледѣлія и скотоводства, въ организаціи посредничества и т. д.—Въ чемъ состоитъ аграрный кризисъ?

Въ предъидущихъ главахъ мы обратили вниманіе на нѣкоторыя явленія экономической жизни, связанныя съ существованіемъ и развитіемъ большихъ городовъ (и фабричныхъ округовъ). Мы остановились на тѣхъ изъ нихъ, которыя пригодятся намъ въ дальнѣйшемъ нашемъ изслѣдованіи. Явленія эти, надлежащимъ образомъ разсмотрѣнныя, позволятъ намъ сразу понять суть аграрнаго кризиса, о которомъ столько говорится въ Западной Европѣ, и отыскать причины, вызвавшія его къ жизни.

Большіе города и промышленные фабричные округа (мы уже сказали, что оффиціальная англійская статистика отожествляетъ тѣ и другія) представляютъ особаго рода формацію въ соціальномъ организмѣ, которая, чтобы существовать, должна была встрѣтить въ обществѣ соотвѣтственныя приспособленія въ сферѣ производства и обмѣна съѣстныхъ припасовъ. По мѣрѣ развитія производительныхъ силъ, свойственныхъ нашей эпохѣ, народонаселеніе, занимающееся земледѣліемъ, вездѣ уменьшается относительно, въ передовыхъ же странахъ даже абсолютно. Взамѣнъ того, фабрично-городскіе округа даютъ убѣжище все растущему количеству людей—и абсолютно, и относительно. Такое измѣненіе въ распредѣленіи народонаселенія было бы невозможно, если бы параллельный переворотъ не охватилъ производства хлѣба, мяса, молочныхъ продуктовъ и т. д. Нѣкогда, нѣсколько вѣковъ тому назадъ, численные размѣры народонаселенія, не получающаго непосредственно, при помощи собственныхъ рукъ, плодовъ изъ матери земли, были очень незначительны. Даже ремесленникъ, живущій въ тогдашнихъ городахъ средней величины, владѣлъ нѣсколькими клочками земли, воздѣлывалъ овощи и хлѣбъ, держалъ корову и куръ, приготовлялъ окорока изъ собственной свиньи. Онъ покупалъ у селянина очень немного продуктовъ. Земледѣлецъ отправлялъ въ городъ лишь излишекъ, впрочемъ, очень незначительный. Наша эпоха уничтожила совершенно эту простоту общественныхъ отношеній. Нѣкогда воздѣлывало землю около 99% народонаселенія страны; теперь, если бы мы разсматривали всю территорію международнаго обмѣна, какъ нѣчто цѣлое, можетъ быть, мы получили бы всего-на-всего 60% и даже меньше. Это число людей должно не только добывать хлѣбъ для себя, но и снабжать съѣстными припасами тѣхъ, которые занимаются обра-

ботывающей дѣятельностью. Излишекъ, который остается у земледѣльцевъ послѣ удовлетворенія собственныхъ потребностей, долженъ быть значителенъ и трудъ его болѣе производителенъ, т. е. онъ долженъ, вложивъ въ данный кусокъ земли то же самое количество труда, получать больше продукта. Словомъ, прогрессъ въ техникѣ обработки земли долженъ идти параллельно съ измѣненіями, которыя настали въ размѣщеніи народонаселенія. Техническій переворотъ распространяется въ той сферѣ производства, которая отличалась прежде самымъ рутиннымъ духомъ.

Переворотъ этотъ дѣйствуетъ при помощи централизаціи. Появленіе фабрично-городскихъ округовъ въ отдѣльныхъ странахъ и даже перемѣна почти цѣлыхъ странъ въ такія территоріи, требующія ввоза съѣстныхъ припасовъ извнѣ, создало большіе рынки хлѣба, молока и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Обстоятельство это повліяло прежде всего на обмѣнъ: ввозъ и даже розничная продажа съѣстныхъ припасовъ начали сосредоточиваться. Возникли биржи, это—самое яркое проявленіе централизаціи обмѣна. Централизація обмѣна и появленіе большихъ рынковъ дали толчокъ дальнѣйшей централизаціи. Съ одной стороны появились громадные заводы, занимающіеся обработкой земледѣльческихъ продуктовъ: винокуренные и свеклосахарные, мясные, сыроварни и маслобойни; съ другой же—въ самомъ земледѣліи возникли громадныя предпріятія, воздѣлывающія хлѣбъ, разводящія фрукты или скотъ. Земледѣльческія занятія, въ теченіе вѣковъ находящіяся въ той же самой рукѣ, начали обособляться и разъединяться. Все это не замедлило повліять на способы веденія земледѣлія. Нѣкогда оно было просто и рутинно, помѣщики оставляли при немъ самаго глупаго изъ сыновей, какъ говоритъ старая пословица. Но подъ вліяніемъ переворота, оно начало становиться занятіемъ, требующимъ все большаго количества знаній. Скотоводство и воздѣлываніе, обработка полей переходятъ подъ руководство науки, становятся *зоотехникой*. Земледѣльческія орудія, способы обработки полей, корма скота и т. д.—все это радикально измѣнилось. Мы увидимъ впослѣдствіи всю величину этого переворота, конца же ему нельзя и предвидѣть. И все-таки мы вправѣ сказать, что мы присутствуемъ лишь при появленіи утренней зари, предвѣщающей восходъ солнца—такого порабощенія силъ органической природы, о которомъ трудно пріобрѣсти приблизительное понятіе изъ фактовъ настоящаго. Разумѣется, всѣ эти улучшенія отразились въ количествѣ продукта, добываемаго трудомъ земледѣльца и скотовода, и породили систематическій излишекъ съѣстныхъ припасовъ на рынкѣ. Предложеніе земледѣльческихъ продуктовъ на рынкѣ начало превышать существующій спросъ. Цѣны понизились.

Возникновеніе въ странѣ многочисленныхъ массъ народа, не обработывающихъ земли, и концентрація ихъ въ немногихъ городскихъ и фабричныхъ центрахъ были возможны при условіи, что средства транс-

порта и сообщенія приспособятся соотвѣтственнымъ образомъ. Города не могутъ довольствоваться съѣстными припасами, добываемыми въ непосредственной близости, но требуютъ подвоза иногда изъ очень далекихъ концовъ страны, Англія же поглощаетъ продукты почти изъ всѣхъ частей міра: яица привозятся изъ Австраліи и Вятской губерніи, пшеница изъ Индіи, Приволжья и Америки, воловье мясо изъ Канады и Аргентины, баранина изъ Новой Зеландіи, масло изъ Даніи. Земледѣліе входитъ на путь, характеризующій обрабатывающую промышленность. Въ этой послѣдней обособились округи, занимающіеся выдѣлкой тканей, металловъ, химическихъ продуктовъ и т. д. Такъ точно образуются теперь такія же территоріи въ добывающей промышленности: степныя пространства Техаса и Аргентинской республики мало-по-малу становятся громаднѣйшимъ центромъ скотоводства, Австралія—величайшей овчарней, равнина Красной рѣки и приволжскіе степи—мѣстомъ выдѣлки пшеницы, польдеры Голландіи—сплошнымъ молочнымъ хозяйствомъ. Благодаря развитію средствъ сообщенія эти территоріи въ большинствѣ случаевъ возникаютъ на окраинахъ международнаго организма, на свободной почвѣ колоній—свободной отъ крестьянской и мелкоземледѣльческой рутины. Есть тамъ неизмѣримыя пространства земли, ожидающія лишь труда и капитала, чтобы произвести массы продукта. Кто-то высчиталъ, что одна треть земель вдоль рѣки Саскачевана (въ Канадѣ) способна давать такой урожай пшеницы, что ея продуктъ сможетъ пропитать весь человѣческій родъ. Дальнѣйшее развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи находитъ лишь одну обузу—низкія цѣны. Колоніи—это своего рода хлѣбные резервуары, которые могутъ доставлять несмѣтное количество продукта, если цѣна на рынкѣ дастъ землевладѣльцу достаточно высокую ренту. Подъ вліяніемъ этого факта, и законы, управляющіе цѣной хлѣба на рынкѣ, начинаютъ принимать другой характеръ. Цѣны нѣкогда зависѣли отъ того количества хлѣба, которое дѣйствительно находилось на рынкѣ въ данный моментъ. Теперь на ихъ уровень вліяютъ даже запасы, находящіеся на разстояніи тысячи и болѣе верстъ. Такой излишекъ, покоющійся въ колоніальныхъ резервуарахъ, произвелъ всеобщее пониженіе цѣнъ, которое особенно тяготѣетъ надъ благосостояніемъ земледѣльцевъ въ странахъ, бывшихъ нѣкогда главными поставщиками хлѣба на рынки. Тамъ, въ колоніяхъ на землѣ, которую большой капиталъ иногда первый беретъ во владѣніе, возникла централизація земледѣлія и скотоводства, появились машины, приложены новыя методы. Кромѣ того, силы природы, какъ говорятъ вульгарные экономисты, дѣйствуютъ тамъ «даромъ»—ребяческое выраженіе, но все-таки высказывающее очень реальный фактъ. Земледѣльцы, высылая транспорты хлѣба и мяса въ Европу, могутъ продавать ихъ дешевле нежели европейскіе земледѣльцы. Конкурренція становится все сильнѣе, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ появленіемъ излишняго продукта и пониженіемъ цѣнъ возможность продажи дѣлается все

неустойчивѣе. Развитіе средствъ транспорта и сообщенія лишило земледѣльца увѣренности, что онъ всегда найдетъ покупателя на свой продуктъ на рынкѣ,—товаръ можетъ прибыть изъ другихъ странъ.

Централизація обмѣна, пользуясь биржами, какъ мѣстомъ сдѣлокъ и регулированія купли-продажи, вызвала глубокія измѣненія въ техникѣ торговыхъ оборотовъ. Возникъ механизмъ, въ высшей степени сложный и одновременно простой, о которомъ дѣды наши не имѣли даже, малѣйшаго понятія. Вмѣсто амбаровъ, появились элеваторы, вмѣсто обыкновенной продажи—продажа на основаніи номенклатуръ, рынокъ начинаетъ требовать однообразнаго хлѣбнаго товара, нужно было завести хлѣбныхъ и другихъ инспекторовъ. Организація эта народилась въ новѣйшихъ экспортныхъ странахъ, т. е. въ Соединенныхъ Штатахъ. Страны, изъ которыхъ вывозятъ хлѣбъ издавна, стараются завести и у себя тоже такія учрежденія, но это дается имъ съ трудомъ. Элеваторы, срочныя сдѣлки, номенклатура—необходимы, только при ихъ помощи можно удержать мѣсто на всеміриомъ рынкѣ. Но этотъ механизмъ, сложный и вліятельный, необходимый для благоденствія земледѣлія, составляетъ силу, покоющуюся въ рукахъ посредниковъ-торговцевъ и стремящуюся закабалить земледѣльца.

Представить всѣ эти стороны экономическаго развитія—такова задача нашихъ очерковъ. Въ настоящей статьѣ мы старались дать общее понятіе читателю. Но то, что мы сказали выше, далеко не исчерпываетъ предмета, мы едва коснулись самыхъ выдающихся пунктовъ. Еще одно. Мы замѣтили, что переворотъ, къ оцѣнкѣ и характеристикѣ котораго мы приступаемъ, едва начался. По нашему мнѣнію, бѣдствія, на которыя земледѣльцы Европы жалуются, только предвѣстники приближающихся экономическихъ ураrановъ. Нечего говорить о томъ, чтобы можно было задержать ходъ экономическаго развитія и возвратить его къ исходному пункту, къ дѣдовскимъ условіямъ производства и обмѣна. Развитіе это подвигается все впередъ, толкая народы на путь невѣдомаго будущаго.

Экономическая жизнь напоминаетъ морскую бурю — только суда, имѣющія ловкаго кормчаго, могутъ избѣжать гибели. Единственное спасеніе для нежелающихъ погрузиться въ пучину—въ знаніи,—въ знаніи общественныхъ силъ, вызванныхъ къ существованію нашей эпохой. Изслѣдуя ближе аграрный кризисъ, мы увидимъ, что онъ, какъ и всякій соціальный кризисъ, проистекаетъ изъ антагонизма между появляющимися производительными силами и правовыми и другими отношеніями, которыя, возникнувъ при прежнемъ строѣ матеріальныхъ условій, перестали отвѣчать запросамъ современности.

Л. Крживицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РУДОЛЬФЪ ВИРХОВЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ, НАУЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

(Продолженіе) *).

III.

1848-й годъ. — Мартовскіе дни въ Берлинѣ. — Изданіе «Медицинской Реформы».— Требованія реорганизаціи врачебнаго дѣла. — Столкновеніе съ министерствомъ.— Отрѣшеніе Вирхова отъ должности провектора Charité. — Приглашеніе на каѳедру въ Вюрцбургъ.—Ученые труды перваго берлинскаго періода.

1848-й годъ, «великій годъ» по мнѣнію однихъ, «безумный годъ» по мнѣнію другихъ, который слѣдуетъ считать не съ 1-го января, а съ 24-го февраля, съ момента учрежденія во Франціи временнаго правительства,—циклономъ пронесся чрезъ всю Европу. Въ 24 дня «великое психологическое движеніе» потрясло до самыхъ основъ всю среднюю Европу. Оно выдвинуло и открыто поставило всѣ вопросы, которые только способны волновать умы, вопросы государства и церкви, вопросы соціальные, экономическіе, этическіе и научные. Разрѣшить всѣ эти вопросы оно, конечно, не разрѣшило, да этого нельзя было ждать и требовать, но уже одна постановка ихъ въ болѣе или менѣе категорической формѣ—фактъ чрезвычайной важности.

Въ Германіи волна революціоннаго движенія стремительно неслась съ юга на сѣверъ и вскорѣ достигла Пруссіи. Съ 6-го марта въ Берлинѣ начались волненія, наступили великіе «мартовскіе дни». Менѣе чѣмъ черезъ 2 недѣли, 18-го марта, къ прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV явилась депутація отъ населенія столицы и передала ему желанія народа. Фридрихъ-Вильгельмъ IV изъявилъ свое согласіе даровать конституцію. Но лишь «послѣ того, какъ чугунныя уста пушекъ тщетно говорили», король дѣйствительно уступилъ «требованіямъ народа», и демократія могла праздновать побѣду, стоившую ей жаркой борьбы чуть ли не на всѣхъ улицахъ прусской столицы. «Весна народовъ», какъ поэтически назвали это время, продолжалась недолго. Уже въ октябрѣ реакція подняла голову и стала усиленно дѣйствовать. 10-го ноября войска Вран-

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

геля вступили въ Берлинъ, а 12-го прусская столица была объявлена въ осадномъ положеніи.

Мартовскіе дни отразились, конечно, и на берлинскомъ университетѣ, хотя участіе послѣдняго и не носило такого активнаго характера, какъ въ Вѣнѣ. Ректоромъ въ это тревожное время былъ великій учитель Вирхова, Іоганнъ Мюллеръ. Насколько политика интересовала ученика, настолько учитель былъ ей совершенно чуждъ. Между тѣмъ обстоятельства сложились такъ, что Мюллеру пришлось погрузиться въ самый водоворотъ быстро смѣняющихся событій. Актовый залъ университета сталъ мѣстомъ политическихъ собраній. По примѣру вѣнскаго академическаго легіона, берлинское студенчество также образовало вооруженный отрядъ, команду надъ которымъ долженъ былъ принять на себя Мюллеръ, какъ ректоръ. Университетъ со своимъ ректоромъ во главѣ принялъ участіе въ торжественномъ погребеніи павшихъ на баррикадахъ. 27-го марта ректоръ собралъ весь учащій персоналъ, чтобы получить мнѣніе университета о созывѣ соединеннаго ландтага. Меньшинство 7 противъ 98 высказалось за право страны на учредительное собраніе. Въ лагерѣ меньшинства мы, конечно, встрѣчаемъ Вирхова. Въ апрѣлѣ министръ народнаго просвѣщенія затребовалъ проекты реформы университетовъ и созвалъ ординарныхъ профессоровъ на совѣщаніе. Обойденные экстраординарные профессора и доценты тщетно добивались, чтобы выслушали и ихъ мнѣнія. Выбранный ими изъ своей среды комитетъ, въ который вошелъ и Вирховъ, вступилъ по этому поводу въ пререканія съ ректоромъ и совѣтомъ университета, причемъ полемика эта перешла даже на столбцы общей прессы. Все это время злосчастный ректоръ дрожалъ за безопасность университета, научныя сокровища котораго были ввѣрены его личной отвѣтственности. И вотъ Іоганнъ Мюллеръ, опоясанный саблей, со скрещенными руками, мрачнымъ взоромъ, дни и ночи стоялъ на часахъ, охраняя свой университетъ.

По поводу 1848 года Вирховъ прочелъ въ берлинскомъ обществѣ научной медицины крайне интересный и остроумный докладъ «*Эпидемія 1848 года*». Здѣсь онъ проводитъ параллель между двумя *соматическими* эпидеміями (тифъ въ Верхней Силезіи и холера) и одной *психической*, какъ онъ характеризуетъ революціонное движеніе. Послѣдняя эпидемія заставила почти совершенно забыть о первыхъ двухъ, несмотря на ихъ страшную интенсивность. Въ виду благопріятныхъ обстоятельствъ, говорившихъ за хорошій исходъ этой эпидеміи, мы, врачи, говоритъ Вирховъ, высказались за хорошій прогнозъ (предсказаніе). Развѣ насъ поэтому, восклицаетъ онъ, слѣдуетъ считать плохими врачами! Предсказаніе оказалось ошибочнымъ, потому что не были приняты въ разсчетъ нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства и не въ рукахъ врачей было удержать или регулировать благопріятныя условія. Какъ хорошимъ врачамъ, говоритъ далѣе Вирховъ, намъ не остается ничего иного, какъ произвести вскрытіе и воспользоваться эпикризомъ (оцѣнкой) для подоб-

наго случая въ будущемъ. Какова же была причина смерти въ данномъ случаѣ? Въ чемъ кроется неудача движенія 1848 года? Стремясь подойти къ вѣрному рѣшенію этого вопроса, Вирховъ и видитъ главную причину въ недостаточно развитомъ самосознаніи общества, въ его вѣрѣ въ авторитеты.

Движеніе 1848 года указало на необходимость реформъ во всемъ строѣ общественной жизни. Не мудрено, если оно вызвало и среди лучшихъ представителей врачебнаго сословія, сословія, принимавшаго горячее участіе въ самомъ движеніи, сознаніе и стремленіе реорганизовать врачебное дѣло въ Германіи. Выразителемъ этихъ стремленій явился Вирховъ. Для проведенія новыхъ взглядовъ требовался и новый органъ съ совершенно особымъ характеромъ. Вполнѣ понимая все значеніе при данныхъ условіяхъ независимаго и самостоятельнаго органа, Вирховъ, совмѣстно съ своимъ другомъ и единомышленникомъ Леубушеромъ, сталъ издавать еженедѣльный журналъ съ публицистическимъ, боевымъ направленіемъ и подъ вполнѣ опредѣляющимъ его задачи названіемъ. «Медицинская Реформа» — вотъ названіе новаго журнала— была всецѣло посвящена реорганизаціи врачебнаго дѣла. Параллельно съ этимъ, на страницахъ своего журнала Вирховъ объявилъ безпощадную войну ученымъ и неученымъ гасильникамъ и мракобѣсамъ. Каждый номеръ приносилъ статью неутомимаго редактора,—статью, написанную горячо, убѣжденно и убѣдительно. Не трудно себѣ представить, какое сильное впечатлѣніе должны были производить эти дѣйствительно «передовыя» статьи на своихъ читателей. Не смотря на свое краткое существованіе, не обнимающее даже и года (съ 10 іюля 1848 года по 29 іюня 1849). «Медицинская Реформа», внѣ всякаго сомнѣнія, сослужила свою службу.

Въ передовой статьѣ, открывающей новый журналъ и посвященной вопросу «Чего желаетъ «Медицинская Реформа», Вирховъ указываетъ прежде всего на то, что «Медицинская Реформа» вступаетъ въ жизнь въ такое время, когда переворотъ старыхъ государственныхъ соотношеній еще не завершился, но когда уже составляются новые планы и сносятся со всѣхъ сторонъ камни для закладки и возведенія новаго государственнаго зданія. Какая же иная задача могла бы быть ближе «Медицинской Реформѣ», какъ не та—посодѣйствовать, въ свою очередь, уборкѣ стараго хлама и устройству новыхъ учрежденій. «Политическіе ураганы такой силы и напряженія, какъ нынѣ несущіяся чрезъ мыслящую часть Европы, потрясая до самаго основанія всѣ части государства, выражаютъ собою коренныя измѣненія во всеобщемъ воззрѣніи на жизнь. Медицина не можетъ остаться при этомъ одна незатронутой; и здѣсь радикальную реформу нельзя долѣе откладывать».

Реформа врачебнаго дѣла сводилась, главнымъ образомъ, къ правильной постановкѣ вопроса объ общественномъ здравоохраненіи. «Врачи,—писалъ Вирховъ,—естественные защитники бѣдныхъ и соціальный

вопросъ падаетъ въ значительной своей степени въ ихъ юрисдикцію». Періодическая медицинская печать во Франціи поняла эту задачу непосредственно послѣ февральскихъ дней и поставила общественную медицину во главѣ своихъ статей; въ Германіи оставалось все по-прежнему, «какъ-будто въ этомъ году (1848) вовсе не было марта мѣсяца». Восполнить этотъ пробѣлъ, исправить эту ошибку имѣла въ виду «Медицинская Реформа».

«Уже одно слово «общественное здравоохраненіе», — писалъ Вирховъ,—говоритъ тому, кто умѣетъ сознательно мыслить, о полномъ и коренномъ измѣненіи въ нашемъ воззрѣніи на отношеніе государства къ медицинѣ; это одно слово показываетъ тѣмъ, которые полагали и еще полагаютъ, что медицина не имѣетъ ничего общаго съ политикой, всю величину ихъ заблужденія».

Это «полное и коренное измѣненіе» явилось результатомъ того историческаго момента, который тогда переживала Европа, и выразилось въ предъявленіи къ государству большихъ требованій. По мнѣнію Вирхова, недостаточно того, что государство предоставляетъ каждому своему гражданину вообще средства къ существованію, что оно поэтому помогаетъ каждому, чья рабочая сила недостаточна, чтобы доставить ему эти средства. Государство должно дѣлать больше, оно должно содѣйствовать каждому въ такой мѣрѣ, чтобы онъ велъ гигіеническое существованіе. Это просто вытекаетъ изъ понятія о государствѣ, какъ нравственной совокупности всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, изъ солидарнаго ручательства всѣхъ за всѣхъ. Поэтому совершенно ложно ставить на мѣсто исполненія обязательства всѣхъ—милосердіе единичныхъ личностей. Филантропія, конечно, прекрасная вещь, но она не можетъ замѣнить организованной государственной помощи. Печальной иллюстраціей несостоятельности филантропіи и случайной неорганизованной помощи со стороны государства можетъ служить верхнесилезскій голодъ и тифъ. Въ разгаръ любой эпидеміи филантропы подчасъ проявляютъ весьма энергическую дѣятельность, но съ прекращеніемъ эпидеміи они возвращаются къ своему относительному покою, а бѣдняки—къ своимъ прежнимъ привычкамъ, къ грязи и неумѣренности.

Подъ общественнымъ здравоохраненіемъ Вирховъ понималъ всѣ отношенія государства къ медицинѣ и медикамъ. Что же входило въ кругъ этихъ отношеній и каковы должны быть тѣ средства, при помощи которыхъ государство можетъ выполнить свои обязательства въ этомъ направленіи? Отвѣтъ на первый вопросъ уже данъ выше: это—удовлетворить праву отдѣльной личности на гигіеническое существованіе. Въ виду того, что государство, въ свою очередь, требуетъ для своего существованія, какъ цѣлаго, отъ своихъ гражданъ всякихъ жертвъ, до самой жизни включительно, отъ государства и можно ждать, что оно признаетъ возможность гигіеническаго существованія за право своихъ гражданъ. Понятно, что вопросъ о существованіи пріобрѣтаетъ зна-

ченіе лишь для тѣхъ, кто не имѣетъ средствъ къ существованію. Нуждающіеся распадаются на два главныхъ класса, на способныхъ къ труду и неспособныхъ. Спрашивается, каковы должны быть отношенія государства къ этимъ обѣимъ группамъ. Мы не станемъ вдаваться въ разсмотрѣніе этихъ вопросовъ, но самая постановка ихъ должна показать, какъ широки границы общественнаго здравоохраненія. Являясь на первый взглядъ чисто экономическими, вопросы эти все же имѣютъ очень близкое отношеніе къ медицинѣ. Не будь этого, медицину нельзя было бы назвать соціальной наукой, такъ какъ соціальный вопросъ вращается по преимуществу около вопросовъ о существованіи, о (вознаграждаемомъ) трудѣ и объ обученіи.

О нуждающихся неспособныхъ къ труду, какъ-то: покинутыхъ дѣтяхъ, калѣкахъ и старцахъ, государство несомнѣнно должно заботиться. Заботы эти выразятся либо въ устройствѣ спеціальныхъ учрежденій (родильные пріюты, воспитательные дома, сиротскіе пріюты, богадѣльни, инвалидные дома), либо въ приспособленіяхъ и улучшеніяхъ домашней обстановки. Заботы о нуждающихся работоспособныхъ также лежатъ на государствѣ. Если государство не можетъ доставить каждому работу по его силамъ и способностямъ, то не остается ничего иного, какъ помочь бѣдѣ непосредственною выдачею денегъ или предоставленіемъ необходимыхъ жизненныхъ средствъ (пищи, одежды, жилища), или же произвести полную перемѣну въ жизненныхъ условіяхъ цѣлыхъ классовъ народа, или же, наконецъ, просто сбыть этихъ людей съ рукъ. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ медицина живо заинтересована. Возьмемъ послѣдній случай, гдѣ, повидимому, о медицинѣ менѣе всего можетъ быть рѣчь и гдѣ дѣло идетъ объ эмиграціи и колонизаціи. Однако, кто бы подумалъ, что это—не вопросы общественнаго здравоохраненія, тотъ нанесъ бы жестокое оскорбленіе всѣмъ принципамъ гуманности. Въ доказательство справедливости такого взгляда Вирховъ приводитъ цифровыя данныя о смертности среди эмигрантовъ во время переѣзда черезъ океанъ вслѣдствіе недостатка въ судовыхъ врачахъ, вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія, недостаточнаго питанія и т. п.

По отношенію спеціально къ рабочимъ въ компетенцію общественнаго здравоохраненія должна входить установка числа рабочихъ часовъ, нормировка рабочаго дня сообразно съ возрастомъ, далѣе законоположенія относительно вредныхъ для здоровья промысловъ, однимъ словомъ, цѣлый рядъ вопросовъ по гигіенѣ рабочаго люда.

Наконецъ, нужно ли упоминать объ отношеніи общественнаго здравоохраненія къ общественному обученію? Не говоря уже о физическомъ воспитаніи, гимнастикѣ въ самомъ широкомъ объемѣ, опредѣленіи учебныхъ часовъ, медицина должна оказывать извѣстное вліяніе и на самое преподованіе. Распространеніе путемъ преподаванія общихъ свѣдѣній о строеніи и отправленіяхъ человѣческаго организма сдѣлаетъ возможнымъ при посредствѣ популярныхъ наставленій провести въ народъ разумныя

понятія объ уходѣ за своимъ тѣломъ и предохраненіи его отъ вредныхъ вліяній. Самая нравственность получитъ новыя и болѣе солидныя точки опоры при болѣе основательномъ знакомствѣ съ сущностью явленій природы, со значеніемъ вѣчныхъ законовъ природы и съ ихъ проявленіями въ нашемъ собственномъ тѣлѣ. Вотъ великая область общественнаго здравоохраненія, вотъ тѣ вопросы и задачи, которыя ставитъ медицинѣ жизнь массъ въ многоразличныхъ своихъ проявленіяхъ. Бываютъ, однако, моменты въ жизни народовъ, когда медицина и ея представители выдвигаются на первый планъ. Это—тяжелые моменты появленія эпидемій, когда болѣзнь достигаетъ ужасающихъ размѣровъ и люди гибнутъ тысячами. Исторія не разъ указывала, какъ судьбы величайшихъ государствъ зависѣли отъ санитарнаго состоянія народовъ или войскъ, и не подлежитъ уже болѣе сомнѣнію, что исторія народныхъ болѣзней должна составлять нераздѣльную часть исторіи культуры человѣчества. «Эпидеміи,—писалъ Вирховъ,—представляютъ какъ бы предостерегающія скрижали, въ которыхъ истинный государственный дѣятель можетъ прочесть, что въ ходѣ развитія его народа наступило рѣзкое нарушеніе, проглядѣть которое не должна даже беззаботная политика». Поэтому первая обязанность государственныхъ властей въ такіе моменты принять крупныя и разумныя мѣры. Предшествовавшія эпидеміи должны учить государственныхъ дѣятелей, какъ вести борьбу съ могущей вспыхнуть эпидеміей. Къ сожалѣнію, здѣсь примѣнимъ извѣстный афоризмъ относительно политической исторіи, а именно, что исторія существуетъ для того, чтобы изъ нея научиться, что изъ нея ничему не научаются. Вмѣсто раціональныхъ широко задуманныхъ и широко проведенныхъ, не щадя силъ и средствъ, мѣръ въ борьбѣ съ эпидеміями, ограничиваются изданіемъ различныхъ наставленій. Если мы вспомнимъ, что въ то время, когда Вирховъ затрогивалъ эти вопросы, въ Европѣ свирѣпствовала холера 1848 года, мы вполнѣ поймемъ подчасъ крайне рѣзкій тонъ его статей. Вспомнимъ, что почти полстолѣтія спустя также боролись съ холерой больше инструкціями и наставленіями, да развѣ еще боченками съ кипяченной водой.

«Не наставленія слѣдуетъ писать, чтобы вызвать безпокойство среди упитанныхъ буржуа, а нужно принять мѣры, чтобы бѣдняка, у котораго нѣтъ свѣжаго хлѣба, нѣтъ хорошаго мяса, нѣтъ теплой одежды, нѣтъ постели, который при своей работѣ не можетъ существовать на рисовомъ супѣ и ромашкѣ, бѣдняка, котораго наиболѣе поражаетъ эпидемія, уберечь отъ послѣдней путемъ улучшенія его положенія. Пусть эти господа вспомнятъ, сидя зимою у пылающихъ каминовъ и занимаясь раздачей своимъ дѣткамъ рождественскихъ яблокъ, пусть они вспомнятъ, что судовые рабочіе, которые привезли сюда каменный уголь и яблоки, поумирали отъ холеры. Ахъ, это очень печально, что всегда тысячи должны гибнуть въ нищетѣ, чтобы нѣсколькимъ сотнямъ жилось хорошо, и что эти сотни, когда наступаетъ очередь новой тысячи, пишутъ лишь *наставленія*».

Одной изъ важныхъ мѣръ борьбы и съ эпидемичеекими, и съ обыкновенными заболѣваніями является устройство больницъ, какъ выраженіе попеченія о больныхъ. Конечно, рядомъ съ этимъ можетъ и должна идти медицинская помощь больному на дому. На больницы, по мнѣнію Вирхова, слѣдуетъ смотрѣть съ трехъ точекъ зрѣнія. Прежде всего, разумѣется, они служатъ цѣлямъ попеченія о больныхъ, затѣмъ даютъ возможность врачамъ практически усовершенствоваться и, наконецъ, способствуютъ распространенію и развитію науки. Въ виду такого значенія больницъ онѣ подлежатъ заботамъ государства. Вирховъ требуетъ, чтобы каждый, нуждающійся въ больничномъ уходѣ, находилъ безплатный и немедленный пріемъ въ больницу. Далѣе, по его мнѣнію, лѣчебное заведеніе должно быть такъ устроено, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ способствовать благу больного. Тутъ не должно быть даже и рѣчи, сколько денегъ должно стоить такое учрежденіе. Либо общество, государство и община признаютъ за собой обязательство, и тогда средства должны быть доставлены, либо такое обязательство не признается, но тогда «уже нечего толковать о томъ, что общественное здравоохраненіе существуетъ». Кстати замѣтимъ, что требованія Вирхова относительно больницъ можно считать въ настоящее время почти удовлетворенными.

Реорганизація врачебнаго дѣла требовала пересозданія самыхъ правительственныхъ органовъ, отъ которыхъ непосредственно зависѣла постановка всего медицинскаго строя Германіи. Здѣсь «реформа» должна была состоять, по мнѣнію Вирхова, въ учрежденіи германскаго имперскаго министерства общественнаго здравоохраненія. Учрежденіе спеціальнаго прусскаго медицинскаго министерства Вирховъ считалъ совершенно излишнимъ, хотя и раздавались голоса въ пользу такой реформы. Одно было ясно, что «бумажное царство, громадная армія тайныхъ и не тайныхъ младшихъ, старшихъ и среднихъ совѣтниковъ» не могла долѣе существовать въ прежней своей формѣ. Число медицинскихъ административныхъ чиновниковъ слѣдовало значительно уменьшить, а нѣкоторую часть назначаемыхъ правительствомъ замѣнить избираемыми по желанію общинъ (уѣздные и общинные врачи). Различныя научныя и техническія коммиссіи и коллегіи должны быть совершенно упразднены и замѣнены двумя новыми учрежденіями.

Въ научныхъ вопросахъ высшей инстанціей является особая медицинская академія, которая пополняется выборами. Рядомъ съ нею функціонируетъ особый совѣтъ для рѣшенія вопросовъ техническихъ и административныхъ.

Особое вниманіе Вирховъ обратилъ на университетское преподаваніе медицины, преподаваніе, реорганизацію котораго онъ также признавалъ настоятельно необходимою. И здѣсь, конечно, государство должно, разъ оно признаетъ свои обязательства по отношенію къ общественному здравоохраненію, позаботиться о подготовкѣ тѣхъ лицъ, въ профессіональныя обязанности которыхъ входитъ самое охраненіе здоровья граж-

данъ. Безъ участія государства можетъ образоваться стоящая внѣ всякаго контроля свобода медицинской профессіи, «свободная торговля человѣческимъ мясомъ». Создавая и поддерживая образовательныя медицинскія учрежденія, государство должно сдѣлать изученіе медицины доступнымъ для всѣхъ желающихъ и безвозмезднымъ. Не денежныя средства, а способности—вотъ критерій въ этомъ вопросѣ. Всякій, обладающій требуемымъ подготовительнымъ образованіемъ и одаренный соотвѣтствующими способностями для успѣшнаго изученія медицинскихъ наукъ, имѣетъ право на безвозмездное обученіе. Преподаваніе медицины существуетъ не для того, чтобы дать нѣкоторымъ лицамъ возможность пріобрѣсти хлѣбное ремесло, *Brodstudium*, по выраженію нѣмцевъ; задача его — сдѣлать возможнымъ самое существованіе общественнаго здравоохраненія. Если бы медицинскія образовательныя учрежденія служили мѣстомъ, гдѣ всякій можетъ научиться, «какъ облегчать больнымъ людямъ карманы», государству не къ чему было бы поддерживать эти учрежденія. Измѣненія въ самомъ преподаваніи касаются метода преподаванія и способа рекрутированія преподавателей. Относительно метода Вирховъ требуетъ, чтобы послѣдній носилъ болѣе наглядный характеръ, чтобы въ будущемъ врачѣ прежде всего развивали естествоиспытателя. У постели больного, по отношенію къ каждому отдѣльному случаю заболѣванія, врачъ является въ роли естествоиспытателя. Поэтому, если во врачѣ хотятъ развить естествоиспытателя, необходимо, чтобы онъ могъ приступить къ ожидающему его въ практикѣ матеріалу для наблюденія съ запасомъ фактическаго знанія и вооруженный логическимъ мышленіемъ. Пріобрѣтеніе двухъ послѣднихъ свойствъ—знанія фактовъ и логическаго мышленія—является главною задачей гимназическаго университетскаго образованія.

Замѣщеніе каѳедръ Вирховъ считалъ болѣе цѣлесообразнымъ производить не путемъ правительственнаго назначенія профессоровъ, а путемъ публичныхъ конкурсовъ, по примѣру Франціи.

Въ своихъ требованіяхъ реорганизаціи врачебнаго дѣла, въ суровой, хотя и справедливой критикѣ существовавшихъ порядковъ или, вѣрнѣе, безпорядковъ, Вирховъ проявилъ себя человѣкомъ, проникнутымъ демократическими идеями. Его «Сообщенія о тифѣ въ Верхней Силезіи», съ которыми мы уже познакомили читателей, послужили также къ распространенію на него взгляда, какъ на демократа. Поэтому не удивительно, что одинъ изъ тюрингенскихъ округовъ (округъ Ziegenrück) при дополнительныхъ выборахъ въ октябрѣ 1848 года избралъ своимъ представителемъ въ прусское учредительное собраніе пылкаго борца за реформу, прозектора Charité. Въ то время Вирховъ не достигъ еще требуемаго закономъ возраста и поэтому не могъ принять этихъ полномочій. Съ другой стороны также не удивительно, что правительство въ лицѣ министерства народнаго просвѣщенія не особенно одобрительно смотрѣло на ученаго демократа и только ожидало случая, чтобы избавиться отъ

него. Случай, которымъ правительство съ этою цѣлью воспользовалось, вѣрнѣе, къ которому оно придралось, былъ совершенно неправильно истолкованъ во вредъ Вирхову. Министерство обвинило Вирхова въ томъ, что онъ велъ выборную агитацію въ стѣнахъ Charité. Между тѣмъ Вирховъ на страницахъ своего журнала «Медицинская Реформа» открыто возмущался тѣмъ, что въ больницѣ Charité устраивались политическія собранія. Дѣло въ томъ, что еще при первыхъ общихъ выборахъ въ маѣ 1848 г. больница Charité съ нѣкоторою частью сосѣдняго округа была выдѣлена въ особый избирательный участокъ. Сдѣлано это было въ тѣхъ видахъ, чтобы раненымъ мартовскихъ дней, бывшихъ на излѣченіи въ Charité, дать возможность воспользоваться правомъ выборовъ—правомъ, завоеваннымъ ихъ кровью. При выборахъ 1849 года уже неизвѣстно по какой причинѣ Charité также была выдѣлена и имѣла 250 избирателей. Съ точки зрѣнія врача, Вирховъ и возсталъ противъ такого порядка. Политическія собранія, разъяснялъ Вирховъ, сильно возбуждаютъ и могутъ вредно отзываться на здоровыхъ, не только на больныхъ. Нельзя считать благопріятнымъ для здоровья моментомъ, если выздоравливающіе почти 5 часовъ проводятъ въ переполненныхъ собраніяхъ, гдѣ ведется бурная и жаркая выборная борьба. Такая «выборная горячка» могла вызвать дѣйствительное повышеніе температуры у больныхъ. Больница, по мнѣнію Вирхова, не мѣсто для политической агитаціи. «Мы не желаемъ,—говоритъ Вирховъ,—чтобы больницы стали политическими учрежденіями, какъ и не стоимъ за то, чтобы сдѣлать ихъ очагами религіозной пропаганды». Трактатики религіозныхъ партій и политическія брошюры въ одинаковой степени не должны нарушать покоя больныхъ. Не смотря на такой рѣзко выраженный взглядъ Вирхова, взглядъ, вполнѣ безпристрастный, такъ какъ выборы въ Charité были демократическаго характера, министерство все жъ на основаніи этой агитаціи, отрѣшило Вирхова отъ должности прозектора. Уже задолго этому предшествовало предложеніе добровольно оставить свою должность, на что Вирховъ, конечно, не согласился. Внезапное отрѣшеніе Вирхова вскорѣ однако было отложено, благодаря стараніямъ его друзей, оказавшихъ воздѣйствіе на министра Ладенберга. Столкновеніе Вирхова съ министерствомъ закончилось тѣмъ, что съ 1 мая 1849 года Вирхову пришлось очистить свою квартиру въ Charité, а прозектура была оставлена за нимъ лишь подъ ясно выраженнымъ условіемъ возможнаго во всякій данный моментъ отрѣшенія. Находиться подъ такимъ Дамокловымъ мечомъ для человѣка съ заслуженнымъ именемъ въ наукѣ и справедливымъ самолюбіемъ въ душѣ было не легко—вюрцбургскій университетъ вывелъ Вирхова изъ этого унизительнаго и ложнаго положенія. Какъ разъ въ это время медицинскій факультетъ вюрцбургскаго университета предложилъ, отрѣшенному отъ должности, прозектору занять самостоятельную каѳедру патологической анатоміи въ званіи ординарнаго профессора. Вирховъ по долгу службы сообщилъ объ этомъ крайне лестномъ для него приглашеніи

министру народнаго просвѣщенія. Послѣдній удостоилъ опальнаго ученаго пространнѣйшимъ и мотивированнымъ отвѣтомъ, резюмэ котораго сводилось къ тому, что министръ, хотя и видитъ въ этомъ приглашеніи справедливую оцѣнку научной и преподавательской дѣятельности Вирхову, тѣмъ болѣе долженъ сожалѣть, что «настоящее положеніе вещей дѣлаетъ для него невозможнымъ» предложить Вирхову въ Берлинѣ какое-либо положеніе, которое могло бы его побудить отклонить это почетное приглашеніе. Прочтя дипломатическое посланіе своего начальника, Вирховъ отвѣтилъ совѣту вюрцбургскаго университета, что онъ готовъ занять предлагаемую ему каѳедру съ наступающаго зимняго семестра.

Собираясь покинуть Берлинъ, Вирховъ къ этому времени, къ концу іюня 1849 года, прекратилъ изданіе «Медицинской Реформы». Въ прощальномъ словѣ къ своимъ читателямъ редакторъ рисуетъ мѣстами въ поэтическихъ краскахъ возникновеніе революціоннаго движенія и затѣмъ наступленіе реакціи, задушившей всѣ реформаціонныя стремленія .«Мы слишкомъ много вѣрили,—писалъ Вирховъ,—въ силу разума—предъ грубымъ насиліемъ, культуры—предъ пушками; мы сознали наши заблужденія». Задачу, которую онъ себѣ поставилъ въ «Медицинской Реформѣ», Вирховъ считалъ до извѣстной степени выполненной. Отъ правительства, путемъ періодической прессы, нельзя ничего больше добиться. Среди врачей способные къ прогрессу не нуждаются въ постоянномъ руководительствѣ, на смиренныя же, беотическія натуры аргументы никогда не дѣйствуютъ. Можно, поэтому, признать лишь еще одну задачу—это внести въ народное сознаніе вопросы общественнаго здравоохраненія, вопросы о насущномъ хлѣбѣ и гигіеническомъ существованіи, и добиться при содѣйствіи все новыхъ и новыхъ апостоловъ окончательнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ на самыхъ широкихъ началахъ.

«Медицинская Реформа», которую мы имѣли въ виду,—заканчиваетъ Вирховъ,—была реформой науки и общества. Мы развили ея принципы, они проложатъ себѣ дорогу и безъ дальнѣйшаго существованія этого органа. Но каждое данное мгновеніе застанетъ насъ трудящимися во имя этихъ принциповъ, готовыми бороться во имя ихъ».

Прежде, чѣмъ послѣдовать за Вирховымъ къ его новой дѣятельности, мы постараемся въ краткихъ чертахъ представить нашимъ читателямъ характеристику ученыхъ трудовъ Вирхова въ первый берлинскій періодъ.

Первый толчокъ къ работамъ въ извѣстномъ направленіи, первую тему для самостоятельной научной работы Вирхову далъ Фрорипъ, объ отношеніяхъ котораго къ Вирхову мы говорили выше. Фрорипъ предложилъ молодому ученому заняться разработкой вопроса о воспаленіи венъ *(флебитъ)*, вопроса, стоявшаго тогда на очереди и крайне занимавшаго умы спеціалистовъ. Какое важное значеніе придавали этому болѣзненному процессу, видно изъ афоризма Крювелье, одного изъ выдающихся

въ то время патолого-анатомовъ, по мнѣнію котораго флебитъ господствуетъ надъ всей патологіей (la phlébite domine toute la pathologie). Предшественники Вирхова подходили къ рѣшенію вопроса односторонне, имѣя въ виду лишь измѣненія въ стѣнкахъ сосудовъ. Вирховъ обратилъ свое вниманіе на содержимое сосудовъ, на кровь. Благодаря этому, ему удалось доказать, что сущность болѣзненнаго процесса сводится, съ одной стороны, къ свертыванію крови въ сосудахъ и къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ этихъ кровяныхъ сгустковъ (размягченію, переходу въ нагноеніе и т. д.), съ другой стороны—къ зараженію крови нечистыми, гнилостными веществами. Изъ работы о флебитѣ возникъ, какъ всегда бываетъ, рядъ работъ по поводу вновь и вновь являющихся при изслѣдованіи вопросовъ. Поэтому, за работой о флебитѣ послѣдовали выдающіяся работы Вирхова вообще о закупоркѣ сосудовъ кровяными пробками (о тромбозѣ и эмболіи), какъ явленіи свертыванія крови внутри сосудовъ, и спеціально о закупоркѣ легочной артеріи. Сюда же относится и работа, посвященная лейкэміи (бѣлокровію), тому измѣненію въ составѣ форменныхъ элементовъ крови, когда число бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ значительно превышаетъ число красныхъ, когда нормально существующее пропорціональное отношеніе тѣхъ и другихъ измѣняется въ обратную сторону, что придаетъ крови «бѣлый» цвѣтъ. Всѣ эти работы носили вполнѣ самостоятельный характеръ, всѣ онѣ сообщали новые факты и новые взгляды. Но, помимо ихъ научнаго значенія въ смыслѣ обогащенія нашихъ знаній по затрагиваемымъ изслѣдователемъ вопросамъ, первыя уже работы Вирхова имѣли громадное значеніе въ смыслѣ того научнаго метода, который былъ положенъ въ ихъ основу. Являясь убѣжденнымъ поборникомъ естественно-научнаго метода въ медицинѣ, Вирховъ послѣдовательно и обоснованно сталъ примѣнять его съ перваго своего шага по пути самостоятельнаго разрѣшенія научныхъ вопросовъ. Находя какія-либо болѣзненныя измѣненія въ данныхъ органахъ, имѣя предъ глазами рядъ патолого-анатомическихъ фактовъ, Вирховъ стремился превратить ихъ въ логическую цѣпь вытекающихъ одно изъ другого явленій, мысленно возстановить послѣдовательный ходъ болѣзненнаго процесса въ живомъ организмѣ, произвести, выражаясь его словами, «патолого-анатомическое исчисленіе». Полученные этимъ путемъ выводы нашъ ученый старался подтвердить опытами на животныхъ. Вирховъ высоко ставилъ значеніе эксперимента въ патологіи рядомъ съ патолого-анатомическимъ наблюденіемъ и находилъ, что было бы крайне печально, если бы анатомическое изслѣдованіе ограничивалось лишь мертвымъ матеріаломъ, лишь изученіемъ готовыхъ продуктовъ болѣзненныхъ процессовъ въ ихъ изолированныхъ формахъ, если бы весь результатъ анатомическаго изслѣдованія сводился къ описанію и классификаціи извѣстныхъ научныхъ объектовъ. Поставленные Вирховымъ опыты на животныхъ для рѣшенія патологическихъ вопросовъ, другими словами, широкое право граж-

данства, которые пріобрѣли эти опыты въ патологіи, благодаря Вирхову, положили въ значительной степени начало экспериментальной патологіи въ Германіи. Въ первыхъ своихъ работахъ Вирховъ указалъ тотъ путь, слѣдуя по которому патологія—эта философія медицины—могла выйти изъ трясины на твердую почву. На сколько шатки были въ то время воззрѣнія на основные вопросы патологіи, можно судить по такому, напримѣръ, факту. Будучи студентомъ, Вирхову пришлось въ одинъ и тотъ же день услышать три различныя теоріи воспаленія, изъ которыхъ ни одна не имѣла ни малѣйшаго сходства съ другой, ни одна не стояла на физіологической почвѣ, ни одна не знала и не считалась съ фактами, твердо установленными путемъ наблюденія.

Въ заключеніе мы должны еще упомянуть о статьѣ, на которую слѣдуетъ смотрѣть какъ на научное profession de foi Вирхова. Въ этой статьѣ («Стремленія къ объединенію въ научной медицинѣ») Вирховъ указываетъ ту точку зрѣнія, на которой онъ стоялъ до сихъ поръ въ наукѣ и исходя изъ которой стремился служить наукѣ. Здѣсь Вирховъ высказывается «о человѣкѣ», «о жизни», «о медицинѣ», «о болѣзни», «объ эпидеміи».

Съ вполнѣ опредѣленными руководящими научными воззрѣніями, со строго-выработаннымъ методомъ изслѣдованія, во всеоружіи знанія своей спеціальности 28-лѣтній Вирховъ занялъ профессорскую каѳедру.

IV.

Вюрцбургскій университетъ.—Учрежденіе особой каѳедры патологической анатоміи и приглашеніе Вирхова.—Вюрцбургское физико-медицинское общество.—Вирховъ, какъ профессоръ.—Голодъ въ Спессартѣ.—Изслѣдованія о кретинизмѣ.—Ученые труды вюрцбургскаго періода.

На берегахъ Майна живописно раскинулся небольшой университетскій городокъ Вюрцбургъ. Среди германскихъ университовъ вюрцбургскій, основанный княземъ-епископомъ Юліемъ въ 1582 году, слѣдовательно, одинъ изъ древнѣйшихъ,—всегда занималъ видное мѣсто. Въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія медицинскій факультетъ вюрцбургскаго университета блисталъ именами своихъ профессоровъ, среди которыхъ молодой клиницистъ Шенлейнъ являлся особеннымъ магнитомъ для иностранныхъ студентовъ и врачей. Къ сожалѣнію, въ 30-хъ годахъ университетъ сталъ быстро приходить въ упадокъ, благодаря господствовавшимъ въ то время, въ руководящихъ сферахъ Баваріи, реакціоннымъ теченіямъ. Реакцію вызвало довольно сильное броженіе, наступившее, какъ отголосокъ іюньской революціи (1830), въ южной Германіи и сказавшееся въ Вюрцбургѣ изданіемъ либеральной газеты «*Volksblatt*», которая находила сочувствіе и сотрудниковъ въ университетскихъ сферахъ. Кульминаціонной точки реакція достигла въ 1832 году, когда баварское правительство буквально разогнало медицинскій

факультетъ вюрцбургскаго университета. Шенлейну пришлось бѣжать въ Цюрихъ на предложенную ему тамъ каѳедру. Съ этого момента не научныя заслуги, а политическія убѣжденія или, еще лучше, отсутствіе послѣднихъ стали руководить правительствомъ при назначеніи профессоровъ. Малѣйшее проявленіе либерализма со стороны профессора вело къ его остракизму «на пользу службы».

Лишь въ средѣ 50-хъ годовъ вюрцбургскій университетъ и, главнымъ образомъ, интересующій насъ медицинскій факультетъ сталъ возрождаться. Явилось стремленіе привлекать лучшія силы въ составъ учащаго персонала. Образовавшееся ядро новыхъ профессоровъ, въ свою очередь, заботилось о пополненіи своей среды выдающимися учеными. Когда за смертью профессора Мора (*Mohr*) освободилась каѳедра патологической анатоміи, приглашеніе занять эту каѳедру въ качествѣ ординарнаго профессора и получилъ Вирховъ.

Первоначальный толчокъ къ учрежденію въ Вюрцбургѣ особой каѳедры патологической анатоміи исходилъ отъ Шенлейна, который, по примѣру французскихъ и англійскихъ клиницистовъ, ввелъ въ обычай вскрытіе умершихъ въ клиникѣ. Бывшій ассистентъ Шенлейна, Бернгардъ Моръ и былъ первымъ, правда, экстраординарнымъ, профессоромъ патологической анатоміи въ Германіи. Послѣ его смерти въ 1849 году каѳедра была расширена и ее занялъ Вирховъ. Такимъ образомъ, въ Вюрцбургскомъ университетѣ впервые въ Германіи была учреждена ординарная каѳедра патологической анатоміи и физіологіи и первымъ *ординарнымъ* профессоромъ этой науки былъ Вирховъ.

Приглашеніе берлинскаго демократа-прозектора въ Вюрцбургъ не прошло, однако, совершенно гладко. Лишь только возможность приглашенія Вирхова въ Вюрцбургъ стала извѣстна въ болѣе широкихъ кругахъ, реакціонерная партія въ Баваріи стала предостерегать отъ «демократа» и повела кампанію противъ Вирхова на столбцахъ общей прессы. Ссылаясь на «Сообщенія о тифѣ въ Верхней Силезіи», реакціонеры указывали, какъ опасенъ для вюрцбургской медицинской молодежи можетъ быть ихъ авторъ. Но времена были уже не тѣ. Вопли реакціонеровъ не имѣли успѣха. Имя Вирхова въ наукѣ было уже настолько громко, что правительство не пожелало лишить обновленный факультетъ такого преподавателя изъ-за политическихъ соображеній.

Среди лицъ либеральнаго лагеря, къ которому примкнулъ Вирховъ, нельзя пройти молчаніемъ одной, въ высшей степени оригинальной личности, Готфрида Эйзенманна (*Gottfried Eisenmanns*). Между нимъ и Вирховымъ вскорѣ установились дружескія отношенія, такъ, они оба увлекались и медициной, и политикой. За свое увлеченіе политикой Эйзенманну пришлось дорого заплатить. Чуть ли не всю свою жизнь онъ провелъ за семью замками, кочуя изъ одной тюрьмы въ другую, изъ одной крѣпости въ другую. Вскорѣ послѣ своего дебюта въ качествѣ редактора вюрцбургскаго «*Народнаго Листка*», о которомъ мы

Рудольфъ Вирховъ,

профессоръ патологической анатоміи въ Вюрцбургѣ.

упоминали выше, Эйзенманнъ началъ свое невольное странствованіе «по тюрьмамъ, по острогамъ». Съ 1832 по 1847 годъ онъ послѣдовательно провелъ въ предварительномъ заключеніи, въ тюрьмѣ и въ крѣпости. 15 лѣтъ такой жизни не сломили, однако, желѣзной энергіи этого человѣка. Находя, что «въ крѣпости у него времени достаточно», онъ много писалъ по своей спеціальности въ духѣ своего учителя и друга Шенлейна. Послѣдній, не смотря на свое званіе лейбъ-медика короля Фридриха-Вильгельма IV, неоднократно посѣщалъ злосчастнаго узника. Впослѣдствіи Эйзенманнъ, также изъ крѣпости, редактировалъ медицинское библіографическое изданіе, въ соредакторы котораго и пригласилъ Вирхова.

Предъ самымъ пріѣздомъ молодого профессора въ Вюрцбургъ образовалось изъ среды профессоровъ медицинскаго факультета новое ученое общество, въ цѣли котораго входило, помимо способствованія развитію медицины и естествознанія, также и изученіе мѣстныхъ естественно-историческихъ и санитарно-медицинскихъ условій. Во главѣ общества, носившаго названіе физико-медицинскаго (*Physikalisch-Medicinische Gesellschaft in Würzburg*), стали «новые» элементы факультета, а именно Келликеръ въ качествѣ предсѣдателя и Кивишъ—вице-предсѣдателя. Вступивъ въ члены вюрцбургскаго медицинскаго факультета, Вирховъ тотчасъ примкнулъ къ новообразованному обществу, которое и возложило на него обязанности секретаря. Впослѣдствіи Вирховъ неоднократно занималъ и предсѣдательское кресло. Когда же общество задумало, въ виду расширенія круга своего воздѣйствія, издавать ежегодно свои протоколы и труды, мы видимъ Вирхова въ составѣ редакціоннаго комитета. Изданіе это носитъ названіе: «*Verhandlungen der Physikalisch Medicinischen Gesellschaft in Würzburg*».

Вюрцбургское физико-медицинское общество представляло какъ бы зеркало, въ которомъ ярко отражалась неутомимая и плодотворная научная дѣятельность Вирхова за все время его пребыванія въ Вюрцбургѣ. Всѣ свои работы, какъ крупныя, такъ и мелкія, Вирховъ прежде всего представлялъ обществу въ видѣ докладовъ. Баварское правительство командировало молодого профессора въ голодающія мѣстности для изученія мѣстныхъ санитарныхъ условій. Вынесенными изъ поѣздки впечатлѣніями Вирховъ прежде всего подѣлился съ физико-медицинскимъ обществомъ. Въ преніяхъ Вирховъ опять-таки принималъ живѣйшее участіе. Словомъ, Вирховъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ юнаго общества. Въ каждомъ томѣ трудовъ общества мы встрѣчаемъ по нѣсколько докладовъ Вирхова.

Въ свою очередь, общество вполнѣ цѣнило дѣятельность Вирхова и понимало его значеніе для общества. Это въ полной мѣрѣ обнаружилось, когда Вирховъ оставилъ Вюрцбургъ. Въ торжественномъ засѣданіи 6 декабря 1856 года предсѣдатель Келликеръ посвятилъ часть своей рѣчи Вирхову. «И въ этомъ году,—заявилъ онъ,—насъ постигло

испытаніе,—*потеря нашего Вирхова*, который этою осенью покинулъ Вюрцбургъ. Я называю его сознательно и съ гордостью *нашимъ*. Вѣдь Вюрцбургъ и, прежде всего, наше общество, къ которому онъ принадлежалъ почти съ момента основанія, были мѣстомъ, гдѣ онъ, собственно, сталъ тѣмъ, что онъ теперь, и мы можемъ выдать себѣ свидѣтельство, что съ самаго начала оцѣнили его по его высокому достоинству и поддерживали его стремленія, каждый по своимъ силамъ. А чтобы никто въ этомъ не сомнѣвался, позвольте мнѣ повторить его слова, сказанныя какъ прощальный привѣтъ, именно: «онъ многому отъ насъ научился». Если Вирховъ отъ насъ научился, то мы ему обязаны куда больше и среди васъ нѣтъ, навѣрное, никого, кто бы не былъ готовъ, во всякое время, открыто и опредѣленно признаться въ этомъ».

Незадолго до занятія каѳедры въ Вюрцбургѣ Вирховъ женился на дочери извѣстнаго въ то время въ Берлинѣ гинеколога Карла Майера (*Carl Wilh. Mayer*).

Въ Вюрцбургѣ Вирховъ зажилъ тихою безмятежною жизнью профессора маленькаго германскаго университета. Послѣ боевого берлинскаго періода здѣсь для Вирхова наступилъ *семилѣтній миръ*, какъ лучше всего можно охарактеризовать семь лѣтъ, проведенныхъ нашимъ ученымъ на живописныхъ берегахъ Майна. Вирховъ весь отдался своей любимой наукѣ и своей профессурѣ.

Новый профессоръ на новой каѳедрѣ, онъ ввелъ и новые методы преподаванія. Рядомъ съ теоретическими систематическими лекціями Вирховъ впервые устроилъ демонстративные курсы, и въ этомъ огромная его заслуга, какъ преподавателя патологической анатоміи. На этихъ курсахъ профессоръ показывалъ, демонстрировалъ своимъ слушателямъ случайный матеріалъ свѣжихъ вскрытій. Всѣ патологическія измѣненія, находимыя на одномъ и томъ же трупѣ, разсматривались одни за другими, анализировались сперва каждое въ отдѣльности, а затѣмъ изслѣдовались съ точки зрѣнія ихъ послѣдовательнаго, хронологическаго развитія при жизни организма, съ точки зрѣнія ихъ причинной и генетической связи, ихъ взаимодѣйствія. Все это имѣло одну цѣль—придти въ каждомъ данномъ случаѣ къ заключенію какъ о причинѣ смерти, такъ и о сущности и причинѣ заболѣванія. Самые препараты циркулировали въ аудиторіи и каждый могъ основательно разсмотрѣть препаратъ, прибѣгая къ помощи не только зрѣнія, но и осязанія и обонянія, могъ, такимъ образомъ, развивать и воспитывать свою наблюдательность. Преподаватель указывалъ при этомъ на наиболѣе подходящіе въ каждомъ случаѣ и для каждаго органа методы наблюденія, путемъ ли органа зрѣнія или осязанія. Помимо изслѣдованія невооруженнымъ глазомъ, Вирховъ отвелъ подобающее мѣсто микроскопическому изслѣдованію. «Мнѣ извинять, — писалъ онъ въ 1890 году, — если я скажу, что не въ малой степени, благодаря моимъ стараніямъ, микроскопъ съ раннихъ поръ былъ принятъ въ число учебныхъ пособій». Дѣйствительно, на курсахъ

Вирхова была впервые сдѣлана попытка широкаго примѣненія микроскопа и систематическаго обученія пользованія имъ. По собственнымъ своимъ словамъ, Вирховъ исполнилъ этимъ лишь то требованіе, которое онъ высказалъ при вступленіи своемъ на научно-литературное поприще. «Необходимо,—писалъ онъ въ руководящей статьѣ перваго тома своего «Архива»,—чтобы наши воззрѣнія настолько же двинулись впередъ, насколько расширилась наша зрительная способность помощью микроскопа: вся медицина должна въ 300 разъ ближе подойти къ занимающимъ ее естественнымъ процессамъ».

Слова Вирхова, какъ выдающагося ученаго и талантливаго преподавателя, стали быстро распространяться среди всего германскаго студентчества. И вотъ не только уроженцы Южной Германіи, но даже сѣверяне, не особенно благоволившіе къ Баваріи, покидали свои университеты и направлялись въ Вюрцбургъ. Изъ профессора Вирховъ превращался уже въ *учителя*. Побывать въ его школѣ, быть его ученикомъ—вотъ что влекло въ Вюрцбургъ.

Пользуясь воспоминаніями профессора Клебса, одного изъ учениковъ Вирхова, изъ «того времени, когда Вирховъ населялъ аудиторіи Вюрцбургскаго университета слушателями изо всѣхъ странъ», мы представимъ читателямъ, какое впечатлѣніе производили Вирховъ и его преподаваніе на германскую медицинскую молодежь 50-хъ годовъ.

Вирховъ не подавлялъ своихъ слушателей профессорскимъ авторитетомъ. Здѣсь не было авторитетнаго голоса учителя, знаменитаго ученаго мужа,—голоса, который требовалъ безусловной вѣры, здѣсь было старательное, подслушанное у самой природы толкованіе тончайше наблюденныхъ фактовъ,—толкованіе, которое дѣйствовало убѣждающимъ образомъ. Это должно было быть такъ не потому, что Вирховъ сказалъ это, но потому, что онъ ясно представилъ это воочію. Онъ училъ читать въ книгѣ природы, узнавать и различать тончайшія измѣненія, ускользнувшія отъ вниманія его предшественниковъ, или же затронутыя послѣдними лишь поверхностно. Еще изумительнѣе для того времени представлялось юнымъ адептамъ медицины откровенное указаніе на повсюду выступающіе недостатки нашихъ познаній, что составляло благотворную противоположность старой, догматической медицины, которая опасалась взять на себя упрекъ въ незнаніи и думала скрыть послѣднее подъ покровомъ авторитета и философскихъ измышленій. Здѣсь, напротивъ того, все было—истина, расширенная и разъясненная остроумнымъ наблюденіемъ. Рядомъ съ сознанными недостатками познанія тѣмъ блистательнѣе выступало богатство вновь завоеванныхъ фактовъ и окрыляло надежды ученика.

Для юношей было просто очарованіемъ видѣть здѣсь, что̀ все можно вычитать изъ мертваго организма. Слушатели видѣли, какъ предъ ихъ глазами изъ трупныхъ данныхъ строилась полная жизни картина заболѣванія. Для предстоящей имъ въ отдаленномъ будущемъ борьбы съ этимъ заболѣваніемъ, для побѣды надъ нимъ они здѣсь и запасались

оружіемъ. «*Учиться видѣть микроскопически*» было любимымъ, какъ и мѣткимъ выраженіемъ Вирхова и являлось руководящимъ принципомъ его демонстративныхъ курсовъ. Здѣсь же впервые можно было понять все глубокое значеніе другого выраженія Вирхова «*микроскопически мыслить*».

Мирная кабинетная жизнь молодого профессора была въ февралѣ 1852 года прервана командировкой его въ Спессартъ, гористую мѣстность на границѣ Баваріи и Пруссіи. Въ виду развившагося въ этой провинціи голода, баварское правительство рѣшило отправить туда коммиссію изъ трехъ лицъ, въ томъ числѣ и Вирхова, для изслѣдованія санитарнаго состоянія населенія пораженныхъ голодомъ областей.

Коммандировка Вирхова въ Спессартъ живо напоминаетъ его поѣздку въ Верхнюю Силезію.

«Прошло,—пишетъ Вирховъ,—какъ разъ четыре года съ того времени, какъ я былъ посланъ прусскимъ медицинскимъ министерствомъ въ Верхнюю Силезію для изученія намъ «голоднаго тифа». Вечеромъ 20 февраля 1848 года выѣхалъ я изъ Берлина, полный тревоги и сочувствія, которое должна была вызвать во всякомъ врачѣ столь невѣдомая и столь ужасная эпидемія, но далекій отъ предчувствія, какое остающееся и длительное вліяніе на весь кругъ моихъ воззрѣній окажутъ впечатлѣнія этой поѣздки. Съ тѣхъ поръ прошли четыре богатыхъ событіями года, а картины того голода все еще живо и ярко стояли въ моемъ воспоминаніи. Вытѣснятъ ли ихъ теперь новыя картины?»

Въ теченіе недѣли, съ 21 по 28 февраля, Вирховъ объѣздилъ Спессартъ. Съ внѣшней стороны поѣздка по Спессарту была довольно пріятна, хотя и представляли всѣ неудобства путешествія въ гористой мѣстности среди зимы послѣ страшныхъ наводненій. Все время стояла прекрасная погода, было ясно при умѣренномъ холодѣ.

Мы не станемъ подробно описывать этой поѣздки Вирхова. Въ общемъ онъ вынесъ такія же впечатлѣнія, какъ и изъ своей знаменитой поѣздки въ Верхнюю Силезію. Тѣ же условія жизни въ такомъ же некультурномъ, въ такомъ же бѣдномъ, въ такомъ же скученно живущемъ и столь же привыкшемъ къ картофелю и водкѣ населеніи. Правда, здѣсь картина была написана не такими густыми красками, голодъ и болѣзнь не достигали тѣхъ ужасающихъ «верхнесилезскихъ» размѣровъ.

Голодъ въ Спессартѣ произошелъ благодаря нѣсколькимъ бывшимъ недородамъ, а главнымъ образомъ вслѣдствіи неурожая картофеля, составляющаго главный предметъ питанія всего населенія. Картофельная болѣзнь подорвала питаніе, а также и благосостояніе крестьянъ. Но голодъ въ Спессартѣ не носилъ повальнаго характера: голодали тѣ, у кого не было своего картофеля и кто не могъ купить чужого. Во всякой деревнѣ можно было купить не только картофель, но и хлѣбъ и притомъ хорошій и относительно не дорогой. Народъ нуждался скорѣе въ деньгахъ, нежели въ жизненныхъ припасахъ. Недостатокъ въ деньгахъ въ

цѣломъ населеніи—это недостатокъ въ цѣлесообразно направленной дѣятельности, въ производительной работѣ, въ прилежаніи и въ промышленной дѣятельности.

Санитарное состояніе населенія Спессарта оказалось, конечно, далеко не въ блестящемъ видѣ, но особаго развитія эпидеміи здѣсь не достигали. Къ сожалѣнію, положеніе больныхъ было крайне неутѣшительно. Они лежали безъ всякаго ухода, предоставленные самимъ себѣ. О врачебной помощи не было и рѣчи; населеніе лишь въ исключительныхъ случаяхъ, да и то зачастую не по своей иниціативѣ обращалось къ врагу. По счастью больныхъ не лѣчили своими средствами и разныя кумушки, отказываясь отъ раціональной медицинской помощи, населеніе не прибѣгало и къ услугамъ знахарей. Самое бо̀льшее, что дѣлали окружающіе для больного и на что тратились деньги, часто послѣднія деньги—это заказывали молебны.

Свои изслѣдованія и впечатлѣнія изъ поѣздки въ Спессартъ Вирховъ представилъ въ формѣ обширнаго доклада въ двухъ засѣданіяхъ Вюрцбургскаго физико-медицинскаго общества (6-го и 13-го марта 1852 года). И здѣсь, какъ и въ Верхней Силезіи, онъ видитъ причину голода въ неудовлетворительныхъ соціальныхъ условіяхъ, и здѣсь предлагаетъ такія же широкія и коренныя мѣры. Но въ Спессартѣ до нѣкоторой степени противовѣсомъ плохимъ соціальнымъ условіямъ являлись прекрасныя климатическія и почвенныя условія гористой мѣстности. Въ результатѣ нашъ ученый изслѣдователь двухъ голодовокъ приходитъ къ одному и тому же выводу и заканчиваетъ свой докладъ о «*Голодѣ въ Спессартѣ*» вѣщими словами. «Образованіе, благосостояніе и свобода,— говоритъ онъ,—единственныя гарантіи длительнаго здоровья народа».

Семилѣтнее пребываніе молодаго профессора въ Вюрцбургѣ было чрезвычайно плодотворно въ научномъ отношеніи. Многочисленныя работы вюрцбургскаго періода посвящены всевозможнымъ вопросамъ патологической анатоміи, касаются чуть ли не всѣхъ органовъ человѣческаго тѣла, причемъ нѣкоторыя служатъ продолженіемъ ученыхъ трудовъ берлинскаго періода. Фосфорный некрозъ (омертвѣніе) нижней челюсти, бугорчатка и ея отношенія къ золотухѣ и чахоткѣ, красящія вещества крови и желчи, различнаго рода опухоли, бѣлокровіе и многіе другіе вопросы—вотъ темы, которыя разрабатывалъ Вирховъ за время своего профессорства въ Вюрцбургѣ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ работы «*О тожествѣ тѣлецъ костной, хрящевой и соединительной ткани*», а также «*Матеріалы къ изученію соединительной ткани*». Указанныя работы важны въ томъ отношеніи, что послужили краеугольными камнями для возведенія стройнаго зданія целлюлярной патологіи, съ сущностью которой читатели наши познакомятся ниже. Основныя идеи этого новаго ученія созрѣвали въ Вюрцбургѣ.

Въ Вюрцбургѣ же Вирховъ впервые заинтересовался областью знанія, не входившей въ кругъ его профессіональныхъ занятій. Здѣсь появились

его первыя работы по антропологіи,—науки, для которой Вирховъ впослѣдствіи такъ много и плодотворно потрудился. Предметомъ его первыхъ антропологическихъ изслѣдованій послужилъ сильно распространенный въ Баваріи кретинизмъ. Сперва Вирховъ занялся изслѣдованіями и измѣреніями череповъ кретиновъ, имѣя подъ руками большую коллекцію такихъ череповъ въ анатомическомъ музеѣ вюрцбургскаго университета. Вскорѣ, однако, отъ мертваго матеріала онъ перешелъ къ живому и предпринялъ цѣлый рядъ экскурсій по всей провинціи. Своимъ антропологическимъ экскурсіямъ любознательный профессоръ посвящалъ каникулярное время. Онъ изслѣдовалъ такимъ образомъ поголовно населеніе долины Майна и Таубера и мѣстности Шуейгевальдъ и Гасбергъ. Изслѣдованія эти далеко не всегда и не вездѣ встрѣчали сочувствіе. Къ неутомимому изслѣдователю сплошь и рядомъ относились крайне враждебно, не желали впускать въ дома, приносили даже на него жалобы. Однажды Вирховъ вынужденъ былъ просто-на-просто бѣжать ночью изъ одного городка, населеніе котораго пришло въ крайнее раздраженіе противъ нашего ученаго. Всѣ эти труды и непріятности были, однако, не напрасны. Вирхову удалось въ достаточной мѣрѣ освѣтить крайне интересный и темный вопросъ о кретинизмѣ. Онъ доказалъ, что причину кретинизма слѣдуетъ искать въ нарушеніи правильнаго роста черепа, главнымъ образомъ, въ преждевременномъ окостѣненіи основанія черепа, причемъ кости, составляющія это основаніе, вмѣсто нормальнаго соединенія между собою, сливаются въ одну общую массу.

Говоря объ ученыхъ трудахъ вюрцбургскаго періода, мы должны еще упомянуть о двухъ изданіяхъ, въ которыхъ Вирховъ являлся въ качествѣ редактора или же соредактора. Первое носило названіе «*Руководство къ частной терапіи*» (къ изученію внутреннихъ болѣзней)—*Handbuch der specieller Therapie*. На книжномъ рынкѣ существовало такое руководство, составленное профессоромъ *Каннштатомъ* (*Cannstatt*) и пользовавшееся большою популярностью среди студентовъ и врачей. По смерти автора потребовалось новое изданіе. И вотъ издатель задумалъ выпустить его въ видѣ сборнаго сочиненія (*Sammelwerk*. т. е. сочиненія, написаннаго по отдѣламъ различными спеціалистами) Общее руководительство, редакторство всего изданія, и было предложенно Вирхову, который и сталъ во главѣ цѣлой фаланги ученыхъ для составленія новаго руководства. Взятую на себя задачу Вирховъ выполнилъ блестящимъ образомъ. Вышедшее подъ его редакціею руководство служило настольной книгой не одного поколѣнія врачей. Помимо своего редакторства, Вирховъ написалъ еще и нѣсколько главъ, посвященныхъ вопросамъ общей патологіи. «Руководство къ частной терапіи», первое въ своемъ родѣ, послужило прототипомъ для послѣдующихъ такихъ сочиненій по другимъ отраслямъ медицины (хирургіи, гигіены).

Другое изданіе, также основанное Каннштаттомъ въ 1840 году,

составляли «Ежегодные обзоры успѣховъ медицины». Съ 1867 года это изданіе перешло всецѣло въ руки Вирхова и извѣстнаго берлинскаго профессора исторіи медицины Августа Гирша (*August Hirsch*). Въ настоящее время эти «Ежегодные обзоры работъ и успѣховъ всей медицины» (*Jahresberichte über die Zeitunder und Fortschritte in der gesammten Medicin*), незамѣнимые для слѣдящаго за наукой врача, имѣютъ прекрасную и прочную репутацію образцоваго по полнотѣ библіографическаго справочнаго изданія.

Обозрѣвая работы Вирхова за вюрцбургскій періодъ, мы видимъ, что онѣ посвящены спеціальному и детальному изслѣдованію патологическихъ явленій. На первомъ планѣ стоитъ еще аналитическій ихъ характеръ, стремленіе установить факты. Но замѣчается уже переходъ къ синтезу, къ обобщенію и къ выводу общихъ законовъ изъ общей сложности отдѣльныхъ явленій. Въ этомъ отношеніи важны его работы о тѣльцахъ соединительной ткани, о чемъ мы уже упоминали выше, а также статьи въ «Руководствѣ къ частной патологіи».

Крайне интересно и поучительно сравнить съ литературной точки зрѣнія, въ смыслѣ языка и слога, статьи перваго берлинскаго періода съ написанными въ Вюрцбургѣ. Конечно, и тѣ, и другія написаны яснымъ и прекраснымъ «вирховскимъ» языкомъ. Но въ то время, какъ берлинскія статьи полны полемическаго задора, вюрцбургскія носятъ печать спокойной увѣренности. Въ Берлинѣ Вирховъ все время въ боевомъ настроеніи, онъ не уклоняется отъ научнаго спора, онъ не признаетъ никакого преклоненія предъ личностью, никакого авторитета; научная борьба—его стихія. Какъ перчатки бросаетъ онъ свои идеи въ лицо своимъ научнымъ противникамъ, новооткрытые факты, какъ удары, сыпятся на ихъ головы. Уже не такимъ мы встрѣчаемъ молодого профессора въ Вюрцбургѣ. И здѣсь онъ преслѣдуетъ ту же цѣль, по прежнему добивается реформы въ медицинѣ, пересозданія ея на естественно-научныхъ основахъ, но уже не съ такою стремительностью и запальчивостью, а со спокойствіемъ и хладнокровіемъ. Рѣчь его размѣреннѣе, тонъ спокойнѣе. У него нѣтъ болѣе желанія увлечь, воспламенить къ новому ученію, а преобладаетъ желаніе убѣдить въ истинѣ этого ученія.

За время пребыванія Вирхова въ Вюрцбургѣ въ прусской столицѣ перемѣнились и обстоятельства, и люди. И вотъ осенью 1856 года Вирховъ получилъ приглашеніе возвратиться въ Берлинъ для занятія каѳедры въ первомъ по своему значенію германскомъ университетѣ. Онъ покидалъ маленькій провинціальный городъ, чтобы развить еще болѣе широкую, еще болѣе разностороннюю дѣятельность въ столицѣ.

9-го августа физико-медицинское общество чествовало отъѣзжающаго своего сочлена прощальнымъ вечеромъ и поднесло Вирхову на память написанный масляными красками видъ города Вюрцбурга. Но здѣсь вовсе не требовалось такого «вещественнаго доказательства не-

вещественныхъ отношеній». О жизни своей въ Вюрцбургѣ Вирховъ сохранилъ самыя лучшія воспоминанія и впослѣдствіи признавался, что послѣ дѣтства въ родительскомъ домѣ семилѣтнее пребываніе въ Вюрцбургѣ составляетъ лучшую эпоху его жизни.

Профессура въ Вюрцбургѣ имѣла въ научномъ отношеніи громадное значеніе для Вирхова. Здѣсь онъ основалъ школу, здѣсь у него явились ученики (*Klebs*, *Rindfleisch*). Здѣсь же, какъ мы видѣли, созрѣвали идеи целлюлярной патологіи. Въ Вюрцбургъ Вирховъ явился молодымъ ученымъ съ именемъ и талантливымъ лекторомъ. Въ Берлинъ онъ возвращался выдающимся учителемъ, главой новой школы и опытнымъ профессоромъ.

Ю. Малисъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ДВА СЧАСТЬЯ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

(Продолженіе) *).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IV.

На другой день погода была хорошая и Владиміръ Николаевичъ рѣшилъ выйти изъ дому пораньше. Онъ попросилъ дать ему позавтракать и затѣмъ имѣлъ въ виду отправиться пѣшкомъ. Онъ разсчиталъ, что на ходьбу уйдетъ часа полтора, а ему надо было освѣжиться, такъ какъ вечеромъ была выпита вся бутылка коньяку до дна, да къ ней было прибавлено нѣсколько бутылокъ вишневки и пива.

— Что же вы будете дѣлать съ вашимъ сундукомъ?—спросилъ онъ Вольтова во время завтрака.

— А я возьму его и перевезу сюда!—отвѣтилъ Вольтовъ.

— Но вѣдь вы денегъ не заплатили, вамъ не дадутъ.

— Дадутъ. Я деньги потомъ заплачу. А съ сундукомъ вѣдь имъ нечего дѣлать; вѣдь въ немъ ничего нѣтъ, кромѣ этюдовъ, а этюды все такіе страшные, что хозяйка побоится къ нимъ прикоснуться. Вы позволите поставить у васъ сундукъ?

— Конечно.

— И дадите денегъ на перевозку?

— Если немного, дамъ. Ну, да, на перевозку вѣдь довольно рубля? Это я дамъ.

И Владиміръ Николаевичъ далъ ему рубль. Вольтовъ попросилъ у него денегъ самымъ простымъ тономъ, нисколько не смутившись и не распространяясь объ отдачѣ. У него было убѣжденіе, что между товарищами, людьми одной профессіи, не можетъ быть стѣсненія.

— Эхъ, право, Вольтовъ, не передумаете ли вы и не возьмете ли этихъ ста рублей?—промолвилъ Владиміръ Николаевичъ.—

---

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

Сразу бы ваше положеніе улучшилось. Вѣдь никто не знаетъ, куда пойдутъ эти деньги, это вѣдь дѣлается анонимно.

— Какъ никто не знаетъ? А я? Я знаю. Сознаніе, что эти сто рублей мнѣ выдали милліонеры изъ своихъ богатыхъ милостей, отравитъ мое существованіе. Нѣтъ ужъ, съ меня довольно будетъ вашего рубля.

— Это очень жаль, потому что я могъ бы устроить вамъ спокойное существованіе до тѣхъ поръ, пока вы не кончите вашего Еруслана, хотя бы вы окончили его черезъ пятьдесятъ лѣтъ! Знаете что? Нельзя ли сдѣлать такъ: вы будете работать надъ Еруслапомъ, а у васъ купятъ его заранѣе. Вы получаете деньги по частямъ, помѣсячно, что ли; а когда все будетъ готово, вы сдадите работу и получите все остальное. Во всякомъ случаѣ, эта работа будетъ очень интересна, хотя, быть можетъ, и курьезна. Можно точно сговориться и въ цѣнѣ...

Вольтовъ отодвинулся и съ изумленіемъ, почти съ ужасомъ посмотрѣлъ на Владиміра Николаевича.

— Я продамъ Еруслана? Я?

— Ну, да, что жъ тутъ удивительнаго? Вѣдь мы всѣ продаемъ свои картины.

— Да, вы—ваши картины. Потому что это для васъ картины, не болѣе. Вы и пишете ихъ для продажи; а для меня Еруслапъ, это—часть моей души, это—моя жизнь. Продать Еруслана, это—значитъ продать самого себя... Какъ же вы этого не понимаете?

Владиміръ Николаевичъ разсердился.

— Знаете что, Вольтовъ? Я утверждаю, что изъ васъ никогда ничего не выйдетъ.

— Почему же это?

— Потому что вы мудрите, потому что вы психопатите въ искусствѣ. Вы не работаете, а какъ-то горделиво маньячите...

— Владиміръ, что ты?—остановила его Вѣра Петровна и опасливо посмотрѣла на Вольтова; она боялась, что слова мужа попадутъ на больную почву его самолюбія.

Но Вольтовъ смотрѣлъ спокойно и даже улыбался.

— Ну, такъ что же, что психопачу? Ну, такъ что же, что маньячу? Художникъ долженъ быть психопатомъ. Вдохновеніе, творчество, вѣдь это нѣчто ненормальное. Вдохновеніе вѣдь это есть одностороннее напряженіе ума. Вполнѣ нормальный человѣкъ не можетъ творить. Творчество, это—экстазъ, а экстазъ уже есть нѣчто ненормальное. Вы говорите—маньякъ... Но, развѣ можно что-нибудь сдѣлать, что-нибудь важное, значительное, чего-нибудь добиться, не сосредоточивъ свои силы на какой-нибудь одной идеѣ, не положивъ на нее всю свою жизнь? А. что же это, какъ не маньячество? Да, я маньякъ, и маньякомъ останусь...

Ничего Владиміръ Николаевичъ не могъ съ нимъ подѣлать; такъ онъ и ограничился рублемъ.

Когда Бертыщевъ послѣ завтрака вышелъ на улицу и осенній вѣтерокъ освѣжилъ его голову, раздраженіе противъ Вольтова въ немъ прошло и онъ пожалѣлъ о своихъ словахъ. Правда, Вольтовъ не обидѣлся, но у него самого было непріятное чувство, что онъ въ сущности хотѣлъ уколоть его.

Поразмысливши, онъ пришелъ къ заключенію, что самъ руководствовался въ этомъ случаѣ эгоизмомъ. Ему просто было неловко, что первый его совѣтъ Вѣрѣ Поликарповнѣ былъ такъ неудаченъ. Вѣдь онъ долженъ дать ей отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ и предвидѣлъ, что исторія съ Вольтовымъ огорчитъ ее. И, значитъ, причиной его раздраженія была безсознательная досада на Вольтова за неудачу.

Но это прошло; онъ пожалѣлъ и такимъ образомъ его виноватая душа очистилась и облегчилась. Онъ былъ очень доволенъ своей прогулкой. Все время онъ шелъ по набережной; отъ Невы вѣяло свѣжестью. Воздухъ былъ крѣпкій, свѣжій, здоровый, насколько это доступно петербургскому воздуху. Настроеніе у него было бодрое.

Больше всего онъ былъ доволенъ тѣмъ, что вчера такъ твердо выдержалъ характеръ и не пошелъ вечеромъ къ Спонтанѣевымъ. Вѣдь это могло случиться. Оставилъ же онъ вчера утромъ пріятелей и жену имянинницу! И вѣдь его тянуло. страшно тянуло. Все время онъ представлялъ себѣ, какъ Вѣра Поликарповна, такъ опредѣленно выразившая желаніе видѣть его вечеромъ, ждала его и какъ подъ конецъ начала сердиться и, можетъ быть, совсѣмъ разсердилась.

Еще неизвѣстно, какъ она встрѣтитъ его сегодня. Можетъ быть, развѣнчаетъ его изъ союзниковъ и этотъ союзъ, который они такъ торжественно заключили, будетъ недолговѣченъ? А можетъ быть, его и вовсе не примутъ.

И когда онъ приближался къ дому Спонтанѣевыхъ на Офицерской улицѣ, то у него явилась мысль прежде всего спросить у швейцара, принимаютъ ли? Прежде онъ ни разу этого не дѣлалъ. Былъ разъ навсегда назначенъ опредѣленный часъ и въ этотъ часъ онъ находилъ Вѣру Поликарповну въ своей временной мастерской.

Онъ такъ и спросилъ: Сегодня принимаютъ?

— Пожалуйте,—отвѣтилъ швейцаръ, — у котораго на лицѣ уже не было вчерашняго сіянія.

Очевидно, праздникъ кончился, наступилъ будень и онъ чувствовалъ по будничному.

Владиміръ Николаевичъ поднялся наверхъ и почему-то на этотъ

разъ у него сердце билось чуть-чуть тревожно. Онъ остановился на порогѣ и вглядѣлся вдаль. Черезъ залъ сквозь раскрытую дверь онъ увидѣлъ мольбертъ и прикрытый холстъ. Никакого движенія онъ не замѣтилъ.

„Значитъ, она еще не вышла", подумалъ онъ и пошелъ туда.

Въ комнатѣ ея не было. Онъ, по обыкновенію, привелъ въ порядокъ кисти и краски и снялъ покрывало. Послышался шумъ отодвигаемаго стула, затѣмъ дверь изъ читальной отворилась; Вѣра Поликарповна стояла на порогѣ.

— Вы немного опоздали, не правда ли?—спросила она.

Въ голосѣ ея слышалась какая-то сухость.

— Да!—отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ.—Можетъ быть. Я шелъ пѣшкомъ.

И онъ пошелъ къ ней. Приблизившись, онъ на секунду остановился.

— У васъ блѣдное лицо! Я никогда еще не видалъ его такимъ.

Она какъ-то смутно усмѣхнулась.

— Негодится для сеанса?—спросила она.

— Нѣтъ, годится... Вѣдь я же теперь пишу волосы, вы знаете.

Онъ пошелъ къ мольберту, а она лѣнивой походкой приблизилась къ своему креслу.

„Да, да,—думалъ онъ,—она разсердилась. Это видно. Она даже не протянула мнѣ руки".

— Хорошо?—спросила она, принимая обычную позу.

— Да, какъ слѣдуетъ.

Онъ началъ писать. Она молчала. Это казалось ему страннымъ до послѣдней степени. И съ каждой минутой принимало характеръ мучительнаго. Никогда она не могла сидѣть молча; она даже выговорила себѣ право болтать. И онъ любилъ ея болтовню, потому что она всегда была интересна. Наконецъ, онъ просто не привыкъ къ этому. Его мучило томительное чувство. Казалось, что вотъ люди связаны однимъ дѣломъ, и она питаетъ противъ него что-то враждебное. Рука его дрожала, кисть плохо повиновалась ему. Онъ чувствовалъ, что дѣлаетъ не то, что нужно.

Онъ опустилъ руку, отошелъ къ окну и стоялъ подавленный.

— Вы хотите отдохнуть?—спросила она.

— Нѣтъ, просто ничего не выходитъ.

— Можетъ быть, и не выйдетъ сегодня?

— Можетъ быть!—какъ-то глухо отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Въ такомъ случаѣ, лучше отложить на завтра?..

— Какъ хотите.

Она лѣниво, вяло поднялась и лицо ея, казалось, стало еще блѣднѣе, а глаза сдѣлались необыкновенно большими.

— Такъ до свиданья.

Онъ съ изумленіемъ взглянулъ на нее.

— Вы... вы уходите, Вѣра Поликарповна?

— Ну, да... До завтра.

— До свиданья! сказалъ онъ съ своей стороны.

Она пошла въ залъ, а онъ глядѣлъ ей вслѣдъ. „Неужели она уйдетъ? И что это значитъ?“

И вдругъ, самъ того не ожидая, онъ воскликнулъ:

— Вѣра Поликарповна, почему вы уходите?

Она обернулась.

— Потому что вы вѣдь не пишете.

— Развѣ намъ больше не о чемъ говорить?

— А развѣ есть о чемъ?

— Я думаю, что есть...

— Хорошо. Такъ говорите.

Она вернулась и стала на порогъ. Странное было у нея лицо. Никогда онъ но считалъ ее ни красивой, ни даже хорошенькой; у нея было только пріятное лицо. Но сегодня въ этомъ лицѣ было что то такое, что все хотѣлось на него смотрѣть, не отрывая глазъ.

— Что за лицо у васъ сегодня! невольно воскликнулъ онъ.

— Вы хотѣли говорить о моемъ лицѣ?—спросила она съ полуулыбкой.

— Нѣтъ, о немъ я говорить не хотѣлъ. Я хотѣлъ вамъ сказать о Вольтовѣ.

— А, объ этомъ... Ну, это можно послѣ... И больше ни о чемъ?

— Нѣтъ, еще о моей винѣ передъ вами! — опять-таки самъ для себя неожиданно промолвилъ Владиміръ Николаевичъ.

У нея что-то дрогнуло въ лицѣ и глаза на мгновеніе освѣтились.

— Значитъ, была вина?

— Была.

— Вы сознаетесь и каетесь?

— О, да, да.

Онъ подошелъ къ ней. Она протянула ему руку ладонью внизъ, такимъ образомъ, что ее надо было цѣловать, и онъ поцѣловалъ.

— Ну, такъ я сяду.

Она сѣла въ кресло, неподалеку отъ двери и, казалось, что она опустилась въ него утомленная, не въ силахъ больше стоять на ногахъ.

— Почему вы такая? что съ вами сдѣлалось?

— А вы разгадайте! Вы ничего не умѣете разгадать... Нѣтъ, нѣтъ, ничего не надо разгадывать. Все пустое. Я такая потому, что такая. Ничего и нѣтъ больше. Я просто устала... Вчера...

— У васъ было много гостей?

— Кажется.

— Вы слишкомъ прилежно занимали ихъ и выбились изъ силъ?

— Нѣтъ, я почти никого не занимала.

— Но что же?

— Ничего.

— Вѣра Поликарповна, вы не договариваете, вы должны мнѣ сказать. Все это меня мучаетъ.

— Ну, нѣтъ, ужъ договаривать я не стану! съ досадой, почти со злостью произнесла она.—Договаривать я не должна. Ну, такъ до завтра... Завтра я буду больше пригодна для сеанса.

Она опять встала съ очевиднымъ желаніемъ уйти.

— Нѣтъ, я васъ такъ не отпущу. Сядьте.

Онъ взялъ ее за руку и усадилъ. Она не протестовала.

— Я постараюсь угадать... Договорить!.. молвилъ онъ и чувствовалъ, какъ что-то схватывало у него горло и въ вискахъ неистово стучала кровь. Онъ чувствовалъ, какъ будто со всѣхъ сторонъ на него надвигалось какое-то странное ощущеніе, которое казалось ему страшнымъ, чудовищнымъ, надвигалось и заставало его врасплохъ, неподготовленнымъ къ отпору, къ борьбѣ съ нимъ. Онъ смутно понималъ, что ея странныя недомолвки какъ бы давали ему право досказать ихъ и произнести тѣ слова, которыя не должно было произносить.

— Вы вчера были огорчены?—произнесъ онъ.

— Нѣтъ, возмущена!

— Можетъ быть, тѣмъ, что я...

— Ну, да, что вы...—почти насмѣшливо перебила она его.

— Боже мой! Да развѣ я смѣю докончить эту фразу такъ, какъ мнѣ иногда хочется думать.

— Да? Вамъ хочется такъ думать?

— Да, мнѣ хочется думать, что вы возмущены тѣмъ... тѣмъ, что я не пришелъ... Что вамъ было скучно безъ меня, что вамъ хотѣлось меня видѣть... Что вы... Что вамъ... Пріятно иногда проводить время со мной...

— И вы говорите все это такъ, какъ будто это какія-то страшныя вещи!..

— Для меня это были бы страшныя вещи, Вѣра Поликарповна?

— Почему?

— Неужели надо объяснять? Неужели надо назвать то...

— Пожалуйста, договаривайте... Я все могу выслушать.

— То, что могло бы стать между нами...

— Ничто не можетъ стать между нами, Владиміръ Николае-

вичъ, если я только не ошибаюсь въ значенiи вашихъ словъ... Мнѣ кажется, что я знаю, о чемъ вы говорите.

— Вы знаете?

— Ну, да... Сядьте рядомъ со мной. Возьмите стулъ и сядьте.

Онъ исполнилъ это. Она улыбнулась и посмотрѣла на него. Глаза ея прояснились. Казалось, къ ней вдругъ стали возвращаться силы, которыхъ за минуту передъ этимъ было такъ мало.

Мы будемъ довольствоваться малымъ!—промолвила она.—Не правда ли?

— Да. Уже и въ этомъ столько счастья, сколько я не заслужилъ и не могъ ждать!—промолвилъ Владимiръ Николаевичъ.

— Вотъ и хорошо. И больше мы не станемъ допытываться. Довольно съ насъ, правда?

— Не знаю.

— Я говорю, что довольно. Вѣдь глубже заглянуть нельзя: тамъ сейчасъ пойдетъ мучительное, страшное, а зачѣмъ пугать себя? Будемъ сидѣть рядомъ и радоватъся тому, что у насъ есть то, чѣмъ мы уже обладаемъ. То, чѣмъ мы обладаемъ, мы ни у кого не украли, мы никого не ограбили. Сидѣть рядомъ и чувствовать отъ этого радость, этого никому нельзя запретить. Правда вѣдь? Давайте говорить о чемъ-нибудь хорошемъ.

— Разскажите о себѣ!—сказалъ Владимiръ Николаевичъ,— какъ вы вчера...

— Нѣтъ, вчера было нехорошее... Вчера мною владѣли дурныя чувства. Я была увѣрена, что вы придете. Мнѣ казалось немыслимымъ, чтобы вы не захотѣли придти.

— Мнѣ хотѣлось.

— И вы боролись? да?

— Да, я боролся...

— И побѣдили меня. Нѣтъ, вы не бойтесь сказать это; такъ и должно было случиться. Вы должны были побѣдить меня, иначе... Иначе я считала бы васъ слабымъ, а я не хочу, чтобы вы были слабы. Да, но это сегодня, послѣ того, какъ я провела мучительную ночь. Я тоже боролась, только не съ вами, а съ собой. Я боролась съ дурной стороной моей души. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ мелочность, маленькiй эгоизмъ, который предъявляетъ свои маленькiя требованiя. Но есть большой эгоизмъ; онъ настаиваетъ на томъ, чтобы брать все только въ самомъ совершенномъ видѣ. Мелкiй эгоизмъ требуетъ, чтобы вы сразу отрѣшились отъ всего, принесли все въ жертву ему и были у его ногъ. Но это глупо. Если бы такъ случилось, вы никуда не годились бы, вы были бы изувѣчены, изранены, вы явились бы съ муками совѣсти, съ сомнѣнiями, съ сожалѣнiями... А этого не надо... Это не счастье. Дайте мнѣ руку и говорите что-нибудь... что хотите.

Онъ взялъ ея руку и сказалъ:

— Я могу говорить только о томъ, какъ мнѣ хорошо. Мнѣ безконечно хорошо! И это неожиданно...

— Неожиданно? А мнѣ казалось... Ну, да это все равно... говорите объ этомъ.

— Да, я счастливъ именно потому, что нашелъ васъ такой. Если бы въ васъ не побѣдилъ большой эгоизмъ, то я былъ бы несчастливъ.

— Нѣтъ, о несчастьи ничего не говорите; этого слова мы не будемъ произносить. Слушайте, Владиміръ Николаевичъ, вы будете писать этотъ портретъ долго-долго, а потомъ начнете другой мой портретъ и его будете дѣлать долго, а потомъ выдумаете еще что-нибудь, что хотите... Чтобъ мы вотъ такъ встрѣчались и чтобы никто не мѣшалъ намъ сидѣть рядомъ и говорить. Кто-то идетъ, встаньте!

Онъ быстрымъ движеніемъ оставилъ ея руку, поднялся и отошелъ. Въ залѣ дѣйствительно раздавались тяжелые мужскіе шаги.

— Это отецъ!—промолвила Вѣра Поликарповна.

Черезъ нѣсколько секундъ на порогѣ показалась высокая громоздкая фигура въ длинномъ черномъ сюртукѣ.

Широкоплечій, сильно сутуловатый, съ большой головой, съ прекрасно сохранившимися, значительно посѣдѣвшими длинными волосами, съ преувеличенно крупными чертами лица, съ длинной русой бородой, въ которой еще не было сѣдины, Поликарпъ Антоновичъ Спонтанѣевъ вездѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ былъ значительнымъ явленіемъ. Густыя нависшія брови его постоянно были въ движеніи. Это была его привычка, которая не покидала его ни во время дружеской бесѣды, ни за дѣлами, ни въ минуты увлеченія. Складъ лица былъ у него суровый. Какая-то непоколебимая твердость свѣтилась въ его темносинихъ глазахъ и когда его широкій ротъ улыбался и открывалъ прекрасно сохранившіеся бѣлые зубы, то эта улыбка на суровомъ лицѣ пріобрѣтала какое-то особенное значеніе.

Этой улыбкой онъ привѣтствовалъ теперь Бертышева, остановившись на порогѣ и протянувъ ему свою большую тяжелую руку.

— Пришелъ посмотрѣть на ваши успѣхи, Владиміръ Николаевичъ!—сказалъ онъ низкимъ глубокимъ басовымъ голосомъ.— Ну, что, дается вамъ портретъ? Вы, кажется, не работаете?

— Мы отдыхаемъ, папа!—сказала Вѣра Поликарповна, замѣтивъ, что Владиміръ Николаевичъ нѣсколько смущенъ.

— Ну, покажите, покажите! Можетъ быть, нельзя? Вѣдь есть между вашимъ братомъ такіе, что на версту не подпу-

скаютъ къ картинѣ, когда ее пишутъ. Вотъ Евграфъ Аполлоновичъ, такъ тотъ родному отцу не покажетъ, пока картина не готова совсѣмъ.

Евграфъ Аполлоновичъ былъ очень извѣстный художникъ, котораго въ домѣ Спонтанѣева окружали обожаніемъ.

— Нѣтъ, пожалуйста!—поспѣшилъ сказать ему Бертышевъ.— Только вѣдь мы недавно начали, еще нельзя судить...

Спонтанѣевъ перешелъ къ окну, сталъ разглядывать работу.

— Будетъ хорошо! — съ искреннимъ убѣжденіемъ сказалъ онъ. — Будетъ прекрасно. Вы уже уловили глаза, а это самое главное. Да, да, предсказываю вамъ. Вѣдь вотъ Евграфъ Аполлоновичъ тоже писалъ Вѣру, да не вышло. Онъ сказалъ, что глаза ея не даются ему, а вамъ дались... Это очень счастливо... Что же, вы сегодня еще будете работать или уже кончили? А то прошу васъ внизъ, тамъ чай готовъ.

— Благодарю васъ!—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.—Если позволите, мы придемъ послѣ.

— Да, мы придемъ позже, папа! Владиміръ Николаевичъ хотѣлъ положить еще нѣсколько штриховъ.

— А, хорошо! ну, я не мѣшаю... Такъ вы придете? Кстати надо объ одномъ дѣльцѣ поговорить.

— Да, мы сейчасъ придемъ. Мнѣ только надо одну подробность закончить.

— Такъ я не мѣшаю, не мѣшаю...—И онъ, наскоро пожавъ руку Владиміру Николаевичу и дружески потрепавъ по плечу дочь, тяжелыми шагами вышелъ.

Владиміръ Николаевичъ взялъ руку Вѣры Поликарповны и крѣпко, съ благодарностью пожалъ ее.

— Лгать нехорошо, не правда ли, Владиміръ Николаевичъ?— съ полуулыбкой промолвила Вѣра Поликарповна.

— Съ корыстной цѣлью, да. А мы, вѣдь, съ вами безкорыстны. Мы оберегаемъ свое; то, что принадлежитъ только намъ двоимъ.

— Правда? — съ радостнымъ огонькомъ въ глазахъ спросила она.

— Мнѣ такъ кажется.

— И никому третьему?

— Я думаю, что нѣтъ.

— Вы мнѣ должны много разсказать... У насъ будетъ условіе—ничего не скрывать, ни хорошаго, ни дурного. Принимаете?

— Да, принимаю, потому что вы умѣете быть философомъ.

— О, не очень! Вы не слишкомъ разсчитывайте на это. Ну-съ, ваши послѣдніе штрихи?—съ усмѣшкой спросила она.

— Дайте руку!

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Теперь пойдемъ!

Они весело и быстро пошли черезъ залъ и потомъ стали спускаться внизъ.

У Владиміра Николаевича на душѣ было радостно. Почему-то не являлось вовсе ни колебаній, ни сомнѣній. Ни разу за все утро не пришла ему мысль о Вѣрѣ Петровнѣ. Какой-то удивительной чистотой вѣяло на него отъ этого неожиданнаго объясненія. Что ему предложили? Нѣчто еще болѣе чистое, чѣмъ дружба. Они будутъ часто проводить вмѣстѣ часы и открывать душу другъ другу. Никого не можетъ обворовать это чувство. И онъ, счастливый этими новыми отношеніями, былъ спокоенъ за все старое.

Они пришли въ столовую. Длинный столъ, за которымъ ужинали пятничные гости, былъ пустъ. Столовая раздѣлялась на двѣ неравныя части небольшимъ рядомъ высокихъ колоннъ, за которыми стоялъ другой столъ. Тутъ обыкновенно семья обѣдала.

Здѣсь и теперь былъ приготовленъ чай съ вареньями и сладкимъ печеньемъ. Самовара не было, чай приносилъ лакей во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. За столомъ онъ нашелъ Спонтанѣева, его жену и старшаго сына, который въ это время уже поднялся и цѣловалъ руку у матери, съ очевиднымъ намѣреніемъ уйти.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, средняго роста, плотный, даже почти толстый, съ пухлыми румяными щеками, пользовавшійся цвѣтущимъ здоровьемъ. Звонкимъ голосомъ онъ наскоро досказывалъ какую-то исторію и, очевидно, торопился. Рысакъ, запряженный въ пролетку, ждалъ его у подъѣзда, чтобы свезти въ университетъ, гдѣ его ждала лекція.

Владиміръ Николаевичъ видѣлъ его въ первый разъ. О немъ онъ слышалъ отъ знакомыхъ, что молодой человѣкъ кутитъ, тратитъ много денегъ, ведетъ широкій образъ жизни. По пятницамъ онъ не появлялся, вѣроятно, находя для себя скучнымъ столь обильное собраніе талантовъ. А отъ Вѣры Поликарповны Бертышеву не удалось добиться опредѣленнаго мнѣнія о братѣ. Ему только показалось, что она не особенно одобряетъ его.

Ихъ познакомили; они пожали другъ другу руки, при чемъ Владиміру Николаевичу показалось, что молодой Спонтанѣевъ сдѣлалъ это разсѣянно, почти не взглянувъ на него, не смотря на то, что представленіе сопровождалось фразой: „нашъ молодой талантъ, подающій огромныя надежды и уже осуществляющій ихъ“... Можетъ быть, эта-то прибавка и заставила молодого Спонтанѣева отнестись къ нему небрежно.

Сестру онъ поцѣловалъ на быстромъ ходу и исчезъ.

— Слышала, слышала! Очень хвалили мнѣ вашъ портретъ. Поликарпъ Антоновичъ хвалилъ!—говорила Бертышеву госпожа Спонтанѣева, усаживая его рядомъ съ собой.—Очень, очень, говорятъ, хорошо выходитъ.

— Пока еще ничего нельзя сказать!—отвѣтилъ Бертышевъ.— Еще достаточно времени, чтобы испортить хорошее, если оно даже есть.

Разговоръ въ такомъ родѣ продолжался нѣсколько минутъ. Вѣра Поликарповна не принимала въ немъ участія. Она сѣла поодаль отъ стола, откинулась на спинку стула и разсѣянно смотрѣла. Казалось, она думала о чемъ-то далекомъ, совсѣмъ не относившемся къ этому дому, къ этому обществу и къ тому, о чемъ здѣсь говорилось.

Марья Ѳедоровна Спонтанѣева была особа очень толстая, съ круглымъ добродушнымъ лицомъ, на которомъ всѣ черты уже какъ бы сливались и не давали опредѣленнаго типа. Она была женщина почти необразованная; въ языкѣ ея и въ манерахъ были ясно видны слѣды происхожденія изъ мѣщанской семьи, но, такъ какъ она далеко не была лишена практическаго ума и житейскаго чутья, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самолюбія, то въ большомъ обществѣ говорила очень мало, стараясь больше слушать и даже всячески избѣгала долго оставаться въ немъ.

По пятницамъ она почти не появлялась наверху, гдѣ было такъ шумно, гдѣ столько велось разговоровъ, споровъ, гдѣ никакъ нельзя было сидѣть молча. Люди тамъ разгорячались, каждый лѣзъ съ своимъ мнѣніемъ, каждый требовалъ сочувствія или возраженія, а она не имѣла никакихъ мнѣній относительно живописи, музыки или литературы; она была слишкомъ проста для этого.

Поэтому она предпочитала появляться уже за ужиномъ, гдѣ, хотя и продолжались споры, затѣянные въ залѣ, но главный интересъ все-таки въ концѣ-концовъ переходилъ на пищу и питье, а въ этихъ дѣлахъ она уже чувствовала себя хозяйкой.

То обстоятельство, что мужъ ея постоянно возился съ артистическимъ міромъ, она признавала. Ей нравилось, что домъ ихъ наполненъ людьми умными и талантливыми и что всѣ они съ уваженіемъ относятся къ ея мужу, къ ея Поликарпу, который лѣтъ десять-пятнадцать назадъ спокойно и дѣятельно торговалъ дровами и не проявлялъ никакихъ художественныхъ вкусовъ. Она гордилась и тѣмъ, что у нея сынъ студентъ, и тѣмъ, что онъ разъѣзжаетъ на рысакѣ и кутитъ съ актрисами французскихъ театровъ, и тѣмъ, что дочь у нея умная, какъ какой-нибудь профессоръ, всѣмъ наукамъ учится и обо всемъ можетъ говорить, и тѣмъ, что на ея обученіе тратятся огромныя деньги, и тѣмъ, что у нея въ домѣ все дорого и красиво и что всякій считаетъ за

честь бывать въ немъ, и тѣмъ, что къ мужу ея часто обращаются даже незнакомые люди или пріѣзжіе и просятъ позволенія осмотрѣть его картины.

Всѣмъ гордилась Марья Ѳедоровна и ото всего была счастлива, а отъ счастья толстѣла, все прибавляясь въ вѣсѣ и объемѣ.

Чай выпили. Спонтанѣевъ обратился къ Владиміру Николаевичу.

— Я васъ вотъ о чемъ хотѣлъ просить, Владиміръ Николаевичъ: мой братъ—онъ человѣкъ странный... Онъ больной, холостякъ, рѣдко куда показывается. Но намъ ужъ давно хочется имѣть его портретъ. Такъ вотъ—не возьметесь ли?

— Съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Ну, вотъ и отлично. Я буду очень радъ. Я увѣренъ, что вы прекрасно передадите его лицо. А лицо его представитъ для васъ особенный интересъ; это, знаете, типъ! Вотъ сами увидите. Такъ согласны?

— Конечно! почему же мнѣ не согласиться?

— Отлично, отлично! Такъ вы завтра къ нему сходите,—онъ живетъ на Сергіевской. Тамъ у него свой домикъ... Зайдите этакъ часовъ въ одиннадцать утра. Тогда и объ условіяхъ поговорите.

— Условія? Какія же могутъ быть условія? Я, право, даже не знаю... Ужъ это лучше бы вы поговорили, Поликарпъ Антоновичъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, я за это не возьмусь. Братъ, знаете, человѣкъ своеобразный; съ нимъ надо держать ухо востро... Онъ будетъ торговаться.

— Но я не умѣю торговаться.

— Надо учиться, Владиміръ Николаевичъ. Вѣдь вы художникъ, а художникъ долженъ умѣть торговаться.

— Художникъ долженъ умѣть торговаться?—съ удивленіемъ спросилъ его Владиміръ Николаевичъ.

— А какъ же, какъ же! Вѣдь нашъ братъ, покупатель, норовитъ подешевле, а вамъ надо подороже продать. Какъ же! Такъ вы завтра зайдите къ брату. Зайдете?

— Я зайду!—съ нѣкоторой неувѣренностью отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ, очень смущенный предстоящей необходимостью торговаться.

Спонтанѣевъ сталъ собираться куда-то выѣхать. Бертышевъ тоже началъ прощаться. Поликарпъ Антоновичъ сказалъ:

— Въ пятницу будете, Владиміръ Николаевичъ? Евграфъ Аполлоновичъ обѣщалъ непремѣнно быть. Вы знаете, онъ новую картину кончаетъ! Никому не показываетъ, а мнѣ показалъ. Удивительная вещь! поразительная вещь! Я, знаете, даже задаточекъ ему уже сунулъ... Боюсь прозѣвать.

— А какой сюжетъ?—спросилъ Бертышевъ.

— Не могу сказать. Слово далъ держать въ секретѣ. Такъ въ пятницу будете?

— Я непремѣнно буду.

— А Скорбянскій, Матвѣй Ивановичъ? Онъ что-то давно къ намъ не жалуетъ? И еще этотъ вашъ товарищъ... Чудакъ такой... Не помню фамиліи. Онъ все Еруслана пишетъ...

— Вольтовъ?

— Ахъ, да, да, Вольтовъ... Онъ тоже что-то не дѣлаетъ мнѣ чести... А я хочу, чтобъ у меня молодежь бывала. Старики, конечно, интересны, но у молодежи всегда есть новыя мысли. Молодежь любитъ поспорить. А это жизни придаетъ. Такъ кланяйтесь ему и скажите, что я прошу его къ себѣ въ пятницу.

— Хорошо, я передамъ...

— А вы видѣли Вольтова?—спросила Вѣра Поликарповна.

— Нѣтъ, я его еще не видалъ,—отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ. Онъ не чувствовалъ себя въ силахъ сегодня сказать ей о своей неудачѣ.

Онъ простился и вышелъ.

V.

Когда на другой день Бертышевъ сталъ собираться изъ дому, чтобы зайти къ брату Спонтанѣева, было около десяти часовъ. Онъ всталъ позже обыкновеннаго и потому торопился.

— Такъ вы еще одинъ портретъ берете, Владиміръ Николаевичъ?—спросилъ его Вольтовъ и въ его большихъ блестящихъ глазахъ свѣтилась усмѣшка.

— Почему же не взять?—откликнулся Бертышевъ.

— А потомъ васъ позовутъ еще куда-нибудь портреты писать, и еще, и еще... Владиміръ Николаевичъ вѣдь будетъ писать всѣхъ Спонтанѣевыхъ по очереди,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Вѣрѣ Петровнѣ:— сперва дочь, потомъ брата, потомъ самого, потомъ самоё, затѣмъ сына и такъ дальше; затѣмъ пойдутъ родственники и друзья. Вѣдь всѣ они съ толстыми карманами. Онъ пишетъ дешево, а они любятъ дешевизну. Они будутъ очень довольны,— портреты, по всей вѣроятности, побываютъ и на выставкахъ; потомъ будутъ висѣть въ ихъ гостиныхъ, кабинетахъ, залахъ и галлереяхъ. Позвольте же спросить, какая польза отъ этого искусству?

— Ты не будешь дома завтракать?—спросила Вѣра Петровна, чтобы прекратить этотъ разговоръ.

— Когда же? Оттуда я пойду прямо къ Спонтанѣевымъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, ты скоро совсѣмъ не будешь жить дома.

— Да вѣдь работа требуетъ времени, Вѣра.

— Да, но это все-таки скучно. Ты распредѣлилъ бы работу такъ, чтобы по крайней мѣрѣ могъ ѣсть дома. Дѣти тебя почти не видятъ.

— Для этого надо жить ближе къ центру.

— Ну, ужъ на это я совсѣмъ не согласна. Тамъ только и слышно, что о скарлатинѣ да о дифтеритахъ.

— Значитъ, нечего и протестовать. Когда заработаю денегъ побольше, тогда буду дома работать.

— Никогда этого не будетъ,—сказалъ Вольтовъ.—Чѣмъ больше вы будете зарабатывать, тѣмъ больше будетъ надо.

— Да мнѣ вовсе немного надо. Во всякомъ случаѣ, чтобъ совершить что-нибудь дѣльное, нужно имѣть деньги. Только тогда можно работать спокойно, а значитъ и что-нибудь сдѣлать. Вотъ вы, Вольтовъ, если бы у васъ было тысячъ десять денегъ, вѣдь вы уже давно что-нибудь сдѣлали бы съ вашимъ Ерусланомъ... А такъ вы будете сто лѣтъ возиться и ничего не сдѣлаете.

— Э, пустое. Работать можно и безъ денегъ. Вы увидите, что я года черезъ два кончу мою работу. Я уже всѣ этюды сдѣлалъ...

— Но гдѣ же вы будете писать?

— Какъ гдѣ? Тамъ, гдѣ живу... Вотъ недѣлю буду жить у васъ, у васъ буду писать, потомъ, можетъ быть, меня пріютитъ Скорбянскій,—у него, и такъ дальше...

— Ну, это ужъ совсѣмъ что-то новое. Такъ еще никто не писалъ.

— Это ничего, что никто не писалъ. А я все-таки напишу. Нѣтъ, работать можно и безъ денегъ, когда есть настоящее призваніе. А меня вотъ что заботитъ. Когда я кончу работу, я долженъ устроить перевозную—не передвижную, а именно перевозную—выставку моихъ картинъ. Я устрою ее въ особыхъ колымагахъ, въ которыхъ она будетъ ѣздить по деревнямъ и маленькимъ городишкамъ, гдѣ есть простой людъ. Вотъ на что нужны средства. И я очень хорошо знаю, что на это мнѣ никто не дастъ ни копѣйки. Вашъ Спонтанѣевъ на это не дастъ, потому что это не прибавитъ къ его меценатской славѣ ни одного луча...

— Вы ошибаетесь. Спонтанѣевъ навѣрное далъ бы, но объ этомъ странно говорить, когда картины еще и не зачинались.

— Все равно, говорить и не придется, потому что не дастъ. А вотъ на это я взялъ бы у него, потому что это не для меня, а для дѣла.

— А вы поговорите съ нимъ. Кстати, онъ просилъ васъ непремѣнно придти въ пятницу.

— То-есть, почему же непремѣнно? Точно это не отъ меня зависитъ.

— Ваше самолюбіе даже къ словамъ придирается,—сказалъ

Владиміръ Николаевичъ, надѣвая шапку и пальто.—Прощай, Вѣра. Я приду часа въ четыре съ половиной. И, должно быть, буду очень голоденъ.

Путешествіе тянулось долго, дорога была прескверная. Извозчикъ взялъ какой-то кружный путь черезъ Николаевскій мостъ, потомъ по набережной, затѣмъ какими-то переулками и еле-еле выбрался на Литейный, а затѣмъ пришлось проѣхать чуть не всю длинную Сергіевскую улицу. Спонтанѣевъ младшій жилъ почти у самаго Таврическаго сада.

„Это, значитъ, мнѣ всякій разъ придется семь гривенъ тратить на извозчика", подумалъ Владиміръ Николаевичъ. Притомъ ему приходилось останавливаться у каждаго небольшого дома и читать надписи надъ воротами, такъ какъ онъ не спросилъ номера дома. Наконецъ, маленькій двухъэтажный особнякъ оказался принадлежащимъ Авксентію Антоновичу Спонтанѣеву.

Бертышевъ сошелъ съ извозчика и осмотрѣлъ зданіе. Ворота и калитка были затворены. Въ первую минуту онъ не замѣтилъ двери съ улицы, потомъ нашелъ ее. Она была низка и широка и надъ нею не было никакого навѣса.

Домъ показался ему невзрачнымъ. Видно было, что его давно не ремонтировали или, по крайней мѣрѣ, не красили. Изжелта голубоватая краска полиняла, а мѣстами облѣзла.

Владиміръ Николаевичъ никогда не встрѣчалъ Авксентія Спонтанѣева, но слышалъ, что онъ еще богаче Поликарпа, и никакъ не ожидалъ найти его жилище до такой степени запущеннымъ. Онъ подошелъ къ подъѣзду и позвонилъ.

Внутри было темно. Но все же онъ замѣтилъ, что тамъ задвигалась какая-то тѣнь. Потомъ отворилась первая внутренняя дверь, а затѣмъ и дверь на улицу. Вышелъ человѣкъ въ русскомъ короткомъ кафтанѣ изъ синяго сукна, въ высокихъ сапогахъ, въ синей фуражкѣ съ длиннымъ козырькомъ.

— Что надо?—спросилъ онъ Владиміра Николаевича, не впуская его внутрь.

Владиміръ Николаевичъ, прежде чѣмъ отвѣтить, внимательно осмотрѣлъ вопрошавшаго. У него былъ самоувѣренный и даже нѣсколько нахальный видъ. Узенькая рыжая бородка его обладала какой-то самостоятельной подвижностью и все виляла изъ стороны въ сторону.

— Вы здѣсь швейцаръ?—спросилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Швейцаръ — не швейцаръ, а такъ, на всѣ дѣла... Здѣсь швейцара не полагается.

— Ну, такъ передайте Авксентію Антоновичу мою карточку.

Человѣкъ „на всѣ дѣла" усмѣхнулся.

— Что жъ карточка? Карточка ничего не значитъ, на ней не

написано по какому дѣлу. У насъ на карточки даже не смотрятъ, а обязательно желаютъ знать, по какому дѣлу.

Владиміра Николаевича началъ коробить уже этотъ тонъ. А главное — ему было крайне непріятно, что его упорно не впускаютъ въ переднюю.

— Вы отнесите карточку и больше ничего отъ васъ не требуется,—довольно строго сказалъ онъ.

Но тотъ не двигался съ мѣста.

— Ничего не выйдетъ. Ужъ, повѣрьте. Напрасно только будете дожидаться. Я долженъ доложить, по какому собственно дѣлу.

— Скажите, что художникъ.

— Художникъ? — подозрительно переспросилъ человѣкъ въ синемъ кафтанѣ.

— Ну, да, художникъ, отъ Поликарпа Антоновича, на счетъ портрета...

— А, отъ Поликарпа Антоновича! Значитъ, вы присланы отъ Поликарпа Антоновича?

— Ну, да ладно, можете сказать, что присланъ! — уже вполнѣ раздраженнымъ тономъ промолвилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Вы, баринъ, не извольте сердиться, — значительно болѣе мягкимъ тономъ промолвилъ человѣкъ на всѣ дѣла и даже, по всей вѣроятности, узнавъ, что тутъ замѣшанъ Поликарпъ Антоновичъ, приложилъ руку къ козырьку, — не извольте сердиться, потому я тутъ не виноватъ. У насъ такой порядокъ. Я скажу.

И онъ, притворивъ внѣшнюю дверь, ушелъ въ темное пространство и скрылся.

Бертышевъ хотѣлъ войти, но тотчасъ же убѣдился, что вторая дверь заперта.

— Ахъ, негодяй, онъ заперъ дверь!—громко сказалъ онъ.— Кажется, онъ принимаетъ меня за вора.

И у него явилась мысль тотчасъ же уѣхать обратно. Но онъ подумалъ, что выйдетъ непріятность и придется объясняться съ Поликарпомъ Антоновичемъ, притомъ, ужъ разъ онъ забрался сюда, надо довести дѣло до конца.

Онъ сталъ ходить по панели, а извозчикъ, который привезъ его и остановился тутъ, подозрительно посматривалъ въ сторону, какъ бы говоря: „Эхъ, тоже еще баринъ!.. На извозчикахъ ѣздятъ, а его и въ сѣнцы не впускаютъ“...

Минуты черезъ три человѣкъ въ синемъ кафтанѣ опять показался на улицѣ.

— Велѣли впустить!—сказалъ онъ.—Пожалуйте.

— Но зачѣмъ же ты дверь заперъ?

— Опять же не по своей волѣ... У насъ такой порядокъ.

„Чортъ знаетъ, что за порядки въ этомъ домѣ!"—съ досадой подумалъ Бертышевъ.

Въ передней было совершенно темно. Владиміръ Николаевичъ не зналъ, куда ступить.

— Что за темнота такая у васъ? Неужели нельзя лампу зажечь!

— Э, нѣтъ. У насъ лампы въ шесть часовъ вечера зажигаютъ. У насъ экономія... Такой порядокъ.

Человѣкъ помогъ ему снять пальто и указалъ дорогу вверхъ по лѣстницѣ, устланной сильно потертымъ коврикомъ. Пройдя ощупью ступенекъ съ десятокъ, Владиміръ Николаевичъ, наконецъ, увидѣлъ свѣтъ. Во второмъ этажѣ было совершенно свѣтло. Широкое полукруглое окно, выходившее во дворъ, давало много свѣта.

Тотъ же человѣкъ въ синемъ кафтанѣ быстро обогналъ его, отворилъ дверь и сказалъ:

— Пожалуйте въ гостиную и обождите. Они покличутъ.

Владиміръ Николаевичъ вошелъ въ гостиную. Это была небольшая комната, уставленная странной разнокалиберной мебелью, при выборѣ которой, повидимому, руководились не столько достоинствами ея и вкусомъ, сколько хорошимъ случаемъ дешево и выгодно купить. Среди мягкихъ низенькихъ креселъ, обитыхъ узорчатымъ шолкомъ, вдругъ оказывался, очень, правда, изящный дамскій письменный столикъ, которому здѣсь было совсѣмъ не мѣсто. Полъ былъ весь закрытъ ковромъ, который, пожалуй, былъ бы хорошъ, если бы краски его не лѣзли въ глаза своею яркостью и пестротой. Огромный концертный рояль не соотвѣтствовалъ размѣрамъ комнаты и тоже былъ здѣсь ни къ чему. На стѣнахъ висѣли картины, на которыя Владиміръ Николаевичъ прежде всего обратилъ пытливое вниманіе. Все это была блѣдная робкая работа, повидимому, начинающихъ художниковъ, можетъ быть, учениковъ, еще не твердо владѣвшихъ кистью. Но онѣ были заключены въ изящныя, очевидно, дорогія рамы. Странный запахъ стоялъ въ квартирѣ, какъ будто ее съ мѣсяцъ не провѣтривали, и глубокая тишина.

Прошло минутъ пять; человѣкъ въ синемъ кафтанѣ улизнулъ куда-то во внутреннія комнаты, но, наконецъ, онъ вернулся и, указавъ ему дверь направо, сказалъ:

— Пожалуйте, просятъ въ кабинетъ.

Владиміръ Николаевичъ пошелъ. Ему пришлось пройти черезъ маленькую комнату, повидимому, безъ всякаго назначенія, послѣ чего онъ попалъ въ кабинетъ.

Это было нѣчто въ высшей степени оригинальное или, по

крайней мѣрѣ, неожиданное для него. Огромная четырехугольная комната, съ высокимъ потолкомъ, о пяти окнахъ на улицу, была почти совершенно лишена какихъ бы то ни было украшеній. На стѣнахъ не висѣло ни одной картины. На полу паркетъ, но не натертый, а совершенно бѣлый, безъ мастики. Окна безъ занавѣсей и гардинъ. Нигдѣ не видно было маленькаго коврика. Ни дивана, ни кресла, только гдѣ-то вдали тяжелый письменный столъ, передъ нимъ рѣзное твердое кресло и около стола нѣсколько вѣнскихъ стульевъ, Владиміръ Николаевичъ вошелъ и въ первую минуту растерялся.

— Прошу васъ сюда!—раздался издали басистый голосъ, въ которомъ онъ тотчасъ же разслышалъ сходство съ голосомъ Поликарпа Антоновича, и голосъ этотъ раздавался рѣзко, какъ въ банѣ, такъ какъ въ комнатѣ не было ни одного мягкаго предмета.

Бертышевъ прищурилъ глаза и увидѣлъ, что въ креслѣ за столомъ сидитъ какая-то громоздкая, слегка согбенная фигура съ сѣдыми, коротко остриженными волосами на головѣ, съ сѣдой, тоже короткой бородой. Въ чертахъ лица его было замѣтно небольшое сходство съ младшимъ братомъ. Владиміръ Николаевичъ подошелъ ближе.

— Господинъ Бертышевъ? Художникъ? Ну, что жъ, прошу садиться!—довольно снисходительно промолвилъ хозяинъ. — А я Спонтанѣевъ Авксентій! Вотъ, не угодно ли?

Онъ указалъ на стулъ по правую руку отъ себя.

— Да, да, мнѣ говорилъ Поликарпъ. Садитесь же.

Бертышевъ сѣлъ, но онъ еще не могъ ни на чемъ сосредоточиться. Хозяинъ продолжалъ:

— А я вижу, васъ изумилъ мой кабинетъ. Онъ всѣхъ изумляетъ. Пустовато. Да къ чему жъ, скажите пожалуйста, я буду натаскивать сюда разной дряни, когда я здѣсь цѣлый день сижу и этимъ воздухомъ дышу? Вѣдь всѣ эти разныя тряпки и коврики только для того и существуютъ, чтобы на нихъ садилась пыль. А Поликарпъ это любитъ. Я, правда, ужъ года три у него не былъ, потому что я никуда теперь не ѣзжу. У меня ревматизмъ въ ногахъ. А только знаю, что онъ себѣ въ новый домикъ натаскалъ всякой всячины. Бариномъ живетъ. Хе, хе! Ну, да что жъ, у всякаго свой вкусъ. Такъ вы художникъ, а?

— Да, я пишу картины.

— Слышалъ отъ Поликарпа, что вы хорошо рисуете. А я въ этомъ ничего не понимаю; не ученъ, знаете. Вотъ баню построить, банное дѣло вести, это я понимаю. Вы знаете, у меня вѣдь свои бани... А этихъ тонкостей я не знаю... Да ужъ не знаю я и того, откуда и Поликарпъ этихъ свѣдѣній набрался? а? Какъ вы думаете? Ха, ха, ха! Я полагаю, всѣ вы тамъ въ кулакъ надъ нимъ

смѣетесь. Вотъ, молъ, дровяникъ нажилъ деньги, такъ ужъ думаетъ, что и образованнымъ сталъ; туда же лѣзетъ? а?

— Нѣтъ, это совсѣмъ не такъ!—довольно сурово возразилъ Бертышевъ.

— Нѣтъ? Не такъ? Ну, а я такъ всякій разъ надъ нимъ подсмѣиваюсь. И тоже дочку вродѣ какой-нибудь принцессы воспитываетъ,—къ чему? Не понимаю! Словно въ профессоры готовитъ. По моему, это легкомысліе... Купецъ долженъ торговать, на то онъ и купецъ. Такъ вы хотите мой портретъ писать? а?

— Виноватъ,—сказалъ Владиміръ Николаевичъ,—у меня не могло явиться такого желанія. Мнѣ Поликарпъ Антоновичъ сказалъ, что вы хотите.

— Я? Ха, ха, ха! Вотъ штука-то! Зачѣмъ же мнѣ мой портретъ? Что же, я его поставлю передъ собой, да и буду глядѣть? Такъ я тогда лучше къ зеркалу подойду и буду хоть цѣлый день смотрѣть на себя, и ничего это не будетъ стоить. А вы, чай, не даромъ же будете рисовать?

— Въ такомъ случаѣ, тутъ недоразумѣніе... Я ничего не понимаю. Поликарпъ Антоновичъ такъ сказалъ мнѣ и сегодня просилъ зайти сюда.

— Ну, да, такъ это *онъ* хочетъ имѣть мой портретъ, ну, вы такъ и говорите. Онъ хочетъ. Онъ просилъ меня посидѣть, я согласился. А на что ему? Ужъ этого я, право, не могу понять. Ну, такъ что-жъ, рисуйте... Я полчаса въ день готовъ сидѣть, а больше не могу, у меня нога затекаетъ. Когда вамъ угодно начать? Мнѣ вѣдь все равно. Въ эти часы мнѣ всего удобнѣе. А вамъ?

— Пожалуй, мнѣ тоже, но... Поликарпъ Антоновичъ сказалъ, что нужно поговорить объ условіяхъ. Я, признаться, вовсе не хотѣлъ бы объ этомъ говорить, но онъ почему-то находитъ это нужнымъ.

— Объ условіяхъ? Такъ это же съ нимъ и надо говорить. Я тутъ при чемъ же? Я же говорю, что портрета мнѣ не нужно, а нужно ему... Съ какой стати я буду за него платить?

Владиміръ Николаевичъ пожалъ плечами и рѣшительно не зналъ, что сказать на это. Онъ вообще сожалѣлъ, что заговорилъ объ условіяхъ. Да и всѣ впечатлѣнія въ этомъ домѣ были таковы, что лучше бы онъ не пріѣзжалъ сюда, а какъ-нибудь отговорился.

— Если такъ, то мы объ условіяхъ и не будемъ говорить,—сказалъ онъ. — Въ такомъ случаѣ завтра приступимъ къ работѣ...

— Да нѣтъ, это все такъ странно... Братъ, говорите, совѣтовалъ вамъ условиться со мной?

— Да, онъ сказалъ это.

— Гм... Хитрецъ! Значитъ, онъ хочетъ, чтобъ я сдѣлалъ ему подарокъ. Мнѣ, говоритъ, пріятно имѣть твой портретъ, а только ты заплати за него. Ха, ха, ха! такъ это превосходно! Ну-съ, а сколько же вы хотите взять за работу?

— Я, право, не знаю... Мнѣ трудно отвѣтить на этотъ вопросъ...

— А коли не знаете, то какъ же мы объ этомъ будемъ разговарить? Но какъ же, позвольте спросить, вы не знаете своего собственнаго дѣла? Вѣдь вотъ я, напримѣръ, точно знаю, что въ моихъ баняхъ для простыхъ стоитъ десять копѣекъ, а дворянская— двадцать копѣекъ, а номера, скажемъ, отъ рубля до пяти. Я этимъ занимаюсь, я и знаю. А вы этимъ дѣломъ занимаетесь и не знаете. Какъ же это такъ?

— Въ нашемъ дѣлѣ не существуетъ опредѣленныхъ цѣнъ,— сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Но кто-нибудь платитъ же за портреты? Ну, почемъ платятъ обыкновенно?

— Для портретовъ столько цѣнъ, сколько портретовъ. Иному художнику платятъ тысячу и двѣ, и три.

— Что? За портретъ три тысячи? Да это надо съ ума сойти! Кто же это платитъ?

— Очень многіе. Конечно, большимъ, очень извѣстнымъ художникамъ.

— А вы тоже большой и извѣстный?

— Нѣтъ, я только начинаю.

— И сколько вы берете?

— Не знаю...

— Вотъ тебѣ и на. Но вы же рисуете мою племянницу! За сколько вы сговорились?

— Я не сговаривался. Съ Поликарпомъ Антоновичемъ у насъ, художниковъ, такія отношенія, что съ нимъ нельзя сговариваться; онъ самъ знаетъ, сколько надо заплатить.

— Гм!.. Знаетъ! Откуда же онъ это знаетъ? Дивлюсь я на брата, просто дивлюсь. Торговалъ человѣкъ всю жизнь дровами и вдругъ въ художествахъ сталъ понимать. Прямо что-то чудесное! Ну, вотъ что: будемъ говорить прямо, по коммерчески,—я по художественному не умѣю разговаривать. Назначайте вашу цѣну, а я скажу свою.

— Я затрудняюсь.

— А вы не затрудняйтесь, прямо говорите. Ежели дѣло стоитъ того, такъ чего же тутъ затрудняться!

Бертышевъ чувствовалъ себя неловко; но, съ другой стороны, ясно видѣлъ, что съ этимъ человѣкомъ церемониться не стоитъ

и тѣмъ болѣе нельзя даже думать о томъ, чтобы предоставить ему самому оцѣнить работу, такъ какъ онъ въ ней ничего не смыслитъ. Вспомнилъ онъ также и предупрежденіе Поликарпа Антоновича о томъ, что братъ непремѣнно будетъ торговаться и рѣшивъ въ душѣ потребовать за портретъ четыреста, а въ крайнемъ случаѣ триста рублей, онъ сказалъ.

— Я хотѣлъ бы получить пятьсотъ рублей.

Странный эффектъ произвели его слова. Авксентій Спонтанѣевъ какъ-то скривилъ лѣвую сторону лица, повернулъ къ нему лѣвое ухо и даже приставилъ къ нему ладонь.

— Какъ вы сказали? Пятьсотъ?

— Ну, да, пятьсотъ рублей.

— За портретъ?

— Конечно, за портретъ. Вѣдь мы говоримъ о портретѣ.

— Позвольте-съ. Ихъ такъ цѣнятъ вообще?

— Я вамъ сказалъ, что платятъ и тысячи.

— Ну, да, платитъ, кто хочетъ. А я говорю—цѣнятъ какъ? Цѣны, цѣны какія? Пятьсотъ рублей за портретъ! Это удивительно, это надо быть дуракомъ, чтобы платить такія деньги.

— А какія же деньги по вашему слѣдуетъ платить?

— По моему? Да по моему вовсе за это денегъ платить не стоитъ. А если уже на то пошло, то сторублевку я еще далъ бы, пожалуй... Ради брата, конечно. Потому ему очень хочется...

— Знаете что,—сказалъ Владиміръ Николаевичъ, нѣсколько даже обидѣвшись.—Въ самомъ дѣлѣ, мы лучше не будемъ говорить о цѣнѣ. Меня просилъ Поликарпъ Антоновичъ написать вашъ портретъ, я его напишу; а о цѣнѣ не будемъ подымать вопроса.

— Но однако жъ... Если вы желаете пятьсотъ рублей...

Въ это время послышались частые легкіе шаги и отдаленный говоръ. Владиміру Николаевичу показалось, что это былъ женскій голосъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ былъ пораженъ неожиданнымъ явленіемъ: въ кабинетъ вошла Вѣра Поликарповна.

— Кто это?—спросилъ, прищуривъ глаза, Авксентій Антоновичъ.

— Это я, дядя. Она быстро пошла къ нему, обогнула столъ и звонко поцѣловала его въ щеку. Потомъ, повернувъ лицо въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Бертышевъ, она сдѣлала, какъ казалось, вполнѣ естественно-удивленное лицо.

— Какъ? Вы? Ахъ, да! Я совсѣмъ забыла, что вы собирались сегодня сюда. Я перепутала.

Владиміръ Николаевичъ поднялся, а она подошла къ нему; они поздоровались.

— Неожиданная и тѣмъ болѣе пріятная встрѣча!—сказала Вѣра Поликарповна.—Вы на счетъ портрета дяди?

— Да,—сказалъ Бертышевъ,—ведемъ переговоры.

— Ну, а знаешь, ты кстати...—началъ Спонтанѣевъ.—Вотъ разрѣши задачу. Твой отецъ захотѣлъ, чтобъ съ меня писали портретъ. Ну, что жъ, я согласенъ; а только вотъ въ условіяхъ съ господиномъ художникомъ не сходимся. Вотъ помири-ка насъ.

— Въ условіяхъ?—промолвила Вѣра Поликарповна и съ улыбкой въ глазахъ посмотрѣла на Владиміра Николаевича; онъ тоже вглядѣлся въ нее, стараясь правильно объяснить себѣ это появленіе.

Она сегодня показалась ему какъ-то необыкновенно стройной молодой и свѣжей. Коротенькая зимняя кофточка, плотно обтягивавшая ея станъ, съ узкимъ мѣховымъ воротникомъ, очень была ей къ лицу. Холодъ окрасилъ щеки ея румянцемъ. Глаза были веселы и смотрѣли лукаво. Вся она была такая прямая, статная, здоровая, энергичная.

— А какія ваши условія, господинъ художникъ?—спросила она, повидимому, сильно удерживаясь, чтобъ не разсмѣяться.

— Я уже просилъ Авксентія Антоновича не говорить больше объ условіяхъ!—сказалъ Бертышевъ.

— Нѣтъ, отчего же? объ условіяхъ говорить надо. Безъ этого ни къ какому дѣлу приступить нельзя. Только очень ужъ мы разошлись. Господинъ художникъ желаетъ за портретъ пятьсотъ рублей, а я нахожу что это несообразно дорого.

Вѣра Поликарповна съ дѣланной серьезностью покачала головой.

— Пятьсотъ рублей дорого, господинъ художникъ!

Онъ вопросительно вскинулъ на нее глаза.

— Я не спорю, Вѣра Поликарповна, и я, право... Я вообще не расположенъ торговаться.

— А вы, дядя, сколько даете?

— А я даю сто рублей.

— Ну, вы ничего не понимаете, дядя,—вамъ простительно... Позвольте мнѣ назначить цѣну.

— Ну, ужъ ты назначишь, какъ же!

— Нѣтъ, я хорошо назначу. Вы позволите, господинъ художникъ?

— Я уже сказалъ, что больше этимъ вопросомъ не интересуюсь.

— Триста рублей довольно!—настойчиво продолжала она, какъ будто не пзамѣчая возраженій и тона, которымъ онъ говорилъ.

— А, у тебя... Отстань!.. Ну, согласенъ! Ну что? жаль мнѣ лишнихъ двѣ сотни рублей выбросить?

— Ну, вотъ видите! Что же вы такъ строго смотрите, господинъ художникъ? развѣ вы недовольны?

— Но вѣдь этотъ вопросъ конченъ, Вѣра Поликарповна.

— Мнѣ кажется, что да.

— Въ такомъ случаѣ я завтра въ одиннадцать часовъ приду. До свиданья,—довольно сухо сказалъ Владиміръ Николаевичъ и поклонился Спонтанѣеву. Онъ на мгновеніе замялся, не зная, протянуть ли руку Вѣрѣ Поликарповнѣ, или тоже ограничиться поклономъ. Во всей этой сценѣ, когда она помогала имъ сговориться, въ ней что-то не нравилось ему.

— Вы уже уходите? — спросила она.—Я тоже скоро уѣду. У меня только къ дядѣ два слова.

Владиміръ Николаевичъ поклонился ей и вышелъ съ очень тяжелымъ камнемъ на душѣ.

Вся эта сцена торговли утомила и какъ-то унизила его въ собственныхъ глазахъ и ему было вдвойнѣ непріятно, что въ ней пришлось такую дѣятельную роль съиграть Вѣрѣ Поликарповнѣ. Какъ-то она отнеслась къ дѣлу слишкомъ ужъ просто, тоже по коммерчески, какъ было бы къ лицу отнестись Авксентію Спонтанѣеву; но ей это не шло.

И онъ смотрѣлъ на этотъ предстоящій портретъ, какъ на тяжолую работу. Онъ спустился внизъ, одѣлся, вышелъ на улицу и повернулъ налѣво.

Снѣгъ падалъ попрежнему и попрежнему таялъ. У него было цѣлыхъ два часа до сеанса, поэтому онъ рѣшилъ идти пѣшкомъ. Мелькнула мысль зайти куда-нибудь, наскоро позавтракать, но онъ вспомнилъ, что Вѣра разсчитываетъ на его большой аппетитъ и готовитъ къ обѣду что-нибудь лишнее; при томъ же и ѣсть еще не хотѣлось.

Отъ встрѣчи съ Вѣрой Поликарповной у него осталось непріятное ощущеніе. Отчасти онъ былъ недоволенъ и собой. Почему онъ не простился съ ней за руку? Она, пожалуй, обидится, а обижать ее, въ сущности, не за что. Если ея пріемъ показался ему не особенно симпатичнымъ, то она въ этомъ не виновата; все-таки она хотѣла облегчить его положеніе и по крайней мѣрѣ помогла довести до конца эти мучительные переговоры.

И почему Поликарпъ Антоновичъ не выяснилъ этотъ вопросъ раньше? Зачѣмъ онъ поставилъ его въ это дурацкое положеніе? Вообще Бертышевъ былъ золъ и крайне недоволенъ сегодняшнимъ утромъ. Онъ не разсчитывалъ на большую плату за портретъ. Онъ зналъ, что на большую сумму даже и права еще не имѣетъ, но зачѣмъ сопровождать обидной торговлей такое простое и законное дѣло?

Вдругъ онъ совершенно непроизвольно оглянулся. У самой панели пара лошадей тащила карету. Кучеръ сильно сдерживалъ ихъ. Это ему показалось страннымъ.

Но никогда ему не пришло бы въ голову, что эта карета можетъ имѣть какое-нибудь отношеніе къ нему. Но карета вдругъ остановилась какъ разъ около него и стекло дверецъ съ шумомъ опустилось. Онъ остановился и увидѣлъ женское лицо, выглядывавшее изъ кареты.

— Владиміръ Николаевичъ, садитесь, я васъ подвезу...

Онъ уже подошелъ къ ней и все-таки стоялъ въ недоумѣніи. Ему казалось невѣроятнымъ, чтобъ она рѣшилась пригласить его въ свою карету. Вѣдь это ей поставятъ на видъ, станутъ упрекать ее, обвинять Богъ знаетъ въ чемъ.

— Вы колеблетесь?

— Нѣтъ, нисколько, но...

— Влѣзайте и потомъ объясните ваше „но".

Онъ, самъ того отъ себя не ожидая, отворилъ дверцу и быстро вскочилъ въ карету. Она опять высунула голову и сказала кучеру:

— Ты сперва покатай насъ!..—И стекло дверцы опять поднялось.

— Вы иногда бываете несносны!—сказала она и брови ея сдвинулись. Онъ долженъ былъ думать, что это восклицаніе вполнѣ серьезно.—И неблагодарны!—прибавила она, уже гораздо мягче.

— Позвольте, я еще ничего не понимаю! — сказалъ Владиміръ Николаевичъ, усиленно потирая лобъ ладонью.

— Ну, такъ приходите въ себя, я подожду; у меня очень много терпѣнія...

Кучеръ погналъ лошадей и карета помчалась быстро по слякотной мостовой.

VI.

— И такъ, мы будемъ молчать! — промолвила Вѣра Поликарповна, когда прошло минуты три молчанія.

— Слушайте,—порывисто воскликнулъ Владиміръ Николаевичъ,—зачѣмъ вы вмѣшались въ это дѣло? Зачѣмъ вы врѣзались въ эту картину, въ которой я такъ не хотѣлъ бы видѣсь васъ?

Вѣра Поликарповна разсмѣялась.

— Знаете ли, если вы когда-нибудь зададитесь вопросомъ, почему я... Ну, почему я такъ быстро и рѣшительно пошла къ вамъ на встрѣчу, то въ числѣ другихъ вашихъ достоинствъ, не забудьте вспомнить эту вашу наивность, наивность въ двадцать пять лѣтъ, на которую я смотрю, какъ на драгоцѣнную рѣдкость, потому что я никогда и ни въ комъ ее не находила. Всѣ такъ просто и здраво смотрятъ на вещи, никто ничѣмъ не шокируется... Всѣ какъ-то умѣютъ вò-время и у мѣста объяснить себѣ все... А вы... Васъ коробитъ даже такая простая вещь, какъ мое шутливое

вмѣшательство въ вашу дѣловую распрю съ дядей. Но замѣтьте, что я только хотѣла избавить васъ отъ дальнѣйшей торговли. Какъ вы не понимаете, что у такихъ людей, какъ дядя, это въ крови? Что, торгуясь, они испытываютъ художественное наслажденіе, можетъ быть, единственное, доступное имъ... Вѣдь я отлично видѣла, что васъ такимъ образомъ можно заставить сдѣлать работу, если не даромъ, то за грошъ, и это могло бы случиться. Повѣрьте, что, при малѣйшей податливости съ вашей стороны, онъ не затруднился бы дать вамъ сто рублей. Я не хотѣла этого. Съ какой стати вы будете даромъ тратить ваше время? Ну, и вотъ все мое преступленіе. Вѣдь я должна была объяснить вамъ... Надѣюсь, эта исторія кончена и мы къ ней не возвратимся, да?

— Кончена, да. Я вижу, что и тутъ былъ несправедливъ... Но, слушайте, Вѣра Поликарповна, зачѣмъ вы взяли меня въ карету?

— Вамъ это не нравится?

— О, нѣтъ, напротивъ. Но мнѣ кажется, что это можетъ повести къ непріятностямъ для васъ.

— Ахъ, оставимте это! Я не такъ предусмотрительна и не хочу быть такой. Какъ вы думаете, я очень хотѣла сегодня видѣть дядю?

— Я не знаю.

— И не хотите догадаться?

— Не могу же я думать, что вы пріѣхали изъ-за меня!

— Да, конечно, этого вы не должны думать...

И она, какъ ему показалось, надула губки.

— Вы чѣмъ-то недовольны? Я вывожу васъ изъ терпѣнія?— спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще. Но, слушайте, и наивность должна имѣть предѣлы.

Онъ промолчалъ. Но въ этомъ молчаніи чуялось, что за нимъ послѣдуетъ что-то значительное,—и въ самомъ дѣлѣ имъ вдругъ овладѣла рѣшимость поставить ей прямой и простой вопросъ.

— Вѣра Поликарповна, — сказалъ онъ и при этомъ посмотрѣлъ на нее выжидательнымъ взглядомъ.—Скажите мнѣ, какую цѣль мы съ вами преслѣдуемъ? Къ чему это можетъ привести?

Она усмѣхнулась и промолвила не то шутя, не то пародируя его:

— Владиміръ Николаевичъ! почемъ же я знаю и зачѣмъ мнѣ это знать?

— Какъ зачѣмъ? Въ такомъ случаѣ это игра?

— Не знаю, можетъ быть, и игра!

— На это я вамъ отвѣчу серьезно и искренно. Я понимаю и игру. Если люди почему-либо симпатичны другъ другу, отчего имъ

и не поиграть вдвоемъ во что-нибудь такое, что могло бы забавлять обоихъ? Но въ такихъ случаяхъ для игры выбираютъ вещицы болѣе грубыя, менѣе хрупкія, которымъ не грозила бы опасность разбиться, а если и разобьются, то ихъ не было бы и жаль—можно купить новую... Но есть вещи, которыхъ замѣнить новыми нельзя... Такими и играть не слѣдуетъ.

— Въ такомъ случаѣ и я впаду въ серьезный тонъ, если онъ вамъ не скученъ. А вы хотѣли бы, чтобы это не было игрою?

— Я еще не знаю... Я теряюсь... Я не настолько владѣю собой...

— А! Ну, такъ узнайте, найдите себя и овладѣйте собой. А мнѣ, признаюсь, смертельно надоѣлъ анализъ и я предпочла бы всему на свѣтѣ хоть часъ жизни безъ него, безъ вопросовъ о томъ, какая цѣль, да къ чему приведетъ! Я думала о васъ цѣлое утро... Вспомнила, что вы будете у дяди и поѣхала туда. Я искала васъ и нашла. И все это для того, чтобы получить отъ васъ нѣсколько философскихъ задачъ... Я думала, что въ этомъ казематѣ, гдѣ всѣ отношенія построены на условностяхъ, гдѣ никто не дѣлаетъ шагу, не спросивъ себя, къ какой практической цѣли это приведетъ,—есть хоть одна маленькая форточка, въ которую можно высунуть голову и подышать свободно чистымъ воздухомъ... А оказывается, что никакой форточки нѣтъ, что она просто была нарисована, какъ рисуютъ фальшивыя окна для симметріи... Очень жалѣю, что смутила вашъ покой, если я дѣйствительно смутила его...

И вотъ въ эту минуту, когда она говорила эти слова, когда голосъ ея дрожалъ отъ разочарованія и обиды, Владиміръ Николъевичъ почувствовалъ, какъ далеко уже простирается власть этой дѣвушки надъ нимъ. Уже первыя дрожащія нотки въ ея голосѣ потрясли его. Уже тогда онъ призналъ себя безконечно виноватымъ и ему захотѣлось просить у нея прощенія. А когда она рѣзко оборвала свою рѣчь и отвернулась отъ него, онъ схватилъ ея руку и сталъ цѣловать.

— Не говорите такъ! Я безконечно виноватъ передъ вами! Ну, простите же, простите! Это потому, что я боюсь и васъ, и самъ себя, и всего того, что мерещется мнѣ въ будущемъ... Вѣра Поликарповна, неужели вы не простите?

Она повернула къ нему лицо. Оно уже не было строго, но онъ замѣтилъ, что въ глазахъ ея стояли слезы. Она пристально смотрѣла ему въ глаза и видѣла, какъ они на мгновеніе съ усиліемъ закрылись, потомъ вдругъ сдѣлались большими-большими и засвѣтились яркимъ глубокимъ сіяніемъ. Точно какая-то сила притянула ихъ другъ къ другу и вотъ они сидятъ близко-близко другъ около друга, но безъ объятій, безъ поцѣлуевъ; онъ только

держитъ ея руку и крѣпко пожимаетъ ее, а она смотритъ на него влажными отъ слезъ глазами, но вмѣстѣ и съ улыбкой полной счастья.

— Такъ сидѣть вдвоемъ и забыть, что есть еще какой-то міръ!.. Вы это понимаете?—говорила она,—вы счастливы?

— О, да, и понимаю, и счастливъ, какъ Богъ!

— И понимаете вы то, что намъ не для чего говорить о будущемъ. Что у насъ нѣтъ будущаго, что оно все здѣсь, съ нами, въ насъ... Что тамъ, гдѣ мы вмѣстѣ,—и наше счастье, тамъ и будущее...

— Такъ, такъ... И мы будемъ молчать о немъ... Не правда ли?

— Да, мы совсѣмъ не будемъ говорить о немъ. Вѣдь это значитъ — говорить о другихъ, а до другихъ намъ нѣтъ дѣла... Мы вмѣстѣ; это—цѣлый міръ! О, съ насъ довольно этого міра! Слушайте, я только одно хочу раздѣлить съ вами изъ всего того, что у васъ есть,—вашъ талантъ. Я хочу, чтобы вы творили вмѣстѣ со мной! Вы понимаете это желаніе? Чтобы вы творили, думая обо мнѣ... Чтобы вы создавали ваши образы вслухъ, передо мной, такъ, какъ бы я была вашимъ воображеніемъ, вашей душой. Я хочу быть только вашей душой... Вы берете меня къ себѣ въ души?—говорила она съ свѣтлой улыбкой, а онъ кивалъ головой въ знакъ согласія.

Карета двигалась все дальше и дальше. Кажется, ужъ они переѣхали Неву, проѣхали Петербургскую Сторону и колесили какими-то переулками. Потомъ карета повернула обратно и опять переѣхала черезъ какой-то мостъ. Кучеръ прекрасно зналъ, что надо быть дома въ началѣ второго часа и, очевидно, возвращался.

Они сидѣли въ глубинѣ кареты, близко другъ около друга, иногда по долгу оставаясь въ молчаніи; но имъ и тогда казалось, что они слышатъ другъ друга, какъ будто ихъ мысли незримо сообщались между собой.

Но вдругъ Вѣра Поликарповна отодвинулась отъ него, какъ бы очнувшись.

— Это уже Казанскій соборъ! — сказала она,—намъ нужно разстаться.

Они въ самомъ дѣлѣ были на площади Казанскаго собора. Карета поѣхала въ Казанскую улицу. Вѣра Поликарповна постучала въ стекло, кучеръ оглянулся. Она сдѣлала ему знакъ повернуть направо. Лошади взяли въ переулокъ и остановились у тротуара.

— Въ два часа нашъ сеансъ, Владиміръ!—промолвила Вѣра Поликарповна и страннымъ, какъ будто новымъ взглядомъ посмотрѣла ему въ глаза. Онъ взялъ ея руку и молча поцѣловалъ

ее. Потомъ отворилъ дверцу и выскочилъ на панель. Она больше не выглянула. Карета покатилась дальше.

Онъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и увидѣлъ на каретѣ длинную цифру номера. „Значитъ, это извозчичья карета,—подумалъ онъ,— странно! У нихъ есть свои лошади, которыя всегда къ ея услугамъ“.

Но тутъ онъ поймалъ себя: „Да, я въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно наивенъ! Если она хотѣла встрѣтиться со мной, то, конечно, не могла рѣшиться выѣхать съ своимъ кучеромъ“.

А голова у него горѣла и онъ шелъ, не видя передъ собой ничего и не зная, куда идетъ. Все, что произошло сейчасъ, казалось ему очаровательнымъ сномъ, отъ котораго онъ никакъ не могъ вполнѣ очнуться.

Но вдругъ въ голову ворвалась еще смутная, неясная, но облитая какой-то горечью, мысль и онъ какъ будто въ первый разъ въ жизни узналъ, что у него есть жена и двое дѣтей, что они любятъ его и пока вѣрятъ ему, что у жены его больше нѣтъ никого на свѣтѣ,—онъ у нея одинъ.

И онъ вдругъ остановился съ такимъ чувствомъ, какъ будто дальше некуда было идти, какъ будто передъ нимъ поднялась большая каменная глыба. „Что же это? что же это?“ грворилъ онъ самъ себѣ: „вѣдь это безчеловѣчно... Это почти преступленіе... Но я способенъ забыть объ этомъ совсѣмъ, такъ, какъ будто бы этого нѣтъ. Во все время, что я ѣхалъ съ Вѣрой Поликарповной, я не думалъ о нихъ, какъ будто они и не существовали; я ни разу не вспомнилъ о нихъ...“

А время шло. На большихъ круглыхъ часахъ, выставленныхъ на окнѣ часового магазина, часы показывали безъ четверти два. Ему казалось, что онъ теперь не въ состояніи пойти ни домой, ни туда, къ Спонтанѣевымъ. Домой въ особенности; ему было даже страшно подумать объ этомъ. Вѣра все прочитаетъ въ его глазахъ. Вѣдь онъ ничего не умѣлъ скрывать. Да и не хотѣлъ скрывать отъ нея. Вѣдь съ самаго дѣтства они были близки и всегда онъ говорилъ ей все, что было у него на душѣ. Съ самаго дѣтства! И теперь...

Но вотъ на перекресткѣ двухъ улицъ свѣжій вѣтеръ обдалъ его всего, дунулъ ему въ лицо и словно сдулъ мрачную пелену съ его мыслей. Онъ уже шелъ бодро и другія были у него думы:

„Но что же я отнимаю у Вѣры и у дѣтей? Я ничего у нихъ не отнимаю. Если въ моемъ сердцѣ нашелся уголокъ, куда я могъ впустить другого, значитъ—этотъ уголокъ былъ не занятъ, значитъ—Вѣра не могла его заполнить. Но вѣдь я буду съ ними и по прежнему жить и работать для нихъ... Ничто не перемѣнится... О, Боже сохрани! ничто не должно перемѣниться“.

Онъ осмотрѣлся. Это была Офицерская улица. Значитъ, онъ шелъ правильно. До дома Спонтанѣева оставалось не болѣе двухъ минутъ. Онъ ускорилъ шаги. Вотъ и подъѣздъ. Онъ вошелъ.

На верхней площадкѣ, когда онъ хотѣлъ повернуть направо, чтобы войти въ залъ и затѣмъ пройти во временную мастерскую, онъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ Поликарпомъ Антоновичемъ, который вышелъ оттуда. Уже по его походкѣ онъ заключилъ, что Спонтанѣевъ взволнованъ.

— А, это вы, Владимiръ Николаевичъ! Ну, вотъ кстати! Я вамъ пожалуюсь... Вообразите... Пойдемте сюда... Вотъ вы разсудите насъ...—говорилъ Спонтанѣевъ, сжавъ его руку и не выпуская ея, повелъ его въ залъ, изъ котораго только что вышелъ.

Вѣра Поликарповна сидѣла въ томъ самомъ креслѣ, въ которомъ она позировала ему, и при этомъ приняла свою обычную позу. На ней былъ тотъ самый костюмъ, въ которомъ она выходила каждый день для портрета и та же прическа.

— Вообразите,—продолжалъ Спонтанѣевъ,—въ такую погоду удираетъ изъ дому одна, безъ экипажа. И что же оказывается? Оказывается, что она ѣздитъ въ извозчичьей каретѣ, въ которой, можетъ быть, сегодня утромъ перевозили какого-нибудь больного тифомъ или дифтеритомъ въ больницу!.. Скажите, по вашему это хорошо?

— Да, въ самомъ дѣлѣ, Владимiръ Николаевичъ, по вашему это хорошо?—очевидно, дразня отца, повторила Вѣра Поликарповна.

— Нѣтъ, не хорошо, Вѣра Поликарповна, совсѣмъ не хорошо!—отвѣтилъ Владимiръ Николаевичъ.

— Ну, вотъ, спасибо, что хоть вы поддержали меня! Вы понимаете,—мы, какъ узнали, что она пошла пѣшкомъ, страшно встревожились. Ну, а когда она прiѣхала въ извозчичьей каретѣ, еще и того хуже... Ну, однако, вамъ нужно работать, я не хочу мѣшать. Знаете, я и до сихъ поръ еще взволнованъ. У меня сердцебiенiе сдѣлалось! Однако, работайте, работайте.

Онъ ушелъ. Владимiръ Николаевичъ, пока его шаги раздавались въ залѣ, стоялъ у окна, скрестивъ на груди руки; когда же шаги смолкли, Вѣра Поликарповна повернула къ нему голову и сказала:

— Ну-съ, такъ пробирайте же меня и доказывайте, что я впредь не должна дѣлать такихъ глупостей.

Онъ приблизился къ ней, взялъ ея руки и приложилъ къ своимъ щекамъ.

— По совѣсти, я долженъ бы сдѣлать это; но готовъ доказывать какъ разъ противное. Вотъ мы опять вмѣстѣ... Не находите ли вы, что это слишкомъ много счастья для двоихъ? У другихъ нѣтъ и миллiонной доли этого.

— Какое намъ дѣло до другихъ, Владиміръ Николаевичъ? Мы вѣдь у нихъ ничего не отнимаемъ. Изъ нашего счастья они для себя не могли бы сдѣлать никакого полезнаго употребленія. Наше счастье только для насъ, а для другихъ оно не годится... Идите ближе... Смотрите мнѣ въ глаза... Тише, тише... Давайте слушать, какъ бьются наши сердца... Вѣдь это дикое наслажденіе, когда слышишь, какъ другое сердце бьется изъ за тебя... Еще одну секунду!.. Дайте мнѣ ваши волосы... Настоящій шелкъ!.. Я ихъ поцѣлую.

— Вѣра!.. Это страшно!

— Да, это страшно!—какъ эхо повторила она и медленно отшатнулась отъ него. Глаза ея пылали, густыя тонкія брови тихо вздрагивали. Она подняла руку и сдѣлала ему жестъ, чтобъ онъ отошелъ отъ нея. Онъ пошелъ къ мольберту.

— Теперь я сяду, а вы пишите... Надо работать, надо работать, Владиміръ Николаевичъ!

Она усѣлась въ позу.

— Пишите усердно! Полчаса вы не должны оставлять кисть,—правда?

Онъ кивнулъ головой, потомъ взялъ кисти.

— Чуть-чуть подымите голову!

— Есть!—отвѣтила она.

— Правое плечо капельку впередъ!

— Тоже есть! Видите, я уже позабыла позу!

— Вотъ такъ. Теперь за работу!

Онъ началъ писать.

— Пусть кто-нибудь посмѣетъ сказать, что мы съ вами не занимаемся дѣломъ!—промолвила Вѣра Поликарповна.

— Такъ и надо!—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

— О, это еще далеко не все, что надо. Портретъ, это—хорошо. Можно создать и портретъ. Но я хочу, чтобъ мы вмѣстѣ создали какую-нибудь картину, которая всѣхъ потрясла бы, которая вызвала бы общій крикъ восторга и заставила бы всѣхъ громко прокричать ваше имя! Это будетъ?

— Если вы захотите.

— Я уже этого хочу.

— Значитъ, это будетъ!— Съ глубокой увѣренностью сказалъ Бертышевъ.

Сегодня ему работалось легко, быстро, удачно. Онъ скоро покончилъ съ волосами, что ему раньше не особенно легко давалось. Ихъ золотистый цвѣтъ все-таки еще не вполнѣ подчинялся его кисти.

— Теперь давайте лицо... Я перехожу къ нему.

— Какъ? уже кончили волосы?

— О, мнѣ сегодня помогаетъ добрый духъ!

— Ну, скажите вашему доброму духу, чтобъ онъ не очень торопилъ васъ. Я не хочу, чтобъ вы слишкомъ скоро кончили портретъ. Онъ мнѣ больше нравится въ недоконченномъ видѣ!— съ улыбкой прибавила она.

— Нѣтъ, надо ловить настроеніе! Я еще никогда не владѣлъ такъ красками, какъ сегодня.

— Но вы должны отнынѣ всегда такъ владѣть ими.

— Я надѣюсь. Подымите голову! Смотрите поверхъ моей головы! Вотъ такъ! и уже больше не болтайте!

Она молчала; онъ опять принялся писать. Онъ ушелъ весь въ работу. Онъ ощущалъ то, что называютъ вдохновеніемъ и что такъ рѣдко приходило къ нему. Казалось, онъ сливался съ красками и кистями, чувствуя себя вмѣстѣ съ ними какъ бы частью одного великаго организма. Минутами онъ забывалъ, что это передъ нимъ сидитъ она, та самая дѣвушка, которая создала въ немъ этотъ полетъ, этотъ порывъ, это настроеніе, дававшіе его рукѣ такую силу.

И онъ видѣлъ, что это лицо на холстѣ, раньше едва вырисовывавшееся изъ туманнаго фона, теперь оживаетъ, одухотворяется. Губы, надъ которыми онъ работалъ, какъ будто вотъ-вотъ готовы заговорить.

Онъ не замѣчалъ, какъ шло время; ему хотѣлось работать быстро, работать безъ конца, чтобъ довести портретъ до послѣдняго штриха. Онъ первый разъ въ жизни испытывалъ полное наслажденіе художника.

— Я устала!—промолвила Вѣра Поликарповна.

Онъ посмотрѣлъ на нее взглядомъ сожалѣнія. Но она въ самомъ дѣлѣ утомилась и больше не могла сидѣть. Она уже перемѣнила позу и вынула изъ за пояса часы.

— Вы знаете, который часъ?

— Нѣтъ, я не хотѣлъ бы знать этого...

— Теперь половина четвертаго!—сказала она.

— Неужели? Мы безъ отдыха работали полтора часа? И васъ на это хватило?

— Лучше спросить, какъ васъ на это хватило? у васъ никогда не было столько терпѣнія.

— Я видѣла, какъ на васъ слетѣлъ огненный языкъ! Я видѣла, какъ вы переселились на небо, и я ухватилась за полу вашего сюртука и тоже попала туда вмѣстѣ съ вами...

Она поднялась и усталой походкой подошла къ мольберту.

— Вы это написали?—воскликнула она, всплеснувъ руками.— Это геніально! Какъ вы могли? Это работа цѣлой недѣли! Закройте, закройте, чтобъ никто не видѣлъ... Ахъ, слушайте, Вла-

димірь, промолвила она, положивъ руку на его плечо,—я утомлена сегодня нашимъ счастьемъ! Мы дѣйствительно были, какъ боги! Я больше не могу... Прощайте.

— Идите!—сказалъ онъ и наклонилъ на бокъ голову, чтобъ поцѣловать ея руку. Но она вдругъ быстро приняла руку съ его плеча, порывисто схватила его голову обѣими руками и поцѣловала его въ лобъ.

— Прощайте, Владиміръ!

Она пошла къ двери, потомъ остановилась.

— Завтра—пятница. Значитъ, мы увидимся два раза.

— Да!—отвѣтилъ онъ, когда она уже была въ залѣ.

Ему хотѣлось побѣжать вслѣдъ за нею, остановить ее, упасть передъ нею на колѣни. Но у него подкашивались ноги.

Онъ съ трудомъ дошелъ до кресла и опустился въ него. Грудь его порывисто вздымалась, сердце билось неистово. Въ глазахъ стоялъ туманъ и все передъ нимъ сливалось въ одинъ образъ стройной молодой дѣвушки, такъ не похожей на всѣхъ другихъ женщинъ, и онъ чувствовалъ, ясно чувствовалъ, что она покорила его уже безвозвратно.

И. Потапенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПСИХОЛОГІЯ.

Академика **А. Фаминцына.**

(*Продолженіе* *).

Глава вторая.

Что̀ есть реальное? или, другими словами: что̀ должно разсматривать какъ реальное? Для многихъ вопросъ этотъ можетъ показаться празднымъ. Неужели можетъ быть какое-либо недоумѣніе и разногласіе въ рѣшеніи этого вопроса? Неужели, спросятъ многіе, можетъ возникнуть какое-либо сомнѣніе, что внѣ меня существуютъ другіе, подобные мнѣ люди, также животныя, растенія, что реальны земной шаръ, солнце, мѣсяцъ и звѣзды? Прочитавшіе предыдущую главу уже имѣли случай, если не ознакомиться со взглядомъ, клеймящимъ нашу увѣренность въ реальности внѣшняго міра, какъ заблужденіе, то, по крайней мѣрѣ, убѣдиться, что таковой раздѣляется цѣлой философской школой. Слѣдовательно, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи вышепоставленнаго вопроса отвѣтъ на него оказывается далеко не такимъ простымъ, а господствующее воззрѣніе не столь безапелляціоннымъ, какъ это принято думать. Постараемся прежде всего ближе разслѣдовать этотъ вопросъ.

Взгляды на этотъ предметъ, какъ извѣстно, весьма расходятся. Большинство людей придерживается такъ называемаго наивнаго реализма, т. е. считаетъ не подлежащимъ сомнѣнію, что внѣшній міръ воспринимается нами такимъ, какъ онъ есть въ дѣйствительности; наши представленія принимаются за объекты, внѣ насъ находящіеся; между тѣмъ, и въ настоящее время многихъ послѣдователей среди философовъ насчитываетъ ученіе, утверждающее, что мы не только не воспринимаемъ непосредственно предметовъ міра внѣшняго, но что даже и не имѣемъ возможности убѣдиться въ ихъ существованіи; что все, что̀ мы знаемъ, ограничивается нашими ощущеніями; а о томъ, что за ними лежитъ и ихъ вызываетъ, мы въ состояніи лишь высказывать

---

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

различныя предположенія, знать же объ этомъ ничего положительнаго не можемъ. Поэтому, если ограничиваться лишь одною нашею познавательною способностью, то и существованіе даже живыхъ существъ внѣ насъ является вещью недоказуемою. Кромѣ этихъ крайнихъ взглядовъ, имѣется весьма большое число различныхъ міровоззрѣній, въ бòльшей или мѐньшей степени приближающихся къ одному изъ вышеприведенныхъ.

Независимо отъ коренного различія міровоззрѣній, во всѣхъ современныхъ философскихъ системахъ служитъ основою извѣстное изрѣченіе Декарта: *cogito ergo sum*, по которому достовѣрно лишь сознаніе моего существованія или, другими словами, присущія мнѣ мысли и ощущенія. Все же остальное, какъ не ощущаемое непосредственно, а лишь умозаключаемое, подлежитъ сомнѣнію.

Естествоиспытатели, напротивъ того, какъ было выяснено, исходной точкой своихъ изслѣдованій признаютъ міръ внѣшній и строятъ свое міровоззрѣніе на фактическихъ данныхъ, доставляемыхъ намъ при посредствѣ внѣшнихъ органовъ чувствъ. Спорнымъ является, слѣдовательно, основной вопросъ: что считать реальнымъ? Только ли наши ощущенія, за предѣлами которыхъ намъ ничего неизвѣстно и не можетъ никогда сдѣлаться извѣстнымъ? или же, разсматривая наши ощущенія, какъ болѣе или менѣе надежныя указанія на явленія міра насъ окружающаго и существующаго помимо нашего сознанія, положить въ основу нашихъ розысканій міръ внѣшній, признавая за несомнѣнное его реальность?

Разсмотрѣніе этого вопроса и составитъ содержаніе главъ 2-й и 3-й; въ настоящей я разсмотрю: 1) степень достовѣрности свидѣтельства *факта*, составляющаго краеугольный камень всего естествознанія, и 2) что считаютъ реальнымъ естествоиспытатели.

Въ слѣдующей же главѣ я намѣренъ выяснить, что принимаетъ за реальное большинство современныхъ философовъ и гдѣ кроется, по моему мнѣнію, истина.

Все, что мы знаемъ о мірѣ внѣшнемъ или, какъ нѣкоторые выражаются, воображаемъ знать о немъ, основывается на ощущеніяхъ, передаваемыхъ нашему сознанію внѣшними органами чувствъ. Послѣдніе считаются всѣми, кто признаетъ реальность внѣшняго міра, за единственные пути общенія съ нимъ нашей психики. Съ потерей зрѣнія насъ окружаетъ безпросвѣтная тьма; съ потерей слуха міръ становится беззвучнымъ, и жизнь наша является потрясенной въ самой основѣ; въ столь сильной степени связана она съ ощущеніями или, вѣрнѣе, съ воспріятіемъ нашихъ ощущеній при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ; ими обогащается запасъ нашихъ знаній новыми фактами. Изъ подобныхъ фактовъ сложилась и роскошно разрослась наука о природѣ, естествознаніе безъ фактовъ немыслимо; они—его твердая и надежная опора.

Неудивительно поэтому, что пароль современнаго натуралиста — фактъ *). Открытіе новыхъ фактовъ, приведеніе ихъ въ связь съ фактами уже извѣстными и изслѣдованіе причинной связи явленій — вотъ исключительныя его задачи. Естествоиспытатель не признаетъ знанія безъ фактической подкладки; что не поддается наблюденію и опыту, говоритъ онъ, остается тайной и не можетъ составлять предмета научныхъ изслѣдованій.

Постараемся опредѣлить точнѣе, что подразумѣвается подъ фактомъ.

Всякому извѣстно, что факты, понимаемые въ общепринятомъ опредѣленіи, не одинаково достовѣрны; нерѣдко даже считаемые всѣми за вѣрные оказываются ложными при болѣе тщательной ихъ провѣркѣ. Факты частью относятся къ явленіямъ нашей внутренней жизни (называемой психической), частью же къ явленіямъ міра внѣшняго (со включеніемъ состояній нашего тѣла). Только послѣдніе, доставляемые намъ исключительно при посредствѣ нашихъ органовъ чувствъ, составляютъ предметъ изслѣдованія натуралистовъ; о нихъ, поэтому, исключительно я и поведу рѣчь.

Вопросы о способахъ и средствахъ воспріятія нами впечатлѣній извнѣ, о переработкѣ ихъ въ представленія, понятія, сужденія и умозаключенія, а равно и о послѣдующей волевой на нихъ реакціи подробно разбираются въ психологіи и теоріи познанія. Опираясь на результаты ихъ, я и постараюсь разобрать, изъ какихъ составныхъ частей слагается такъ называемый фактъ.

Въ настоящее время несомнѣнно доказано, что всякій фактъ, не исключая и простѣйшихъ, слагается изъ двухъ совершенно различныхъ частей: 1) изъ доставляемыхъ нашему сознанію органами чувствъ ощущеній, специфическихъ для каждаго изъ нихъ, въ связи съ внутреннимъ мускульнымъ чувствомъ (см. ниже) и 2) изъ переработки этихъ ощущеній нами въ представленія, понятія, сужденія и умозаключенія.

---

*) Согласно установившемуся среди естествоиспытателей обычаю, подъ именемъ факта подразумѣваютъ какъ то, что даетъ одиночное наблюденіе или одиночный опытъ, такъ и согласный результатъ совокупности наблюденій или опытовъ и даже совокупности цѣлаго ряда и наблюденій, и опытовъ. Въ строгомъ смыслѣ, только данное одного опыта или наблюденія, т. е. результатъ, полученный въ каждомъ частномъ случаѣ, есть фактъ; всякое же обобщеніе нѣсколькихъ наблюденій или фактовъ есть не фактъ, а выводъ. Между тѣмъ, общепринято и послѣдній называть фактомъ; напр., млекопитающія суть теплокровныя животныя, они не могутъ жить въ отсутствіи кислорода, зеленыя части растенія на свѣтѣ разлагаютъ углекислоту атмосферы, выдѣляя кислородъ, цвѣтковыя растенія размножаются сѣменами и тому подобныя положенія, называютъ также фактами. Перваго рода фактъ, въ строгомъ смыслѣ слова, можно назвать *фактомъ простымъ*; выводные же факты обозначать названіемъ: *фактъ сложный*. Подъ *фактомъ* же я буду подразумѣвать и тѣ, и другіе, безъ указанія на категорію факта, въ предположеніи, что читатель не затруднится отличить въ каждомъ частномъ случаѣ: говорится ли о фактѣ простомъ или сложномъ.

Не предрѣшая вопроса о томъ, что считать реальнымъ, я буду, описывая явленія, выражаться въ этой главѣ, ради удобства, въ терминахъ естествоиспытателей. Подъ *міромъ внѣшнимъ* я буду подразумѣвать совокупность всего, находящагося внѣ нашего тѣла.

Прежде чѣмъ перейти къ анализу состава факта, необходимо опредѣлить точнѣе генезисъ ощущеній, возникающихъ во внѣшнихъ органахъ чувствъ. «Мы сами творимъ наши ощущенія», говоритъ Кантъ. Это положеніе вѣрно въ томъ смыслѣ, что они возникаютъ *въ насъ* вслѣдствіе особенностей нашей организаціи и не существуютъ, какъ таковые, внѣ насъ; но, съ другой стороны, это описаніе ихъ генезиса не полно, такъ какъ не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, что ощущенія во внѣшнихъ органахъ не возникаютъ сами по себѣ произвольно, а навязываются намъ; естествоиспытатели приписываютъ ихъ появленіе раздраженію органовъ чувствъ какимъ-нибудь, внѣ нашего тѣла находящимся раздражителемъ. Всякому извѣстно, что мы можемъ часто, по произволу, измѣненіемъ положенія нашего тѣла относительно внѣшнихъ условій, измѣнять или возбуждать опредѣленныя ощущенія. Вѣрнѣе, поэтому говорить не то, что «мы творимъ ощущенія», а что въ насъ, согласно нашей организаціи (т.-е. тѣла и психики) и независимо отъ нашей воли, возникаютъ ощущенія, подъ вліяніемъ раздраженій, производимыхъ внѣшними условіями въ нашихъ органахъ чувствъ.

Не останавливаясь здѣсь на этомъ важномъ положеніи подробнѣе, перехожу къ выясненію: А) въ чемъ заключаются непосредственныя свидѣтельства чувствъ и Б) въ чемъ состоитъ дальнѣйшая ихъ переработка нашей психикой *).

А. *Объ ощущеніяхъ.* Естествоиспытатели согласны въ томъ, что наши органы чувствъ суть единственные пути общенія психики нашей съ міромъ внѣшнимъ. Только благодаря указаніямъ, доставляемымъ органами чувствъ, организмы получаютъ возможность удовлетворять свои потребности, жить и размножаться. Къ этой цѣли наши органы чувствъ превосходно приспособлены, и какъ сложностью, такъ и цѣлесообразностью своею возбуждаютъ невольное удивленіе во всякомъ, кто дастъ себѣ трудъ вникнуть въ ихъ строеніе. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Совершенно иную оцѣнку заслуживаютъ они, если разсматривать ихъ, какъ аппараты для разслѣдованія міра внѣшняго; къ послѣдней цѣли они оказываются, къ сожалѣнію, весьма мало пригодными.

Естествоиспытатель чувствуетъ себя вслѣдствіе этого въ очень неловкомъ и стѣсненномъ положеніи, которое можно пояснить слѣдующимъ сравненіемъ. Представимъ себѣ человѣка духовнаго склада, мало интересующагося матеріальной обстановкой жизни, довольствующагося въ этомъ отношеніи самыми скромными требованіями, но жаждущаго изу-

---

*) Словами «наша психика» я подразумѣваю здѣсь всю совокупность процессовъ, участвующихъ въ этой переработкѣ, не предрѣшая ничего о ихъ природѣ.

ченія природы и выясненія цѣли своего существованія. Представимъ себѣ, что онъ пріѣхалъ къ своему пріятелю, радушному сельскому хозяину, въ благоустроенномъ имѣніи котораго можетъ быть удовлетворена всякая изъ житейскихъ прихотей гостя. Несомнѣнно, что послѣдній вскорѣ бы затосковалъ о своемъ ученомъ кабинетѣ или лабораторіи, не находя подъ рукою ни одного изъ нужныхъ для его разслѣдованій приборовъ и не имѣя никакой возможности предаваться любимымъ занятіямъ. Въ такомъ положеніи оказался и человѣкъ, когда впервые, по удовлетвореніи насущныхъ потребностей жизни, въ немъ пробудилось новое, до того времени невѣдомое желаніе взглянуть на окружающій міръ не съ утилитарной, а болѣе высокой, философской точки зрѣнія, когда, оставивъ точку зрѣнія сельскаго хозяина на природу, онъ сдѣлался мыслителемъ, и внѣшній міръ превратился изъ предмета эксплуатаціи въ великое невѣдомое цѣлое, въ которомъ личность мыслителя является затерянною среди мірозданія, какъ песчинка на берегу морскомъ.

Обративъ вниманіе на свои пять чувствъ, столь превосходно устроенныхъ для использованія внѣшняго міра ради своихъ житейскихъ выгодъ, человѣкъ-мыслитель нашелъ ихъ мало пригодными для его новой, въ немъ зародившейся потребности. Подъ вліяніемъ гнетущаго чувства своего безсилія, нѣкоторые мыслители, какъ мы видѣли, сочли даже возможнымъ отрицать познаваемость внѣшняго міра, на основаніи свидѣтельства нашихъ внѣшнихъ чувствъ, и усомнились даже въ его существованіи.

Въ самомъ дѣлѣ, *мы лишены возможности измѣрять, при посредствѣ нашихъ ощущеній, какъ пространство, такъ и время.* Предметы, напр., строенія, кажущіеся въ дѣтскомъ возрастѣ очень большими, въ возмужаломъ представляются малыми; величина предмета, кромѣ того, измѣняется сообразно съ разстояніемъ, отдѣляющимъ насъ отъ него; размѣры предмета безпрерывно увеличиваются, по мѣрѣ приближенія къ нему, и убываютъ, по мѣрѣ удаленія отъ него. Столь же субъективною оказывается и оцѣнка времени; оно, какъ выражаются, тянется безконечно долго во время болѣзни, страданій или ожиданія. Одинъ и тотъ же промежутокъ времени мчится быстро для одного, и тянется невыносимо медленно для другого.

При посредствѣ нашихъ внѣшнихъ чувствъ *мы воспринимаемъ воздѣйствія лишь небольшого числа внѣшнихъ дѣятелей и то далеко не полностью*; каждый изъ органовъ чувствъ приспособленъ къ воспріятію раздраженій одного изъ внѣшнихъ дѣятелей и реагируетъ лишь на раздраженія только извѣстной напряженности, заключенныя между опредѣленными предѣлами; всѣ раздраженія, стоящія ниже извѣстнаго предѣла, не доходятъ до нашего сознанія или, какъ принято выражаться, не достигаютъ *порога* сознанія; раздраженія же, превышающія по интенсивности верхній предѣлъ, сказываются лишь въ видѣ неопредѣленнаго чувства, чувства боли, безъ специфической для каждаго изъ органовъ чувствъ окраски.

Оказалось далѣе, что *доступъ воспринимаемаго ощущенія къ сознанію не свободный*: онъ въ высокой степени зависитъ какъ отъ ощущеній, предшествовавшихъ моменту воспріятія новаго впечатлѣнія, такъ и отъ одновременно съ нимъ воспринимаемыхъ. Зависимость степени воспріятія ощущенія отъ сопутствующихъ ему и предшествующихъ ощущеній въ психологіи извѣстно подъ названіемъ *закона отношенія*.

Закономъ отношенія обусловливается, что *порогъ сознанія* не пребываетъ постояннымъ, но, подъ вліяніемъ ощущеній, предшествовавшихъ воспринимаемому и одновременно съ нимъ воспринимаемыхъ, то повышается, то понижается. По этой причинѣ, напр., звѣзды, ярко свѣтящіяся ночью, невидимы днемъ, по сравнительно съ солнечнымъ слабому ихъ свѣту; также и звуки, слышимые въ ночной тиши, не ощущаются днемъ изъ-за другихъ звуковъ, несравненно болѣе сильныхъ.

Закономъ отношенія объясняется неоднократно констатированный фактъ, что въ пылу боя, даже смертельно раненные не чувствуютъ въ первое время боли, поглощенные ходомъ сраженія.

На основаніи закона отношенія понятно, почему, при быстромъ слѣдованіи однородныхъ раздраженій, послѣднія, суммируясь, сливаются въ одно непрерывное ощущеніе; такъ, при быстромъ передвиженія по кругу горящаго угля получается сплошное кольцо свѣта; при быстромъ же вращеніи круга, раздѣленнаго на секторы, окрашенные въ цвѣта соотвѣтственно спектру, получается кругъ цвѣта почти бѣлаго.

Закономъ отношенія обусловливаются особенно интересныя явленія, наблюдаемыя, если подвергать организмъ раздраженіямъ однороднымъ, чрезвычайно медленно возрастающимъ въ интензивности.

«При незначительномъ и постоянномъ усиленіи раздраженія,—пишетъ Гефдингъ *),—раздраженіе можетъ оставаться незамѣченнымъ, даже если оно достигнетъ такой силы, что въ другомъ случаѣ вызвало бы ощущеніе. Очень медленное усиленіе электрическаго тока можетъ разрушить самый нервъ, на который дѣйствуетъ, а между тѣмъ не обнаруживается никакихъ признаковъ ощущенія. Постепеннымъ, медленнымъ повышеніемъ или пониженіемъ температуры удается сварить лягушку или заморозить, безъ малѣйшаго видимаго протеста съ ея стороны. На этомъ основаніи можно заключить, что ощущеніе тепла и холода возникаетъ лишь тогда, когда температура кожи претерпѣваетъ измѣненіе, происходящее съ извѣстною скоростью».

Всѣ эти недостатки нашихъ органовъ чувствъ, хотя и существенные, стушевываются передъ ихъ *особенностью возбуждать въ насъ, при раздраженіи ихъ внѣшними дѣятелями, вмѣсто изображеній, соотвѣтствующихъ предметамъ внѣшняго міра, лишь своеобразныя, какъ сейчасъ увидимъ, совершенно субъективныя ощущенія*; при посредствѣ послѣднихъ мы можемъ, правда, въ большинствѣ случаевъ, судить о при-

---

*) *Гефдингъ*. «Очерки психологіи», стр. 123.

сутствіи или отсутствіи раздражителя, вызывающаго опредѣленныя ощущенія, до извѣстной степени и о бо́льшей или ме́ньшей степени интензивности раздраженія нашихъ органовъ, но не болѣе. Воспринимая, при посредствѣ нашихъ органовъ чувствъ лишь субъективныя впечатлѣнія, мы являемся какъ бы совершенно лишенными возможности непосредственнаго созерцанія внѣшняго міра.

Убѣдиться въ субъективности нашихъ ощущеній нетрудно; легче всего на чувствахъ обонянія и вкуса. Понятно безъ дальнѣйшихъ разъясненій, что ощущаемые нами запахъ или вкусъ не аттрибуты или свойства реагирующаго на наши органы предмета, а обусловливаются главнымъ образомъ специфическимъ строеніемъ нашихъ органовъ обонянія и вкуса. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что ощущенія эти сильнѣе всего проявляются въ первый моментъ дѣйствія на насъ, а за тѣмъ, не смотря на продолжающееся раздраженіе органа, постепенно притупляются до полнаго исчезновенія; при нѣкоторыхъ же состояніяхъ, напр., при насморкѣ, обоняніе временно совершенно исчезаетъ; также выпадаютъ вкусовыя ощущенія при параличѣ *nervus glossopharyngeus*, между тѣмъ какъ свойства внѣшнихъ тѣлъ, вызывающихъ ощущенія вкуса и запаха, остаются за это время безъ измѣненія; измѣненными оказываются лишь соотвѣтствущіе органы чувствъ и обусловленныя ими ощущенія.

Нельзя не признать, что ощущенія тепла и холода суть ощущенія тоже чисто субъективныя, обусловленныя организаціей нашего тѣла. Прикосновеніе къ предмету температуры болѣе низкой, чѣмъ температура тѣла, вызываетъ въ насъ, какъ извѣстно, ощущеніе холода; прикосновеніе же тѣла, нагрѣтаго сильнѣе, чѣмъ наше тѣло, производитъ ощущеніе тепла. Субъективная природа этихъ ощущеній сказывается еще особенно рѣзко въ томъ, что, по достиженіи извѣстнаго предѣла напряженности, ощущенія какъ холода, такъ и тепла, превращаются въ ощущенія особаго рода, — болевыя, по характеру не отличающіяся между собою.

Не составляютъ исключенія изъ общаго правила и ощущенія звуковыя и свѣтовыя, хотя съ перваго раза и трудно себѣ представить, что природа сама по себѣ беззвучна и безпросвѣтна, и что наполняется звуками и загорается яркимъ свѣтомъ лишь для живыхъ существъ, которые снабжены соотвѣтствующими органами для воспроизведенія этихъ ощущеній.

Ощущенія наши представляютъ, слѣдовательно, по общепринятому въ психологіи взгляду, даже и при допущеніи реальности внѣшняго міра, не болѣе, какъ условные знаки или шифрованныя депеши, руководствуясь которыми, мы, при посредствѣ цѣлаго ряда внутри насъ происходящихъ психическихъ процессовъ, строимъ наше представленіе о внѣшнемъ мірѣ.

Въ подтвержденіе непригодности нашихъ органовъ чувствъ къ познаванію внѣшняго міра ссылаются, между прочимъ, на открытую Іоганомъ Мюллеромъ въ сороковыхъ годахъ *специфическую энергію* внѣшнихъ органовъ

чувствъ. Суть ея вполнѣ опредѣляется слѣдующими двумя положеніями: 1) каждый изъ внѣшнихъ органовъ чувствъ доводитъ до нашего сознанія лишь одно специфическое для него, субъективное ощущеніе, независимо отъ характера раздражителя и способа раздраженія. Глазъ, напр., вызываетъ ощущеніе свѣта при раздраженіи глаза волнами эфира опредѣленной длины и частоты; между тѣмъ, однако, извѣстно, что ощущеніе свѣта получается также и при усиленномъ приливѣ крови къ глазу, при ударѣ глаза, или при сильномъ давленіи на глазное яблоко, при раздраженіи глаза электрическимъ токомъ, однимъ словомъ, подъ вліяніемъ нѣсколькихъ раздражителей, не имѣющихъ со свѣтомъ ничего общаго. Такъ что глазъ, принаровленный, по своему строенію, преимущественно къ воспріятію свѣтовыхъ волнъ эфира, воспринимаетъ и нѣкоторыя другія раздраженія, но доводитъ и эти раздраженія до нашего сознанія, только въ видѣ свѣтового ощущенія. Что здѣсь приведено относительно органа зрѣнія, вполнѣ относится и до остальныхъ органовъ чувствъ.

2) Второе положеніе, находящееся въ тѣснѣйшей связи съ первымъ, состоитъ въ томъ, что, если выбрать такой внѣшній раздражитель, который реагируетъ на всѣ органы чувствъ, то, прилагая его послѣдовательно къ каждому изъ нихъ, мы будемъ получать ощущеніе специфическое для каждаго органа. Таковое дѣйствіе производитъ электрическій токъ; въ глазу онъ вызываетъ ощущеніе свѣта, въ слуховомъ органѣ—звуки, на языкѣ опредѣленное вкусовое ощущеніе, въ кожѣ—ощущеніе тепла, холода или прикосновенія, соотвѣтственно мѣсту его дѣйствія *).

Вотъ что говоритъ Гельмгольцъ по этому поводу: «Изъ этихъ и подобныхъ фактовъ слѣдуетъ весьма важный выводъ, что наши ощущенія, по ихъ качеству, представляютъ лишь условные знаки внѣшнихъ предметовъ, и ни въ какомъ случаѣ не суть ихъ изображенія или копіи, такъ что ничего сходнаго съ ними не имѣютъ. Изображеніе должно быть въ какомъ-нибудь отношеніи однородно съ объектомъ, какъ, напр., статуя человѣка, сходная съ изображаемымъ лицомъ по внѣшней формѣ; картина, сходная съ изображаемымъ предметомъ въ окраскѣ и перспективной проекціи. Для знака достаточно, если онъ будетъ постоянно появляться одновременно съ предметомъ, имъ обозначаемымъ; здѣсь не требуется никакого другого соотвѣтствія, кромѣ одновременнаго появленія знака и предмета.

Подобнаго рода соотношеніе и существуетъ между нашими ощущеніями и ихъ объектами. Знаки эти, читать которые мы выучились, составляютъ языкъ, дарованный намъ въ связи съ нашей организаціей, языкъ, которымъ намъ говорятъ окружающіе насъ предметы и которому мы научаемся чрезъ упражненіе и опытъ, совершенно такъ, какъ мы выучиваемся нашему родному языку» **).

---

*) *Helmholtz.* Reden. Die neuern Fortschritte in der Theorie des Sehens. II, p. 264—268.

**) *Helmholtz.* Reden. Ueber das Ziel und die Fortschritte der Naturwissenschaft. I, p. 358.

Въ предѣлахъ воспріятія специфическихъ раздраженій внѣшніе органы чувствъ, въ связи съ мускульнымъ чувствомъ, доводятъ до нашего сознанія слѣдующаго рода ощущенія: органы зрѣнія — свѣтовыя ощущенія, воспринимаемыя сѣтчатой оболочкой глаза и отличаемыя нами по интенсивности свѣта, окраскѣ его и распредѣленію свѣтовыхъ впечатлѣній на сѣтчаткѣ; органъ слуха передаетъ намъ слуховыя ощущенія, вызываемыя сотрясеніями барабанной перепонки; органы осязанія доставляютъ намъ ощущенія сопротивленія, тепла и холода; органы обонянія и вкуса, представляя какъ бы пробную камеру для изслѣдованія степени пригодности вводимой въ организмъ пищи, служатъ въ тоже время превосходными указателями на присутствіе или отсутствіе различныхъ химическихъ соединеній. Этимъ и ограничиваются доставляемыя органами чувствъ изъ міра внѣшняго свѣдѣнія, служащія лишь сырымъ матеріаломъ для построенія факта.

Примѣчаніе. Болѣе обстоятельный анализъ возникновенія ощущеній и роли внѣшнихъ органовъ чувствъ, какъ передаточной станціи свѣдѣній о внѣшнемъ мірѣ, читатель найдетъ въ слѣдующихъ главахъ.

Сколь недостаточную для построенія факта часть составляютъ эти данныя, рельефно выступаетъ на слѣдующихъ примѣрахъ. Никто не станетъ оспаривать, что участіе органа зрѣнія, при разборѣ рукописи или печатной книги, совершенно одинаково, и независимо отъ того, написаны ли онѣ на языкѣ намъ знакомомъ, или же совершенно неизвѣстномъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы увидимъ лишь начертанныя на бѣломъ фонѣ черные, ничего не говорящіе намъ знаки. Только это передаютъ намъ глаза, когда мы разбираемъ рукопись или книгу, содержаніе которыхъ намъ понятно; между тѣмъ чтеніе ихъ способно вызывать въ насъ необыкновенно разнообразные и сильные аффекты. Сказанное объ органѣ зрѣнія въ полной мѣрѣ примѣняется и къ органу слуха; не самые звуки, а то, что строится изъ нихъ при посредствѣ психическихъ процессовъ, составляетъ львиную долю при построеніи изъ нихъ такъ называемаго факта; и здѣсь выступаетъ съ неменьшею ясностью, что ощущаемые нами звуки, какъ и образы зрительные, суть ни что иное, какъ сырой матеріалъ, самъ по себѣ ничего не говорящій нашему сознанію, но тѣмъ не менѣе дающій основу, на которой мы строимъ наше міровоззрѣніе. Подобно тому, какъ красота и прочность возводимаго зданія всецѣло зависятъ отъ генія архитектора, такъ и всѣ наши выводы и воззрѣнія на міръ внѣшній, суть продукты нашей внутренней психической дѣятельности и носятъ на себѣ ея отпечатокъ. Другими словами: отдѣльныя, извнѣ получаемыя нами ощущенія относятся къ построеннымъ на нихъ продуктамъ мышленія, какъ кусокъ мрамора къ созданной скульпторомъ статуѣ, какъ краски и холстъ къ нарисованной картинѣ.

Б. *Переработка ощущеній нашей психикой въ фактъ.* Мы видимъ, что каждый фактъ естествознанія получается не непосредственнымъ со-

зерцаніемъ природы, а есть сложный продуктъ дѣятельности нашей психики, слагаемый а) изъ ощущеній, возбуждаемыхъ въ нашихъ органахъ чувствъ внѣшними раздражителями и б) изъ дальнѣйшей переработки ощущеній нашею мыслительною способностью. Прямое слѣдствіе изъ этого—громадное значеніе для естествоиспытателя знакомства съ наукой о нашей психикѣ и о правильномъ примѣненіи ея при разработкѣ факта.

Факты естествознанія удобно могутъ быть распредѣлены въ двѣ категоріи: 1) точныя и тщательныя описанія явленій и отдѣльныхъ предметовъ, напр., описаніе рельефа и ландшафта мѣстности, напластованія земной коры, со включенными въ нихъ окаменѣлостями, описаніе растеній и животныхъ, ихъ строенія, развитія и функцій ихъ органовъ; болѣе простые по существу, эти факты принадлежатъ къ наиболѣе надежнымъ; 2) факты, касающіеся преимущественно разслѣдованія причинной связи явленій, а также, именуемые фактами же, фактическія данныя, или выводы изъ совокупности бóльшаго или мéньшаго числа наблюденій и опытовъ. При построеніи фактовъ послѣдней категоріи, погрѣшности, обусловленныя вышеописанными несовершенствами внѣшнихъ органовъ чувствъ, усугубляются ошибками, возможными при послѣдующей переработкѣ ощущеній цѣлымъ рядомъ психическихъ процессовъ. Участіе психики въ построеніи факта сказывается здѣсь особенно рельефно; поэтому я и остановлюсь преимущественно на фактахъ послѣдней категоріи.

Чрезвычайно наглядный примѣръ совершенно различныхъ толкованій явленій, обусловленный погрѣшностями нашей мыслительной способности, представляетъ историческое развитіе ученія о движеніи земли, кажущагося движенія небеснаго свода и движеній луны, планетъ и солнца. Только нѣсколько столѣтій тому назадъ перестали разсматривать землю какъ центръ, вокругъ котораго двигаются сводъ небесный, солнце, планеты, и достигнуто, не подлежащее сомнѣнію, объясненіе относительныхъ ихъ перемѣщеній. Между тѣмъ, въ основу различныхъ взглядовъ на передвиженіе этихъ небесныхъ тѣлъ приняты были одни и тѣ же наблюденія, при посредствѣ органа зрѣнія. Но не ошибки показаній нашихъ глазъ, а произвольное толкованіе этихъ показаній оказались главною причиною неправильнаго пониманія этихъ явленій. Отсутствіе строгихъ и послѣдовательныхъ наблюденій, конечно, служило громаднымъ препятствіемъ древнимъ астрономамъ къ достиженію правильнаго разъясненія этихъ явленій; тѣмъ не менѣе, если бы изслѣдователи тогдашняго времени свели вопросъ о кажущемся передвиженіи небесныхъ тѣлъ относительно земли на отвлеченную математическую задачу, не предрѣшая вопроса о неподвижности земли, то они, вѣроятно, могли бы и въ то время уже придти къ сознанію возможности истолковать наблюдаемыя передвиженія небесныхъ свѣтилъ и земли согласно воззрѣнію, общепринятому въ настоящее время.

Неправильности въ выработкѣ факта нашею психикой, изъ ощущеній, главнымъ образомъ обусловливаются двумя причинами: 1) отсутствіемъ

точнаго разграниченія непосредственно наблюденнаго и ощущаемаго отъ того, что приложено къ нему при дальнѣйшей переработкѣ его нашей психикой; 2) не вполнѣ точнымъ пониманіемъ причинной связи явленій раскрываемой наблюденіями и опытами.

Вотъ что пишетъ, между прочимъ, Стюартъ Милль въ своей «Логикѣ» о первой изъ этихъ причинъ *):

«Первое условіе заключается въ томъ, чтобы то, что признается наблюденнымъ, дѣйствительно было наблюдено, чтобы оно представляло наблюденіе, а не выводъ (изъ наблюденія), такъ какъ въ каждомъ актѣ нашей наблюдательной способности наблюденіе и выводъ тѣсно слиты. То, что мы принимаемъ за наблюденіе, представляетъ, обыкновенно сложный результатъ, 1/10 котораго добыта наблюденіемъ, а 9/10 принадлежатъ выводу.

Я утверждаю, напр., что слышу голосъ человѣка. На обыкновенномъ языкѣ это значитъ, что я непосредственно воспріялъ ощущеніемъ голосъ этого человѣка. На самомъ же дѣлѣ ощущеніе заключалось лишь въ томъ, что я услышалъ звукъ. Утвержденіе же, что я слышу голосъ, и что этотъ голосъ есть голосъ человѣка, есть не наблюденіе, а выводъ. Я утверждаю далѣе, что я видѣлъ сегодня утромъ, въ опредѣленномъ часу, моего брата. Подобное сужденіе, удостовѣряющее фактъ, обыкновенно разсматриваютъ, какъ дознанное чрезъ непосредственное свидѣтельство чувствъ. На самомъ же дѣлѣ здѣсь произошло совершенно иное. Я видѣлъ только опредѣленную, окрашенную поверхность, или, вѣрнѣе, я имѣлъ родъ ощущеній зрѣнія, составленныхъ, обыкновенно, изъ окрашенныхъ поверхностей; на основаніи этихъ, изъ прежнихъ опытовъ дознанныхъ признаковъ, я и заключаю, что видѣлъ моего брата. Я бы могъ имѣть совершенно сходныя ощущенія и безъ того, чтобы мой братъ тамъ находился. Я могъ увидѣть когонибудь другого, на столько на него похожаго, что при той степени вниманія, съ которымъ на него смотрѣлъ, я могъ принять его за моего брата. Я могъ спать и видѣть его во снѣ, или же мои нервы могли находиться въ болѣзненномъ состояніи, и мнѣ могъ представиться и на яву, въ галлюцинаціи, образъ брата. Многіе люди во всѣхъ этихъ случаяхъ предполагаютъ, что они видятъ своихъ хорошихъ знакомыхъ, какъ умершихъ, такъ и вдали отъ нихъ находящихся. Если бы одно изъ этихъ предположеній оправдалось, то утвержденіе, что я видѣлъ моего брата, оказалось бы ложнымъ; самый же предметъ воспріятія: ощущенія глаза, остались бы совершенно истинными. Не хорошо обоснованнымъ представилось бы только заключеніе въ томъ, что я приписалъ ощущенія не соотвѣтственной причинѣ.

Легко привести безчисленное множество примѣровъ такъ-называемаго обмана чувствъ и анализировать ихъ подобнымъ же образомъ».

---

*) *J. S. Mill.* A system of Logik. Vol. II. p. 178.

«Въ калейдоскопѣ мы видимъ не то, что въ немъ находится, т.-е. не одно случайное распредѣленіе кусочковъ окрашенныхъ стеколъ, но нѣсколько таковыхъ распредѣленій, расположенныхъ симметрично вокругъ одной точки. Обманъ обусловливается тѣмъ, что во мнѣ возбуждается ощущеніе, совершенно сходное съ тѣмъ, которое я испытывалъ бы, если бы подобное симметричное расположеніе въ дѣйствительности предстало предъ моими взорами.

Если скрестить пальцы, указательный и средній, и помѣстить между ними небольшого размѣра предметъ, напр., шарикъ изъ хлѣба, т.-е. привесть его въ прикосновеніе съ мѣстами пальцевъ, которыя обыкновенно не подвергаются одновременному прикосновенію, и при этомъ закрыть глаза, то оказывается невозможнымъ отдѣлаться отъ представленія, что между пальцами находятся два шарика. Но не осязаніе, въ послѣднемъ случаѣ, и не зрѣніе въ первомъ обманываютъ насъ; обманъ кроется, независимо отъ того, будетъ ли онъ мгновеннымъ, или продолжительнымъ, въ моемъ сужденіи. Отъ органовъ чувствъ я воспринимаю только ощущенія, и эти истинны и вѣрны. Вслѣдствіе привычки воспринимать эти и имъ подобныя ощущенія, при извѣстномъ распредѣленіи внѣшнихъ предметовъ, относительно моихъ органовъ чувствъ, я, при воспріятіи этихъ ощущеній, и заключаю о соотвѣтственномъ распредѣленіи внѣ меня этихъ предметовъ. Привычка эта достигаетъ такой интенсивности, и производимое мною заключеніе слѣдуетъ съ такою быстротою и инстинктивною безошибочностью, что становится чрезвычайно трудно отличить его отъ интуитивнаго воспріятія.

Если заключеніе это вѣрно, то я даже и не сознаю, что оно нуждается въ доказательствѣ; если же я знаю, что оно ложно, то мнѣ стоитъ большаго труда воздержаться отъ этого заключенія».

Эти разсужденія съ достаточною отчетливостью выясняютъ, какъ велики и разнообразны могутъ быть ошибки, обусловленныя неправильнымъ толкованіемъ нашихъ ощущеній, чему безчисленные примѣры имѣются не только въ обыденной жизни, но и въ естествознаніи.

Этимъ недостаткомъ далеко не исчерпываются еще ошибки при построеніи такъ-называемыхъ фактовъ.

Много ошибочнаго вкрадывается подчасъ въ формулировку факта вслѣдствіе не рѣдко встрѣчаемаго, неправильнаго пониманія характера причинной связи явленій, раскрываемой наблюденіями и опытами. Послушаемъ, что говоритъ по этому поводу Стюартъ Милль *):

«Законъ причинности,—пишетъ Милль,—есть истина, охватывающая всю область человѣческаго опыта и состоящая въ томъ, что каждая вещь, имѣющая начало, имѣетъ и причину», «это законъ, по которому каждое событіе подчинено закону, и все происходитъ закономѣрно».

---

*) John Stuart Mill. System of Logik. I, p. 358

«Между явленіями природы, происходящими въ извѣстный моментъ, а явленіями слѣдующаго момента существуетъ неизмѣнная послѣдовательность». «За опредѣленными событіями слѣдуютъ другія опредѣленныя, и, какъ мы полагаемъ, и впредь постоянно будутъ слѣдовать. Неизмѣнно предшествующее событіе мы называемъ причиной, неизмѣнно слѣдующее за нимъ—дѣйствіемъ; общность закона причинности состоитъ въ томъ, что всякое послѣдующее событіе соединено какою-то связью съ предшествовавшимъ, или цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ событій».

«Случаи неизмѣнной послѣдовательности событія за однимъ только опредѣленнымъ предшествующимъ, если и встрѣчаются, то чрезвычайно рѣдко; обыкновенно же послѣдующее событіе находится въ причинной связи съ различными событіями предшествующими и происходитъ вслѣдствіе совокупнаго дѣйствія нѣсколькихъ предшествующихъ. Въ этихъ случаяхъ обыкновенно одно изъ предшествующихъ событій выдѣляютъ, обозначая его—*причиной*, остальныя же относятъ къ числу *условій* (необходимыхъ для наступленія ожидаемаго событія). Обыкновенно говорятъ, что ѣда была причиною смерти, если кто-нибудь поѣстъ кушанья, отъ котораго умираетъ, т. е. онъ не умеръ бы, если въ данномъ случаѣ этого блюда не съѣлъ. Между тѣмъ нѣтъ необходимости предполагать неизмѣнной связи между принятіемъ этой пищи и смертью; вѣрно однако, что обстоятельства, которыя тогда имѣли мѣсто, образовали своею совокупностью сочетаніе, непремѣннымъ послѣдствіемъ котораго была смерть, напр., комбинація потребленія этой пищи, особаго состоянія здоровья и, можетъ быть, и атмосферныхъ вліяній. Совокупность этихъ обстоятельствъ образовала въ этомъ частномъ случаѣ *условія* явленія (смерти). Истинная причина смерти есть, слѣдовательно, совокупность ихъ, и съ философской точки зрѣнія мы, строго говоря, не имѣемъ никакого права обозначать какое-либо одно изъ обстоятельствъ, какъ исключительную причину смерти». «Обозначеніе причины окажется всегда неполнымъ, если мы въ какой-либо формѣ не включимъ всѣхъ условій явленія. Представьте себѣ, что кто-нибудь принялъ ртутный препаратъ, вышелъ изъ дому и простудился. Мы можемъ себѣ объяснить причину простуды тѣмъ, что больной простудился вслѣдствіе того, что вышелъ изъ дому. Между тѣмъ ясно, что необходимой причиной простуды могло быть и принятіе внутрь ртути; поэтому, хотя принятіе выхода на воздухъ за причину простуды и болѣе подходитъ къ общепринятому способу выраженія, тѣмъ не менѣе несравненно точнѣе обозначеніе причины простуды: выходъ на воздухъ, подъ вліяніемъ принятой внутрь ртути».

Привычка обозначать одно изъ предшествовавшихъ наблюдаемому явленію обстоятельствъ, за причину послѣдняго, Милль объясняетъ тѣмъ, что остальныя подразумѣваются или могутъ быть опущены безъ ущерба, какъ не имѣющія значенія для преслѣдуемой цѣли. Если, напр., гово-

рять, что за причину смерти опредѣленнаго лица принимають, что нога его поскользнулась въ то время, какъ это лицо взбиралось по лѣстницѣ, то не упоминають о его вѣсѣ, хотя это обстоятельство было совершенно необходимо для паденія этого лица. Такъ же, при рѣшеніи законодательнаго собранія, принятомъ при голосованіи лишь перевѣсомъ, доставленнымъ голосомъ предсѣдателя, это послѣднее лицо обыкновенно разсматривають, какъ причину всѣхъ послѣдствій, вызванныхъ этимъ рѣшеніемъ.

«Во всѣхъ этихъ случаяхъ за причину явленія признають обстоятельство, позже другихъ вступившее въ дѣйствіе». Но опредѣленнаго правила для руководства въ обозначеніи причины не имѣется. Ничто не можетъ лучше иллюстрировать отсутствіе всякаго научнаго основанія въ различеніи явленія природы отъ его условій, какъ странный способъ выбора, по нашему произволу, одного изъ условій явленія за его причину. Какъ бы ни были многочисленны условія, мы, въ каждомъ частномъ случаѣ, выбираемъ одно, и оказываемъ ему номинальное предпочтеніе, какъ причинѣ явленія.

Напр., на вопросъ: какія условія производятъ, что камень, брошенный въ воду, опускается на дно? Милль перечисляетъ ихъ нѣсколько: первое условіе—присутствіе земли, такъ что поэтому часто говорятъ, что паденіе камня производится землею, или же силою или свойствомъ земли, и причину паденія камня приписывають притяженію земли; другое условіе, которое тоже принадлежитъ къ необходимымъ, состоитъ въ томъ, чтобы камень находился въ сферѣ притяженія земли, и чтобы не было другого тѣла, притягивающаго его со стороны противоположной, съ равною или еще бóльшею силою. Далѣе необходимо для паденія камня на дно, чтобы удѣльный вѣсъ его былъ больше удѣльнаго вѣса воды. Поэтому съ равнымъ правомъ можно разсматривать за причину паденія камня въ водѣ его бóльшій удѣльный вѣсъ. По теоріи тяготѣнія, наконецъ, паденіе камня есть слѣдствіе взаимнаго притяженія землею камня и камнемъ земли.

Мы видимъ поэтому, что можно послѣдовательно принимать каждое изъ условій явленія за его причину, и что всѣ эти, по одиночкѣ взятыя, условія съ одинаковымъ правомъ могутъ быть приняты за причину явленія, но только при обычномъ способѣ выраженія; въ строго же научномъ смыслѣ всѣ эти положенія въ одинаковой степени ошибочны, и ни одно изъ этихъ условій не можетъ быть принято за единственную причину явленія.

«Въ бóльшей части случаевъ, въ которыхъ проявляется причина, отличають предметъ, который дѣйствуетъ, и предметъ, на который дѣйствіе производится: *Agens* и *Patiens*», «при ближайшемъ разсмотрѣніи однако это различіе исчезаетъ». Напр., «если въ вышеприведенномъ примѣрѣ паденія тѣлъ задались бы вопросомъ: какая причина обусловливаетъ паденіе камня? То при отвѣтѣ «самъ камень» получилось бы кажущееся противорѣчіе въ этомъ выраженіи относительно значенія слова

причина, такъ какъ камень разсматривается, какъ *Patiens*, а земля, какъ *Agens*, или причина. Но можно доказать, что различіе это не есть основное, такъ какъ при формулировкѣ вопроса другими словами: какая причина обусловливаетъ движеніе камня къ землѣ по вертикальному направленію? мы, не впадая въ ошибку, могли бы говорить о камнѣ и о всякомъ другомъ тяжеломъ тѣлѣ, какъ объ *Agens*, который начинаетъ движеніе по направленію къ землѣ, вслѣдствіе присущихъ ему законовъ и свойствъ»; «по теоріи тяготѣнія камень въ такой же мѣрѣ есть *Agens* по отношенію къ землѣ, которая не только притягиваетъ камень, но и притягивается имъ».

Въ слѣдующей главѣ Милль излагаетъ интересныя соображенія о сложеніи причинъ или совокупномъ дѣйствіи причинъ нѣкоторыхъ явленій.

Если въ самыхъ простыхъ случаяхъ, какъ, напр., касательно паденія камня въ водѣ, признаніе одной какой-нибудь причины представляется произвольнымъ, то можно себѣ представить недоразумѣнія, возникающія при такой постановкѣ вопроса въ явленіяхъ сложныхъ. Научное знаніе, отличающееся отъ обыденнаго исключительно всестороннимъ анализомъ явленій и возможно точной формулировкой полученнаго результата, самымъ кореннымъ образомъ заинтересовано въ указаніи способа избѣжать ошибокъ, могущихъ вкрасться отъ этого въ выводы. Возьмемъ одинъ изъ простыхъ примѣровъ: мнѣ неоднократно приходилось получать отъ сельскихъ хозяевъ письма со вложенными въ письмо сухими, покрытыми бурыми пятнами, листьями; въ письмѣ заключалась просьба указать на причину появленія этихъ пятенъ, нерѣдко причиняющихъ гибель громадныхъ плантацій растеній; при чемъ обыкновенно указывалось, что появленію бурыхъ пятенъ предшествовали продолжительные и сильные туманы (мгла, какъ нѣкоторые писали). При разслѣдованіи пятенъ на листьяхъ, не трудно было узнать въ нихъ грибницу и плодоношенія обыкновеннѣйшихъ паразитныхъ грибковъ. Съ перваго взгляда не только вопросъ, но и категорическій на него отвѣтъ можетъ показаться совершенно выясненнымъ, но по нѣкоторомъ размышленіи дѣло представляется не столь простымъ, а категорическій отвѣтъ на запросъ о единственной причинѣ заболѣванія, даже невозможнымъ. Для произведенія бурыхъ пятенъ нужно содѣйствіе двухъ факторовъ: присутствія воспроизводительныхъ крупинокъ (споръ) паразитнаго грибка и большой влажности атмосферы. Безъ сомнѣнія, въ отсутствіи грибка никакой туманъ не въ состояніи вызвать появленіе бурыхъ пятенъ; но, съ другой стороны, постоянно попадающіяся на листьяхъ споры грибка въ сухомъ воздухѣ не даютъ ростковъ, а, слѣдовательно, и бурыхъ пятенъ. Какой же изъ этихъ двухъ факторовъ указать сельскому хозяину, какъ причину болѣзни? Если ближайшій факторъ болѣзни и есть грибъ, то не однимъ своимъ присутствіемъ онъ вызываетъ болѣзнь; не будь продолжительнаго тумана, и болѣзнь бы не появилась. Сельскимъ же хозяиномъ, который

ежегодно находитъ споры паразитнаго грибка на листьяхъ, но въ сухіе годы безвредные, за причину появившейся болѣзни можетъ быть признанъ продолжительный туманъ, хотя, какъ видно, въ строго научномъ смыслѣ, ни одно изъ условій нельзя признать за единственную причину болѣзни растеній.

Въ этомъ сравнительно еще простомъ случаѣ мы можемъ по произволу предупреждать заболѣваніе, или, напротивъ, его вызывать, устраняя одинъ или оба фактора, или же, наоборотъ, воспроизвести болѣзнь при совокупномъ дѣйствіи гриба и сырости; другими словами, мы въ состояніи овладѣть явленіемъ. Несравненно труднѣе точная формулировка причины наблюдаемаго явленія, если она касается какого-нибудь процесса въ живомъ организмѣ. Напр., извѣстно, что растенія, выращенныя изъ сѣмени въ темнотѣ, лишены зеленой окраски; они получаются бѣлыми, съ желтоватымъ оттѣнкомъ; перенесенныя же на свѣтъ, быстро зеленѣютъ. Свѣтъ, слѣдовательно, представляется какъ бы непосредственною причиною зеленѣнія, т. е. образованія зеленаго пигмента (хлорофилла). Такую причинную связь и признавали за неразрывную, пока не удалось Саксу показать, что проростки хвойныхъ и вайи папоротниковъ интензивно зеленѣютъ въ темнотѣ, въ то время, какъ рядомъ помѣщенные проростки большинства другихъ растеній остаются бѣлыми. Затѣмъ выяснилось, что проростки растеній и на свѣтѣ выростаютъ бѣлыми, если температура, окружающая ихъ, низкая и не поднимается выше опредѣленнаго предѣла, различнаго для разныхъ растеній.

Оказалось далѣе, что при выращиваніи растенія изъ сѣмени въ почвѣ, лишенной желѣза, при всѣхъ остальныхъ благопріятныхъ условіяхъ, только первые листья получаются зелеными, всѣ же послѣдующіе желтовато-бѣлыми, безъ слѣда зеленой окраски. Это объясняется тѣмъ, что запаса желѣза въ сѣмени хватило лишь на развитіе первыхъ листьевъ; послѣдующіе же, изъ-за недостатка желѣза, не образовали хлорофилла. Заключеніе это подтверждается тѣмъ, что, по введеніи въ растеніе соли желѣза въ видѣ хлорнаго желѣза, или желѣзнаго купороса, бѣлые листья уже чрезъ нѣсколько часовъ пріобрѣтаютъ интензивный зеленый цвѣтъ. Желѣзную соль вводятъ въ растеніе или чрезъ корни, поливая слабымъ растворомъ ея почву, или же непосредственно смазываютъ кистью листья; въ послѣднемъ случаѣ получается зеленый рисунокъ въ мѣстахъ, смоченныхъ растворомъ этой соли; на остальномъ же протяженіи листья, по прежнему, остаются бѣлыми. Которое же изъ этихъ условій признать за причину зеленѣнія? Очевидно они всѣ должны быть на лицо, и одновременно съ ними и всѣ остальныя условія, необходимыя для прорастанія.

Возьмемъ еще примѣръ: свѣжее куриное яйцо можно, какъ извѣстно, продержать на холоду безъ измѣненія, но стоитъ только перенесть его въ температуру 37° Ц., чтобы вызвать развитіе цыпленка. Увеличеніемъ или уменьшеніемъ температуры до извѣстнаго предѣла можно,

слѣдовательно, пробудить въ зародышѣ развитіе или задержать его. Ближайшая причина возбужденія жизни въ данномъ случаѣ несомнѣнно повышеніе температуры; но было бы совершенно неправильно изъ этого заключить о преобладающемъ вліяніи означенной температуры на развитіе цыпленка и о непосредственной отъ нея зависимости. Не трудно убѣдиться, что развитіе цыпленка не послѣдуетъ, если помѣстить яйцо въ атмосферу температуры 37° Ц., но лишенную кислорода. Однимъ словомъ, въ данномъ случаѣ повышеніе температуры оказалось единственнымъ недостающимъ условіемъ для осуществленія желаемаго явленія, именно развитія цыпленка.

Невозможно также, напр., указать ближайшую причину прорастанія сѣмянъ, какъ среди послѣдовательнаго ряда условій, предшествовавшихъ прорастанію, такъ и одновременно дѣйствующихъ. Представимъ себѣ, что я взялъ сухое сѣмя, перенесъ его въ почву, смочилъ ее водою и сѣмя проросло. Что разсматривать какъ причину прорастанія?—перенесеніе ли сѣмени въ почву, или же поливку почву водою, такъ какъ сѣмя въ сухой почвѣ не проросло бы? Очевидно, что въ данномъ случаѣ ближайшею причиною является поливка почвы водою. Но извѣстно, что для прорастанія не менѣе необходимы кислородъ воздуха и опредѣленная температура; если бы одного изъ этихъ двухъ послѣднихъ условій недоставало, и вслѣдствіе этого прорастаніе было бы задержано, а при введеніи этого условія—обнаружилось, то ближайшей причиной, въ обыденномъ значеніи этого слова, было бы признано, и не безъ основанія, но только для даннаго случая, это послѣднее, недостающее для прорастанія условіе. Другими словами: признаніе одного изъ условій за единственную или даже ближайшую причину прорастанія оказывается и въ данномъ случаѣ въ виду исключительной зависимости его отъ случайно отсутствующаго условія, *совершенно произвольнымъ*. Сколько путаницы внесено въ физіологію растеній работами, имѣвшими, наприм. цѣлью выяснить причину поднятія воды по растенію, роста, и реакцій на раздраженіе *Mimosa* и другихъ растеній, хорошо извѣстно тѣмъ, кто знакомъ съ этими главами физіологіи растеній.

Если вникнуть въ общій характеръ и значеніе вышеприведенныхъ надъ живыми существами опытовъ, которые я намѣренно привелъ въ большомъ числѣ и заимствовалъ изъ разслѣдованій по различнымъ вопросамъ, то мы получимъ совершенно опредѣленное, но отъ обычнаго взгляда отличное заключеніе: что разслѣдованія причины явленій, особенно въ живомъ организмѣ, даютъ гораздо меньшій результатъ, чѣмъ это принято думать.

Обычный пріемъ подобнаго рода разслѣдованій, гдѣ требуется выяснить вліяніе какого-либо внѣшняго условія на организмъ растительный или животный, заключается въ устройствѣ двухъ параллельныхъ рядовъ опытовъ съ организмами, возможно одинаковыми; одинъ изъ нихъ ставятъ въ наиболѣе благопріятныя условія; этотъ организмъ слу-

жить контрольнымъ; другой же—въ тѣ же условія, видоизмѣняя лишь изъ внѣшнихъ условій то, вліяніе котораго требуется выяснить. Тщательнымъ сравненіемъ обоихъ организмовъ въ концѣ опыта и опредѣляютъ вызываемое опредѣленнымъ условіемъ вліяніе.

Изъ сказаннаго понятно, что подобные опыты не могутъ ни въ какомъ случаѣ указать *непосредственной связи* ни одного изъ отправленій организма съ какимъ-либо внѣшнимъ дѣятелемъ, или внѣшнею причиной; они даютъ лишь положительное указаніе, необходимъ ли, или же безразличенъ опредѣленный внѣшній дѣятель для изслѣдуемаго отправленія и притомъ же только въ данномъ частномъ случаѣ, т. е. опредѣляютъ его вліяніе на изслѣдуемое отправленіе при наличной комбинаціи множества другихъ условій, среди которыхъ могутъ находиться въ неопредѣленномъ числѣ и условія, отъ насъ еще скрытыя. Опредѣленіе вліянія внѣшняго дѣятеля на какую либо функцію живого организма усложняется еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: слѣдуя общепринятому въ физіологіи пріему мы лишь получимъ положительныя указанія касательно вліянія его на сумму всѣхъ жизненныхъ отправленій организма и на степень видоизмѣненія интересующаго насъ отправленія въ зависимости не только отъ этого внѣшняго условія, но и отъ измѣненій, вызванныхъ имъ въ остальныхъ отправленіяхъ организма.

Болѣе внимательное отношеніе къ изложеннымъ соображеніямъ сдѣлало бы невозможнымъ появленіе изрѣченій, въ родѣ надѣлавшаго много шума изрѣченія Моллешота: ohne Phosphor kein Gedanke», (безъ фосфора нѣтъ мысли) и многихъ другихъ подобныхъ.

Изъ вышесказаннаго ясно, что въ строго научномъ смыслѣ невозможно указать на одну, опредѣленную причину изслѣдуемаго явленія, и это невозможно, не вслѣдствіе несовершенства нашей природы или пріемовъ разслѣдованія, а по зависимости всякаго явленія отъ совокупности условій ему предшествующихъ, а также и явленій, его сопровождающихъ.

Эти строки не могутъ не возбудить въ читателѣ недоразумѣнія относительно того, какъ согласовать необычайные успѣхи естествознанія, зиждущагося преимущественно на розысканіи причинной связи явленій, съ невозможностью указать, для любого явленія, причины, вызвавшей его появленіе? Очевидно, здѣсь есть недомолвка и притомъ весьма существенная. Одно изъ двухъ: или естествознаніе не нуждается въ отыскиваніи опредѣленныхъ одиночныхъ причинъ явленій, такъ что разсматриваемое за непосредственную причину есть что-либо иное, чѣмъ естествознаніе и можетъ довольствоваться; или же весь блескъ и могущество результатовъ естествознанія есть, если не миражъ, то не предвидѣнный и не замѣченный самообманъ.

Изъ предыдущаго уже можетъ быть до нѣкоторой степени предусмотрѣнъ отвѣтъ: естествознаніе ограничивается лишь разслѣдованіемъ причинной связи опредѣленнаго явленія съ опредѣленнымъ внѣшнимъ

условіемъ и притомъ не иначе, какъ при наличности всѣхъ остальныхъ необходимыхъ для искомаго явленія условій, въ томъ числѣ и условій, намъ совершенно неизвѣстныхъ; слѣдовательно, результатомъ разслѣдованія можетъ быть лишь только выясненіе вліянія, на изучаемое явленіе, присутствія и отсутствія опредѣленнаго внѣшняго условія, а никакъ не органическая связь явленія съ какою-либо одною, опредѣленною причиной.

Всѣ причинныя связи явленій, составляющія предметъ естествознанія, удобно поясняются слѣдующимъ простымъ примѣромъ: представьте себѣ, что я нахожусь въ совершенно темной комнатѣ, въ которую внесли свѣчу и я увидѣлъ свѣтъ. На вопросъ: какая причина того, что я увидѣлъ свѣтъ? всякій несомнѣнно отвѣтитъ: причина этому внесенная въ комнату зажженная свѣча; представимъ себѣ, что со мною въ комнатѣ находятся еще нѣсколько человѣкъ; изъ нихъ одинъ спитъ, и потому не замѣчаетъ свѣчи и не видитъ свѣта; по сравненію съ этимъ лицомъ я могу сказать, что увидѣлъ свѣтъ, потому что бодрствовалъ; у второго—завязаны глаза и онъ, конечно, тоже не можетъ замѣтить свѣта; поэтому съ одинаковымъ правомъ я могъ бы утверждать, что вижу свѣтъ вслѣдствіе того, что у меня не повязаны глаза; третій же, не видитъ свѣта потому, что слѣпъ отъ рожденія; имѣя его въ виду, я, слѣдовательно, могу разсматривать какъ причину того, что я увидѣлъ свѣтъ, обстоятельство, что я не слѣпъ. Каждое изъ этихъ условій имѣетъ ни больше и ни меньше права, чѣмъ остальныя, быть принятымъ за причину того, что я увидѣлъ свѣтъ; выборъ между ними одного условія за причину будетъ исключительно зависѣть отъ выбора лица, съ которымъ я себя буду сравнивать. Для каждаго частнаго сравненія указываемое различіе и будетъ представлять причину явленія, понимаемую въ смыслѣ, придаваемомъ естествознаніемъ причинности явленій, которая составляетъ существенный и главнѣйшій предметъ его розысканій. Разслѣдованію причинности явленій, понимаемой въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, и только въ этомъ, и обязано естествознаніе своимъ роскошнымъ развитіемъ. Указанія, подобныя вышеприведеннымъ, что я по сравненію со спящимъ вижу свѣтъ, потому что бодрствую, по сравненію со вторымъ, потому что у меня нѣтъ повязки на глазахъ, а по сравненію съ третьимъ, что я не слѣпъ, могутъ служить схемами добываемыхъ естествознаніемъ результатовъ.

Принимая во вниманіе сказанное, придется во многомъ измѣнить формулировку результатовъ какъ въ физіологіи растеній, такъ и въ физіологіи животныхъ, разслѣдующихъ преимущественно причинную связь между явленіями жизни съ одной стороны и зависимости ихъ отъ внѣшнихъ условій—съ другой.

Произведенный анализъ обѣихъ частей, изъ которыхъ слагается фактъ, показалъ намъ, сколь разнообразны и подчасъ ненадежны процессы при, посредствѣ которыхъ послѣдній строится. Мы познали, насколько неполно

и несовершенно освѣдомляютъ насъ органы чувствъ о внѣшнемъ мірѣ. Нельзя не признать: 1) что при посредствѣ ихъ мы имѣемъ возможность воспринимать воздѣйствія сравнительно небольшого числа внѣшнихъ дѣятелей, 2) что воспріятіе дѣйствія и этихъ дѣятелей заключено въ опредѣленныхъ предѣлахъ; ниже порога сознанія вліяніе ихъ вовсе не ощущается, выше опредѣленной напряженности раздраженіе органовъ чувствъ теряетъ специфическій для каждаго изъ органовъ чувствъ характеръ и вызываетъ лишь неопредѣленное чувство боли; 3) что доступъ воспринятаго ощущенія къ сознанію не свободный и обусловленъ ощущеніями какъ сопутствующими изслѣдуемому ощущенію, такъ и предшествовавшими моменту его воспріятія, и, наконецъ, въ 4) что особенно важно: ощущенія субъективны и представляютъ лишь условные знаки или шифрованныя депеши изъ внѣшняго міра.

Мы видѣли, что недостатки эти, хотя и крупные, еще осложняются возможными ошибками при переработкѣ ощущеній въ то, что мы называемъ фактомъ.

Возможность познаванія міра внѣшняго представляется, согласно вышеизложенному, какъ бы совершенно безнадежнымъ, и понятно, почему нѣкоторые мыслители усомнились даже въ возможности познаванія нами внѣшняго міра.

Но посмотримъ поближе, дѣйствительно ли положеніе наше безвыходное, и нѣтъ ли средствъ какимъ-нибудь путемъ выдти изъ него и стать на болѣе твердую почву?

Неоцѣненная услуга и помощь, для осуществленія этой цѣли, пришла со стороны естествоиспытателей. Болѣе остальныхъ заинтересованные въ усовершенствованіи способовъ разслѣдованія явленій міра внѣшняго, при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ, они не пожалѣли ни времени, ни труда на крайне кропотливыя и утомительныя изысканія въ различнѣйшихъ областяхъ частныхъ и спеціальныхъ вопросовъ, часто ничего почти не говорящія сами по себѣ ни уму, ни сердцу, но неотразимыя и важныя по своему рѣшающему значенію при обсужденіи интереснѣйшихъ вопросовъ не только естествознанія, но и основныхъ положеній философскихъ доктринъ. Неслышная и скрытая отъ взоровъ большинства современниковъ работа по созиданію этого, какъ бы подземнаго, научнаго фундамента съ небывалой въ прежнее время энергіей и усиліемъ ведется въ настоящій вѣкъ тысячами естествоиспытателей и послужитъ навѣрное одной изъ характернѣйшихъ особенностей прогресса человѣческой мысли истекающаго столѣтія. Естествоиспытатели научили измѣрять съ чрезвычайною точностью пространство временемъ и обратно. Вмѣсто приблизительной лишь оцѣнки вѣса предметовъ на ощупь, имѣются въ нашемъ распоряженіи вѣсы, дозволяющіе опредѣлять вѣсъ до тысячныхъ долей миллиграмма, а равно и съ легкостью опредѣлить вѣсъ тѣлъ въ сотни пудовъ, которые и сдвинуть съ мѣста немыслимо одному человѣку.

Термометры, барометры, фотометры, электрометры и другіе измѣрительные приборы расширили и увеличили нашу способность количественной оцѣнки явленій до невѣроятныхъ предѣловъ, низводя до минимума вліяніе оцѣнки субъективной. Эти приборы оказали особенныя услуги тѣмъ, что дозволяютъ избѣгать непосредственное опредѣленіе количественной стороны явленія посредствомъ ощущенія; при помощи измѣрительныхъ приборовъ сравниваются два явленія разнородныхъ, изъ коихъ одно дается, такъ сказать, въ терминахъ другого, наблюдатель же лишь констатируетъ показаніе прибора; такъ, напр., температура опредѣляется наблюденіемъ надъ повышеніемъ или пониженіемъ столбика ртути въ термометрѣ, а не субъективнымъ ощущеніемъ тепла или холода. Понятенъ, безъ дальнѣйшихъ разъясненій, великій прогрессъ въ познаваніи явленій внѣшняго міра, обусловленный введеніемъ измѣрительныхъ приборовъ; ими, слѣдовательно, устраняются несовершенства нашихъ органовъ чувствъ, указанныхъ въ трехъ первыхъ пунктахъ (стр. 140). Совершенствованіе показаній органа зрѣнія изобрѣтеніемъ телескоповъ и микроскоповъ, дало, кромѣ того, возможность, съ одной стороны, разслѣдовать движеніе, форму и до нѣкоторой степени даже химическій составъ небесныхъ тѣлъ, отстоящихъ отъ насъ на разстояніяхъ превышающихъ наше воображеніе, съ другой—сдѣлало доступнымъ разслѣдованіе строенія и жизни простѣйшихъ микроорганизмовъ, о существованіи которыхъ никто и не подозрѣвалъ до открытія микроскоповъ. Особенными приборами удалось, кромѣ того, открыть и разслѣдовать обширную и важную область магнитныхъ и электрическихъ явленій.

Не перечисляя остальныхъ научныхъ пріобрѣтеній этимъ путемъ на поприщѣ естествознанія, я только прибавлю, что невозможно не только опредѣлить, но и предвидѣть предѣла совершенствованія въ будущемъ показаній нашихъ органовъ чувствъ.

Мнѣ могутъ однако возразить съ полнымъ правомъ, что этимъ неустраняется самое важное изъ возраженій противъ возможности познаванія міра внѣшняго: именно указанная въ 4-мъ пунктѣ субъективность нашихъ ощущеній, вслѣдствіе чего они являются не изображеніями предметовъ, а лишь условными знаками, что особенно рельефно выражается въ вышеописанной *специфической энергіи* чувствъ. Разъясненіе этого пункта будетъ приведено мною въ слѣдующей главѣ, послѣ критическаго разбора философскихъ системъ, трактующихъ объ этомъ предметѣ, въ указанномъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе я полагаю возможнымъ уже здѣсь высказать свое убѣжденіе, что считаю приводимые философами доводы не достаточно обоснованными и отрицаю ихъ право быть верховными судьями въ данномъ вопросѣ.

Изъ содержанія этой главы выяснилось, изъ сколь различныхъ частей слагается то, что обыкновенно понимаютъ подъ фактомъ. Уже составъ *простого факта* оказался очень сложнымъ и построеннымъ

изъ двухъ совершенно различныхъ частей: 1) изъ условныхъ знаковъ воспринимаемыхъ нашими органами чувствъ изъ внѣшняго міра и 2) изъ переработки ихъ цѣлымъ рядомъ психическихъ процессовъ въ *простой фактъ*. Не требуетъ разъясненія, на сколько болѣе еще сложнымъ является то, что называютъ *фактами сложными*. Далѣе были подробно разсмотрѣны недочеты въ свидѣтельствахъ нашихъ органовъ чувствъ съ одной стороны, и недостатки способовъ дальнѣйшей переработки ихъ нами—съ другой, наконецъ, указаны усовершенствованія, введенныя натуралистами въ изученіе явленій внѣшняго міра, и обращено вниманіе на возможность совершенствованія работы мысли при построеніи факта.

Если присоединить къ возможно достижимому идеалу совершенствованія наблюденій и опытовъ, при посредствѣ спеціально для этой цѣли устроенныхъ аппаратовъ, еще и возможно широкое примѣненіе математическаго анализа, къ разслѣдованію связи и хода явленій, а также и предѣльное совершенствованіе построенія психическими процессами *факта*, то получится въ результатѣ полностью все знаніе, достижимое для современнаго естествовѣдѣнія. Міръ внѣшній во всѣхъ деталяхъ предстанетъ тогда, по мнѣнію естествоиспытателей, ихъ взорамъ; одновременно выяснится вполнѣ суть и значеніе нашей жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и удастся свести всѣ жизненныя явленія на движенія атомовъ. Эти данныя и послужатъ, по мнѣнію естествоиспытателей, наиболѣе совершеннымъ выраженіемъ того, что, по ихъ мнѣнію, *есть реальное*.

Не трудно однако замѣтить, что указанныя, и, для естествоиспытателей крайне желательныя и важныя поправки въ конструкціи факта, ни на волосъ не могутъ уменьшить отрицательнаго къ нимъ отношенія Канта и послѣдователей критической философіи вообще; они, даже при идеальной и безупречной постановкѣ опыта, будутъ продолжать разсматривать подобные факты какъ свидѣтельства столь же недостаточныя, какъ и всѣ остальныя, для признанія, на основаніи показанія внѣшнихъ чувствъ, существованія міра внѣшняго внѣ нашего сознанія. Считая реальными лишь наши ощущенія, они, по прежнему, и съ ихъ точки зрѣнія, съ полнымъ правомъ, будутъ утверждать, что, обреченные на вѣчное заточеніе въ заколдованномъ кругѣ субъективныхъ ощущеній, мы не въ состояніи проникнуть въ міръ внѣшній.

Слѣдующая глава, тѣсно связанная съ настоящей, будетъ заключать: 1) изложеніе и критику господствующихъ воззрѣній относительно существованія міра внѣшняго внѣ нашего сознанія и 2) опытъ опредѣленія: что есть реальное?

ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА.

(THE CHRISTIAN).

Романъ Холль Кэна.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

КНИГА I.

Внѣшній міръ.

(*Продолженіе* *).

VII.

«*Виноградникъ Мареы.*

«Милая тетя Речель,—прежде всего, скажите дѣдушкѣ, что въ прошлую среду Джонъ Стормъ говорилъ свою первую проповѣдь и, согласно программѣ, я пошла слушать его. Господи, помилуй, какъ онъ меня измучилъ этой проповѣдью! Дошелъ до середины и сталъ! Испугался чего-то—каеедры, или публики, или еще какой дьявольщины,—ужъ не знаю, съ чего на него страхъ напалъ! И бояться-то было некого, кромѣ нѣсколькихъ дѣвушекъ-болтушекъ, которыя вовсе и не слушали, да нѣсколькихъ старыхъ мумій съ слуховыми трубами въ рукахъ. Я сидѣла позади всѣхъ, въ темнотѣ, совершенно скрытая отъ проповѣдника широкими плечами сестры Олвортси,—образецъ «нѣжной женственности», очень близко граничащей съ кривляньями старой дѣвы. Говорятъ, «рѣчь» была короткая, но мнѣ отродясь не случалось читать столько молитвъ заразъ, а дышала я до того часто и тяжело, что сестрѣ, навѣрно, казалось, будто сзади нея поставили водокачальную машину. Бѣдный м-ръ Стормъ послѣ того приходилъ сюда, въ госпиталь, но когда я взглянула въ его печальное и страстное лицо, у меня не хватило духу сказать ему правду насчетъ проповѣди; я предпочла сказать, что забыла пойти послушать его—спаси, Господи, мою душу!

«Вы хотите знать, какъ я провожу время? Чтобъ вы не подумали, что я днемъ предаюсь мечтамъ, а ночью праздности, спѣшу сообщить

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

вамъ, что я встаю въ 6 часовъ, завтракаю въ 6 ч. 30 м.; въ 7—приступаю къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей, въ 9 ч. 30 м. ужинаю, болтаю до 10-ти, затѣмъ иду въ свою комнату и ложусь въ постель: на томъ и дѣлу конецъ. Такъ какъ я пока принята на пробу, то работаю главнымъ образомъ въ отдѣленіи приходящихъ больныхъ. Обязанности мои состоятъ въ томъ, чтобы собрать всѣ необходимые инструменты и медикаменты, приготовить больныхъ къ осмотру врача и затѣмъ передать ихъ фельдшерамъ для перевязки. Въ настоящее время мои больныя—дѣти; я люблю ихъ и чувствую, что когда придется разстаться съ ними, это разобьетъ мнѣ сердце. Докторъ не всегда внимательно осматриваетъ ихъ, но это ничего не значитъ, ибо за ними неустанно слѣдитъ лучшій и самый ученый докторъ въ мірѣ, т. е. *я*.

«Прошлую субботу я въ первый разъ присутствовала при операціи. Боже милостивый! Я думала, что не переживу этого. Къ счастью, у меня на рукахъ были перевязки и губки, такъ что я мысленно подперла свою спину шестифутовой стальной полосой и держалась «молодцемъ». Но иныя изъ привычныхъ сидѣлокъ прямо «ужасны»; онѣ съ какимъ-то профессіональнымъ удовольствіемъ спускаются въ этотъ адъ и не пропустили бы «операціоннаго дня» ни за какія блага въ мірѣ. Въ субботу рѣзали маленькаго пятилѣтняго мальчика; у него отняли ногу и теперь онъ лежитъ у насъ—блѣдненькій такой; когда бѣднаго мальчугашку спрашиваютъ, куда онъ идетъ, онъ говоритъ: къ ангеламъ и свиныхъ хрящиковъ ему будутъ давать тамъ, сколько угодно. И это правда—т. е. что онъ умираетъ.

«Виноградникъ нашъ изобилуетъ гроздіями, но между ними не мало кислыхъ. При нашемъ госпиталѣ есть медицинская школа (и въ ней множество хорошенькихъ мальчиковъ; только намъ, дѣвушкамъ, не дозволяется разговаривать съ ними, даже въ корридорѣ) и полный составъ почетныхъ и приходящихъ врачей. Но собственно намъ приходится имѣть дѣло только съ однимъ изъ нихъ, съ нашимъ домашнимъ врачемъ. Это молодой человѣкъ, только что со студенческой скамьи; его фамилія Эбери; съ субботы онъ проникся такимъ почтеніемъ къ Глори, что ей разрѣшается даже божиться въ его присутствіи (на мэнскомъ нарѣчіи); но сестра Олвортси заботится о томъ, чтобы этого не было, такъ какъ она сама имѣетъ поползновенія на его свободу. Ему слѣдовало бы отслужить молебенъ послѣ операціи, потому что онъ здорово выпилъ, а между тѣмъ нужно было вспрыснуть морфій больному, выздоравливающему отъ воспаленія почекъ. Это старый гиппопотамъ, нѣмецъ-музыкантъ, по фамиліи Кёнигъ, и трусилъ онъ до безумія. Я шепнула ему, чтобы онъ притворился соннымъ, а доктору сказала, что потеряла шприцъ. «Господи, спаси мою душу!»—и намылила же мнѣ голову сестра!

«Вчера былъ пріемный день, а когда къ больнымъ приходятъ знакомые, даже въ госпиталѣ происходятъ забавныя сцены. Родные ста-

раются потихоньку пронести разныя лакомства, сами по себѣ, можетъ быть и восхитительныя, но для тѣхъ, кому онѣ предназначаются,— смертельный ядъ. А намъ велѣно слѣдить, чтобъ этого не было. Приходится шарить подъ одѣялами, подъ постелями, даже ощупывать карманы посѣтителей. Вчера пришла мать моего мальчугашки и у нея на груди, подъ плащемъ, я замѣтила такую огромную шишку, что уже начинала предвидѣть другую операцію. Ничего подобнаго; тамъ былъ только кусокъ пирога съ вареньемъ. Я вытащила его и налетѣла грозой на мамашу. Та въ слезы; говоритъ, что она нарочно сама испекла его для Джонни и я.. ну и опять получила отъ сестры нахлобучку!

«Но это меня мало огорчаетъ. Зато я въ Лондонѣ, а быть въ Лондонѣ, значитъ жить и жить, значитъ быть въ Лондонѣ. Впрочемъ, я еще и не видала его хорошенько, такъ какъ свободнаго времени у меня всего два часа въ день, отъ десяти до двѣнадцати, а за это время я успѣваю только погулять въ паркѣ и около, чуточку попрыгать около своей клѣтки, какъ голубь съ подрѣзанными крыльями. Но изъ этой огромной клѣтки я все же вижу новый міръ, вижу коляски въ паркѣ, всадниковъ. Въ Лондонѣ выдумали новую манеру пожимать руку. Вы подымаете руку до уровня плеча и начинаете двигать ею горизонтально, какъ будто вывихнули себѣ локоть; а въ разговорѣ всѣ тянутъ э... э..., какъ заики. Но все это великолѣпно! Голоса торговцевъ звучатъ какъ музыка, а я чувствую себя, какъ боевой конь, которому хочется маршировать подъ звуки этой музыки. Какъ восхитительно быть молодой, когда окружающій міръ такъ прелестенъ. А если при этомъ вы не особенно безобразны, это не ухудшаетъ дѣла.

«Въ настоящее время всѣ сидѣлки грѣются въ лучахъ предстоящаго бала. Балъ этотъ состоится въ больницѣ св. Варѳоломея, тамъ аудиторія больше, чѣмъ въ другихъ больницахъ, да и танцовать будетъ веселѣе. Присутствовать будетъ вся знать, т. е. больничная знать. Еслибъ мнѣ только удалось раздобыть себѣ подобающее пышное облаченіе, показала бы я коснѣющему во мракѣ невѣжества Лондону, что за прелесть, что за ангелъ Глори! но... Мой первый праздникъ 24-го— свободна цѣлый день, съ 10 до 10. Просто съ ума схожу, когда думаю объ этомъ. Чувствую, что когда придетъ время первый разъ окунуться въ Лондонъ, у меня захватитъ духъ, какъ передъ прыжкомъ въ море со скалы Крэгъ Малинъ... *«Глори»*.

VIII.

Въ день своего отпуска, 24-го, Глори поднялась въ 5 часовъ, чтобы заблаговременно справиться съ работой и выиграть побольше времени. Въ коридорѣ она наткнулась на растрепанную сидѣлку, въ съѣхавшемъ на бокъ чепцѣ, мывшую полъ какой-то дезинфекцирующей жидкостью. Веселая, радостно настроенная, Глори не утерпѣла, чтобы не спросить:

— Вы тоже сегодня выходите?

Женщина подарила ее презрительнымъ взглядомъ.

— Я здѣсь не на испытаніи; по моему, эти ваши испытанія одно баловство; а еще деньги имъ платятъ! Мы, сидѣлки, народъ рабочій, трудимся себя не жалѣючи, долгъ свой ежеминутно памятуемъ; намъ некогда ротозѣйничать, да баклуши бить.

— Черезъ такихъ, какъ вы, только другимъ житья нѣтъ,—вмѣшалась подошедшая къ нимъ молодая дѣвушка.—Лѣзете впередъ со своимъ усердіемъ; глядишь, и отъ всѣхъ требуютъ того же. Сегодня мой свободный день, а работы не оберешься: и посуду вычистить надо, и палату подмести, постели постелить, да еще и сестрину комнату прибрать... А все черезъ вашу братью! За это васъ никто не поблагодаритъ. Во всемъ стѣсненіе, даже гривки не позволяютъ носить; того и гляди надзирательница скажетъ: «Вы не годитесь въ сидѣлки, миссъ».

Глори подняла глаза. Передъ ней стояла прехорошенькая дѣвушка, брюнетка, бѣлая и розовая, съ ясными сѣрыми глазками, но руки у нея были грубыя, почти плоскія и четерехугольныя, и во всей наружности, уже со второго взгляда, сквозило что-то неуловимое, портившее ея красоту, какъ незамѣтная трещина портитъ общій видъ севрской вазы.

— Вы говорите, что свободны сегодня?—спросила Глори.

— Да; а вы тоже?

— Тоже. Только я совсѣмъ не знаю Лондона. Не возьмете ли меня съ собою,—разумѣется, если вы идете просто гулять, а не куда-нибудь въ гости?

— Разумѣется, милочка. Я уже давно васъ замѣтила и все собиралась заговорить съ вами. У васъ такое красивое имя—Глори, такъ кажется!

— Да; а васъ какъ зовутъ?

— Полли Лöвъ.

Въ десять часовъ обѣ дѣвушки вышли изъ госпиталя.

— Ну-съ, куда же мы пойдемъ?—спросила Полли.

— Туда, гдѣ побольше народу,—сказала Глори.

— Это не трудно сдѣлать; сегодня вѣдь день рожденія королевы.

Глори вспомнила тетю Рэчель и вскрикнула отъ восторга.

— Ахъ, да,—продолжала Полли, какъ будто только теперь припомнивъ,—у меня вѣдь билеты есть на парадъ; знаете, будетъ большая процессія, понесутъ королевскія знамена.

— И королеву мы увидимъ?

— Что за вопросъ! Разумѣется, нѣтъ. Но зато увидимъ всѣ войска, солдатъ, генераловъ, можетъ быть, и самого принца. Это недалеко, только черезъ паркъ пройти; парадъ назначенъ въ половинѣ одиннадцатаго.

— Такъ идемъ же!—вскричала Глори и побѣжала, таща за собою подругу.

— Господи помилуй! Что это за дѣвушка, вотъ чудачка!

Но черезъ минуту обѣ онѣ бѣжали, смѣясь и болтая, какъ дѣти, вырвавшіяся изъ школы. Черезъ четверть часа онѣ были у Конногвардейскаго плаца. У воротъ стояла толпа; полисменъ отбиралъ билеты. Полли начала шарить въ карманѣ.

— Гдѣ же это мои билеты? Ахъ, вотъ онѣ. Знаете,—шепнула она,—мнѣ далъ ихъ одинъ мой большой другъ. У него здѣсь пріятель служитъ въ одномъ министерствѣ.

— Джентльменъ?—съ изысканной учтивостью освѣдомилась Глори, но въ эту минуту онѣ вошли въ ворота, и все ея вниманіе было сразу поглощено блестящимъ зрѣлищемъ.

Утро было чудесное; паркъ въ весеннемъ уборѣ казался свѣжѣе и зеленѣе, чѣмъ когда-либо. Огромная четырехугольная площадь кишѣла народомъ; съ трехъ сторонъ тянулись въ линію красные мундиры; у оконъ, на балконахъ домовъ, выходившихъ на плацъ, не было пустого мѣстечка: всюду головы. Передъ ними мелькали солдаты, часовые, полисмены, генералы въ трехуголкахъ; проѣхалъ самъ принцъ, въ медвѣжьей шкурѣ, звеня шпорами и цѣпочкой мундштука. Вдругъ затрубили трубы: тра-та-та-та! Чей-то зычный голосъ крикнулъ: «Конвой! Знамя несутъ!» и появился знаменоносецъ; офицеры генеральнаго штаба салютовали, прикладывая къ козырьку руки въ бѣлыхъ перчаткахъ; начали палить изъ пушекъ, заиграла музыка. Глори это все казалось сномъ. Грудь ея бурно вздымалась, она боялась расплакаться.

Полли весело болтала и смѣялась.

— Ха-ха-ха! Смотрите! вонъ солдатъ охотится за зонтикомъ. Ага! поймалъ-таки на шашку.

— Здѣсь должно быть все знать?—шепнула Глори.

— Еще бы! Видите господина въ окнѣ напротивъ? Это изъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

— Который?—спросила Глори, но взоръ ея блуждалъ.

— Вонъ тотъ въ сюртукѣ и шелковой шляпѣ, что разговариваетъ съ дамой въ зеленомъ батистовомъ платьѣ, черной кружевной накидкѣ и весенней шляпкѣ.

— Некрасивая такая, съ цѣлымъ лѣсомъ рододендроновъ на головѣ? Вы про эту говорите?

— Да, это тотъ господинъ, который далъ билеты моему другу.

Глори съ минуту смотрѣла на него, и какое-то смутное воспоминаніе изъ далекаго прошлаго зашевелилось въ ея душѣ, но музыка заиграла снова и Глори вся ушла въ звуки. Играли національный гимнъ: «Боже, спаси королеву!» Когда оркестръ смолкъ, всѣ стали кричать. «Конченъ балъ!» Глори медленно, глубоко втянула въ себя воздухъ и сказала: «*Хорошо*».

Полли смѣялась надъ ней, и самой Глори стало смѣшно. Подстрекая другъ дружку, дѣвушки смѣялись все громче, такъ что на нихъ стали оборачиваться, и онѣ, смѣясь, убѣжали.

*

— Вотъ потѣшная эта Глори,—говорила Полли,—дивится всякой бездѣлицѣ!

Онѣ прошлись мимо магазиновъ, по Реджентъ-стриту, черезъ площадь у цирка и дальше, по Оксфордъ-стриту, по направленію къ Сити, все время смѣясь и болтая всякій вздоръ. Понадобилось что-то купить; онѣ зашли въ лавку, и удивленіе лавочницы, при видѣ ихъ развязныхъ манеръ, показалось имъ такимъ забавнымъ, что имъ захотѣлось заходить въ каждую лавку по дорогѣ и всюду дурачиться напропалую. За два часа онѣ продѣлали всѣ невинныя глупости, какія только можетъ придумать опьяненная свободой юность, и чувствовали себя совершенно счастливыми.

Къ этому времени онѣ успѣли дойти до банка, порядкомъ проголодавшись и, высмотрѣвъ дешевенькій ресторанчикъ въ Чипсайдѣ, зашли туда пообѣдать. Зала была полна мужчинъ; нѣкоторые изъ нихъ встали при входѣ дѣвушекъ. Онѣ были въ выходномъ нарядѣ сидѣлокъ, но въ костюмѣ Полли было что-то кричащее, бросающееся въ глаза; мужчины смотрѣли ей вслѣдъ и улыбались. Глори смѣло обернулась и замѣтила громко, такъ что всѣ могли ее слышать: «Какъ должно быть весело стоять за буфетомъ и смѣяться въ отвѣтъ на подмигиванье джентльменовъ!» Полли толкнула ее подъ локоть и попросила успокоиться. Сама она сидѣла, скромно потупивъ глазки, но это не помѣшало ей пользоваться ими, какъ скрытой электрической батареей и, среди самой невинной болтовни, стрѣлять ими во всѣ стороны. Полли, очевидно, ушла гораздо дальше своей подруги въ пониманіи обычаевъ свѣта; приглядѣвшись къ ней ближе, можно было замѣтить, что ея душевное равновѣсіе чѣмъ-то или кѣмъ-то нарушено.

Послѣ обѣда дѣвушки сѣли въ омнибусъ и поѣхали еще дальше на востокъ; онѣ сидѣли на разныхъ концахъ, но все время хохотали и громко переговаривались между собой, дивя остальныхъ пассажировъ. Но когда потянулись неприглядныя, грязныя улицы, съ телѣжками зеленщиковъ, привязанными къ тумбамъ, съ мрачными заколдованными кладбищами за оградой изъ тощихъ зеленыхъ палокъ, пытавшихся походить на деревья, Глори нашла, что лучше вернуться.

Онѣ отыскали маленькую пристань на верфи и вернулись по Темзѣ на пароходѣ. На каждой станціи прибавлялось пассажировъ, на Лондонскомъ мосту сѣлъ цѣлый оркестръ. У церкви св. Павла пароходъ наводнила толпа людей, отправлявшихся смотрѣть иллюминацію; оркестръ игралъ: «И кудри золотые ей падали на плечи».

Глори обезумѣла отъ восторга; но вдругъ вся ея веселость мгновенно погасла. Солнце садилось за Вестминстерскими башнями въ великолѣпное огненное море; это напоминало закатъ солнца въ Пизѣ, съ тою разницей, что внизу искрились и сверкали разноцвѣтными огнями не волны, а окна, и глухой шумъ былъ не рокотомъ мощнаго моря, но гуломъ могучей милліонной толпы.

Онѣ сошли на Вестминстерскомъ мосту и зашли въ чайную напиться чаю.

Когда онѣ вышли оттуда, уже совсѣмъ смерклось, и онѣ продолжали путь на имперіалѣ омнибуса. Но городъ былъ весь иллюминованъ газомъ и электричествомъ; на каждомъ шагу горѣли иниціалы королевы; Уайтхоллъ былъ биткомъ набитъ каретами, доставлявшими приглашенныхъ на оффиціальные пріемы. Глори потянуло въ толпу, туда, гдѣ ключемъ била жизнь; дѣвушки вышли изъ кареты и пошли пѣшкомъ, рука объ руку.

Проходя мимо цирка Пиккадилли, онѣ опять расхохотались, просто отъ удовольствія; въ толпѣ, гдѣ ихъ давили со всѣхъ сторонъ, было такъ весело, была страшная давка; приходилось шагъ за шагомъ пробивать себѣ дорогу. Между прочимъ, здѣсь стояло много пестро одѣтыхъ женщинъ, какъ будто поджидавшихъ омнибуса. Глори замѣтила, что двѣ изъ нихъ подошли къ какому-то мужчинѣ, также глазѣвшему на транспаранты, и заговорили съ нимъ, гримасничая и пришепетывая. Она потянула за рукавъ Полли.

— Какъ странно! Вы видѣли?

— Что? Ахъ, это! Что же тутъ страннаго? это дѣлается каждый донь.

— Что же это значитъ?

— Какъ! Неужто вы не... Ахъ, эта Глори! Право, милочка, вашимъ друзьямъ слѣдовало бы получше смотрѣть за вами; вы совсѣмъ не знаете жизни.

Будто молнія сверкнула передъ Глори, внезапно озаривъ одну изъ страшныхъ, трагическихъ сторонъ жизни; это было въ первый разъ.

— О, Боже! Какой ужасъ! Идемъ скорѣе!—И она потащила за собой Полли.

Въ концѣ Сентъ-Джемсъ-стрита съ ними поровнялся и поклонился имъ какой-то господинъ съ моноклемъ въ глазу и огромнымъ вырѣзомъ жилета, откуда торчалъ, какъ щитъ, пластронъ рубашки. Глори устремилась было впередъ, но Полли остановила ее.

— Ничего, это мой другъ, — сказала она совсѣмъ другимъ голосомъ.—Новая сидѣлка. Ее зовутъ Глори.

Незнакомый господинъ сказалъ что-то о славномъ *) имени и о томъ, какъ славно, когда возлѣ васъ сидитъ такая сидѣлка; обѣ дѣвушки разсмѣялись. Онъ выразилъ удовольствіе по поводу того, что имъ пригодились билеты, и пожалѣлъ, что не можетъ проводить ихъ до госпиталя: ему нужно спѣшить въ министерство иностранныхъ дѣлъ на балъ по случаю рожденія королевы.

— За то я буду на вашемъ балу и...—Онъ вскинулъ глазами на Глори;—не привести ли мнѣ съ собой своего пріятеля?

*) *Glory*—значитъ Слава.

— О, пожалуйста,—сказала Полли, потупивъ глазки.

Мужчина, понизивъ голосъ, сказалъ что-то насчетъ Глори, чего Глори не разслышала, потомъ сдѣлалъ имъ ручкой въ бѣлой замшевой перчаткѣ, сказавъ: «То-то», и ушелъ.

— Онъ женатъ?—спросила Глори.

— Женатъ! Боже мой, нѣтъ! Что у васъ за странныя фантазіи!

Было уже десять минутъ одиннадцатаго, когда дѣвушки чуть не бѣгомъ добѣжали до дверей госпиталя, продолжая щебетать и смѣяться, внося частицу своего веселья и праздничныхъ дурачествъ въ тихую обитель страданія. Швейцаръ съ притворной суровостью погрозилъ имъ пальцемъ; дежурная сестра, безмолвной бѣлой тѣнью скользившая черезъ швейцарскую, остановилась и сказала, что по одной изъ нихъ давно уже сокрушаются въ палатѣ.

— Это по мнѣ, ужъ, конечно, по мнѣ, — всполошилась Полли. — У меня здѣсь братъ лежитъ больной, монахъ, изъ монастыря: онъ не выноситъ, когда за нимъ ходитъ кто-нибудь чужой. Это мнѣ просто отрава жизни!

Но спрашивали не ее, а Глори. Старуха, подобранная на улицѣ Джономъ Стормомъ, была при смерти. Глори помогала ходить за ней, и бѣдная старуха напрягала всѣ силы, чтобъ дожить до ея возвращенія и сказать ей свою послѣднюю волю. Она уже ничего не видѣла. Глори наклонилась надъ ея постелью:

— Я здѣсь, бабуся; что тебѣ?

И цвѣтущее юное личико прижалось къ сморщенному, мертвенно блѣдному лицу умирающей.

— Онъ говорилъ со мной ласково, руку пожалъ, да, да. Правда, это не помогло. Ужъ видно, нельзя помочь... Миленькая, гробъ-то чтобъ чернымъ обили... да ему-то, ему не забудь сказать, чтобы проводилъ меня.

— Хорошо, бабуся, хорошо. Скажу... непремѣнно скажу... я... я. О!

Это была первая смерть въ практикѣ Глори.

IX.

Въ этотъ же день, часовъ около двухъ, Джонъ Стормъ отправился дѣлать визиты. Ради этого испытанія онъ нарядился въ фланелевую сорочку и въ такомъ видѣ вышелъ въ пріемную, гдѣ его ожидали каноникъ, въ лакированныхъ сапогахъ и шведскихъ перчаткахъ, и дочь его Фелисита, въ свѣтломъ шелковомъ платьѣ и шляпѣ съ перьями.

Когда всѣ усѣлись въ карету, каноникъ сказалъ:

— Вы не отдаете себѣ должнаго, м-ръ Стормъ. Повѣрьте мнѣ, для молодого человѣка, пробивающаго себѣ дорогу въ Лондонѣ, великое дѣло—быть хорошо одѣтымъ.

Карета завернула за уголъ и почти тотчасъ же остановилась.

— Мы начнемъ съ м-ссъ Макрэ,—шепнулъ каноникъ.—Это американка, вдова милліонера. Ея дочь,—вы сейчасъ увидите ее,—выходитъ замужъ за представителя одной изъ знатнѣйшихъ англійскихъ фамилій.

Вслѣдъ за лакеемъ въ голубой ливреѣ они стали подыматься по широкой лѣстницѣ. Навстрѣчу имъ сверху неслось какое-то жужжаніе.

— Каноникъ—э-э—Уэльзеи, миссъ Уэльзеи и—э-э—ихъ преподобіе, м-ръ Стормъ,—доложилъ лакей.

Жужжаніе стихло; къ нимъ подошла и любезно привѣтствовала ихъ небольшого роста дама, расфранченная, улыбающаяся, съ замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ въ рѣчи. Въ комнатѣ было еще нѣсколько дамъ и одинъ только мужчина. Этотъ послѣдній стоялъ на другомъ концѣ гостиной, держа въ рукахъ чашку и блюдечко; при входѣ новыхъ гостей онъ вставилъ стеклышко, поглядѣлъ вбокъ на Джона Сторма и что-то сказалъ сидѣвшей около него дамѣ. Та хихикнула. Джонъ Стормъ, въ свою очередь, пристально посмотрѣлъ на него, какъ бы инстинктивно убѣжденный, что ему необходимо запомнить это лицо, чтобы узнать его при встрѣчѣ. Джентльменъ, по уши ушедшій въ высокій стоячій воротникъ, былъ скорѣе некрасивъ: высокій, тонкій блондинъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ; глаза у него были кроткіе, сонные, лицо безжизненное, но пріятное; сразу видно было человѣка, созданнаго для хорошаго общества, хорошо воспитаннаго, умѣющаго небрежно глуховатымъ теноркомъ говорить разные остроумные пустяки.

— Я страшно жалѣю, что не слышала м-ра Сторма въ среду вечеромъ,—жеманно улыбаясь, ворковала м-ссъ Макрэ.—Дочь моя говоритъ, что проповѣдь была очаровательная. Мерси, вотъ твой знаменитый проповѣдникъ. Убѣди его придти во вторникъ къ намъ, въ «Ясли».

Высокая, смуглая дѣвушка, красавица собой, съ милымъ ласковымъ обращеніемъ, неслышно подошла, подала руку Джону и пристально посмотрѣла ему въ глаза, не говоря ни слова. Джентльменъ со стеклышкомъ въ глазу вкрадчиво спросилъ:

— Давно вы въ Лондонѣ, м-ръ Стормъ?

— Двѣ недѣли,—коротко отвѣчалъ тотъ, полуотвернувшись.

— Какъ, э-э—интересно! — протянулъ джентльменъ, слегка хихикнувъ.

— Ахъ, позвольте васъ представить... Лордъ Робертъ Юръ.

— М-ръ Стормъ,—вмѣшалась хозяйка.

— М-ръ Стормъ оказалъ мнѣ честь вступить въ ряды моихъ помощниковъ,—пояснилъ каноникъ,—но онъ, вѣроятно, не долго останется викаріемъ.

— Весьма пріятно слышать,—сказалъ лордъ Робертъ. — Я всегда радъ, когда убавляется, хоть однимъ число кандидатовъ на несчастный приходъ въ Пимлико. Они липнутъ ко мнѣ, какъ мухи къ горшку съ медомъ, положительно. Я познакомился чуть ли не со всѣми викаріями, какіе только существуютъ въ христіанскомъ мірѣ. И ужъ

какъ они за мной ухаживаютъ, удивительно покладистый народъ. Вчера пришелъ одинъ. Меня не было дома, а мой пріятель Дрэкъ,—знаете, Дрэкъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, не имѣя возможности дать бѣдняку мѣсто, далъ ему шесть пенсовъ, и тотъ ушелъ совершенно довольный.

Всѣ засмѣялись, кромѣ Джона (тотъ глядѣлъ въ пространство), и громче всѣхъ смѣялся каноникъ. Вдругъ послышался рѣзкій голосъ:

— Стоитъ ли острить надъ бѣдняками викаріями? Развѣ не найдется чего-нибудь болѣе интереснаго, чтобъ поточить языкъ,—какого-нибудь каноника или епископа?

Голосъ принадлежалъ м-рсъ Каллендеръ.

— Я тоже разскажу вамъ исторійку, только въ моей все будетъ правда.

— Джэнъ! Джэнъ!—воскликнула хозяйка, грозя ей вѣеромъ, словно оружіемъ. Лордъ Робертъ вытянулъ шею изъ воротника и состроилъ любезную улыбку.

— Нынче утромъ ко мнѣ въ Сою пришла дѣвушка, какъ водится, въ положеніи. Дѣло обычное. Отецъ—ректоръ; въ прошломъ году умеръ, оставивъ послѣ себя тридцать тысячъ фунтовъ, а мать этого несчастнаго ребенка, т. е. его любовница, теперь у насъ, въ союзѣ.

Въ первый разъ правдивое слово прозвучало въ этой комнатѣ, гдѣ каждый звукъ, каждый жестъ дышали фальшью, неискренностью, и, какъ ударъ грома, поразило присутствующихъ. Джонъ Стормъ тяжело перевелъ духъ, ощутилъ странную потребность взглянуть на лорда Роберта Юра и почувствовалъ себя отомщеннымъ.

— Какая сегодня прекрасная погода,—замѣтилъ кто-то.

Всѣ обернулись въ сторону дамы, сдѣлавшей это удивительное сообщеніе. Она вспыхнула, потомъ покраснѣла еще больше; щеки ея просто пылали.

Наступило неловкое молчаніе; наконецъ, хозяйка обратилась къ лорду Роберту:

— Вы, кажется, упомянули о вашемъ пріятелѣ Дрэкѣ? Теперь только и разговору, что о немъ; барышни просто бредятъ имъ: и красавецъ и держится непринужденно, и чудно говоритъ!

Правда это? Барышни такъ легко увлекаются. Вамъ надо беречься, моя милочка, право. (Это относилось къ Фелиситэ).—Кто такой Дрэкъ?— Да вотъ лордъ Робертъ вамъ скажетъ. Онъ гдѣ-то служитъ; отецъ его лордъ... не знаю, какъ дальше, въ одномъ изъ сѣверныхъ графствъ Онъ обладаетъ тайной успѣха въ свѣтѣ, хотя, кажется, не злоупотребляетъ своимъ умѣніемъ. Я умираю отъ желанія познакомиться съ этимъ удивительнымъ существомъ; лордъ Робертъ непремѣнно долженъ привезти его къ намъ во вторникъ вечеромъ, иначе...

Джону Сторму удалось, наконецъ, ускользнуть, не давши обѣщанія. посѣтить «Ясли». Онъ пошелъ прямо въ госпиталь и тамъ узналъ, что

Глори въ отпуску. Онъ огорчился и взволновался. Куда она пошла? Что можетъ дѣлать? Вышла въ первый разъ и даже не спросила его совѣта, не обратилась къ нему за указаніями. Это задѣло его гордость, сознаніе лежавшей на немъ отвѣтственности. Съ приближеніемъ ночи тревога его все росла. Онъ зналъ, что Глори не вернется раньше девяти, но уже въ девять пошелъ ей на встрѣчу.

Наудачу онъ взялъ на востокъ и не спѣша двинулся по Пиккадилли. Фасады почти всѣхъ клубовъ, выходившихъ окнами въ паркъ, были освѣщены электрическими лампочками. Двери ихъ были раскрыты; на ступенькахъ стояли молодые люди въ вечернихъ костюмахъ, вышедшіе покурить и подышать свѣжимъ воздухомъ; передъ ними, по тротуарамъ, прохаживались пестро одѣтыя, хорошенькія дѣвушки. Иная, проходя, пытливо вскидывала глаза на того или другого франта и улыбалась уголкомъ рта; вслѣдъ ей несся дружный взрывъ смѣха.

Кровь закипѣла въ Джонѣ, но скоро онъ упалъ духомъ; онъ почувствовалъ себя такимъ безпомощнымъ; его жалость и негодованіе были такъ ненужны, такъ безполезны. И вдругъ онъ увидалъ то, чего искалъ. Повернувъ за уголъ Сентъ-Джемсъ-стрита, онъ почти наткнулся на Глори. Она шла съ другой сидѣлкой; обѣ были въ больничномъ платьѣ. Его онѣ не замѣтили; онѣ разговаривали съ какимъ-то мужчиной; мужчина былъ тотъ самый, котораго онъ встрѣтилъ утромъ, лордъ Робертъ Юръ.

Джонъ слышалъ, какъ онъ сказалъ: «Ваша Славочка *) такая славная...» и, понизивъ голосъ, продолжалъ говорить что-то, должно быть, очень забавное, потому что другая сидѣлка хохотала.

Джонъ возмутился до глубины души; ему хотѣлось остановиться, прогнать этого человѣка и взять дѣвушекъ подъ свое покровительство; ему казалось, что этого требуетъ отъ него долгъ. Однако, онъ прошелъ мимо, потомъ обернулся и увидѣлъ, что бесѣдующіе раздѣлились: мужчина пошелъ въ одну сторону, дѣвушки—въ другую. Свѣтъ газоваго рожка упалъ на нихъ, когда онѣ переходили черезъ улицу, и потомъ въ другой разъ, когда онѣ шли подъ темными деревьями парка.

Взволнованный, онъ не рѣшился вернуться въ госпиталь, но и къ утру его негодованіе не остыло. Тутъ принесли записку отъ Глори съ извѣщеніемъ, что бѣдная старуха умерла и просила его быть на похоронахъ. Онъ одѣлся въ лучшее свое платье (мысленно говоря себѣ: «Съ бѣдняками нельзя позволять себѣ вольности») и пошелъ въ госпиталь. Вызвавъ Глори, онъ вмѣстѣ съ ней спустился въ подвалъ, въ мрачную комнату, постоянно мѣнявшую своихъ холодныхъ, молчаливыхъ жильцевъ. Каждый изъ нихъ могъ оставаться въ ней лишь очень не долго, и старуху должны были хоронить въ то же утро, на счетъ прихода; дроги уже ждали у дверей.

---

*) Позволяемъ себѣ маленькую вольность—перевести имя Глори, чтобы передать игру словъ: «*Your Glory is soglorious*». *Прим. пер.*

При выносѣ Джонъ Стормъ стоялъ возлѣ Глори, и сердце его смягчилось.

— Глори, — началъ онъ, — вамъ не слѣдовало вчера выходить, не предупредивъ меня; въ Лондонѣ столько опасностей.

— Какихъ опасностей?

— Мало ли какихъ... Молодая дѣвушка, красивая...

Глори—метнула на него удивленный взглядъ изъ подъ длинныхъ рѣсницъ.

— Я хочу сказать, что дѣвушкѣ всегда грозитъ опасность.—мнѣ прямо стыдно говорить объ этомъ,—со стороны мужчинъ.

Она опять вскинула на него глаза и спросила:

— Вы насъ видѣли, да?

— Да, видѣлъ и вашъ выборъ общества мнѣ не нравится.

Она смиренно поникла головкой.

— Вы говорите о томъ господинѣ?

Джонъ съ минуту колебался.

— Я подразумѣвалъ вашу спутницу. Мнѣ не нравится, какъ она держитъ себя здѣсь, слишкомъ развязно. Неужели между всѣми этими добрыми и самоотверженными женщинами вы не нашли лучшей подруги, чѣмъ эта... эта...

У Глори начала оттопыриваться нижняя губка.

— Она живая и веселая, больше мнѣ ничего не надо.

— Но мнѣ этого мало, Глори, и если всѣ ея друзья внѣ госпиталя въ этомъ родѣ...

Глори подняла голову.

— Какое мнѣ дѣло до ея друзей внѣ госпиталя?

— Очень большое, если вы намѣрены и впредь видѣться съ ними.

— Что жъ,—упрямо возразила она,—я и буду видѣться съ ними. Во вторникъ я иду на балъ сидѣлокъ.

Джонъ подумалъ.

— Только не съ этой дѣвушкой!

— Почему такъ?

— Я вамъ говорю: только не съ этой дѣвушкой!

Наступила краткая пауза; у Глори дрожали губы.

— Вы меня дразните,—выговорила она наконецъ;—вы хотите довести меня до слезъ. Развѣ вы не понимаете, что унизили меня. Я къ этому не привыкла. Вы увидали меня въ обществѣ вѣтреной, глупой дѣвчонки, у которой нѣтъ ни одной мысли въ головѣ, которая способна только скалить зубы, смѣяться и дѣлать глазки мужчинамъ, и вообразили, будто она можетъ имѣть на меня вліяніе! Что же вы думаете, человѣкъ не можетъ самъ себя уберечь?

— Какъ вамъ будетъ угодно!

Джонъ махнулъ рукой и сталъ спускатся по лѣстницѣ.

— М-ръ Стормъ... М-ръ Стормъ... Дѣло... Джонъ.

Но онъ былъ уже на улицѣ.

— Ахъ!—жеманно вздохнулъ кто-то возлѣ нея:—Какъ это пріятно, когда изъ-за васъ страдаютъ!

То была Полли Лёвъ, томно потупившая глазки.

— Право, не понимаю, что вы хотите сказать,—возразила Глори; въ ея глазахъ стояли крупныя слезы.

— Не понимаете! Какая она потѣшная! Знаете, милочка, васъ очень плохо воспитывали.

Погребальная колесница представляла собой соединеніе телѣги съ дрогами; гробъ подсунули подъ козлы; на заднемъ сидѣньи помѣстились Джонъ Стормъ съ гробовщикомъ.

— Можетъ быть, вы отслужите панихиду на кладбищѣ, сэръ?—спросилъ гробовщикъ. Джонъ обѣщалъ.

Могила находилась на сторонѣ, отведенной для бѣдныхъ. Гробовщикъ съ помощникомъ опустили гробъ, потомъ первый изъ нихъ обратился къ Джону:

— Мнѣ сегодня утромъ еще троихъ нужно похоронить; такъ ужъ извините, сэръ; я васъ оставлю; кончайте сами.

Минуту спустя Джонъ Стормъ въ своей рясѣ остался наединѣ съ покойницей и, раскрывъ требникъ, сталъ служить панихиду; слушать его было некому.

...«Земля еси и въ землю отыдеши»...

Мало-по-малу думы о жалкой участи бѣдняка, о его горькой заброшенности пали гнетомъ на душу Джона и утишили ея волненіе.

Но затаенная въ груди страсть искала выхода и въ тотъ же вечеръ онъ писалъ первому министру:

«Я начинаю понимать, что вы имѣли въ виду, говоря, что не туда помѣстили меня. О этотъ Лондонъ, съ его обществомъ, свѣтскимъ духовенствомъ, искусствомъ, литературой, роскошью, праздной суетной жизнью, построенной на тяжкомъ трудѣ милліоновъ бѣдняковъ, орошенной ихъ потомъ и слезами. О эта «Цирцея среди городовъ», обманомъ завлекающая честныхъ людей, чтобы соблазнить ихъ и превратить въ свиней! Жить въ міру чисто духовной жизнью кажется невозможнымъ. Когда я пробую это дѣлать, я разрываюсь надвое».

X.

Въ слѣдующій вторникъ, подъ вечеръ, двое молодыхъ людей обѣдали у себя дома, въ меблированныхъ комнатахъ, въ Сентъ-Джемсъ-стритѣ. Одинъ изъ нихъ былъ лордъ Робертъ Юръ; другой—его пріятель и сожитель — Гораціо Дрэкъ. Дрэкъ былъ лѣтъ на семь, на восемь моложе лорда Роберта и несравненно привлекательнѣе. У него было свѣжее открытое лицо, красивое и мужественное; онъ былъ широкъ въ плечахъ, богатырскаго сложенія, имѣлъ бѣлокурые волосы и голубые глаза, ясные, какъ у ребенка.

Комната была большая, богато и красиво убранная, но мебель, разставленная какъ попало, вездѣ царилъ безпорядокъ. Съ перваго взгляда поражало обиліе музыкальныхъ инструментовъ: большой комнатный органъ, рояль, мандолина, двѣ скрипки; картины не только висѣли на стѣнахъ, но и валялись на полу; повсюду раскиданы были фотографіи; зеркало надъ каминомъ было окружено бахромой изъ пригласительныхъ карточекъ, воткнутыхъ между стекломъ и рамой.

Лакей принесъ кофе и сигары. Лордъ Робертъ, растягивая слова, уговаривалъ пріятеля, усталымъ голосомъ человѣка, который долго былъ въ пути и котораго страшно клонитъ ко сну.

— Полноте, голубчикъ, соберитесь съ духомъ и двинемъ.

— Но мнѣ до смерти надоѣли эти модные рауты.

— Мнѣ тоже.

— Все это такъ неестественно, такъ ненужно.

— Милый другъ, разумѣется, неестественно, разумѣется, ненужно; но чего же вы хотите?

— Все равно, чего, лишь бы простого, естественнаго; чтобы люди были похожи на людей. Нравственно или безнравственно, — это меня ни крошечки не заботитъ; но, поймите, все это глупо до тошноты.

Лордъ Робертъ медленно выпустилъ нѣсколько колецъ дыма и, зѣвая, протянулъ:

— Милѣйшій Дрэкъ, все это такъ, и вы совершенно правы. Кто же этого не знаетъ? Такъ всегда было и всегда будетъ. Но въ чемъ же искать прибѣжища несчастнымъ, у которыхъ слишкомъ много досуга, если не въ этихъ развлеченіяхъ, презираемыхъ вами? Притомъ же, знаете, титулованные бѣдняки нерѣдко ухитряются забаву обращать въ дѣло. Сознайтесь, что и такъ иногда бываетъ—э?

Смѣхъ лорда Роберта звучалъ очень принужденно, но Дрэкъ посмотрѣлъ ему прямо въ лицо и простодушно спросилъ:

— А какъ теперь обстоитъ дѣло, Робертъ?

— Кажется, недурно, хотя барышня не очень-то въ восторгѣ. Рѣшительный разговоръ вышелъ на прошлой недѣлѣ и, знаете, когда все устроилось, я чувствовалъ себя такъ, какъ будто сдѣлалъ предложеніе дочери, а согласіе получилъ отъ матери. Сегодняшній раутъ дается, я полагаю, именно въ честь столь важнаго событія, такъ что мнѣ никоимъ образомъ нельзя не быть; я вѣдь главное дѣйствующее лицо въ этой сдѣлкѣ.

Онъ откинулся на спинку кресла, окружилъ себя облаками дыма и со смѣхомъ, напоминающимъ бульканье воды въ графинѣ, прибавилъ:

— Да мнѣ и трудненько было бы сбѣжать. Мой вѣчный кредиторъ сегодня опять былъ здѣсь. Пришлось сказать ему, что свадьба состоится не позже, какъ черезъ годъ, навѣрное. Только на этомъ основаніи онъ согласенъ ждать... Нехорошо? Конечно, нехорошо, но чего же вы хотите, голубчикъ?

Съ минуту оба, молча, курили; лордъ Робертъ первый нарушилъ молчаніе:

— Ну, старина, рѣшайтесь, идемъ; если не ради чего иного, то хоть изъ дружбы. Мамаша очень милая бабенка и ей смерть хочется залучить васъ къ себѣ. Если ужъ очень большая тощища будетъ, такъ кто жъ намъ велитъ сидѣть до конца? Уйдемъ пораньше и... слушайте, знаете что: проберемся въ больницу св. Варѳоломея, на балъ сидѣлокъ; тамъ-то, во всякомъ случаѣ, скучно не будетъ.

— Ладно, идемъ,—сказалъ Дрэкъ.

Полчаса спустя молодые люди подъѣзжали къ дому м-рсъ Макрэ, въ Бельгрэвіи. У подъѣзда стояли въ рядъ кареты; имъ довольно долго пришлось ждать очереди. Лакеи въ роскошной ливреѣ кидались навстрѣчу каждой каретѣ, открывали дверцу, провожали гостей по устланной краснымъ сукномъ дорожкѣ въ пріемную, потомъ въ маленькую мраморную комнатку, гдѣ каждый вносилъ свое имя въ списокъ, предназначенный къ помѣщенію въ завтрашней *Утренней Почтѣ*, и наконецъ, направляли ихъ къ широкой лѣстницѣ, по которой нарядная толпа подымалась въ главную гостиную.

Въ пролетѣ лѣстницъ, полускрытые за лѣсомъ пальмъ и папоротниковъ, музыканты, въ желтой съ голубымъ формѣ, привѣтствовали тушемъ входившихъ гостей. На верхней площадкѣ ихъ встрѣчала сама хозяйка. Многіе, увлекаемые коловратнымъ движеніемъ толпы, будто волнами мальстрёма, проходили мимо нея, подымались выше и снова спускались, чтобъ поздороваться съ ней. Лорда Роберта она встрѣтила съ распростертыми объятіями и указала ему мѣсто возлѣ себя; Дрэка познакомила съ дочерью и послала ихъ пройтись по заламъ.

Комнаты были просторныя, съ паркетнымъ поломъ, и совсѣмъ пустыя,—вся мебель была вынесена; только стѣны украшались шпалерами изъ живыхъ растеній и тяжелыми канделябрами, нависшими надъ головами посѣтителей. Еще не было десяти часовъ, но въ пріемныхъ покояхъ уже толпился народъ и съ каждой минутой прибывали новые гости. Первыми явились важные сановники и дипломаты, потомъ гости, пріѣхавшіе изъ разныхъ театровъ; а подъ конецъ вечера и кое-кто изъ артистовъ. Ночь была душная, воздухъ жаркій, тяжелый. Въ самомъ концѣ амфилады находился буфетъ, освѣщенный разноцвѣтными фонариками; здѣсь было всего тѣснѣе и всего больше движенія. Людской говоръ словно тысячами ножей рѣзалъ сгущенный воздухъ; голоса сливались въ неясный гулъ, и все покрывалъ громъ оркестра, игравшаго внизу: что именно, разобрать было невозможно.

Большинство гостей казались утомленными. Мужчины еще старались напускать на себя веселость; женщины откровенно томились и скучали. Напудренныя, накрашенныя, залитыя бриліантами, въ тяжелыхъ, шуршащихъ, шелковыхъ платьяхъ онѣ смотрѣли измученными, угнетенными, усталыми. Когда съ ними заговаривали, онѣ дѣлали надъ

собой усилія, чтобъ вызвать улыбку на лицѣ, но минуту спустя улыбка снова уступала мѣсто выраженію тоски и недовольства.

— Что? будетъ съ васъ?—шепнулъ лордъ Робертъ Дрэку.

Тотъ давно ужъ соскучился. Лордъ Робертъ началъ извиняться.

— Уже уходите? — удивлялась м-рсъ Макрэ. — Какъ, какъ? Оффиціальный пріемъ, необходимо явиться? Все м-ръ Дрэкъ! Полноте! Знаемъ мы, что это значитъ. Ужъ я-то знаю! Ну, ничего; погодите, вотъ скоро женимъ васъ; тогда остепенитесь.

Въ кабріолетѣ, съ кучеромъ сзади, пріятели катили черезъ весь Лондонъ по направленію къ больницѣ св. Варѳоломея. Дрэкъ снялъ свой шапо-клякъ и обмахивался имъ, какъ вѣеромъ. Лордъ Робертъ курилъ сигаретку.

— Пфуй! Что за удушливая берлога! Слыхали вы когда-нибудь такую трескотню? Сущее вавилонское столпотвореніе! Скажите, во имя здраваго смысла, чего добиваются эти люди, скучиваясь, какъ сельди въ боченкѣ, въ такую ночь? О чемъ они думаютъ?

— Думаютъ? Полноте, голубчикъ. Странно было бы требовать этого. Развѣ среди такихъ сценъ очаровательнаго безумія кто-нибудь о чемъ-нибудь думаетъ?

— А женщины! Видано ли что-нибудь подобное? Поблекшіе, истасканные манекены для выставки бриллiантовъ! Бѣдняжки, какъ онѣ жалки въ своей великолѣпной нищетѣ! Мнѣ было грустно за вашу невѣсту, Робертъ. Въ этомъ салонѣ она единственная женщина, не отмѣченная отвратительной печатью свѣтскости и аффектаціи.

— Милѣйшій Джонъ, вы учились многому, но одному еще не научились,—не научились относиться легко къ серьезнымъ вещамъ и принимать въ серьезъ пустяки. Выучитесь этому, голубчикъ, не то вы отравите себѣ существованіе. Какая бы перемѣна ни произошла въ вашей личной жизни, условія жизни цивилизованнаго общества отъ этого не измѣнятся; а потому выберите себѣ изъ манекеновъ для выставки бриллiантовъ самую хорошенькую, умненькую, богатую куколку и...

— Я? Ну ужъ нѣтъ! Мнѣ нужна простота и естественность, хотя бы въ одномъ платьѣ...

— Ваше дѣло,—у всякаго свой вкусъ,—возразилъ лордъ Робертъ, бросая окурокъ сигары.—Вамъ достался удѣлъ немногихъ—возможность дѣлать то, что нравится. Однако, вотъ и больница. Ну, здѣсь, что называется, совсѣмъ другой табакъ.

Они свернули въ одну изъ грязныхъ улицъ, проѣхали подъ аркой воротъ и очутились у подъѣзда одного изъ стариннѣйшихъ зданій Лондона, съ тихимъ четырехугольнымъ дворомъ, гдѣ мирно растутъ деревья и поютъ птицы. Всѣ окна четырехугольника были ярко освѣщены; доносились звуки музыки.

— Послушайте,—сказалъ лордъ Робертъ,—считается, что я здѣсь въ гостяхъ у врача ординатора, но, въ сущности, я пришелъ ради своей пріятельницы, о которой разсказывалъ вамъ.

— Той, для которой я давеча добывалъ билеты?

— Вотъ именно.

Черезъ минуту они уже входили въ бальную залу. Она помѣщалась въ аудиторіи, гдѣ обыкновенно читали лекціи учащимся въ больничной школѣ,—зданіи, обособленномъ отъ палатъ, круглой формы, съ хорами и стеклянным ъ куполомъ вмѣсто крыши. Здѣсь танцовало до двухсотъ дѣвушекъ и столько же кавалеровъ; разукрашенные флагами хоры служили гостиной. Кавалеры почти всѣ были студенты-медики; дамы— почти всѣ сидѣлки и въ больничной формѣ. Здѣсь не было скучающихъ физіономій, натянутыхъ минъ, усталыхъ взглядовъ; собралась все молодежь, въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ; по залѣ носился серебристый дѣвичій смѣхъ; ясные глазки сверкали весельемъ, свѣтились радостью, щечки алѣли здоровымъ румянцемъ.

Молодые люди стояли и смотрѣли.

— Ну что, какъ вамъ нравится?—спросилъ лордъ Робертъ.

У Джона горѣли глаза, спиралось дыханье.

— Прелесть! Восторгъ! Подумайте только, что за роскошь!

Лордъ Робертъ выронилъ монокль изъ глаза и засмѣялся обычнымъ своимъ смѣхомъ, похожимъ на зѣвоту.

— Чему вы смѣетесь? Эти женщины, по крайней мѣрѣ, естественны, а природу нельзя поддѣлать.

Мазурка кончилась и танцующіе разбились на группы.

— Робертъ, скажите, пожалуйста, кто эта дѣвушка,—вонъ тамъ? Она смотритъ въ нашу сторону. Не это ли ваша пріятельница?

Лордъ Робертъ вставилъ монокль.

— Хорошенькая брюнетка, бѣлорозовая, похожа на куколку?

— Да, и позади ея другая, высокая,—чудные волосы, станъ, глаза! Вотъ, повернулась сюда. Я гдѣ-то видѣлъ эту дѣвушку. Боже мой, гдѣ я ее видѣлъ? Посмотрите, сколько въ ней жизни, огня! Танецъ кончился, но у нея до сихъ поръ ноги танцуютъ.

— Вижу, вижу. Но позвольте мнѣ сперва представить васъ надзирательницѣ...

— Теперь знаю, знаю, гдѣ я ее видѣлъ. Скорѣе, Робертъ, скорѣй!

Лордъ Робертъ опять устало засмѣялся. Ему все это казалось очень забавнымъ.

XI.

Узнавъ, что всѣ сидѣлки, желающія попасть на балъ, должны быть въ больничной формѣ, въ какой онѣ дежурили днемъ, Глори рѣшилась ѣхать. Но тутъ вмѣшался Джонъ Стормъ съ своимъ протестомъ противъ общества Полли Лѣвъ, и у нея почти прошла охота. Воспоминаніе о полученномъ отъ него выговорѣ всякій разъ страшно разстраивало ее; раза два, оставшись одна, она даже плакала отъ досады и гнѣва.

Тѣмъ временемъ Полли дѣятельно готовилась къ балу, и Глори чувствовала, какъ постепенно, день за днемъ, настроеніе подруги сообщалось и ей. Одѣвались дѣвушки въ одной комнатѣ. Полли болтала, какъ попугай; Глори была молчалива, почти грустна.

Съ помощью щипцовъ и свѣчи, Полли преобразила свои черные волосы; по лбу и вискамъ ея разсыпались изящные локончики; мелкіе завитки играли впрятки другъ съ дружкой вокругъ хорошенькихъ розовыхъ ушей. Глори не успѣла провести раза два гребнемъ по своимъ золотистымъ кудрямъ, какъ Полли воскликнула:

— Стойте! Не трогайте ихъ больше, ради самого Бога! Это одна прелесть! Посмотрите на себя!

Глори отошла немножко отъ зеркала и посмотрѣла. «Развѣ я въ самомъ дѣлѣ такая хорошенькая?» подумала она; но въ эту минуту ей вспомнился Джонъ Стормъ и вдругъ захотѣлось сорвать съ себя эти локоны и лечь въ постель.

Вмѣсто того, она пошла на балъ и, очутившись въ бальной залѣ, сразу забыла всѣ свои опасенія. Яркій свѣтъ, блескъ, запахъ духовъ перенесли ее въ какой-то невѣдомый, очарованный міръ. Она была въ восторгѣ и не умѣла скрыть этого. Все удивляло ее, все восхищало, все забавляло; она была живымъ олицетвореніемъ дѣвичьей радости. Темнокоричневое пятнышко на ея глазу свѣтилось невиданнымъ въ немъ дотолѣ кокетливымъ свѣтомъ; голосъ ея походилъ на радостное щебетанье птички. Ея оживленіе было заразительно; беззаботная веселость ея сообщалась другимъ. Мужчины, которымъ не довелось танцовать съ ней, улыбались при одномъ видѣ ея сіяющаго личика, шептали даже, будто предсѣдатель врачебной коллегіи, открывшій балъ, сказалъ, что ея мѣсто не здѣсь, что такая дѣвушка, какъ эта молоденькая сидѣлка-ирландка, сдѣлала бы честь и высшему обществу.

Въ этомъ очарованномъ мірѣ музыки, блеска, веселыхъ, счастливыхъ лицъ Глори потеряла всякое сознаніе времени; однако, прошло уже часа два послѣ открытія бала, когда Полли Лōвъ, все время оборачивавшаяся къ двери, дернула ее за рукавъ и шепнула: «Это они, наконецъ! Вонъ они, въ томъ концѣ, какъ разъ напротивъ насъ. Не отдавайте никому слѣдующаго танца, милочка. Они сейчасъ подойдутъ къ намъ».

Глори поглядѣла, куда указывала ей Полли, и снова увидала лицо, видѣнное ею въ окнѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; снова что-то далекое, смутное зашевелилось въ ея памяти. Но мигъ—и воспоминаніе исчезло; она снова ушла въ міръ чудесъ, пока, наконецъ, ее не пробудилъ отъ забытья знакомый и вмѣстѣ незнакомый голосъ, говорившій:

— Глори, неужели вы не помните меня? Вы забыли меня, Глори?

То былъ ея товарищъ по классу катехизиса, товарищъ бѣгства на лодкѣ. Въ порывѣ чувства, болѣе быстраго, чѣмъ мысль, руки ихъ крѣпко сплелись между собою.

— Ахъ, я думалъ, что вы узнаете меня. Какъ пріятно встрѣтиться!— говорилъ Дрэкъ.

— А вы меня сразу узнали?

— Моментально, почти что съ перваго взгляда.

— Правда? Какъ это странно, однако! Столько времени прошло, лѣтъ десять по крайней мѣрѣ! Я, должно быть, перемѣнилась.

— Да... очень перемѣнились.

— Въ самомъ дѣлѣ? Развѣ я ужъ такъ сильно перемѣнилась? Конечно, я постарѣла...

— О, страшно постарѣли!

— Какъ это нехорошо. Но и вы вѣдь очень измѣнились. Тогда вы были мальчуганомъ въ курточкѣ...

— А вы дѣвочкой въ коротенькихъ юбочкахъ.

Оба разсмѣялись; потомъ Дрэкъ сказалъ:

— Я такъ радъ, что мы перемѣнились оба!

— Рады?

— Ну, да; что, вдругъ бы вы неремѣнились, а я нѣтъ...

— Господи, какія мы глупости говоримъ!—вскричала Глори; опять оба расхохотались.

Потомъ они стали разсказывать другъ другу, что произошло въ безконечный промежутокъ времени, послѣдовавшій за ихъ разлукой. Глори не пришлось много говорить; ея жизнь была бѣдна событіями. Она все время прожила на островѣ Мэнѣ, въ Лондонъ пріѣхала только недавно и теперь была принята, на испытаніе, сидѣлкой въ Виноградникъ Мареы. Дрэкъ учился въ Харроу, потомъ въ Оксфордѣ, потомъ, чувствуя въ себѣ артистическіе задатки, хотѣлъ заняться спеціально музыкой, но отецъ нашелъ, что это плохая карьера, и онъ покорился; теперь онъ вступилъ въ подземный лабиринтъ общественной жизни,—секретаремъ въ одно изъ министерствъ. Обо всемъ этомъ онъ говорилъ мимоходомъ, какъ подобаетъ свѣтскому молодому человѣку, который привыкъ и къ важнымъ вещамъ относиться легко.

— Глори,—шепнула Полли, тронувъ ее за локоть;—сейчасъ начинается вальсъ.

Музыка заиграла прелюдію, Дрэкъ пригласилъ Глори, и та, къ удивленію своему, вспомнила, что у нея этотъ танецъ свободенъ (она нарочно приберегла его).

По окончаніи вальса, Дрэкъ предложилъ руку своей дамѣ и повелъ ее въ круглый корридоръ, поболтать и освѣжиться. У него были безукоризненныя манеры; мягкій и вмѣстѣ мужественный голосъ довершалъ очарованіе. Выходя изъ жаркой танцовальной залы, Глори, чтобы не простудиться, накинула на голову носовой платокъ и соединила концы его подъ подбородкомъ. Ей казалось, что это очень измѣнило ее и хотѣлось, чтобъ ея кавалеръ обратилъ на это вниманіе; поэтому она невинно сказала:

— Ну, теперь дайте еще разъ поглядѣть на васъ, сэръ.

Дрэкъ узналъ темное пятнышко на глазу; сквозь легкую ткань платья, онъ чувствовалъ теплоту руки Глори.

— Вы мнѣ многое сказали,—началъ онъ,—но и не заикнулись о самомъ главномъ.

— Скажите, пожалуйста! О чемъ же это?

— Сколько разъ вы были влюблены съ тѣхъ поръ, какъ мы въ послѣдній разъ видѣлись!..

— Боже, что за вопросъ!

Его смѣлость была восхитительна. Въ немъ было что-то такое милое и вмѣстѣ съ тѣмъ властное.

— Помните, какъ вы похитили меня, бѣжали со мной?—спрашивалъ Дрэкъ.

— Я? Вотъ такъ мило! Когда же это?

— Все равно; скажите, помните?

— Ну, положимъ, что помню; что-жъ изъ того? Какіе мы должно быть глупыми тогда были!

— Теперь—я не увѣренъ въ этомъ.

— Сколько помнится, тогда вы не особенно пламенѣли ко мнѣ.

— Будто? Какъ же я былъ глупъ.

Оба разсмѣялись. Рука Глори все время прыгала подъ его рукой.

— А вы, помните вы джентльмена, который спасъ насъ? — спросила она.

— Высокій молодой брюнетъ, который все время обнималъ и цѣловалъ васъ?

— Развѣ?

— А, вы такія вещи забываете?

— Онъ былъ очень добръ ко мнѣ. Теперь онъ священникъ, капелланъ въ нашемъ госпиталѣ.

— Въ какомъ забавномъ поэтическомъ міркѣ мы живемъ!

— Да, это похоже на поэму; не правда ли?

Лордъ Робертъ представилъ Дрэка Полли (та смотрѣла не слишкомъ-то любезно) и пригласилъ Глори на слѣдующій танецъ.

— Такъ вы раньше были знакомы съ моимъ пріятелемъ?—спросилъ лордъ Робертъ.

— Я знала его, когда онъ былъ мальчикомъ.

Лордъ Робертъ началъ пѣть хвалу другу, разсказалъ о томъ, что Дрэкъ блестяще кончилъ курсъ въ Оксфордѣ, что онъ теперь частный секретарь министра внутреннихъ дѣлъ и скоро займетъ выдающееся общественное положеніе, что онъ прекрасно рисуетъ, играетъ на сценѣ, и могъ бы стяжать громкую славу въ качествѣ музыканта, что онъ принятъ въ лучшихъ домахъ, считается образцовымъ чиновникомъ; словомъ, что передъ нимъ открыта земля обѣтованная, и онъ какъ разъ на канунѣ вступленія туда.

— Затѣмъ, я полагаю, вамъ извѣстно, что онъ богатъ, страшно богатъ?

— Въ самомъ дѣлѣ? — сказала Глори, и что-то великое, могучее замерцало передъ ней вдали.

— Чудовищно богатъ, а между тѣмъ держится самыхъ демократическихъ взглядовъ.

— Развѣ?

— Да; все время по дорогѣ сюда онъ мнѣ доказывалъ, что для него невозможно жениться на свѣтской дѣвушкѣ.

— Удивляюсь, зачѣмъ вы все это мнѣ говорите?—сказала Глори, и лордъ Робертъ смущенно принялся вертѣть въ рукахъ свой моноклъ.

Къ нимъ подошли Дрэкъ и Полли. Дрэкъ предложилъ пройтись по двору, и всѣ вышли; дѣвушки подъ руку, впереди.

— Въ этой рыжей дѣвчонкѣ просто бѣсъ сидитъ,—жаловался лордъ Робертъ. — Она способна раскусить человѣка раньше, чѣмъ онъ самъ сообразитъ, что хотѣлъ сказать.

— Она естественна, какъ сама природа, — возразилъ Дрэкъ. — И потомъ, что за губки, что за ротикъ!

— Она, должно быть, ирландка? Уроженка Мэна? Гдѣ это, Мэнъ?

Ночь была жаркая, душная; на дворѣ было немногимъ прохладнѣе, чѣмъ въ комнатахъ. Звуки музыки долетали и сюда, и Глори, перетанцовавшая почти со всѣми кавалерами, не могла удержаться отъ желанія покрутиться еще немножко одной; здѣсь музыка казалась нѣжнѣй и пріятнѣй, а танцовать въ темнотѣ — это походило на сонъ.

— Будетъ вамъ, Глори, сядьте, пожалуйста,—раздражительно замѣтила Полли;—вы мнѣ разстраиваете нервы.

— Глори, — спросилъ Дрэкъ, — какое впечатлѣніе производятъ на васъ лондонцы?

— Да почти такое же, какъ и остальные смертные, ни лучше, ни хуже, только забавнѣе.

Мужчины разсмѣялись, а Глори принялась передразнивать ухватки лондонцевъ, ихъ манеру высоко заносить руку передъ пожатіемъ, бормотанье нищихъ, витіеватыя рѣчи каноника, ужимки Галяйтли.

• Дрэкъ вылъ отъ восторга; лордъ Робертъ хохоталъ своимъ протяжнымъ смѣхомъ, напоминавшимъ крикъ совы; Полли Лѐвъ колко замѣтила: «Вамъ бы ужъ кстати изобразить и вашего друга викарія, моя милочка», и Глори вдругъ сразу притихла, будто пришибленная.

— Право,—началъ Дрэкъ,—уходъ за больными, очевидно, не...

Въ это мгновеніе вдали загрохоталъ громъ и по землѣ запрыгали капли дождя; пришлось вернуться въ бальную залу. Къ этому времени доктора и надзирательницы уже ушли; остались только сидѣлки и студенты; оживленіе, перешло въ бѣшеное веселье. Одинъ молоденькій студентикъ старался распустить волосы своей дамы; другой храбро вальсировалъ, держа даму на рукахъ. Кто-то прикрутилъ газъ; стали

танцовать въ полумракѣ; кто-то запѣлъ, и всѣ подхватили хоромъ; нѣсколько человѣкъ разбрасывали по залу бумажные мѣшки съ тоненькими бѣлыми облатками; мѣшки съ трескомъ лопались въ воздухѣ, какъ ракеты, содержимое же дождемъ сыпалось на головы танцующихъ, устилая полъ, будто снѣгомъ.

Тѣмъ временемъ на дворѣ разыгралась гроза; сквозь громъ оркестра, ритмическое шарканье ногъ танцующихъ и звонкое радостное ихъ пѣніе прерывался грохотъ грома; слышно было, какъ дождь барабанилъ по стеклянному куполу.

Глори пришла въ экстазъ. Это напоминало ночи въ Илльской бухтѣ, когда сквозь туманъ свѣтитъ мѣсяцъ, и волны пляшутъ, подгоняемыя нордъ-вестомъ; мрачное, бурное море, вѣтеръ съ горъ, несущій съ собой шквалъ... А между тѣмъ кругомъ былъ волшебный, сказочный міръ красоты, блеска, счастливыхъ лицъ.

Балъ кончился только подъ утро; къ тому времени и дождь перестал, хотя громъ все еще гремѣлъ вдали. Пріятели поѣхали провожать своихъ дамъ; Дрэкъ сѣлъ въ кабріолетъ вмѣстѣ съ Глори.

— Вы всегда забываете такія вещи?—спрашивалъ онъ.

— Какія?

— Вы знаете какія!

Она покрыла голову капюшономъ плаща, но изъ подъ него выбивались и блестѣли золотые пряди волосъ

— Дайте мнѣ розу,—просилъ онъ,—бѣлую, что у васъ въ волосахъ.

— Такую бездѣлицу!

— Тѣмъ болѣе, дайте, я буду хранить ее всегда, всегда!

Она подняла руку.

— Ахъ, какъ это мило!

— Что за прелестная ручка! Нѣтъ: постойте, я самъ возьму.

Онъ обнялъ ее одной рукой, приподнялъ другой ея личико и поцѣловалъ ее прямо въ губы.

— Милочка!—шепнулъ онъ.

Въ одинъ мигъ очарованіе разсѣялось; сказочный міръ исчезъ, Глори очнулась отъ волшебнаго сна. Она ничего не сказала; только опустила головку, чувствуя, что у нея до боли пылаютъ щеки, и закрыла лицо руками. Всю ее мгновенно пронизало чувство стыда, нестерпимой обиды. Дрэкъ обошелся съ ней неуважительно, и она сама виновата.

— Простите меня, Глори!—говорилъ онъ глубокимъ, дрожащимъ голосомъ.—Это никогда больше не повторится,—никогда, клянусь Богомъ!

Свѣтало; послѣднія капли дождя съ плескомъ ударялись о мокрые, пустынные тротуары. Огромный городъ спалъ; вдали замирали послѣдніе раскаты грома.

XII.

Капелланъ *Виноградника Маѳы* не былъ на больничномъ балу, зато много думалъ о немъ. Каждый разъ, какъ онъ вспоминалъ свой разговоръ съ Глори и свое возмущеніе противъ общества Полли Лёвъ, его кидало въ жаръ отъ стыда. Полли была пустая, легкомысленная дѣвушка, съ маленькимъ лѣснымъ яблочкомъ вмѣсто сердца, но худого за ней онъ не зналъ. Едва ли достойно мужчины ополчаться такимъ образомъ на бѣдное маленькое созданьице только за то, что оно вѣтрено, любитъ наряды и знакомо съ человѣкомъ, который ему, Джону, не нравится.

Притомъ же, у Глори нѣтъ другой пріятельницы, и возставать противъ того, чтобы Глори шла на балъ вмѣстѣ съ нею, значило возставать противъ того, чтобы Глори вообще была на балу. А это казалось ему эгоистичнымъ. Съ какой стати лишать ее удовольствія? Самъ онъ не можетъ идти, да еслибъ и могъ, не захотѣлъ бы, но дѣвушкамъ такія развлеченія нравятся: онѣ любятъ танцовать, любятъ, чтобъ на нихъ смотрѣли и восхищались ими, чтобъ около нихъ вертѣлись мужчины, ухаживали за ними, нашептывали имъ всякій вздоръ...

Въ этой мысли тоже была отрава, но Джонъ боролся съ собой, стараясь быть великодушнымъ. Онъ выше низкихъ чувствъ, недостойныхъ мужчины; онъ возьметъ назадъ свой запретъ.

Однако же этого онъ не сдѣлалъ. Злой духъ изъ глубины сердца шепталъ ему, что Глори ускользаетъ отъ него. Это случай убѣдиться, узнать навѣрное, правда ли, что Глори вышла изъ подъ его вліянія. Если его авторитетъ для нея что-нибудь значитъ, она не пойдетъ на балъ; если же пойдетъ,—значитъ, онъ потерялъ надъ ней всякую власть, и старой дружбѣ ихъ приходитъ конецъ.

Въ вечеръ бала онъ пошелъ въ госпиталь и вызвалъ Глори. Ея не было. Ему показалось, что земля уходитъ у него изъ подъ ногъ.

Онъ не могъ побороть въ себѣ враждебнаго чувства къ Полли Лёвъ, и это заставило его вспомнить объ одномъ изъ больныхъ, къ которому не нашлось жалости въ ея себялюбивомъ сердечкѣ. То былъ ея братъ, лѣтъ на девять, на десять старше ея и ни въ чемъ на нее не похожій. У него было блѣдное, тонкое лицо—почти лицо аскета и глаза святоши—съ пламеннымъ взглядомъ, легко увлажняющіеся слезами. У него лопнулъ кровяной сосудъ и ему угрожала чахотка; однакожъ его не считали опаснымъ. Когда Полли приходила къ нему въ палату, его глаза все время слѣдили за ней съ выраженіемъ смиренной мольбы; въ нихъ было что-то, напоминавшее взглядъ собаки. Онъ, очевидно, любилъ сестру и все время думалъ о ней; она же едва удостоивала изрѣдка взглянуть на него и въ голосѣ ея, когда она къ нему обращалась, ничего не было, кромѣ холодности и раздраженія.

Все это подмѣтилъ Джонъ Стормъ. Его потянуло къ молодому чело-

вѣку, и замкнутое, изстрадавшееся сердце открылось ему. Больной принадлежалъ къ Англиканскому Братству, основанному въ Бишонгэтъ-стритѣ. Пока онъ былъ еще не настоящій инокъ,—бѣлецъ. Въ монашествѣ ему нарекли имя: братъ Павелъ. Онъ самъ просилъ, чтобы его помѣстили въ этотъ госпиталь, потому что здѣсь сидѣлкой его сестра. У него нѣтъ родныхъ, кромѣ нея. Была когда-то еще сестра, но той ужъ нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ—она умерла... Это страшная и печальная исторія; ему тяжело говорить о ней.

Къ этому-то разбитому жизнью и бѣжавшему отъ нея существу направилъ свои стопы Джонъ Стормъ въ ту минуту, когда онъ ощутилъ мучительную пустоту въ своемъ собственномъ сердцѣ. Войдя въ палату, онъ увидалъ, что братъ Павелъ не одинъ. У него уже сидѣлъ гость, пожилой человѣкъ въ какой-то странной одеждѣ,—черной рясѣ, наглухо застегнутой у горла и ниспадавшей почти до пятъ, а у пояса стянутой черной же веревкой съ тремя большими узлами на спущенныхъ концахъ. И насколько одежда эта отличалась отъ обычнаго платья мірянъ, настолько же лицо носившаго ее было не похоже на обыденныя свѣтскія лица. То было лицо, полное духовной красоты, святого покоя и мира, который оно, казалось, изливало на окружающихъ,—чудное лицо, безъ всякихъ признаковъ печати грѣха, коварства или страстей, хотя и со слѣдами внутренней борьбы у висковъ и подъ глазами; но у этого человѣка всѣ битвы съ самимъ собой были выиграны, увѣнчались побѣдой.

Пожилой человѣкъ сидѣлъ на стулѣ, у кровати больного; при входѣ Джона Сторма онъ всталъ.

— Это отецъ настоятель, сэръ,—сказалъ братъ Павелъ.

— Мы только что говорили о васъ,—ласково прибавилъ гость;—вы были добры къ моему бѣдному брату...

Джонъ Стормъ отвѣтилъ какимъ-то общимъ мѣстомъ: для него это было удовольствіемъ, счастьемъ; братъ Павелъ скоро покинетъ ихъ; всѣ здѣсь будутъ скучать безъ него и, можетъ быть, всѣхъ больше онъ, Джонъ Стормъ.

Отецъ настоятель снова сѣлъ и слушалъ его внимательно, съ вдумчивой улыбкой.

— Я понимаю васъ, дорогой другъ,—сказалъ онъ.—Давать несравненно отраднѣе, чѣмъ получать. Ахъ, еслибъ это только постигли дѣти міра, бѣдные слѣпцы, ходящіе во мракѣ! Какъ они бьются изъ-за суетныхъ удовольствій и скоро преходящей гордости. А между тѣмъ помочь больному, слабому брату, защитить упавшую женщину, накормить ребенка—да вѣдь это несравненно отраднѣе, чѣмъ всѣ царства міра.

Джонъ Стормъ присѣлъ на кровать въ ногахъ больного. Какая-то сила, исшедшая отъ старика, сообщилась ему, и онъ, замеръ на мѣстѣ, какъ очарованный. Монахъ говорилъ о мірской любви—какая она странная, непонятная, жалкая, трагическая. Похоть плоти, похоть очей,—какъ все это низменно, вѣроломно, обманчиво! Подумать только, что въ

этомъ огромномъ городѣ люди день за днемъ и ночь за ночью добровольно мучаются ради того только, чтобы повеселиться; что сыны человѣческіе рыщутъ по всей землѣ въ низкой жаждѣ пріобрѣтеній, которыя не могутъ прибавить имъ росту ни на одинъ волосъ; между тѣмъ какъ подъ рукой, въ нихъ самихъ, въ ихъ милосердіи—цѣлое царство радости, мира, счастья! Давать, а не добывать—вотъ великое счастье и высшее блаженство—отдать частицу самогосебя, своего сердца.

— Церкви, самой церкви слѣдовало бы поучиться у васъ, сэръ,—взволнованно вскричалъ Джонъ Стормъ.

И онъ заговорилъ о томъ, съ какими надеждами онъ пріѣхалъ въ Лондонъ и какъ онѣ рушились одна за другой, какъ онъ представлялъ себѣ въ мечтахъ церковь и ея миссію и какъ всѣ эти мечты погибли, или были близки къ гибели.

— Мы безсовѣстно лжемъ! Мы придаемъ всему невѣрную окраску, лишь бы оправдать себя! Наши таинства; что это: ложь или святотатство? Наша благотворительность, что мы такое: фарисеи или лицемѣры? А наше духовенство, сэръ,—модное духовенство! Страшный ударъ долженъ поразить, потрясти до самыхъ ея основаній церковь, въ лонѣ которой возможны такія вещи,—церковь, болѣе суетную, чѣмъ даже міръ. А женщины, какую жизнь онѣ ведутъ, въ чемъ выражается вліяніе на нихъ церкви? Самую чистую, нѣжную, святую силу свою онѣ губятъ напрасно, съ вѣдома и разрѣшенія церкви, тратятся на мелочи, на свѣтскіе пустяки, въ гостиныхъ, садахъ, театрахъ, на базарахъ, балахъ...

Онъ вдругъ остановился, заикнувшись на послѣднемъ словѣ. Неужели онъ думалъ только о себѣ и о Глори! Голова его свѣсилась на грудь, онъ закрылъ лицо рукою.

— Вы правы, сынъ мой,—спокойно сказалъ отецъ настоятель,—но вмѣстѣ съ тѣмъ и не правы. Церковь Божія не будетъ потрясена до основанія изъ за фарисеевъ, разглагольствующихъ на площадяхъ, или мытарей, сидящихъ на окраинахъ. Хотя и сѣкира при корнѣ сгнившаго дерева, но малое сѣмя не умретъ и пуститъ ростки.

И отецъ настоятель съ своей вдумчивой улыбкой, кроткимъ голосомъ сталъ разсказывать о маленькомъ братствѣ, пріютившемся въ Бишонъ-гэтъ-стритѣ, о томъ, какъ его основатели рѣшили скрыться отъ міра, чтобъ отрѣшиться отъ мірскихъ помысловъ и заботъ и пребывать въ единеніи съ Богомъ, какъ они поселились въ одной изъ самыхъ людныхъ улицъ, въ самомъ сердцѣ величайшаго рынка всего міра, чтобы показать свое презрѣніе къ золоту и серебру и всему, что наиболѣе цѣнно для слѣпого и обольщеннаго свѣта. Совершенно такъ же св. Филиппъ и св. Игнатій ввели самое строгое изъ всѣхъ монашескихъ правилъ въ вѣкъ общаго нечестія и потворства своимъ слабостямъ, именно для того, чтобы показать, что они были въ силахъ заглушить въ себѣ голосъ плоти, загасить всякую искру адскаго пламени.

Онъ поднялъ веревку, опоясывавшую его тѣло, показалъ узлы на концахъ ея и объяснилъ, что они означаютъ. То былъ символъ тройныхъ узъ, связывавшихъ его, трехъ принятыхъ имъ на себя обѣтовъ: бѣдности,—ибо Христосъ избралъ ее въ удѣлъ для Себя и Своихъ; послушанія—ибо Онъ сказалъ: «Кто послушаетъ васъ, Меня послушаетъ!» и цѣломудрія—ибо долгъ нашъ охранять врата чувствъ и отвращать глаза свои, языкъ и уши отъ всякой нечистоты.

— Но какъ же быть съ законной любовью къ родинѣ, къ близкимъ?—спросилъ Джонъ.

— Мы все переносимъ на почву духовную. Любовь къ человѣку должна быть основана на любви къ Богу; тогда только она будетъ твердой, прочной и неизмѣнной. Оттого-то люди такъ часто и оказываются несостоятельными въ дружбѣ и любви, что въ основу любви къ созданію у нихъ не была заложена любовь къ Создателю.

— А любовь матери къ сыну, или брата къ сестрѣ?..

— Мы стали выше обыденныхъ условій жизни; никто не долженъ предъявлять притязаній на нашу привязанность наравнѣ съ Христомъ. У человѣка два разряда враговъ,—внутренніе и внѣшніе; съ обоими ему приходится бороться и самыя опасныя искушенія тѣ, которыя приходятъ во образѣ священнѣйшихъ нашихъ привязанностей. Но мечъ Духа Святого долженъ отгонять искусителя. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ Іуда, готовый ежеминутно предать насъ поцѣлуемъ, только дай ему волю.

Джонъ Стормъ тяжело дышалъ,—онъ едва сдерживалъ свое волненіе, но отецъ настоятель собрался уходить.

— Уже восемь часовъ, а мнѣ надо поспѣть къ вечернѣ,—сказалъ онъ и, засмѣявшись, прибавилъ: — Мы вообще не ѣздимъ на извозчикахъ, а сегодня мнѣ поневолѣ придется идти пѣшкомъ черезъ паркъ, потому что я отдалъ всѣ свои деньги.

Ангельская улыбка озарила лицо старика; съ кроткимъ простодушіемъ онъ продолжалъ:

— Люблю я паркъ. По утрамъ тамъ играютъ дѣти; въ эти часы онъ для меня все равно что святой храмъ Божій; я люблю смотрѣть на дѣтей, возлагать руки имъ на головки, призывая на нихъ благословеніе Божіе, и опустошать для нихъ свои карманы. Нынче утромъ, входя туда, я встрѣтилъ маленькаго мальчика, онъ что-то несъ въ узелкѣ.—«Какъ васъ зовутъ молодой человѣкъ?» спросилъ я. Онъ сказалъ свое имя. «А сколько вамъ лѣтъ»—«Двѣнадцать». —«А что вы несете въ узелкѣ?»—«Обѣдъ отцу».—«А кто твой отецъ, сынъ мой?»—«Плотникъ», сказалъ мальчикъ. И я подумалъ, что, еслибъ я жилъ тысяча девятьсотъ лѣтъ назадъ, я могъ бы встрѣтить другого маленькаго мальчика, несущаго обѣдъ отцу, тоже плотнику, въ узелкѣ, связанномъ Маріей. Я пошарилъ въ карманѣ; тамъ было ровно столько, чтобъ заплатить за обратный проѣздъ; я и отдалъ все мальчугану —

въ видѣ благодарственнаго приношенія Господу, дозволившему мнѣ встрѣтить милаго двѣнадцатилѣтняго мальчика, сына плотника.

Слезы туманили глаза Джону Сторму.

— Прощай, братъ Павелъ! Да возвратитъ тебя Господь скорѣе въ нашу обитель! Прощайте, дорогой другъ. Если свѣтъ обойдется съ вами слишкомъ сурово, приходите погостить къ намъ, въ убѣжище; тамъ въ безмолвіи души вашей вы, можетъ быть, забудете о ея суетныхъ стремленіяхъ и обидахъ и сосредоточите мысли свои горѣ.

Джонъ Стормъ, повинуясь неудержимому порыву, упалъ на колѣни передъ старикомъ.

— Отецъ, благословите меня, какъ вы благословили сына плотника.

Монахъ поднялъ два пальца правой руки.

— Богъ да благословитъ тебя, сынъ мой, да будетъ съ тобою и укрѣпитъ тебя, и когда Онъ обратитъ къ тебѣ благостный ликъ Свой, да не огорчитъ тебя злоба людская! Отецъ небесный, призри эту пылкую душу! Поддержи его, помоги ему отбросить отъ себя всѣ якоря, приковывающіе его къ міру, сдѣлай его гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ: «Изыди отсюда, народъ мой, глаголетъ Господь!»

Когда Джонъ поднялся съ колѣнъ, святой наставникъ исчезъ, но весь воздухъ, казалось, былъ проникнутъ небеснымъ покоемъ.

Стоя на колѣняхъ, въ то время, какъ настоятель благословлялъ его, Джонъ Стормъ услыхалъ позади себя шаги. То былъ его сослуживецъ, преподобный Голяйтли, онъ и теперь ждалъ своей очереди, чтобъ передать порученіе.

Каноникъ узналъ, что очередной проповѣдникъ не можетъ говорить проповѣдь въ воскресенье, а самъ онъ въ субботу вечеромъ приглашенъ предсѣдательствовать на ежегодномъ обѣдѣ Драматическаго благотворительнаго фонда и не имѣетъ времени экстренно приготовиться къ проповѣди; поэтому онъ проситъ м-ра Сторма сказать проповѣдь за обѣдней въ воскресенье. Джонъ обѣщалъ. Сослуживецъ его ухмыльнулся, поклонился, откашлялся и ушелъ.

Капеллану госпиталя отведена была маленькая комнатка въ нижнемъ этажѣ; Джонъ пошелъ туда и сѣлъ писать письмо пастору, въ Пиль:

«Вы, безъ сомнѣнія, часто получаете извѣстія отъ Глори и слыхали обо всѣхъ ея успѣхахъ на новомъ поприщѣ дѣятельности. Она, повидимому, прекрасно чувствуетъ себя; я никогда не видалъ ея такой веселой и оживленной. Въ настоящую минуту она на балу, который даетъ сидѣлкамъ наше больничное начальство. Чтожъ, это вполнѣ невинный источникъ удовольствія, я всѣмъ сердцемъ надѣюсь, что она веселится. Нужно же какое-нибудь развлеченіе молоденькой дѣвушкѣ, въ цвѣтѣ юности, здоровья и красоты; только сухой отжившій человѣкъ неспособенъ радоваться при мысли, что хорошая дѣвушка счастлива. Ея товарки, сидѣлки—благородныя созданія, преданныя своему дѣлу, выполняющія истинное призваніе женщины; если между ними и есть

козлища, ихъ не больше, чѣмъ этого можно ожидать отъ самой святой и чистой профессіи.

«Что касается меня лично, я стараюсь держать свое обѣщаніе—присматривать за Глори, но не знаю, долго ли мнѣ еще придется выполнять его. Не удивляйтесь, если я буду вынужденъ сложить съ себя этотъ трудъ. Вы уже знаете, что я не доволенъ настоящими условіями своей жизни и жду только указанія только движенія огненнаго и облачнаго столпа. Одинъ Богъ знаетъ, куда онъ направитъ свой путь; но Богъ будетъ руководить мною. Я выхожу не чаще, чѣмъ это необходимо, и каждый разъ, какъ выхожу, натыкаюсь на униженія и чувствую себя глупцомъ.

«Жизнь въ Лондонѣ является сплошной и тягостной неожиданностью. Я полагалъ, что хорошо знаю этотъ городъ, а оказывается, что я до сихъ поръ совсѣмъ его не зналъ. Онъ ужасенъ своей жестокостью, обманомъ, вѣроломствомъ. Лондонъ — это Іуда, предающій поцѣлуемъ все, что молодо, невинно, полно надеждъ. Зато онъ помогаетъ человѣку понять самого себя, а это лучше, чѣмъ лежать по уши обернутымъ въ хлопокъ. Передайте мой сердечный привѣтъ всѣмъ вашимъ, и мою любовь отцу, если только это возможно».

Письмо заняло много времени; запечатавъ его, Джонъ Стормъ пошелъ въ швейцарскую, чтобъ опустить его въ ящикъ. Тутъ онъ замѣтилъ, что на дворѣ собирается гроза, и рѣшилъ подождать, пока она не пройдетъ. Онъ пошелъ въ библіотеку, выбралъ книгу и вернулся читать въ свою комнатку. Книга называлась: «Св. Іоаннъ Златоустъ о священствѣ», и предметъ ея былъ симпатиченъ Джону, но онъ не могъ сосредоточить свои мысли на печатной страницѣ. Онъ думалъ объ отцѣ настоятелѣ, о маленькомъ братствѣ, пріютившемся въ Бишонгэтѣ, потомъ о Глори, плясавшей на больничномъ балу, и снова о Глори, и снова, и снова о Глори. При всемъ стараніи онъ не могъ не думать о ней.

Надъ головой его бушевала гроза. Черезъ два часа онъ вернулся въ швейцарскую посмотрѣть, не прояснилось ли, но гроза и не думала стихать. Онъ отворилъ дверь и выглянулъ. Молніи бороздили небо, озаряя паркъ; дождь лилъ, не переставая; черные потоки разливались по пустыннымъ тротуарамъ, превращая ихъ въ озера. Отъ времени до времени мимо съ шумомъ проѣзжала извозчичья карета съ кучеромъ, закутаннымъ въ непромокаемый плащъ; иногда громыхалъ омнибусъ, биткомъ набитый внутри и пустой снаружи. Джонъ увидалъ только одно живое существо, кромѣ себя. Передъ домомъ налѣво стоялъ итальянецъ шарманщикъ и съ ожесточеніемъ вертѣлъ ручку своего инструмента.

Джонъ Стормъ обошелъ госпиталь. Часъ былъ поздній, все въ домѣ затихло. Домашній врачъ послѣ вечерняго обхода ушелъ къ себѣ; его квартира помѣщалась въ противоположномъ крылѣ зданія, черезъ дворъ, дежурныя сидѣлки кипятили воду въ маленькихъ котелкахъ въ ком-

натѣ, смежной съ палатами. Въ хирургическомъ отдѣленіи газъ былъ потушенъ, и больные уже спали; въ терапевтическомъ иныя койки были загорожены ширмами; оттуда доносились тяжелые стоны.

Было уже за полночь, когда Джонъ Стормъ, обойдя все зданіе, вернулся въ швейцарскую; дождь перестатъ, но громъ еще грохоталъ вдали. Онъ могъ бы пойти домой, но не пошелъ; онъ понялъ, что дожидается Глори. Сидѣлки понемногу возвращались съ бала, кланялись ему и проходили мимо. Онъ вошелъ въ ложу привратника, сѣлъ и сталъ слѣдить за зигзагами молніи. Его охватывало жуткое чувство страха; гроза представлялась ему символическимъ олицетвореніемъ грозящаго несчастья. Какую жалость, какое бѣдствіе предвѣщала она? До конца жизни онъ не могъ забыть ночи, когда она разразилась; то была ночь бала сидѣлокъ.

Внезапно онъ вздрогнулъ, рѣшивъ, что онъ должно быть задремалъ, и подумалъ: «Какая чепуха! Видно, правда, что душа во снѣ покидаетъ тѣло и остается только животное».

На дворѣ почти разсвѣло; у подъѣзда остановились два экипажа; по ступенькамъ подымалось нѣсколько человѣкъ, оживленно болтая, какъ разбуженныя коноплянки. Кто-то говорилъ:

— М-ръ Дрэкѣ предлагаетъ намъ всѣмъ вмѣстѣ отправиться въ театръ; если бы только добыть разрѣшеніе поздно вернуться, мнѣ бы страшно хотѣлось...

Голосъ принадлежалъ Глори.

— Отчего же, если вамъ такъ хочется. Мнѣ рѣшительно все равно.

То былъ голосъ Полли; потомъ мужской голосъ сказалъ:

— Такъ надо назначить день, Робертъ.

И другой мужской голосъ устало протянулъ:

— Знаете, пусть лучше дамы сами назначатъ.

Джонъ Стормъ почувствовалъ, что у него холодѣютъ руки и ноги, и остановился въ дверяхъ. Глори первая увидала его и слабо вскрикнула.

— Ахъ, это м-ръ Стормъ; м-ръ Стормъ, вы вѣдь знаете м-ра Дрэка. Помните, на островѣ Мэнѣ...

— Не помню.

— Но вы спасли ему жизнь; вы должны знать его...

— Я его не знаю.

Она было начала: «Позвольте мнѣ представить...» но запнулась, съ минуту помолчала, причемъ въ лучистыхъ глазахъ ея загорѣлся какой-то странный свѣтъ, отблескъ чего-то, чего не передать словами, и вдругъ залилась звонкимъ смѣхомъ.

Сестра надзирательница, проходившая въ эту минуту черезъ швейцарскую, вздрогнула и сказала: «Сидѣлка, вы удивляете меня! Ступайте сейчасъ въ свою комнату».

Дѣвушки шепотомъ простились съ своими спутниками и, хихикая, пошли наверхъ.

— Что за чудный вечеръ!—восхищалась Глори.

— Очень рада, что *вы* это находите. Сказать правду, *я* страшно скучала.

Мужчины закурили сигары, сѣли въ кабріолетъ и уѣхали.

— Какъ вы находите этого господина? Вотъ медвѣдь-то! — замѣтилъ лордъ Робертъ.

— Да, грубоватъ, но мнѣ понравилось его лицо. Притомъ же, судьба внушила ему благую мысль стать между мною и смертью и я этого не забуду.

— Берегитесь, голубчикъ. Это актеръ, ханжа и кривляка. Въ четвергъ я встрѣтился съ нимъ у м-рсъ Макрэ. Онъ позёръ, разыгрываетъ фанатика. Попомните мое слово, онъ выкинетъ какую-нибудь штуку и скоро.

Тѣмъ временемъ Джонъ Стормъ, застегнувъ на всѣ пуговицы свой длиннополый сюртукъ, сжавъ кулаки и крѣпко стиснувъ зубы, шагалъ домой по оживающимъ улицамъ Лондона.

XIII.

«Виноградникъ Мароы.

«Іисусе Христе! Царица Небесная! Господи помилуй мою душу! Ну, дѣда милый, и отличился же нашъ Джонъ Стормъ, показалъ-таки себя !Никогда этотъ человѣкъ не былъ «миротворцемъ и другомъ Согласія», но еслибъ вы слышали его проповѣдь утромъ въ воскресенье!

Боже милостивый, что это было! Въ качествѣ особы съ сердцемъ, женщины святой и смиренной, я позволила себѣ самую чуточку измѣнить текстъ молитвъ и все время, съ начала до конца, бормотала: «Господи, загради уста наша!» но Богъ не внялъ моимъ мольбамъ, и въ результатѣ «всѣ языцы земные» возстали на бѣднаго м-ра Сторма и всячески поносятъ его, какъ будто онъ залѣзъ всѣмъ имъ въ карманъ.

Рѣчь шла о нравственности людей. Текстъ, выбранный имъ, былъ невиннѣй младенца: «Облекитесь въ Господа Іисуса Христа и попеченія о плоти не превращайте въ похоти». Началъ онъ обычнымъ порядкомъ, что въ человѣкѣ двѣ природы и человѣкъ можетъ быть хорошимъ или дурнымъ, смотря по тому, преобладаетъ ли въ немъ духъ надъ плотью или плоть надъ духомъ и т. д. и т. д., словомъ, обычная порція доброй старой морали на шесть пенсовъ съ половиной и полпенни сдачи. Старенькія бабуси въ очкахъ рѣшили, что онъ заводится, какъ табакерка съ музыкой, и теперь, когда онъ благополучно заигралъ, онѣ могутъ расположиться поудобнѣе прикурнуть и спокойно клевать носомъ вплоть до антифонъ. Но не тутъ-то было. Онъ привелъ то мѣсто изъ Ісаіи, гдѣ старый пророкъ негодуетъ на дщерей Сіона за то, что онѣ не хотятъ ходить неряхами, помните: «Содрогнитесь, беззаботныя, ужаснитесь, безпечныя, сбросьте одежды, обнажитесь и препояшьте чресла».

И пошелъ, и пошелъ, точно комета, таща за собой въ хвостѣ свѣтскую женщину. Если бракъ въ наши дни не всегда означаетъ единобрачіе, кто, главнымъ образомъ, виноватъ въ этомъ? Мужчины обыкновенно настолько чисты, насколько это отъ нихъ требуется, а требованія имъ предъявляютъ женщины и нерѣдко мужчины только потому ведутъ дурную жизнь, что женщины и не требуютъ, чтобы они вели себя хорошо. Содрогнитесь, беззаботныя! Дайте отвѣтъ, зачѣмъ вы позволяете своимъ дочерямъ выходить замужъ за мужчинъ, которые въ сущности уже женаты. Обнажитесь и да будетъ вамъ стыдно передъ бѣдными женщинами, которыя были первыми женами супруговъ вашихъ дочекъ, передъ дѣтьми ихъ, которыхъ эти господа бросаютъ и забываютъ. Вывозя своихъ невинныхъ дочерей на вечера и рауты, вы въ сущности вывозите ихъ на аукціонъ; наряжая и украшая ихъ, вы лишь готовите ихъ къ продажѣ низкимъ, недостойнымъ мужчинамъ. На прошлой недѣлѣ нѣсколько титулованныхъ филантроповъ притянули къ суду одну женщину изъ Истъ-Энда за то, что она хотѣла продать свою дочь. Какой стыдъ!—восклицали всѣ. Какой позоръ для девятнадцатаго вѣка! А вѣдь это жалкое, невѣжественное существо заботилось только о благѣ своего несчастнаго дитяти; она хотѣла сдѣлать то, что, съ своей точки зрѣнія, считала лучшимъ... Что же сказать о другихъ, о женахъ этихъ самыхъ филантроповъ, женщинахъ образованныхъ, просвѣщенныхъ, которыя, съ открытыми глазами, изо дня въ день, дѣлаютъ то же, совершенно то же самое!»

Пробравъ, такимъ образомъ, маменекъ, онъ принялся и за дочекъ. Милымъ барышнямъ тоже попало. Препояшьте чресла свои, сокройте лица! Зачѣмъ вы позволяете продавать себя? Женщина, выходящая замужъ ради титула, положенія или иныхъ суетныхъ преимуществъ, не лучше тѣхъ отверженныхъ, которыя бродятъ по улицамъ. Она поступаетъ такъ же, какъ онѣ, и по всей логикѣ и справедливости должна быть заклеймена тѣмъ же именемъ.

Вотъ вамъ и простачекъ. Я вамъ разсказывала, какъ онъ провалился первый разъ, но въ это утро, несмотря на мою измѣненную молитву, у меня было столько же надежды остановить его, какъ задержать Ніагару или весенній потокъ, ниспадающій съ высоты девятнадцати футовъ. Лицо его все пылало, а огромные глаза свѣтились, точно красные фонари на Нильской пристани.

Не знаю, это ли называется краснорѣчіемъ съ каѳедры, только ничего подобнаго я въ жизнь свою не слыхала. Я начинаю думать, что разница между проповѣдниками зависитъ въ сущности отъ того, какого сорта огонь горитъ въ ихъ груди, подъ внѣшней оболочкой. У иныхъ онъ еле тлѣетъ, такъ что даже не согрѣваетъ поверхности, на немъ не вскипятить и воды въ котелкѣ; за то у другихъ—сторонись, честный народъ!—тутъ цѣлый волканъ и лава льется потокомъ.

Господи помилуй, какъ я ревѣла! Ужъ я себя и бранила и стыдила:

«Глупая ты, глупая!» говорю себѣ, да все понапрасну. Голосъ у него сталъ хриплый, какъ у ворона; временами можно было подумать, что у него сердце разрывается.

А прихожане! Посмотрѣли бы вы, какъ они всѣ преобразились! Входили всѣ улыбаясь, раскланиваясь, перешептываясь; церковь казалась сплошь залитой солнечнымъ свѣтомъ, — сущее сѣверное сіяніе, а къ концу—полная перемѣна декораціи: сѣверный вѣтеръ дуетъ, громъ гремитъ и человѣкъ упалъ за бортъ.

Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней; вслѣдъ за Джономъ Стормомъ нужно было, конечно и Глори Коэйль сунуть свой носикъ туда же. Проходя черезъ боковой придѣлъ, нѣкоторыя изъ милѣйшихъ «дщерей Сіона» имѣли такой видъ, какъ будто готовы были «богохульствовать въ ярости своей» и бормотали цѣлыя іеремiады. Кто онъ, чтобы такъ говорить съ порядочными людьми? Откуда онъ взялся? Никто не слыхалъ о немъ, кромѣ его мамаши. Въ притворѣ онѣ столкнулись съ старой тумбой въ бархатномъ доломанѣ, и та объявила, что это просто скандалъ и что она принуждена была выйти, не дождавшись конца. А Глори въ этотъ день плохо молилась, потому не была избавлена отъ всякаго зла и злобы и не утерпѣла, чтобъ не возразить: «Совершенно вѣрно, м-мъ, и не вамъ одной пришлось выйти посрединѣ проповѣди».—«А кому же еще?» вопросилъ этотъ фарисей въ юбкѣ.—«Дьяволу, м-мъ», сказала Глори и ушла, оставивъ ее грызть эту косточку.

Оказывается, что старая дѣва въ доломанѣ—важная птица, попечительница нашего госпиталя и всѣ говорятъ, что мнѣ достанется на орѣхи. Не велика бѣда! «Душой я преданъ небу, не здѣшней сторонѣ, душой я преданъ небу—чего жъ бояться мнѣ?»

Джону Сторму тоже перепадетъ; говорятъ, каноникъ поджидалъ его въ ризницѣ, чтобъ сдѣлать выговоръ, но, сходя съ каѳедры, онъ весь былъ, какъ Божья гроза, и достойный человѣкъ счелъ за лучшее, пока что, придержать розги въ разсолѣ. Говорятъ, въ церкви были важные сановники и вся аристократія, и лондонскій религіозный этикетъ требуетъ, чтобы въ домѣ повѣшеннаго не говорили о веревкѣ; а бѣдный нашъ Джонъ, ничто же сумняшеся, всѣхъ ихъ выставилъ у позорнаго столба. Это былъ страшный рискъ, но никто не увѣритъ меня, что онъ не имѣлъ на то основаній. Съ воскресенья онъ не приходилъ въ госпиталь, но я увѣрена, что онъ имѣетъ въ виду кого-нибудь изъ знати, и кто бы это ни былъ, прозакладую «послѣдній грошъ», что имъ досталось по заслугамъ.

Батюшки, какъ я, однако, увлеклась,—всѣ свои заряды истратила! Пожалуй, теперь не хватитъ пороху разсказать вамъ про балъ. А вѣдь я была на балу! Помните, я плакалась, что у меня нѣтъ для этого подходящаго костюма. Признаться по правдѣ, я даже, молясь, прибавляла кое-что по поводу этого, въ самомъ концѣ: «Боже, будь ко мнѣ

милостивъ, только въ этотъ разокъ, сдѣлай такъ, чтобъ я выглядѣла хорошенькой!» И Богъ смиловался. Онъ вложилъ въ головы нашихъ набобовъ мысль, что «сидѣлки на балу сидѣлокъ могутъ быть только въ формѣ». Такимъ образомъ мое сѣренькое платьице съ передникомъ, форменное пальто и шляпа прикрыли множество грѣховъ.

Жалко, что мой милый дѣда не видалъ Глори въ этотъ достопамятный вечеръ. Она больше, чѣмъ когда-либо, напоминала молодого омара, но къ своимъ морковнаго цвѣта кудрямъ она приколола бѣлую розу и—Боже мой! Какая же она была милочка, несмотря на свои красные волосы! Само собой, она свела нѣсколько знакомствъ «въ высшихъ сферахъ» и танцовала со всѣми. Балъ открылъ знаменитый хирургъ, директоръ какой-то лѣчебницы, съ надзирательницей больницы св. Вареоломея, и она колыхалась у него въ рукахъ, словно кукла въ кукольной ваннѣ; но вскорѣ онъ понялъ, что за чудное, дивное созданіе Глори. Я провальсировала съ почтеннымъ старцемъ и, послѣ такого блестящаго начала, сердца всѣхъ молодыхъ людей полетѣли вслѣдъ за подоломъ моей бѣлой юбки; кстати, на мнѣ была новая, тоненькая, сшитая спеціально для этого случая.

Но страннѣе всего то, что на балу мнѣ встрѣтился старый знакомый, съ острова Мэна,—точно съ неба свалился. Помните маленькаго англичанина, Дрэка, который вмѣстѣ со мной проходилъ катехизисъ? Ну вотъ, такъ это онъ. Только теперь онъ взрослый молодой человѣкъ, одинъ изъ самыхъ изящныхъ и красивыхъ представителей лондонской золотой молодежи. Когда онъ подошелъ и назвалъ себя, онъ навѣрное думалъ, что Глори умретъ на мѣстѣ, или сойдетъ съ ума, и дѣйствительно, она дрожала всѣмъ тѣломъ, но все же выказала себя особой со смысломъ и съумѣла постоять за себя. Онъ смотрѣлъ на меня, какъ будто хотѣлъ сказать: «А знаете ли. молодая дѣвица, вы похорошѣли, вы весьма и весьма недурны собой, и я восхищаюсь вами». Я отвѣтила взглядомъ, говорившимъ: «Совершенно вѣрно, любезный юноша, и я была бы плохого мнѣнія о васъ, еслибъ вы думали иначе». А такъ какъ мы сошлись во мнѣніяхъ относительно единственнаго предмета, достойнаго вниманія (т. е. моей особы), я была съ нимъ очаровательно любезна и даже простила ему, когда онъ въ концѣ концовъ утащилъ у меня бѣлую розу.

У мистера Дрэка есть пріятель, который съ нимъ неразлученъ. Это господинъ, похожій на плакучую иву; владѣлецъ, какъ говорятъ, шестнадцати сетеровъ и трехъ приходовъ; у него несмѣтное количество платья, на каждый день недѣли особое. Зовутъ его лордъ Робертъ Юръ, но я намѣрена называть его лордъ Бобъ, ибо къ такому легкомысленному человѣку вмѣняю себѣ въ обязанность относиться сурово. Танцовала я, конечно, и съ нимъ, и онъ все время разсказывалъ, что м-ру Дрэку предстоитъ блестящее будущее, что передъ нимъ открыта земля обѣтованная, и даже намекалъ, что недурно бы сдѣлаться миссисъ Іисусъ Навинъ. Вообразите себѣ только: Глори дѣлаетъ блестящую партію,

Глори замужемъ за однимъ изъ руководителей общества! Что, еслибъ я не пошла на балъ сидѣлокъ? Несомнѣнно, исторія девятнадцатаго вѣка сложилась бы совсѣмъ иначе!

На будущей недѣлѣ мнѣ покажутъ кое-что лучшее, несравненно лучшее, чѣмъ балъ, но объ этомъ пока молчокъ. Скажу только, что я иногда цѣлыя ночи напролетъ не сплю и все думаю объ этомъ. «И пусть шаги мои, о вѣрная земля, не говорятъ тебѣ, куда я путь направилъ!..»

Ужъ поздно. Мнѣ тоже пора прикурнуть, спокойной ночи! Шлю тысичу поцѣлуевъ тетушкамъ и мою любовь всѣмъ вамъ вмѣстѣ. Теперь мою любовь можно обносить ковшами; она стала дешева, и тамъ, откуда она послана вамъ, ея остается еще много, много.

Ахъ, я и забыла вамъ разсказать, что произошло по возвращеніи нашемъ въ госпиталь. Было до неприличія поздно, наши кавалеры провожали насъ,—и вдругъ, въ швейцарской, на встрѣчу Джонъ Стормъ съ своимъ печальнымъ и тревожнымъ лицомъ; онъ, очевидно, ждалъ, чтобы убѣдиться, что мы благополучно вернулись. Онъ на меня злился и мнѣ это было рѣшительно все равно; но когда я увидала, что онъ настолько не равнодушенъ ко мнѣ, что даже обошелся грубо съ нашими провожатыми, я поддалась ухищреніямъ дьявола, не выдержала и громко расхохоталась. На грѣхъ, въ эту минуту мимо проходила старшая сестра; она обозлилась и показала мнѣ свои клыки.

И все же вечеръ былъ дивный, и я въ жизнь свою не была такъ счастлива; тѣмъ не менѣе, придя въ свою комнату, я всласть наплакалась, прежде чѣмъ лечь въ постель. «Слишкомъ много воды, бѣдная Офелія!» Толкуютъ о двухъ природахъ въ человѣкѣ; у меня ихъ двѣсти пятьдесятъ двѣ, и всѣ тянутъ меня въ разныя стороны! Увы мнѣ бѣдной! «Добрая книга» говоритъ, что женщина была сотворена изъ ребра мужчины, — право, я иногда не прочь вернуться на старую квартиру.

Глори.

P. S. Я пришлю вамъ полный и подробный отчетъ о великомъ событіи будущей недѣли, дайте только ему свершиться. А пока, мышенокъ, не видавшій свѣта, сиди смирно и молчи! Видите ли, я не хочу, чтобъ вы вкушали свою похлебку со страхомъ, или жаркое съ трепетомъ. Но я сгораю нетерпѣніемъ въ ожиданіи этого вечера; кажется, бѣгомъ бы побѣжала, чтобъ скорѣй добѣжать до него. «О, если суждено свершиться, чему свершиться суждено», то пусть бы оно ужъ свершалось скорѣе! Поймите! Я собираюсь пройти курсъ изученія Шекспира!»

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

МАРКСЪ О ГЁТЕ.

(Къ характеристикѣ двухъ умовъ).

Кто изъ русскихъ людей не знакомъ непосредственно или по наслышкѣ съ знаменитымъ Писаревскимъ развѣнчаніемъ Пушкина? Въ этомъ литературномъ и культурномъ фактѣ, который мы можемъ въ настоящее время разсматривать съ полнымъ спокойствіемъ, исторически-объективно, сказалась цѣлая многозначительная стадія умственнаго развитія нашей страны. Исторія духовной культуры другихъ народовъ представляетъ намъ замѣчательныя аналогіи развѣнчанія Пушкина.

Менцель и Берне продѣлали то же самое надъ еще болѣе великимъ поэтомъ—Гёте. И этотъ литературный эпизодъ нашелъ свое любопытное отраженіе въ исторіи русской критики. Бѣлинскій, какъ извѣстно, возсталъ противъ Менцеля: онъ написалъ въ защиту Гёте свою знаменитую статью «Менцель, критикъ Гёте»,—статью, которая отмѣчаетъ собой цѣлый періодъ въ исторіи развитія духовной личности великаго русскаго критика.

Споръ о Пушкинѣ и о Гёте имѣлъ по существу общій характеръ, и въ общей своей постановкѣ спорный вопросъ продолжаетъ обсуждаться въ литературѣ и еще болѣе продолжаетъ онъ интересовать читателей. «Искусство для искусства», «чистое» самодовлѣющее искусство или же искусство какъ средство для другихъ цѣлей, внѣ его лежащихъ, искусство въ подчиненіи морали и политикѣ?

Я не задаюсь цѣлью въ предлагаемой небольшой замѣткѣ исчерпать или хоть сколько-нибудь разобрать этотъ сложный вопросъ; мнѣ хочется лишь подѣлиться съ читателями однимъ замѣчательнымъ мнѣніемъ о Гёте, высказаннымъ болѣе 50 лѣтъ тому назадъ Карломъ Марксомъ *). Это мнѣніе, какъ мнѣ кажется, и для даннаго частнаго случая,

*) Въ 1846 г., извѣстный въ то время нѣмецкій соціалистъ Грюнъ издалъ книгу «Гёте съ *человѣческой* точки зрѣнія», въ которой отдѣльныя мѣста и цѣлыя произведенія Гёте толковалъ и комментировалъ въ соціалистическомъ смыслѣ. Эта несообразная книга вызвала Маркса на рядъ фельетоновъ, напечатанныхъ въ нѣмецкой «Брюссельской газетѣ» за 1847 г., издававшейся 2 раза въ недѣлю Адельбертомъ фонъ-Борнштедтомъ. Безпощадно критикуя и осмѣивая «человѣческую»

и для общаго вопроса объ искусствѣ *намѣчаетъ правильное рѣшеніе*; во всякомъ случаѣ, оно заслуживаетъ вниманія, какъ заявленіе одного изъ величайшихъ умовъ нашего вѣка о всеобъемлющемъ поэтическомъ геніи той же эпохи. Теперь врядъ ли можно, безъ спеціальной претензіи на оригинальность, т. е. безъ оригинальничанья, отрицать могучую силу художническаго генія Гёте; врядъ ли можно характеристикѣ Гёте, данной Бѣлинскимъ въ указанной статьѣ: «Гёте былъ духъ во всемъ жившій и все въ себѣ ощущавшій своимъ поэтическимъ ясновидѣніемъ .... Онъ многостороненъ какъ природа, которой такъ страстно сочувствовалъ, которую такъ горячо любилъ и которую такъ глубоко понималъ»,—врядъ ли этой характеристикѣ можно противопоставить съ разсчетомъ на успѣхъ несправедливо-желчные отзывы Берне:

«Гёте понималъ лишь то, что заключено во времени и пространствѣ, безконечность и вѣчное были ему недоступны... Гёте понималъ лишь то, что мертво, и потому онъ умерщвлялъ всякую жизнь, чтобы понять ее... Гёте былъ помѣшанъ на неподвижности и спокойное житіе (Bequemlichkeit) было его религіей. Онъ охотно пригвоздилъ бы время къ пространству. Это ему не удалось, но ему удалось задержать свой народъ, во время жизни и послѣ смерти; и если нѣмецкій народъ захочетъ достигнуть славы и счастья, онъ долженъ перейти черезъ трупъ Гёте».

Въ общемъ истина, конечно, на сторонѣ Бѣлинскаго, но и въ отзывахъ Берне, не смотря на всю чудовищность заключающейся въ нихъ эстетической оцѣнки, есть крупицы истины.

точку зрѣнія Грюна, вскрывая мелкобуржуазную подкладку и реакціонное значеніе этой, повидимому, отвлеченной точки зрѣнія, Марксъ попутно далъ приводимую ниже блестящую характеристику Гёте. Она даже на нѣмецкомъ языкѣ *нигдѣ* не была перепечатана и извѣстна лишь тѣмъ, кто видѣлъ и читалъ чрезвычайно рѣдкую «Брюссельскую газету», единственный извѣстный намъ экземпляръ которой сохранился въ библіотекѣ покойнаго Энгельса. Это изданіе въ 1847 г. являлось органомъ только-что вылившагося тогда въ стройную систему ученія Маркса, жившаго въ то время съ Энгельсомъ въ столицѣ Бельгіи. До смерти Фр. Энгельса съ «Брюссельской газетой» почти никто не былъ знакомъ. Съ переходомъ въ Берлинъ библіотеки Энгельса, какъ извѣстно, жившаго и умершаго въ Лондонѣ, содержаніе этой газеты стало болѣе доступнымъ. На критическіе фельетоны Маркса: «Deutscher Sozialismus in Versen und Prosa», содержащіе разборъ стихотвореній К. Бека и вышеназванной книги Грюна, первый въ 1896 г. обратилъ вниманіе Фр. Меритъ. Данное имъ обозрѣніе содержанія «Брюссельской газеты» было дополнено пишущимъ эти строки, сдѣлавшимъ попытку болѣе или менѣе точно установить, что въ газетѣ принадлежитъ Марксу и Энгельсу (см. Neue Zeit., XV, 1, № 12). Фельетоны о Бекѣ и Грюнѣ напечатаны въ №№ 73—74 и 93—98 «Brüsseler Zeitung».

Для тѣхъ, кто хотѣлъ бы ознакомиться съ литературной дѣятельностью Гёте въ ея цѣломъ или освѣжить въ своей памяти важнѣйшіе ея моменты и этапы, можно рекомендовать содержательную и легко написанную книгу *А. Шахова*: «Гете и его время. Лекціи по исторіи нѣмецкой литературы XVIII вѣка». Изд. 2-ое. Спб. 1897 г.

Бѣлинскій говорилъ, что Гёте былъ «неспособенъ предаться никакой односторонности, ни пристать ни къ какому исключительному ученію, системѣ, партіи». Это вѣрно, но не совсѣмъ.

Послушаемъ Маркса:

«Гёте въ своихъ произведеніяхъ обнаруживаетъ двойственное отношеніе къ нѣмецкому обществу своего времени. То онъ враждебенъ этому обществу; оно противно поэту и послѣдній стремится уйти отъ него,—мы видимъ это въ «Ифигеніи» и вообще во время итальянскаго путешествія; въ лицѣ «Геца», «Прометея» и «Фауста» онъ возстаетъ противъ нѣмецкаго общества, въ лицѣ Мефистофеля онъ обливаетъ его самой ѣдкой насмѣшкой. То, наоборотъ, онъ дружитъ съ этимъ обществомъ, мирится съ нимъ (schickt sich in sie),—это мы видимъ въ большинствѣ «Zahme Xenien» и во многихъ прозаическихъ произведеніяхъ; въ «Maskenzüge» онъ прославляетъ его, а во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ рѣчь идетъ о французской революціи, Гёте защищаетъ современное ему нѣмецкое общество отъ напирающаго на него историческаго движенія. Дѣло тутъ не въ томъ, что онъ признавалъ извѣстныя отдѣльныя стороны нѣмецкой жизни, а другія отрицалъ. Чаще всего мы видимъ, что Гёте переживалъ разныя настроенія: въ немъ самомъ происходила непрерывная борьба между геніальнымъ поэтомъ, которому убожество окружающей среды внушало отвращеніе, и степеннымъ сыномъ франкфуртскаго патриція, а потомъ веймарскимъ тайнымъ совѣтникомъ, который вынужденъ былъ идти на перемиріе съ этимъ убожествомъ и сживаться съ нимъ. Вотъ почему Гёте то колоссально-великъ, то мелоченъ, то непокорный, полный насмѣшки, презирающій міръ геній, то почтительный, всѣмъ довольный, узкій филистеръ. И Гёте не былъ въ силахъ побѣдить нѣмецкое убожество; наоборотъ, оно побѣдило его, и эта побѣда убожества надъ величайшимъ нѣмцемъ есть лучшее доказательство того, что нѣмецкое убожество не могло быть побѣждено «изнутри». Гёте былъ слишкомъ универсаленъ, слишкомъ активенъ по природѣ, слишкомъ—плоть, чтобы искать спасенія отъ убожества въ шиллеровскомъ бѣгствѣ подъ сѣнь кантовскаго идеала; онъ былъ слишкомъ проницателенъ, чтобы не видѣть, какъ это бѣгство сводилось въ концѣ концовъ къ замѣнѣ плоскаго убожества высокопарнымъ. Его темпераментъ, его силы, все направленіе его духа наталкивали его на дѣйствительную жизнь, а дѣйствительная жизнь, которую онъ встрѣчалъ, представляла нѣчто жалкое. Въ этой дилеммѣ—существовать въ жизненной сферѣ, которой онъ не могъ не презирать, и въ то же время быть прикованнымъ къ ней, какъ къ единственной, въ которой онъ могъ дѣйствовать—въ этой дилеммѣ Гёте находился все время. И чѣмъ старше становился могучій поэтъ, тѣмъ болѣе онъ, de guerre lasse, прятался за незначительнымъ веймарскимъ министромъ. Мы не ставимъ Гёте—à la Берне или Менцель—въ упрекъ, что онъ не былъ либераломъ, мы упрекаемъ его въ томъ, что онъ по временамъ могъ

быть и филистеромъ; не въ томъ онъ виноватъ, что не былъ способенъ проникнуться энтузіазмомъ къ нѣмецкой свободѣ, а въ томъ, что мѣщанскому страху передъ всякимъ реальнымъ и великимъ историческимъ движеніемъ онъ приносилъ въ жертву свое подчасъ вырывающееся здоровое эстетическое чувство; въ томъ, что онъ въ моментъ, когда Наполеонъ очищалъ великія Авгіевы конюшни Германіи, съ торжественной серьезностью могъ предаваться самымъ мизерно-мелкимъ дѣламъ и menus plaisirs одного изъ наиболѣе мизерно-мелкихъ нѣмецкихъ дворовъ. Вообще, если мы дѣлаемъ упреки, то не съ моральной и не съ партійной точки зрѣнія, а—самое большее—съ эстетической и исторической; мы не измѣряемъ Гёте ни моральнымъ, ни политическимъ, ни «человѣческимъ» масштабомъ».

Какъ видите, читатель, Марксъ упрекаетъ Гёте не въ политическомъ индифферентизмѣ, не требуетъ отъ него, чтобы онъ былъ либераленъ или радикаленъ Но онъ съ *эстетической* точки зрѣнія справедливо возмущается тѣмъ мелкимъ и пошлымъ консерватизмомъ, которымъ проникнуты, напр., драматическія произведенія Гёте, навѣянныя французской революціей, или нѣкоторыя его стихотворныя изреченія, которымъ было въ извѣстной мѣрѣ обезображено все его міросозерцаніе и изуродована его жизнь. Къ великому поэту онъ прилагаетъ чисто эстетическую мѣрку. Въ этомъ отношеніи глубокая противоположность между Марксомъ и Берне знаменательна и въ высшей степени характерна для обоихъ. Берне былъ «резонеръ», какъ выразился Бѣлинскій объ его менѣе славномъ врагѣ Менцелѣ, это былъ моралистъ-раціоналистъ. Спокойное созерцаніе красоты, художественной гармоніи и цѣлостности было ему недоступно. Его психическому складу была до послѣдней степени чужда объективность, необходимая для художественнаго наслажденія и эстетическаго пониманія. Какъ Прометей Зевса, такъ Берне вопрошалъ «великагоязычника» Гёте:

Ich dich ehren? wofür?
Hast du die Schmerzen gelindert
Je des Beladenen?
Hast du die Thränen Gestellet
Je des Geängstigteten? *)

Борецъ за свободу, который писалъ «не чернилами, а кровью своего сердца», Берне не жалѣлъ, что ему недоставало художнической объективности. У него было извѣстное презрѣніе и къ искусству, и къ объективности. Онъ даже не желалъ доказывать. «Доказывателей было и безъ того достаточно; я стремился двигать». И потому онъ обращался не къ умамъ, а къ сердцамъ.

---

*) Бывало-ль, чтобы скорбь ты утолилъ
Обремененнаго?
Когда ты слезы осушалъ
У угнетеннаго?
(Перев. М. Михайлова).

Этому психическому складу Марксъ, какъ писатель, представлялъ во многомъ прямую противоположность. Недаромъ Берне написалъ и произнесъ панегирикъ Жанъ-Поль-Рихтеру, котораго Марксъ считалъ «литературнымъ аптекаремъ». А генiй Гёте онъ умѣлъ цѣнить.

Въ великомъ поэтѣ такъ же, какъ въ Гегелѣ, было что-то родственное великому экономисту. Ширь и объективность духа общи имъ обоимъ, морализирующая тенденцiя и рацiоналистичность чужды до нельзя. Неудивительно, что любимыми писателями Маркса были Гёте, Шекспиръ и Бальзакъ, что Гейне онъ защищалъ отъ упрековъ въ безнравственности и безпринципности, а ближайшимъ поводомъ ссоры его съ Руге послужили нападки Руге на поэта Гервега за безпорядочный образъ жизни послѣдняго. Марксъ полагалъ, что къ поэтамъ не слѣдуетъ приставать съ моральными требованiями. «Iудейства», которое Гейне считалъ столь характернымъ для Берне и сущность котораго онъ видѣлъ въ «аскетическомъ, иконоборческомъ направленiи духа»,— въ Марксѣ не было ни грана. Скорѣе онъ былъ «эллинъ», съ «жизнерадостной, стремящейся низвергнуться и реалистической душой».

Научная дѣятельность Маркса шла въ разрѣзъ съ морализированiемъ и рацiонализмомъ и требовала объективнаго проникновенiя въ дѣйствительность. Какъ ни различны научная объективность и объективность художественная, въ психологическомъ отношенiи они представляютъ много общаго. Ни та, ни другая отнюдь не требуютъ моральнаго или политическаго индифферентизма, но они неразрывны съ признанiемъ относительной самостоятельности, въ одномъ случаѣ за научной мыслью, въ другомъ—за художественнымъ творчествомъ. Вотъ почему представитель научнаго объективизма Марксъ, который принималъ самое активное участiе въ общественно-исторической жизни своего времени, критиковалъ Гёте не съ моральной или политической, а съ эстетической точки зрѣнiя, не за индифферентизмъ, не за «олимпiйство», а за мелочность, филистерство.

Марксу жаль, что великiй поэтъ мельчалъ, приспособлялся и терялъ отъ этого свою прежнюю силу и свѣжесть. «Убожество побѣдило», говоритъ онъ съ эстетическимъ сожалѣнiемъ, но въ его словахъ нѣтъ ни намека на сожалѣнiе о томъ, что Гёте не отдалъ свой талантъ прямо на службу какимъ-нибудь политическимъ или моральнымъ идеямъ. Марксъ вѣрилъ въ историческую силу своихъ идей, но ему бы никогда не пришла и въ голову мысль крупному художественному таланту рекомендовать заняться популяризацiей естествознанiя или политической экономiи. Какъ ученикъ Гегеля, онъ сказалъ бы вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ: «поэзiя есть истина въ формѣ созерцанiя... поэтъ мыслитъ образами; онъ не доказываетъ истины, а показываетъ ее... Поэзiя не имѣетъ цѣли внѣ себя—она сама себѣ цѣль... поэтическiй образъ не есть что-нибудь внѣшнее для поэта, или второстепенное, не есть средство, но есть цѣль: въ противномъ случаѣ, онъ не былъ бы образомъ, а былъ бы симво-

ломъ». Эта точка зрѣнія одинаково далека и отъ того, чтобы сдѣлать поэзію пустой забавой празднаго и пресыщеннаго ума, и отъ того, чтобы ставить ее на запятки морали и политики. Она не рекомендуетъ изящной литературы безъидейности, но и не навязываетъ поэтическимъ произведеніямъ роли объяснительныхъ картинокъ къ тексту, который пишется политиками и моралистами. Послѣдніе къ тому же не творятъ исторіи, а лишь комментируютъ ее, то удачно, то неудачно. Между тѣмъ какъ поэзія всегда права,—они очень часто оказываются неправыми. Между тѣмъ какъ истинная поэзія всегда даетъ истину, хотя бы въ формѣ созерцанія, политика и мораль—по существу своему односторонни и узки и не могутъ не быть таковыми. Въ этомъ ихъ сила; но привитая поэзіи, эта сила становится слабостью. Поэтъ долженъ всегда, выражаясь словами Тургенева, «смотрѣть на свою задачу глазами поэта», т. е. тѣми глазами, которые умѣютъ ловить образы и краски.

Такова, думается мнѣ, была эстетическая точка зрѣнія Маркса. Съ этой точки зрѣнія можно съ особеннымъ ударенiемъ настаивать на томъ, что «поклоненіе Пушкину ни къ чему не обязываетъ», можно наслаждаться поэзіей Майкова и находить эстетически нестерпимой его стихотворную реторику. Это значитъ, что произведенія искусства подлежатъ эстетической оцѣнкѣ. Это вовсе однако не значитъ, что всѣ другія стороны человѣческой жизни можно было бы поставить на службу эстетикѣ. Художникъ имѣетъ право на извѣстную независимость, хотя не надо забывать, что чѣмъ шире его умственный взоръ, тѣмъ больше уловятъ его глаза. Но полновластье искусства, подчиненіе ему всѣхъ прочихъ сферъ жизни, есть не крайность только, а извращеніе человѣческой природы и покушеніе на всестороннее развитіе человѣческаго духа.

Петръ Струве.

НА НОЧЛЕГѢ.

(Набросокъ).

Короткій зимній день подходилъ къ концу. Потянулись темныя тѣни, выросъ точно оголенный лѣсъ, бѣлымъ снѣгомъ занесенныя поля стали еще сиротливѣе, еше неуютнѣе.

Я въ послѣдній разъ пригнулся къ трубѣ теодолита, но уже ничего не было видно. Рабочіе лѣниво ждали обычнаго приказанія.

— Баста!

Складываютъ геодезическіе инструменты, топоры, побѣжали за санями.

Я и мой помощникъ совѣщаемся, гдѣ ночевать намъ. Рѣшаемъ ночевать въ только-что пройденномъ поселкѣ.

Въ Ярославской губерніи почти въ каждой деревнѣ вы встрѣтите нѣсколько богатыхъ домовъ, владѣльцы которыхъ—разнаго рода подрядчики (маляры, столяры)—живутъ сами съ семьей въ Питерѣ, а домà оставляютъ на какую-нибудь старую родственницу. Дома хорошіе, двухъ-этажные, родственница живетъ гдѣ-нибудь въ подвалѣ, въ кануркѣ и на совѣсть стережетъ хозяйское добро. Добро оригинальное и разностороннее: какой-нибудь старинный подсвѣчникъ или рѣдкіе бронзовые часы рядомъ съ самодѣльнымъ диваномъ; какая-нибудь ненужная здѣсь изъ богатаго дома бездѣлушка и громадная, половину комнаты занимающая, печь. Все это достаточно некрасиво, безвкусно, ярко и неуютно. И все на показъ.

На ночевку впускаютъ охотно, не хотятъ рядиться съ вечера, а утромъ требуютъ столько, сколько постѣснились бы попросить даже въ столичной гостинницѣ.

Но въ выбранномъ нами поселкѣ ни одного такого дома не оказалось. Мы за день достаточно продрогли и потому, не теряя времени, остановились передъ первой, ничѣмъ не лучше, не хуже другихъ, старенькой избой.

Мы вошли въ нее. Посреди избы стоялъ прядильный станокъ,—

онъ работалъ, шумѣлъ, и во всѣ стороны разлеталась отъ него пыль. Крупныя частицы ея тутъ же опускались на полъ, на столъ и скамьи, на платье, а мелкая такъ и стояла въ воздухѣ, погружая избу, не смотря на горѣвшую лампочку, въ удушливый полумракъ.

Казалось сперва, что въ избѣ никого не было.

Но на вопросъ:

— А что, можно у васъ переночевать?—

Поднялись сразу нѣсколько фигуръ, и маленькій корявый крестьянинъ спросилъ, бодрясь:

— А вы чьи?

— Мы изысканія дѣлаемъ: линію наводимъ.

Этого было достачно.

Крестьянинъ, успокоенный, скрывая даже удовольствіе, отвѣтилъ съ напускнымъ равнодушіемъ:

— Что жъ? Милости просимъ... Самовара только нѣтъ... Окромя писаря, и во всей деревнѣ нѣтъ.

— А попросить у писаря?

Крестьянинъ почесалъ затылокъ, подумалъ, опять почесалъ и рѣшительно проговорилъ:

— Не пойду!!

— Чего не пойдешь?—спросила спокойно, въ упоръ, пожилая изможденная высокая женщина, оставляя работу у станка.

И, помолчавъ немного, она бросила мужу укоризненное восклицаніе и начала торопливо натягивать на себя тулупъ.

Въ дверяхъ, накидывая уже платокъ, она бросила намъ:

— Будетъ самоваръ!—и исчезла.

Мы раздѣлись, внесли наши вещи, достали свѣчи, хлѣбъ, закуски и, присѣвъ за столъ, принялись за свой обѣдъ

За день ходьбы аппетитъ нагуливается хорошій и, хотя и мерзлое, мы ѣдимъ, усердно жуемъ, глотаемъ и въ то же время знакомимся съ окружающимъ.

Корявый крестьянинъ—глава—оставался и при болѣе яркомъ освѣщеніи все такимъ же корявымъ.

Всклокоченный и напряженный, онъ напоминалъ собой загнаннаго пѣтуха, совершенно помятаго, но готоваго, несмотря на это, отстаивать и дальше свою позицію.

Эта взвинченность—явленіе заурядное въ теперешней обстановкѣ деревни: нужда лѣзетъ во всѣ щели, и въ конецъ обезцѣненной работой не заткнуть этихъ щелей.

Старшая дочь сѣла за станокъ. Такое же испитое, зелено-желтое лицо.

Остальные обитатели одинъ другого меньше, до пятилѣтняго, и у всѣхъ тотъ же болѣзненный, изнуренный видъ.

впечатлѣніе какого-то походнаго, гдѣ-нибудь на войнѣ, лазарета выздоравливающихъ тифозныхъ.

Еще бы: такой ужасный воздухъ!

— Зачѣмъ вы этотъ станокъ въ избѣ держите?

— А куда же его?

— Въ пристрой.

— Пристрой—построй!—обидчиво бросилъ хозяинъ и завозился съ такимъ рѣшительнымъ видомъ надъ кускомъ кожи, что я на время оставилъ его въ покоѣ.

Онъ заговорилъ самъ нехотя и раздраженно:

— Въ этой не знаю какъ усидѣть, — того и гляди свалить велятъ...

— Кто?

— Кто? Міръ... Вишь, не по планту изба, а что такое не по планту? Только и всего, что мѣсто приглянулось, у кого мошна потуже... Тебѣ ни строить, ни чинить не даютъ: какъ развалится—уходи.

Хозяинъ нервно хватается руками и опять складываетъ ихъ.

— Да, вотъ такъ и уйду: ночью и выхожу на починку, такъ и тянемъ... Да, вотъ такъ и ушелъ тебѣ: не бойсь!

Хозяинъ жаловался на міръ, порядки, а я слушалъ.

Кто знакомъ съ деревней, тотъ знакомъ съ такого рода жалобами. И нельзя не признать основательности такихъ жалобъ, конечно. Я сижу и вспоминаю.

Человѣкъ двадцать лѣтъ платилъ выкупные за надѣлъ: умеръ— и семья его нищая. Съ вдовы міръ торопится сорвать все, что можетъ, и пускаетъ по міру и ее, и дѣтей. Когда дѣти выростутъ (только мальчики), они сядутъ опять на землю, но до тѣхъ поръ они могутъ и умереть съ голоду.

Страховку фабричнаго получитъ семья; состояніе въ остальныхъ сословіяхъ — частная собственность; только крестьяне лишены ее. Неравенство, въ сравненіи съ другими, говорящее громко за себя. Игнорировать его—грѣхъ, и тяжелый.

Это примѣръ изъ имущественныхъ отношеній. Я не говорю ужъ о круговой порукѣ. Не лучше живется въ деревнѣ и въ другихъ отношеніяхъ. Мальчикъ, пастухъ, научился грамотѣ, сдѣлался миссіонеромъ и сдалъ, наконецъ, экзаменъ на священника.

Кто знаетъ деревню, тотъ знаетъ, какую страшную волю нужно, чтобы въ глухой, безъ школы, деревушкѣ продѣлать все это.

Трудъ Ломоносова блѣднѣетъ передъ этимъ трудомъ.

Я зналъ этого человѣка. Сколько стадной ненависти встрѣтилъ онъ на своемъ пути.

— А, ты умнѣе отцовъ хочешь быть?! Врешь, не будешь!

И добились своего: не пустили въ попы—шестьсотъ рублей недоимки насчитали на его семью.

— Уплати, тогда и иди.

Уплатить было нечѣмъ, и теперь этотъ, выдержавшій на попа, пьетъ горькую, валяется по кабакамъ, а деревенская мораль, въ лицѣ своихъ представителей, показываетъ на негоднаго пьяницу:

— Хотѣлъ умнѣе насъ быть!

Станокъ стучитъ однообразно и мѣрно, летитъ пыль, дѣвушка раскорякой сидитъ, работаетъ ногами, высоко поднявъ ихъ и перегибаясь то въ ту, то въ другую сторону, то и дѣло бросая челнокъ. Сколько быстрыхъ движеній и какихъ разнообразныхъ и неудобныхъ: одна нога такъ, другая иначе, перегнулась въ одну сторону, что-то дѣлаетъ рукой, а другой, неудобно занесенной, ловитъ челнокъ.

И все это быстро, быстро.

— И дѣти работаютъ?

— Какъ же можно дѣтямъ? Только эти трое.

Хозяинъ показалъ на трехъ дѣвушекъ.

— Этой сколько?—спросилъ я, указывая на младшую.

— Тлинадцатый,—бойко отвѣтила бѣлокурая съ рыбьимъ некрасивымъ лицомъ дѣвочка.

— Такъ что жъ,—огрызнулся хозяинъ,— въ невѣсты глядитъ.

Стукъ утомлялъ, пыль раздражала.

— А когда вы кончаете работу?

— Никогда и не кончаемъ.

— Какъ! День и ночь?

— Вѣдь дежурятъ: ихъ съ матерью четыре смѣны.

Дверь отворилась, клубы морознаго пара задвигались по избѣ, а за ними показалась и хозяйка съ самоваромъ подъ мышкой.

— Дали?—усмѣхнулся вдругъ повеселѣвшій хозяинъ.

— Ну, вотъ и чайку напьемся,—сказалъ я.

Хозяйка принялась ставить самоваръ, а хозяинъ вышелъ во дворъ.

— Для кого вы ткете?

— На фабрику, купцу,—отвѣтила хозяйка.

— Много зарабатываете?

Хозяйка не сразу отвѣтила.

— Полтора рубля въ недѣлю.

— Это сколько же въ день? Въ воскресенье не работаете?

— Въ праздникъ дѣвушки на себя работаютъ.

— Въ сутки, значитъ, двадцать пять копѣекъ, по копѣйкѣ за часъ?

— Этакъ.

— На работника по шести копѣекъ.

— А привезти, да отвезти пряжу? Еще два дня съ мужикомъ да лошадью прикинь.

— И тяжелая работа?

— Нѣтъ ея тяжелѣе.

— А воздухъ какой? Отъ него вѣдь недолго проживешь на бѣломъ свѣтѣ.

— Вотъ въ Абрамовскомъ самъ купецъ особый домъ выстроилъ,—у всякаго свой становъ... Тамъ хорошо... И челночекъ самолетъ устроилъ: самъ челночекъ перепрыгиваетъ, а здѣсь видишь какъ—изломаться пять разъ на минуту всѣмъ тѣломъ надо... И проворная работа: въ три раза скорѣе противъ нашей.

— Что жъ у себя не заведете такого самолета?

— Гдѣ завести? Десять рублей такой челнокъ стоитъ — гдѣ ихъ взять?

— Десять рублей? А сколько лѣтъ работаетъ уже самолетъ?

— Лѣтъ сорокъ работаетъ.

— А вы давно работаете?

— Я-то?

У нея умное длинное бѣлобрысое лицо. Она поднялась отъ самовара, спрятала руки подъ мышки и съ удовольствіемъ вспоминаетъ.

— Тридцать второй годъ.

Она опять быстро наклоняется къ самовару, и я снова вижу только ея костлявую длинную спину въ грязномъ сарафанѣ.

Я начинаю подсчитывать.

— Челнокъ-самолетъ въ три раза быстрѣе: въ недѣлю на три рубля больше... въ мѣсяцъ двѣнадцать рублей, въ годъ сто сорокъ четыре. Въ тридцать лѣтъ 4.500 руб. Въ пятнадцать лѣтъ капиталъ удваивается—и того до девяти тысячъ рублей сбереженія.

Я совершенно ошеломленъ и дѣлюсь впечатлѣніемъ съ хозяйкой.

Она бросила совсѣмъ самоваръ, подсаживается ко мнѣ и начинается повѣрка моихъ выясненій. Мы по нѣсколько разъ возвращались назадъ, она впилась въ меня и, когда, наконецъ, снова получается девять тысячъ сбереженія, она замираетъ и такъ и сидитъ недоумѣвающая, огорченная.

— У васъ была бы такая пенсія, такое состояніе...

Она напряженно думала и вдругъ, вставъ, равнодушно сказала:

— Суета безкорыстная...

— Какъ вы сказали?

— Говорю: суета безкорыстная вся наша работа.

Она отошла къ самовару и то разсѣянно, то убѣжденно все повторяла:

— Суета безкорыстная.

Хорошее выраженіе.

А отъ станка все такъ же несется пыль, забиваясь плотнѣе въ углы старой избы, и въ грохотѣ и стукѣ его, точно эхо, по слогамъ кто-то повторяетъ въ душной смрадной избѣ:

— Суета, суета, суета.

Напились мы чаю, угостили хозяевъ и залегли спать.

Что-то снилось мнѣ душное, тяжелое, кошмарное, и всякій разъ, когда я просыпался, я все слышалъ чье-то неумолкающее, надорванное и долбящее:

— Суета, суета, суета.

Съ разсвѣтомъ мы покинули избу въ тотъ моментъ, когда за станокъ усаживалась новая заспанная очередная, и уже за окнами я все еще слышалъ знакомое:

— Суета, суета, суета.

И долго еще я не могъ отдѣлаться отъ мысли и объ этомъ станкѣ, сорокъ лѣтъ тому назадъ выдуманномъ, съ его стоимостью въ десять рублей, и объ этой семьѣ, пристегнутой еще къ деревнѣ и уже тяжело и грубо отрываемой отъ нея иной жизнью.

Н. Гаринъ.

ИЗЪ ПРИЗНАНІЙ.

I.

Нѣтъ, еще мало страдалъ я во имя свободы и свѣта,
Я недостоинъ, о братья, святаго названья поэта!
Истинно-божій пѣвецъ, одаренный любовью,
Скорбью рожденный людской и крещенный изгнаньемъ,
Каждую пѣснь покупаетъ страданьемъ,
Славу же—кровью!..

II.

Нѣтъ, мой другъ дорогой, не проси у меня
Больше пѣсенъ! На нихъ, будто, клятва лежитъ:
Скучны будутъ ихъ звуки въ сіяніи дня,
А теперь, въ эту ночь, буря ихъ заглушитъ.
Ахъ! не яснаго утра румяной зарей
Вышелъ съ музой моей я на жизненный путь:
Громъ надъ нами гремѣлъ, и во тьмѣ гробовой
Было жутко глядѣть, было трудно вздохнуть!
Рано душу зажегъ безпокойный недугъ,
Рано въ бурный потокъ насъ волна увлекла,
И лишь раненыхъ стонъ да оружія звукъ
Воспѣвать наша лира могла...

Но хотѣлось бы мнѣ, чтобы стихъ мой упалъ
Въ души чуткія, струны живыя задѣвъ.
И когда бы гнетущій кошмаръ миновалъ,
И веселаго утра раздался напѣвъ,
И невзгоды бы всѣ этой мрачной грозы
Захотѣли грядущимъ вѣкамъ разсказать,—
Чтобы въ книгу печалей и нашей слезы
Не забыли вписать!..

П. Я.

ПАРУСЪ.

(Картинка голландской прибрежной жизни).

Анны Коэнъ Стуартъ *).

Переводъ съ голландскаго **Екатерины Половцовой.**

Крейнъ стащилъ съ лодки первую попавшуюся корзину съ рыбой и понесъ ее на берегъ. Замѣтивъ это, дѣти Гармена, не говоря ни слова, только переглянулись между собой, какъ бы желая сказать другъ другу: «а ну-ка и мы!» и, по взаимному молчаливому соглашенію, засучивъ штанишки выше колѣнъ, быстро понеслись по водѣ, подобно чайкамъ.

Веселые ребятишки были дѣтьми покойнаго Гармена, участвовавшаго въ прошедшемъ году въ спасеніи англійскаго судна во время бури и потонувшаго вмѣстѣ со всѣми другими несчастными, тамъ находившимися.

Шлепая по водѣ въ припрыжку и стараясь улизнуть отъ каждой вновь прибивавшейся волны, дѣти, добѣжавъ до лодки, быстро нахватали рыбы, кто сколько могъ, и вэапуски понеслись обратно къ берегу; здѣсь они стремительно выбросили рыбу на песокъ и вновь побѣжали за добычей.

Красныя щеки, загорѣлыя руки и веселые глаза были у дѣтей покойнаго Гармена.

Питеръ, Клартье, Тейнъ и Ми быстро раскладывали рыбу по кучкамъ, въ то время какъ Диркъ отчаянно звонилъ, сзывая народъ. Это значило, что сейчасъ начнется на берегу публичный торгъ рыбой.

---

*) Анна Коэнъ Стуартъ—голландская писательница, начавшая свою литературную дѣятельность нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пользуется въ настоящее время большой популярностью въ Голландіи. Она пишетъ преимущественно новеллы и небольшіе разсказы, отличающіеся какъ необыкновенной простотой и жизненной правдивостью, такъ и изяществомъ формы. Особенно извѣстны ея книги: «Маленькіе наброски» и «Наброски и новеллы». Извѣстный разсказъ ея «Пудель» («Does»), былъ премированъ «Обществомъ поощренія животныхъ». Предлагаемый здѣсь разсказъ «Парусъ» ('t zeil), былъ по выходѣ своемъ въ 1891 г. въ свѣтъ вскорѣ зачисленъ въ книги «Библіотеки для слѣпыхъ».

Весело сбѣгались со всѣхъ сторонъ люди, таща въ рукахъ корзины и деревянныя лоханки. Всѣ смѣялись и шутили, подгоняя другъ друга. Къ вечеру рыба, пожалуй, можетъ заснуть, а сейчасъ она въ самомъ прекрасномъ видѣ.

Япиксъ медленно прохаживался по дюнамъ. Да и почему бы ему не прохаживаться? Онъ уже записался на судно, получилъ разсчетный листъ, покончилъ со всѣми своими спѣшными дѣлами и завтра долженъ выйти въ открытое море. Онъ чувствовалъ себя бодро, весело и спокойно!

Тотъ, кому приходилось когда-либо подниматься на верхушки дюнъ, знаетъ, до какой степени при подобномъ поднятіи расширяется передъ глазами горизонтъ, а вмѣстѣ съ этимъ растетъ и видимое пространство, занимаемое землей; большія обработанныя поля кажутся маленькими, а высокія башни совсѣмъ низкими. Стоя здѣсь, не хочется вѣрить, чтобы люди могли спорить изъ-за бо́льшаго или мѐньшаго куска земли, часто изъ-за какого-нибудь ничтожнаго клочка. Особенно бросается это въ глаза при видѣ того крохотнаго пространства, которое покрываетъ собою тѣнь, падающая отъ облака на землю.

И какъ далеко видно съ верхушекъ дюнъ! Совсѣмъ передъ глазами торчатъ цѣлые ряды песчаныхъ холмиковъ дюнъ, за ними тянутся рощи и виноградники, далѣе—по обѣимъ сторонамъ канала обработанныя поля, а еще дальше, за плотиной, виднѣются крылья вѣтреныхъ мельницъ, неустанно работающихъ для осушенія мѣстности; совсѣмъ вдали, въ легкой синей дымкѣ, чуть вырисовывается городъ, а тамъ... далеко, далеко въ сѣроватой мглѣ виднѣется осушенное озеро.

Возможно ли, чтобы любой морякъ при видѣ подобной картины не сталъ бы смотрѣть на нее глазами моряка, не мѣрилъ бы разстояній на свой глазомѣръ и не искалъ бы на сушѣ зеркальной поверхности родного моря?

Такъ было и съ Япиксомъ. Пространство, открывшееся передъ его глазами, было далеко не маленькое. Что лежитъ за всѣмъ этимъ, дальше, Япиксъ, конечно, не зналъ; да и во всю свою жизнь онъ не слыхалъ ни про кого, кто бы прошелъ это пространство пѣшкомъ. По собственнымъ же его разсчетамъ—при хорошемъ попутномъ вѣтрѣ, да при крѣпкихъ снастяхъ, можно, пожалуй, пройти его въ одинъ день. Когда бы все это пространство было бы однимъ сплошнымъ моремъ, какъ прежде, тогда... о, тогда это была бы сущая бездѣлица!

И молодой рыбакъ, полуобернувшись къ дюнамъ, сталъ смотрѣть въ противоположную сторону, по направленію къ морю. Его взорамъ представилась другая картина.

Море не лежало спокойно, подобно сушѣ. Это было нѣчто совсѣмъ другое! Море волновалось, море звучало, море...

Япиксъ повернулся къ нему совсѣмъ и съ наслажденіемъ втянулъ въ себя морской воздухъ; отъ моря вѣяло прохладой, здоровьемъ и силой.

Тамъ, далеко на горизонтѣ, бѣлѣлъ парусъ, а налѣво виднѣлись два

рыбачьихъ небольшихъ судна; оттуда же, съ сѣвера, доносился запахъ пароходнаго дыма. Ни церквей, ни башенъ, ни домовъ, ни человѣческой суеты и сутолоки—ничего этого на морѣ не было.

То-то велика должна бы быть мельница, которая осушала бы такое море!

Япиксъ оглянулся вдоль берега; насколько глазъ хваталъ, тянулись дюны, одна сплошная, огромная естественная плотина — дѣло рукъ Божьихъ. Кабы не это, то-то мученій натерпѣлись бы люди, устраивая свои плотины!

Замѣтивъ сверху народъ, толпившійся на берегу, и услыхавъ знакомый звонъ, служившій призывомъ къ торгамъ рыбой, Япиксъ, будучи роднымъ сыномъ своего народа, конечно, захотѣлъ лишній разъ поглазѣть на давно знакомое ему зрѣлище, а потому, не долго размышляя, спустился съ дюны, избралъ ближайшую дорогу наискось и медленно пошелъ по берегу къ тому мѣсту, гдѣ происходили торги.

Приливъ только что начался, вода быстро поднималась выше и выше и постоянно заливала Япиксовы большіе рыбачьи сапоги. Навѣрно шестнадцатая волна задѣнетъ вонъ ту корзину, пока еще цѣликомъ лежащую на сухомъ мѣстѣ!

Япиксъ поглядѣлъ на море и снисходительно улыбнулся на встрѣчу разстилавшейся волнѣ. Этому здоровенному молодцу, похожему на крѣпкое молодое дерево, забавнымъ казались нѣжно плескавшія у его ногъ волны, ласкавшіяся и заигрывавшія съ нимъ, подобно молодому котенку. Не легкому вѣтерку, а сильной бурѣ нужно вступить съ Япиксомъ въ бой, чтобы у него захватило духъ!

И молодой герой увѣренно и твердо ступалъ по песку, давилъ валявшіяся по всему берегу въ огромномъ количествѣ мелкія ракушки, трещавшія подъ его тяжелыми сапогами, и съ удовольствіемъ прислушивался къ треску, каждый разъ вновь наступавшему вслѣдъ за разрушительнымъ нажиманіемъ его громадныхъ ногъ.

Вдругъ Япиксъ сдѣлалъ шагъ въ сторону. Онъ замѣтилъ на пескѣ что-то такое, что сразу вывело его изъ прежняго настроенія. Яркая краска выступила на его загорѣломъ обвѣтренномъ лицѣ и, готовое было сорваться съ его языка проклятіе, замерло на полусловѣ. На сыромъ пескѣ онъ увидѣлъ свѣжій слѣдъ босой ноги... и, представьте себѣ—вѣдь это часто бываетъ въ такихъ случаяхъ — Япиксу захотѣлось стереть этотъ предательскій слѣдъ.

Повидимому, босыя ножки въ этомъ мѣстѣ только быстро пробѣжали, но не остановились. Дѣйствительно, вслѣдъ за однимъ Япиксъ замѣтилъ еще цѣлый рядъ такихъ же маленькихъ слѣдовъ. О, какъ милы показались они ему!—милы, подобно безпредѣльному морю, подобно свѣтлому солнцу на небѣ.

Конечно, всѣ люди молодые, а Япиксъ былъ еще очень молодъ, способны на все великое и возвышенное — всѣмъ намъ это давно из-

вѣстно съ дѣтства, но не надо забывать также, что живой слѣдъ маленькой босой женской ножки всегда, во всѣ времена могъ и можетъ любого изъ мужчинъ заставить *потерять курсъ*. Япиксъ былъ похожъ въ этомъ отношеніи на всѣхъ остальныхъ, а потому не удивительно, что онъ живо заинтересовался свѣжими слѣдами и сталъ ихъ внимательно разсматривать.

Глубокая ямка въ сыромъ пескѣ — это несомнѣнно пятка, затѣмъ маленькое возвышеніе, соотвѣтствующее изгибу передъ пястьемъ ноги, дальше опять болѣе глубокая ямка—это большой палецъ и, наконецъ, едва замѣтно, одинъ, два, тр......, да, три, четыре, пять маленькихъ ямочекъ—слѣды пальцевъ. О, Боже! что за чудная босая ножка!

Боязливо оглядываясь, хотя рѣшительно никто за нимъ не подсматривалъ, Япиксъ сталъ прилаживать свою неуклюжую ногу къ свѣжему слѣду. Господи помилуй! что это была за ножища: маленькій слѣдъ равнялся всего половинѣ его огромной ступни. Онъ съ досадой отшвырнулъ ногой принесенное волной и попавшееся подъ ногу мягкотѣлое.

Япиксъ попробовалъ было на ходу равномѣрно наступать на каждый слѣдъ. Сперва это ему плохо удавалось, потомъ дѣло пошло лучше, хотя было все-таки трудновато сдерживать свои огромные шаги, затѣмъ онъ сталъ попадать ногой каждый разъ только возлѣ слѣда, а не на самый слѣдъ и, наконецъ, просто пустился бѣжать рядомъ съ оставленными на пескѣ слѣдами.

Япиксъ способенъ многое въ жизни перенести, въ этомъ онъ былъ убѣжденъ, но свободу свою онъ никому бы не уступилъ и ни одинъ человѣкъ не рискнулъ бы, кажется, встать ему поперекъ дороги.

Какъ бы вы думали, кто же стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ кончался слѣдъ? Конечно, кто же иной, какъ не Гёрте.

Гёрте смѣялась и ея бѣлые зубы при сравненіи съ пурпуровыми губками и раскраснѣвшимися загорѣлыми щеками, казалось, выдѣлялись въ этотъ разъ своей бѣлизной болѣе обыкновеннаго, а глаза свѣтились подобно двумъ маленькимъ звѣздочкамъ.

Да, несомнѣнно прекрасно было серьезное выраженіе красиваго, съ правильными чертами лица вдовы, одиноко стоявшей возлѣ своихъ пяти малютокъ, изъ которыхъ ей предстояло выработать пятерыхъ честныхъ людей; прекрасна была улыбка молодой матери, державшей младенца у своей груди; прекрасенъ довѣрчивый взглядъ невѣсты, смотрѣвшей въ глаза своему жениху, но много, много прекраснѣе всего этого, на взглядъ Япикса, было постоянно мѣнявшееся выраженіе серьезности и веселья не открытомъ, бодро глядѣвшемъ на встрѣчу жизни, молодомъ лицѣ дѣвушки, непринужденно и чистосердечно смотрѣвшей на всѣхъ ее окружавшихъ. Болѣе прекраснаго существа, нежели Гёрте, не могло существовать. Это было бы прямо невозможно. Понятно, Япиксъ ни на минуту не раскаявался въ томъ, что оставилъ дюны и прибѣжалъ на торги. Правда, разговаривать съ Гёрте ему не пришлось, но все же и

на его долю выпало счастье нести одну изъ корзинъ съ рыбой въ деревню вмѣстѣ съ ней...

Былъ вечеръ. Япиксъ давно уже лежалъ на верхушкѣ одной изъ дюнъ и смотрѣлъ на заходящее солнце. Это случалось съ нимъ очень рѣдко,—для такого спокойнаго занятія у него обыкновенно не хватало времени. Послѣдніе косые лучи заходящаго солнца ложились длинными полосами по слегка бороздившейся поверхности неспокойнаго моря. Завтра вечеромъ, въ это время, думалось Япиксу, онъ будетъ уже въ открытомъ морѣ и, вѣроятно, берегъ скроется уже изъ виду. И, закрывъ глаза, онъ совершенно ясно представилъ себѣ качку и волнующееся море; ему даже уже начинало казаться, что онъ слегка покачивается на мягкихъ волнахъ. Убаюканный чудной музыкой вѣчно шумящихъ волнъ, онъ закрылъ глаза. Заснуть? Нѣтъ, заснуть онъ былъ не въ состояніи. Въ его воображеніи неотвязно и отчетливо рисовалась, освѣщенная всевозможными радужными цвѣтами, пара маленькихъ свѣжихъ слѣдовъ босой ножки на сыромъ пескѣ. Даже чудный солнечный блескъ, на который онъ передъ тѣмъ какъ закрыть глаза долго, долго смотрѣлъ, и тотъ не въ состояніи былъ затмить этотъ чудный образъ.

Япиксъ лежалъ до тѣхъ поръ, пока надъ дюнами не показалась луна. Заснуть онъ рѣшительно не могъ, а потому, собравшись наконецъ, съ духомъ, онъ всталъ, чтобы уйти. Да и чего было бы ему еще смотрѣть на солнце, луну или на небо?! На его собственномъ горизонтѣ всходило и горѣло чудное, блестящее, яркое свѣтило...

Гёрте, Гёрте... неотвязно гудѣло волшебное море ему вслѣдъ. Это стало наконецъ невыносимымъ... Гёрте, Гёрте, Гёрте — тикали дома стѣнные часы. И что же дѣлать человѣку въ самомъ дѣлѣ, когда весь міръ кругомъ полонъ Гёрте? Когда со всѣхъ сторонъ доносится до ушей только одно это имя? Можно ли требовать въ такомъ случаѣ, чтобы человѣкъ выкинулъ его изъ головы? Начать болтать объ этомъ съ другими? Разсказывать? Да развѣ это поможетъ?

Япиксъ не спалъ въ эту ночь ни одной минуты. Ворочаясь съ боку на бокъ, онъ промечталъ о томъ, о семъ, и еще о многомъ другомъ— всего и не пересказать!..

Вчера старикъ-морякъ, парусный мастеръ, возвращая заплатанный парусъ изъ починки, сказалъ ему: «Помни, Япиксъ, парусъ надо всегда передъ дорогой хорошенько осмотрѣть со всѣхъ сторонъ. Вѣрь мнѣ, старику, и моей опытности! Если чего не усмотришь во-время—наплачешься потомъ на морѣ». Япиксъ, хотя и намоталъ себѣ на усъ это важное правило, но понятно и даже болѣе чѣмъ естественно, что вчера изъ-за торговъ и еще изъ-за многаго другого, онъ не нашелъ для этого подходящаго времени; а потому рѣшилъ это сдѣлать теперь же, рано утромъ, еще прежде чѣмъ на берегу появится народъ.

Япиксъ пошелъ въ сарай, взвалилъ парусъ на ручную тачку и покатилъ ее по дорогѣ къ морю, внизъ. Не доѣзжая до берега, онъ

свернулъ влѣво, и съ разбѣга вкатилъ тачку на ближайшую дюну. Затѣмъ онъ стащилъ свернутый парусъ на землю, распустилъ веревки, связывавшія его и принялся его раскатывать. Для этого ему пришлось быстро сбѣжать съ горки внизъ. Растягивая на ходу парусъ вправо и влѣво, онъ внимательно разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ. Разложенный такимъ образомъ парусъ, право ни что иное, какъ громаднѣйшая тряпка!

Беря поочередно углы паруса въ руки и оттаскивая ихъ отъ средины къ краямъ, Япиксъ долженъ былъ совершить по склону дюны цѣлое путешествіе, прежде чѣмъ развернуть весь парусъ. Не успѣлъ онъ еще окончить своей работы, какъ увидѣлъ снизу проходившую по верхушкѣ дюны Гёрте. Вотъ досадно-то ему стало, что онъ стоялъ внизу! А тутъ еще какъ на грѣхъ парусъ такъ ужасно великъ!

— Эй! Эй! Здравствуй, Гёрте!—крикнулъ онъ ей, поднося обѣ руки ко рту.

Гёрте посмотрѣла внизъ, улыбнулась, и въ свою очередь крикнула:

— Здравствуй, Япиксъ!

Смѣривъ добродушнымъ взглядомъ разстояніе раздѣлявшее ихъ, она, слегка поддразнивая его, прибавила:

— Скажи-ка чего ты тамъ ищешь? Или стежки считаешь?

Япиксъ не отвѣчалъ. Онъ пристально смотрѣлъ вверхъ. Сѣровато-голубое небо, солнечные лучи, подобно прозрачному золоту на желтоватомъ пескѣ дюнъ, воздушныя, легкія очертанія облаковъ — и среди этихъ нѣжныхъ тоновъ фигура Гёрте съ раскраснѣвшимися щеками, свѣтлымъ взглядомъ и смѣющимся ртомъ! Свѣжій утренній вѣтерокъ выбилъ изъ подъ ея бѣлой шапочки короткіе бѣлокурые вьющіеся волосы, Япиксъ видѣлъ въ церкви святыхъ со свѣтлымъ ореоломъ вокругъ головы и это, казалось ему, такъ шло къ нимъ. Гёрте— не святая, но въ глазахъ Япикса она была окружена, конечно, еще большимъ ореоломъ: она соединяла въ себѣ небесный свѣтъ и земную прелесть. Неужели онъ дурно поступалъ, если молился на нее въ эту минуту? Вѣдь не можетъ же быть, чтобы она была создана столь прекрасной такъ, ни для чего и ни для кого? Нѣтъ, нѣтъ—предполагать это было бы прямо грѣшно. Несомнѣнно, существовала высшая цѣль при созданіи такого чуднаго творенія!

Погруженный въ свои думы, Япиксъ снялъ съ головы шапку.

— Чего жъ ты стоишь? Или ужъ помочь тебѣ, что-ли?—послышался сверху вопросъ, сказанный вызывающимъ тономъ. Гёрте подошла ближе.

— Помоги,—отвѣчалъ Япиксъ, опускаясь на колѣни и дѣлая видъ, что разсматриваетъ парусъ.

— А, небось, это понимаешь! разслышалъ!—сказала Гёрте.

— Иди сюда, а нѣтъ—такъ я и самъ доберусь до тебя,—пригрозилъ ей Япиксъ.

*

— Ну, смотри, не очень-то ротъ разѣвай,—шутила дѣвушка,—пока ты до меня доберешься, мой и слѣдъ то простынетъ!

— А что жъ? Попробовать, что-ли?

— Ладно, попробуй-ка—смѣло отвѣтила Гёрте, и, смѣясь, встала, какъ бы приготовляясь бѣжать. Япиксъ, конечно, не могъ ее поймать,—въ этомъ она была твердо увѣрена. Онъ думалъ то-же самое, хотя вовсе и не собирался бѣжать. А хорошо бы какъ-нибудь теперь добраться до нея! Въ одинъ мигъ, не долго думая, онъ упалъ впередъ на парусъ всѣмъ тѣломъ, и принялся усиленно работать колѣнами и локтями, быстро подвигаясь такимъ образомъ кверху. Затѣмъ, растянувшись плашмя, онъ вытянулъ руку вверхъ и достигъ желанной цѣли... схватилъ Гёрте за ногу.

— Пусти!—крикнула та, стараясь высвободить ногу. Но Япиксъ не обратилъ никакого вниманія на ея крикъ. Ощутивъ въ своей большой крѣпкой рукѣ шевелившуюся теплую ногу, онъ вполнѣ вошелъ во вкусъ затѣянной игры. Передразнивая Гёрте ея же словами: «а! небось это понимаешь?», онъ громко хохоталъ. и хохоталъ не однимъ ртомъ. Боже сохрани! Япиксъ хохоталъ всѣмъ своимъ существомъ. Да и было чему радоваться! Вотъ ужъ посчастливилось ему въ это чудное утро!

Еще одно движеніе, одинъ ловкій упоръ колѣнами, и Япиксъ совершенно овладѣлъ Гёрте. Крѣпко-на-крѣпко защемивъ въ своей здоровенной лапищѣ ея трепетавшую ногу, онъ не выпускалъ ее. Да и съ какой стати отказываться отъ столь выгоднаго положенія?

— Вотъ такъ славная западня!—шутилъ онъ.

— Берегись, какъ бы собака не выскочила,—сказала Гёрте и, нагнувшись къ его рукѣ, сдѣлала видъ, что хочетъ укусить.

Тогда Япиксъ потянулся еще выше кверху, отпустилъ ея ногу и, обнявъ руками Гёрте за шею, сталъ цѣловать ее въ обѣ щеки.

— Пусти!—сказала она, ярко вспыхнувъ.

— А, теперь не убѣжишь?!

— Нѣтъ! Да пусти же!

— Слово даешь?

— Да, даю, безумный!

— Что ты тамъ еще бормочешь? А?

— Ничего.

— Ну ужъ такъ и быть, на этотъ разъ тебѣ повѣрю!—сказалъ притворно великодушнымъ тономъ Япиксъ, но... въ знакъ примиренія... и онъ опять сталъ крѣпко цѣловать ее. Гёрте снова начала было сопротивляться, да не тутъ-то было. Видно, свободу свою ей только тогда получить, когда это заблагоразсудится Япиксу.

— Да отстань же!—крикнула она, показывая кулакъ.

Япиксъ выпустилъ ее. Надѣвая свалившуюся на землю шапочку, вся задыхаясь отъ волненія, Гёрте сказала:

— А теперь, прощай!

— Берегись!—грозилъ Япиксъ, также вставая съ земли.

Дѣвушка смотрѣла на него, улыбаясь. Она соображала, что бы ей такое теперь предпринять. Уйти — этого ей совсѣмъ не хотѣлось, при томъ она ужъ испытала силу Япикса надъ собой. Выказать неудовольство?—Да вѣдь вся эта возня ей самой нравилась. А между тѣмъ Япиксъ, чего добраго, пожалуй, еще Богъ знаетъ что вообразитъ себѣ, если увидитъ, что она въ немъ заискиваетъ и только изъ-за него одного остается здѣсь на берегу. Сообразивъ все это и перемѣнивъ тонъ, она сказала:

— Помочь, что ли, тебѣ, безрукій? И того-то не можешь сдѣлать одинъ!

— Много ты можешь!—сказалъ Япиксъ, ни чуть не обижаясь на ея пренебрежительный тонъ.

Гёрте сдѣлала нѣсколько шаговъ по разложенному парусу.

— Вотъ громадина-то!—сказала она, останавливаясь и задумчиво разсматривая парусъ.

— Да! Небось сейчасъ сама видѣла,—отвѣчалъ Япиксъ, любовно поглядывая на нее.—Скоро ль до тебя доберешься черезъ такой парусище?

Гёрте покраснѣла и улыбнулась, но сейчасъ же приняла опять серьезный видъ и сказала:

— Да я вовсе не о томъ!

— О чемъ же?—удивленно спросилъ Япиксъ. Онъ замѣтилъ, что сіявшее до сихъ поръ лицо Гёрте затуманилось, а все же она была чудеснѣйшей дѣвушкой въ мірѣ.

— Я думала о штормѣ!—громко проговорила она.

— О чемъ?—еще болѣе удивленно переспросилъ Япискъ. И вдругъ, закатившись здоровымъ, веселымъ смѣхомъ, онъ прибавилъ:

— Да, вотъ ужъ сказала! Вы, бабы, сидя на берегу, дѣйствительно много объ этомъ знаете!

— Гораздо болѣе, чѣмъ ты думаешь,—отвѣтила на его насмѣшку Гёрте.

— Штормъ!—продолжалъ смѣяться Япиксъ.—Это вѣрно! Увидите дельфина или еще что-нибудь такое и скорѣй къ берегу! А ужъ если паруса надуются, то давай кричать изо всѣхъ силъ!

— Вотъ ужъ совсѣмъ нѣтъ! Нисколько!—увѣряла Гёрта.

— Разсказывай! Что же ты лучше другихъ, что ли? Да вотъ и теперь. Увидѣла разложенный парусъ на берегу и сейчасъ ужъ и штормъ!—не переставалъ Япиксъ смѣяться.—Довольно-таки я на васъ, бабье, наглядѣлся!

— Ну такъ что жъ? Неужто жъ это такъ глупо?—спросила Гёрта.

— Эхъ ты!—вздохнувъ глубоко, сказалъ Япиксъ.—А постой-ка, лучше вотъ я дамъ тебѣ сейчасъ работу, такъ живо вся дурь-то вылетитъ изъ головы. Смотри, берись, за этотъ конецъ!

И, передавъ ей въ руки одинъ изъ угловъ паруса, онъ самъ пошелъ на противоположный конецъ.

— Мы возьмемся каждый за углы и побѣжимъ другъ къ другу на встрѣчу до большой складки по срединѣ. Понимаешь? Живо! Вотъ такъ, хорошо. Держи теперь крѣпко оба конца, а я буду свертывать... Крѣпко держишь? Ладно, теперь стой минутку, а я начну съ боковъ—и Япиксъ быстро сбѣжалъ съ дюны.

— Здѣсь швовъ!—крикнула ему вслѣдъ Гёрте.

— Погоди! Сейчасъ!—отвѣтилъ ей Япиксъ, складывая боковыя стороны паруса вдвойнѣ и еще разъ вдвойнѣ, и затѣмъ беря его подъ мышку.—А вотъ и я!—весело сказалъ онъ, выбравшись снова наверхъ.

— Покажи-ка, гдѣ ты видишь швовъ?

— Вотъ здѣсь, смотри.

— Ахъ ты мерзость какая!—покачалъ Япиксъ головою, ощупывая швовъ.

— А что? Никакой бѣды отъ этого не сдѣлается, Япиксъ?

— Ну вотъ сейчасъ ужъ и бѣды? Хорошаго, конечно, въ этомъ мало, сама понимаешь—сила сопротивленія уменьшается. Ну да кто знаетъ, можетъ быть, старый швовъ-то еще дольше насъ съ тобой проживетъ.

— Понятно! Да и притомъ, развѣ непремѣнно нужно быть бурѣ?

— Вѣрно! А при дурной погодѣ, такъ и съ самымъ новымъ парусомъ можетъ несчастіе случиться. Не въ парусѣ дѣло, а въ погодѣ, въ вѣтрѣ, и тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, надо положиться на... а все-таки жаль, что я проглядѣлъ этотъ швовъ вчера.

Принимая тяжелый парусъ изъ рукъ своей помощницы, Япиксъ замѣтилъ яркую краску, выступившую на ея лицѣ. Но онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ея смущенія, и сталъ хвалить ее:

— А вѣдь ты славно помогла мнѣ, дѣвушка! Нечего сказать, не ожидалъ!

Гёрте засмѣялась.

— А за это, знаешь, не стоишь ты того, чтобы я руку тебѣ дала. Право! Ну... а теперь что?—быстро прибавила она вслѣдъ затѣмъ.

— Теперь? Теперь на верхъ, да оттуда надо скатать парусъ.

Япиксъ схватилъ Гёрте за руку и потащилъ ее за собой на верхъ.

— Вставай ты съ этого конца, а я съ другого! Смотри вотъ такъ, всунь руку внутрь и наматывай. Да ровнѣе! Старайся, чтобы наравнѣ со мной было! Вотъ такъ!

Свертывая вдвоемъ парусъ, Япиксъ и Гёрте сами спускались внизъ. При каждомъ поворотѣ старый заскорузлый парусъ шуршалъ и трещалъ, точно будто дѣло шло о его жизни. Гёрте и Япиксъ смѣялись. Чѣмъ труднѣе становилось накатывать парусъ, тѣмъ веселѣе было. Они были молоды и сильны, а ихъ крѣпкія молодыя руки ловко повиновались имъ. Отчего имъ было и не посмѣяться, хотя бы надъ старымъ

парусомъ? Весело поглядывая другъ на друга, увѣренные въ своихъ силахъ, они торопились покончить съ своей работой. Гёрте старалась изо-всѣхъ силъ.

— Стой!—подгонялъ ее Япиксъ,—поставь сюда ногу, а я стяну веревкой. Крѣпче! Вотъ такъ, къ этому краю, впередъ! Ладно!.. А теперь опять закатывай... Э, дѣвушка, да ты что же призадумалась?

— Нужно... на лодку тащить?—не сразу отвѣтила Гёрте.

— Ну да, конечно,—сказалъ Япиксъ, не понимая замѣшательства Гёрте.—Вѣдь мнѣ же надо парусъ на судно свезти. Или ты думаешь, что рыба сама придетъ на берегъ, пока вы будете глазѣть съ дюнъ на море?

— А я вѣдь думала... что вы завтра, а не раньше поднимете паруса!

— Нѣтъ, сегодня!—весело сказалъ Япиксъ.—Да я и радъ! Чего тутъ болтаться на берегу-то?

— Это-то вѣрно!—отвѣтила Гёрте. Стараясь скрыть свое волненіе, она усиленно принялась работать, помогая плечами и бедрами закатывать парусъ. Япиксъ молчалъ. Онъ былъ теперь всецѣло погруженъ въ свою работу. Улыбка сошла съ его лица. Да и какой же настоящій морякъ станетъ думать о чемъ-либо другомъ въ такой важный моментъ, какъ свертываніе паруса? Конечно, съ Гёрте было весело, и онъ охотно оставилъ бы ее около себя, но навсегда? Низачто! Низачто, кажется, не согласился бы Япиксъ сидѣть постоянно на привязи, здѣсь, на берегу. Свободная жизнь тамъ, среди необъятнаго пространства, жизнь безъ заботъ и огорченій—да, это притягивало юношу къ себѣ. Вотъ, если бы онъ могъ взять Гёрте съ собой туда, ну тогда бы былъ другой разговоръ! А то какой же ему толкъ, когда сегодня же онъ развернетъ парусъ? Нѣтъ, моряку надо быть твердымъ и выкинуть всѣ глупости изъ головы. Вотъ, когда онъ назадъ вернется, тогда, пожалуй, еще можно будетъ снова дать волю своимъ мыслямъ, и кто знаетъ... кто знаетъ, что будетъ тогда?

— Спасибо,—сказалъ Япиксъ, кладя парусъ на берегу, — ты мнѣ славно помогла; когда я возвращусь, разсчитывай на меня, я возьму тебя для разгрузки.

— А когда это будетъ?—спросила Гёрте. Яркая краска снова разлилась по ея щекамъ.

— Да, когда это будетъ? — повторилъ Япиксъ, вопросительно поднявъ плечи. Собираясь на судно, гдѣ ему нужно было еще кое-что приготовить передъ отплытіемъ, онъ крѣпко пожалъ ей руку и привѣтливо сказалъ:

— До свиданія, Гёрте.

— До свиданья,—беззвучно отвѣтила та.

— Что жъ ты мнѣ ничего не пожелаешь?—спросилъ онъ.

— Счастливый путь! Да еще... возвращайся скорѣй назадъ, Япиксъ,— сказала Гёрте, поднявъ голову и смотря на него.

— Ладно! — весело крикнулъ Япиксъ.—Спасибо! Счастливо оставаться!

У Гёрте навернулись слезы на глазахъ. Когда Япиксъ захотѣлъ ее обнять, она не сопротивлялась болѣе, но зато и не смѣялась.

— А теперь, отпихни-ка меня отъ берега,—попросилъ Япиксъ, стоя въ лодкѣ и держа въ рукѣ свободно висѣвшую веревку, которою лодка была привязана.

— Да вѣдь я одна!—сказала Гёрте, оглядываясь по сторонамъ и какъ бы ища поддержки.

— Потому-то я и прошу тебя, что никого больше нѣтъ.

Гёрте уперлась обѣими руками въ бортъ лодки, но какъ она ни старалась ее сдвинуть, у нея не хватало силъ.

— Это называется мышинымъ царапаніемъ,—смѣялся Япиксъ.

Тогда Гёрте повернулась къ лодкѣ спиной, упершись въ нее всею тяжестью своего тѣла, но и это не помогало. Япиксу пришлось выскочить изъ лодки. Вставши рядомъ съ ней, онъ сталъ помогать ей. Дѣло пошло тотчасъ же на ладъ. Упираясь такимъ образомъ въ лодку, они оба молчали, постепенно входя въ воду. Лодка задвигалась, заколыхалась въ ту и другую сторону, и въ тотъ моментъ, когда она скользнула по водѣ, Япиксъ отнялъ руки, обернулся къ Гёрте еще разъ и быстро вскочилъ на ходу.

— Ну, спасибо, Гёрте, еще разъ. Постарайся не прозѣвать моего возвращенія. Смотри, вѣдь я тебя нанялъ!

— Да ужъ я-то не пропущу!

Они еще разъ поклонились другъ другу. Япиксъ направилъ лодку по направленію къ виднѣвшемуся вдали судну. Гёрте пошла домой. Берегъ опустѣлъ.

День клонился къ вечеру. Управившись съ домашними дѣлами, Гёрте въ сумерки еще разъ побѣжала въ конецъ деревни, чтобы оттуда поглядѣть на судно, куда Япиксъ утромъ отвезъ парусъ.

У самаго берега вода казалась совсѣмъ желтой. Сейчасъ за этой желтой полосой начиналось хотя и глубокое мѣсто, но требовавшее отъ моряковъ большой сноровки, чтобы его ловко пройти. Гёрте слышала не разъ отъ своихъ братьевъ, что весь экипажъ всякій разъ весело потиралъ руки, когда судно гладко и безъ всякихъ затрудненій проходило это мѣсто. «Ну теперь», говорилось обыкновенно въ такихъ случаяхъ, «слава Богу, начинается настоящій путь!»

А тамъ, далеко, гдѣ волны такъ высоко поднимались и пѣнились, тамъ тянулась предательская мель, ловко скрытая подъ водой. Моряки хорошо знаютъ ее и, повѣрьте, никогда не теряютъ ея изъ виду, направляя судно всегда мимо нея. Гёрте, какъ и всѣ мѣстные жители, знала, какъ много бѣдъ случалось на этомъ мѣстѣ и какъ много погибало здѣсь судовъ во время бурь. Прошлый годъ она собственными

глазами видѣла, какъ погибъ англійскій корабль, со всѣми людьми, тамъ находившимися, среди которыхъ былъ и Гарменъ. Мучительно и страшно было смотрѣть, какъ судно разбилось въ мелкія щепки и люди утонули на глазахъ своихъ друзей и родныхъ. Правда, въ тотъ разъ, когда потонулъ несчастный Гарменъ, англичане не знали этого предательскаго мѣста. Да и не всегда же бываютъ такія громадныя волны, какъ во время той страшной бури. Но если Гёрте случалось видѣть крушенія и бѣдствія, то столь же часто видѣла она спасеніе погибавшихъ отъ крушенія, видѣла спасательную лодку, привозившую на берегъ людей, спасшихся отъ вѣрной смерти, ожидавшей ихъ на ужасной мели. Стоя теперь на берегу и всматриваясь въ даль, Гёрте ничуть не боялась за Япикса. Она видѣла, что судно его уже благополучно перебралось черезъ страшное мѣсто, и, миновавъ всѣ опасности, теперь вышло уже въ открытое море.

Гёрте смотрѣла по тому направленію, гдѣ должно было быть Япиксово судно, и ей казалось, что оно было на одной линіи съ тѣми, которыя вышли еще вчера вечеромъ. Она не знала, какъ это было обманчиво. Кто самъ не бывалъ часто въ открытомъ морѣ, тотъ не обладаетъ вѣрнымъ глазомѣромъ въ этомъ отношеніи.

Диркъ, возвращавшійся домой изъ города и замѣтившій Гёрте, присоединился къ ней и тоже сталъ глядѣть вдаль. Прищуривъ глаза и сморщивъ лицо, онъ прикрылся рукой отъ свѣта и смотрѣлъ, поворачивая голову, то вправо, то влѣво.

— Такъ развѣ они сегодня только вышли?

— А ты развѣ не зналъ?

— Да откуда же мнѣ знать? Когда я сегодня утромъ вышелъ въ городъ, еще вся деревня спала.

— Такъ почему же ты знаешь, что это «Смѣльчакъ» тамъ?

— Да вѣдь я же вижу,—удивляясь ея вопросу, отвѣчалъ Диркъ.

— Почему же ты его узнаешь?—спросила Гёрте. Она знала только, что одно изъ тѣхъ суденъ, которыя были вправо, было «Смѣльчакъ», но видѣть его, она не видѣла, да и вообще ничего другого не видѣла, кромѣ четырехъ черныхъ точекъ, вырисовывавшихся на ясномъ горизонтѣ.

— Я узнаю его по цвѣту паруса,—сказалъ Диркъ.—У «Смѣльчака» красноватый парусъ, не такой, какъ у другихъ.

— Вотъ что!—удивляясь зрѣнію Дирка, сказала Гёрте. Она не видѣла никакого паруса и досадовала за это на себя.—А вѣдь «Смѣльчакъ», сравнялся съ другими, какъ ты думаешь?

— При такомъ вѣтрѣ, въ открытомъ морѣ, да на такомъ суднѣ, какъ «Смѣльчакъ», по моему разсчету, они на разстояніи добраго часа времени отъ другихъ.

— Неужели?—разочарованнымъ тономъ сказала Гёрте.—Такъ ты думаешь, что дѣйствительно такая большая разница?

— По крайней мѣрѣ!—подтвердилъ Диркъ свой разсчетъ.

Гёрте еще разъ печально взглянула вдаль.

Послѣдніе лучи заходящаго солнца золотили сѣровато-зеленые гребни волнъ. Было чудно хорошо. Погруженная въ свои думы, Гёрте пошла домой. Она не безпокоилась нисколько, да и чего же ей было бояться? Развѣ Япиксъ не миновалъ уже опасныя мѣста и развѣ онъ не находится въ полной безопасности при такой тихой погодѣ, въ открытомъ морѣ? И притомъ, развѣ не только что сейчасъ Диркъ, который ничего не зналъ, разглядѣлъ «Смѣльчака» издали, и опредѣлилъ его мѣсто? Неужели же всевидящій Богъ, который все знаетъ, закроетъ свои глаза и забудетъ Япикса? Нѣтъ, это невозможно. Такой невѣрующей Гёрте не могла быть! Да и нѣтъ любящаго сердца, которое не обладало бы крѣпкой вѣрой, способной поддержать человѣка даже въ несчастіи...

Погружаясь внизъ и снова поднимаясь на волнахъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, «Смѣльчакъ» издали дѣйствительно казавшійся на необъятномъ морѣ лишь маленькой точечкой, весело шелъ впередъ. Западный вѣтеръ, мягко ласкаясь о снасти судна, туго надувалъ его паруса, подгоняя все далѣе и далѣе въ открытое море. Передъ глазами людей, находившихся на «Смѣльчакѣ», весь родной берегъ медленно погружался въ сѣрый туманъ.

«О-го! что за прелесть! Какъ высоко небо! Какъ глубоко море! Какъ необъятно пространство! Но настоящій морякъ не удивляется всему этому! Счастливъ онъ, когда веселымъ остается даже при разсвирѣпѣвшей бурѣ.

«Тонкая перегородка отдѣляетъ его отъ могилы, но тамъ? на берегу? развѣ не то же? Тамъ боятся грозы, града и другихъ несчастій... Морякъ же ничего этого не знаетъ и ничего не боится!»

Такова, примѣрно, была пѣсня Япикса. Товарищи бойко подтягивали ему.

— Ну, разгорланились!—ворчалъ отецъ Япикса про себя.

— Ты бы пѣсни-то приберегъ, на берегу они звучатъ лучше,—посовѣтывалъ старикъ шкиперъ.

— А мы ихъ тамъ еще разокъ повторимъ, — отвѣчалъ Япиксъ, смѣясь, и снова затянулъ пѣсню.

Отецъ и шкиперъ, улыбнувшись, укоризненно покачали своими сѣдыми головами.

Такъ-то всегда въ молодости! Весело пропѣваетъ человѣкъ свои утренніе часы! А когда вечеръ приходитъ и голосъ его ослабѣваетъ, что тогда? Не бѣда! Найдется на убылое мѣсто кто-нибудь другой. Никогда молодая пѣснь не смолкнетъ! А когда у стариковъ не станетъ и слуха, повѣрьте, они начнутъ прислушиваться къ молодой пѣснѣ всей душой.

Наступилъ вечеръ. Пѣніе пришлось прекратить: предвидѣлась непогода.

Темныя, низко висѣвшія облака быстро неслись по небу; потемнѣвшія волны бросали судно туда и сюда. Дождь стучалъ по палубѣ и бѣлая пѣна заливалась за бортъ.

Что за бѣда! Япиксъ, побесѣдовавъ съ товарищемъ, съ которымъ вмѣстѣ стоялъ на посту, повернулся къ нему спиной, спряталъ руки въ карманы и направился въ ту сторону, гдѣ стоялъ другой его товарищъ, точно такъ же какъ и онъ ничего не боявшійся и не знавшій никакой опасности. Ставъ рядомъ, онъ спокойно повелъ съ нимъ бесѣду, по временамъ вглядываясь въ таинственную темную даль и насвистывая веселую пѣсенку.

Но не такъ-то спокоенъ былъ шкиперъ.

— Ребята! — скомандовалъ онъ,—кто не нуженъ на верху, пусть идетъ внизъ. «Пока,—думалъ онъ,—пускай отдыхаютъ. Кто знаетъ, какъ скоро нужны будутъ свѣжія силы!»

Вѣтеръ свирѣпѣлъ все болѣе и болѣе. Онъ со стономъ ударялся въ снасти судна и, поднявшись кверху, казалось, съ какой-то злобой разрывалъ то тамъ, то сямъ темныя облака, а прорывавшійся по временамъ слабый свѣтъ причудливо освѣщалъ грозныя волны и неподвижныя лица людей, озабоченно устремленныя въ таинственную темь.

Волны съ шумомъ заливали палубу. Наступила ночь. Никто не ложился спать. Внизу долго разговаривали. Наконецъ, разговоръ сталъ постепенно утихать; каждый погрузился въ собственныя думы. Кое-кто дремалъ. Когда затихли голоса, всѣмъ показалось, что буря усилилась. Но опасности пока еще не было. Можетъ быть, кто-нибудь и думалъ о ней, но высказываться по поводу этого вслухъ никто не рѣшался.

Япиксъ радовался бурѣ! Онъ остался на палубѣ и смѣлыми глазами глядѣлъ на расходившуюся стихію. Какъ быстро неслись облака! Какъ высоко поднимались черныя волны! Палуба блестѣла какъ зеркало. И какъ трудно было держаться на ней, чтобы не упасть!

Вдругъ шумъ приблизившихся шаговъ вывелъ Япикса изъ его сосредоточеннаго состоянія. Недовольный тѣмъ, что ему мѣшаютъ любоваться родной стихіей, онъ медленно обернулся и увидѣлъ стоящаго передъ нимъ отца.

Кто не знаетъ опасности, тотъ, конечно, и не боится ея. Такъ было и съ Япиксомъ. А все же, увидѣвъ озабоченное лицо отца, онъ испугался; слова изумленія замерли на его губахъ. Старикъ, уловивъ впечатлѣніе, произведенное имъ на сына, сказалъ:

— Хочется съ тобой побыть! Не сидится мнѣ внизу!

— Что съ тобой, отецъ?—успокаивая его, сказалъ Япиксъ,—вѣдь буря только начинается. Пока еще курсъ прекрасный; можетъ быть, ничего и предпринимать не придется.

— Да я и не о томъ совсѣмъ!—сказалъ старикъ.

— Такъ что же? Въ чемъ же дѣло?—спросилъ сынъ.

— Дѣло... дѣло въ томъ... да, дружище, я самъ не знаю въ чемъ, покоя вотъ не нахожу себѣ!

— Это не хорошо!—задумавшись, сказалъ Япиксъ.

— Мнѣ что-то тяжело на душѣ,—продолжалъ старикъ.

— Никакъ это съ тобой впервые въ твоей жизни? Вѣдь ты никогда бури не боялся?

— Да я и теперь не боюсь, а такъ что-то не по себѣ ужъ очень!

— Можетъ, тебѣ что почудилось, отецъ?

— Нѣтъ, а только вотъ чувствуется, что быть несчастью. Передъ другими какъ-то не хочется этого показать, вотъ мнѣ внизу и не сидится. Дай-ка, думаю, пойду къ сыну.

— Что жъ, вѣдь и я не помогу, коли такъ,—сказалъ Япиксъ и пожалъ плечами.—Если бы я былъ на твоемъ мѣстѣ, отецъ,—прибавилъ онъ сердечнымъ тономъ,—я бы постарался выкинуть все это изъ головы и пошелъ бы опять внизъ, а то здѣсь промокнешь только даромъ. Плохо будетъ, все равно, позовемъ.

— Нѣтъ,—рѣшительно возразилъ старикъ,—я останусь съ тобой.

— Какъ знаешь,—сказалъ Япиксъ, заботливо поднимая отцу воротникъ промасленной куртки.

— Видишь-ли, Япиксъ, я себѣ самъ сказалъ, что если случится съ нами какое несчастіе,—ни одинъ человѣкъ вѣдь не можетъ въ томъ поручиться,—такъ мы будемъ вмѣстѣ, какъ того желала всегда твоя мать. А если ужъ суждено кому-нибудь изъ насъ погибнуть или даже обоимъ заразъ, такъ все же утѣшеніе старухѣ будетъ, что мы были вмѣстѣ, и Боже сохрани и помоги мнѣ! Не хотѣлось бы мнѣ лишать ее, можетъ быть, послѣдней утѣхи въ жизни. Бѣдняжкѣ и такъ будетъ тяжело, если ни меня, ни тебя около нея не будетъ. Ничего противъ этого не подѣлаешь! А ея довѣрія не оправдать—этого, Япиксъ, нельзя, какъ хочешь!

Япиксъ постарался найти для отца болѣе защищенное отъ вѣтра мѣсто.

— Садись, отецъ, сюда! Не скажешь ли еще чего?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ старикъ,—что жъ еще сказать? Можетъ, я еще и живъ останусь. А если тебѣ отдать вотъ этотъ табакъ, а ты раньше моего погибнешь, такъ я, пожалуй, и безъ табаку останусь.

— А у меня вотъ немножко денегъ есть въ кошелькѣ, — сказалъ Япиксъ.

— Ну ужъ это лучше бы ты дома оставлялъ,—замѣтилъ отецъ.

— Право, я объ этомъ и не подумалъ. Къ слову пришлось, такъ ты ужъ знай. Вотъ здѣсь, отецъ, видишь въ этомъ кошелькѣ.

— Ладно, буду знать!—спокойно отвѣтилъ отецъ.

— А еще что?—спросилъ Япиксъ.

— Еще?.. Ничего... Да вотъ, пожалуй, что... Если мать твою я больше не увижу, то скажи ей, что я до послѣдней минуты возлѣ тебя оставался, какъ она просила, и передай ей поклонъ. Славная жена она всегда была, твоя мать. Помогай ей, Япиксъ, да и съ братьями и съ сестрами живи въ ладу, вѣдь ты старшимъ останешься.

— Обѣщаю, отецъ.

— Ну такъ по рукамъ,—отвѣтилъ старикъ и оба пожали крѣпко другъ другу руку.

— А ты, Япиксъ? Можетъ, и у тебя есть просьба?

— Тоже... кланяйся матери, братьямъ, сестрамъ. Да еще... если Гёрте встрѣтишь...

— Ну?—и старикъ многозначительно поглядѣлъ на сына.

— Ну, такъ скажи... скажи...

— Что же сказать?

— Что я... что... благодарю ее за помощь, да... да больше ничего...

— Хорошо, скажу.

Оба замолчали. Япиксъ отвернулся и сталъ смотрѣть на воду; старикъ пристально глядѣлъ вдаль.

Вѣтеръ все усиливался. Дождь лилъ ручьями по масляным курткамъ и непромокаемымъ шапкамъ. Всю ночь отецъ съ сыномъ, помня просьбу матери, не разлучались ни на минуту.

Съ приближеніемъ утра буря еще болѣе усилилась.

— А дѣло-то вѣдь разыгралось не на шутку!—сказалъ кто-то.

— Да, жутко становится!—прибавилъ другой.

— Хорошо бы было, пока буря не разыграется, домой попасть.

— Шкиперъ и то, гляди, торопится домой.

— Да, хорошо кабы удалось! Только бы засвѣтло мель миновать!

— Не поспѣть, вѣтеръ встрѣчный!

— Поспѣемъ!

— Какже, поспѣемъ! Времени-то, смотри, совсѣмъ малость осталось до вечера!

— Что же намъ дѣлать, ребята?—сказалъ шкиперъ, вопросительно глядя на всѣхъ.

— Что жъ на нее смотрѣть, что ли, на бурю? Плохіе же мы моряки, если будемъ сидѣть сложа руки.

— Только бы до ночи мель обойти!—снова послышалось затаенное на душѣ у всѣхъ желаніе.

— Ни за что! Гдѣ ужъ!

— Ну это еще посмотримъ!

— Да нешто не видишь, какое мученье со встрѣчнымъ вѣтромъ?

— Вотъ что, господа,—вмѣшался въ разговоръ молчавшій до сихъ поръ отецъ Япикса,—мель непремѣнно надо далеко обогнуть. Подальше

вдоль берега держаться, тогда и вѣтеръ станетъ попутнымъ и опасное мѣсто дальше въ сторонѣ останется.

— Времени нѣтъ такой кругъ дѣлать! Не дѣло ты говоришь, старикъ! Пожалуй, еще немного вдоль берега пройти, а тамъ повернуть— вотъ мой совѣтъ!

— Кратчайшая дорога,—подхватилъ кто-то,—всегда наилучшая, когда время не терпитъ!

— Ну, положимъ, это не всегда такъ.

— Дѣйствительно, мы очень ужъ близко берега держимся,—сказалъ шкиперъ.—Это не хорошо, Янъ правду говоритъ; другого исхода нѣтъ, какъ держаться берега дальше. Нужно въ открытое море.

Такъ и порѣшили. Съ полной надеждой на Божью милость, судно направилось въ открытое море. Не всѣ раздѣляли правильные разсчеты стариковъ. Молодежъ какъ всегда торопилась.

Поглубже натянули моряки свои шапки на головы, покрѣпче застегнули свои непромокаемыя куртки. По мокрой, пропитанной солью палубѣ, снова заходили взадъ и впередъ люди съ озабоченными лицами. «Смѣльчакъ» направился впередъ, немного наискось отъ вѣтра, прямо въ открытое море.

Для того, чтобы навѣрняка обогнуть мель, приходилось заходить далеко, а вечеръ былъ уже на носу. Число нетерпѣливыхъ, желавшихъ какъ можно скорѣе повернуть, все росло. Всѣ напряженно ожидали команды шкипера.

— Ну что? Видно?

— Ничего не видно.

— Япиксъ, погляди-ка и ты, твои глаза помоложе, не видно ли отраженія на водѣ, вотъ тамъ, въ той сторонѣ. Это не отраженіе ли отъ маяка?

— Мнѣ кажется... будто я вижу... Постой-ка, вѣдь это свѣтъ! Право, свѣтъ...—всматриваясь въ дальнія волны сказалъ Япиксъ и ударилъ своего товарища по плечу.

Дѣйствительно! всѣ ясно и отчетливо увидали отраженіе маяка на водѣ.

Рѣшено было держать прямо на свѣтъ, еще—еще... еще впередъ, и...

— Когда мы повернемъ, вѣтеръ намъ будетъ попутный!—вскрикнулъ радостно Япиксъ.—Вотъ чудесно-то! Мы ловко войдемъ въ фарватеръ, вотъ увидите.

— Ой! Рано!—предостерегалъ старый Янъ.

— Погодите! Трудное дѣло отъ насъ не уйдетъ! — говорилъ шкиперъ, но Япиксъ и его товарищъ радостно подавали уже другъ другу руку и смѣялись.

— Огибать?

— Нѣтъ еще.

— Ну, а теперь пора?

— Нѣтъ.

— Когда же наконецъ?

Шкиперъ сдѣлалъ движеніе рукой, какъ бы стараясь успокоить нетерпѣливыхъ. Всѣ напряженно глядѣли на него. Еще послѣдній взглядъ на отчетливое отраженіе въ волнахъ и, наконецъ, послышалось давно желанное приказаніе огибать.

Старый Янъ покачалъ головой.

— Рано,—сказалъ онъ. Человѣкъ, стоявшій возлѣ него, неодобрительно пожалъ плечами на его слова.

— Чудесно! Не задѣнемъ ни чуть! — сказалъ онъ.—До ночи будемъ дома!

О, если бы его слова оправдались!

Напряженно слѣдили всѣ за движеніемъ судна и за направленіемъ его къ фарватеру. Надежда на скорое возвращеніе домой поддерживала во всѣхъ бодрость. Всѣ знали также, что случается иногда, что судно легко можетъ, подхваченное вѣтромъ, перескочить на волнахъ черезъ мель. Въ такомъ случаѣ буря можетъ имѣть даже своего рода выгоду. Случается, что смѣлые люди поднимаютъ паруса какъ можно выше, заставляютъ ихъ дѣйствовать всѣми силами, смотришь и бѣда минуетъ.

Но въ данномъ случаѣ мокрые паруса очень отяжелѣли, канаты совершенно съежились, а сильный вѣтеръ вырывалъ все изъ рукъ и всему мѣшалъ. Тѣмъ не менѣе, дѣло шло впередъ и, полные надежды, всѣ ожидали скораго избѣжанія бѣды.

Подгоняемое вѣтромъ, судно быстро неслось впередъ. Все ближе и ближе подходило оно къ злополучной мели. Волны, казалось, становились еще свирѣпѣе, а люди, напряженно вглядывавшіеся въ глубину, жаждали узнать, много ли воды надъ мелью и можно ли обойтись безъ крушенія. Ни одинъ оголодалый звѣрь не смотритъ такъ пристально на свою добычу, какъ смотрѣли эти люди въ предательскую пучину передъ носомъ судна; ни одинъ приговоренный къ казни не ждетъ съ такой тревогой помилованія, съ какой вымѣривали глубину эти несчастные люди, сознававшіе, что отъ какого-нибудь полпальца глубины воды зависитъ вся ихъ жизнь.

Съ напряженнымъ волненіемъ подходили они къ мели... вода была высока... казалось, дѣло пойдетъ хорошо. Судно пока еще скользило. Но, вдругъ... Боже! Что случилось? Какой толчокъ! Все содрогнулось, волны яростно ударились въ крѣпко засѣвшіе въ песокъ борта, спасти затрещали, и шкиперъ... съ проклятіемъ отвернулся.

— Сидимъ!—сказалъ онъ.

— Какъ Гаарлемъ! — и тутъ еще, полный мужества, пошутилъ Япиксъ. Это было первое крушеніе, которое онъ переживалъ, и всей опасности онъ все еще не сознавалъ.

— Съ каждымъ ударомъ волнъ мы все болѣе и болѣе уходимъ въ песокъ,—отчаянно закричалъ кто-то.

— О, Господи! Можетъ быть, насъ увидѣли съ берега!

— Не очень-то оттуда видно, вѣтеръ дуетъ съ моря прямо въ глаза.

— О! если бы они насъ замѣтили!

— Опустить паруса!—командовалъ шкиперъ,—чего стоите какъ безумные, разинувъ рты? Скорѣй, Япиксъ, за работу! Да руки-то изъ кармановъ прочь!

Парусъ надулся до послѣдней степени, мачта кряхтѣла подъ его тяжестью. Япиксъ и его товарищъ принялись спускать парусъ внизъ, но въ тотъ моментъ, когда они брались за канаты, вѣтеръ вырывалъ ихъ изъ рукъ, унося и самый парусъ. Наконецъ онъ такъ сильно натянулся, что старый шовъ не выдержалъ и, лопнувъ по всей длинѣ, взвился кверху и сталъ биться и мотаться о снасти:

— Рубить!—крикнулъ отецъ, и Япиксъ полѣзъ на мачту, какъ кошка.

— Полѣзай!—командовалъ также и шкиперъ, какъ разъ въ то время, когда Япиксъ уже собирался ножомъ рѣзать канатъ.

Господи! Что это былъ за огромный парусище! Поднятый вѣтромъ вверхъ, этотъ грозный великанъ мотался и бился о снасти. Вотъ бы когда Гёрте на него поглядѣла! Гёрте?! Что она такое говорила тогда, на торгахъ, да и вчера, когда они свертывали вмѣстѣ парусъ? Отчего она была такая печальная? Вѣдь Япиксъ же ей ничего дурного не сдѣлалъ. Поцѣловалъ только? Да, ну что же за бѣда?

— Рѣжь же наконецъ скорѣй!—кричалъ снизу шкиперъ. Да, хорошо ему такъ снизу кричать. Япиксъ всѣми силами принялся за дѣло. Парусъ развѣвался, тянулъ и билъ Япикса по головѣ, по рукамъ, а Япиксъ все-таки старался изо всѣхъ силъ. Но вотъ руки его стали ослабѣвать, онъ сильно изнемогъ и вдругъ почувствовалъ, что теряетъ сознаніе, но онъ все еще силился одолѣть возложенное на него дѣло. Старый парусъ должно быть считался съ нимъ за то, что проглядѣли его злополучный шовъ. Вѣдь Гёрте говорила, что этотъ парусъ не что иное, какъ громадная тряпка, когда онъ лежалъ растянутымъ на землѣ. Поглядѣла бы теперь! Развѣ это не злѣйшій врагъ его? Япиксу стало не въ мочь. Собравъ послѣдній остатокъ силъ и отчаянно стремясь навсегда отдѣлаться отъ ненавистнаго паруса, Япиксъ взмахнулъ ножомъ еще разъ, другой... Канаты, державшіе его врага, были наконецъ-таки разрѣзаны и унесены вѣтромъ. Огромный парусъ взвился вверхъ и, подобно черному громадному чудовищу, исчезъ въ мрачной тьмѣ. Япиксъ только и видѣлъ, какъ онъ развернулся надъ его головой, потомъ сложился опять вмѣстѣ...

Голова его отяжелѣла, глаза закрылись, онъ видѣлъ лицо Гёрте въ какомъ-то туманѣ. Руки его безпомощно опустились вдоль туловища и съ раздирающимъ крикомъ онъ упалъ прямо къ ногамъ отца.

— Такъ я и зналъ, что будетъ несчастье!—прошепталъ Янъ, опу-

скаясь на колѣни передъ безчувственнымъ сыномъ. Онъ схватилъ его за руку и началъ трясти.

— Япиксъ, Япиксъ, приди въ себя ради Бога! Еще не время засыпать!

Япиксъ стоналъ.

— Оставь его,—сказалъ шкиперъ,—очнется отъ дождя. Если съ берега насъ увидали, то завтра докторъ поможетъ ему!

— Да, если они увидали!

Отецъ Япикса съ быстротою молодого человѣка вскочилъ на ноги и побѣжалъ на носъ судна. Онъ видѣлъ передъ собой родныя дюны въ темной дали, видѣлъ слабый мерцающій свѣтъ отъ маленькихъ запотѣвшихъ оконъ домиковъ въ рыбацкой деревнѣ, видѣлъ черныя пѣнистыя волны, бившіяся о берегъ...

Вертящійся маякъ, поочередно то скрывавшій, то показывавшій свѣтъ, не обѣщалъ, повидимому, никакой помощи. Очевидно, съ берега ихъ не видѣли... А свирѣпыя волны продолжали трепать когда-то гордаго «Смѣльчака». Тогда Янъ, обезумѣвшій отъ горя, приложилъ руки ко рту и сталъ кричать изо всей силы, но... разстояніе было слишкомъ велико, буря не унималась и крики его не доходили до берега.

Не свѣтъ ли это показался на берегу? Или это только такъ кажется? Нѣтъ, это не воображеніе... Вотъ, показался фонарь, и первый сигналъ, повидимому, не остался незамѣченнымъ. По берегу задвигались огоньки туда и сюда. Да, конечно, теперь ужъ это вполнѣ видно. Слава Богу, вотъ блеснулъ одинъ, другой еще... еще. Огоньки не двигались безцѣльно, они регулярно и быстро, торопились отъ берега къ спасательной лодкѣ и обратно.

Янъ крѣпко привязалъ Япикса къ оставшейся снасти. Шкиперъ поддерживалъ его голову, а старый Диркъ, недавно самъ потерявшій сына, сидѣлъ совсѣмъ рядомъ съ нимъ и крѣпко держалъ его. Дирку было очень неудобно сидѣть, веревки рѣзали его подъ мышками не только сквозь верхнюю одежду, но даже и сквозь рубашку, а все-таки Диркъ не выпускалъ Япикса изъ рукъ. Онъ не чувствовалъ боли, вторично переживая то состояніе, которое испытывалъ тогда, при смерти единственнаго сына. А лодки все еще не было видно.

— Отецъ ты здѣсь?—слабо проговорилъ Яниксъ, приходя въ себя.

— Да,—былъ отвѣтъ,—подбодрись, Япиксъ, все идетъ хорошо.

— Развѣ они... увидѣли насъ... съ берега?

— Да, да...—сказалъ Янъ сыну.

— Они совсѣмъ близко тутъ!—подтвердилъ шкиперъ. Япиксъ закрылъ глаза и снова впалъ въ забытье.

Мачта трещала.

— Трудно будетъ имъ до насъ добраться!—сказалъ шкиперъ.—Да и судно наше не изъ крѣпкихъ. Пожалуй, не послѣдняя-ли это ночка

для насъ! Если есть что на совѣсти, такъ теперь пора сказать все и прощеніе просить.

Шкиперъ былъ набожный человѣкъ и не навидѣлъ ложъ, но за только что сказанную ложь Богъ не накажетъ его... Молитва подкрѣпила старика.

Сторожъ на маякѣ, стоя на посту и вглядываясь постоянно въ даль, опытнымъ глазомъ замѣтилъ, наконецъ, черное пятнышко на мели и подалъ сигналъ: судно въ опасности. Подобный сигналъ, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, былъ знакомъ всеобщаго пробужденія.

Не бѣда, что пальцы у Крелиса кривы отъ ревматизма, его фонарь показался первымъ на берегу. Берендъ, только что собравшійся спать, даже забылъ свою лихорадку: услыхавъ призывъ, онъ снова натянулъ свою непромокаемую куртку и заторопился изъ дому, дрожа всѣмъ тѣломъ. Не помочь другимъ въ такой нуждѣ—этого даже и въ голову не приходило.

Сыновья потонувшаго Гармена бѣгали уже по деревнѣ, стучали въ двери и окна и будили населеніе.

Общими усиліями лодка была стащена къ водѣ. Среди огней толпились люди, старый и малый, женщины и дѣти. Тутъ же были и лошади, они должны были втащить лодку въ море. Дѣти Гармена суетились ужасно, желая походить на взрослыхъ. Ни одно торжественное шествіе, ни одно блестящее собраніе не можетъ сравниться съ подобнымъ собраніемъ людей, готовыхъ безкорыстно идти на помощь ближнимъ!

Лошади были подведены къ лодкѣ, спиной къ вѣтру. Задыхаясь, съ развѣвающимися волосами и мокрыми отъ дождя лицами, стояли мужчины возлѣ лодки, въ ожиданіи момента, когда можно бы въ нее вскочить.

Вотъ первымъ подошелъ Гейсъ въ своей желтой непромокаемой курткѣ, отъ которой его и безъ того громадная фигура казалась еще больше. Онъ запахивался и застегивался на ходу. Дождь стекалъ по его блестѣвшей курткѣ, а свѣтъ отъ фонарей отражался въ каждой складкѣ его одежды. За нимъ шелъ длинный Янъ, на которомъ высокіе сапоги плохо сидѣли и были не въ пору. Рядомъ съ нимъ шелъ его племянникъ въ зеленой курткѣ съ отложнымъ воротникомъ. За нимъ кто-то несъ въ рукахъ весла; желая сохранить свободу движеній, онъ былъ только въ вязанной курткѣ, пестрая шапка глубоко сидѣла на его головѣ, закрывая уши. Товарищъ его былъ одѣтъ теплѣе: въ черную куртку и байковые штаны.

Мужчины подошли близко къ лодкѣ. Послѣднія приготовленія окончены, послѣднимъ быстрымъ взглядомъ осмотрѣна лодка и намѣчено ея направленіе.

Всѣ усѣлись. Лошади съ лодкой двинулись къ водѣ. Женщины

остававшіяся на берегу, кланялись, посылали благословеніе на головы близкихъ и дорогихъ имъ; нѣкоторыя изъ нихъ безмолвно прижимали руки къ груди, какъ-бы желая унять трепетавшее сердце. Одни только дѣти Гармена весело бѣгали вдоль берега, подкидывая шапки и поминутно вскрикивая: «счастливый путь!» Казалось, для нихъ былъ какой-то праздникъ, столько шуму они дѣлали, эти бѣдныя дѣти, такъ недавно потерявшіе отца.

Лошади вошли въ воду. Лодка съ людьми, сидѣвшими въ ней, отдѣлилась и, воспользовавшись удачнымъ моментомъ, скользнула наконецъ по волнамъ. Вотъ ее подхватила вторая, третья волна... лодка скрылась изъ виду; но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ она снова была прибита назадъ къ берегу. Работа началась сначала. Снова нужно было выбирать моментъ. Пробовали въ третій, въ четвертый разъ — дѣло не двигалось ничуть впередъ: волны поднимались такъ высоко, вѣтеръ былъ такъ страшно силенъ, что лодку швыряло изъ стороны въ сторону, какъ самый легкій мячикъ. Много разъ къ ряду пробовали смѣлые люди, не теряя терпѣнія и подкрѣпляемые надеждой спасти друзей. Вотъ, казалось, они уже совсѣмъ отошли отъ берега, смотришь— вся работа пропала даромъ и лодка опять на прежнемъ мѣстѣ.

— Не идетъ дѣло у нихъ на ладъ!—сказалъ съ горечью старый морякъ, зорко слѣдившій съ берега за лодкой.

— О, Господи! Да никакъ они опять назадъ?—вскрикнула жена Гейса.

— Богъ дастъ справятся!—озабоченно слѣдя за лодкой, сказала вдова Гармена.

Лодка опять подошла къ самому берегу.

— Никакъ опоздали?—крикнулъ кто-то.

— Видѣли ли вы ихъ?

— Кто они такіе?

— Гдѣ застряли?

— «Смѣльчакъ»—на мели по ту сторону фарватера, послышался отвѣтъ изъ лодки.

— Такъ я и знала!—не выдержала наконецъ, стоявшая въ сторонѣ Гёрте. Она, казалось, окаменѣла отъ ужаса.

— Надо все-таки еще попробовать, дѣлать нечего!—уговаривалъ— Гейсъ.—Кто знаетъ, можетъ быть Богъ дастъ и спасемъ!

Смѣлые люди не унывали. Не смотря на то, что каждый изъ нихъ оставлялъ на берегу жену, мать, невѣсту или сестру, никому изъ нихъ даже въ голову не приходило отговаривать другъ друга отъ рискованнаго предпріятія.

Правда, Корнеліусъ озабоченно поглядывалъ на старуху мать, у которой онъ былъ уже давно единственнымъ кормильцемъ, но и мать, въ свою очередь, любовно глядя на сына, шептала: «что ужъ я! Спасай тѣхъ, я стара, а тѣ люди, тамъ, по-нужнѣе меня будутъ!». И ободренный материнскимъ благословеніемъ, молодой герой рѣшилъ

также присоединиться къ другимъ; за нимъ пошли и его товарищи. Простительна въ такихъ случаяхъ гордость человѣка, идущаго на спасеніе другихъ отъ смерти!

Снова лодка закачалась на волнахъ, снова пошла работа изо всѣхъ силъ. Лодку бросало туда и сюда. Наконецъ, вывезла удача. Дружный радостный возгласъ послышался съ берега, и маленькая лодка быстро затерялась среди громаднѣйшихъ волнъ. Прошло довольно много времени, пока она снова не появилась вдали. Народъ на берегу не расходился. Многіе побѣжали на дюны, откуда лучше было наблюдать за лодкой. Дождь мочилъ ихъ сверху, а брызги морской пѣны долетали до самыхъ лицъ но они все стояли и все смотрѣли. Скоро они уже не могли различать лодки на темныхъ волнахъ, но безпокойнымъ сердцамъ все равно не сидѣлось по домамъ,—тутъ, всѣмъ вмѣстѣ было все-таки пріятнѣе. Гёрте видѣла, какъ мать Япикса вздыхала по мужѣ и сынѣ, и какъ вдова Гармена поддерживала ее и обнадеживала, сама же Гёрте не говорила ни слова и только вздыхала. Блѣдная и молчаливая, полная тоски, съ трепетной надеждой всматривалась она въ темную даль.

— Ты тоже кого-нибудь ждешь?—спросила ее сосѣдка.

Гёрте отрицательно покачала головой и печально отвернулась.

Сосѣдка безпокоилась за жениха, товарища Япикса, и каждый сочувствовалъ ея горю; всѣмъ было, извѣстно, что она невѣста, но Гёрте... Всѣ знали, что у нея никого не было среди погибавшихъ, и потому на нее никто не обращалъ никакого вниманія. Она могла бы даже спокойно уйти домой: ея отецъ и братья остались на берегу, а жениха у нея не было. Чего ей тутъ надо на берегу? Но Гёрте оставалась съ другими. Она медленно бродила отъ дюнъ къ берегу и отъ берега къ деревнѣ, и, дойдя до конца, снова поворачивала назадъ, не будучи въ состояніи заставить себя не смотрѣть на море.

Наконецъ, подъ утро, совсѣмъ уже на разсвѣтѣ кто-то увидалъ издали приближавшуюся лодку, и люди снова забѣгали и зашевелились на берегу. Чего, чего не успѣли за это время пережить находившіяся въ лодкѣ! Но скоро, скоро конецъ ихъ страданіямъ. О, сколько разъ уже пересчитаны были ихъ головы издали озабоченными, людьми стоявшими въ напряженномъ ожиданіи на берегу! И странно! Всѣ ясно видѣли, что одной головы не хватало. Каждый со страхомъ думалъ:

— О, Боже! только бы не мой кто погибъ!

— Гёрте, у тебя зрѣніе-то поострѣе моего, да я ужъ глазамъ своимъ не довѣряю, видишь ты ихъ тамъ... всѣхъ?

— Да,—сказала Гёрте.

— Что же они всѣ тамъ?

— Одного... одного нѣтъ...

— О, Господи! А Яна ты видишь?

— Вижу!

— А Япикса?

Гёрте поглядѣла еще разъ сперва на лодку, потомъ на смертельно блѣдное лицо матери Япикса. Она не смѣла ничего сказать.

— Мой мальчикъ!—закричала та отъ ужаса. Гёрте протянула къ ней руки... Она сама потеряла надежду видѣть Япикса...

— Будь покойна, мать, мы не оставили Япикса тамъ... Онъ, кажется, въ забытьи, — говорилъ Янъ женѣ. Гёрте стояла возлѣ, когда Япикса вытаскивали изъ лодки. Она осталась вѣрной своему слову и встрѣтила его. Но, Боже! что это была за встрѣча! Такой она ужъ, конечно, не ожидала.

Всѣ радовались спасенію и желанной встрѣчѣ съ близкими сердцу... Но Гёрте была печальна. Она шла, опустивъ голову за людьми, несшими Япикса домой. Радостное возвращеніе скорѣе походило на похороны. Гёрте подъ своимъ передникомъ несла насквозь измокшую куртку Япикса, а около сердца она держала его мокрую шапку. Слезы застилали ея глаза и она любовно гладила рукой по его мохнатой шапкѣ, еще такъ недавно покрывавшей милую голову. Прижимая плотнѣе и плотнѣе куртку, она, полная горя и отчаянія, пошла домой...

. . . .

Япиксу скоро понадобилась куртка и шапка и онъ самъ пришелъ за ними къ Гёрте.

Гёрте была одна. Куртка висѣла возлѣ ея постели.

— Я за ней пришелъ,—сказалъ онъ, показывая на нее рукой.

— Ну что жъ!—отвѣтила Гёрте, снимая куртку съ гвоздя.

— Что съ тобой, Гёрте?

— Со мной? Ничего. А что же можетъ со мной быть?

— А скажи-ка, согласна ты будешь мнѣ опять помогать?

— Что я тебѣ за помошница?—пошутила Гёрте. — Другія лучше меня помогутъ.

— Не попробовать ли еще разокъ, Гёрте? Можетъ быть, на этотъ разъ лучше будетъ...

. . . .

— Скажи мнѣ, Япискъ, когда парусъ развѣвался такъ высоко, о чемъ ты тогда думалъ?

— Тогда?.. Тогда, Гёрте, я думалъ о тебѣ...

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(*Продолженіе* *).

VII.

Мы разсказали по истинѣ печальную и трагическую исторію. Мы видѣли бойцовъ, одушевленныхъ благороднѣйшими намѣреніями, но неизмѣнно падавшихъ на полѣ битвы въ полномъ изнеможеніи и умиравшихъ медленной безславной смертью злобнаго безсилія. Врагъ торжествовалъ надъ ними, даже не напрягая силъ, снисходя лишь до насмѣшки и презрѣнія. Ни *Современникъ*, ни *Московскій Наблюдатель* не съумѣли нанести даже чувствительнаго удара позорному тріумвирату, не только подорвать его силы и успѣхи. Они, кромѣ того, сами постарались подготовить свое пораженіе.

Телескопъ, въ лицѣ Надеждина принимая участіе въ общемъ натискѣ на *Библіотеку для Чтенія*, объявилъ войну Шевыреву за его диссертацію. Запальчивость краснорѣчиваго эстетика и на этотъ разъ питалась гораздо болѣе «семейными дѣлами», чѣмъ интересами истины. Оба профессора представили еще разъ недостойное зрѣлище мелочной придирчивой полемики, превосходно доказывавшее публикѣ взаимныя личныя враждебныя чувства ученыхъ, но совершенно постороннее дѣйствительнымъ вопросамъ *теоріи* и *исторіи* литературы.

Естественно, атмосфера журналистики не становилась яснѣй и чище. Сцена дѣйствія цѣликомъ оставалась въ распоряженіи «братьевъ разбойниковъ», разбитымъ и разочарованнымъ мечтателямъ «благородной литературной школы» приходилось съ видомъ оскорбленнаго достоинства скрыться въ уединеніи, подальше отъ «толкучаго рынка».

Обозрѣвая поле журнальной войны, московскій профессоръ приходилъ къ заключенію: «Кабинетъ — вотъ гдѣ всѣ удо-

*) См. «Міръ Божій», № 1. Январь.

вольствія. Нравственное размышленіе: какое удовольствіе въ саду!» [34]).

Изъ Петербурга въ отвѣтъ несся сочувственный откликъ. Не менѣе почтенный ученый мужъ, отвѣдавъ горькихъ плодовъ журнальной суеты, мечталъ еще опредѣленнѣе объ отшельничествѣ и покоѣ:

«Удивительно, какое дѣйствіе производитъ дневной свѣтъ въ сравненіи съ средоточеннымъ свѣтомъ лампы. Первый влечетъ къ разсѣянности, къ ходьбѣ по комнатамъ, къ окну, чтобы видѣть жизнь и внѣ дома. Второй сближаетъ всѣхъ къ одной точкѣ, къ одной цѣли, зоветъ книгу въ руки, или другое что, чѣмъ бы всѣ внимательнѣе могли заняться» [35]).

И такія занятія, несомнѣнно, чрезвычайно комфортабельны и безотвѣтственны. Другое дѣло, внѣ кабинета и лицомъ къ лицу съ неблизкими людьми!.. Никакое отшельничество, конечно, не могло до конца умирить сердецъ неудачливыхъ рыцарей, и наши отрѣшенные читатели все еще будутъ дѣлать вылазки на ненавистный уличный шумъ. Но ихъ ропотъ теряется въ волнахъ чужихъ рѣчей и людямъ вечерняго свѣта и ночной тишины приходится заживо хоронить и свои сочувствія, и свою вражду. У нихъ предъ глазами происходятъ сцены, свидѣтельствующія о несомнѣнномъ отливѣ всего жизненнаго и сильнаго куда-то въ другую сторону, въ лагерь менѣе всего дружественный заслуженнымъ авторитетамъ и почтеннымъ именамъ.

Въ то самое время, когда замолкалъ единственный истинно-общественный публицистическій голосъ *Московскаго Телеграфа* и русскому обществу грозило своего рода вавилонское плѣненіе, одинъ молодой петербургскій литераторъ переживалъ слѣдующее приключеніе.

«Однажды,—разсказываетъ онъ,—прохаживаясь по Невскому проспекту, я зашелъ въ кондитерскую Вольфа, въ которой получались всѣ русскія газеты и журналы. Я подошелъ къ столу, на которомъ они были разложены, и мнѣ прежде всего попался на глаза нумеръ *Молвы*. Въ этомъ нумерѣ было продолженіе статьи подъ заглавіемъ *Литературныя мечтанія—элегія въ прозѣ*. Это оригинальное названіе заинтересовало меня: я взялъ нѣсколько предшествовавшихъ нумеровъ и принялся читать.

«Начало этой статьи привело меня въ такой восторгъ, что я охотно бы тотчасъ поскакалъ въ Москву, если бы это было можно, познакомиться съ авторомъ ея и прочесть поскорѣе ея продолженіе.

---

[34]) Погодинъ. Барсуковъ. IV, 354.

[35]) Плетневъ. *Переписка*. II, 38.

«Новый, смѣлый, свѣжій духъ ея, такъ и охватилъ меня.

«Не оно ли,—подумалъ я,—это новое слово, котораго я жаждалъ, не это ли тотъ самый голосъ правды, который я такъ давно хотѣлъ услышать?

«Я выбѣжалъ изъ кондитерской, сѣлъ на перваго попавшагося мнѣ извозчика и отправился къ Языкову (другу разсказчика).

«Я вбѣжалъ къ нему и закричалъ:

«— Ну, братъ, у насъ появился такой критикъ, передъ которымъ Полевой—ничто. Я сейчасъ только пробѣжалъ статью—это чудо, чудо!

«— Неужели?—возразилъ Языковъ,—да кто такой? Гдѣ напечатана эта статья?..

«Я перевелъ духъ, бросился на диванъ и, немного успокоясь, расказалъ ему, въ чемъ дѣло.

«Мы съ Языковымъ, какъ люди, всѣмъ дѣтски увлекавшіеся, тотчасъ же отправились въ книжную лавку, достали нумера *Молвы* и я прочелъ ему начало статьи Бѣлинскаго.

«Языковъ пришелъ въ такой же восторгъ, какъ я, и впослѣдствіи, когда мы прочли всѣ статьи, имя Бѣлинскаго уже стало дорого намъ.

«Какъ ничтожны и жалки казались мнѣ, послѣ этой горячей и смѣлой статьи, пошлыя, рутинныя критическія статьи о литературѣ, появлявшіяся въ московскихъ и петербургскихъ журналахъ!..» [36])

Это не единственный эпизодъ. Статьи критика взволновали сердца и тѣхъ, кто не обладалъ способностью дѣтски увлекаться или кого на первый взглядъ не очаровывалъ непреодолимый талантъ Бѣлинскаго.

Другой молодой писатель также подробно разсказалъ намъ свои первыя впечатлѣнія послѣ одной изъ раннихъ статей новаго критика. На этотъ разъ повѣствованіе еще поучительнѣе. Оно показываетъ, какъ новый талантъ дѣйствовалъ на предубѣжденныя, но чуткія души. Критикъ не подчинялъ ихъ своему авторитету съ перваго натиска, но поднималъ въ нихъ невольную борьбу идей и чувствъ. Онъ могущественно заставлялъ ихъ разобраться въ раньше усвоенной вѣрѣ и путемъ независимой мысли велъ ихъ къ новымъ истинамъ.

Тургеневъ въ молодости романтикъ и мечтательная «прекрасная душа», подобно многимъ сверстникамъ, преклонялся предъ поэтическимъ геніемъ Бенедиктова. Вдругъ въ *Телескопѣ* появляется статья, безпощадно обрывающая лавры съ прославленнаго поэта. Юныхъ романтиковъ охватилъ гнѣвъ. Тургеневъ также негодовалъ, гото-

---

[36]) И. И. Панаевъ. *Литерат. воспоминанія*. Спб. 1876, стр. 141—2.

вый приносить все новыя жертвы своему божеству. Но нѣчто пока неразгаданное и смутное говорило совсѣмъ иное его негодующему сердцу. Началась борьба, своего рода раздвоеніе художественной личности, пережитое, вѣроятно, не однимъ только будущимъ художникомъ, а многими самыми обыкновенными смертными.

«Къ собственному моему изумленію и даже досадѣ»,—разсказываетъ Тургеневъ»,—что-то во мнѣ сильно соглашалось съ «критикомъ», находило его доводы убѣдительными... неотразимыми. Я стыдился этого, уже точно неожиданнаго впечатлѣнія, я старался заглушить въ себѣ этотъ внутренній голосъ; въ кругу пріятелей я съ бо́льшей еще рѣзкостью отзывался о самомъ Бѣлинскомъ и объ его статьѣ... но въ глубинѣ души что-то продолжало шептать мнѣ, что *онъ былъ правъ*... Прошло нѣсколько времени и я уже не читалъ Бенедиктова»...

Начало въ высшей степени знаменательное. Всего нѣсколько статей, и сильныя чувства возбуждены. Они съ этихъ поръ не улягутся, будутъ рости съ каждымъ шагомъ новаго критика, и съ теченіемъ времени соберутъ вокругъ его имени громадный хоръ и восторженныхъ поклонниковъ, и ожесточенныхъ враговъ.

Именно впечатлѣніе небывалой энергіи пробѣжало по читающей публикѣ. Только безнадежно немощные духомъ не могли не почувствовать исключительной силы и власти въ стремительныхъ рѣчахъ новаго писателя. Мы только что слышали привѣтствія молодежи, съ неменьшимъ сочувствіемъ отозвались и «отцы». Ихъ было мало, но тѣмъ краснорѣчивѣе они свидѣтельствовали о дыханіи идейной жизни, внезапно повѣявшемъ на омертвѣвшіе стогны русской журналистики.

Полевой съ нетерпѣніемъ ждалъ новыхъ подвиговъ «нашего Орланда», радовался «какъ старый забіяка» новой войнѣ, обѣщавшей еще неслыханныя пораженія и побѣды. Лажечниковъ, истомленный немощами московской печати, радостно встрѣчалъ появленіе Бѣлинскаго и былъ увѣренъ, что онъ «охулки на руку не дастъ»...

Но все это пока голоса друзей и привѣтствія избранныхъ. За ними стояла несмѣтная толпа равнодушныхъ и обиженныхъ. Они также должны были отозваться на безпокойное явленіе, и ихъ отзывы несравненно внушительнѣе по количеству. Если Тургеневу сто́ило усилій помириться съ мнѣніями Бѣлинскаго, какъ же могли встрѣтить «Орланда» его жертвы и его фатальные противники—по неизлѣчимой косности и авторскому самолюбію?

Въ то самое время, когда увлекающіеся юноши восторженно перечитывали *Литературныя мечтанія*, кругомъ солидные люди сообщали отчаянныя свѣдѣнія о героѣ.

Это—плебей, недоучившійся казенный студентъ, выгнанный изъ университета за развратное поведеніе. Наружность у него самая ужасная. Это какой-то циникъ, бульдогъ, пригрѣтый Надеждинымъ съ цѣлью травить имъ своихъ враговъ. Его и фамилія странная—не то семинарская, не то польская—*Бѣлинскій*. Что касается пріемовъ его критики, они совершенно недостойны приличнаго общества и обличаютъ человѣка злобнаго и завистливаго.

Въ Москвѣ не лучше судили патріархи «науки и свѣта». Погодинъ именовалъ писанія Бѣлинскаго «лаемъ», другіе считали его отверженцемъ судьбы и людей, совершенно неспособнымъ къ общежитію и человѣческимъ отношеніямъ съ кѣмъ бы то ни было [37]). Стоитъ ему выразить даже скромное сомнѣніе въ поэтическихъ талантахъ какого-нибудь профессора въ родѣ Шевырева, и онъ немедленно попадаетъ въ разрядъ штрафованныхъ, его имя становится браннымъ, связи съ нимъ—зазорными.

Естественно, печать не остается позади публики. По изліяніямъ органовъ петербургскаго тріумвирата можно сочинить обширную біографію и характеристику Бѣлинскаго. На первомъ планѣ пришлось бы поставить все то же плебейство и малообразованность критика.

Цинизмъ Бѣлинскаго, по представленію петербургскихъ литераторовъ, доходилъ до такой степени, что этотъ несчастный считалъ аристократомъ всякаго, кто носитъ чистое бѣлье, моетъ лицо и не обладаетъ запахомъ чеснока и водки. Для Бѣлинскаго это вполнѣ достаточная причина ненавидѣть ближняго! Его злостность—безпредѣльна. На него рѣшительно нѣтъ возможности угодить. Чтобы имѣть полное представленіе объ его черной и порочной душѣ, надо прочесть повѣсть въ *Библіотекѣ для Чтенія—Піюша.*

Герой ея—Виссаріонъ Кривошеинъ, или попросту—Висяша.

Біографія его проста и вразумительна: молодость—пьянство и трактиры, исключеніе изъ университета и отсюда непримиримая ненависть къ «отсталымъ» наставникамъ. Потомъ—цѣлый рядъ другихъ изгнаній изъ разныхъ домовъ, гдѣ Висяша брался за воспитаніе дѣтей. Но ничто не укрощало самолюбія урода.

Онъ судилъ и рядилъ о Фихтѣ и Гегелѣ, и называлъ презрѣнными невѣждами всѣхъ, кто не понималъ знаменитаго тождества. Въ настоящее время Висяша всѣмъ недоволенъ, въ театрѣ онъ вслухъ возмущается пьесами, въ журналѣ поноситъ лучшія произведенія родной литературы, оскорбляя чувства самихъ читателей...

Очевидно, новый критикъ вдохновлялъ заинтересованную публику даже на художественномъ поприщѣ: такъ солоно приходилось его имя!..

---

[37]) Барсуковъ. IV. 354. Кс. Полевой, 369.

Бѣлинскій имѣлъ всѣ основанія считать свою судьбу оригинальной и даже исключительно завидной. Онъ не замедлилъ заявить объ этомъ.

«Недавно вступивъ на литературное поприще, еще не успѣвъ осмотрѣться на немъ, я съ удивленіемъ вижу, что рѣдкимъ изъ нашихъ литераторовъ удавалось съ такимъ успѣхомъ, какъ мнѣ, обращать на себя вниманіе, если не публики, то, по крайней мѣрѣ, своихъ собратій по ремеслу. Въ самомъ дѣлѣ, въ такое короткое время нажить себѣ столько враговъ, и враговъ такихъ доброжелательныхъ, такихъ непамятозлобныхъ, которые, въ простотѣ сердечной, хлопочутъ изо-всѣхъ силъ о вашей извѣстности,—не есть ли это рѣдкое счастіе?.. Я до такой степени удостоенъ судьбою этого счастія, что имѣлъ бы право почесть себя очень замѣчательнымъ человѣкомъ, если бъ враги-пріятели были хоть сколько-нибудь замѣчательны: одно только это непріятное обстоятельство озлобляетъ порывы моего самолюбія» [38]).

Но Бѣлинскому не всегда приходилось отвѣчать въ такомъ тонѣ на заботы «пріятелей» объ его славѣ. Тріумвиратъ, подъ предводительствомъ Булгарина, устремлялся очень далеко, вплоть до обвиненія неустранимаго противника въ жесточайшихъ политическихъ преступленіяхъ, въ измѣнѣ и въ ренегатствѣ. Это буквально, и у Бѣлинскаго волей-неволей долженъ былъ подняться стиль въ уровень съ юридическими домыслами «патріотовъ своего отечества».

Это эпизодъ второго года дѣятельности критика и онъ достаточно характеризуетъ ожесточеніе «заслуженныхъ литераторовъ» и воинственное положеніе молодого Орланда. Бѣлинскій отвѣчалъ по адресу для всѣхъ ясному.

«Нѣтъ, м. г., на святой Руси не было, нѣтъ и не будетъ ренегатовъ, т. е. этакихъ выходцевъ, бродягъ, пройдохъ, этихъ растригъ и патріотическихъ предателей, которые бы, играя двойною присягою, попадали въ двойную цѣль, и, избавляя отъ негодяя свое отечество, пятнали бы своимъ братствомъ какое-нибудь государство» [39]).

Подобная отповѣдь стоила Пушкинскаго *Видока*, и отважному критику слѣдовало бы помнить внушительные прецеденты, но,—говорилъ онъ, «я рожденъ, чтобы называть вещи ихъ настоящими именами: *Я въ міръ боецъ*».

Программа — краткая, но преизобильная послѣдствіями, не только для личной жизни Бѣлинскаго, но и для его отдаленной памяти въ будущемъ.

---

[38]) *Отъ Бѣлинскаго. Сочиненія.* М. 1875, стр. 274.

[39]) *Сочин.* I, 494—5.

Необычайно шумное, *цезарское* вступленіе на общественную арену не всегда служитъ для писателя достовѣрнымъ предзнаменованіемъ его будущей судьбы. Часто это мимолетная вспышка моды, счастливое совпаденіе обстоятельствъ, нерѣдко даже результатъ искусныхъ литературно-житейскихъ маневровъ. Будто блуждающій огонекъ вспыхиваетъ писательское имя, нѣкоторое время носится предъ заинтересованными взорами зрителей, и безслѣдно пропадаетъ, оставляя по себѣ лишь отрывочныя и смутныя впечатлѣнія у любителей «былого».

Не то съ Бѣлинскимъ.

Сильныя чувства, вызванныя его первыми статьями у отдѣльныхъ личностей, постепенно превращались въ широкій общественный интересъ. Кружокъ почитателей и лагерь ненавистниковъ быстро разростались далеко за предѣлы литературнаго міра и журнальныхъ партій. Вскорѣ не надо было произносить самаго имени Бѣлинскаго, чтобы въ *безъимянныхъ* навѣтахъ или *безпредметныхъ* восторгахъ читатели могли отгадать все его же—безпокойнаго при жизни и незабвеннаго по смерти. Придетъ время, о немъ нельзя будетъ говорить въ печати. На его памяти на цѣлые годы отяготѣетъ вынужденное безмолвіе. Но лишь только просвѣтлѣетъ небо надъ его родиной, самымъ блестящимъ свѣтиломъ явится все онъ же, неуничтожимый ни открытыми гоненіями, ни самой страшной карой для писателя—продолжительнымъ молчаніемъ.

Но это не значитъ, будто слава Бѣлинскаго безповоротно доказана и утверждена, будто всеобщій интересъ къ его имени—одно ничѣмъ незатемняемое чувство признательности и любви. Далеко нѣтъ.

Не скоро, часто вѣками—дается вѣнокъ безъ терній тѣмъ, кто глубоко взволновалъ своихъ современниковъ и оставилъ послѣ себя богатое наслѣдство великихъ идей и страстныхъ убѣжденій. Они остаются современниками даже среди позднѣйшихъ наслѣдниковъ своего дѣла и потомки, судя ихъ, безпрестанно судятъ вопросы своихъ дней, изрекая тотъ или другой приговоръ надъ ними, свидѣтельствуютъ о своемъ *я*—нравственномъ и общественномъ. И казалось бы—давно ушедшія вдаль—тѣни продолжаютъ стоять воплощенной совѣстью предъ малодушными и двуличными.

Такова краткая и подлинная исторія Бѣлинскаго въ прошломъ и будущемъ.

VIII.

Судить Бѣлинскаго въ высшей степени легко, и именно въ отрицательномъ направленіи. Судъ можетъ вчинить и провести съ успѣхомъ безъ особенныхъ усилій не только какой-нибудь усерд-

ный и упорный зоилъ, но просто любой борзописецъ, совершающій набѣги «ради матеріала» на чужіе труды. Стоитъ взять нѣсколько томовъ сочиненій Бѣлинскаго, раскрыть ихъ наудачу въ разныхъ мѣстахъ: немедленно составится пребойкая обвинительная статейка на самыя удручающія темы.

Прежде всего можно отмѣтить странную манеру критика говорить о самыхъ серьезныхъ предметахъ будто стихами въ прозѣ. Предъ нами не спокойное логическое разсужденіе, не послѣдовательная цѣпь опредѣленій и доказательствъ, а взрывы вдохновеннаго лиризма, вереницы поэтическихъ фигуръ, искры пламеннаго чувства. Плавная рѣчь безпрестанно прерывается восклицаніями, переходитъ въ діалогъ, пестритъ многоточіями.

Произведенія начинающаго талантливаго поэта оказываются утренней зарей, обѣщающей прекрасный день. Разочарованный взглядъ на любовь опровергается стремительнымъ гимномъ въ честь сердечныхъ увлеченій. Пессимистическое стихотвореніе поэта поясняется горячими изліяніями личнаго чувства и страстными свидѣтельствами личнаго опыта. Критика выходитъ, пожалуй, лиричнѣе самого произведенія и *разсуждающій* писатель перестаетъ отличаться отъ *творящаго*. Философская идея единства всего существующаго украшается живописными сценами человѣческихъ взаимныхъ сочувствій, пламеннаго отклика счастливца на диссонансы жизни, на чужія слезы и горе, невольнаго благоговѣнія юноши въ присутствіи старца и умиленнаго любованія старца радостями рѣзваго дитяти. Все это что̀ угодно—драма, идиллія, романъ, только не критика въ общепринятомъ смыслѣ.

И авторъ часто совершенно покидаетъ почву отвлеченнаго анализа, даже въ вопросахъ публицистики и исторіи. Міросозерцаніе античнаго грека изображается въ драматической формѣ. Значеніе театра раскрывается въ бурномъ монологѣ, будто извлеченномъ изъ какой-нибудь романтической поэмы и обращенномъ къ читателю-собесѣднику.

Но трудно и сказать, что дѣлается съ критикомъ, когда онъ начинаетъ говорить объ идеѣ! Какихъ только сравненій, о̀бразовъ, безграничныхъ перспективъ не подсказываетъ ему его взволнованное чувство! Въ каждой фразѣ критикъ будто стремится захватить васъ трепетомъ своей души и помимо логическихъ доводовъ и разсужденій увлечь васъ бурей восторга и подчинить вашъ разсудокъ мощной искренности вѣры. И вы только въ томъ случаѣ можете послѣдовать за оригинальнымъ философомъ, когда вы одарены такимъ же воспламеняющимся духомъ, когда вы способны холодное резонерство и жесткую логику презрѣть ради свободныхъ поэтическихъ упоеній и жизненныхъ прихотливыхъ красотъ.

Тогда только вы помиритесь съ удивительными эпитетами, раз-

сѣянными рядомъ съ самыми, повидимому, строгими понятіями и прозаическими предметами!

Такъ рѣшались писать развѣ только очень отважные романтики и то въ минуты исключительнаго протеста противъ золотой средины и всяческаго мѣщанства. И критикъ не преувеличиваетъ, сравнивая художественныя волненія съ песчаными мятелями въ безбрежныхъ степяхъ Аравіи... Написать столько страницъ такихъ горячихъ, ни на минуту не ослабѣвающихъ и не тускнѣющихъ рѣчей можно только подъ властью по истинѣ «божественнаго вдохновенія», той самой, таинственной *маніи*, какую древній философъ приписывалъ природѣ великихъ художниковъ.

Все это справедливо, скажутъ намъ, и всякій можетъ насладиться этимъ геніемъ при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ Бѣлинскимъ. Но только подобный геній отнюдь не безусловная добродѣтель. Блескъ и остроуміе не создаютъ критика.

Онъ прежде всего долженъ быть мыслителемъ, т. е. обладать твердымъ, вполнѣ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, ясной системой художественныхъ принциповъ и общественныхъ идеаловъ, и на публику долженъ дѣйствовать не поэтическимъ азартомъ, а неопровержимой трезвой логикой фактовъ и доказательствъ. И еще вопросъ, можетъ ли писатель, подверженный такой впечатлительности и безпрестанно состязающійся съ лириками, владѣть строго послѣдовательнымъ умомъ и прочными идеями? Взять того же Бѣлинскаго.

Извѣстно, напримѣръ, какъ скоропалительно онъ провозгласилъ Достоевскаго геніемъ за *Бѣдныхъ людей*, а потомъ жестоко раскаявался въ своемъ увлеченіи и находилъ, что по поводу этого событія о немъ, Бѣлинскомъ, «старомъ чортѣ, безъ палки нечего и толковать» [40]).

Да и одно ли это увлеченіе!

Остановитесь на самыхъ блестящихъ и остроумныхъ страницахъ, извлеките изъ нихъ самыя, повидимому, прочувствованныя и убѣдительныя идеи, сопоставьте ихъ другъ съ другомъ и сдѣлайте выводъ... Окажется, предъ вами нѣчто въ родѣ современнаго критика-импрессіониста, гордаго именно своей непослѣдовательностью и неуловимостью и капризной игрой ума и особенно воображенія. Это хорошо для какого-нибудь Леметра, но вѣдь не допустятъ же русскіе почитатели Бѣлинскаго подобнаго таланта въ своемъ избранномъ критикѣ!..

И доказательствъ опять сколько угодно.

Бѣлинскій писалъ всего какихъ-нибудь четырнадцать лѣтъ. Срокъ, сравнительно, непродолжительный, но сколько разъ онъ то

---

[40]) *Анненковъ и его друзья*. Спб. 1892 стр. 610.

благословлялъ, то проклиналъ однихъ и тѣхъ же боговъ! Проклиналъ, въ буквальномъ смыслѣ, со всею страстью и откровенностью своей «неистовой натуры» [41]).

Это его собственное выраженіе и лучшаго нельзя придумать для точной характеристики многочисленныхъ приключеній его критической мысли.

Сначала «достойнымъ проклятья» оказывается поэтъ, который «своими сочиненіями старается заставить васъ смотрѣть на жизнь съ его точки зрѣнія». Въ такомъ случаѣ онъ даже лишается права числиться поэтомъ: онъ «мыслитель и мыслитель дурной, злонамѣренный, моралистъ». Критикъ спѣшилъ заявить, что такой поэтъ утрачивалъ надъ нимъ свою «чародѣйскую власть», и заставлялъ его или презирать поэта, или жалѣть о немъ [42]).

Немного спустя, всего годъ, публика узнавала новый оттѣнокъ истины. Съ грѣхомъ пополамъ можетъ быть сопричисленъ къ сонму чародѣевъ и поэтъ, пересоздающій жизнь по собственному идеалу. Правда, онъ качественно ниже поэта, просто воспроизводящаго жизнь «во всей ея наготѣ и истинѣ», но зато уже проклятій по его адресу не слышно [43]).

Но это не значило, что читатели окончательно освободились отъ сюрпризовъ и критикъ не станетъ больше преслѣдовать ихъ «безсознательностью» и «откровенной свыше» художественностью. Напротивъ. Они еще прочтутъ чрезвычайно рѣшительныя нападки на Мольера, на Бомарше за сатиру и тенденціозность, узнáютъ, до какой степени мало *художественно Горе отъ ума* и ниже всякой нравственной критики главный герой комедіи. Въ грибоѣдовскомъ произведеніи нѣтъ цѣлаго, нѣтъ идеи, а Чацкій «просто крикунъ, фразеръ, идеальный шутъ, на каждомъ шагу профанирующій все святое, о которомъ говорятъ».

Возможно ли до такой степени проглядѣть смыслъ пьесы и извратить роль ея героя? Вѣдь достаточно прочесть одну эту страницу въ сочиненіяхъ критика, чтобъ у иного современнаго читателя вырвалось самое нелестное восклицаніе объ его талантѣ и даже личности.

Но мы еще не говоримъ о Бородинскихъ статьяхъ, гдѣ читатель приглашался отказаться наотрѣзъ отъ собственной личности и уничтожиться предъ дѣйствительностью, какова бы она ни была. А потомъ эта удивительная истина: «общество всегда правѣе и выше частнаго человѣка, и частная индивидуальность

---

[41]) Въ письмѣ отъ 12 окт. 1838 г. Пыпинъ. *Бѣлинскій, его жизнь и переписка.* Спб. 1876, I, 175.

[42]) *Литературныя мечтанія*—1834 годъ.

[43]) *О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя*—1835 годъ.

только до такой степени и дѣйствительность, а не призракъ, до какой она выражаетъ собою общество» [44]).

Вотъ какую проповѣдь произносилъ критикъ со всею «дикостью своей натуры» [45]). Опять его изреченіе и опять оно умѣстно. Да, мы не должны забывать ни объ одномъ излишествѣ нашего героя. Бѣлинскій *весь*, до послѣдней черты, долженъ предстать предъ нами. Именно сомнительныя и, повидимому, несимпатичныя черты его критической дѣятельности должны быть выставлены неуклонно и ярко. Поступая такъ, мы будемъ дѣйствовать въ духѣ самого Бѣлинскаго: онъ никогда не замалчивалъ и не смягчалъ своихъ ошибокъ и мужественно готовъ былъ считаться съ какими угодно послѣдствіями.

Это, несомнѣнно, рѣдкостное качество, но легче ли тѣмъ, кто захотѣлъ бы оправдать критика въ безпримѣрно-рѣзкой идейной перемѣнчивости, въ прихотливости и стремительности приговоровъ надъ важнѣйшими явленіями русской и иностранной литературы?

Окончательно развѣнчавъ Чацкаго и «частную индивидуальность» и поставивъ на непогрѣшимой высотѣ общество, Бѣлинскій въ слѣдующемъ же году воспѣлъ Байрона за «гордое возстаніе», за «могучій стоицизмъ». И рѣчь критика на этотъ разъ звучала будто невольнымъ чувствомъ сострадапія и удивленія къ «несправедливо отягощенной страданіемъ личности» [46]).

Это начало новаго преображеннаго и прозрѣвшаго Бѣлинскаго но все еще подверженнаго колебаніямъ, оговоркамъ, какому-то мучительному раздвоенію мысли и личныхъ сочувствій, однимъ словомъ—*распаденію.*

Опять его слово, и оно, какъ всегда, вѣрнѣйшая характеристика нравственнаго состоянія критика. Именно въ періодъ *распаденія* онъ доставляетъ обильный и благодарный матеріалъ искателямъ противорѣчій. Умъ Бѣлинскаго будто мечется на распутьи, раннія увлеченія тускнѣютъ и расплываются въ разнообразныхъ уступкахъ новымъ впечатлѣніямъ и опытамъ. Но старое еще окончательно не утратило своей власти и продолжаетъ вести борьбу съ постепенно надвигающимся теченіемъ. Провозглашается право поэта гремѣть благороднымъ негодованіемъ, молитву забывать для проповѣди и лиру мѣнять на свистокъ сатиры, и здѣсь же, безъ всякихъ оговорокъ, посылается привѣтъ раздраженнымъ стихамъ Пушкина о презрѣнной черни и недоступномъ пѣвцѣ... [47]).

Во что вѣруетъ критикъ? По какимъ даннымъ произноситъ

---

[44]) Въ статьѣ о *Горѣ отъ ума.*

[45]) Въ письмѣ отъ 10 сент. 1838 года. Пыпинъ. I, 228.

[46]) Въ статьѣ *Русская литература въ 1840 году.*

[47]) Статья о *Стихотвореніяхъ Лермонтова.*

свои приговоры? Немного требуется недоброжелательной и преднамѣренно-скептической воли, чтобъ усомниться въ руководящихъ принципахъ вдохновенно-страстнаго и въ то же время безпощаднаго судьи. Для извѣстной цѣли достаточно.

Вполнѣ доказано, предъ нами какой-то странный критикъ-поэтъ, резонеръ-лирикъ, неожиданно-перемѣнчивый въ своихъ предпочтеніяхъ и осужденіяхъ. Можетъ ли онъ сообщить читателю прочное фактическое свѣдѣніе, вкоренить въ него строгую обоснованную идею? Кто поручится, что въ слѣдующій моментъ этотъ фактъ и эта идея не будутъ сброшены и растоптаны новымъ порывомъ и еще болѣе бурный лиризмъ не воздвигнетъ столь же обожаемое но не менѣе тлѣнное божество?

Такой процессъ неоднократно совершался и когда угодно можетъ вновь совершиться надъ личностью и дѣломъ Бѣлинскаго. И такова обоюдоострая привилегія всякаго плодовитаго ума и богатой глубокой личности. Кому за всю жизнь удалось стяжать двѣ-три идеи и въ нихъ почерпнуть вполнѣ достаточный умственный и нравственный матеріалъ для всего своего существованія, тому нечего опасаться противорѣчій, измѣнъ, распаденій и раскаяній. Кто, не мудрствуя лукаво, идетъ вслѣдъ другимъ по ясной и торной дорогѣ, того, навѣрное, не постигнутъ ни сомнѣнія, ни крутыя ошибки, ни опрометчивыя увлеченія. И снисходителенъ будетъ къ нему судъ людей: вѣдь кругомъ него подавляющее большинство одной съ нимъ природы и однихъ духовныхъ силъ.

Но горе тому, кто осмѣлится не только уклониться съ общей дороги, а еще дерзнетъ «проклясть» ее и влечь другихъ на поиски за другими путями и цѣлями. Тогда каждый шагъ станетъ подвергать его все бо̀льшей отвѣтственности, и наблюдатели со стороны откроютъ фальшь и неразуміе всюду, гдѣ не поймутъ или не захотятъ понять новаго движенія.

Все это всѣмъ извѣстныя и даже всѣмъ надоѣвшія истины. А между тѣмъ, онѣ неизмѣнно ложатся въ основу неумирающей вражды косныхъ и рабскихъ инстинктовъ противъ жизни и оригинальности. Носители инстинктовъ, конечно, никогда не сознаются, что ихъ проповѣди вдохновляются такими избитыми и недостойными чувствами. Но сравните нападки современниковъ Бѣлинскаго съ незамолкшими до послѣднихъ дней навѣтами, вы будете поражены ихъ тождественностью.

Упреки въ безграмотности и неучености—исконный воинственный пріемъ критиковъ, нравственно или умственно слишкомъ ничтожныхъ, чтобы въ области убѣжденій подняться выше данной дѣйствительности, а въ области знанія перейти за предѣлы компиляторства и ремесленническаго педантизма.

Но вѣдь и приведенные нами факты изъ сочиненій Бѣлинскаго

вполнѣ достовѣрны. Отрицать нельзя, что онъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ прошелъ въ своемъ родѣ безпримѣрный путь идейнаго развитія, до такой степени рѣшительный и быстрый, что исходная и заключительная точка могутъ показаться непримиримыми контрастами.

Ни у какого ранняго и позднѣйшаго критика подобнаго явленія нельзя открыть. Съ именемъ каждаго непремѣнно соединяется представленіе о цѣльной единой системѣ художественныхъ воззрѣній, о точно опредѣленной литературной школѣ.

А здѣсь представители всѣхъ школъ отъ чистаго художника до вдохновеннаго публициста могутъ черпать, повидимому, одинаково сильные оправдательные документы... Какъ же это объяснить и на какомъ выводѣ остановиться, независимо отъ какихъ бы то ни было нашихъ отношеній къ таланту и личности критика?

Вопросъ въ высшей степени любопытный, и не только для уясненія положительнаго значенія Бѣлинскаго. Во всѣхъ европейскихъ литературахъ текущаго столѣтія нельзя указать ни одного случая, гдѣ бы представился подобный вопросъ въ такой полнотѣ и требовалъ отвѣта поучительнаго вообще для судебъ умственнаго прогресса цѣлаго общества. Нигдѣ и никогда личность одного писателя не воплощала въ себѣ столько основныхъ историческихъ чертъ родной культуры и нигдѣ столь энергическая авторская дѣятельность не распадалась на такіе значительные по смыслу психологическіе періоды. Можно сказать, Бѣлинскій, какъ человѣкъ и какъ писатель, въ своемъ нравственномъ развитіи и литературной дѣятельности воспроизвелъ подробный планъ многообразныхъ преобразованій нашей общественной мысли.

Какими же путями могла сложиться подобная личность и какая сила сообщила такую глубину и значительность ея исканіямъ истины и даже ея заблужденіямъ?

IX.

Общепринятый и легчайшій способъ оцѣнить талантъ писателя и богатство его нравственной природы—поставить его лицомъ къ лицу съ предшественниками и современниками и тщательно прослѣдить зависимость его дѣятельности отъ чужихъ вліяній.

Опять задача именно съ Бѣлинскимъ чрезвычайно простая. Врядъ ли какого еще писателя равнаго значенія обвиняли въ столь многочисленныхъ связяхъ съ разными учителями, руководителями и внушителями. Объ одномъ изъ этихъ духовныхъ отцовъ критика мы говорили и пришли къ заключенію, что Надеждинъ менѣе всего заслуживаетъ право именоваться даже предшествен-

никомъ Бѣлинскаго, не только учителемъ. Заключеніе наше найдетъ впослѣдствіи и другія основанія, помимо подробнаго разбора дарованія и трудовъ профессора.

Незаслуженная слава Надеждина идетъ отъ самихъ современниковъ и ближайшихъ свидѣтелей совмѣстной дѣятельности ученаго и недоучившагося студента. Тѣ же свидѣтели успѣли открыть и другого, еще болѣе сильнаго авторитета для Бѣлинскаго въ лицѣ Полевого. На этотъ разъ обвиненіе гораздо ближе стояло къ правдѣ, но только не по существу. Мы уже указывали нѣкоторыя черты критики *Телеграфа*, совпадающія съ позднѣйшими пріемами Бѣлинскаго. Но это совпаденіе отнюдь не соотвѣтствовало выводу, сдѣланному петербургскими учеными: Бѣлинскій—школяръ, начитавшійся Полевого [48]). Мысль эту слѣдовало понимать такъ, будто Бѣлинскій только и занимался обезъянничаньемъ чужого ума и чужого искусства. Очевидно, въ уликахъ оскорбленныхъ аристарховъ заключалось столько же злобы, сколько наивности во впечатлѣніяхъ добрыхъ товарищей.

Но существовалъ еще одинъ источникъ, откуда Бѣлинскій могъ почерпать свои идеи и знанія. Источникъ, повидимому, самый серьезный и неопровержимый. Значеніе его признавалъ самъ Бѣлинскій, безпрестанно называя своимъ учителемъ то одного, то другого сверстника, преимущественно двухъ—Михаила Бакунина и Станкевича. Одинъ изъ позднѣйшихъ изслѣдователей прямо заявилъ, что нашъ критикъ «выносилъ строго обдуманныя статьи» изъ бесѣдъ друзей и можетъ «назваться по преимуществу обобщителемъ идей» [49]).

Въ этомъ заявленіи уже нѣтъ ни вражды, ни наивности, если только буквальное и непосредственное пониманіе заявленій самого Бѣлинскаго не считать опромечтивостью и недомысліемъ. На первый взглядъ можетъ показаться неожиданной наша оговорка. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, должны быть принимаемы личныя сообщенія писателя о собственномъ духовномъ развитіи, какъ не буквально и не непосредственно!

Мы думаемъ, бываютъ случаи, когда именно прямыя свидѣтельства заинтересованнаго лица о своихъ отношеніяхъ къ другимъ лицамъ могутъ не соотвѣтствовать истинѣ. Это безусловно возможно, когда свидѣтельства высказываются подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній, когда одновременно совершается извѣстный процессъ и оцѣниваются его смыслъ и сила. Тогда какъ разъ виновникъ или жертва процесса можетъ явиться менѣе всего достовѣрнымъ и безпристрастнымъ судьей фактовъ и истолковате-

---

[48]) Письмо Плетнева Гроту. *Переписка*. II, 702.

[49]) Анненковъ. *И. В. Станкевичъ. Переписка его и біографія*. Москва 1857, стр. 73.

лемъ ихъ послѣдствій. И чѣмъ энергичнѣе и искреннѣе участіе въ процессѣ, тѣмъ менѣе должно быть у насъ надежды услышать отъ самого участника нелицепріятный и *исторически-правоспособный* приговоръ.

Эти соображенія какъ нельзя болѣе подходятъ къ вопросу о Бѣлинскомъ.

Мы, независимо отъ его лирическихъ изліяній по адресу друзей и руководителей, должны изслѣдовать самую сущность его нравственной природы и установить принципы ея постепеннаго роста. Мы, также помимо свидѣтельства сверстниковъ Бѣлинскаго, обязаны составить точное представленіе о психологіи его ближайшихъ друзей и на основаніи этого представленія опредѣлить возможныя духовныя воздѣйствія «кружка» на будущаго критика. Это единственные вѣрные пути къ рѣшенію первостепенной задачи въ нашей исторіи. Мы будемъ считаться не съ мимолетными настроеніями и возбужденными чувствами, а съ самыми источниками и—скоропреходящихъ волненій, и прочныхъ руководящихъ преобразованій міросозерцанія.

Какую нравственную почву представлялъ изъ себя Бѣлинскій, когда на него начали и продолжали дѣйствовать, по общему мнѣнію, сильнѣйшія вліянія Станкевича и его товарищей? Съ другой стороны, на какихъ преимуществахъ могло основываться рѣшающее дѣйствіе этихъ вліяній? Дѣйствительно ли Бѣлинскій явился податливымъ и вполнѣ благодарнымъ *матеріаломъ*, а его сверстники по всѣмъ правамъ заняли роли *творцовъ* и *образователей*?

Бѣлинскому шелъ девятнадцатый годъ, когда онъ явился въ Москву для поступленія въ университетъ. Это очень зеленая молодость, но уже въ двѣнадцать лѣтъ будущій писатель оказался старше своего возраста, и по очень основательнымъ причинамъ.

Современникъ, близко знавшій семью и раннюю жизнь Бѣлинскаго, дѣлалъ такой общій выводъ: «У жизни есть свои сынки и пасынки, и Виссаріонъ Григорьевичъ принадлежалъ къ числу самыхъ нелюбимыхъ своею лихою мачихою. Не радостно она встрѣтила его въ родной семьѣ и дѣтство его, эта веселая, беззаботная пора, было исполнено тревогъ и огорченій столько же, сколько и позднѣйшіе возрасты, и надобно было имѣть ему много воли, много любви, чтобы выйти побѣдителемъ изъ этой страшной борьбы съ роковыми случайностями».

Въ сущности, это выраженіе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, оно слишкомъ романтично и звучитъ интригующимъ тономъ. На самомъ дѣлѣ не было ничего романтическаго и ничего нарочито интереснаго. Мальчикъ просто осужденъ на безпріютность, одиночество и заброшенность съ самыхъ юныхъ лѣтъ. За нимъ не присматриваетъ ни чей любящій и заботливый взглядъ. Его на-

стоящее и будущее сполна въ его рукахъ. Некому даже позаботиться о приличной одеждѣ и онъ ходитъ съ прорѣхами, въ нагольномъ тулупѣ, живетъ по угламъ, располагая вмѣсто мебели квасными боченками и, по его словамъ, попадаетъ даже въ кругъ «людей презрѣнныхъ» [50]).

Такъ онъ позже пишетъ родителямъ, и здѣсь же прибавляетъ, что онъ «имѣлъ право лѣниться». При такихъ условіяхъ права не ограничиваются лѣнью. Мальчикъ могъ весьма легко уподобиться тѣмъ же презрѣннымъ людямъ или окончательно захирѣть и затеряться.

Ничего подобнаго не случилось.

Ученикъ уѣзднаго училища—онъ уже проникнутъ собственнымъ достоинствомъ. Онъ побѣдоносно справляется съ школьной наукой, не смущается ни низшаго, ни высшаго начальства, не приходитъ въ восторгъ отъ его похвалъ и не волнуется его наградами. Онъ будто *знаетъ себя* и съ двѣнадцати лѣтъ чувствуетъ силы, превосходящія всяческія внѣшнія поощренія и не нуждающіяся въ благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Онъ много читаетъ и не затрудняется показывать свои необязательныя знанія въ ученическихъ отвѣтахъ. Его уже теперь трудно цѣнить на общую мѣрку школьниковъ. На формальный взглядъ учителей онъ плохой ученикъ, на общечеловѣческій—онъ обладатель блестящихъ способностей, серьезной мысли и богатыхъ—оффиціально лишнихъ—знаній.

И мальчикъ отлично понимаетъ свое исключительное положеніе. Онъ—бѣдный, оборванный—не производитъ впечатлѣнія слабаго и заброшеннаго. Онъ смѣлъ въ поступкахъ и рѣчахъ, даже болѣе—онъ рѣшителенъ въ важнѣйшихъ вопросахъ своей дальнѣйшей жизни.

Онъ рано задумываетъ попасть въ университетъ и перестаетъ посѣщать гимназію. Его исключаютъ «за нехожденіе въ классъ». Его это не смущаетъ. Не даромъ онъ не руководится чужими мнѣніями, самъ обо всемъ думаетъ, и изгнаніе изъ гимназіи не разрушаетъ его плановъ и не подрываетъ его энергіи. Онъ является въ Москву съ единственнымъ капиталомъ—«пламеннымъ желаніемъ» достигнуть намѣченной цѣли, и становится студентомъ.

Начинается истинный мартирологъ! Сначала «казенный коштъ», нѣчто въ родѣ кантонистскаго общежитія... «Да будетъ проклятъ этотъ несчастный день!» восклицалъ потомъ Бѣлинскій, вспоминая свое поступленіе подъ кровъ казенныхъ благодѣяній.

А передъ этимъ только онъ умолялъ отца не оставить его умереть съ голоду, убѣдительно напоминалъ ему его званіе отца и

---

[50]) Письмо отъ 17 февр. 1831 года. *Р. Старина.* XV, 79.

описывалъ свои хожденія по мукамъ, среди безъисходной нужды въ платьѣ и въ пищѣ... Можно ли учиться въ такомъ положеніи?

Для Бѣлинскаго можно, если бы было гдѣ. Онъ страстно интересуется образовательными учрежденіями Москвы, — университетскимъ музеемъ, библіотекой, театромъ. Онъ даетъ подробные и горячіе отчеты родителямъ о своихъ новыхъ впечатлѣніяхъ. Онъ, очевидно, преисполненъ жаждой подѣлиться думами и чувствами и даже забываетъ о тяжелыхъ опытахъ своего дѣтства. Только въ невыносимые приступы отчаянія, когда въ отцовскихъ письмахъ оказывалась все та же жестокость и укоризны, Бѣлинскій вспоминалъ, какъ подобные «поступки» «раздирали душу» его. И по временамъ ему приходилось опять возвращаться къ давно знакомому убѣжденію: «Я вижу, что оставленъ, брошенъ, презрѣнъ, что обо мнѣ не хотятъ и знать»... [51]).

Эта смѣна мимолетнаго забвенія и отдыха воплями страшной нравственной боли наполняетъ всю университетскую жизнь Бѣлинскаго. Когда онъ восторженно говоритъ объ игрѣ Щепкина, разсуждаетъ о русскихъ писателяхъ, мы ясно видимъ, какъ истерзанная душа хватается за всякій призракъ свѣта и отрады. Она ищетъ примиренія съ какой бы то ни было дѣйствительностью. Потому что—противоестественна вѣчная боль надорванныхъ нервовъ и невыносимо мучительна непрестанная дрожь негодованія, мучительна особенно въ девятнадцать лѣтъ, когда такъ хочется гармоніи и счастья! И жажда примиренія здѣсь не будетъ прекраснодушнымъ вожделѣніемъ объ идиллическомъ покоѣ и мечтательномъ самодовольномъ блаженствѣ. Нѣтъ. Въ такой формѣ она роскошь, потребность исключительнаго комфорта послѣ того, какъ всѣ насущныя нужды удовлетворены и человѣку требуется не только счастье, но и наслажденіе.

Бѣлинскій далекъ отъ этого предѣла. Онъ не достигнетъ ничего подобнаго до конца своихъ дней. Онъ неустанно будетъ горѣть другой страстью,—не стремленіемъ и желаніемъ, а именно страстью. Вопросъ идетъ о спасеніи личности и жизни въ буквальномъ смыслѣ. Необходимо найти что-либо положительное, что-нибудь полюбить, на чемъ-нибудь успокоить жгучее чувство одиночества. Необходимо вѣровать и поклоняться, чтобы не истомиться въ конецъ гнѣвомъ и отчаяніемъ. Равнодушный скептицизмъ и эпикурейское презрѣніе совершенно недоступны подобной натурѣ. Вся ея жизнь въ движеніи, а оно немыслимо безъ цѣли, т. е. безъ идеала, безъ вѣрованія, безъ любви.

Впослѣдствіи Бѣлинскій разскажетъ про себя удивительную и въ то же время грустную исторію. Въ ея внутреннемъ смыслѣ заключена вся мощь его генія и все значеніе его жизненнаго дѣла.

[51]) *Р. Стар.* XV, 56, 60.

«Съ горя, чтобы любить хоть кого-нибудь, завелъ себѣ котенка и иногда развлекаю себя удовольствіемъ кроткихъ и невинныхъ душъ—играю съ нимъ» [52]).

Легко представить, съ какой стремительностью долженъ былъ искать «удовольствія кроткихъ и невинныхъ душъ» двадцатилѣтній студентъ, угнетаемый нищенской нуждой, лишенный опоры въ самыхъ близкихъ по природѣ людяхъ! Мы должны запомнить этотъ моментъ и его психологическое содержаніе. Онъ многое объяснитъ намъ въ самомъ критическомъ эпизодѣ духовной жизни Бѣлинскаго. Моментъ достигъ высшаго напряженія, благодаря жестокой неудачѣ самаго дорогого замысла нашего героя. Бѣлинскаго исключили изъ университета спустя два года по вступленіи—«по слабому здоровью и притомъ по ограниченности способностей» [53]). Это было несчастіе, но не горшее. Величайшее разочарованіе постигло Бѣлинскаго въ судьбѣ его литературнаго произведенія,—трагедіи. Онъ разсчитывалъ повернуть свой злополучный житейскій путь по другому направленію и былъ разбитъ безпощадно и непоправимо.

«Драматическая повѣсть»—*Дмитрій Калининъ* должна занимать одно изъ первыхъ мѣстъ среди нашихъ источниковъ для уясненія личности Бѣлинскаго и ея позднѣйшихъ преобразованій. «Повѣсть»—одна изъ искреннѣйшихъ исповѣдей, когда-либо возникшихъ изъ подъ писательскаго пера. Для насъ она непогрѣшимая путеводная нить въ исторіи великой души.

X.

Бѣлинскій, непосредственно послѣ разгрома своей мечты, такъ объяснялъ смыслъ своей драмы:

«Въ этомъ сочиненіи, со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовью къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, я въ картинѣ довольно живой и вѣрной представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ. Герой моей драмы есть человѣкъ пылкій, съ страстями дикими и необузданными; его мысли вольны, поступки бѣшены и слѣдствіемъ ихъ была его гибель».

Молодой авторъ находилъ, что подобная задача и такой герой вполнѣ допустимыя явленія. Онъ даже ждалъ лавровъ и одобренія отъ университетскаго начальства и цензурнаго вѣдомства, по очень

[52]) Письмо отъ 23 февраля 1843 года. *Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1891 годъ*. Москва 1892, стр. 282, въ статьѣ В. А. Гольцева.

[53]) Подлинный документъ объ увольненіи напечатанъ. *Р. Старина*. XV, 677—8.

простымъ соображеніямъ: «Мое сочиненіе не можетъ оскорбить чувства чистѣйшей нравственности и цѣль его есть самая нравственная»...

Какимъ же надо было обладать оптимизмомъ, чтобы питать такія мысли послѣ, кажется, весьма внушительныхъ опытовъ и отъ жизни, и отъ университетской науки! Бѣлинскій не могъ безъ чувства отвращенія вспоминать о реторическихъ упражненіяхъ ископаемыхъ профессоровъ піитики и элоквенціи. «Пошлость большей части нашихъ профессоровъ,—говоритъ кн. Одоевскій,—порождала въ немъ лишь презрѣніе». Утѣшеній никакихъ не давала университетская аудиторія. Оставалось искать ихъ внѣ университета, прежде всего въ своей личной мысли и въ вѣрѣ въ свои силы и въ свое будущее. А нравственная сила всегда найдетъ нѣчто свѣтлое и возвышенное даже среди окружающей дѣйствительности. Неизлѣчимая тоска и грусть или безпросвѣтный пессимизмъ, разрушающій всякую живую энергію—свидѣтельства немощи и малодушія. Бѣлинскій не поддавался этимъ недугамъ въ самыя тяжелыя минуты, и теперь онъ, задыхающійся въ тискахъ всевозможныхъ лишеній и разочарованій, готовъ пѣть гимнъ во славу красоты и истины.

Въ предисловіи къ драмѣ молодой авторъ ведетъ трогательную рѣчь о «морѣ мыслей и чувствованій, возбуждаемыхъ созерцаніемъ этой чудесной, гармонической, безпредѣльной вселенной... судьбою человѣка, сознаніемъ его нравственнаго величія». Это — романтическій идеализмъ, шиллеровскія настроенія и они подскажутъ автору и ослѣпительный блескъ въ лицѣ героини трагедіи, подавляющую силу и отвагу въ лицѣ героя и кромѣшную тьму въ душахъ враговъ добра. Великое и ничтожное будутъ доведены до крайнихъ предѣловъ, человѣческое превратится или въ божественное, или въ адское. Никакихъ сдѣлокъ съ будничной дѣйствительностью и уступокъ смертной природѣ авторъ не допуститъ. Такъ и впослѣдствіи онъ, охваченный идеей, пойдетъ до послѣднихъ логическихъ выводовъ, какіе только возможны, и готовъ будетъ, подобно средневѣковому рыцарю, пожертвовать своимъ счастьемъ и самой жизнью, лишь бы ни одна тѣнь, ни что двусмысленное не коснулось обожаемаго имени его дамы. Все равно, какъ у Лермонтова еще съ дѣтскаго возраста сталъ складываться образъ мощный и таинственный, впослѣдствіи воплотившійся въ Демонѣ и во множествѣ демоническихъ фигуръ, такъ и у Бѣлинскаго въ годы юности развился истинно религіозный культъ предъ неустрашимо-послѣдовательной духовной силой, предъ цѣльностью мысли и чувства, предъ неразрывной гармоніей ума и воли, міросозерцанія и жизни.

Въ этомъ представленіи интересъ трагедіи. Объ ея художе-

ственныхъ достоинствахъ не можетъ быть и рѣчи. Здѣсь она—нестройный крикъ, но именно, и драгоцѣнна своей нестройностью и своей открытой искренностью. Пусть герой Дмитрій Калининъ напоминаетъ Карла Моора, а героиня Софья Лѣсинская—Луизу, пусть и для лагеря злодѣевъ можно найти сколько угодно подлинниковъ, отнюдь не въ жизни, а въ шиллеровской поэзіи, трагедія все-таки результатъ не перечитаннаго, а пережитаго, и—главное, передуманнаго.

Мысль—единственная и всемогущая муза новаго писателя, и если онъ станетъ чертить свои фигуры слишкомъ одноцвѣтными красками, если онъ каждую изъ нихъ превратитъ въ плоть какого-нибудь отвлеченія, это будетъ торжествомъ преслѣдующей его идеи. Въ общемъ выростетъ стремительная атака на «тиранство», т. е. крѣпостное право.

Дмитрій Калининъ—олицетворенная страсть и «горячка». Даже о самыхъ обыкновенныхъ, «прозаическихъ» предметахъ онъ говоритъ пылко и стремительно. Онъ воспринимаетъ жизнь совершенно иначе, чѣмъ другіе люди. Онъ одаренъ, повидимому, неизмѣримо бо́льшимъ количествомъ тончайшихъ путей, по нимъ впечатлѣнія доходятъ до его ума и сердца и дивной душевной лабораторіей, неутомимо выбрасывающей снопы героическихъ образовъ и запальчивыхъ идей. Мы по первому его монологу чувствуемъ, что явленія внѣшняго міра, безразличныя для большинства, способны этого человѣка бросить въ жаръ и холодъ и вызвать у него неожиданную вереницу общихъ мыслей и искреннѣйшихъ сердечныхъ откровеній. И тогда нѣтъ на его пути достаточно внушительныхъ силъ, чтобы заставить его податься въ сторону или остановиться.

И вы не думайте, будто это лишь одна накипь молодости, чисто шиллеровская буря и натискъ, естественныя въ незрѣлые годы романтизма и совершенно неосновательные въ возрастѣ возмужалости и солидности. У Бѣлинскаго не будетъ и даже немыслимъ вдохновитель, подобный Гёте. Никакой олимпіецъ и тайный совѣтникъ не совратитъ «неистоваго Виссаріона» съ его рыцарственной дороги. Онъ до послѣдняго момента будетъ горѣть неугасимымъ огнемъ недовольства, протеста и неутомимой жаждой все той же разумной и справедливой гармоніи.

Хотите доказательствъ, обратитесь къ личнымъ письмамъ Бѣлинскаго, и именно къ тѣмъ, гдѣ вопросы стоятъ просто и до прозрачности ясно, гдѣ интересы автора не взвинчены никакимъ публицистическимъ азартомъ и преднамѣренной аффектаціей.

Дмитрій Калининъ неистовствуетъ противъ разрушителей его личнаго счастья, опирающихся на господское право по закону «мучить себѣ подобныхъ». Въ сходное положеніе попадаетъ самъ авторъ драмы.

Онъ задумываетъ жениться и немедленно наталкивается на стѣну предразсудковъ, отдѣляющую его невѣсту отъ подлинной человѣческой свободы и независимаго достоинства мыслящей личности. И посмотрите, что̀ совершается съ этимъ, уже весьма закаленнымъ бойцомъ!

Это все тѣ же монологи Дмитрія Калинина, и даже сущность ихъ не измѣнилась, потому что на свѣтѣ не бываетъ двухъ правдъ и верховныя нравственныя истины не подлежатъ метаморфозамъ.

Въ письмахъ къ будущей женѣ Бѣлинскій не стѣсняется осыпа̀ть проклятіями ея старомодныхъ родственниковъ, почитателей разныхъ свадебныхъ обычаевъ, невѣсту укорять въ тѣхъ же рабскихъ чувствахъ и грозить ей, что онъ посѣдѣетъ отъ гнусной жениховской «пытки»! Онъ буквально дрожитъ отъ негодованія и обиды при одной мысли вступить въ сдѣлку съ ненавистнымъ «общественнымъ мнѣніемъ». Слова «низко», «недостойно» гремятъ безпрестанно. Для него въ дѣйствительности нѣтъ даже понятій *теорія* и *практика*, идея и жизнь, для него это нѣчто безусловно цѣльное, неразрывное и, можно сказать, *физически* связанное со всѣмъ его существомъ [54]).

На иной взглядъ можетъ показаться едва вѣроятнымъ и даже забавнымъ, какъ человѣкъ поднимаетъ бурю изъ-за такого второстепеннаго вопроса, вѣнчаться ли по общепринятому порядку, въ присутствіи родственниковъ или какъ-нибудь проще? Но для Бѣлинскаго здѣсь вопросъ *кровный*, какъ онъ самъ выражается, и кровный именно потому, что на сцену выступаетъ мысль о сдѣлкѣ, хотя бы даже фактически ничтожной измѣнѣ убѣжденію. А въ этомъ смыслѣ для Бѣлинскаго нѣтъ мелочей. Какъ у истиннаго рыцаря, у него всякое лыко въ строку, разъ задѣта честь его идеала. Не можетъ быть и рѣчи о политикѣ, о колебаніяхъ и послабленіяхъ. Для Бѣлинскаго благородная мысль, пребывающая въ области созерцанія и заглушаемая силой и назойливыми притязаніями дѣйствительности, совершенная безсмыслица и чистѣйшая пошлость. «Это значитъ молиться Богу своему втайнѣ, а въявь приносить жертвы идоламъ».

И намъ, не легко, можетъ быть, представить, сколько въ самомъ дѣлѣ заключалось здѣсь натуры и крови. Послушайте, что̀ Бѣлинскій пишетъ невѣстѣ въ отвѣтъ на ея доводы о неизбѣжности вмѣшательсства «общественнаго мнѣнія» въ ея свадьбу. Приведемъ всего нѣсколько строкъ, по истинѣ замѣчательныхъ, вскрывающихъ съ анатомической точностью душу удивительнаго человѣка.

---

[54]) Письма Бѣлинскаго къ М. В. Орловой, его невѣстѣ, напечатаны въ *Сборникѣ О. Л. Р. С.* на 1896 годъ, стр. 157 etc.

«Да, Marie, мы съ вами во многомъ расходимся. Вы, за отсутствіемъ какихъ-либо внутреннихъ убѣжденій, обожествили деревяннаго болвана общественнаго мнѣнія и преусердно ставите свѣчи своему идолу, чтобъ не разсердить его. Я съ дѣтства моего считалъ за пріятнѣйшую жертву для Бога истины и разума — плевать въ рожу общественному мнѣнію тамъ, гдѣ оно глупо или подло, или то и другое вмѣстѣ. Поступить наперекоръ ему, когда есть возможность достигнуть той же цѣли тихо и скромно, для меня божественное наслажденіе».

Это не фразы. За нихъ авторъ разсчитывается всѣми своими нервами, всѣми силами ума и таланта. Этимъ впослѣдствіи объяснится намъ удивительный фактъ. Сколько бы перемѣнъ ни происходило въ міросозерцаніи Бѣлинскаго, въ какія бы крайности онъ ни бросался, его *нравственный* авторитетъ не колебался среди его друзей и читателей.

Сочинить бородинскія статьи наканунѣ сороковыхъ годовъ стоило громаднаго риска въ томъ кругу, гдѣ вращался критикъ. Но сочинить совершенно безкорыстно, ради единственнаго удовольствія высказать свое мнѣніе—это кореннымъ образомъ мѣняло вопросъ:

Бѣлинскій какъ былъ, такъ и остался чистѣйшимъ духовнымъ зеркаломъ для близкихъ ему людей. Такіе различные по личнымъ характерамъ и умственному направленію люди, какъ Панаевъ, Тургеневъ, Кавелинъ, Герценъ, Станкевичъ, единодушно свидѣтельствуютъ о кристальной чистотѣ нравственной природы Бѣлинскаго и чисто стоическомъ благородствѣ и неподкупности его стремленій.

Съ общаго безмолвнаго согласія онъ превратился въ оригинальнаго цензора нравовъ. Люди, чувствовавшіе за собой какой-либо изъянъ, тщательно таили его отъ взоровъ безпощаднаго энтузіаста, будто отъ воплощенной совѣсти и невольно становились лучше въ присутствіи призваннаго судьи, одинаково нелицепріятнаго и съ собой, и съ другими.

Даромъ не даются такія права. Человѣческій эгоизмъ только въ исключительныхъ случаяхъ поступается своими притязаніями. Дѣятельность и личность Бѣлинскаго были именно такимъ случаемъ для современниковъ, считавшихъ въ своемъ кругу первостепенныя художественныя и умственныя силы. Не простили бы другому и «абстрактный героизмъ» и непосредственно воспослѣдовавшее фанатическое обожаніе дѣйствительности, не простили бы именно при общественныхъ и литературныхъ условіяхъ эпохи.

Но относительно Бѣлинскаго никто не смѣлъ помыслить о злорадной мести, объ унизительныхъ намекахъ. Онъ будто парилъ на недосягаемой высотѣ—если не идейной непогрѣшимости во всѣхъ астныхъ вопросахъ, то общей принципіальной безупречности.

И позднѣйшимъ противникамъ критика приходилось жаловаться на *деспотизмъ* имени и таланта Бѣлинскаго. Такія жалобы, напримѣръ, пускалъ въ ходъ одинъ изъ достойныхъ младшихъ современниковъ критика—Валеріанъ Майковъ, рѣшившійся спорить съ грознымъ «вожакомъ» по нѣкоторымъ второстепеннымъ вопросамъ искусства.

Надо сколько-нибудь вдуматься въ эти явленія и чрезвычайность ихъ, особенно въ исторіи нашего общества, должна поразить самаго предубѣжденнаго наблюдателя.

Но здѣсь чрезвычайное—естественно и законно. Какъ же иначе можно смотрѣть на человѣка, способнаго переживать такіе, напримѣръ, моменты?

Его убѣжденія остаются безплодными, предъ нимъ продолжаютъ воздвигать все тотъ же призракъ идола, тогда онъ пишетъ:

«Письмо ваше, Marie, заставило меня перегорѣть въ жгучемъ мучительномъ огнѣ такихъ адскихъ мукъ, для выраженія какихъ у меня нѣтъ словъ. Мнѣ хотѣлось броситься не на полъ, а на землю, чтобы грызть ее. Задыхаясь и стоная, валялся я по дивану. Мой докторъ говорилъ на сторонѣ, что если бы я не послалъ къ нему, я или бы умеръ къ утру отъ удара въ голову, или сошелъ бы съ ума».

Эта сцена совершенно въ духѣ юношеской трагедіи и прославленный писатель не далеко ушелъ отъ Дмитрія Калинина по «огненнымъ словамъ, живымъ ббразамъ и непосредственному чувству».

Это—его выраженія и въ нихъ подлинный портретъ ихъ автора отъ его первой молодости до заката дней. Письмо къ Гоголю, увѣнчивавшее «ратованіе» всей жизни Бѣлинскаго будетъ все такимъ же гремящимъ монологомъ драмы, какими теперь являются предъ нами рѣчи «раба».

XI.

Рабъ—на этомъ понятіи построенъ весь паѳосъ трагедіи. «Я весь превращаюсь въ злобу и неистовство»,—говоритъ Дмитрій, и это только при одномъ звукѣ слова. Протесты Карла Моора не идутъ ни въ какое сравненіе съ «неистовствомъ» нашего героя. Тамъ почти сплошной книжный багажъ, иносказанія на темы женевскаго философа, чужая теорія, только подогрѣтая своими экстренными средствами. Герои бѣгаютъ «опрометью», «какъ сумасшедшіе», говорятъ «съ пламенѣющими щеками», стоятъ «будто пораженные громомъ», ударяютъ о камни оружіемъ непремѣнно такъ, что «сыплются искры», постоянно призываютъ небо, адъ, землю, всякіе ужасы, любятъ бесѣдовать весьма свободно съ самимъ Богомъ.

Подобныхъ ремарокъ и припадковъ мы найдемъ не мало и въ драмѣ Бѣлинскаго, въ ту эпоху одержимаго «абстрактнымъ героизмомъ» и шиллеровскимъ геніемъ. Но по существу—какая громадная разница! Мы должны сосредоточить на ней наше вниманіе. Она подготовитъ насъ къ точному отвѣту на величайшій вопросъ въ исторіи Бѣлинскаго: почему Шиллеръ могъ кончить эллинствующимъ созерцателемъ, а его когда-то страстный поклонникъ—умереть съ пламенной рѣчью на устахъ, сгорѣть въ борьбѣ какъ въ своей стихіи?

Герой шиллеровской юности—гигантъ внѣ всякихъ человѣческихъ измѣреній. Онъ вычеркиваетъ изъ жизни человѣчества все прошлое и настоящее, уничтожаетъ общество, его исторію, его законы. Ему гадокъ чернильный вѣкъ, гадки люди, заслоняющіе ему «человѣчество», нестерпима философія, стремящаяся «обморочить природу», ненавистны въ особенности всякіе законы: «они превратили въ улитокъ то, что взвилось бы орлинымъ полетомъ, и не создали ни одного великаго человѣка».

Сущность созерцанія Карла Моора лежитъ за предѣлами обычнаго мірового порядка и строя. Онъ желаетъ всего или ничего, крайность и геніальность для него тожественны. «Свобода», по его мнѣнію, «производитъ крайности и колоссовъ». Его преслѣдуютъ исключительно грандіозные образы. *Людей* нѣтъ, есть *человѣчество*, а самъ герой мститель за его страданія и орудіе Верховнаго судьи.

На меньшемъ Карлъ Мооръ не помирится. Еще ребенкомъ онъ мечталъ «жить какъ солнце и какъ оно умереть». На этомъ тріумфальномъ пути нѣтъ препятствій, не можетъ быть паденій. «Пусть страданія,—восклицаетъ герой,—разобьются о мою твердость! Я выпью до дна чашу бѣдствій!...»

Очевидно, предъ нами героизмъ по существу внѣ времени и пространства, даже внѣ законовъ природы. Отъ подобнаго азарта весьма естественно и даже прямо разумно перейти къ охлажденію и разочарованію. Кто одушевленъ мыслью слить черную землю съ голубымъ небомъ, кто горитъ притязаніями наложить печать своего личнаго могущества на самыя основы жизни и природы, тотъ собственными усиліями роетъ пропасть и для своихъ притязаній и для своего одушевленія. Это все равно, что поднять человѣческій голосъ на высоту инструмента: голосъ неминуемо оборвется и пѣвецъ можетъ утратить способность пѣть даже обыкновеннымъ человѣческимъ голосомъ.

Такъ именно произошло съ Шиллеромъ.

Наслѣдіемъ фантастическаго величія и молніеноснаго героизма явились кроткія пѣсни въ честь неземной красоты и неуловимыхъ сновъ прекрасной души. Бѣлинскій явно вдохновлялся Шиллеромъ

и *Разбойниками* по преимуществу. Это—первая ступень его духа, для насъ особенно поучительная: на ней долженъ обнаружиться весь полетъ будущаго писателя.

Дмитрій Калининъ не меньше Карла Моора чувствуетъ пристрастіе къ роковымъ настроеніямъ и потрясающему поведенію, «погружается въ мрачную задумчивость», «скрипитъ отъ ярости зубами», впадаетъ въ «неистовый восторгъ», явно соревнуетъ съ шиллеровскимъ разбойникомъ, желая, въ случаѣ гибели своихъ надеждъ, «въ одно мгновеніе истребить этотъ чудовищный міръ»...

«О! кровавыми руками,—восклицаетъ онъ,—исторгнулъ бы я тогда изъ своего сердца остатки жалости и состраданія, превратилъ бы всѣ мои чувства и помышленія въ ярость и неистовство, своимъ дыханіемъ, какъ вредоноснымъ ядомъ заразилъ бы воздухъ и воду, и, смотря на ужасъ и суетливость, съ которыми бы зашевелились эти муравьи въ своемъ муравейникѣ, съ дикимъ хохотомъ, съ адскимъ самонаслажденіемъ проговорилъ бы: «Я рабъ! Софья выходитъ замужъ!..» [55]).

Это—достойно Шиллера. Но прислушайтесь къ восклицанію *я рабъ*! это русскіе звуки, безусловно реальные и, слѣдовательно, истинно-драматическіе. Паѳосъ Дмитрія сосредоточенъ не на коренномъ преобразованіи міроздания, а на самомъ близкомъ осязаемомъ злѣ русской дѣйствительности. Рядомъ съ нимъ является на сцену герой, напоминающій также шиллеровское созданіе—камердинера изъ *Коварства и любви*. Въ этой трагедіи поэтъ несравненно ближе къ землѣ и къ человѣческой правдѣ и камердинеръ, личность культурно-историческая, живое народное преданіе о подвигахъ патріархальныхъ нѣмецкихъ властителей. Иванъ Бѣлинскаго выполняетъ ту же задачу.

Онъ—крѣпостной и вся его роль создана за тѣмъ, чтобы объяснить публикѣ смыслъ этого общественнаго состоянія. Предъ нами Иванъ не только разсказываетъ о неистовствахъ барыни, но и претерпѣваетъ ихъ. Мы видимъ *практику* крѣпостничества во всей истинѣ и здѣсь же находится человѣкъ, умѣющій краснорѣчиво и, по собственному опыту, прочувствованно оцѣнить явленіе.

Послѣ разсказа Ивана Дмитрій произноситъ слѣдующій монологъ:

«Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами?.. Кто далъ это гибельное право однимъ людямъ порабощать волю другихъ,

---

[55]) Картина третья. Пьеса напечатана въ *Сборникѣ О. Л. Р. С. на 1891 годъ*. Нѣсколько сценъ напечатаны въ *Р. Старинѣ*, 1876, январь. Въ этомъ отрывкѣ нѣкоторыя лица носятъ другія имена, чѣмъ въ полномъ текстѣ. Трагедія раньше называлась *Владиміръ и Ольга*. Воспоминанія Н. Аргиландера. *Р. Стар.* XXVIII, 141.

подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ для потѣхи или для разсѣянія содрать шкуру съ своего раба, можетъ продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!.. Милосердый Боже! Отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ змѣевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ, и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?..»

Въ экземплярѣ, представленномъ въ цензурный комитетъ, авторъ счелъ нужнымъ сдѣлать къ монологу своего героя примѣчаніе. Здѣсь говорится о «славѣ и чести нашего мудраго и попечительнаго правительства», истребляющаго «подобныя тиранства». Для доказательства приводится указъ о наказаніи нѣкоей купчихи «за тиранское обращеніе съ своею дѣвкою». «Этотъ указъ,—прибавляетъ авторъ, — долженъ быть напечатанъ въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ друзей человѣчества, въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ россіянъ, умѣющихъ цѣнить мудрыя распоряженія своего правительства» [56]).

Явная, captatio benevolentiae по адресу подлежащаго вѣдомства. Но дипломатія Бѣлинскаго не имѣла ни малѣйшаго успѣха, только, повидимому, разожгла негодованіе профессоровъ-цензоровъ. Они грозили ему, ни болѣе, ни менѣе, какъ лишеніемъ правъ состоянія и ссылкой въ Сибирь... Такъ разсказываетъ очевидецъ, и въ разсказѣ нѣтъ ничего неправдоподобнаго, если мы припомнимъ даже университетскіе нравы и литературные пріемы Каченовскихъ и Надеждиныхъ, еще сравнительно лучшихъ среди академическихъ просвѣтителей тридцатыхъ годовъ [57]).

И цензоры—правы. *Духъ* трагедіи слишкомъ громко говорилъ за себя, чтобы его можно было облагонамѣрить кроткими примѣчаніями. Даже безнадежно близорукимъ и глухимъ могла броситься искренность, воодушевлявшая именно монологи протеста. Въ эти минуты авторъ уже теперь иногда обнаруживалъ истинно-художественное дарованіе, обильно отпущенное ему природой, не драматическое, а сверкающій лиризмъ, впослѣдствіи одно изъ неотразимыхъ оружій критика.

Такъ, напримѣръ, героиня на разсудительные уговоры подруги отвѣчаетъ, что ея несчастія безпримѣрны и горю ея нѣтъ предѣловъ. «Въ цвѣтущей юности, въ порѣ сладостныхъ мечтаній, осыпан-

---

[56]) *Сборникъ*, стр. 528.

[57]) Восп. Аргиландера. *Ib.*, стр. 142.

ная всѣми дарами фортуны и воспитанія, я есть ни что иное, какъ жертва, украшенная цвѣтами для закланія».

Столь же краснорѣчивъ авторъ и тамъ, гдѣ должна звучать его личная завѣтная жажда свѣта и гармоніи. Онъ, несомнѣнно, весь на сторонѣ своего героя, когда тотъ мечтаетъ о свободномъ жизненномъ пути: «цвѣточной цѣпью прикую къ себѣ вѣтреное, легкокрылое счастіе, и вся жизнь моя будетъ восторгъ, упоеніе и любовь».

Мы твердо увѣрены, подобный идеалъ недостижимъ ни для автора, ни для его героя. Но мечты всегда отражаютъ дѣйствительность: чѣмъ она безотраднѣе и чѣмъ мучительнѣе напряженіе силъ, тѣмъ настоятельнѣе желаніе—«забыться и заснуть». Именно у самыхъ энергическихъ натуръ неизбѣжны эти мгновенныя вожделѣнія о покоѣ и не мерцающемъ свѣтѣ. Это моменты невольной усталости и какъ бы самоотреченія, но тѣмъ выше и грознѣе слѣдующій протестующій взрывъ!..

У Бѣлинскаго онъ всегда будетъ направленъ на предметъ всѣмъ ясный и, что, особенно существенно—вполнѣ доступный воздѣйствію человѣческихъ силъ. Предъ нами неопровержимое доказательство, что протестъ—осмысленный и логически-послѣдовательный результатъ личной жизни негодующаго юноши. Авторъ трагедіи лишенъ таланта чувства и идеи воплощать живые художественные образы, но онъ становится истиннымъ художникомъ всякій разъ, когда пламенной рѣчью клеймитъ рабскую и убогую дѣйствительность. Этотъ лиризмъ страсти и гнѣва ляжетъ въ основу публицистическаго генія Бѣлинскаго. Безпрестанно почерпая новые мотивы въ ближайшихъ личныхъ опытахъ, критикъ ни на одно мгновеніе не отдалится отъ жизни и правды, какими бы теоріями и символами философской вѣры ни увлекался его вѣчно жаждущій умъ.

И мы съ самаго начала должны твердо и отчетливо запомнить родовыя черты этого оригинальнаго типа, установить прирожденныя основы мыслящей и дѣйствующей личности. Тогда только мы можемъ разсчитывать на правильное рѣшеніе основного вопроса: на сколько Бѣлинскій былъ созданъ внѣшними вліяніями и на сколько его дѣятельность можетъ считаться самобытнымъ и, слѣдовательно, исторически прочнымъ достояніемъ русской общественной мысли?

Соберемъ же въ одно цѣлое всѣ доступные намъ факты и установимъ гармоническій духовный образъ человѣка, представившаго изъ своей умственной жизни такую, повидимому, неуловимо-пеструю, непримиримо-разнородную картину.

XII.

Мы видѣли впечатлѣніе, произведенное первыми статьями Бѣлинскаго. Его можно кратко и точно выразить словами одного изъ современниковъ: *правдивый и рѣзкій голосъ* [58]). Этимъ выраженіемъ удачно схвачены и *смыслъ*, и *форма* произведеній Бѣлинскаго. Критику мало высказать правду, ей надо сообщить особенно яркую окраску, не только изложить мысль, а провозгласить ее, не только убѣдить читателей, а увлечь ихъ, овладѣть ими и превратить ихъ не только въ сочувствующую, но и содѣйствующую публику, попытаться ихъ настроенія непосредственно слить съ дѣломъ. Писатель самъ *живетъ* своими идеями, того же *органическаго* участія въ идеяхъ онъ требуетъ и отъ другихъ.

Это фактъ величайшей психологической и культурной важности. *Мысль есть дѣло*, *слова—поступки*, писатель—отвѣтственнѣйшее нравственное лицо, какъ представитель высшихъ духовныхъ интересовъ общества. Эти истины могутъ показаться намъ весьма простыми, но далеко не просты онѣ въ дѣйствительности, особенно если ихъ изъ области теоретическаго краснорѣчія перенести на сцену фактическаго осуществленія. Даже среди лучшихъ современниковъ Бѣлинскаго, его личныхъ друзей господствующая черта его писательскаго характера вызывала нѣчто въ родѣ испуга и тягостныхъ ощущеній.

Погодинъ могъ совершенно естественно «обращаться къ умственности» молодого критика, по его словамъ—«малаго съ чувствомъ, какіе попадаются рѣдко» [59]). Но то же самое дѣлали люди, ни единой чертой не напоминавшіе московскаго профессора. Станкевичъ рисовалъ Бѣлинскому самыя отрадныя перспективы его будущей дѣятельности, но съ однимъ условіемъ «только будь посмирнѣе», и не переставалъ охлаждать температуру чувствъ своего друга всевозможными средствами—насмѣшкой, убѣжденіями, совѣтами [60]). Даже Бакунинъ, отважнѣйшій діалектикъ среди современныхъ русскихъ философовъ, приходилъ въ ужасъ и смущеніе отъ стремительности своего ученика по гегельянству.

Бѣлинскій такъ писалъ объ этомъ эпизодѣ:

«Учитель мой возмутился духомъ, увидѣвъ слишкомъ скорые и слишкомъ обильные и сочные плоды своего ученія, хотѣлъ меня остановить, но поздно: я уже сорвался съ цѣпи и побѣжалъ благимъ матомъ» [61]).

---

[58]) Слова Панаева въ письмѣ къ Бѣлинскому.
[59]) Барсуковъ. IV, 306.
[60]) *Переписка и біографія*, стр. 128, 131.
[61]) Пыпинъ. I, 298.

Другими свидѣтелями подобныхъ приливовъ энергіи овладѣвали чувства, еще менѣе лестныя для энтузіаста. Эстетикъ и эпикурействующій созерцатель В. П. Боткинъ смотрѣлъ на неразумную трату крови и воли съ улыбкой пріятельскаго соболѣзнованія и покровительственнаго снисхожденія, какое обыкновенно испытываютъ уравновѣшенные и благоразумные господа къ безтолково-мятущейся молодости.

Боткинъ не осуждаетъ Бѣлинскаго. Доброта и художественное чувство самодовольнаго резонера идутъ такъ далеко, что въ вѣчныхъ безкорыстныхъ волненіяхъ Бѣлинскаго онъ все-таки видитъ нѣчто прекрасное и благородное, даже больше — ощущаетъ сладостныя, сочувствующія движенія сердца.

«Въ этой желчной слабости,—пишетъ онъ,—вѣчной младенческой беззащитности, въ этой безпрерывной борьбѣ теоретическаго, добросовѣстнаго ума съ вопіющимъ и оскорбленнымъ сердцемъ, Бѣлинскій возбуждаетъ во мнѣ не только задушевное участіе, но привязанность, которая сильнѣе всей прежней къ нему привязанности» [62]).

Очень нѣжно, но неизмѣримо пріятнѣе такія чувства испытывающему ихъ, чѣмъ вызывающему ихъ. И все это въ высшей степени краснорѣчиво. Предъ нами *исключительное явленіе*, въ полномъ смыслѣ слова, цѣлой нравственной пропастью отдѣленное даже отъ просвѣщеннѣйшихъ и доброжелательнѣйшихъ сверстниковъ и современниковъ. Бѣлинскій одинъ и единственный по своей натурѣ, и такимъ остается отъ начала до конца.

Рѣшительно каждый фактъ, касающійся важныхъ отношеній Бѣлинскаго и его друзей, рѣзко подчеркиваетъ ничѣмъ не сглаживаемую, ни предъ чѣмъ не уступающую *самобытность* его личности. Мы рѣшаемся пойти дальше: всякій разговоръ о вліяніяхъ на Бѣлинскаго извнѣ, будь это идеально-поэтическое и изящное общество Станкевича или неотразимо-логическіе побѣдоносные философскіе диспуты Бакунина — плодъ недоразумѣнія и неточнаго представленія о личности Бѣлинскаго и объ источникахъ вліянія. Мы сдѣлаемъ еще шагъ и скажемъ: никто изъ тѣхъ, кто окружалъ Бѣлинскаго, по самой природѣ вещей не могъ такъ или иначе преобразовать его нравственнаго міра. Потому что такія преобразованія психологически возможны только въ томъ случаѣ, когда преобразователь *по натурѣ* сильнѣе и обильнѣе преобразуемаго, отнюдь не по богатству свѣдѣній, или по дару слова, или даже по литературному таланту, а по всей своей нравственной сущности. Если это условіе отсутствуетъ, не можетъ быть и

[62]) Письмо къ Анненкову, отъ 26 ноября 1846 года. — *Анненковъ и его друзья*, стр. 522.

рѣчи о вліяніи, а развѣ только о заимствованіи. Вліяніе есть подчиненіе и власть, и распространяется оно на человѣка, подчиняющагося всецѣло, не только на его мысли и разсужденія, а на его *фактическое* отношеніе къ внѣшнему міру.

Напримѣръ, мы имѣемъ полное право говорить о вліяніи Гёте на Шиллера. Пѣвецъ Карла Моора и маркиза Позы реально, а не теоретически только превратился въ примиреннаго филистера и эстетическаго ясновидца. Онъ не воспользовался гётевской мудростью самодовольнаго застоя и равнодушія лишь для звуковъ сладкихъ и молитвъ, а онъ сталъ жить по принципамъ этой мудрости, разъ навсегда преклонилъ предъ ними и свою мысль, и свое человѣческое достоинство. Это—дѣйствительно вліяніе.

Ничего подобнаго съ Бѣлинскимъ.

Боткинъ въ своей сладкоглаголовой рѣчи обмолвился однимъ меткимъ словомъ, упомянувъ о «вопіющемъ оскорбленномъ сердцѣ» Бѣлинскаго. Вотъ такое-то сердце и не мирится съ какими угодно настойчивыми вліяніями теорій и людей, а подчиняется лишь одной власти—жизненной правдѣ, непосредственно воспринятой и «добросовѣстнымъ умомъ» передуманной. А все другое, что намъ кажется внушеннымъ книгой или пріятельской бесѣдой, результатъ переходныхъ состояній духа, плодъ мучительной жажды хотя-бы мгновеннаго покоя и забвенія среди неизбывной борьбы идеальной мысли и гнетущей жизни. И мы увидимъ, самые мотивы, приковавшіе [по] обыкновенію страстное чувство Бѣлинскаго, какъ нельзя болѣе отвѣчали этой жаждѣ. Разъ захваченный какой-либо идеей, онъ шелъ до конца, до крайнихъ выводовъ не находя полнаго затишья и въ самомъ, повидимому, успокоительномъ міросозерцаніи. И этотъ именно фактъ, господствующій въ такой степени только надъ Бѣлинскимъ среди всѣхъ его друзей и учителей, бросаетъ вѣрный свѣтъ на смыслъ такъ называемыхъ внѣшнихъ вліяній и внушеній.

Окиньте взглядомъ жизненное поприще критика, возьмите Бѣлинскаго въ какой угодно моментъ,—вы повсюду найдете одинъ и тотъ же духъ. Его умѣетъ писатель вложить въ самыя несоотвѣтствующія идеи, остаться самимъ собой въ самой несродной теоретической атмосферѣ.

Мы видѣли шиллеровскій романтизмъ, вдохновившій Бѣлинскаго на жестокую трагедію. Вскорѣ наступитъ моментъ, когда Шиллеръ подвергнется жесточайшему развѣнчанію, «неистовыя проклятія» посыплются на «благороднаго адвоката человѣчества». Такъ выражается Бѣлинскій, точно передавая свое новое неистовство.

Оно, повидимому, полная противоположность предъидущему воззрѣнію. Бѣлинскому теперь ненавистна опека надъ человѣческимъ родомъ, его божество—дѣйствительность... Мы впослѣдствіи уви-

димъ, что̀ это означало не на діалектѣ философіи и лирическаго восторга, а на языкѣ общечеловѣческой будничной жизни. Теперь посмотримъ, какъ выразился новый культъ у нашего неутомимаго искателя религіи?

Казалось бы, что̀ можетъ быть покойнѣе—полнаго примиренія съ дѣйствительнымъ, признаніе его разумнымъ! Остается только горѣть тихимъ свѣтомъ любви и неограниченнаго благоволенія. Такъ это выходило даже у самого изобрѣтателя новой истины, у Гегеля, сливавшаго совершенно безпрепятственно разумную, философскимъ умомъ добытую дѣйствительность съ повелительными порядками прусской государственности. Русскіе гегельянцы, какъ мы увидимъ, не обинуясь, рекомендовали въ видѣ принципіальной програмы какъ разъ философическія оды Гегеля, образцоваго и благодарнаго представителя табели о рангахъ.

Бѣлинскій поучался гегельянству какъ разъ у переводчика этихъ «гимназическихъ рѣчей», и мы найдемъ изумительно точныя воспроизведенія замѣчаній переводчика въ статьяхъ критика. Вліяніе, надо полагать, несомнѣнное...

Но погодите дѣлать выводъ, обратите вниманіе, *какъ* пришелъ къ «разумной дѣйствительности» учитель Бѣлинскаго и какъ ухватился за нее ученикъ?

Бакунинъ обнаружилъ блестящій діалектическій талантъ, отчасти наслѣдственный: въ его семьѣ даже изъ женскихъ устъ безпрестанно слышались самые жестокіе отвлеченные термины новой философіи. Сама по себѣ семья представляла истинное царство разумной дѣйствительности, спокойное до идилличности, культурное до философизма, уравновѣшенно-счастливое до наслажденія самымъ процессомъ умственнаго анализа. Станкевичъ рекомендовалъ настоятельно Бѣлинскому сойтись тѣснѣе съ семьей Бакуниныхъ и объяснялъ, вполнѣ краснорѣчиво, и относительно своихъ собственныхъ понятій о счастьи и относительно среды, откуда вышелъ даровитѣйшій толкователь гегельянства.

Узнавъ, что Бѣлинскій проводитъ лѣто въ деревнѣ Бакуниныхъ, Станкевичъ писалъ:

«Полный благородныхъ чувствъ, съ здравымъ свободнымъ умомъ, добросовѣстный, онъ нуждается въ одномъ только: на опытѣ, не по однимъ понятіямъ, увидѣть *жизнь* въ благороднѣйшемъ ея смыслѣ; узнать нравственное счастье, возможность гармоніи внутренняго міра съ внѣшнимъ,—гармоніи, которая для него казалась недоступною до сихъ поръ, но которой онъ теперь вѣритъ. Какъ смягчаетъ душу эта чистая сфера кроткой, христіанской семейной жизни!» [63]).

---

[63]) *Переписка*, стр. 189.

Для автора этихъ тихихъ рѣчей здѣсь заключена полная *практическая* истина, для Бѣлинскаго она не болѣе, какъ развѣ сладкій голосъ, поющій про любовь въ минуты мимолетнаго забытья и сна. Разница обнаруживается немедленно при первомъ же изложеніи подробностей.

Станкевичъ, воспѣвъ гармонію и благость бытія, переходитъ къ проницательности Шиллера на счетъ «всего лучшаго въ Божьемъ твореніи». Разумѣется, Шиллеръ—идеалистъ и мечтатель. И, вѣроятно, самъ Бакунинъ не былъ далекъ отъ этого сліянія шиллеровскаго идеальнаго прекраснодушія съ гегельянскимъ практическимъ простодушіемъ. Мы видѣли, онъ испугался стремительнаго движенія своего ученика по указанному пути.

И Бѣлинскій, дѣйствительно, однимъ порывомъ покончилъ съ «пошлымъ шиллеризмомъ», и какъ покончилъ! Обратите вниманіе на изумительный способъ усваивать гармонію! Нѣчто менѣе всего гармоническое, кроткое и уже отнюдь не смягчающее души.

Бакунинъ не хотѣлъ, очевидно, безусловно отрывать Бѣлинскаго отъ «абстрактнаго героизма», а нападая на Шиллера, не прочь былъ сохранить для него почетное мѣсто, хотя бы безъ всякаго вліянія. Бѣлинскій не могъ допустить ни послабленій, ни недомолвокъ.

Онъ узналъ случайно отъ самого Бакунина лишній примѣръ наивностей, господствующихъ въ драмахъ Шиллера—«взревѣлъ отъ радости». Шиллеръ окончательно являлся прекраснодушнѣйшимъ подвижникомъ безплоднаго проповѣдничества и торжествующій Бѣлинскій восклицаетъ: «Новый міръ, новая жизнь! Долой ярмо долга... гнилой морализмъ и идеальное резонерство! Человѣкъ можетъ жить—все его, всякій моментъ жизни великъ, истиненъ и святъ!»

Слѣдовательно, любовь и благоволеніе и настоянія Станкевича «быть посмирнѣе» будутъ, наконецъ, выполнены?

Ничего подобнаго.

Дѣло въ томъ, что и *любить* можно отнюдь не гармоничнѣе, чѣмъ *ненавидѣть*, пожалуй, даже еще безпокойнѣе и неистовѣе.

Какъ разъ въ то самое лѣто 1837 года, когда онъ практически воспринималъ гегельянскую идею о разумной дѣйствительности среди кроткой и философической семьи, онъ сообщалъ одному изъ друзей такую истину:

«Ты знаешь мои понятія о людяхъ, ты знаешь, что я раздѣляю ихъ на два класса—на людей съ зародышемъ любви и людей, лишенныхъ этого зародыша. Послѣдніе для меня—скоты, и я почитаю слабостью всякое снисхожденіе къ нимъ».

Это очень краснорѣчиво, но у насъ имѣются еще болѣе сильныя изліянія страннаго обожателя дѣйствительности. Для него,

напримѣръ, дышать однимъ воздухомъ съ пошлякомъ и бездушникомъ все равно, что лежать съ связанными руками и ногами. Онъ презираетъ и ненавидитъ добродѣтель безъ любви и предпочтетъ бездну порока и разврата и разбой съ ножомъ въ рукахъ на большихъ дорогахъ пошлому резонерству, добротѣ по разсчету и честности изъ эгоизма. «Лучше быть падшимъ ангеломъ, т. е. дьяволомъ, нежели невинною, безгрѣшною, но холодною и слизистою лягушкою...»

Опасно быть любимымъ подобной любовью! Она требовательнѣе всякой ненависти и возлагаетъ страшную отвѣтственность на того, кого избираетъ своимъ предметомъ. Это именно сліяніе любви и ненависти въ одно неугомонное чувство, какое создало лермонтовскую поэзію и воплощено въ лицѣ одного изъ тургеневскихъ героевъ. Оно несравненно глубже и напряженнѣе, чѣмъ просто гнѣвъ и презрѣніе. Оно воинственное по самому существу и безпощадно разрушительное въ силу своей искренности и сознанія своего достоинства. И примиреніе Бѣлинскаго съ дѣйствительностью не что иное, какъ усиленно-страстное отношеніе къ ней, еще мучительнѣе запросы къ внѣшнему міру и къ философскимъ истинамъ, чѣмъ раньше—въ періодъ абстрактнаго героизма. Это—психологически въ высшей степени глубокая черта. Любовь не примиряетъ и не успокаиваетъ, а волнуетъ и изощряетъ взоръ и умъ.

Карлъ Мооръ могъ находить истинное утѣшеніе и даже счастье въ самомъ громогласіи и рѣшительности своего протеста. Бѣлинскій, увлекаясь такой же опекой надъ человѣчествомъ, могъ чувствовать себя исключительно-героической натурой, внѣ толпы и внѣ обычнаго порядка вещей. А что же можетъ быть усладительнѣе для юношескаго воображенія, какъ не такое выспреннее *сценическое* положеніе!

И Бѣлинскій, несомнѣнно, былъ счастливѣе и покойнѣе именно въ эпоху шиллеризма. Теперь ему указали путь совершеннаго умиротворенія, разумнаго оправданія дѣйствительности, и онъ затосковалъ безъисходными муками рыцаря, принужденнаго ежеминутно отдавать себѣ отчетъ въ любви къ крайне непостоянной и подозрительной дамѣ.

Съ одной стороны, умъ стремится къ дѣйствительности, и я, пишетъ Бѣлинскій, «трепещу таинственнымъ восторгомъ, сознавая ея разумность, видя, что изъ нея ничего нельзя выкинуть и въ ней ничего нельзя похулить и отвергнуть». Это одно—и такъ именно думалъ переводчикъ рѣчей Гегеля.

Но возникаетъ немедленно вопросъ: въ мірѣ существуютъ пошляки и бездушники, какъ же съ ними быть?

По принципу съ ними надо примириться, какъ съ неизбѣжнымъ звеномъ въ цѣпи дѣйствительныхъ явленій, и умъ, вѣроятно, и

примирился бы. Теоретическія системы могутъ совершать и не такія чудеса съ разсудкомъ. Но на сцену выступаетъ «оскорбленное сердце», «неистовая натура», и только-что установленная идея объективной любви ко всему существующему разлетается прахомъ. Философъ начинаетъ «неистовствовать и свирѣпствовать». Это—его выраженіе, повидимому, совершенно неумѣстное въ устахъ обладателя гармоніи. И вновь начинается «ратованіе», нисколько не уступающее азарту Дмитрія Калинина, только еще болѣе нервное и тревожное, будто отъ невольнаго сознанія, что новая вѣра—въ высшей степени скользкій путь и оправдывать его приходится съ вызывающей энергіей отчаянія и подавленныхъ протестующихъ воплей чувства.

Такое именно впечатлѣніе производитъ сцена, устроенная Бѣлинскимъ предъ однимъ изъ пріятелей наканунѣ появленія въ печати бородинскихъ статей.

Авторъ прочиталъ статью съ «лихорадочнымъ впечатлѣніемъ» и при первой попыткѣ слушателя возражать «съ жаромъ» засыпалъ его нервными рѣчами:

«Я знаю, что — не договаривайте, меня назовутъ льстецомъ, подлецомъ, скажутъ, что я кувыркаюсь передъ властями... Пусть ихъ! Я не боюсь открыто и прямо высказывать свои убѣжденія, что бы обо мнѣ ни подумали.

«Онъ началъ ходить по комнатѣ въ волненіи.

«— Да, это мои убѣжденія,—продолжалъ онъ, разгорячаясь все болѣе и болѣе.—Я не стыжусь, а горжусь ими... И что мнѣ дорожить мнѣніемъ и толками чортъ знаетъ кого? Я только дорожу мнѣніемъ людей развитыхъ и друзей моихъ... Они не заподозрятъ меня въ лести и подлости. Противъ убѣжденій никакая сила не заставитъ меня написать ни одной строчки... Они знаютъ это... Подкупить меня нельзя... Клянусь вамъ, Панаевъ, вы вѣдь еще меня мало знаете.

«Онъ подошелъ ко мнѣ и остановился передо мною. Блѣдное лицо его вспыхнуло, вся кровь прилила къ головѣ, глаза его горѣли.

«— Клянусь вамъ, что меня нельзя подкупить ничѣмъ!.. Мнѣ легче умереть съ голода—я и безъ того рискую этакъ умереть каждый день (и онъ улыбнулся при этомъ съ горькой ироніей), чѣмъ потоптать свое человѣческое достоинство, унизить себя передъ кѣмъ бы то ни было, или продать себя.

«Разговоръ этотъ со всѣми подробностями живо врѣзался въ мою память. Бѣлинскій какъ будто теперь предо мною... Онъ бросился на стулъ, запыхавшись... и, отдохнувъ немного, продолжалъ съ ожесточеніемъ:

«— Эта статья рѣзка, я знаю, но у меня въ головѣ рядъ статей еще больше рѣзкихъ... Ужъ какъ же я отхлещу этого негодяя

Менцеля, который осмѣливается судить объ искусствѣ, ничего не смысля въ немъ» [64]).

Намъ понятно смущеніе, какое вызывалъ подобный Орландъ у русскихъ гегельянцевъ, а самого Гегеля, вѣроятно, повергъ бы въ смертный ужасъ. Задолго передъ смертью Гегель съумѣлъ достигнуть полнаго примиренія не только съ тѣмъ, что дѣйствительно разумно, а просто, дѣйствительно сильно. Съ 1818 года до самой кончины на философа вліяло не столько діалектическое развитіе идей, сколько оффиціально-обязательное существованіе фактовъ.

Герценъ, очень высоко оцѣнивающій философію Гегеля, за исключеніемъ ея религіозныхъ тенденцій, произноситъ убійственный приговоръ нравственному значенію философа и практической роли его философіи въ наиболѣе зрѣлый періодъ... Этотъ приговоръ еще разъ освѣщаетъ намъ пропасть, лежавшую между подлиннымъ гегельянствомъ и гегельянскими увлеченіями Бѣлинскаго.

«Гегель,—пишетъ Герценъ,—во время своего профессората въ Берлинѣ, долею отъ старости, а вдвое отъ довольства мѣстомъ и почетомъ, намѣренно взвинтилъ свою философію надъ земнымъ уровнемъ и держался въ средѣ, гдѣ всѣ современные интересы и страсти становятся довольно безразличны, какъ зданія и села съ воздушнаго шара; онъ не любилъ зацѣпляться за эти проклятые практическіе вопросы, съ которыми трудно ладить и на которые надобно было отвѣчать положительно» [65]).

Это не совсѣмъ точно. Гегель весьма не прочь былъ отвѣчать на практическіе вопросы, именно съ своего воздушнаго шара. Знаменитое положеніе «государство есть осуществленное царство свободы» прямымъ путемъ привело философа къ идеалу безусловнаго поглощенія личности государствомъ, личной свободы государственнымъ авторитетомъ. И здѣсь, именно, дѣло не обошлось безъ философическихъ орнаментовъ, изъ спеціально-гегельянской терминологіи, но *практическая сущность* отвѣта выходила вполнѣ опредѣленной, сколько бы Герценъ ни укорялъ философа въ преднамѣренной «діалектической запутанности». Гегель съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ современный ему чистый историкъ и идеально-безкорыстный культурный мыслитель Ранке, служилъ историческому *моменту даннаго* государства. Этой *дѣйствительности* было вполнѣ достаточно, чтобы въ *мірѣ фактовъ*, а не умозрѣній, заслонить всѣ освободительные и даже разрушительные элементы, заключавшіеся въ діалектическомъ *методѣ* Гегеля. Методъ—*путь* философа, а указанная дѣйствительность—нравственно-практическій, самимъ философомъ осуществленный *предѣлъ*. Не можетъ быть и вопроса, что̀ именно подлежало непосредственному усвоенію уче-

[64]) Панаевъ. *О. с.*, стр. 358—9.

[65]) *Былое и думы.* VII, 124—5.

никовъ? Вопросъ рѣшился немедленно, лишь только пришлось истолковать основную аксіому школы: «что дѣйствительно, то разумно».

Изъ аксіомы можно сдѣлать самый радикальный выводъ: если разумно — существующее, то разуменъ и протестъ противъ него, потому что онъ тоже существуетъ и, слѣдовательно, дѣйствителенъ. Революція имѣетъ поэтому за себя не менѣе оправданій, чѣмъ подчиненіе господствующему строю. *Логически* опровергнуть этотъ выводъ нѣтъ возможности и аксіома узаконяетъ борьбу, а не примиреніе.

Но именно этого вывода и не было сдѣлано русскими гегельянцами. Они съ головой погрузились въ фетишизмъ дѣйствительности и тотъ же Бакунинъ, по словамъ Герцена, усиливался «примирить, объяснить, *заговорить*», лишь только возникло разногласіе чисто-гегельянскаго кружка Станкевича съ сенсимонстскими влеченіями друзей Герцена. Впослѣдствіи Бакунинъ освободился отъ буддійскаго очарованія не болѣе глубокимъ проникновеніемъ въ смыслъ гегельянства, а естественными наклонностями своей природы.

Это фактъ капитальной важности.

Никакія чисто философскія достоинства гегельянской системы не могутъ оправдать ея, по крайней мѣрѣ, въ двоедушіи—нравственномъ и политическомъ. Только личныя энергическія усилія самого творца системы могли предотвратить ея тлетворныя вліянія. Философъ всегда долженъ быть *личнымъ* воплотителемъ *практическаго* содержанія своей философіи, потому что на этой ступени она становится религіей и неизбѣжно порождаетъ секты. Гегель могъ видѣть своими глазами краснорѣчивѣйшія доказательства и Герценъ находитъ, что, «вѣроятно, старику иной разъ бывало тяжело и совѣстно смотрѣть на недальновидность черезъ край удовлетворенныхъ учениковъ своихъ».

Можетъ быть,—но что эта совѣстливость не осуществлялась въ дѣйствительности. Учитель предпочиталъ въ хорошія минуты благодушно острить надъ темнотой своей философіи и, конечно, еще забавнѣе смотрѣть на ратоборства и недоразумѣнія учениковъ. Это значило собственными руками разрушать культурное, общественно-просвѣтительное достоинство собственной мысли и Богу духа и истины предпочитать міръ самой неразумной дѣйствительности.

Этимъ объясняется, почему впослѣдствіи такъ низко палъ авторитетъ Гегеля у его прежнихъ русскихъ идолопоклонниковъ. Боткинъ, Тургеневъ, даже кроткій Станкевичъ или рѣшительно отвертываются отъ стараго «фетиша» и «стараго шута», или сопровождаютъ его имя полуснисходительной, полупрезрительной насмѣшкой [66]). Это чувство не означало безусловнаго уничтоженія всей философіи Гегеля и его таланта, но оно свидѣтельствовало о пол-

[66]) *Переписка* Станкевича, стр. 308. *Анненковъ и его друзья*, стр. 527.

номъ разочарованіи въ жизненныхъ положительныхъ заслугахъ и гегельянской мысли, и гегельянскаго философскаго дарованія. Станкевичъ шелъ еще дальше: подъ конецъ жизни онъ неустанно твердилъ Грановскому о необходимости *жить*, переставать думать и жить для разрѣшенія самыхъ трудныхъ вопросовъ, заниматься *постройкой жизни*—задачей, болѣе высокой, чѣмъ философія [67]).

Это значило призывать человѣка къ дѣятельности во что бы то ни стало, т. е. къ борьбѣ съ неразумной дѣйствительностью и созданію новой.

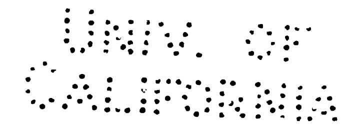
Но у Станкевича призывъ остался прекрасной мечтой, Бѣлинскій не нуждался въ немъ. Въ самый страстный періодъ любви и примиренія въ немъ бродила такая сила протеста, что ежеминутно слѣдовало ожидать побѣды натуры надъ теоріей, сердца надъ діалектикой, жизни надъ системой. И просвѣтленіе должно было произойти не только безъ пріятельскихъ вліяній, но прямо наперекоръ имъ, и прежде всего независимо отъ непосредственныхъ учителей по гегельянству Бакунина и Станкевича. О роли Бакунина мы знаемъ; намъ остается опредѣлить значеніе Станкевича въ духовномъ развитіи Бѣлинскаго.

Ив. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[67]) Біографія, стр. 187, 223.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Романъ изъ фабричной жизни: «Тяга» г. Боборыкина.—Обычные недостатки г. Боборыкина.—Преобладаніе внѣшней жизни и шаблонность въ описаніи внутренней.—Намѣчаемые авторомъ типы рабочихъ.—Дѣланность ихъ.—Не-русскій характеръ героевъ.—«Зеркала», новые разсказы г-жи Гиппіусъ.

Г. Боборыкинъ давно уже пользуется вполнѣ заслуженной извѣстностью отзывчиваго писателя, который чутко вслушивается и всматривается въ окружающую жизнь, чтобы затѣмъ въ образахъ и картинахъ возсоздать ея главныя теченія. Черта—для писателя прямо неоцѣненная, дѣлающая его произведенія живыми и придающая имъ непосредственный общественный интересъ. Такой писатель помогаетъ обществу разобраться въ сложныхъ явленіяхъ современности, выясняетъ ихъ и, придавая хотя бы и одностороннее освѣщеніе, вызываетъ работу мысли, движеніе въ литературѣ и обществѣ. Роль такого писателя особенно важна тамъ, гдѣ проявленія общественной жизни слабы и литература замѣняетъ почти всѣ тѣ формы, въ которыхъ общество, живущее при иныхъ условіяхъ, находитъ возможность выражать свои желанія, требованія и вообще внутреннюю незамѣтную работу мысли. Поэтому-то у насъ имѣли такое огромное значеніе нѣкоторыя литературныя произведенія, въ родѣ «Отцовъ и дѣтей» и другихъ имъ подобныхъ.

Произведенія г. Боборыкина не могутъ быть, конечно, даже и сравниваемы съ тургеневскими. Разница не только въ размѣрахъ таланта, но, главнымъ образомъ, въ захватываемой имъ глубинѣ общественныхъ теченій. Обычный недостатокъ почтеннаго автора заключается въ поверхностности его наблюденій. Онъ улавливаетъ скорѣе внѣшность того или иного явленія, не схватывая его внутренняго, самаго существеннаго содержанія. Увлекаясь описаніемъ, если можно такъ сказать, деталей обстановки, г. Боборыкинъ не видитъ часто того, что лежитъ въ глубинѣ затронутаго имъ типа или явленія. Зависитъ это отъ какой-то торопливости, спѣшности, съ которою онъ хватается за новую тему, не давая себѣ труда продумать ее, углубиться, вдумчиво отнестись къ своимъ героямъ. Вслѣдствіе этого, получается не столько художественное воспроизведеніе, сколько легкій набросокъ, на которомъ чуть-чуть намѣчены болѣе другихъ бросающіяся въ глаза, часто совсѣмъ не существенныя черты. Къ этому коренному его недостатку, какъ бытописателя, слѣдуетъ прибавить разъ навсегда усвоенную имъ манеру все писать на одинъ ладъ, не стѣсняясь разницей содержанія. Его женскіе типы всѣ словно заимствованы у Золя, съ необходимыми передѣлками примѣнительно къ русской обстановкѣ. Его мужчины отличаются больше костюмами, чѣмъ характерами, и если читать произведенія г. Боборыкина подъ-рядъ, трудно различить всѣхъ его Теркиныхъ, Полозовыхъ, Ермиловыхъ, которые по замыслу должны знаменовать новыя теченія.

Въ «Тягѣ», новомъ романѣ, печатающемся въ «Вѣстникѣ Европы», авторъ хочетъ изобразить еще не затронутый въ русской литературѣ фабричный міръ. Тема—самая современная. Насколько раньше стояла на первомъ планѣ деревня, настолько теперь живо интересуетъ всѣхъ фабрика, ея могущественный ростъ

за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ и огромное вліяніе, которое она начинаетъ оказывать на ту же деревню. Нечего говорить, съ какимъ интересомъ относишься къ новому роману, но, къ великому огорченію, г. Боборыкинъ остается неизмѣнно вѣренъ себѣ. Можно сказать, что его недостатки въ этомъ романѣ выступаютъ съ особой рельефностью.

Передъ нами пока лишь четырнадцать главъ, но въ нихъ уже намѣчены главныя лица, и для сужденія о нихъ матеріалу достаточно. Дѣйствіе романа группируется около двухъ главныхъ лицъ. Одинъ—рабочій Иванъ Спиридоновъ, родившійся въ деревнѣ, но выросшій и развившійся на фабрикѣ, гдѣ онъ воспитывался въ фабричной школѣ и прошелъ всѣ степени, отъ простого мальчика «вызывальщика» до званія подмастерья, которое онъ получаетъ за особыя заслуги во время выставки. Онъ только-что вернулся оттуда, съ сознаніемъ хорошо выполненнаго порученія, что доставляетъ ему своеобразное удовлетвореніе. Фабрику онъ любитъ. Она привлекаетъ его своими культурными сторонами, школами, больницей, сравнительно хорошей и чистой обстановкой, правильнымъ ходомъ всего дѣла, которое онъ до тонкости понимаетъ. Въ немъ живетъ духъ порядка, и въ разговорѣ съ другомъ, вторымъ главнымъ лицомъ романа, Меньшовымъ, онъ такъ излагаетъ свои взгляды на предстоящую ему новую дѣятельность въ званіи подмастерья. «Своего брата рабочаго я выдавать не буду оттого только, что въ подмастерья попалъ. Безпорядку и озорству тоже потачки не намѣренъ давать—ужъ извините! Какъ я вамъ допрежъ говаривалъ, то же самое и теперь скажу: ежели нашъ братъ добиваться желаетъ другихъ правовъ, онъ долженъ въ первую голову такъ себя держать, чтобы ни сучка, ни задоринки. Тогда, въ случаѣ чего, вся правда на его сторонѣ».

Иванъ Спиридоновъ не заурядный рабочій, какъ видятъ читатели, настолько не заурядный, что постоянно мыслитъ и говоритъ по книгѣ, которыхъ онъ прочиталъ не только много, но даже изучилъ нѣкоторыя изъ нихъ. Онъ по нѣскольку разъ перечитываетъ лучшія вещи Толстого, вчитывается и вдумывается, вырабатываетъ свое міросозерцаніе. Помогаетъ ему его бывшая школьная учительница, очень его одобряющая и симпатизирующая ему въ его семейныхъ неурядицахъ. Спиридонова удручаетъ жена, неразвитая, нервно-больная женщина, «психопатка», какъ онъ ее называетъ. Его удручаетъ вообще мысль, что «интеллигентному рабочему трудно найти себѣ на фабрикѣ подругу жизни, которая бы понимала его, могла бы раздѣлять всѣ его мысли и чувства, говорить съ нимъ о томъ, что̀ онъ находитъ въ хорошихъ книгахъ».

Не то поражаетъ читателя, чтобы мысли и разсужденія Спиридонова казались невозможными, но ихъ книжность и способъ выраженія у автора дѣлаетъ сомнительнымъ, приходилось ли ему когда слышать что-либо подобное? И чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе удручаетъ читателя книжность этого Спиридонова, который сплошь да рядомъ говоритъ цѣлыми цитатами изъ послѣднихъ статей современныхъ журналовъ.

Спиридоновъ изъ деревни по происхожденію, и эта связь не прерывается. Деревня тянетъ его къ себѣ, какъ единственное мѣсто, гдѣ онъ можетъ на старости найти покой и самостоятельную, неподневольную жизнь, безъ «ревуна», зычнымъ голосомъ среди ночи призывающаго его на фабрику. Отправляясь въ деревню на побывку, онъ испытываетъ бодрящее, веселое чувство близости къ природѣ, которое авторъ объясняетъ совсѣмъ по народнически. «Каждый разъ Иванъ, во всякую погоду, зимой и лѣтомъ, возвращается домой съ неизмѣннымъ чувствомъ. Онъ привыкъ имъ дорожить, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ему полюбилась «Власть земли». Хорошія книги часто захватывали его вплотную и владѣли имъ подолгу. Но въ этой онъ нашелъ въ занятной и задушевной формѣ то, что̀ всегда казалось ему правильнымъ. Ему особенно цѣнно было сознавать въ себѣ вѣрность землѣ. Двадцать слишкомъ лѣтъ фабричной мастеровщины не

выѣли изъ него крестьянина, не сдѣлали межеумкомъ или прямо отщепенцемъ, разорвавшимъ связь вотъ съ этимъ полемъ, съ избой, гдѣ родился, съ коренньмъ мужицкимъ дѣломъ, какъ бы оно ни было тяжко». Ему предлагаютъ получить въ собственность, посредствомъ ежегодныхъ взносовъ, домъ въ особой фабричной слободкѣ. Только эта перспектива стать «буржуемъ»,—такими словечками герой г. Боборыкина выражается постоянно,—претитъ ему. То ли дѣло въ деревнѣ, гдѣ, почему-то, такой же домъ и свое хозяйство отнюдь не представляются ему «буржуйными». Тамъ «міръ», которому онъ хочетъ послужить, тамъ земля, которая его должна спасти отъ буржуйства. Это—по народническому уложенію. Но всякій разъ, побывавъ въ деревнѣ, Спиридоновъ чувствуетъ, что его мечты далеко не отвѣчаютъ дѣйствительности. «Міръ» чуть-было не сослалъ на поселенье одного изъ своихъ сочленовъ, нѣкоего Епишку, который пришелся не по душѣ старостѣ. Перспектива очутиться самому въ положеніи Епишки сильно смутила «интеллигентнаго» рабочаго. «Каковъ бы ни былъ этотъ Епишка, но тутъ сила не въ немъ, а въ томъ, что каждаго, кто бы онъ ни былъ, свои односельчане могутъ, какъ колодника, прогнать по этапу и водворить тебя на вѣки-вѣчные въ сибирской тайгѣ, за ведро водки или по настоянію начальства». Далѣе, Спиридоновъ въ фабричной казармѣ тоскуетъ отъ постояннаго сожительства съ другими фабричными. «Точь-въ-точь какъ на каторгѣ, въ острогѣ. Всѣ тѣ мѣста «Записокъ изъ мертваго дома» припомнились ему сразу, гдѣ авторъ ихъ говоритъ про ужасъ совмѣстной жизни на людяхъ. Вѣдь также и фабричный! до могильной ямы — что твой каторжный душегубъ — лишенъ высшаго блага—быть совсѣмъ одному, у себя, въ своемъ хотя бы чуланчикѣ». Это—изъ народническихъ іеремiадъ по поводу фабричнаго растлѣнія народной души. Но въ деревнѣ, въ своей семьѣ, Спиридоновъ натыкается на еще худшее сожительство...—и слѣдуетъ цитата о деревенскомъ утѣсненіи изъ твореній противниковъ народничества.

И такъ постоянно. Можно подумать, что авторъ просто задался цѣлью представить въ лицахъ народниковъ и ихъ противниковъ. Дѣланность всей фигуры этого «интеллигентнаго» рабочаго настолько бьетъ въ глаза, что становится просто неловко за г Боборыкина, который, очевидно, ни одного рабочаго не видалъ, не слыхалъ и не знаетъ. Языкъ, которымъ онъ надѣляетъ своего героя—какая-то невозможная смѣсь литературныхъ оборотовъ и якобы простыхъ словъ. Всѣ его мысли вычитаны изъ «хорошихъ» книгъ, вѣрнѣе говоря—изъ послѣднихъ полемическихъ статей, изъ которыхъ г. Боборыкинъ черпаетъ, не стѣсняясь.

Но если читателю претитъ сочиненная фигура Спиридонова, то его другъ и второй герой романа Меньшовъ—нѣчто, заимствованное даже не изъ русской печати. Еще болѣе манекенъ, Меньшовъ состряпанъ совсѣмъ на иностранный ладъ, до того всѣ его разсужденія не укладываются въ рамки русской дѣйствительности. Путемъ натяжекъ и преувеличеній можно еще допустить, что среди рабочихъ бываютъ, пожалуй, исключительныя личности, въ родѣ Спиридонова, знакомаго и съ русской литературой, и съ шпильгагеновскимъ Лео, и думающаго по «Власти земли». Меньшовъ все это «превзошелъ». Имъ пройдены всѣ промежуточныя ступени, онъ съ равнымъ презрѣніемъ относится и къ народническимъ тенденціямъ своего пріятеля, и къ прелестямъ фабричнаго быта. Онъ проникаетъ взоромъ въ туманную даль, именно въ то, что вычиталъ авторъ изъ передовицъ иностранной печати о недостаточности всѣхъ этихъ затѣй, въ родѣ школъ, читаленъ, рабочихъ клубовъ, обществъ трезвости и прочей «филантропіи».

«Все это не то!—говоритъ онъ Спиридонову.—Общество трезвости! Чтенія съ туманными картинами! Танцы, театръ! Знаете, какъ я все это называю?—Затычки! Какъ ныньче газетчики выражаются—диверсія! Отводъ глазъ или

предохранительный клапанъ! Все это конфетки, чтобы добропорядочность завести между нашимъ людомъ, совсѣмъ ручнымъ его сдѣлать. И чтобы онъ восчувствовалъ, какъ о немъ заботятся»...

Меньшовъ идетъ далѣе всѣхъ размышленій Спиридонова о противности «буржуйства», о необходимости крѣпко держаться міра, жить сообща. Онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы рабочіе дѣлались «дворниками», имѣющими собственные дома, и чѣмъ скорѣе они сдѣлаются «буржуями», тѣмъ лучше. Спиридоновъ изумленъ: «хорошія» книги учили его совсѣмъ противному. Меньшовъ, заимствующій свои мысли изъ «хорошихъ» книгъ не-русскаго происхожденія, поучаетъ его.

«— Ты, братъ, все еще деревню твою обсахариваешь. Я, молъ, и фабричнымъ буду, и мужика изъ себя желаю изобразить, міру радѣть, землицу свою, коровушку жалѣть. Ха, ха! Все это, милый другъ, надо бросить! По-моему, коли людей потянуло на фабрику—эта тяга и должна ихъ привести къ чему-нибудь почище твоей паршивой деревни. Ты что на меня глаза таращишь? Я, вѣдь, тоже крестьянинъ, и никакого въ этомъ благополучья нѣтъ! Совсѣмъ напротивъ! Ежели меня деревня держитъ, такъ для того единственно, чтобы изъ меня сокъ выжимать, чтобы я на нее работалъ, въ крѣпости у ней находился.

«— Ты—не въ счетъ!

«— И ты въ такой же крѣпости у твоего міра. Откупаешься деньгами да водкой—больше ничѣмъ... И ничего-то твоя деревня, сама по себѣ, не можетъ выдумать, начать, по-человѣчески начать, мозгами тряхнуть и найти средства и способы вылѣзти изъ нищества... И никакого подспорья вамъ (фабричнымъ) деревня не даетъ, а только тянетъ изъ васъ не меньше, чѣмъ кабакъ...

«— Стало, по твоему, въ буржуи превращаться?—возражаетъ собесѣдникъ.

«— И превращаться! И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!»

Позволимъ себѣ привести еще одинъ образчикъ размышленій Меньшова, чтобы подтвердить наше мнѣніе, насколько немыслима по замыслу, не говоря уже о выполненіи, фигура второго героя романа. Прежде онъ и самъ думалъ и желалъ, какъ его пріятель Спиридоновъ.

«Теперь для него все стало проясняться, и не потому, что онъ увѣровалъ въ какую-нибудь новую книжку, или его завербовали въ какую секту, общество или союзъ. Никто на него не дѣйствовалъ, не настраивалъ его и не сбивалъ въ свою вѣру. Онъ самъ додумался! И это даетъ ему силу смотрѣть сверху внизъ на то, что творится вокругъ него, да и на свою житейскую долю. Вонъ лежитъ на столѣ книжка.. Онъ во второй разъ перечитываетъ ее. Переводный французскій романъ. Надо дать почитать Ивану. Пускай увидитъ—какихъ дѣловъ можно натворить... А вѣдь собственно и это—великая глупость! Люди останутся такими же и послѣ того. Фантазія, бредни—за какой «толкъ» ни возьмись! Отъ народниковъ онъ всегда сторонился. На «деревнѣ» его никто не проведетъ. Никакого спасенія нѣтъ ни въ хваленой общинѣ, ни въ землѣ, ни въ деревенскомъ семейномъ быту, ни въ круговой порукѣ, а только невѣжество, рабство, грязь, водка, дремучее суевѣріе, одно слово—мракъ кромѣшный!.. И толстовскую вѣру онъ не признаетъ, считаетъ ее «барской затѣей». Эка штука—папиросъ не курить, да «убоины» не ѣсть. На войну не ходи! Отъ суда отказывайся! Да если бъ его во время отдали въ военное заведеніе—онъ, быть можетъ, въ «стратигахъ» бы очутился; а попади въ студенты—дошелъ бы до сенаторскаго званія. И тѣ, кто мечтаетъ во всемъ государствѣ фабрики и заводы вести такъ, чтобы не было ни хозяевъ, ни рабочихъ, а правила бы и всѣхъ кормила одна рука—ежели этого и добились бы гдѣ-нибудь—не желаетъ онъ въ такой казармѣ жить!»

Какъ видно, г. Боборыкинъ внимательно изучилъ полемику послѣдняго времени, между народниками и марксистами и цѣликомъ перенесъ ее въ среду

фабричнаго населенія. Но и только. Рабочіе фигурируютъ здѣсь въ качествѣ манекеновъ, долженствующихъ иллюстрировать разныя положенія теоретическаго спора и все произведеніе служитъ дополненіемъ его прошлогодняго романа «По другому», гдѣ тѣ же народники и марксисты, столь же правдивые и художественные, дѣйствуютъ въ интеллигентной средѣ. Нигдѣ не видно органической связи между его героями и средой. Можно допустить, что рабочіе говорятъ и размышляютъ «по книгѣ», но мы не видимъ въ романѣ, почему «книга» именно такъ, а не иначе на нихъ вліяетъ, что̀ ихъ наталкиваетъ на подобныя мысли. Не видно тѣхъ условій, которыя направляютъ мысль рабочаго, дѣлая его изъ крестьянина противникомъ общины, міра, вообще деревни. Его Меньшовъ прицѣпленъ къ фабрикѣ, а не выростаетъ изъ нея, и всѣ его мысли не имѣютъ корней въ той обстановкѣ, которую рисуетъ авторъ. Приходится ему вѣрить на слово, что такіе типы есть въ рабочей средѣ. Его Меньшовъ и Спиридоновъ, другія второстепенныя лица романа, въ родѣ учительницы, библіотекарши, молодой дѣвицы швейки, за которой начинаетъ ухаживать Меньшовъ,—могутъ быть перенесены въ любую обстановку безъ малѣйшей для себя потери. Фабрика и ея быть, несмотря на массу техническихъ подробностей, которыми, какъ всегда, щеголяетъ авторъ, остается въ сторонѣ, и ея своеобразная жизнь ни мало не раскрывается читателю. Г. Боборыкину не хватаетъ умѣнья рисовать широкія картины, которыми отличаются произведенія Золя, хотя онъ усиленно подражаетъ ему въ описаніяхъ.

А между тѣмъ, взятая имъ тема чрезвычайно интересна. Въ настоящее время стало общимъ мѣстомъ положеніе о все растущей роли фабрики, которая начинаетъ оказывать огромное вліяніе на современную жизнь, на деревню въ особенности. Авторъ вѣрно подмѣтилъ «тягу» изъ деревни на фабрику и то культурное, въ хорошемъ смыслѣ этого слова, воздѣйствіе, которое она оказываетъ на деревенскій бытъ. Помимо чисто матеріальной помощи, фабрика заставляетъ «мозгами шевелить», внося такую массу новыхъ потребностей и запросовъ въ неподвижную деревенскую среду, что оставаться деревнѣ въ ея прежнемъ видѣ просто немыслимо. Въ литературѣ послѣдняго времени романъ г. Боборыкина является первой попыткой освѣтить эту сторону фабрики. Припомнимъ хотя бы годъ тому назадъ отмѣченный нами разсказъ г. Куприна «Молохъ» *), въ которомъ авторъ усмотрѣлъ лишь отрицательныя стороны фабрики, повторяя старый мотивъ о растлѣніи нравовъ, о тысячахъ жизней, приносимыхъ въ жертву «Молоху». Г. Боборыкинъ вообще не идеализируетъ фабрики, но не замалчиваетъ тѣхъ сторонъ ея, которыя несомнѣнно даютъ ей преимущество предъ современной деревней. Въ очень живой сценѣ, въ фабричной библіотекѣ, авторъ показываетъ, какъ растутъ духовныя потребности рабочаго—явленіе, которое еще далеко не занимаетъ такого виднаго мѣста въ жизни деревни. Старушка-библіотекарша выдаетъ книги рабочимъ «и радуется, что въ послѣднія десять лѣтъ на ея глазахъ столько было прочитано ими хорошихъ вещей, не то что по одной русской, а и по всемірной литературѣ, въ переводахъ. Никто не повѣритъ этому, не заглянувъ въ тѣ вонъ толстыя книги, что лежатъ за конторкой на столикѣ. Она помнитъ, какъ ея воспитанникъ, года два назадъ, началъ говорить, что здѣшній народъ тупой, безъ всякихъ мыслей; если и читаетъ, то такъ, «для процесса чтенія», какъ гоголевскій Петрушка. Она заставила его просмотрѣть книги за три года и убѣдиться, что прядильщики, и всего больше ткачи, перечли за это время. Не мало уже такихъ, которымъ извѣстны всѣ образцовые русскіе писатели. Иной по нѣскольку разъ читалъ «Мертвыя души», «Отцы и дѣти», «Войну и миръ», «Записки изъ Мертваго дома». Она ему указывала на такихъ, что пристращиваются даже

*) См. «Критическія замѣтки», февр.

къ чтенію книгъ спеціальнаго характера: одинъ къ исторіи, другой къ популярнымъ научнымъ сочиненіямъ, третій къ путешествіямъ, четвертый къ поэзіи, и въ теченіе одного года переберетъ всѣхъ стихотворцевъ, какіе только есть въ библіотекахъ. И на первыхъ порахъ она съ искреннимъ изумленіемъ спрашивала, когда они удосуживаются такъ читать? Да и до сихъ поръ это ее удивляетъ и трогаетъ.

«— Ты что желаешь теперь, Николаша?—спросила она у молодого малаго, въ вихрахъ и поношенномъ пиджакѣ въ накидку.

— «Старика Горіо» позвольте, Настасья Ильинишна.

— Бальзака?

— Ужъ не знаю.

— А вамъ?

— «Векфильдскаго священника».

— А, ты принесъ мартовскую книжку журнала. Желаешь продолженіе?

— Соблаговолите «Путеводителя въ пустынѣ.

— «Фрегатъ Палладу» нельзя ли?

«Заглавія книгъ чередовались долгой вереницей»...

Кому бы показалась эта сцена сочиненной, мы напомнимъ выдержку изъ газеты «Донъ», помѣщенной въ октябрьской книгѣ нашего журнала («На родинѣ»), гдѣ точь-въ-точь описывается такая сцена въ народной библіотекѣ въ Воронежѣ, главными посѣтителями которой являются мастеровые и рабочіе, стекающіеся туда съ окраинъ города.

Могутъ замѣтить, что и въ деревнѣ наблюдается теперь возрастающій спросъ на книгу, и мы ничего не имѣемъ возразить на это. Дѣйствительно, фактъ такого роста несомнѣненъ и говоритъ о возможности лучшаго будущаго для деревни. Но несомнѣнно также, что фабрика лучше его удовлетворяетъ и больше возбуждаетъ.

Говоря «фабрика», мы имѣемъ въ виду вообще крупную промышленность. Культурную роль ея литература наша, увлеченная народническимъ миражемъ деревенскаго рая, совершенно проглядѣла. Фабрика представлялась, какъ могильная яма, гдѣ глохнутъ и гибнутъ вырванныя изъ деревни свѣжія силы. Взглянуть на фабрику съ другой стороны, оцѣнить въ ней не только разрушительную силу, но и созидательную—давно пора. Г. Боборыкинъ задался цѣлью, быть можетъ, ему и не по силамъ, но его попытка вполнѣ своевременна и, конечно, она не останется единичной.

Къ его роману мы, вѣроятно, еще вернемся, когда онъ будетъ законченъ.

«Зеркала»—претенціозно озаглавила г-жа Гиппіусъ второй томикъ своихъ разсказовъ.

Смыслъ этого заглавія выясняетъ въ первомъ разсказѣ сумасшедшая, по мнѣнію которой есть «длинный-предлинный рядъ зеркалъ: все разныя, кривыя, косыя, ясныя, мутныя, маленькія, большія. И всѣ въ одну сторону обращены. А напротивъ—духъ. Не знаю какой, только великій духъ. И онъ въ этихъ зеркалахъ отражается. Каждое зеркало, какъ умѣетъ, его отражаетъ. Потомъ разъ, два, моментъ жизни конченъ, зеркало затуманилось, разбилось—и духъ не отражается. Мы говоримъ исчезъ. Неправда—есть! Только мы не видимъ, потому что не отражается. Зеркала разныя бываютъ, вогнутыя, выгнутыя... а духъ одинъ... Сами отраженія, кругомъ отраженія, и выйти изъ нихъ, изъ отраженій, нельзя, пока зеркало не разбилось»... Всѣ—только отраженія, жизнь только и прекрасна, какъ отраженіе неуловимой и недосягаемой красоты. Все реальное, что мы принимаемъ за ея сущность, пошло, ничтожно и мелко.

Философія далеко не новая и не оригинальная, припутанная къ безсвязному, странному разсказу, въ которомъ дѣйствуютъ больные, ненормальные

люди. Г-жа Гиппіусъ предпочтительно останавливается на странныхъ и болѣзненныхъ явленіяхъ жизни, ее привлекаетъ все экстравагантное, почти чудовищное. Она, видимо, подражаетъ Достоевскому, но, не обладая ни его могучимъ талантомъ, ни силой психологическаго анализа, создаетъ вычурныя положенія, ни на чемъ не обоснованные поступки героевъ, которые то ходятъ какъ сонные мухи, то кидаются изъ окна четвертаго этажа или стрѣляются, убиваютъ другъ друга и вообще продѣлываютъ уму непостижимыя вещи. Жаль становится не героевъ, которые не внушаютъ ни малѣйшей симпатіи и даже не интересуютъ читателя своими дикими странностями, а—самого автора. Что-то чувствуется въ немъ изломанное, напряженное, взвинченное, истеричное. Отсутствіе таланта и содержанія г-жа Гиппіусъ стремится возмѣстить выдумкой. Ей кажется, чѣмъ неестественнѣе, тѣмъ поразительнѣе и глубже.

Два года тому назадъ, г-жа Гиппіусъ выступила съ томикомъ разсказовъ, которые, по ея велерѣчивому заявленію, должны были знаменовать нарожденіе новой красоты. Увы! въ новомъ томикѣ обѣщанной красоты не народилось. Если среди прежнихъ произведеній ея можно было отмѣтить нѣсколько недурныхъ вещей, свидѣтельствовавшихъ о небольшомъ дарованіи, въ которомъ было все же нѣчто свое, то въ «Зеркалахъ» исчезло «свое», осталось только мучительное и безсильное напряженіе дать что-то, въ чемъ и самъ авторъ, видимо, не даетъ себѣ отчета.

Въ первомъ разсказѣ «Зеркала» два героя, одинъ нѣчто въ родѣ Аримана, другой Ормузда, стихійное безотчетное зло и столь же стихійное добро, между которыми стоитъ «она», колеблющаяся, кому отдать преимущество и рѣшающая въ концѣ концовъ вопросъ весьма просто и тривіально—завладѣть обоими, устроивъ то, что до тонкости разработано французами, въ видѣ «тройственнаго союза у домашняго очага». Но такой конецъ показался и автору ужъ слишкомъ простымъ, въ особенности послѣ всѣхъ высокопарныхъ разсужденій о «зеркалахъ», отраженіяхъ великаго духа и прочихъ матеріяхъ важныхъ. Происходитъ новая тасовка картъ, т. е. героевъ. Одного г-жа Гиппіусъ отправляетъ въ Тартаръ, мрачную страну Эреба, героиню въ Парижъ, а добродѣтельнаго Ормузда оставляетъ на берегу Средиземнаго моря мечтать о новой красотѣ.

Такова въ сжатыхъ словахъ сущность этого крайне неудачнаго въ художественномъ отношеніи разсказа. Чтобы придать ему хоть что-нибудь свое, г-жа Гиппіусъ вводитъ описаніе сумасшедшаго дома, не имѣющаго никакого отношенія къ темѣ, но это даетъ автору поводъ щегольнуть особой манерой живописи, въ которой каждый штрихъ обозначаетъ не то, что простецъ-читатель привыкъ понимать подъ нимъ. Въ этомъ и заключается оригинальничаніе автора, что онъ въ простотѣ души принимаетъ за оригинальность. Г-жа Гиппіусъ доводитъ эту манеру до смѣшного. Она говоритъ, положимъ, самую простую вещь, но вмѣсто того, чтобы сказать ее просто, она тянетъ слоги, дѣлаетъ неправильныя ударенія, глотаетъ буквы или сюсюкаетъ. Вначалѣ вы ничего не понимаете, но, вслушавшись, вы удивляетесь, узнавъ, положимъ, великую истину, что дважды два—четыре. Вотъ, напр., описаніе наружности дома для сумасшедшихъ: «Показался домъ, мутно-желтый, обнесенный высокими стѣнами и все-таки весь видный, точно стоящій на возвышеніи. Темнѣли малыя пятна рѣшетчатыхъ оконъ. Бываютъ дома живые, бываютъ веселые и эффектные. Этотъ домъ былъ не мраченъ и не веселъ—онъ былъ похожъ на трупъ. Большой, окоченѣвшій трупъ съ незакрытыми, но невидящими глазами, съ сѣрыми тѣнями и грязными налетами на холодномъ тѣлѣ», и далѣе въ столь же изящномъ стилѣ: «лѣстница, съ пролетами, затянутыми желѣзной сѣткой, точно гигантской паутиной»; «тяжелый и густой запахъ лежалъ неподвижно»; «слышался застывшій смѣхъ», и т. д.

Въ другомъ разсказѣ «Живые и мертвые» героиня влюбляется въ мертвыхъ. Она живетъ на кладбищѣ, любитъ бродить среди могилъ, гдѣ у нея есть свои любимцы и свои враги, съ которыми она ведетъ нешумную бесѣду. «Шарлотта не любила похоронъ, не любила и боялась покойниковъ. Скорѣе, скорѣе надо спрятать ихъ въ землѣ, насыпать красивый, правильный бугорокъ, положить свѣжій дернъ. По утрамъ въ сирени поетъ соловей, роса мочитъ дернъ и черные крупные анютины глазки у креста. И ихъ нѣтъ, тѣхъ длинныхъ, холодныхъ желтыхъ людей, которыхъ приносятъ въ деревянныхъ ящикахъ. Есть имя, быть можетъ, есть воспоминаніе, слѣдъ въ сердцѣ, и есть свѣжій дерновый бугорокъ. Шарлотта никогда не думала о костяхъ людей, могилы которыхъ она лелѣяла и убирала. Они были всегда съ нею, всегда живые, невидные, безплотные, какъ звуки ихъ именъ, всегда молодые, неподвластные времени. Въ уголкѣ, въ концѣ второй боковой дорожки, были двѣ крошечныя могилки. Надпись на крестѣ гласила, что это Фрицъ и Минна, дѣти-близнецы, умершія въ одинъ день. Шарлотта особенно любила Фрица и Минну... Давно умерли Фрицъ и Минна. Судя по надписи, это было до рожденія самой Шарлотты. Но они вѣчно остались для нея двухлѣтними дѣтьми, маленькими, милыми, изъ году въ годъ неизмѣнными. Она сама садила имъ цвѣты и баловала ихъ вѣнками, искусно сдѣланными изъ яркихъ бусъ... Рядомъ на могилѣ какого-то Норденшильда, на рукѣ громаднаго ангела въ неестественной позѣ, некрасиво висѣлъ полузасохшій вѣнокъ. Шарлотта поправила вѣнокъ и прошла. Она не любила Норденшильда. Вообще, могилы съ гигантскими памятниками, всегда неуклюжими, съ длинными надписями и стихами, очень не нравились ей: тутъ уже не было воспоминаній и не было тишины: ее нарушала суетливая глупость живыхъ».

Мы нарочно привели эту длинную выдержку, чтобы показать, какими дешевыми эффектами располагаетъ г-жа Гиппіусъ, когда думаетъ быть архи-поэтичной. Кому не приходилось тысячи разъ читать такія описанія кладбищъ. Чтобы искупить эту банальную картину, авторъ сопоставляетъ ее дальше съ лавкой мясника, думая контрастами дополнить картину.

И такъ всегда: или банальность, или чудовищная вычурность,—и ни слѣда не только новой, но и самой старой красоты. Лучше другихъ разсказъ «Родина», и именно потому, что авторъ не гонится здѣсь за миражемъ недосягаемой красоты, а рисуетъ простую жизнь простыхъ людей, умѣя найти въ ней свою прелесть, подмѣтить горе и радости этой жизни. Въ разсказѣ предъ нами жизнь лѣстницы одного изъ огромныхъ петербургскихъ домовъ. Старый швейцаръ, полъ-жизни проведшій на этой лѣстницѣ, среди неумолчной сутолоки, грома и грохота улицы, тоскуетъ о тихомъ покоѣ родины, которая рисуется ему, какъ далекая-далекая мечта. Онъ даже забылъ названіе этой родины. Она для него просто символъ чистаго, безмятежнаго покоя. Въ его безхитростномъ, почти дѣтски простомъ представленіи мечта о родинѣ получаетъ глубокій, общечеловѣческій смыслъ. Это «ни городъ, ни что», не имѣющее «особыхъ названій», опредѣленныхъ формъ: это—противоположность пошлой, тягостной и безсмысленной сутолоки, въ которой онъ прожилъ до старости и отъ которой только смерть является для него освобожденіемъ. Несмотря на вкрапленныя мѣстами черточки въ чисто декадентскомъ вкусѣ, разсказъ оставляетъ впечатлѣніе грусти и тоски по лучшей жизни, болѣе цѣльномъ и осмысленномъ существованіи.

Этотъ коротенькій и выдержанный очеркъ напоминаетъ первыя лучшія вещи г-жи Гиппіусъ, когда она еще не «углубляла» свой талантъ порывами къ новой красотѣ. Жаль, что того же нельзя сказать о стихахъ, помѣщенныхъ между разсказами. Въ прежнихъ стихотвореніяхъ ея можно было натолкнуться подчасъ на искренній, живой стихъ, яркое сравненіе, на вылившееся изъ души

слово. Въ новыхъ стихотвореніяхъ—одна трескучая декламація, образчикомъ которой можетъ служить слѣдующее стихотвореніе, озаглавленное «Любовь одна»:

Единый разъ вскипаетъ пѣной—
И разбивается волна.
Не можетъ сердце жить измѣной,
Измѣны нѣтъ—любовь одна.

Мы негодуемъ, иль играемъ,
Мы лжемъ—но въ сердцѣ тишина.
Мы никогда не измѣняемъ:
Душа одна—любовь одна.

Однообразно и пустынно,
Однообразіемъ сильна,
Проходитъ жизнь... И въ жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.

Лишь въ неизмѣнномъ безконечность,
Лишь въ постоянномъ глубина.
И дальше путь, и ближе вѣчность,
И все яснѣй: любовь одна.

Любви мы платимъ нашей кровью,
Но вѣрная душа—вѣрна.
И любимъ мы одной любовью...
Любовь одна—какъ смерть одна.

Такой наборъ плохо связанныхъ словъ можно тянуть до безконечности или оборвать въ любомъ мѣстѣ съ равнымъ успѣхомъ для автора и пользой и удовольствіемъ для читателя. Намъ искренно жаль, что искорка поэзіи, теплившаяся въ прежнихъ стихотвореніяхъ автора, погасла, не оставивъ никакого слѣда. Что помѣшало разгорѣться ей, если не въ яркое и теплое пламя, то хотя бы въ ровный, привѣтливый огонекъ? Та же погоня за фразой, за вычурнымъ словомъ, за небывалымъ эффектомъ, что погубило и вообще талантъ г-жи Гиппіусъ.

Этотъ упадокъ (декадансъ) замѣтнѣе всего въ ея самомъ большомъ по размѣрамъ произведеніи—«Златоцвѣтъ», отъ котораго вѣетъ самой прозаической скукой, хотя всякихъ эффектовъ. начиная съ заглавія, тамъ разсѣяно тьма. И здѣсь два героя, вожделѣющіе къ героинѣ, которая и есть златоцвѣтъ, чистый, свободный отъ житейскихъ волненій и низменной прозы, высоко подымающій свою головку къ свободѣ, красотѣ и свѣту. Съ однимъ изъ героевъ ее сближаетъ вначалѣ общность смутныхъ порывовъ къ красотѣ и эстетическихъ взглядовъ, только онъ самъ-то ей непріятенъ, чего онъ не хочетъ понять. Къ другому ее влечетъ глубина мысли и чистота души. Ни тотъ, ни другой не захватываютъ ее всецѣло, ея душа стремится къ искусству, жаждетъ свободы, возможности всецѣло отдаться служенію ему. Какъ и во всѣхъ произведеніяхъ г-жи Гиппіусъ, нѣтъ художественныхъ характеровъ, а символы, по внѣшнимъ описаніямъ которыхъ мы должны догадываться о внутреннемъ содержаніи героевъ. Описанія внѣшности, обстановки, занимаютъ главное мѣсто. Героиня носитъ особые костюмы, на эстраду читать стихи она выходитъ въ бѣломъ платьѣ съ черными крыльями, дома ея кабинетъ тонетъ въ полумракѣ, и т. п. Въ заключеніе, когда героиня, послѣ долгихъ колебаній, рѣшаетъ окончательно, что лишь въ искусствѣ жизнь, первый герой, эстетъ и поклонникъ Уайльда, убиваетъ ее, подозрѣвая, что она хочетъ выйти замужъ за чистаго и глубокомысленнаго философа. Растянутость, повторенія и мелочность описаній дѣлаютъ все произведеніе тяжелымъ и смутнымъ, что не выкупается ни одной художественной, красиво написанной страничкой. У г-жи Гиппіусъ, вообще, нѣтъ силы

для большой вещи, требующей широкаго, обдуманнаго замысла и большой работы при выполненіи. Ей, если удаются, то лишь небольшія вещицы, передающія мимолетное настроеніе или изображающія несложные характеры. Спутанность и смута воззрѣній автора здѣсь не такъ замѣтны, какъ въ большихъ произведеніяхъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ разнообразными характерами и положеніями. Еще одна черта въ писаніяхъ г-жи Гиппіусъ,—всѣ ея персонажи не говорятъ, а разсуждаютъ, какъ резонеры, что лишаетъ ихъ жизненности.

Изъ многочисленныхъ беллетристическихъ сборниковъ, появляющихся обыкновенно въ началѣ года, мы остановились на разсказахъ г-жи Гиппіусъ, потому что до сихъ поръ она—самая видная представительница символическаго направленія въ беллетристикѣ. Но, судя по пониженію ея дарованія за эти два года, можно думать, что символизму не суждено привиться у насъ. Новыхъ талантовъ того же направленія не появляется, а прежніе, несмотря на кратковременность существованія, слабѣютъ и не только не даютъ чего-либо новаго, но повторяются и чахнутъ. Не скажемъ, чтобы мы особенно скорбѣли объ этомъ, а все же жаль, что символизмъ не выразился у насъ въ чемъ-либо болѣе сильномъ и яркомъ, чѣмъ творенія г-жи Гиппіусъ.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНѲСТИ.

На родинѣ.

Вольный университетъ въ Петербургѣ. Движеніе въ пользу распространенія въ народѣ высшаго образованія (University-Extension Movement), начавшееся въ Англіи въ 1867 г. и затѣмъ распространившееся и по другимъ странамъ Европы и Америки, начинаетъ проникать и къ намъ. Починъ устройства вольного университета въ Петербургѣ принадлежитъ С.-Петербургскому обществу взаимопомощи педагоговъ, которое съ января настоящаго года открыло «курсы общеобразовательныхъ предметовъ», доступные для всякаго желающаго учиться. Курсы читаются по слѣдующимъ предметамъ: всеобщей и русской исторіи, исторіи русской литературы, географіи, гигіенѣ, естественной исторіи, математикѣ и физикѣ. По каждому предмету будетъ предложенъ законченный курсъ примѣнительно къ задачамъ общаго образованія, въ объемѣ 30 часовъ въ полугодіе или 60 часовъ въ годъ (по 2 часа въ недѣлю).

Каждый предметъ раздѣленъ на отдѣлы, имѣющіе болѣе или менѣе самостоятельный характеръ, и каждый отдѣлъ поручается особому лектору. Эта система имѣетъ то удобство, что лица, не обладающіе возможностью или желаніемъ прослушать цѣлый курсъ какого-либо предмета, могутъ остановиться только на наиболѣе интересующихъ ихъ отдѣлахъ. То же самое мы видимъ и въ англійскомъ University-Extension, гдѣ читаются по преимуществу короткіе курсы—въ 12 часовъ. Къ чтенію курсовъ привлечено уже 120 человѣкъ изъ профессоровъ и доцентовъ университета и преподавателей средне-учебныхъ заведеній, состоящихъ членами Педагогическаго общества взаимопомощи. Въ зависимости отъ предмета и отъ состава аудиторіи программы курсовъ могутъ быть повышены и понижены и преподаваніе будетъ имѣть характеръ уроковъ или лекцій. Такъ, преподаваніе математики, новыхъ языковъ и др. будетъ вестись въ формѣ уроковъ, а преподаваніе исторіи, литературы и др.—въ формѣ лекцій.

въ малоподготовленной аудиторіи и этимъ курсамъ можетъ быть приданъ другой характеръ.

Для выработки программъ общеобразовательныхъ курсовъ въ Педагогическомъ обществѣ организовались подкоммиссіи изъ спеціалистовъ по отдѣльнымъ предметамъ. Какъ сообщаютъ «Новости», учебный совѣтъ при правленіи общества, вѣдающій научную постановку курсовъ состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: «предсѣдателемъ его единогласно избранъ академикъ А. С. Фаминцынъ, товарищемъ его проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій (онъ же и предсѣдатель исторической коммиссіи) и проф. Э. Ю. Петри (предсѣдатель коммиссіи преподавателей географіи). Кромѣ того, въ составъ совѣта вошли слѣдующія лица: К. И. Арабажинъ, проф. И. И. Боргманъ (предсѣдатель коммиссіи физики), прив.-доц. А. К. Бороздинъ (предсѣдатель коммиссіи по исторіи литературы), А. И. Гольденбергъ (предсѣдатель коммиссіи математической), баронъ А. М. Гердъ, С. С. Григорьевъ, А. А. Готлибъ, академ. Заленскій, А. І. Лященко, Н. К. Невзоровъ, прив.-доц. В. Н. Перетцъ, В. В. Передольскій, М. А. Поліевктовъ, Д. Ѳ. Селивановъ и др., а по постановленію совѣта приглашены также проф. А. И. Соболевскій, С. А. Венгеровъ, Н. А. Котляревскій, П. О. Морозовъ и проф. И. Н. Ждановъ».

По мѣрѣ образованія при правленіи Педагогическаго общества, кромѣ существующихъ при немъ коммиссій преподавателей отдѣльныхъ предметовъ, новыхъ коммиссій (предполагаются коммиссіи по законовѣдѣнію, исторіи западно-европейскихъ литературъ, психологіи, химіи и проч.), учебный совѣтъ будетъ пополняться новыми членами.

Курсы открылись сразу въ трехъ помѣщеніяхъ. Какъ передаетъ та же газета, для будущихъ курсовъ имѣется уже въ настоящее время три помѣщенія. «Вторая прогимназія (уг. Невск. пр. и Фонт), въ которой г. директоръ О. В. Фарнекъ предоставилъ въ распоряженіе курсовъ актовую залу, это—1-е (невское) отдѣленіе курсовъ общеобразовательныхъ предметовъ. 2-е (казанское) отдѣленіе въ Зиминомъ пер., въ помѣщеніи курсовъ поваренного искусства, предоставленномъ Педагогическому обществу г-жей В. И. Гунстъ».

Третье помѣщеніе на Васильевскомъ Островѣ, въ недавно отстроенномъ зданіи, предназначенномъ для 12-ти городскихъ училищъ.

Успѣхъ курсовъ превзошелъ всѣ ожиданія: на первыя же лекціи записалось болѣе 800 человѣкъ, и кромѣ того на каждую лекцію является множество разовыхъ посѣтителей, которымъ приходится отказывать. Особенный успѣхъ пока имѣли лекціи по исторіи литературы, читаемыя въ невскомъ отдѣленіи прив.-доц. Бороздинымъ. Вотъ программа этого курса. Въ началѣ курса поставлена часть теоретическая, причемъ изученіе теоріи стиля, прозы и поэзіи предположено вести, преимущественно, по иностраннымъ образцамъ, такъ какъ памятники русской литературы будутъ разсматриваться въ курсѣ исторіи словесности, а знакомство съ классическими произведеніями западно-европейскихъ литературъ необходимо въ цѣляхъ общаго образованія, поставленныхъ на первый планъ при учрежденіи курсовъ.

Въ этой теоретической части будутъ разобраны вопросы, не всегда затрогиваемые въ обычномъ преподаваніи—напримѣръ, вопросы о свободѣ творчества, о моральныхъ и соціальныхъ задачахъ искусства, о смѣшеніи поэтическихъ родовъ, о методахъ критики и изученія исторіи литературы.

Введеніе этихъ вопросовъ въ курсъ представляется особенно полезнымъ въ виду ихъ обобщающаго значенія и по тому разнорѣчію въ нихъ, которое господствуетъ въ образованномъ обществѣ.

Вторая часть программы посвящена исторіи древней русской литературы, въ связи съ общимъ культурнымъ развитіемъ общества и заканчивается эпохой преобразованія Петра Великаго. Особенно расширена исторія литературы XVII вѣка, наиболѣе важнаго въ исторіи развитія нашей литературы; здѣсь

беретъ начало наша драма, повѣсть мистически-нравственнаго и реалистическаго пошиба. По своей тѣсной связи съ общимъ характеромъ литературы XVII вѣка, тутъ же разсматривается дѣятельность Кантеміра и Тредіаковскаго.

Третья часть курса посвящена народной словесности, и здѣсь существеннымъ дополненіемъ обычной школьной программы является сообщеніе свѣдѣній объ исторіи изученій народнаго творчества и о наличныхъ результатахъ этихъ изученій. Четвертая часть курса даетъ слушателю обзоръ выдающихся явленій въ исторіи новой литературы—съ Ломоносова до Лермонтова и Гоголя. Виднымъ добавленіемъ къ программѣ гимназій является здѣсь очеркъ дѣятельности западниковъ и славянофиловъ, исторія ихъ борьбы и характеристика этихъ двухъ направленій, имѣвшихъ такое значеніе въ исторіи развитія не только нашей литературы, но и общественности. Этотъ очеркъ, сопровождаемый разсмотрѣніемъ критическихъ и философскихъ взглядовъ Бѣлинскаго, Грановскаго, Хомякова, Кирѣевскаго, Самарина, Аксаковыхъ—существенно необходимъ для изученія послѣдующей, новѣйшей эпохи нашей литературы. Эта послѣдняя будетъ читаться на общеобразовательныхъ курсахъ по родамъ литературныхъ произведеній: 1) романъ (Турге-невъ, Гончаровъ, Достоевскій, Писемскій, гр. Л. Н. Толстой); 2) лирика новаго времени (гр. А. К. Толстой, Тютчевъ, Майковъ, Фетъ, Некрасовъ, Плещеевъ и др.) и 3) новѣйшая русская драма: Островскій, Мей, гр. А. Толстой, Писемскій и др. При этомъ,—что вполнѣ естественно—роману, какъ наиболѣе выдающемуся по своему значенію роду новѣйшей литературы—будетъ отведено первое мѣсто.

Весь курсъ, программу котораго мы здѣсь привели, разсчитанъ на 62 лекціи (часовыя), которыя распредѣляются такъ: отдѣлъ I—10 лекцій, II—9 лекцій. III—5 лекцій: обзоръ дѣятельности Карамзина. Жуковскаго, Батюшкова, Крылова и Грибоѣдова предположено сдѣлать въ 5 лекцій, Пушкину и Лермонтову посвящено 7 лекцій, Гоголю—3, западникамъ и славянофиламъ—4, на новый романъ—8, на лирику—4 и на драму—3. Составъ слушателей, насколько можно судить по первоначальнымъ записямъ, самый разнообразный: здѣсь есть и люди съ высшимъ образованіемъ, есть и не кончившіе гимназіи, есть и лица безъ всякого образовательнаго ценза. Болѣе демократическая публика собирается въ казанскомъ отдѣленіи, гдѣ преподаются естественныя и математическія науки. Со второго полугодія (съ 1-го сентября) предполагается открыть общедоступные курсы по физикѣ въ самомъ университетѣ. На лекціи, читанной 8 января въ Соляномъ городкѣ К. И. Арабажинымъ, тов. предсѣдателя Педагог. общества, лекторъ выяснилъ слушателямъ организацію этихъ общедоступныхъ курсовъ: во главѣ ея стоятъ двѣ коммиссіи—административная и учебная (учебный совѣтъ). Учебный совѣтъ состоитъ изъ предсѣдателей и секретарей подкоммиссій по отдѣльнымъ предметамъ, и другихъ приглашаемыхъ спеціалистовъ. Дѣятельность его состоитъ въ просмотрѣ и объединеніи программъ, вырабатываемыхъ въ подкоммиссіяхъ, составленіи росписанія лекцій, назначеніи лекторовъ, и пр.—словомъ, въ завѣдываніи всей учебной стороной дѣла. Кромѣ того, въ каждомъ помѣщеніи курсовъ есть своя административная коммиссія, которая занимается записью слушателей и завѣдуетъ хозяйственной стороной дѣла.

Такова, въ общихъ чертахъ, организація общедоступныхъ курсовъ общеобразовательныхъ предметовъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что цѣна за слушаніе курсовъ назначена крайне дешевая—2 р. за предметъ, и по 20 к. разовой билетъ. Само собой разумѣется, что такая низкая плата не можетъ окупить крупныхъ издержекъ, связанныхъ съ такимъ предпріятіемъ, и поэтому до сихъ поръ оно зиждется всецѣло на даровомъ трудѣ: и лекторы, и завѣдующіе работаютъ безплатно. Конечно, такое положеніе вещей возможно только на первое время, но когда дѣло будетъ рости и развиваться, то даровой трудъ сдѣлается уже немыслимымъ. Мы не сомнѣваемся, что вольному университету

предстоитъ у насъ самая блестящая будущность, и что онъ несомнѣнно добьется и субсидій со стороны городского общественнаго управленія, и щедрыхъ пожертвованій со стороны частныхъ лицъ.

Голодъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Мѣстная газета «Сѣв. Кавказъ» говоритъ о трудномъ положеніи населенія Ставропольской губерніи вслѣдствіе постигшаго ее неурожая. Прошлый годъ въ Ставропольской губ. былъ также неурожайнымъ и населеніе, благодаря этому, не могло накопить какихъ-либо запасовъ; для исправнаго отбыванія податей и повинностей, оно должно было распродать часть скота, конечно, по дешевой цѣнѣ. Неурожай предъидущаго года, такимъ образомъ, долженъ былъ до нѣкоторой степени уже подорвать благосостояніе населенія. При такихъ обстоятельствахъ новый неурожай долженъ прямо-таки обезсилить крестьянское хозяйство, довести его до полнаго разстройства, особенно такой неурожай, какъ въ текущемъ году, когда почти ничего не уродилось, такъ что во многихъ мѣстахъ сборъ не вернулъ даже сѣмянъ. Текущій годъ неблагопріятенъ еще и въ томъ отношеніи, что, кромѣ хлѣбовъ, полный недородъ распространился и на травы; сборъ сѣна всюду былъ ничтоженъ, въ довершеніе всѣхъ бѣдъ наступила ранняя зима, скотъ пришлось еще въ октябрѣ загнать во дворъ и надежды населенія на то, что хотя осенью скотъ подольше прокормится въ полѣ, рухнули. Такимъ образомъ, при ничтожномъ сборѣ кормовыхъ средствъ періодъ кормленія скота дома удлинился. Все это поставило крестьянское населеніе губерніи въ совершенно безвыходное положеніе: нѣтъ ни хлѣба, ни корма для скота, нѣтъ денегъ ни на уплату податей и повинностей, ни для домашняго обихода.

Прежде всѣ эти средства доставляла продажа хлѣба, теперь хлѣбъ надо еще прикупать. Приходится части населенія покидать свои семьи и бѣжать на заработки. Но гдѣ найти работу? Неурожай постигъ почти весь Сѣверный Кавказъ и огромную полосу Европейской Россіи, прилегающую однимъ своимъ краемъ къ Сѣверному Кавказу; многія мѣстности Закавказья тоже имъ захвачены. Толпами крестьяне направляются въ города Новороссійскъ, Ставрополь, Екатеринодаръ, Владикавказъ и др. Большинство изъ нихъ работы не находитъ. Приходится даже переправляться въ Закавказье на разнаго рода промыслы. Другой выходъ въ виду голода заключается въ распродажѣ скота, и скотъ распродается въ огромномъ количествѣ и по самымъ ничтожнымъ цѣнамъ; скотъ является, такимъ образомъ, единственнымъ денежнымъ рессурсомъ, да вѣдь его и кормить-то нечѣмъ.

Всѣ эти обстоятельства должны самымъ губительнымъ образомъ отозваться па крестьянскомъ хозяйствѣ и обезсилить его на многіе годы; перспектива голода, къ тому же, должна закабалить населеніе кулакамъ, ссужающимъ его деньгами. Но все это еще не обезпечиваетъ населенію въ этомъ году хоть сколько-нибудь сытое существованіе. Корреспонденты пишутъ изъ разныхъ селъ, что крестьяне ѣдятъ уже ячменный хлѣбъ, а кое-гдѣ уже подмѣшиваютъ къ ячменному хлѣбу и березку.

Газета призываетъ и общество, и правительство на помощь къ голодающему населенію и говоритъ, что «помощь должна быть оказана въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Этого требуетъ хотя бы соображеніе о платежеспособности населенія, которое, получивъ своевременно помощь и оправившись отъ неблагопріятныхъ послѣдствій неурожаевъ, можетъ на будущее время стать исправнымъ плательщикомъ... Къ сожалѣнію,—замѣчаетъ газета,—ни общество, ни печать не располагаютъ свѣдѣніями о размѣрахъ продовольственной помощи населенію».

Въ трудномъ положеніи находится и населеніе внутреннихъ губерній, застигнутыхъ недородомъ, напр., Тульской, Псковской и др. Но въ этихъ гу-

берніяхъ земскія учрежденія уже съ лѣта начали принимать хоть кое-какія мѣры для облегченія нужды, а на Сѣверномъ Кавказѣ, благодаря отсутствію земства, населеніе совершенно оставлено на произволъ судьбы и бѣдствіе неурожая отзывается на немъ еще сильнѣе.

Вилюйская колонія прокаженныхъ. Въ сибирскихъ газетахъ уже нѣсколько разъ попадались извѣстія о печальномъ положеніи дѣлъ въ открытой въ 1895 г. колоніи для прокаженныхъ близъ Вилюйска, и о злоупотребленіяхъ со стороны главнаго врача Гиммера, вызывавшихъ даже протестъ со стороны прокаженныхъ. Въ настоящее время, какъ сообщаетъ газета «Сибирь», этотъ врачъ устраненъ отъ завѣдыванія дѣлами колоніи и надъ дѣятельностью его назначено формальное слѣдствіе. Причиною такого оборота дѣлъ было то, что лѣтомъ этого года въ Вилюйскъ для ревизіи пріѣзжала цѣлая коммиссія, въ составъ которой входили якутскій губернаторъ, мѣстный епископъ и даже иркутскій генералъ-губернаторъ.

«Сибирь» приводитъ посвященныя описанію колоніи выдержки изъ путевыхъ замѣтокъ протоіерея Стукова, помѣщенныя въ неоффиціальномъ отдѣлѣ «Якутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей». О. Стуковъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Зданія подъ помѣщенія будущихъ обитателей колоніи прокаженныхъ еще не окончены внутреннею отдѣлкою и безъ оконъ; шесть изъ нихъ, носящія названія бараковъ, довольно внушительныхъ размѣровъ (13×6 саж.), предназначены для жительства прокаженныхъ, но по внутреннему устройству они не отвѣчаютъ этому названію: это—зданія, во всю длину раздѣленныя коррйдорами по срединѣ, а по бокамъ имѣющія комнаты разной величины и могущія вмѣстить отъ 1 до 5 человѣкъ. Помѣщеніе во всѣхъ шести баракахъ разсчитано на 150 человѣкъ... Стоимость постройки шести бараковъ по смѣтѣ исчислена въ 18.000 рублей. Въ такомъ же неоконченномъ еще видѣ остаются квартиры для врача (съ аптекой) и двухъ фельдшеровъ, окружающія бараки съ трехъ сторонъ. Эти постройки съ внутренной обстановкой и отдѣлкой будутъ стоить около 15.000 руб. Къ востоку особнякомъ находится тоже неотстроенная еще баня для прокаженныхъ. Наконецъ, начаты постройкою въ чертѣ бараковъ кухня съ хлѣбопекарнею и прачешная» (стр. 7).

Изъ названныхъ шести бараковъ одинъ баракъ предназначенъ служить пріемнымъ помѣщеніемъ, одинъ—для сомнительныхъ больныхъ, два барака—для лѣчебницы, два—для пріюта.

Какъ видите, все затѣяно «на широкую ногу», но широтѣ задачи совершенно не соотвѣтствуетъ вниманіе къ дѣлу и добросовѣстность выполненія. При осмотрѣ всѣхъ этихъ шести бараковъ медицинскими инспекторами вмѣстѣ съ областнымъ архитекторомъ были обнаружены чрезвычайно грубыя и для врача (руководителя работами) непростительныя упущенія. При возведеніи всѣхъ этихъ построекъ, повидимому, совершенно опущена изъ виду вентиляція,—по крайней мѣрѣ, ея не устроено ни въ одномъ изъ осмотрѣнныхъ барачныхъ помѣщеній... Въ нѣкоторыхъ изъ палатъ полы сдѣланы одиночные, въ нѣкоторыхъ вовсе нѣтъ печей... Пока бараки не кончены, прокаженные живутъ въ такъ называемомъ выселкѣ для прокаженныхъ, находящемся въ 3-хъ верстахъ отъ описанныхъ бараковъ, и состоящемъ изъ 4-хъ большихъ юртъ, въ которыхъ въ моментъ осмотра (въ іюлѣ 1897 г.) содержалось 25 прокаженныхъ.

Привозимые сюда (съ выселокъ) новые больные отсылаются назадъ за недостаткомъ помѣщенія или «по другимъ причинамъ».

Что это за «другія причины»—не сказано, но въ дальнѣйшемъ изложеніи видно, что въ числѣ этихъ причинъ можно считать и ту, что Гиммеръ чрез-

вычайно строгъ и не въ мѣру быстръ при рѣшеніи вопросовъ о томъ: проказой ли боленъ данный больной, или другой какой-нибудь болѣзнью.

Примѣръ описанъ въ запискахъ г. Стукова. Вся компанія посѣтителей колоніи «подошла къ дровнямъ, запряженнымъ быкомъ, на которыхъ престарѣлою якуткой-матерью были привезены, для помѣщенія въ выселокъ, ея малолѣтнія дѣти—дѣвочка и мальчикъ, изгнанные наслегными обществами изъ своего наслега, какъ зараженныя проказой». Гиммеръ не призналъ ихъ за прокаженныхъ; медицинскій инспекторъ призналъ прокаженными. Несмотря на то, что преосвященнѣйшій Никодимъ предложилъ изъ своихъ средствъ на содержаніе дѣтей по 200 руб. въ годъ, Гиммеръ не принялъ больныхъ дѣтей.

Положеніе прокаженныхъ въ выселкѣ крайне тяжело: невозможно же думать, чтобы люди эти не замѣчали окружающихъ ихъ грязи, тяжелаго зловоннаго запаха, отвратительной одежды, у многихъ прикрывающей тѣло, покрытое гнойными ранами, и т. д. Относительно одежды цѣлесообразною была бы одна мѣра—сжечь ее и замѣнить новою, для чего была полная возможность: въ Вилюйскѣ уже годъ тому назадъ было получено изъ Москвы пожертвованное на прокаженныхъ бѣлье и другая одежда, въ количествѣ 13 тюковъ; между тѣмъ, тюки эти начальство выселка, вѣроятно, по какимъ-нибудь очень основательнымъ причинамъ, отказывалось принять отъ доставщика, купца Расторгуева, у котораго они сложены были въ амбарѣ и который, не зная, что съ ними дѣлать, имѣетъ намѣреніе отправить ихъ обратно въ Якутскъ».

Одною изъ причинъ такого небрежнаго, даже непозволительнаго содержанія больныхъ можно считать «важный пробѣлъ въ настоящемъ положеніи выселка—недостатокъ медицинскаго персонала, который теперь сосредоточивается въ лицѣ одного Гиммера. Трудно судить, что было причиною того, что при выселкѣ не стало ни фельдшеровъ, ни сестеръ милосердія, а прежде они были, отчего прокаженные содержались чище, раны ихъ обмывались и перевязывались, лѣкарства въ нужныхъ случаяхъ давались своевременно и т. п.».

При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ финансовомъ отношеніи колонія была обставлена очень недурно: на содержаніе ея было ассигновано по 7.000 р. въ годъ и, кромѣ того, на постройку и обзаведеніе медицинскими матеріалами и пр.—15.000 р.

Толстой объ искусствѣ. Корреспондентъ «Temps», прожившій нѣкоторое время у Толстого въ «Ясной Полянѣ», передаетъ интересныя свѣдѣнія о взглядахъ великаго писателя на искусство вообще и на современное французское искусство въ частности. По поводу начавшаго теперь печататься сочиненія Толстого объ искусствѣ, Толстой говорилъ слѣдующее:

— Я нѣсколько лѣтъ думалъ объ этой книгѣ, но она не созрѣла въ моемъ умѣ. Для того, чтобы написать ее, мнѣ нужно было заняться трудными изслѣдованіями. Цѣлыхъ полтора года я безпрерывно работалъ надъ этимъ. Это большое произведеніе. Мнѣ очень жаль, что именно я пишу его, потому что скажутъ: «Это писалъ Толстой, значитъ, это парадоксы!» Уже такъ принято, что я пишу парадоксы. Это-то предубѣжденіе и заставляетъ меня опасаться, какъ бы не просмотрѣли, что въ моей книгѣ кроется истина, безспорная истина. Но хорошо уже будетъ, что ее увидятъ! Мнѣ также жаль, что я не написалъ этой книги лѣтъ тридцать пять тому назадъ, потому что, если бы я былъ проникнутъ изложеннымъ въ ней руководящимъ взглядомъ на искусство, я писалъ бы нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ написанныя мною въ то время книги, которыми я очень недоволенъ!

— Вы имѣете въ виду свои романы?

— Да,—рѣзко отвѣчалъ графъ, ударивъ рукой по столу,—и если я говорю такъ, то вовсе не для того, чтобы мнѣ говорили противоположное!

Нужно было видѣть его глаза, слышать его голосъ, чтобы убѣдиться въ полной искренности его словъ... Одинъ изъ его друзей выразилъ однажды отъ имени представителей литературы и людей съ художественнымъ вкусомъ сожалѣніе по поводу того, что графъ отказался отъ писанія романовъ, на что графъ отвѣчалъ: «Я также охотно отдавался бы забавамъ, но у меня другое дѣло. Оно болѣе серьезно и болѣе необходимо!»

Въ Россіи и Франціи много говорили въ послѣднее время относительно романа, который долженъ былъ быть оконченъ графомъ Толстымъ. Это была исторія одного прокурора, которому пришлось однажды выступить на судѣ обвинителемъ противъ одной падшей дѣвушки, обвиняемой, кажется, въ дѣтоубійствѣ. Вдругъ онъ узнаетъ, что онъ самъ когда-то соблазнилъ эту дѣвушку. Считая себя виновникомъ позора, которому подверглась дѣвушка, онъ рѣшается отдаться дѣлу ея нравственнаго возрожденія. Для этого онъ отправляется въ ея тюрьму и тамъ говоритъ ей много прекрасныхъ словъ. Я не знаю точно развязки этого романа, оставшагося неоконченнымъ. Одинъ москвичъ, разсказавшій мнѣ содержаніе первыхъ главъ, сказалъ мнѣ при этомъ: «Самымъ естественнымъ и наиболѣе нравственнымъ выводомъ было бы несомнѣнно то, что не нужно обольщать бѣдныхъ дѣвушекъ и что если ошибка сдѣлана, нужно возможно скорѣе жениться на жертвѣ. Но идея Толстого заключалась въ томъ, что не нужно ни прокуроровъ, ни судей».

Я настойчиво пытался поговорить съ Толстымъ о его романѣ, но онъ только съ презрѣніемъ отнесся къ этому произведенію.

— Онъ не оконченъ,—сказалъ графъ,—но я не буду его кончать, а то, что уже написано, никогда не будетъ опубликовано. Всѣ эти произведенія, видите ли, безполезны... Вы охотникъ? Когда утромъ отправляешься на охоту, заходишь во всѣ лѣса, во всѣ чащи, ни одного луга не пройдешь безъ того, чтобы не пошарить въ немъ, хочешь быть повсюду, хотя бы нигдѣ ничего не нашелъ. Но когда наступаетъ вечеръ и нужно вернуться домой, времени больше уже нѣтъ, и если ты благоразуменъ, то дѣлаешь послѣдній выстрѣлъ изъ ружья въ извѣстномъ мѣстѣ, гдѣ ты увѣренъ, что есть что убить. Тогда уже не думаешь ни о красотѣ ландшафта, ни объ удовольствіи отъ прогулки... Вотъ что я долженъ сдѣлать. Мнѣ терять времени нельзя.

Основная мысль новаго сочиненія Толстого объ искусствѣ заключается въ томъ, что искусство пошло по дурному пути, и отклоненіе его отъ настоящей дороги усиливается съ каждымъ днемъ. Число такъ называемыхъ художниковъ увеличивается до безконечности. Является множество людей, дающихъ своей жизни ложное назначеніе, такъ какъ искусство занимаетъ теперь столь огромное мѣсто въ человѣческой жизни, но теперь болѣе, чѣмъ когда либо, слѣдуетъ точно сказать, чѣмъ оно должно быть. Эту испорченность искусства Толстой замѣчаетъ именно во Франціи и на ней хочетъ доказать справедливость своей мысли.

— Такъ какъ Франція всегда идетъ впереди, а прочіе народы слѣдуютъ за нею,—сказалъ онъ,—то намъ приходится теперь имѣть дѣло съ большой опасностью. Зло нужно уничтожить въ корнѣ. Современное искусство во Франціи—искусство декадентовъ. Тутъ и темные поэты, происшедшіе отъ Бодлэра, и художники пуэнтиллисты, импрессіонисты и другіе по образцу Пюви-де-Шаванна, художественная наивность которыхъ невыносима, и непонятные музыканты, подчиняющіеся печальному вліянію Вагнера,—словомъ, все декаденты.

Это слово «декадентъ», кажется, почти оставлено во Франціи, но оно часто употребляется въ Россіи, и Толстой раздѣляетъ убѣжденіе своихъ соотечественниковъ, когда думаетъ, что этой кличкою характеризуются послѣднія тенденціи искусства на Западѣ. Чтобы быть au courant всего, что происходитъ въ этой области во Франціи, Толстой выписываетъ и читаетъ всѣ мелкія

французскія обозрѣнія, не только «L'Ermitage» и «Mercure de France», но и «Revue Naturiste» и много другихъ, менѣе извѣстныхъ журналовъ. Онъ гнушается ихъ, у него нѣтъ столь рѣзкихъ словъ, какими ему хотѣлось бы ихъ заклеймить, но онъ ихъ считаетъ знаменательнымъ явленіемъ. Вотъ въ чемъ можно упрекнуть его книгу. У него данныхъ много, но всѣ онѣ собраны наугадъ. Толстой придаетъ слишкомъ много значенія писателямъ, не имѣющимъ во Франціи никакого значенія. Онъ знаетъ наизустъ стихи Y. или Z. (не хочу назвать ихъ по имени, чтобы не доставить имъ возможности гордиться), а произведенія Ренье ему неизвѣстны. Можетъ быть, слѣдуетъ еще пожалѣть о томъ, что Толстой считаетъ чисто французскими извѣстныя произведенія бельгійскихъ писателей и идіотизмы фламандскихъ областей называетъ проступками противъ традицій французскаго языка. Жаль еще, что онъ не могъ посѣтить Францію и познакомиться съ ея живописью, а также съ живописью ея сосѣдей по ту сторону Ламаншскаго канала, непосредственно, а не по однимъ только искусственнымъ копіямъ.

Вообще къ современному французскому искусству Толстой относится очень сурово.

Новые французскіе писатели,—говоритъ онъ,—можетъ быть, и глубокіе, но я ихъ не понимаю. Они столь же темны, какъ Ибсенъ, а что касается этого писателя, то я не знаю, что онъ хочетъ сказатъ. Если вы находите достоинства въ его «Дикой уткѣ», то вы меня весьма обяжете, объяснивъ, въ чемъ дѣло. Впрочемъ, тутъ еще дѣло понятно: Ибсенъ—скандинавскій житель. Но Франція—область яснаго и естественнаго! Чтобы были декаденты тамъ, гдѣ есть такіе прозаики, какъ Мопассанъ, такіе поэты, какъ Гюго, и не только Гюго, но даже настоящіе поэты среди парнассцевъ! Вашъ Сюлли-Прюдомъ явился выразителемъ благородныхъ идей!

Что касается эстетическихъ доктринъ, то онѣ, по словамъ Толстого, родились въ Германіи и Англіи и оттуда распространились повсюду.

— Онѣ, — сказалъ Толстой, — стремились, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы сдѣлать изъ искусства нѣчто такое, что довлѣло бы самому себѣ, и парадоксы доведены въ нихъ до утвержденія, будто искусство должно служить себѣ самому. Это—цинизмъ, но чтобы получить малое, требуется большое. Такимъ-то путемъ пришли къ вранью—обратите вниманіе—къ вранью относительно прекраснаго, истиннаго, хорошаго, которое вашему Виктору Кузену напрасно пришло въ голову популяризировать. Курьезная вообще троица—искусство, наука и мораль. Насъ хотятъ заставить думать, что искусство существуетъ для искусства, что оно само по себѣ имѣетъ цѣну и raison d'être, какъ добро, и что, вслѣдствіе этого, тѣ, которые посвящаютъ ему свое существованіе, могутъ найти въ немъ основаніе для устройства своей жизни! Да это абсурдъ!

— Какъ и всякія ложныя философскія доктрины,—продолжалъ Толстой,— ученіе это имѣетъ одну только цѣль—узаконить посредствомъ всякихъ абстракцій способъ существованія, пріятный по соображеніямъ, въ которыхъ не хотятъ признаться! Во Франціи 25.000 художниковъ. Столько же есть и въ другихъ странахъ. Вотъ какъ велика эта армія паразитовъ, да, паразитовъ, такъ какъ они живутъ на счетъ народа и въ то же время не служатъ народу! Если бы они еще сами печатали свои глупости, было бы полбѣдою, но подумайте о безчисленныхъ рабочихъ, о «бѣлыхъ рабахъ», все существованіе которыхъ поглощено этимъ дѣломъ! Эти люди пользуются своими глазами для того, чтобы разбирать эту тарабарщину, и легкими для того, чтобы вдыхать въ себя свинцовую пыль. Постройка египетскихъ пирамидъ не была столь безполезна и мучительна. И что они даютъ народу взамѣнъ всего, что даетъ имъ народъ? Ничего, такъ какъ ихъ столь тонкое искусство предназначено только

для нѣкоторыхъ посвященныхъ. Истощивъ всѣ источники удовольствія, привилегированные люди обращаются къ этимъ безсмыслицамъ, пытаясь найти въ нихъ источникъ наслажденія. Но ихъ попытки не увѣнчиваются успѣхомъ — вотъ ихъ высшее наказаніе. О, если бы они хоть были бы счастливы! Но у всѣхъ этихъ художниковъ и ихъ поклонниковъ основнымъ правиломъ жизни являются слова: «Мнѣ это наскучило!» И вотъ для того, чтобы оправдать существованіе этихъ паразитовъ, эстетики изобрѣли чудовищное ученіе объ искусствѣ для искусства!

— Искусство не имѣетъ права существовать, разъ оно не предназначено для народа. Въ немъ не должно быть привилегированныхъ классовъ. Если искусство есть, какъ намъ кажется, пріятный элементъ человѣческой жизни, то оно не должно служить только нѣсколькимъ счастливцамъ. Искусство должно быть народнымъ или оно не должно существовать, но для перваго нужно, чтобы вмѣсто того, чтобы быть игрушкою бездѣльниковъ и усталыхъ виверовъ, оно проникалось болѣе общими интересами, погрузившись въ человѣческую жизнь, настоящую человѣческую, а не искусственную и вымышленную. Это не значитъ, что нужно унизить искусство и бросить его на произволъ народа. Изнѣженные люди утверждаютъ, что народъ не понимаетъ искусства. Конечно, онъ не понимаетъ декадентовъ, и совершенно справедливо, но каждый разъ, когда я водилъ своихъ друзей, крестьянъ-самоучекъ, которые высоко цѣнятъ нашихъ ученыхъ, въ картинную галлерею братьевъ Третьяковыхъ, я видѣлъ, какое сильное впечатлѣніе производили на нихъ прекрасныя произведенія Рѣпина и Ге.

— Я не требую, чтобы искусство играло исключительно роль морализаторскаго фактора. Самое существенное заключается въ томъ, чтобы оно интересовало народъ. Но оно будетъ интересовать его, т. е. все человѣчество, только тогда, если оно искренне, если оно выражаетъ то, что есть въ насъ глубокаго, т. е. человѣческаго, общаго всѣмъ людямъ. Искусство нуждается въ трехъ вещахъ: искренности, искренности и искренности. Безполезно, чтобы художники получали спеціальное образованіе. Художественныя школы не приносятъ никакой пользы, онѣ могутъ только извратить умъ молодыхъ людей, заставляя ихъ думать, что ремесло ихъ имѣетъ значеніе само по себѣ. Будьте только искренни, и мысль, которую вы выразите, тронетъ сердца. Вѣдь вамъ хорошо извѣстно, что шумный и радостный смѣхъ ребенка заставляетъ смѣяться даже тогда, когда вы печальны.

— Есть много привилегій, и даже тѣ общества, которыя считаютъ себя самыми равноправными, далеки отъ того, чтобы быть таковыми. Но самая скверная изъ этихъ привилегій, самая скандальная и циническая, это — привилегія искусства, какъ его понимаютъ теперь. Люди не считаютъ даже нужнымъ скрывать ее: эстетическія доктрины не только извиняютъ ее, но онѣ придаютъ ей характеръ достоинства, составляющій гордость привилегированныхъ. Не всегда обстояло такъ дѣло. Средневѣковое искусство, скульптура порталовъ и капителей, художество стекольщиковъ было предназначено не для ученыхъ и богатыхъ, а скорѣе для народа. Это искусство было законное и оно даже было хорошо. Но папы и итальянскіе государи эпохи возрожденія окружали себя небольшими дворами изъ художниковъ. Они привязывали ихъ къ своей личности, предназначали для своего удовольствія и кормили ихъ. Эти-то художники эпохи возрожденія являются истинными родоначальниками современныхъ художниковъ: они были паразитами! Произведеніе искусства прекрасно соотвѣтственно числу людей, которые имъ интересуются. Шедевры для трапезныхъ ничего не стоютъ. Гдѣ вы, позвольте спросить, укажете въ вашей Западной Европѣ хотя бы одну только серьезную попытку заинтересовать народъ живописью или скульптурою? Нигдѣ. Въ крайнемъ случаѣ можно назвать торговлю картинами въ Луврѣ, хотя мнѣ и не нравятся воплощаемыя въ нихъ идеи. Вотъ и все!»

Макѣевская катастрофа. 3-го января, вечеромъ, въ шахтѣ «Иванъ», принадлежащей русско-донецкому обществу, произошла ужасная катастрофа, стоившая жизни многимъ десяткамъ рабочихъ. Вотъ что разсказывается объ этой катастрофѣ въ мѣстной газетѣ «Пріазовскій Край»:

Шахта «Иванъ» находится въ районѣ Макѣевской волости, Таганрогскаго округа, и отстоитъ верстахъ въ 15-ти отъ станціи Екатерининской желѣзной дороги. Она начала разрабатываться всего лѣтъ восемь назадъ и считалась по качеству и количеству добываемаго изъ нея угля одной изъ богатѣйшихъ. Съ лѣта 1897 года добываніе угля изъ этой шахты было усилено въ количественномъ отношеніи. Рабочіе шли охотно работать въ ней, такъ какъ по своимъ порядкамъ шахта эта считалась самой благоустроенной. Здѣсь расплачивались съ рабочими всегда наличными деньгами, а не ярлыками на полученіе продовольствія изъ рудничнаго магазина, какъ это практикуется на другихъ шахтахъ. Число рабочихъ, работавшихъ въ ней, достигаетъ 1.000 человѣкъ, раздѣленныхъ на двѣ поочередно смѣнявшіяся половины. Такимъ образомъ, въ шахтѣ всегда находилось около 500 человѣкъ, но вечеромъ 3-го января предполагалось произвести только нѣкоторыя ремонтныя работы по установкѣ упорокъ и т. п., и потому въ шахту были опущены только желавшіе. Такихъ набралось 161 человѣкъ, какъ значится на доскѣ, вывѣшенной въ конторѣ шахты, по подсчету же, произведенному послѣ катастрофы, въ шахтѣ должно было находиться 137 человѣкъ.

Приблизительно въ $7^{1}/_{2}$ часовъ вечера, когда рабочіе были уже опущены въ шахту, изъ отверстія послѣдней и вентилятора показалась громадная масса дыма. Это-то и дало знать объ ужасномъ несчастіи, происшедшемъ подъ землей на 107 саженяхъ глубины отъ ея поверхности. Никакого шуму или чего-либо, свидѣтельствовавшаго о катастрофѣ, на поверхности шахты слышно не было.

Совсѣмъ другое происходило въ самой шахтѣ. Катастрофа, по словамъ рабочихъ, оставшихся въ живыхъ, сопровождалась оглушительнымъ гуломъ, похожимъ на залпы нѣсколькихъ пушекъ. Всѣ предметы, находившіеся въ шахтѣ, летѣли со своихъ мѣстъ въ разныя стороны. Вагончики, въ которыхъ перевозится уголь съ мѣста его добыванія къ каналу шахты, деревянные столбы, служившіе подпорками потолковъ въ подземныхъ ходахъ, лошади и сами люди—все это съ страшной силой разбрасывалось, ломалось, трещало, что, безъ сомнѣнія, увеличивало гулъ, сопровождавшій катастрофу.

Тревожными свистками немедленно было оповѣщено о несчастіи все рудничное населеніе. Вскорѣ къ шахтѣ собралось очень много народа, стекавшагося изъ всѣхъ ближайшихъ поселковъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ въ школѣ шелъ любительскій спектакль, который прервался, какъ только стало извѣстно о несчастіи. Изъ собравшейся толпы народа болѣе храбрые бросились подъ руководствомъ трехъ штейгеровъ въ шахту спасать погибающихъ. Изъ спасавшихъ нѣкоторые сами стали жертвами катастрофы, задохшись отъ выдѣлявшагося изъ шахты дыма. Шахта «Иванъ» соединялась подземными ходами съ другими двумя шахтами русско-донецкаго общества—«Сергѣй» и «Капитальная». Работавшій въ «Капитальной» штейгеръ Филиппскій, догадавшись по достигавшимъ къ нему звукамъ о несчастіи въ шахтѣ «Иванъ» и опасаясь, чтобы взрывъ не надѣлалъ бѣды и въ шахтѣ «Капитальная», бросился съ тремя горнорабочими—Соколовымъ, Юрилинымъ и Поповымъ по каналу, соединяющему эти двѣ шахты, съ цѣлью забить двери, существовавшія въ одномъ мѣстѣ этого канала, но отъ массы дыма они, одинъ за другимъ, попадали на дорогѣ въ безпамятствѣ и только благодаря вскорѣ подоспѣвшей помощи были извлечены оттуда и приведены въ чувство, за исключеніемъ одного Соколова, оказавшагося уже мертвымъ.

Въ теченіе всей ночи подъ 4-е января клѣть то опускалась, то подымалась по главному стволу шахты, вынося раненыхъ и убитыхъ рабочихъ. Ра-

неные немедленно отправлялись въ рудничную больницу, гдѣ они находили помощь двухъ врачей, а трупы убитыхъ—въ одинъ изъ бараковъ. Въ эту ночь было извлечено 40 труповъ и 18 раненыхъ. На другой день было извлечено еще 13 труповъ и 5 раненыхъ. Изъ числа этихъ раненыхъ впослѣдствіи одинъ умеръ.

Какъ бы въ дополненіе къ несчастью, отъ взрыва загорѣлись нижніе пласты угля, но вскорѣ были потушены пущенной туда водой. Большинство извлеченныхъ труповъ не изуродованы. Предполагаютъ, что эти рабочіе задохлись отъ дыма, наполнившаго всю шахту послѣ взрыва. У другихъ же, кромѣ общихъ ожоговъ всего тѣла, недостаетъ нѣкоторыхъ частей: у одного — руки, у другого—ноги. Были извлечены тѣла безъ головы. Спастись или отдѣлаться только ранами удалось преимущественно тѣмъ, которые находились въ болѣе или менѣе далекомъ разстояніи отъ западной части шахты, т. е., именно, той части, гдѣ произошелъ взрывъ. Нѣкоторые рабочіе спаслись отъ смерти благодаря какой-то счастливой случайности. Такъ, напримѣръ, двое изъ нихъ въ моментъ взрыва попали въ колодезь, сдѣланный въ шахтѣ для стока воды и, оставшись въ живыхъ, отдѣлались лишь незначительными ушибами. Объ одномъ изъ рабочихъ разсказываютъ слѣдующее: въ моментъ взрыва онъ, находясь близъ вагончика, упалъ на мѣстѣ. Силою взрыва вагончикъ сдвинулся съ мѣста и накрылъ собою рабочаго. Спасавшіе, разыскивая раненыхъ, какъ болѣе нуждавшихся въ немедленной помощи, считали его убитымъ и не обращали на него вниманія. Такимъ образомъ онъ пролежалъ почти цѣлыя сутки, пока, наконецъ, вагончикъ не былъ поднятъ. Каково же было всеобщее изумленіе, когда вслѣдъ за этимъ поднялся и этотъ рабочій. Первымъ дѣломъ его было перекреститься. Нѣкоторымъ удалось спастись благодаря тому, что они, находясь близъ прохода въ шахту «Сергѣй», бросились бѣжать по этому проходу, услышавъ приближеніе взрыва. Въ томъ же проходѣ найдено было нѣсколько труповъ убитыхъ, очевидно, застигнутыхъ смертью въ моментъ бѣгства.

На мѣсто происшествія немедленно прибыли судебныя власти для производства дознанія. Для выясненія возможности продолженія работъ въ шахтѣ, въ послѣднюю нѣсколько разъ опускалась коммиссія инженеровъ съ судебнымъ слѣдователемъ, но они всякій разъ возвращались безуспѣшно назадъ, встрѣчая на своемъ пути громаднѣйшіе обвалы угля и другихъ породъ, препятствовавшіе дальнѣйшему проходу въ шахту. Въ виду этого, покамѣстъ судебной властью воспрещено опускаться въ шахту для чего бы то ни было. Однако, рабочіе, желая отыскать еще неизвлеченные трупы своихъ товарищей, не исполняютъ этого распоряженія и пробираются въ шахту. Такъ, 7-го января оттуда неизвѣстно кѣмъ былъ извлеченъ одинъ трупъ; 8-го января было извлечено еще пять труповъ. Теперь неизвѣстна участь еще 12 человѣкъ. Предполагаютъ, что тѣла ихъ находятся подъ тѣми западными обвалами, которые встрѣтили на своемъ пути инженеры.

Тѣла убитыхъ рабочихъ были оставлены въ баракѣ на показъ другимъ рабочимъ для обнаруженія ихъ именъ и званій. Большинство изъ нихъ оказались уроженцами Курской, Орловской и Тамбовской губерній и жили здѣсь временно, безъ семействъ. По распоряженію рудничной администраціи, на мѣста родины убитыхъ были посланы телеграммы съ извѣщеніемъ объ ихъ смерти. Кромѣ того, со всѣхъ ихъ были сняты фотографіи.

7-го января состоялись похороны 50 человѣкъ на Макѣевскомъ сельскомъ кладбищѣ. Къ этому дню баракъ, гдѣ помѣщались убитые, былъ декорированъ черной матеріей. Дорога, ведущая къ кладбищу, была расчищена отъ снѣга на 4 сажени въ ширину. Похоронная процессія растянулась болѣе чѣмъ на версту. Полсотни гробовъ, по три въ рядъ, несомые каждый шестью мужчинами, сопровождали четыре священника, два хора пѣвчихъ, масса хоругвей, всѣ съѣхав-

шіеся представители судебной и административной власти и болѣе 2.000 народа. Всѣ служащіе и рабочіе окрестныхъ шахтъ и заводовъ на этотъ день были освобождены отъ работъ. Процессію конвоировали 10 конныхъ казаковъ. На кладбищѣ было вырыто 11 братскихъ могилъ, куда гробы съ покойниками и были закрыты по 4 и по 5 гробовъ въ каждую. Картина похоронъ была необычайно торжественная. Изъ двухтысячной толпы не было ни одного человѣка, у котораго бы скорбь по безвременно погибшимъ 50 человѣческимъ существамъ не вызывала на глаза горькія слезы. При опусканіи гробовъ въ могилу въ толпѣ поднялся стонъ отъ воплей и рыданій. Послѣ похоронъ народъ долго еще не расходился съ кладбища.

По обыкновенію, ни одно печальное происшествіе не обходится безъ курьезныхъ недоразумѣній. Такъ было и здѣсь. Одинъ погибшій рабочій былъ похороненъ подъ чужимъ именемъ только благодаря тому, что одна изъ крестьянокъ признала въ немъ своего сына. Послѣ похоронъ оказалось, что сынъ ея, котораго она считала убитымъ, пьянствовалъ все это время въ Макѣевкѣ и затѣмъ возвратился домой.

Цифра погибшихъ рабочихъ до сихъ поръ еще въ точности не установлена, но она должна быть очень велика. Какъ уже сказано, взрывъ произошелъ послѣ 6-ти часовъ вечера, когда въ шахту успѣла уже спуститься ночная смѣна въ 130 рабочихъ. По словамъ «Донской рѣчи», кромѣ того, подъ землей еще оставались рабочіе денной смѣны, во всякомъ случаѣ, не въ меньшемъ количествѣ. По свѣдѣніямъ конторы рудника, предохранительныхъ лампочекъ было выдано по 170 нумеръ; но эта цифра не можетъ служить показателемъ истиннаго числа рабочихъ, находившихся подъ землею. Несомнѣнно, этихъ рабочихъ было больше. Говорятъ, что ихъ было около 300. Причина взрыва еще не выяснена. По предположеніямъ однихъ, взрывъ послѣдовалъ отъ закуриванія папиросы кѣмъ-либо изъ рабочихъ, другіе же допускаютъ, что взрывъ могъ произойти и отъ соприкосновенія свѣжаго воздуха, внесеннаго рабочими съ собою въ шахту, съ гремучимъ газомъ, накопившимся въ чрезмѣрномъ количествѣ.

Рабочіе поголовно оставляютъ шахты и требуютъ разсчета. Конторы шахтъ «Иванъ» и «Сергій» переполнены ими. Служащіе не успѣваютъ производить подсчеты по рабочимъ книжкамъ. Цѣлыя толпы рабочихъ бродятъ близъ шахтъ съ опущенными головами, производя впечатлѣніе чего-то осиротѣлаго. Безпечная веселость, столь присущая шахтерамъ, оставила ихъ. Нѣкоторые предполагаютъ ѣхать домой, а нѣкоторые—переѣзжать въ другія шахты.

Рабочіе застрахованы не были, такъ какъ въ правленіи русско-донецкаго общества только въ недавнее время возбужденъ былъ вопросъ по этому поводу.

Передаютъ, что общество не намѣрено допускать до судебнаго разбирательства претензій семействъ погибшихъ рабочихъ, предпочитая войти съ ними въ добровольныя сдѣлки.

Ненапечатанное до сихъ поръ стихотвореніе Н. А. Некрасова. Въ журналѣ «Жизнь» приведено ненапечатанное до сихъ поръ стихотвореніе Н. А. Некрасова, сохраняющееся въ бумагахъ сенатора В. И. Лихачева, въ рукописи самого покойнаго поэта. Вотъ это стихотвореніе:

Время-то есть, да писать нѣтъ возможности.
Мысль убивающій страхъ:
Не перейти бы границъ осторожности,
Голову держитъ въ тискахъ!
Утромъ мы наше село посѣщали,
Гдѣ я родился и взросъ.
Сердце, подвластное старой печали,
Сжалось; въ умѣ шевельнулся вопросъ:
Новое время—свободы, движенья,

Земства, желѣзныхъ путей.
Что-жъ я не вижу слѣдовъ обновленья
Въ бѣдной отчизнѣ моей?
Тѣ же напѣвы, тоску наводящіе,
Съ дѣтства знакомые намъ
И о терпѣніи новомъ молящіе,
Тѣ же попы по церквамъ.
Въ жизни крестьянина, нынѣ свободнаго,
Бѣдность, невѣжество, мракъ.
Гдѣ же, ты, тайна довольства народнаго?
Воронъ въ отвѣтъ мнѣ прокаркалъ «дуракъ!»
Я обругалъ его грубымъ невѣжею.
На телеграфную нить
Онъ пересѣлъ. «Не доносъ ли депешею
Хочетъ въ столицу пустить?»
Глупая мысль, но я, долго не думая,
Мѣтко прицѣлился. Выстрѣлъ гремитъ:
Падаетъ замертво птица угрюмая,
Нить телеграфа дрожитъ...

Стихотвореніе помѣчено апрѣлемъ 1876 года.

Женскіе промыслы въ Тверской губерніи.

I.

Трудно представить себѣ болѣе тяжкое положеніе, чѣмъ въ какомъ находится тверская крестьянка. Когда вы ѣдете весной и осенью по крестьянскимъ полямъ, вы повсюду встрѣчаете пожилыхъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, идущихъ за лошадью съ сохой или бороной по бороздѣ. Вонъ тамъ, у лѣсной опушки стоитъ, понуривъ голову, деревенская кляча, впряженная въ борону, а по вспаханной полосѣ ходитъ въ одной толстой холщевой рубахѣ, обливаясь потомъ, крестьянка, поминутно наклоняется къ ссохшимся глинистымъ комьямъ, беретъ каждый изъ нихъ обѣими руками и, высоко поднявъ надъ головой, со всего размаха разбиваетъ его о другой такой же большой комъ; и такъ, тихо идя по полосѣ, поднимаетъ она съ земли одинъ комъ за другимъ и разбиваетъ ихъ не часъ, не два, а нерѣдко цѣлый день, пока не превратитъ ихъ въ мелкозернистое состояніе. Оставить эти комья лежать неразбитыми, значитъ обречь весь человѣческій трудъ на безплодный результатъ, такъ какъ легкая деревянная борона съ деревянными зубьями можетъ по нимъ проходить, только перепрыгивая, а не раздробляя ихъ. А вонъ по другую сторону дороги по вспаханнымъ же полосамъ ходятъ женщины и дѣти, собираютъ съ вспаханной земли камни и складываютъ ихъ въ одну кучу, которая растетъ все выше и выше.

Въ д. Бураковѣ, Березугской волости, Осташковскаго уѣзда, въ 1890 году крестьяне рѣшили произвести коренной передѣлъ земли только потому, что пашнѣ мѣшали во множествѣ разсѣянные по ней камни. Міромъ было постановлено: свезти со всѣхъ полей камни, складывавшіеся доселѣ на межи, съуживавшіе полосы до невѣроятности и дѣлавшіе ихъ оттого зигзагообразными. Свозили эти камни женщины на конецъ поля, къ лѣсной опушкѣ, гдѣ онѣ сложили ихъ въ четыре большихъ кучи, издали кажущіяся курганами или пирамидами. Послѣ такой операціи міръ былъ въ состояніи нарѣзать ровныя геометрически полосы. По дорогѣ съ разныхъ сторонъ ѣдутъ возы съ снопами, дровами, хворостомъ, травой, сопровождаемые женщинами и дѣвочками. Женщины же вывозятъ въ поле навозъ, разбиваютъ и запахиваютъ его; въ деревнѣ, на улицѣ онѣ пилятъ дрова, ладятъ борону и соху и т. п. Если вы пріѣдете въ деревню въ лѣтнюю рабочую пору, то къ вамъ явятся въ роли десятскихъ и

старость нерѣдко женщины, женщины же справятъ вамъ подводу и свезутъ васъ въ другую деревню. Но гдѣ же мужчины? спросите вы. Почти всѣ работники ушли въ отхожіе промыслы, оставивъ, такимъ образомъ, всѣ земледѣльческія работы на плечахъ женщинъ. Положимъ, это дурно отзывается на благополучіи дѣтей, особенно грудныхъ, которыя, будучи предоставлены въ лѣтнюю рабочую пору самимъ себѣ, болѣютъ и умираютъ. Оттого, вѣроятно, въ возрастѣ до 1 года дѣтей и умираетъ въ Тверской губерніи 63%! Въ теченіе всей своей молодой жизни и вплоть до самой старости исполняя весь циклъ земледѣльческихъ работъ, крестьянская женщина очень естественно стоитъ, такъ сказать, въ курсѣ всякаго крестьянскаго дѣла. Поэтому всякія статистическія свѣдѣнія о состояніи хлѣбовъ и травъ, объ экономическомъ положеніи населенія данной деревни гораздо скорѣе и вѣрнѣе можетъ дать вамъ женщина, нежели мужчина. Пишущему эти строки пришлось убѣдиться въ этомъ личнымъ опытомъ. Прошлымъ лѣтомъ, въ концѣ іюня мѣсяца мнѣ пришлось пріѣхать въ село Трестино, Осташковскаго уѣзда. Дѣло было уже подъ вечеръ. Ко мнѣ пришелъ въ избу мѣстный старшина, человѣкъ еще молодой, одѣтый въ сѣрый триковый пиджакъ и брюки подъ голенищи.

Пока я говорилъ со старшиной объ ожидавшемся урожаѣ хлѣбовъ, въ избу одна за другой явились нѣсколько бабъ и стали у порога у дверей.

— Ну, какъ у васъ нынче урожай ржи? — обратился я къ старшинѣ съ вопросомъ.

— Плохъ, в. бл., страсть!.. Одно слово...

— Отчего же это, какъ ты думаешь?

— Господь іё знаетъ...

— Сѣмена, что ли, плохи, или сѣяли поздно?

— Ужъ на то, видно, власть Господня.

— Да, вѣдь, у сосѣдей то рожь лучше вашей; видно, они больше вашего старались?

— Извѣстно дѣло, коли постараешься, такъ у того, смотри, и получше будетъ...

— Такъ у васъ-то отчего?

— Какъ вамъ сказать?..—и старшина безнадежно развелъ въ разныя стороны обѣ свои пятерни. Баба, стоявшая позади старшины, не вытерпѣла, выступила впередъ и, обращаясь къ старшинѣ, проговорила:

— Да ты толкомъ говори! Зарядилъ все одно... Съ весны-то сушь была, вѣтры холодные дули, ну и сгубило много хлѣба; а сѣяли-то намедни въ сырую землю... Снѣгъ сталъ выпадать, а всходовъ все не было...

— Вотъ отъ этого самово́ и есть!..—обрадовался старшина, что баба выручила его изъ бѣды.—Вѣдь, вонъ какіе годы пошли худые!

Больше отъ старшины я никакого толку не могъ добиться и больше уже къ старикамъ не обращался за свѣдѣніями,—мнѣ повсюду давали самыя обстоятельныя свѣдѣнія женщины. Пастухами нерѣдко бываютъ здѣсь 8 — 9-лѣтніе мальчики и 10—11-лѣтнія дѣвочки, которыя тоже лучше любого «старика» знаютъ, гдѣ у кого сколько продано коровъ, телятъ и овецъ на хлѣбъ, на уплату недоимокъ, на подати и т. п.

Если крестьянскія женщины справляютъ всякія тяжелыя земледѣльческія работы, то у нихъ, конечно, легко спорится въ рукахъ всякое другое дѣло, имѣющее промысловый характеръ. И, дѣйствительно, тверскимъ женщинамъ доступны всякія промысловыя занятія, за исключеніемъ только камнетеснаго промысла. Они возятъ лѣсъ, гнутъ колеса и ободья, гоняютъ плоты внизъ по р. Волгѣ, занимаются промыслами: гончарнымъ, бердянымъ (дѣлаютъ берда), сапожно-башмачнымъ, кирпичнымъ и пр. Въ моментъ статистическаго изслѣдо-

ванія губерніи мѣстныхъ женщинъ-промышленницъ состояло на лицо 16.451, изъ коихъ большинство занимается батрачествомъ.

Изъ мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ заслуживаютъ вниманія: плетеніе сѣтей, вязаніе кружевъ, чулокъ, кушаковъ и варежекъ и, наконецъ, шитье башмаковъ, что вмѣстѣ поглощаетъ рабочія руки 2.481 женщины. Но насколько женщина является почти единственной, незамѣнимой производительницей земледѣльческихъ продуктовъ, созидательницей домашняго благополучія, слѣдовательно, способной создавать всякія цѣнности,—что, впрочемъ, не поставлено ей въ заслугу со стороны мужского населенія,—настолько въ области кустарнаго производства ей предоставлена самая узкая сфера дѣятельности, весьма низко оплачиваемая, благодаря чему собственно она и не встрѣчаетъ конкуррентовъ со стороны мужского элемента. Во всѣхъ кустарныхъ промыслахъ женщины въ большинствѣ случаевъ находятся во власти кулаковъ, крайне эксплуатирующихъ ихъ трудъ, и только тамъ, гдѣ производство продуктовъ промышленности составляетъ результатъ единичныхъ усилій женщинъ, гдѣ онѣ дѣлаютъ дѣло на свой личный страхъ, ихъ трудъ оплачивается нѣсколько выше, хотя во всякомъ случаѣ ниже мужского. Какъ ничтожны и мизерны заработки женщинъ въ кустарныхъ промыслахъ, видно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ. Плетеніе кружевъ, главнымъ образомъ, распространено въ Новоторжскомъ уѣздѣ, близъ города Торжка, въ Новоторжской волости, гдѣ промысломъ занимаются 470 женщинъ. Каждая изъ женщинъ занимается промысломъ въ своемъ собственномъ домѣ; по зимамъ иногда нѣкоторыя изъ дѣвушекъ собираются вязать кружева въ одну избу, причемъ и освѣщеніе и отопленіе покупается на общій счетъ. Очень немногія изъ кружевницъ плетутъ кружева изъ своихъ нитокъ, большинство изъ нитокъ скупщицъ. Скупщицы устроили цѣлую систему эксплуатаціи работницъ посредствомъ кредита, открываемаго подъ ручательство торговцевъ. Заработокъ работницъ равняется 15—20 коп. въ день, дѣвочекъ—4—5 коп., а въ недѣлю первыхъ 60—70 коп., послѣднихъ—25 коп. Вязаніемъ чулокъ занимаются 164 женщины и 55 дѣвочекъ, преимущественно зимой; склеиваньемъ гильзъ—281 человѣкъ, изъ коихъ дѣвочекъ числится 216. Гильзовый промыселъ возникъ всего 10 лѣтъ тому назадъ и сосредоточивается исключительно въ пригородныхъ волостяхъ Тверского уѣзда—Щербининской и Ильинской. Три мѣстныхъ кулака устроили въ деревняхъ даже фабрики гильзоваго производства. Между гильзовщицами существуетъ раздѣленіе труда, заключающееся въ томъ, что однѣ изъ нихъ склеиваютъ гильзы изъ выданной и разрѣзанной на кусочки предпринимателями бумаги, другія вставляютъ въ готовыя гильзы мундштуки. Обыкновенно работницы подряжаются приготовлять гильзы съ ящика (въ 10.000 штукъ). Въ прежнее время за ящикъ гильзъ платилось 1 руб.—1 руб. 30 коп., въ послѣднее время 35—50 коп. Въ день каждая женщина при сотрудничествѣ одной 10 — 12-лѣтней дѣвочки можетъ изготовить 2—3.000 гильзъ. Дневной заработокъ каждой работницы за 15—17-часовой трудъ равняется $2^1/_2$ к.—10 к. или 20—75 к. въ недѣлю. Хотя составитель очерка о «Промыслахъ въ Тверскомъ уѣздѣ» и увѣряетъ, что работой этой «*можно заниматься между дѣломъ* и она не особенно тяжела, такъ какъ выучиваются ей довольно скоро», но ниже онъ самъ же проговаривается, что «много дѣвочекъ изъ-за этого только промысла не посѣщаютъ школы» (Статистич. сборн. по Тверскому у., вып. I, стр. 174). Значитъ, онѣ работаютъ не между дѣломъ, и только крайняя нужда заставляетъ родителей садить своихъ дѣтей за приготовленіе гильзъ на цѣлый день до поздней ночи и притомъ за столь ничтожную плату. Сами предприниматели отъ каждаго ящика получаютъ прибыли отъ московскихъ и петербургскихъ купцовъ отъ 30 до 40 коп., слѣдовательно, до 100°/o.

Въ худшихъ условіяхъ относительно обстановки работы и размѣра заработка

находятся женщины и дѣвочки, занимающіяся плетеніемъ сѣтей. Сѣтной промыселъ имѣетъ наибольшее распространеніе въ Тверскомъ и Осташковскомъ уѣздахъ. Въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ въ однѣхъ мѣстностяхъ женщины только прядутъ нитки для сѣтей, а самый процессъ плетенія производится мужчинами, въ другихъ, напр., въ Никулинской волости, плетеніемъ сѣтей заняты мужчины и женщины; въ Осташковскомъ уѣздѣ плетеніе сѣтей составляетъ коллективный трудъ всѣхъ членовъ семьи, даже и 8—10-лѣтнихъ дѣвочекъ, женщины занимаются въ числѣ 1.077 человѣкъ, дѣвочки — 555, въ волостяхъ: Ботовской, Кровотомской, Петровщинской и Павлиховской. Пенька для сѣтей покупается почти всегда въ кредитъ у осташковскихъ купцовъ, причемъ уплата производится кредитующимися не деньгами, а сѣтями, нерѣдко за полцѣны ниже противъ рыночной стоимости продукта. Пенька большею частью покупается фунтами, по 10—15 к. за фунтъ, слѣдовательно, по 4—4 р. 50 к. пудъ, тогда какъ на наличныя деньги она обходится въ 3 р. 50 к.—3 р. 60 к. пудъ, т. е. переплачиваютъ около 20%.

Всю осень и зиму послѣ обмолота хлѣба, начиная съ октября мѣсяца и кончая великимъ постомъ, мужчины, а особенно женщины и дѣти обоего пола цѣлый день и до поздней ночи сидятъ за работой; по вечерамъ нерѣдко, за неимѣніемъ керасиновой лампы, съ лучиной. Связанныя части сѣтей саженями и аршинами продаются купцамъ, которые изъ этихъ частей сами въ своихъ мастерскихъ сшиваютъ уже цѣлыя сѣти и невода. Купцы страшно сбиваютъ цѣны и вдобавокъ обмѣриваютъ крестьянъ: вмѣсто «печатной» сажени платятъ за маховую, бракуютъ качество вязки сѣтей, прочность работы и т. п. и потому сильно понижаютъ цѣну. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій недѣльный заработокъ женщины не превышаетъ 45 к., дневной 7—8 к.,—это за 17-часовой трудъ, совершаемый при крайне дурномъ питаніи. Въ послѣдніе два года осташковское уѣздное земство, съ цѣлью устраненія эксплуатаціи производителей купцами, приняло на себя трудъ придти на помощь крестьянамъ въ дѣлѣ покупки пеньки. Съ этою цѣлью въ 1894 году оно отправило своихъ агентовъ въ Смоленскую губернію для покупки пеньки на счетъ губернскаго земства на 1.000 руб., на ту же сумму и въ 1895 г. Въ первый разъ пенька обошлась земству въ 3 р. 40 к. пудъ, во второй—3 р. 60 к. за пудъ; но если въ первый разъ пенька продавалась крестьянамъ по рыночной цѣнѣ, то въ послѣдній земство вынуждено было продавать ее уже въ убытокъ себѣ, такъ какъ ту же самую пеньку осташковскіе купцы съумѣли купить по 3 р.—3 р. 20 к. пудъ, а потому и продавать ее они могли дешевле земской. Но земство и въ первый разъ не съумѣло купить пеньку какъ слѣдуетъ, хотя и командировало для этой цѣли вмѣстѣ съ членомъ управы «свѣдущаго крестьянина»: въ срединѣ пеньковыхъ тюковъ оказалось болѣе 10 пудовъ смерзшихся песчаныхъ комковъ, вѣроятно, вложенныхъ продавцами для увеличенія вѣса.

Однако, земство все-таки не въ состояніи своими 1.000 руб. ни конкуррировать съ купцами, ни предохранить крестьянъ отъ ихъ эксплуатаціи, такъ какъ всѣхъ занимающихся сѣтнымъ промысломъ въ уѣздѣ числится 1.251 семья съ 3.922 лицами обоего пола, владѣющихъ оборотнымъ капиталомъ въ 100 тыс. рублей. Поневолѣ помощь приходится оказывать наиболѣе исправнымъ домохозяевамъ. Въ дѣлѣ организаціи помощи крестьянамъ тверское земство не разъ оказывалось некомпетентнымъ. Въ 1872 году для улучшенія быта кустарей, гвоздарныхъ промышленниковъ и огражденія ихъ отъ эксплуатаціи кулаковъ, тверской губернской земской управой были устроены въ с. Васильевскомъ (Тверск. у.), 2 артели, которыя, просуществовавъ до 1878 г., упали, принеся земству убытку до 6.000 р. «Неудача произошла отъ неопытности лицъ, завѣдывавшихъ коммерческой частью и браковкой гвоздей и вслѣдствіе апатіи самихъ участни-

ковъ артели» (Статистич. сборн. по Тверскому уѣзду, в. I, издан. 1893 г., стр. 180).

Однако, какъ ни какъ, а кустарно-гвоздарничество существуетъ и по сіе время въ упомянутомъ селеніи, давая заработокъ 150 мужчинамъ, 36 женщинамъ и 50 мальчикамъ-подросткамъ, хотя уже безъ всякой помощи со стороны земства. Изъ другихъ мѣстныхъ промысловъ интересенъ промыселъ сшиванія мѣховъ изъ лоскутковъ, въ которомъ не послѣднюю роль играютъ и женщины. Промыселъ этотъ существуетъ въ Талдомской волости, Калязинскаго уѣзда, и занимаетъ на мѣстѣ рабочія руки 65 лицъ мужчинъ, 166 женщинъ и дѣвочекъ, въ возрастѣ 12—14 лѣтъ. Время занятія—весь великій постъ. Промыселъ заключается въ томъ, что крестьяне изъ различнаго рода мѣховыхъ лоскутковъ и обрѣзковъ набираютъ однородные мѣха, сшивая лоскутья нитками отъ руки. Лоскутья пріобрѣтаются въ Москвѣ и Петербургѣ въ скорняжныхъ мастерскихъ «чердаками» (кулями) на вѣсъ. Купить «чердакомъ» значитъ купить огуломъ весь свалъ лоскутьевъ, наваленный на чердакѣ дома. Цѣна за чердакъ назначается отъ 15 до 20 руб. Работа сшиванія мѣховъ начинается съ февраля мѣсяца и продолжается до іюля, т. е. до момента полевыхъ работъ, приблизительно 17 недѣль. Промыселъ, имѣвшій прежде кустарный характеръ, въ которомъ всѣ члены кустарной артели безъ различія пола и возраста имѣли одинаковую долю въ общемъ заработкѣ, въ настоящее время капитализировался, такъ какъ среди промышленниковъ весьма рѣзко обособились два класса рабочихъ: мастеровъ и ремесленниковъ. Хозяева сами пріобрѣтаютъ лоскутья, сами подбираютъ и распредѣляютъ ихъ между наемными рабочими для сшиванія. Самъ хозяинъ разбираетъ и наметываетъ лоскутья, т. е. сшиваетъ уголъ съ угломъ каждаго лоскута и такимъ образомъ составляетъ изъ нихъ большіе куски, а остальное додѣлываютъ уже женщины и дѣти. Крестьяне, занимающіеся этимъ промысломъ на сторонѣ (въ Москвѣ и Петербургѣ), нанимаютъ общую квартиру для 30 — 40 человѣкъ (мужчины и женщины вмѣстѣ); хозяйствомъ завѣдуютъ промышленники по очереди, понедѣльно; кухарка нанимается изъ своихъ за 3—4 руб. въ мѣсяцъ. Процессъ изготовленія искусственныхъ мѣховъ требуетъ много ловкости и плутовства, на что способны только опытныя руки.

Чтобы сдѣлать сшитые мѣха ровными, мездру намачиваютъ «квасцами» (т. е. попросту овсяной мукой въ водѣ) и растягиваютъ по доскѣ, отчего къ размѣру мѣха можетъ прибавиться еще $^1/_2$ аршина лишнихъ, затѣмъ его выколачиваютъ, чешутъ, подстригаютъ и т. д. Лоскутья бываютъ мелки до невѣроятности, такъ что лоскутъ 9 вершковъ длины и 2—3 вершка ширины составляется изъ 60—100 лоскуточковъ. За такой лоскутъ платятъ женщинамъ 1 коп., и имъ ни въ какомъ случаѣ болѣе 6 такихъ лоскутьевъ въ день не сшить. Значитъ, дневной заработокъ женщины составляетъ 6 коп., а мѣсячный— 1 р. 80 коп. Шуба составляется такимъ образомъ изъ 300—800 лоскуточковъ. Эти фальшивые мѣха сбываются въ с. Кимрахъ торговцамъ платьевъ, а оттуда въ Москву и др. города. Промыселъ развитъ и въ Москвѣ, гдѣ такихъ мастерицъ (изъ Калязинск. у.) числится болѣе 100 человѣкъ.

Лѣтъ 10 тому назадъ въ Кимрскомъ районѣ существовалъ типъ сапожно-башмачнаго производства, имѣющаго чисто кустарный характеръ: мастерскихъ было очень немного; въ настоящее время промыселъ значительно капитализировался. Замѣчательно, что въ самомъ процессѣ производства обуви произведено строгое раздѣленіе труда. Такъ, одни изъ мужчинъ приготовляютъ въ селѣ Кимрахъ «настоящую обувь», другіе гамбургскій товаръ (товаръ изъ коньевьей кожи), женщины и дѣвочки въ числѣ 70 человѣкъ изготовляютъ такъ называемую «клеенную обувь», т. е. обувь съ клеенными подошвами, состоящими изъ бросовой кожи, лубка, бересты и т. п. дряни. Всего въ Кимрскомъ районѣ занимаю-

щихся сапожнымъ ремесломъ женщинъ состоитъ на лицо 660 человѣкъ. Это въ большинствѣ случаевъ усталыя, изможденныя, безъ кровинки въ лицѣ, грязно одѣтыя и дурно питающіяся существа. Масса сапожниковъ хотя и работаютъ у себя на дому цѣлой семьей, но работаютъ большею частью на болѣе или менѣе крупныхъ хозяевъ, отъ которыхъ они получаютъ сырой матеріалъ, имъ же и сдаютъ изготовленный товаръ, вслѣдствіе чего и заработокъ этой категоріи сапожниковъ не превышаетъ 1 р.--1 р. 50 коп. въ недѣлю или въ среднемъ 5 руб. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ; заработокъ женщинъ еще ниже мужскаго: работая по 14—15 часовъ въ день, онѣ зарабатываютъ 50 коп.—1 руб. въ недѣлю или отъ 2 до 4 р. въ мѣсяцъ. Очевидно, одна только погоня за кускомъ хлѣба, котораго при существующемъ состояніи сельскаго хозяйства получается съ тощихъ крестьянскихъ нивъ крайне недостаточно, и составляетъ единственный импульсъ, толкающій каждаго крестьянина, каждую крестьянку на самый тяжелый и въ то же время самый неблагодарный трудъ. Паденіе крестьянскаго хозяйства влечетъ за собой упадокъ и мѣстныхъ промысловъ и пониженіе заработка. Въ настоящее время количество мѣстныхъ кустарныхъ промышленниковъ обоего пола сократилось до 39.548, изъ коихъ женщинъ промышленницъ числится 4.256, слѣдовательно количество этихъ послѣднихъ сократилось за послѣднее десятилѣтіе вчетверо. Эти 39.548 промышленниковъ зарабатываютъ въ общей сложности 1.293.700 руб., изъ коихъ на женщинъ падаетъ 46.002 руб.; слѣдовательно на одного мужчину приходится заработка 36 р. 60 к. въ годъ, на одну женщину—10 р. 80 коп. *).

Заработки не даютъ населенію возможности ни прокормиться въ теченіе цѣлаго года, ни уплатить податей и повинностей. Нужда въ покупномъ хлѣбѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе растетъ, что видно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ:

Было куплено хлѣба для продовольствія:

въ 1893 г.	278.390	четв.	или на	7 р. 33 к.	на семью
» 1894 »	884.181	»	» »	20 » 90 »	» »
» 1895 »	814.864	»	» »	19 р. 80 к.	» »

Но этотъ размѣръ продовольственной нужды не будетъ вполнѣ соотвѣтствовать дѣйствительности, такъ какъ тверскіе статистики принимаютъ продовольственную норму въ 10 мѣръ на ѣдока, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она должна составлять по крайней мѣрѣ 16 пуд. 14 ф. въ годъ на каждаго человѣка **). Было время, однако, когда тверскіе крестьяне не только круглый годъ питались своимъ собственнымъ хлѣбомъ, но еще имѣли возможность сбывать его на рынкѣ. Неизвѣстный авторъ «Генеральнаго соображенія Тверской губерніи», написаннаго въ концѣ XVIII столѣтія, доказываетъ, что всѣ тверскіе крестьяне, за исключеніемъ крестьянъ Осташковскаго уѣзда, за прокормленіемъ своихъ семей собственнымъ хлѣбомъ имѣли еще возможность продавать рожь на рынкахъ въ размѣрѣ 2—5 четвертей ***). Въ то время широко были развиты мѣстные кустарные промыслы, продукты которыхъ удовлетворяли потребностямъ внутренняго рынка, и почти совсѣмъ не существовало отхожихъ промысловъ, которые практикуются теперь въ широкихъ размѣрахъ.

---

*) Сельскохоз. обзоръ Тверск. губ. за 1895 г., отд. II, стр. 12.

**) Пища народныхъ массъ, г. *Л. Маресса* (въ «Русск. Мысли» кн. X, 1893 г., стр. 58).

***) Изд. тверск. губерн. земствомъ въ 1873 г.

II.

Насколько отходъ на сторону получилъ въ послѣднее десятилѣтіе широкое распространеніе, видно изъ нижеслѣдующей таблицы, представляющей количество взятыхъ населеніемъ видовъ на отлучку:

	Въ 1884 — 1889 гг. (годы статистич. изслѣдованія).	Въ 1893 г.	1894 г.	% увеличенія.
мужскихъ..........	187.969	229.594	235.625	25,3%
женскихъ...........	46.698	63.718	65.248	39,7
семейныхъ...........	12.716	16.808	16.953	33,3
	247.383	310.120	317.826	28,4

Приведенныя данныя о видахъ на отлучку за послѣдній 1894 годъ не вполнѣ однако соотвѣтствуютъ дѣйствительности, такъ какъ данныя за послѣдній годъ относятся только къ 237 волостямъ (изъ 244) губерніи, изъ которыхъ были получены свѣдѣнія о видахъ на отлучку, слѣдовательно, мы вправѣ прибавить къ общей суммѣ паспортовъ въ 1894 г. еще 9.114 (если принять количество видовъ на отлучку по недостающимъ волостямъ равнымъ предшествующему 1893 году), что все вмѣстѣ составитъ 326.940, и въ такомъ случаѣ процентъ увеличенія сравнительно съ 80-ми годами будетъ равняться 32,1%.

Въ данномъ случаѣ особенно рѣзко бросается въ глаза фактъ сильнаго увеличенія отхода на сторону женщинъ, которыхъ въ 1893 году изъ 244 волостей уходило (считая въ томъ числѣ ушедшихъ и по семейнымъ паспортамъ) 77.500, въ 1894 году только по 237 вол. число ихъ достигло 79.032 человѣкъ; кромѣ того, вмѣстѣ съ ушедшими на сторону родителями по семейнымъ паспортамъ значатся и дѣти обоего пола въ числѣ 17.687 человѣкъ.—Наибольшій отходъ на сторону женскаго населенія констатируется въ уѣздахъ: Бѣжецкомъ, Новоторжскомъ, Осташковскомъ, Весьегонскомъ и Калязинскомъ, гдѣ видовъ на отлучку въ 1893 г. было взято женщинами, 27.731, въ 1894 году—31.060, слѣдовательно, за одинъ годъ число отхожихъ промышленницъ увеличилось на 11,9%, а по Осташковскому уѣзду отходъ ихъ за одинъ годъ увеличился на 21,9%.

Теперь, если мы сравнимъ численныя отношенія отхожихъ промышленниковъ обоего пола по продолжительности времени пребыванія на сторонѣ, то найдемъ, что изъ всего числа:

	мужчинъ	женщинъ
на годъ уходитъ...........	28%	36,9
» полгода................	437%	43,8
» 1—3 мѣсяца...........	28%	18,3

Отсюда ясно, что женщины покидаютъ свой домашній очагъ на болѣе продолжительное время, нежели мужчины.

Подобно массамъ уходящихъ мужчинъ и женщинъ—молодыя, пожилыя и подростки двигаются главнымъ образомъ въ Петербургъ, Москву, Ростовъ-на-Дону, Рыбинскъ, даже Саратовъ и др. приволжскіе города на разныя совершенно случайныя работы, говоримъ «случайныя», потому что женская молодежь можетъ предложить къ услугамъ однѣ только рабочія руки. По Бѣжецкому уѣзду тверскими статистиками было вычислено, что изъ 2.045 женщинъ, отправляющихся на стороннія заработки, числится всего 42, или 2,1% общаго числа ихъ, которыя обладаютъ искуснымъ трудомъ, тогда какъ изъ отхожихъ мужчинъ такіе промышленники составляютъ 13,9%. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ возможность указать только на 19.841 отхожихъ женщинъ, о которыхъ въ

статистическихъ сборникахъ даны опредѣленныя указанія на тотъ или другой родъ промышленности. Въ большинствѣ случаевъ это поденщицы, прислуга и чернорабочія, а изъ мужчинъ нерѣдко указываются «кухонные мужики».

Вотъ эти занятія:

Поденщицы — 4,343, 21,9%; прислуга — 6,875, 34,8%; простыя работницы (въ родѣ «кухонныхъ мужиковъ») — 2,462, 12,4%; фабричныя работницы—2,675, 13,5%; башмачницы—1,737, 8,8%; на торфяныхъ болотахъ—1.537, 7,6%; занимающ. торговлей—212, 1,0%; всего—19.841, 100%.

Такимъ образомъ 69,1% всѣхъ отхожихъ промышленницъ составляютъ поденщицы и прислуга. Около 2.000 дѣвушекъ Осташковскаго уѣзда каждую весну уходятъ въ Петербургъ на огородныя и садоводныя работы, все къ однимъ и тѣмъ же хозяевамъ и возвращаются домой только осенью. Всѣ онѣ идутъ изъ своего дома пѣшкомъ на разстояніи 120 верстъ до Бологовской станціи, гдѣ садятся на желѣзную дорогу. «Не пускали бы ихъ на чужую неизвѣстную сторону», говорили мнѣ крестьяне Петровщинской волости, «кабы не нужда наша горькая въ хлѣбѣ да податяхъ. Балуются больно тамъ». Въ прошломъ году каждая изъ нихъ принесла домой до 20 р. денегъ; многія изъ нихъ взяли впередъ у хозяевъ подъ будущія работы по 10—15 руб. съ условіемъ заработать ихъ будущей весной. — «Мы хоть податѝ-то уплатили на нихъ», говорили крестьяне.—«Ну, а на хлѣбъ-то осталось ли?» замѣтилъ я.—«Мы, вѣдь, больше на счетъ картошки живемъ»...

Изъ Ржевскаго уѣзда ежегодно ранней весной уходятъ въ Московскую губернію на торфяныя болота 480—500 дѣвушекъ и подростковъ, изъ Зубцовскаго уѣзда на тѣ же работы болѣе 600 человѣкъ. Работа эта убійственно тяжела и крайне вредна для здоровья, такъ какъ работницамъ почти постоянно приходится стоять по колѣно въ холодной, липкой грязи. Это обстоятельство и служитъ, вѣроятно, причиной того, что отправленіе молодыхъ дѣвушекъ на торфяныя работы всегда вызываетъ со стороны родныхъ тяжелые проводы, сопровождаемые воемъ и причитаньями. Дѣвушки часто болѣютъ разными простудными болѣзнями: ревматизмомъ, водянкой и т. п.

Сумма заработка этого рода промышленницъ достигаетъ не болѣе 30 руб. за 6—7 мѣсяцевъ упорнаго труда, или 5 руб. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ. Этимъ заработкомъ дѣвушка «только прокормитъ себя да кое-какъ справится съ нарядомъ».

Изъ Старицкаго уѣзда ежегодно уходятъ на все лѣто до 800 женщинъ въ Московскую губернію и къ Ростову-на-Дону на полотье садовъ, огородовъ, полей и бахчей, причемъ заработокъ ихъ простирается за все время до 15—20 руб. на человѣка на своихъ харчахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ домой приносятъ до 10 руб., другія—ничего, а только прокормятся на сторонѣ.

Едва ли есть надобность доказывать, что работы женщинъ на фабрикахъ и заводахъ чрезвычайно вредно отзываются на ихъ здоровьи и деморализуютъ ихъ. «Женщины и подростки находятся на тверскихъ фабрикахъ въ неудовлетворительныхъ нравственныхъ условіяхъ,—говорятъ тверскіе статистики,—вслѣдствіе чего зажиточные крестьяне-земледѣльцы, *не смотря на высокую заработную плату*, не посылаютъ своихъ дочерей для работы на фабрики» *). «Внѣшній видъ рабочихъ обоего пола неудовлетворителенъ. Они не достигаютъ старческаго возраста». Однако и пресловутая «высокая заработная плата» фабричныхъ женщинъ оказывается одной фикціей. Изъ таблицы «Статистическаго сборника» (на стр. 164) видно, что годовой заработокъ фабричныхъ женщинъ равняется 72 руб. или 6 руб. въ мѣсяцъ, 24 коп. въ день, 2 коп.

*) «Статистич. сборн. по Тверск. у.», 163.

въ часъ. Это слишкомъ немного за 12-ти-часовой трудъ и притомъ трудъ крайне тяжелый, изнурительный.

Заработокъ остальныхъ отхожихъ промышленницъ еще болѣе ничтоженъ. Такъ, отхожія работницы въ Тверскомъ уѣздѣ зарабатываютъ въ годъ 36 руб.; чернорабочія—48 руб., прислуга—40 руб., всѣ вмѣстѣ въ среднемъ 41 руб., а въ мѣсяцъ 3 р. 41 коп. Размѣръ заработка мѣстныхъ промышленницъ, по словамъ тверскихъ статистиковъ, оказывается еще ниже заработка отхожихъ: въ среднемъ онъ равняется для всѣхъ промышленницъ вмѣстѣ съ содержаніемъ 37 руб. въ годъ.

Слѣдовательно, импульсъ, толкающій крестьянское населеніе на сторону, за предѣлы своей родины, заключается вовсе не въ томъ, что будто бы сторонніе заработки даютъ населенію достаточныя средства существованія, а въ томъ, что дома, въ своей деревнѣ положительно стало нечѣмъ жить. И во всякомъ случаѣ, увеличеніе отхода на сторону женскаго населенія служитъ неопровержимымъ доказательствомъ сильнаго разстройства экономическаго благосостоянія населенія.

Въ Тверской губерніи по статистической переписи числится 758.765 мужчинъ и 825.762 женщины, слѣдовательно, женское населеніе превосходитъ мужское на *66.997 человѣкъ или на* 8,8%. Такой громадный перевѣсъ женскаго населенія надъ мужскимъ объясняется тѣмъ, что «мужчины съумѣли доставить благополучіе своимъ семьямъ цѣною собственной гибели» *). Коэффиціентъ смертности мужчинъ въ наиболѣе производительномъ возрастѣ въ Тверской губерніи почти въ полтора раза больше коэффиціента женщинъ. Вымираніе мужского населенія обязано, главнымъ образомъ, развитію отхожихъ промысловъ, тяжелому труду на чужой сторонѣ среди неблагопріятныхъ санитарныхъ условій. Но и остающіеся въ живыхъ мужчины приносятъ со стороны въ деревню разныя болѣзни: глазныя, грыжи, какъ слѣдствіе тяжелой работы и т. п.

«Въ настоящее время въ жизненную борьбу вовлекается та часть населенія, которая до сихъ поръ оставалась въ сторонѣ отъ нея — въ десятилѣтіе или меньше, отходъ женщинъ увеличивается вдвое». Поэтому та же участь, т. е. сильное увеличеніе смертности, должна грозить и женщинамъ. а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ повыситься коэффиціентъ и дѣтской смертности.

И. Красноперовъ.

За границей.

Дѣло Дрейфуса и французская печать. Во всѣхъ странахъ съ широко развитою общественною жизнью и культурой печать играетъ первостепенную роль въ политическихъ и общественныхъ дѣлахъ. Если она и не всегда руководитъ общественнымъ мнѣніемъ, придавая ему то или другое направленіе, вызывая зачастую ожесточенную полемику и агитацію въ странѣ, все-таки она представляетъ такую силу, съ которою центральныя власти часто не въ состояніи бываютъ совладать и поневолѣ должны считаться. Нѣчто подобное наблюдается теперь во Франціи и представляетъ въ высшей степени любопытное явленіе, характеризующее роль печати въ современной Европѣ. Къ сожалѣнію, французская печать далеко не обладаетъ тою сдержанностью и неподкупностью, какія составляютъ главную силу и достоинство англійской печати, и часто становится орудіемъ шантажа, подкупа и т. п. Но, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе ши-

---

*) М, С. Уваровъ. «Санитарное положеніе Тверской губ.», 1894 г., стр. 38.

роко распространенной гласности и свободы слова, честные люди также получають возможность возвышать свой голосъ въ печати и взывать къ общественному мнѣнію и такимъ образомъ многія темныя дѣла выплываютъ на свѣтъ.

Такимъ «темнымъ» въ буквальномъ смыслѣ этого слова является дѣло Дрейфуса, выплывшее теперь на свѣтъ, благодаря печати. Напомнимъ его въ общихъ чертахъ нашимъ читателямъ. Три года тому назадъ, тогдашнему военному министру Мерсье была доставлена записка, найденная въ сорной корзинкѣ германскаго посольства. Въ этой запискѣ говорилось о секретныхъ документахъ и планахъ, которые авторъ записки обѣщалъ доставить германскому агенту. Тотчасъ же начались тайные розыски и подозрѣніе пало на офицера генеральнаго штаба Дрейфуса, почеркъ котораго оказался сходнымъ съ почеркомъ автора записки. Дрейфусъ былъ еврей и притомъ состоятельный человѣкъ. Передъ нимъ открывалась блестящая карьера и его измѣну трудно было объяснить корыстными цѣлями, такъ какъ въ деньгахъ онъ не нуждался и вообще имѣлъ репутацію вполнѣ порядочнаго и очень аккуратнаго человѣка и хорошаго семьянина. Тогда заговорили о ненависти къ Франціи, какъ побудительной причинѣ, и такъ какъ дѣло это имѣло политическую окраску и въ иностранной державѣ, замѣшанной въ этомъ дѣлѣ, предполагали Германію, то слѣдствіе было окружено строжайшей тайной и судъ состоялся при закрытыхъ дверяхъ. Подозрѣніе, что тутъ дѣло касается Германіи заставило французовъ особенно пристрастно отнестись къ этому дѣлу; ни о какомъ хладнокровіи не могло быть и рѣчи. Уже одинъ фактъ, что исконному врагу были выданы документы, приводилъ французовъ въ изступленіе и мѣшалъ имъ отнестись къ дѣлу съ должнымъ безпристрастіемъ. Измѣнникъ былъ найденъ, а достаточны ли были улики, чтобы объявить его виновнымъ — это никому не приходило въ голову провѣрить. Надо было примѣнить къ измѣннику всю строгость карающихъ законовъ и это было сдѣлано. Общественное мнѣніе, взволнованное открытіемъ измѣны, постепенно успокоилось и правосудіе было, повидимому, удовлетворено.

Но вотъ, спустя три года, дѣло Дрейфуса, заключеннаго на всю жизнь на островъ Дьявола (L'île du Diable), снова выплыло на свѣтъ. Одинъ изъ честнѣйшихъ людей, патріотизмъ и добросовѣстность котораго всегда были внѣ сомнѣній, вице-президентъ французскаго сената, родомъ эльзасецъ, Шереръ-Кестнеръ, заявилъ въ печати, что онъ совершенно случайно натолкнулся на такіе слѣды, которые возбудили въ немъ сильное подозрѣніе, что Дрейфусъ осужденъ неправильно. Шереръ взялся самъ разслѣдовать это дѣло и, когда собралъ достаточныя улики противъ другого лица, рѣшилъ обратиться къ военному министру съ просьбою о пересмотрѣ дѣла Дрейфуса. Лицо, на которое указывалъ Шереръ-Кестнеръ, какъ на настоящаго виновника, былъ нѣкто графъ Эстергази, тоже бывшій офицеръ генеральнаго штаба. Почеркъ Эстергази, по странной случайности, оказался необыкновенно похожимъ на почеркъ Дрейфуса и, кромѣ того, Эстергази пользовался далеко не безупречной репутаціей, дѣла его были запутаны, онъ имѣлъ долги и вообще велъ безпорядочную жизнь. Правительство и военныя власти сначала не хотѣли давать ходъ этому дѣлу, но въ печати поднялся такой шумъ, появилось столько разныхъ разоблаченій: однѣ газеты вступились за Эстергази, другія противъ него, что пришлось уступить. Опубликованы были письма Эстергази, бросающія на него крайне невыгодный свѣтъ, сообщались разныя подробности его поведенія и т. д. Въ концѣ концовъ военный министръ вынужденъ былъ арестовать Эстергази и назначить слѣдствіе.

Пріостановившаяся на время слѣдствія по дѣлу Эстергази газетная полемика возгорѣлась съ новою силой послѣ того, какъ судъ надъ Эстергази, происходившій опять-таки при закрытыхъ дверяхъ, закончился полнымъ его оправданіемъ. Впрочемъ, уже по первому засѣданію, которое было гласнымъ, можно

было заранѣе предположить, что Эстергази будетъ оправданъ. Несмотря на то, что Эстергази сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ, председатель суда и докладчикъ слѣдственной коммиссіи относились къ нему какъ-то особенно снисходительно и явно старались выгородить его. Судебный слѣдователь въ своемъ докладѣ не подтвердилъ ни одного изъ обвиненій противъ Эстергази и, наоборотъ, обрушился на полковника Пиккара, который въ теченіе многихъ мѣсяцевъ слѣдилъ за Эстергази и даже перехватывалъ его переписку, и главное—за то, что онъ дѣйствовалъ на руку защитникамъ Дрейфуса и выдалъ имъ нѣкоторые изъ находившихся въ его распоряженіи документовъ. Что происходило въ слѣдующихъ засѣданіяхъ суда—неизвѣстно, такъ какъ они уже не были гласными, но результатомъ явилось полное оправданіе Эстергази и арестъ полковника Пиккара!

Былъ или нѣтъ виновенъ Дрейфусъ—рѣшить трудно при данныхъ условіяхъ, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ дѣлѣ его допущены неправильности и упущенія, и поле для всякого рода подозрѣній открыто, тѣмъ болѣе, что тутъ замѣшаны партійныя страсти и антисемитизмъ, мѣшающій судить хладнокровно и безпристрастно. Какъ бы тамъ ни было, общественное мнѣніе не успокоилось, и правительство, разсчитывавшее, что оправданіе Эстергази поставитъ точку подъ этимъ дѣломъ, сдѣлало крупную ошибку. Мысль о томъ, что, можетъ быть, невинный томится въ заключеніи, смутила многихъ честныхъ людей во Франціи, тѣмъ болѣе, что въ обвинительномъ актѣ противъ Дрейфуса, опубликованномъ въ одной изъ газетъ, не заключалось никакихъ другихъ серьезныхъ доказательствъ его преступленія, кромѣ пресловутой записки, относительно которой, однако, мнѣнія экспертовъ разошлись: изъ пяти экспертовъ двое высказались противъ того, что записка написана Дрейфусомъ. Благодаря упорству министерства Мелина и военныхъ властей, не желающихъ допустить пересмотръ дѣла Дрейфуса и выдвигающихъ на сцену такія громкія слова, какъ: «честь арміи, достоинство націи, опасности, грозящія отечеству» и т. д., и т. д., волненіе стало разростаться и частный вопросъ принялъ характеръ общаго. Виновенъ или нѣтъ Дрейфусъ—этотъ вопросъ до нѣкоторой степени отошелъ уже на второй планъ; дѣло идетъ теперь о правахъ личности, о борьбѣ съ произволомъ властей, съ ихъ сопротивленіемъ общественному мнѣнію и стремленіемъ ограничить гласность и вообще съ обнаруживающимися въ извѣстныхъ слояхъ Франціи антилиберальными тенденціями. Движеніе это, разростаясь, еще рѣзче обнаружило всю глубину реакціи, являющейся результатомъ буржуазнаго режима во Франціи. Въ особенности это отражается на студенческой молодежи, загипнотизированной словами: «честь арміи, честь націи» и т. д., и почти поголовно возставшей теперь противъ людей, желающихъ пролить свѣтъ на это темное дѣло.

Но число этихъ людей съ каждымъ днемъ все возростаетъ. Выдающіеся литераторы, ученые, художники, поэты, адвокаты, профессора, люди съ незапятнанною репутаціей, съ громкими и славными именами выступаютъ въ печати съ требованіемъ пересмотра дѣла Дрейфуса, такъ какъ дѣло это является нарушеніемъ юридическихъ формъ и не удовлетворяетъ требованіямъ истиннаго правосудія. Общественная совѣсть не успокоится, пока свѣтъ истины не озаритъ его.

— Помилуйте!—восклицаетъ поэтъ Морисъ Бушаръ, въ своемъ обращеніи къ студентамъ.—Вѣдь, если мы признаемъ принципъ неприкосновенности и непогрѣшимости военнаго суда, то куда это насъ поведетъ! Даже къ божеству нельзя относиться съ большимъ благоговѣніемъ, чѣмъ вы относитесь къ арміи и ея представителямъ!

Съ такими же словами обратился и Золя къ студентамъ. «Желать пролить свѣтъ на дѣйствія нѣкоторыхъ изъ начальствующихъ лицъ, компрометирующихъ своими поступками армію, развѣ это значитъ нападать на армію?» го-

воритъ Золя. Золя сначала издалъ брошюру, озаглавленную «Письмо къ Франціи», въ которомъ онъ указываетъ на опасность, грозящую свободѣ, на возможность клерикальной реакціи и военной диктатуры. «Развѣ можно помѣшать исторіи быть написанной!—восклицаетъ Золя.—Она будетъ написана, эта исторія, и нѣтъ такой отвѣтственности, какъ бы она ни была ничтожна, отъ которой бы можно было отказаться передъ судомъ исторіи».

Брошюра Золя «Lettre à la France» разошлась въ тысячахъ экземпляровъ и вызвала бурю негодованія среди реакціонной молодежи. Но еще болѣе сильное впечатлѣніе произвело его открытое письмо къ президенту Фору, напечатанное въ газетѣ «Aurore», въ которомъ Золя открыто обвиняетъ военный совѣтъ и генераловъ въ неправильномъ судопроизводствѣ. Это краснорѣчиво написанное и преисполненное искренняго негодованія посланіе произвело такое впечатлѣніе, какого не ожидало министерство. Золя разбираетъ по существу весь обвинительный актъ противъ Дрейфуса и доказываетъ незаконность дѣйствій военныхъ судей и начальниковъ, требуя пересмотра дѣла Дрейфуса. Высказывая свои обвиненія, Золя предлагаетъ правительству Мелина привлечь его къ отвѣтственности за диффамацію и отдать его подъ судъ. «Пусть меня судятъ присяжные!» восклицаеть онъ въ заключеніе.

Какъ это ни было непріятно правительству Мелина, но не принять вызова Золя было нельзя и волей-неволей надо было привлечь его къ суду, заранѣе зная, что процессъ Золя огласится по всему свѣту. Дѣло Золя будетъ разбираться 7-го февраля н. ст. и онъ намѣренъ придать ему какъ можно большую огласку и привлечь въ судъ множество свидѣтелей.

Золя, увлекъ за собою массу другихъ людей. Протесты растутъ какъ грибы и подъ ними подписываются такіе люди, какъ Дюкло, директоръ пастеровскаго института, Рише, Летурно и мн. другіе. Имѣя въ своихъ рукахъ такое могущественное оружіе, какъ гласность, они всѣ вступаютъ въ борьбу съ произволомъ и тьмой, добиваясь во что бы то ни стало торжества истины. Движеніе перешло уже за предѣлы Франціи и изъ заграницы раздаются протесты. Бьернсонъ прислалъ письмо Золя, въ которомъ заявляетъ, что завидуетъ ему и хотѣлъ бы быть на его мѣстѣ. «Вы пошли одинъ противъ мильоновъ! Есть ли зрѣлище болѣе благородное!» восклицаетъ Бьернсонъ.—«Правительство, не соглашающееся при такихъ условіяхъ на пересмотръ процесса, безъ сомнѣнія, должно быть признано самымъ беззастѣнчивымъ изъ всѣхъ правительствъ, которыя когда-либо стояли во главѣ цивилизованныхъ націй. Вотъ приговоръ всей Европы. Будьте увѣрены, что Европа сочувствуетъ вамъ, хотя и не каждый подписался бы подъ тѣмъ, что вы сказали»...

Но дѣло осложняется. Министръ иностранныхъ дѣлъ въ Германіи заявилъ оффиціально въ рейхстагѣ, что германское правительство не вступало никогда въ сношенія съ Дрейфусомъ. Это заявленіе породило новыя догадки и предположенія, значитъ не Германіи были выданы документы? Быть можетъ, тутъ не было ни измѣны, ни продажи... Во всякомъ случаѣ, пора пролить свѣтъ на это дѣло и замѣнить другимъ строгое наказаніе, если оно не соотвѣтствуетъ преступленію.

Столѣтіе Огюста Конта. Сто лѣтъ тому назадъ, 19-го (7-го) января 1798 года, въ Монпельѣ родился основатель позитивной философіи Огюстъ Контъ, имя котораго, конечно, извѣстно русскимъ образованнымъ читателямъ, не смотря на то, что сочиненія Конта и не переведены на русскій языкъ. Но ученіе Конта имѣло большое вліяніе на ходъ европейской мысли и отразилось и въ русской литературѣ; русскіе читатели имѣли полную возможность ознакомиться изъ цѣлаго ряда журнальныхъ статей съ воззрѣніями знаменитаго

французскаго философа, котораго считаютъ не только отцомъ позитивизма, но и основателемъ соціологіи, какъ отдѣльной науки.

Контъ уже въ ранней молодости удивлялъ своихъ учителей и товарищей быстрыми успѣхами. Поступивъ въ политехническую школу, онъ сначала обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими способностями, но затѣмъ навлекъ на себя негодованіе начальства тѣмъ, что занялъ руководящее мѣсто въ возмущеніи студентовъ противъ одного изъ репетиторовъ. Вслѣдствіе этого школа была временно закрыта и многіе студенты, и въ томъ числѣ Контъ, высланы на родину. Контъ, однако, не долго оставался на родинѣ; онъ отправился въ Парижъ противъ воли родителей и первое время сильно бѣдствовалъ, перебиваясь уроками математики.

Нельзя сказать, чтобы въ молодости Контъ велъ безупречную жизнь. Онъ посѣщалъ разные увеселительные притоны и въ одномъ изъ такихъ мѣстъ встрѣтился съ нѣкоею Каролиною Массэнъ, съ которою сначала заключилъ гражданскій бракъ, а затѣмъ, спустя нѣсколько лѣтъ, обвѣнчался въ церкви, по настоянію своей матери.

Въ Парижѣ Контъ познакомился съ Сенъ-Симономъ и близко сошелся съ нимъ. Сенъ-Симонъ очень благоволилъ къ молодому математику (Конту было тогда 25 лѣтъ) и явно отличалъ его среди своихъ учениковъ. Контъ былъ не только его послѣдователемъ, но и помощникомъ въ работѣ. Но вскорѣ между нимъ и его учителемъ возникли разногласія. Контъ написалъ, по предложенію Сенъ-Симона, первую часть его «Politique iudustrielle». Но Сенъ-Симонъ нашелъ, что его ученикъ держится слишкомъ уже исключительно научной точки зрѣнія, оставляя въ сторонѣ то, что онъ называлъ «côté sentimental et religièux» своей системы. Контъ, вообще не отличавшійся уступчивымъ характеромъ, возмутился замѣчаніями Сенъ-Симона и принялъ ихъ такъ свысока, что послѣдовалъ полный разрывъ. Впрочемъ, тогда Контъ былъ правъ, говоря, что его философскія воззрѣнія идутъ въ разрѣзъ съ религіозными тенденціями сенсимонистовъ. Тогда Контъ отказывался наотрѣзъ отъ какихъ бы то ни было метафизическихъ вопросовъ и совершенно исключилъ изъ своей позитивной философіи всякія метафизическія и теологическія идеи. Онъ мечталъ объединить умственный міръ всего человѣчества на прочныхъ основахъ точныхъ наукъ и лишь впослѣдствіи онъ какъ бы вернулся къ своей исходной точкѣ, т. е. къ ученію сенсимонистовъ и придалъ своей философіи мистическій характеръ, превративъ или дополнивъ ее «позитивной религіей», адепты которой замѣнили поклоненіе Богу поклоненіемъ человѣчеству—«Humanité». Но религія эта, помимо своей философской идеи, была сопряжена съ такою массою чисто католическихъ обрядовъ, что это заставило многихъ горячихъ послѣдователей Конта, и въ томъ числѣ Литтре, отшатнуться отъ него. Между его послѣдователями образовался расколъ и одни изъ нихъ объявили Конта просто безумцемъ, между тѣмъ какъ другіе увлекались именно этимъ, созданнымъ имъ новымъ культомъ и объявили его величайшимъ ученымъ, мыслителемъ и нравственнымъ героемъ. Къ сожалѣнію, истина скорѣе была на сторонѣ первыхъ, нежели послѣднихъ. Первый приступъ психическаго разстройства обнаружился у Конта послѣ того, какъ онъ опубликовалъ первую часть своего труда: «Курсъ позитивной философіи» и открылъ на своей квартирѣ частные курсы философіи, на которые записались такіе знаменитые люди, какъ Александръ Гумбольдтъ, Бруссэ и др. Контъ поражалъ своихъ слушателей силою своего научнаго синтеза и своимъ громаднымъ энциклопедическимъ образованіемъ. Въ своемъ замѣчательномъ трудѣ Контъ указываетъ на необходимость созданія такой философской системы, которая могла бы объединить всѣ науки и основывалась бы не на фантазіи и отвлеченностяхъ, какъ теологія и метафизика, а на безспорныхъ научныхъ фактахъ. Такую систему Контъ назвалъ «положительною философіей» и она

должна была установить связь между предметами отдѣльныхъ наукъ и, слѣдовательно, объединить и самыя науки. Такимъ образомъ, философія Конта представляетъ попытку систематизаціи содержанія всѣхъ наукъ и естественно должна была привести Конта къ идеѣ о необходимости классификаціи наукъ. Въ основу этой классификаціи Контъ положилъ слѣдующій принципъ: науки должны быть расположены по степени своей общности и простоты. Во главѣ онъ ставитъ математику, какъ самую широкую по объему и наиболѣе простую по содержанію науку; затѣмъ идутъ: астрономія (и механика), физика, химія, біологія и соціологія. Самая сложная изъ этихъ наукъ, занимающая верхнюю ступень лѣстницы въ іерархіи наукъ Конта,—соціологія, изучаетъ строеніе и развитіе человѣческаго общества и раздѣляется на «соціальную статику» и «соціальную динамику». Послѣдняя разсматриваетъ развитіе или прогрессъ человѣческихъ обществъ и всего человѣчества, и въ основу ея Контъ ставитъ свой законъ «трехъ состояній»: теологическаго, метафизическаго и позитивнаго. Третья стадія умственнаго развитія человѣчества (такъ же какъ и отдѣльнаго человѣка)—*позитивная*, выражается въ научномъ мышленіи, т. е. человѣкъ занимается уже научнымъ изслѣдованіемъ строго установленныхъ фактовъ и отказывается отъ всякихъ попытокъ рѣшать метафизическіе вопросы.

Контъ заболѣлъ въ 1826 году, вѣроятно, вслѣдствіе чрезмѣрной умственной работы. Должно быть, и неудачи семейной жизни также повліяли на него и онъ, въ припадкѣ умопомѣшательства, бѣжалъ изъ Парижа въ Монморанси. Тамъ его нашла жена, но во время одного изъ припадковъ бѣшенства онъ ее бросилъ въ озеро и она чуть не утонула. Пришлось помѣстить его въ больницу, но когда онъ сталъ поправляться, то мать и жена взяли его домой. Впрочемъ, приступы безумія нѣсколько разъ повторялись и онъ даже бросился однажды въ Сену, но его успѣли спасти. Прохворавъ около двухъ лѣтъ, онъ выздоровѣлъ, повидимому, вполнѣ и могъ уже въ январѣ 1829 года возобновить свои лекціи позитивной философіи.

Популярность Конта быстро росла и число его приверженцевъ увеличивалось. Считая главнымъ залогомъ общественнаго прогресса распространеніе научныхъ знаній въ народѣ, Контъ основалъ въ 1830 году, вмѣстѣ съ другими учеными, такъ называемую «политехническую ассоціацю» для устройства даровыхъ лекцій для рабочаго населенія Парижа. Самъ Контъ взялъ на себя преподаваніе астрономіи и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ читалъ лекціи по этому предмету. Въ это же время онъ работалъ и надъ окончаніемъ своего огромнаго труда «Cours de philosophie positive», послѣдній (шестой) томъ котораго вышелъ въ свѣтъ въ 1842 году. Работая надъ своею философскою системой, Контъ соблюдалъ то, что онъ называлъ «мозговою гигіеной», т. е. онъ воздерживался отъ всякаго чтенія журналовъ, газетъ и научныхъ сочиненій и только посѣщалъ театры и концерты и читалъ въ подлинникѣ разныхъ поэтовъ. Положеніе его въ это время было болѣе обезпеченнымъ, такъ какъ получилъ мѣсто репетитора въ «Ecole polytechnique». Но, покончивъ со своимъ философскимъ трудомъ, онъ занялся религіозно-политическими вопросами и это имѣло на него роковое вліяніе; онъ пришелъ къ убѣжденію о необходимости создать позитивную религію, которая должна была увѣнчать его философскую систему и въ концѣ концовъ самъ вообразилъ себя первосвященникомъ новаго культа. Домашнія непріятности, окончившіяся полнымъ разрывомъ съ женой, не мало должны были содѣйствовать потерѣ душевнаго равновѣсія и, кромѣ того, матеріальное положеніе Конта измѣнилось къ худшему, онъ лишился мѣста вслѣдствіе ссоры съ начальствомъ и своими коллегами въ политехникумѣ и остался буквально безъ всякихъ средствъ къ жизни. Но тутъ къ нему пришли на помощь его англійскіе послѣдователи, въ числѣ которыхъ находился и Джонъ Стюартъ Милль, приславшіе ему значительную сумму денегъ, а затѣмъ Литтре организовалъ

въ пользу несчастнаго философа ежегодную подписку среди послѣдователей позитивной школы, въ числѣ которыхъ были голландцы, англичане и американцы, и, благодаря этой подпискѣ, Контъ могъ существовать безбѣдно до самой смерти и спокойно заниматься своими философскими трудами.

Къ этому же времени относится и его знакомство съ Клотильдою де-Во, женою одного лишеннаго правъ преступника. Знакомство съ этою женщиной какъ бы ускорило душевный переворотъ, происходившій въ Контѣ, и перемѣстило центръ тяжести его философскаго мышленія изъ сферы научной въ сферу религіозную. Связь Конта съ Клотильдою де-Во носила вполнѣ идеальный платоническій характеръ и такою оставалась до самой смерти Клотильды, послѣдовавшей черезъ годъ послѣ ея знакомства съ Контомъ. Послѣ ея смерти восторженная любовь Конта перешла въ мистическій культъ до такой степени, что кресло, на которомъ она обыкновенно сидѣла, когда приходила къ Конту, онъ назвалъ «алтаремъ Клотильды» и совершалъ передъ нимъ свои молитвословія. Онъ и умеръ у подножія этого алтаря въ сентябрѣ 1857 года. Когда къ нему вошли, то нашли его неподвижно-распростертымъ безъ чувствъ у подножія алтаря и къ вечеру онъ скончался.

По смерти Конта послѣдователи его «религіи человѣчества» сгруппировались вокругъ Пьера Лафитта, объявившаго себя первосвященникомъ этой религіи. Но адепты позитивной религіи существовали и существуютъ не только во Франціи, въ особенности ихъ много въ Южной Америкѣ, въ Чили и въ Бразиліи. Въ Бразиліи введено преподаваніе наукъ по курсу позитивной философіи Конта и даже была рѣчь объ оффиціальномъ введеніи позитивистскаго календаря, придуманнаго Контомъ, раздѣлившемъ годъ на 13 мѣсяцевъ, причемъ каждый мѣсяцъ получаетъ свое имя отъ первостепеннаго историческаго дѣятеля или «главнаго святого», который олицетворяетъ собою тотъ или другой фазисъ въ общемъ историческомъ развитіи человѣчества; напримѣръ: Моисей, Гомеръ, Аристотель, Архимедъ, Цезарь, св. Павелъ, Карлъ Великій, Данте, Гутенбергъ, Шекспиръ, Декартъ, Фридрихъ и Биша, причемъ первый являлся представителемъ первобытной теократіи, второй—древней поэзіи, третій—древней философіи, Цезарь—военной цивилизаціи и т. д.

Общежитіе для престарѣлыхъ мужчинъ и женщинъ въ Калифорніи. Одна изъ обитательницъ города Лосъ Анджелоса въ Калифорніи, обладающая большими средствами, нѣкая миссиссъ Голленбекъ, рѣшила устроить въ память своего мужа общежитіе для престарѣлыхъ женщинъ. Полтора года тому назадъ, домъ, выстроенный для этого общежитія въ предмѣстьи города, былъ уже готово и оставалось только размѣстить въ немъ пансіонерокъ. Но тутъ миссиссъ Голленбекъ пришлось отказаться отъ своей первоначальной идеи устроить это общежитіе только для женщинъ; къ ней столько обращалось съ просьбами престарѣлыхъ супруговъ и даже одинокихъ стариковъ, что она волей-неволей должна была измѣнить свое рѣшеніе и допустить въ общежитіе не только женщинъ, но и мужчинъ.

По правиламъ, каждое лицо, вступающее въ общежитіе, должно имѣть не менѣе 60 лѣтъ отъ роду и уплатить 300 долларовъ. Въ настоящее время въ общежитіи проживаютъ 47 человѣкъ, изъ нихъ восемь—мужчины, и всѣ чрезвычайно довольны своимъ положеніемъ. Домъ выстроенъ на возвышенномъ мѣстѣ, откуда открывается красивый видъ на окрестности и городъ внизу, съ его хорошенькими постройками и садами.

Домъ имѣетъ 90 комнатъ. Въ подвальномъ этажѣ помѣщается прачешная, въ первомъ—пріемныя комнаты, канцелярія хозяйки, столовая, кухня и комнаты для такихъ жильцовъ, которымъ трудно подниматься по лѣстницѣ. Пріемныя комнаты хорошо меблированы и украшены картинами, цвѣтами. Полъ

устланъ цыновками. Вообще хозяйка дома сдѣлала все отъ нея зависящее, чтобы комнаты эти получили уютный домашній видъ. Кромѣ мягкой мебели, удобныхъ диванчиковъ и креселъ, въ каждой такой комнатѣ стоитъ піанино. Комнаты отапливаются паромъ и освѣщаются газомъ и электричествомъ, прекрасно вентилируются и, кромѣ того, снабжены телефонами, электрическими звонками и другими новѣйшими приспособленіями для домашняго комфорта. Столовая просторна, и свободно вмѣщаетъ всѣхъ обитателей, кухня, свѣтлая и чистая, производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе.

Жизнь въ этомъ заведеніи протекаетъ тихо и мирно. Миссиссъ Голленбекъ окружаетъ самыми заботливыми попеченіями своихъ жильцовъ, которыхъ она называетъ своими гостями. Къ услугамъ ихъ разведенъ возлѣ дома прекрасный цвѣтникъ и устроенъ паркъ для прогулки. Заведеніе это представляетъ ту особенность, что вся администрація находится въ рукахъ женщинъ; кромѣ того, устроено по плану самой миссиссъ Голленбекъ и архитекторомъ его была женщина. Въ Лосъ Анджелосъ общежитіе это считается образцовымъ.

Пять тысячъ книгъ, написанныхъ женщинами. Въ штатѣ Тенесси находится въ настоящее время единственная въ мірѣ коллекція книгъ. Обладательница ея, миссъ Луиза Бакстеръ, очень много путешествовала и, изучивъ литературу многихъ странъ, рѣшила собрать коллекцію сочиненій, написанныхъ женщинами разныхъ уголковъ земного шара. Коллекцію эту она готовитъ къ выставкѣ, которая устраивается въ Тенесси по случаю столѣтней годовщины этого штата. Съ этою цѣлью миссъ Бакстеръ разослала семьсотъ писемъ разнымъ иностраннымъ правительствамъ, прося ихъ содѣйствовать ей въ этомъ дѣлѣ и такимъ образомъ ей удалось собрать пять тысячъ книгъ, написанныхъ женщинами разныхъ странъ, гдѣ только существуетъ какая-нибудь литература. Между прочимъ, въ этой коллекціи находятся четыре книги—произведеніе китайскихъ писательницъ, присланныя миссъ Бакстеръ китайскою императрицей. Китайскія писательницы посвящаютъ свои сочиненія женщинамъ, своимъ соотечественницамъ; онѣ описываютъ нравы, обычаи и привычки женщинъ и наставляютъ ихъ въ семейныхъ добродѣтеляхъ и въ покорности мужьямъ.

Японскій императоръ прислалъ миссъ Бакстеръ 126 книгъ, написанныхъ японскими писательницами. Между прочимъ, въ коллекціи находятся двѣнадцать произведеній современныхъ греческихъ писательницъ. Книги эти присланы греческою королевой.

Въ коллекціи можно найти книги, присланныя изъ Арменіи, Персіи и Турціи и рѣшительно изъ всѣхъ европейскихъ государствъ. Всѣ южно-американскія государства также прислали образцы своей женской литературы. Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ, напримѣръ, тѣ, которыя присланы изъ Гватемалы и Гондураса, представляютъ единственныя произведенія, когда-либо написанныя женщинами въ этихъ странахъ. Миссъ Бакстеръ продолжаетъ пополнять свою коллекцію и постоянно получаетъ новыя присылки изъ разныхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ странъ.

Въ колоніи «шекеровъ». Нѣкогда столь многочисленная секта «шекеровъ» въ сѣверной Америкѣ, — этихъ прямыхъ потомковъ гугенотовъ Дофинэ, вѣрящихъ, какъ и ихъ предшественники XVII вѣка, что конецъ міра неизбѣженъ и поэтому приглашающіе человѣчество покаяться,—теперь насчитываетъ уже не особенно много приверженцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Г-жа Бентцонъ, напечатавшая уже нѣсколько очень интересныхъ очерковъ американской жизни въ «Revue des deux Mondes», говоритъ, что не болѣе семнадцати селеній шекеровъ разсѣяны по разнымъ уголкамъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ переписи 1860 года шекеровъ значилось 6.000, а въ 1873 году число это уменьшилось до 2.415. Шекеры,

прежде чѣмъ поселиться въ Америкѣ, сначала было пробовали устроиться въ Англіи и по сосѣдству съ Манчестеромъ основали въ 1747 году первую колонію, переселившуюся впослѣдствіи въ Америку, гдѣ шекеры въ началѣ возбудили подозрѣнія и преслѣдованія, но затѣмъ ихъ оставили въ покоѣ.

Колонія Альфредъ, въ штатѣ Мэнъ, которую посѣтила г-жа Бентцонъ, состоитъ изъ 80 человѣкъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, образующихъ двѣ духовныя семьи. Въ селеніи господствуютъ необыкновенные чистота и порядокъ, и въ особенности поражаетъ необыкновенная тишина; не слышно ни звука, ни слова. Всѣ работаютъ молча и двигаются словно тѣни; никто не возвышаетъ голоса ни въ раздраженіи, ни даже для понуканія лошади. Дома всѣ однообразной постройки, выкрашены заново и содержатся хорошо. Одинъ изъ домиковъ, гдѣ находится и канцелярія общины, служитъ также и гостинницей для пріѣзжихъ. Шекеры очень трудолюбивы и дѣятельны; въ общинѣ не допускаются лѣнивые члены и никому не дозволяется жить насчетъ работы другихъ, всѣ должны трудиться на пользу общины и никто не имѣетъ личной собственности. Въ колоніи, которую посѣтила г-жа Бентцонъ, мужчины занимаются преимущественно скотоводствомъ и продажею деревянныхъ срубовъ, а также земледѣліемъ и огородничествомъ; женщины же шьютъ, ткутъ и плетутъ корзины, ухаживаютъ за домашней птицей и готовятъ консервы изъ апельсинъ, пользующіеся большою славою въ Соединенныхъ Штатахъ. Наблюдать за чистотою жилищъ также составляетъ обязанность женщинъ, которыя выполняютъ ее чрезвычайно добросовѣстно.

Шекеры чрезвычайно сострадательны, и это чувство обнаруживается у нихъ не только по отношенію къ людямъ, но и по отношенію къ животнымъ. Никогда ни одинъ изъ шекеровъ не позволитъ себѣ ударить какое-нибудь животное, но зато они и не ласкаютъ животныхъ и среди животныхъ у нихъ нѣтъ любимцевъ.

Собакъ они не допускаютъ въ своей колоніи, находя, что онѣ слишкомъ шумливы и безстыдны. Но зато кошки, повидимому, пользуются ихъ благоволеніемъ, какъ за ту пользу, которую они приносятъ истребленіемъ мышей, такъ и за безшумность ихъ движеній. Шекеры не ѣдятъ свиного мяса и не пьютъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ. Они ѣдятъ всѣ вмѣстѣ за общимъ столомъ три раза въ день: въ шесть часовъ утра, въ двѣнадцать и въ шесть вечера, но мужчины сидятъ за однимъ столомъ, женщины за другимъ, а дѣти за третьимъ. Въ девять съ половиною часовъ всѣ огни уже должны быть потушены.

Исполненіе религіознаго культа уже потеряло у шекеровъ свою прежнюю горячность; теперь шекеры, въ особенности женщины, какъ бы опасаются навлечь на себя насмѣшки постороннихъ, такъ что рѣдкому удается видѣть ихъ религіозные танцы, сопровождаемые разными символическими движеніями, причемъ мужчины быстро двигаются въ рядъ съ одной стороны, а женщины—съ другой. Ноги танцующихъ едва прикасаются къ землѣ, смотря по тому ускоряется или замедляется темпъ гимновъ, распѣваемыхъ собраніемъ и напоминающихъ своею монотонностью восточную музыку.

Литература шекеровъ довольно-таки обильна, но всѣ ихъ книги проводятъ одну и ту же идею: небесное царствіе должно начаться на землѣ. Надо быть добрымъ, милосерднымъ и добродѣтельнымъ, такъ какъ каждый человѣкъ носитъ въ самомъ себѣ небо и адъ. Поэтому шекеры прежде всего заботятся о нравственной чистотѣ и ведутъ строго монашескую жизнь. Браки не допускаются и мужчины и женщины живутъ между собою, какъ братья и сестры. Тихая, спокойная жизнь, свободная отъ всякихъ матеріальныхъ заботъ и невзгодъ, и благосостояніе общины привлекаютъ многихъ, такъ что въ общину вступаютъ иногда цѣлыя семьи: мужъ, жена и дѣти. Разумѣется, мужъ и жена расхо-

дятся и вступаютъ въ братскія отношенія, а дѣти воспитываются въ идеяхъ шекеровъ и, выросши, становятся членами общины. Одна изъ «сестеръ», по имени Герріетъ, достигшая уже почтеннаго возраста, разсказывала г-жѣ Бентцонъ, что ей было десять лѣтъ, когда родители ея вступили въ общину. «У меня не было другого выбора,—прибавила она.—Но благодареніе Богу, я счастлива. Я не слышала ни разу во всю свою жизнь, ни одного ругательства, не видѣла ни одного пьянаго и у меня нѣтъ на совѣсти ни одного важнаго грѣха».

Въ общемъ колонія шекеровъ производитъ пріятное впечатлѣніе, благодаря принципамъ равенства и труда, которые положены въ ея основу. Трудъ считается у шекеровъ главною добродѣтелью и всѣ должны одинаково трудиться для пользы и процвѣтанія общины. Затѣмъ кротость и доброта, которыми проникнуто каждое движеніе шекеровъ и обращеніе ихъ другъ съ другомъ и посторонними, также располагаютъ въ ихъ пользу. Община процвѣтаетъ благодаря трудолюбію ея членовъ и очевидно, шекеры, не смотря на свои заботы о небесныхъ благахъ, не забываютъ и о земныхъ. Во всякомъ случаѣ, на всемъ лежитъ печать полнаго матеріальнаго благосостоянія. Но, къ сожалѣнію, узость умственныхъ горизонтовъ и сосредоточеніе дѣятельности шекеровъ въ очень маленькомъ кругу препятствуютъ общинѣ шекеровъ оказывать нравственное вліяніе и пользоваться значеніемъ въ странѣ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue Bleue».—«Revue des Revues».—«Revue de Paris».

«Revue Bleue», слѣдуя весьма распространенной въ послѣднее время модѣ обращаться съ разными вопросами къ писателямъ, ученымъ, государственнымъ дѣятелямъ съ цѣлью узнать ихъ мнѣніе насчетъ интересующаго вопроса, обратился къ разнымъ лицамъ съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, касающихся французской печати. «Исполняетъ ли французская печать свое назначеніе? А если нѣтъ, то какія средства могутъ быть предложены для излѣченія болѣзни современнаго журнализма? Можно ли считать эту болѣзнь неизлѣчимой и конституціональной или она можетъ быть излѣчена, если, сохраняя печати полную свободу, ей будетъ снова возвращено ея истинное воспитательное соціальное назначеніе посредствомъ лучшей организаціи и оздоровленія нравовъ?»

«Revue Bleue» печатаетъ списокъ лицъ, къ которымъ обращены эти вопросы. Тутъ встрѣчаются имена: Эдуарда Дрюмона, Жореса, Клемансо, Сабатье, Жюля Коха, Макса Нордау и др. Большинство приславшихъ свои отвѣты высказываетъ мнѣніе, что для возрожденія печати необходимо раньше всего преобразовать общество и поднять его нравственный уровень. Другіе же, наоборотъ, требуютъ отъ печати реформирующей дѣятельности; печать должна повліять на общество, возвысить его въ нравственномъ отношеніи. Всѣ признаютъ, однако, что французская печать дѣйствительно низко упала теперь и что она не выполняетъ болѣе своего высокаго назначенія. Продажность печати одни объясняютъ матеріальною необезпеченностью и указываютъ на англійскую печать, которая абсолютно неподкупна, потому что богата! Это мнѣніе, однако, многими оспаривается. Паденіе печати зависитъ отъ нравственныхъ причинъ, отъ отсутствія идеаловъ и отъ того, что свобода была дана печати слишкомъ поздно, когда она уже разучилась ею пользоваться. Жоресъ находитъ, что печать служитъ непосредственнымъ отраженіемъ соціальнаго строя и, чтобы подѣйствовать на печать, надо преобразовать этотъ строй. «Все общество основывается въ настоящее время на могуществѣ девегъ; какимъ же образомъ печать можетъ из-

бѣжать этого вліянія?—говоритъ Жоресъ.—Деньги являются въ одно и то же время и цѣлью, и средствомъ. Печать не можетъ избавиться отъ ига капитала, потому что, вслѣдствіе все возрастающей сложности своего производства, газетная промышленность вступила на степень крупной промышленности. И мнѣ кажется страннымъ, при помощи какихъ это такихъ комбинацій можно включить капитализмъ въ разрядъ «морализующихъ» вліяній». Жоресъ находитъ, что конкурренція между «капиталистическими» органами печати заставляетъ ихъ безсознательно расшатывать соціальный строй, такъ что они, безъ сомнѣнія, обладаютъ разрушительною силой и въ этомъ-то и заключается ихъ единственная добродѣтель, на «которую они имѣютъ право претендовать».

Любопытно мнѣніе Макса Нордау, который, какъ иностранецъ, отказывается судить спеціально о французской печати и поэтому высказываетъ лишь общія замѣчанія. По его мнѣнію, нелѣпо превращать журнализмъ въ какого-то козла отпущенія, и это по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что всякій народъ имѣетъ всегда такую печать, какую онъ заслуживаетъ, такъ какъ публика, раскупающая газеты и, слѣдовательно, поддерживающая существованіе прессы, всегда имѣетъ возможность навязать свои вкусы печати и разорить и погубить всякую газету, отказываясь по какимъ-либо причинамъ покупать ее. Затѣмъ, по мнѣнію Макса Нордау, вторая причина, обусловливающая недостатки современной прессы, заключается въ рекламѣ. Реклама также является продуктомъ общества и газета, настолько сильная, что можетъ составить репутацію и доставить богатство какому-нибудь коммерческому предпріятію, а также кафересторану и танцовщицѣ, конечно, не въ состояніи оказывать никакого политическаго вліянія.

Какъ мы далеки отъ того времени, когда на журнализмъ смотрѣли, какъ на священнодѣйствіе, когда пресса являлась носительницею идеаловъ, хранительницею лучшихъ завѣтовъ и руководительницею общества! Нѣкоторые изъ французскихъ журналистовъ полагаютъ, что паденію французской печати содѣйствовалъ наполеоновскій режимъ, задушившій всѣ ея порывы, и затѣмъ растлѣвающій режимъ второй имперіи, погубившій вмѣстѣ и все французское общество, такъ какъ Франція получила свободу тогда, когда лишилась способности ею пользоваться, когда она лежала поверженная и мертвая. Надо возродить ее къ жизни, возбудить въ ней чувство и умѣнье пользоваться свободой и дорожить ею, и тогда возродится и печать.

Шарль Каниве, работающій въ журналистикѣ 25 лѣтъ и пережившій вмѣстѣ съ нею всѣ ея превращенія, находитъ, что причины ея упадка очень сложны, но первое мѣсто онъ все-таки отводитъ тому, что огромное большинство газетъ представляютъ коммерческое предпріятіе и организуются вовсе не журналистами, а такими людьми, которые ничего общаго съ печатью не имѣютъ и естественнымъ образомъ вносятъ въ нее такія привычки и обычаи, которые не могли бы быть допущены истинными журналистами. Каниве полагаетъ, что обиліе газетъ убило журнализмъ и что въ истинныхъ журналистахъ чувствуется сильный недостатокъ. Печать не ставитъ себѣ больше цѣлью руководить и просвѣщать общественное мнѣніе, а сама становится его покорнымъ слугой, приспособляясь ко вкусамъ толпы.

«Печать измѣнилась,—восклицаетъ Клемансо,—но это потому, что измѣнилась Франція! Въ этомъ заключается вся разгадка. Революціонная Франція, вскормленная XVIII вѣкомъ, была переполнена благороднѣйшими чувствами и стремленіями, которыя произвели взрывъ, но, благодаря подвижности нашего характера, эти чувства порою выражались крайностями, способными возбудить негодованіе. Но современная Франція, по счастью, еще не вполнѣ освободившаяся отъ традицій прежнихъ временъ, все-таки больше заботится о матеріальныхъ интересахъ. Бранить печать за то, что она служитъ выраженіемъ такого об-

щественнаго настроенія и слишкомъ часто реализируетъ его, все равно, что бранить термометръ за то, что онъ показываетъ ту или другую температуру! Мы великій и вмѣстѣ съ тѣмъ слабый народъ. Мы можемъ сразу подняться до самыхъ возвышенныхъ идей, но когда приходится осуществлять ихъ, то силъ у насъ не хватаетъ. Мы собрались измѣнить вселенную, но до сихъ поръ еще не преобразовали самихъ себя. Бросаемые изъ стороны въ сторону, отъ 1889 къ 1893 году, отъ Людовика-Филиппа ко 2-му декабря, отъ народныхъ возстаній къ избіеніямъ 1871 года, отъ Аустерлица къ Седану, мы остаемся боязливыми энтузіастами, которые хотятъ, но не могутъ. Рутина удерживаетъ насъ и всякая перемѣна насъ пугаетъ и если у насъ удастся сгруппировать людей, то обыкновенно это бываетъ противъ кого-нибудь, а не ради отвлеченной идеи». Но Клемансо питаетъ довѣріе къ духу человѣческому и вѣритъ въ свободу, также какъ и всѣ остальные, высказавшіе свое мнѣніе по поводу упадка печати. Всѣ говорятъ, что нужно измѣнить систему, порождающую зло, но ни въ какомъ случаѣ не стѣснять свободу печати; нужно преобразовать печать, оздоровить ея корни, но не душить ее, не накладывать путъ, мѣшающихъ ея свободному развитію, такъ какъ, препятствуя дѣлать зло, очень часто еще больше препятствуютъ дѣлать добро и заглушаютъ благородство порывовъ.

Европа очень мало знакома съ бразильскою литературой и, пожалуй, много есть людей, которые даже совсѣмъ не знаютъ о ея существованіи. Между тѣмъ одинъ изъ выдающихся критиковъ Новаго Свѣта, Леопольдъ Фрейтасъ, заявляетъ въ своей статьѣ, напечатанной въ «Revue de Revues», что европейское общество совершенно напрасно игнорируетъ бразильскую литературу и что умственное движеніе въ бразильской республикѣ получило гораздо болѣе широкое развитіе, чѣмъ это думаютъ въ Европѣ. Настоящая бразильская литература народилась послѣ объявленія независимости, въ 1822 году. Сначала она носила исключительно романтическій характеръ, главнымъ ея представителемъ былъ Домингосъ Іозе Гонсальвесъ де-Магальгассъ, поэтъ, философъ, драматургъ, котораго слѣдуетъ считать истиннымъ творцомъ національной поэзіи. Романтическая эра длилась около вѣка, но романтизмъ, вытѣсненный силою эволюціи, оставилъ, по выраженію Леопольда Фрейтаса, бразильскую литературу «безъ руля и безъ вѣтрилъ». Однако романтическая школа, оказывавшая такое преобладающее вліяніе на развитіе мысли и вызвавшая зарожденіе и распространеніе сантиментальныхъ воззрѣній и чувствъ, была скорѣе искусственнымъ продуктомъ, пересаженнымъ на бразильскую почву, а не логическимъ послѣдствіемъ историческихъ условій. Когда это увлеченіе прошло, то бразильская публика перестала увлекаться описаніями дѣвственной природы и бразильскіе авторы стали искать новыхъ темъ въ дѣйствительной жизни, результатомъ чего и явилась уже настоящая бразильская романическая литература. Фрейтасъ говоритъ, что во главѣ новаго бразильскаго романа стоятъ четыре писателя: Machado de Assis, Aloiso Azevedo, Caelho Neto и виконтъ де-Тоней. Первый писатель считается самымъ выдающимся и уважаемымъ изъ бразильскихъ авторовъ и въ особенности пользуется большою популярностью среди бразильской молодежи, которая смотритъ на него, какъ на своего руководителя.

Второй писатель, Алоизъ Азеведо, стоитъ во главѣ натуралистической школы. Очень хорошъ его романъ «Cortico», рисующій жизнь бразильскихъ пролетаріевъ. Вообще, всѣ четыре названныхъ романиста воплощаютъ въ себѣ эволюцію народныхъ идей и указываютъ тотъ фазисъ, котораго она достигла въ данную минуту. Всѣ ихъ произведенія проникнуты духомъ времени и изображаютъ современную дѣйствительную жизнь, характеры, темпераменты и окружающія условія.

Среди бразильскихъ литературныхъ критиковъ первое мѣсто принадлежитъ Сильвіо Ромеро, автору «Исторіи бразильской литературы».

За послѣднія десять лѣтъ Бразиліи много пришлось страдать отъ разныхъ политическихъ и соціальныхъ кризисовъ. Освобожденіе рабовъ, провозглашеніе республики были, конечно, такими историческими событіями, которыя совершенно измѣнили физіономію страны, однако отраженіе этихъ событій въ мѣстной литературѣ было слабѣе, чѣмъ это можно было бы ожидать, благодаря тому, что бразильская литература всецѣло находилась подъ иноземнымъ вліяніемъ. Но и теперь, когда бразильская литература мало-по-малу освободилась изъ подъ ига «иноземныхъ идей» и, такъ сказать, заявила свою автономію, въ ней всетаки сказывается это вліяніе въ подражаніи французскимъ образцамъ.

Вмѣшательство Золя въ дѣло Дрейфуса, надѣлавшее столько шума, естественно должно было напомнить о другомъ знаменитомъ вмѣшательствѣ—о вмѣшательствѣ Вольтера въ дѣло Калласа. «Revue de Paris» напоминаетъ объ этомъ возмутительномъ дѣлѣ и благородной роли Вольтера, горячо возмущавшагося безчеловѣчною жестокостью уголовнаго законодательства, основаннаго на пыткахъ и примѣнявшаго смертную казнь по самому ничтожному поводу. Вольтеръ былъ ярымъ противникомъ такого законодательства и горячо привѣтствовалъ появленіе знаменитаго труда Беккаріа, прибавивъ къ нему свои комментаріи. Онъ всегда слѣдилъ за судебными процессами и горячо вступался за жертвъ судебныхъ ошибокъ. Такою именно жертвою былъ Калласъ, съ безчеловѣчною жестокостью казненный въ Тулузѣ по обвиненію въ убійствѣ сына.

Вольтеръ вовсе не былъ предубѣжденъ въ пользу невинно казненнаго Калласа. Въ началѣ онъ даже нисколько не сомнѣвался, что Калласъ дѣйствительно совершилъ преступленіе и задушилъ своего сына, потому что тотъ собирался перейти въ католичество. На этомъ основаніи Вольтеръ объявилъ даже въ своемъ письмѣ къ совѣтнику Ле-Бо, что «гугеноты еще хуже католиковъ».

Но каково было удивленіе Вольтера, когда вскорѣ послѣ этого одинъ марсельскій негоціантъ, бывшій въ Тулузѣ во время процесса Калласа и слѣдившій за всѣми его подробностями, сказалъ Вольтеру, посѣтивъ его проѣздомъ, что онъ уѣхалъ изъ Тулузы съ полнымъ убѣжденіемъ, что совершена страшная судебная ошибка. Вольтеръ отнесся съ недовѣріемъ къ этимъ словамъ негоціанта и замѣтилъ ему, что «еще болѣе невѣроятно, чтобы судьи, безъ всякой нужды, подвергли невиннаго такой страшной казни». Но по отъѣздѣ негоціанта въ душу Вольтера закрались сомнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ ужъ не было ли тутъ судебной ошибки? Онъ рѣшилъ разслѣдовать его дѣло, которое не давало ему спать спокойно. Справки, наведенныя имъ о семьѣ Калласовъ, совершенно опровергли всѣ разсказы, выставлявшіе яростными фанатиками членовъ этой семьи. Это усилило подозрѣнія Вольтера. Со свойственною ему энергіей онъ принялся за это дѣло, не щадя ни своихъ силъ, ни денегъ и несмотря на упорное сопротивленіе высшей власти и клерикаловъ, добился его пересмотра, поставивъ буквально на ноги всю Францію.

Жанъ Калласъ былъ мирнымъ торговцемъ въ Тулузѣ, гдѣ онъ прожилъ безвыѣздно сорокъ лѣтъ. Въ городѣ онъ пользовался репутаціей прекраснаго человѣка и хорошаго отца. Онъ былъ протестантъ, также какъ и вся его семья, за исключеніемъ одного изъ сыновей, принявшаго католицизмъ. Но Калласъ былъ такъ далекъ отъ всякаго фанатизма, что, узнавъ о переходѣ своего младшаго сына въ католичество, заявилъ, что не осуждаетъ его, если только его убѣжденія искренни; стѣсненіе же свободы совѣсти порождаетъ только лицемѣріе и ничего больше! Другой сынъ Калласа, Маркъ Антуанъ, былъ литераторъ, но по всѣмъ признакамъ, онъ былъ несовсѣмъ нормальный человѣкъ. Съ нимъ часто бывали приступы меланхоліи и притомъ онъ питалъ отвращеніе

къ торговой профессіи. Ему хотѣлось быть адвокатомъ, но онъ не получилъ степени кандидата правъ, потому что не былъ католикомъ. Онъ часто говорилъ о самоубійствѣ, въ послѣднее время онъ сдѣлался игрокомъ и проигрывалъ большія суммы. Въ день своей смерти онъ игралъ очень долго и именно въ этотъ день отецъ поручилъ ему размѣнять крупную сумму денегъ, но денегъ этихъ не было найдено при немъ, когда было обыскано его тѣло. Онъ ужиналъ въ этотъ день вмѣстѣ съ родителями и гостемъ, но до окончанія ужина всталъ и вышелъ. Около десяти часовъ мать его сказала своему второму сыну, Пьеру, чтобы онъ проводилъ гостя до воротъ и посвѣтилъ ему. Оба вышли и, спустившись въ лавку, увидѣли, что дверь на улицу раскрыта настежъ и на палкѣ, укрѣпленной на обѣихъ половинкахъ двери, качается тѣло Марка Антуана.

Поднялся шумъ; началось слѣдствіе. Кто-то крикнулъ въ фанатизированной толпѣ, что Калласы убили своего сына, и этого было достаточно, чтобы у судей возникло убѣжденіе, что это дѣйствительно такъ и было. Калласъ былъ арестованъ, подвергнутъ пыткѣ, и хотя онъ продолжалъ протестовать противъ такого обвиненія, его все-таки приговорили къ колесованію и привели въ исполненіе эту страшную казнь.

Когда Вольтеръ узналъ всѣ подробности этого вопіющаго дѣла, онъ былъ потрясенъ до глубины души. Только ослѣпленные фанатики, желавшіе во что бы то ни стало погубить гугенота, могли дѣйствовать подобнымъ образомъ и казнить завѣдомо невиннаго! Это была уже не казнь, а страшное убійство. Вольтеръ тщательно собралъ всѣ улики, документы, относящіеся къ этому преступленію и суду и возстановилъ всѣ факты преступленія и свидѣтельскія показанія. Онъ повелъ свою агитацію такъ искусно и съ такимъ жаромъ, что, дѣйствительно, какъ онъ и предсказывалъ, «Парижъ и вся Европа, охваченные состраданіемъ, потребовали, чтобы несчастной семьѣ казненнаго была оказана справедливость и возстановлено его доброе имя». И вотъ ровно черезъ три года послѣ казни побѣда была одержана: Калласы были оправданы и отдано приказаніе тулузскому парламенту вычеркнуть въ своихъ реестрахъ приговоръ по дѣлу Калласа и вписать актъ реабилитаціи.

Побѣда Вольтера доказала, что нравственный и умственный авторитетъ бываетъ зачастую выше могущества власти. Хилый, больной старикъ, апеллируя къ общественному мнѣнію Европы, могъ взволновать ее только своимъ словомъ. Когда спустя нѣсколько лѣтъ послѣ торжественнаго оправданія Калласа, въ 1778 году, Вольтеръ былъ въ Парижѣ, какая-то женщина, находившаяся въ толпѣ, окружавшей Вольтера, спросила: кого это такъ восторженно привѣтствуютъ,—ей отвѣчали: «Развѣ вы не знаете, вѣдь это спаситель Калласовъ!»

«Домъ народа» въ Брюсселѣ.

Рабочіе кварталы въ Брюсселѣ расположены почти въ самомъ центрѣ города. Вотъ мелькаютъ предъ вами улицы, наполненныя дорогими громадными магазинами и роскошными ресторанами, пестрѣющія изысканными дамскими туалетами, поражающія громадными выставками кружевъ, перчатокъ, фламандскихъ трубокъ, цвѣтовъ; широкіе красивые бульвары, полные зеленью и аристократическими изящными домами «sans commerce»; громадныя площади съ старинными готическими постройками и соперничающими съ ними по величинѣ и изяществу новыми общественными зданіями, съ памятниками, садами, фонтанами, дворцами, а рядомъ съ ними и между ними тѣснятся узкія, неровныя,

грязныя улицы, полныя быстро движущимися, ругающимися, торгующимися, бѣдно одѣтыми людьми, оборванными, больными, нерѣдко искалѣченными дѣтьми, мрачными кабаками, полуразвалившимися, страшно ветхими и нечистыми, высокими и узкими домами, зачастую съ выбитыми окнами, и мелкими магазинами, гдѣ все, что угодно, можно купить за нѣсколько sous (пять сантимовъ—приблизительно, 2 копѣйки), и гдѣ нельзя достать ни одной порядочной вещи.

Есть въ Брюсселѣ цѣлые отдѣльные кварталы, заполненные исключительно небольшими однообразными домами и скромными чистенькими магазинами; здѣсь на всѣхъ лицахъ лежитъ отпечатокъ довольства и спокойствія; всѣ жители одѣты не очень бѣдно, но и не очень богато; бѣдность здѣсь всегда такая чистенькая, прикрытая, аккуратная! Не смотря на новенькія постройки, на современныя лица и костюмы, вамъ кажется иногда, что вы попали въ какой-то средневѣковой городъ: такъ непохожи спокойствіе и довольство этихъ мирныхъ уголковъ на тревожную, кипучую жизнь современныхъ большихъ городовъ.

Но съ этими селеніями мелкой буржуазіи рѣдко граничатъ рабочіе кварталы. Здѣсь нѣтъ ни очень бѣдныхъ, ни очень богатыхъ. Однообразное мелкое благополучіе царитъ здѣсь. Зато тамъ, гдѣ васъ поражаютъ богатство и роскошь, вы видите и самую, ужасную, грубую, непокрытую нищету. Мрачныя, грязныя улицы краснорѣчиво иллюстрируютъ источники блеска и величія своихъ великолѣпныхъ сосѣдей. Если вы, полюбовавшись на аристократическій бульваръ «Avenue Louise», весь зеленый и благоухающій лѣтомъ и весной отъ растущихъ на немъ въ четыре ряда каштановъ, и разсмотрѣвъ граничащее съ нимъ роскошное зданіе «Palais de Justice»,—спуститесь по богатой Rue de la Régence и завернете въ одну изъ примыкающихъ къ ней маленькихъ грязныхъ улицъ, потомъ пересѣчете большую, полную отвратительныхъ кабаковъ, площадь—place de Sablon, вы попадете въ узкую извилистую улицу безъ тротуаровъ—Rue des Alexiens; по ней вы дойдете до маленькаго невзрачнаго кабачка, подъ громкой вывѣской: «Aux trois puits», и, взявши вправо, увидите рядомъ съ нимъ довольно большой домъ, на подъѣздѣ котораго постоянно толпятся рабочіе, бѣдныя женщины съ дѣтьми на рукахъ, да изрѣдка мелькнетъ приличный костюмъ какого-нибудь любопытнаго интеллигента или кого-нибудь изъ мѣстныхъ друзей и руководителей рабочихъ. Это—«Maison du Peuple»—coopérative ouvrière, любимое мѣсто брюссельскихъ рабочихъ. Сюда они идутъ отдыхать послѣ тяжелаго трудового дня; сюда приходятъ по праздникамъ чистые, пріодѣтые слушать читающіяся имъ здѣсь лекціи; сюда приходятъ они на собранія своихъ частныхъ союзовъ и на общія собранія всей рабочей партіи. Сюда же собираются они въ тревожные дни избирательной горячки, чтобы здѣсь слѣдить за ходомъ дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ слушать ободряющія рѣчи своихъ любимыхъ ораторовъ.

* * *

Войдемте сюда провести здѣсь вечеръ-другой, посмотрѣть на собравшихся здѣсь въ довольно невзрачной обстановкѣ тружениковъ-создателей столькихъ близъ лежащихъ богатствъ.

Въ этомъ невзрачномъ зданіи, напоминающемъ кабакъ, нельзя достать никакихъ дорогихъ напитковъ; здѣсь есть только самые простые сорта пива и вина, самыя дешевыя закуски. Въ одномъ углу помѣщается скромный буфетъ; стоящій за нимъ молодой фламандецъ, не смотря на массу работы, успѣваетъ сказать каждому подходящему:

— Bonjour, citoyen!—

и подавая ему требуемый стаканъ пива:

— S'il vous plait, citoyen! Merçi, citoyen!—

а если узнаетъ въ покупателѣ члена партіи, то замѣняетъ слово «citoyen»—гражданинъ, словомъ «compagnon»—товарищъ.

Если вы не приходите сюда, какъ мѣстные обыватели, съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ дѣломъ или просто съ намѣреніемъ отдохнуть за кружкой пива, не имѣете здѣсь знакомыхъ и товарищей по дѣлу и обладаете притомъ нѣкоторой долей любопытства и вкусомъ къ новизнѣ, то врядъ ли вы будете сидѣть цѣлый вечеръ за однимъ столомъ, какъ это сдѣлали бы вы во всякомъ другомъ ресторанѣ. Комната не велика, но каждая группа рабочихъ въ ней, каждый споръ, бесѣда, каждое мелькающее здѣсь интиллигентное лицо—все интересно, характерно, поучительно для наблюдателя.

Вотъ собралась цѣлая кучка рабочихъ. Центръ группы составляютъ молодой интеллигентъ и пожилой рабочій. Этотъ послѣдній раздраженнымъ и нѣсколько насмѣшливымъ тономъ говоритъ, обращаясь къ молодому человѣку. Тотъ горячится, увлекается и быстро, быстро возражаетъ что-то своему противнику. Впрочемъ, онъ смотритъ и на всѣхъ стоящихъ вокругъ него и всѣ они сочувственно киваютъ ему головой.

Въ углу у печки сидитъ старая, совсѣмъ сѣдая, женщина съ добродушнымъ, привѣтливымъ лицомъ. Передъ ней куча газетъ и книжекъ, цѣной каждая 5 сантимовъ; торговля идетъ бойко; и тутъ раздаются непремѣнныя: «citoyen» и «citoyenne», «compagnon» и «compagne».

Другая такая же старуха разноситъ въ корзинкѣ разныя лакомства, въ родѣ собачьей колбасы, варенаго картофеля, креветокъ и т. п., и съ любезной улыбкой продаетъ все это «гражданамъ» и «гражданкамъ», «товарищамъ» и «товаркамъ».

У окна помѣстились нѣсколько женщинъ, иныя съ дѣтьми на рукахъ, и оживленно толкуютъ о чемъ-то. Рѣчь идетъ здѣсь о стачкѣ работницъ на папиросныхъ фабрикахъ. Разбирается вопросъ, выдержатъ ли онѣ, или уступятъ.

Большинство склоняется къ тому, что хозяевамъ придется уступить, такъ какъ работницамъ дѣятельно помогаютъ другія группы партіи; для нихъ вездѣ устраиваются сборы, подписки. Только одна старуха упорно не соглашается со всѣми и грустно качаетъ своей сѣдой головой.

За этой оживленной, шумной комнатой, гдѣ раздается столько и радостныхъ, и горькихъ толковъ, гдѣ повѣряютъ другъ другу свои надежды и сѣтованія всѣ эти бѣдные люди, гдѣ они проводятъ недолгіе часы отдыха, и которая все-таки называется «кабакомъ», идетъ другая—библіотека. Здѣсь народу мало; въ одномъ углу только собралась кучка и подъ руководствомъ какого-то интеллигента идетъ чтеніе.

За библіотекой идетъ булочная, имѣющая отдѣльный выходъ на другую улицу. Это тоже кооперативное учрежденіе.

Во второмъ этажѣ сегодня заняты только двѣ комнаты; въ одной—очередное собраніе рабочихъ на металлургическихъ заводахъ, въ другой—скромный хоръ и оркестръ устроили репетицію, готовясь къ предстоящему мѣстному празднику. Въ третьемъ этажѣ только въ одной лишь комнатѣ свѣтитъ огонекъ. Тамъ работаетъ неутомимый секретарь партіи, сводя какіе-то счеты.

* * *

Такова обстановка и приблизительное времяпрепровожденіе въ будничные вечера. Но тутъ же бываютъ и другіе вечера.

Сегодня въ «кабакѣ» почти пусто. Всѣ собрались наверху въ большой залѣ, гдѣ читается очередная субботняя лекція. Ее долженъ читать очень популярный ораторъ-профессоръ Demblon, занимающій въ «Брюссельскомъ новомъ университетѣ» каѳедру французской литературы; онъ долженъ читать сегодня о бельгійской литературѣ. Его, какъ видно, любятъ, потому что народу собралось масса. Но предсѣдатель собранія заявляетъ, что Demblon боленъ и придти не можетъ. Вмѣсто него на эстрадѣ появляется другой любимецъ толпы—совсѣмъ еще молодой профессоръ Мейсмальсъ, извѣстный въ партіи подъ псевдонимомъ

Leo. Это высокій, красивый фламандецъ, «Un beau type de flamand», какъ говорятъ бельгійцы. Онъ хочетъ читать о происхожденіи гражданской общины. «О происхожденіи буржуазіи», какъ говорятъ по-просту рабочіе.

Большая зала полная; собравшаяся толпа въ ожиданіи оратора шумитъ. Это герой дня—муниципальный совѣтникъ de Broucquère, недавно осужденный на шестимѣсячное тюремное заключеніе за статьи противъ милитаризма, напечатанныя въ газетѣ «La Caserne».

Наконецъ, онъ появляется. Толпа восторженно привѣтствуетъ его. Крики: «à bas le militarisme!—Vive de Broucquère!» долго не смолкаютъ.

Ораторъ входитъ на эстраду. Это высокій, красивый брюнетъ. Что-то нервное, тревожное проскальзываетъ въ его взглядѣ, во всѣхъ его движеніяхъ. Сбросивъ свое пальто и шляпу прямо на полъ, онъ принимается говорить.

Сюжетъ его конференціи—просвѣтительная философія XVIII-го вѣка. Въ немъ сейчасъ видно не ученаго, а дилеттанта. Онъ подолгу останавливался на отдѣльныхъ характеристикахъ и онѣ выходятъ у него замѣчательно красивы. Зато обобщеній, выводовъ, массовыхъ характеристикъ мало. Но, наэлектризованная и безъ того, толпа слушаетъ его очень внимательно. Не разъ восторженные апплодисменты покрываютъ его рѣчь. Этой невѣжественной, незнакомой съ научными методами, сѣрой массѣ его лекція даетъ очень, очень много. Ей понятны эти конкретные образы, проходящіе предъ ней. Именно они говорятъ ей много, именно они нужны ей. Когда она узнаетъ и оцѣнитъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ дѣятелей на поприщѣ мысли, тогда только будутъ ей понятны обобщенія мыслителя, который укажетъ ей, какая общественная сила вызывала къ жизни литературу и философію великаго вѣка просвѣщенія, чѣмъ были онѣ по своимъ общимъ тенденціямъ и какъ, въ свою очередь, воздѣйствовали на общественную жизнь.

Шумныя оваціи долго не смолкали, когда ораторъ кончилъ. Онъ сказалъ еще коротенькую, но прочувствованную рѣчь, въ которой благодарилъ своихъ товарищей за сочувствіе, и прибавилъ, что особенно радъ послѣднему, какъ доказательству солидарности всѣхъ ихъ въ борьбѣ за общее дѣло. Онъ вышелъ, окруженный цѣлой толпой блузниковъ, дружески бесѣдуя съ ними.

* * *

«Домъ народа» служитъ также центромъ въ дни парламентскихъ выборовъ.

Теплый весенній вечеръ. Какъ хорошо теперь въ красивой рощѣ Bois de la Cambre, лежащей въ концѣ города! Хорошо и въ тѣнистыхъ паркахъ, которыхъ такъ много въ иныхъ частяхъ Брюсселя, хорошо и на прелестныхъ широкихъ Avenues, гдѣ распустились ужъ деревья, посаженныя иногда въ шесть рядовъ въ ширину улицы. Но чуть свернете вы въ какую-нибудь извилистую, узкую, грязную улицу, обаяніе весны теряется. Вмѣсто благоуханія весны, васъ обдаютъ самые отвратительные запахи. Но въ кварталахъ, прилегающихъ къ Maison du Peuple, страшная давка. Впрочемъ, и всѣ другія улицы въ центрѣ города полны народа. Еще бы! Сегодня день выборовъ. Днемъ избиратели подавали свои голоса въ Hôtel de ville собственно брюссельской коммуны и въ Maisons Communales прочихъ коммунъ, составляющихъ городъ. Теперь они съ оживленіемъ слѣдятъ за извѣстіями, получающимися изъ другихъ городовъ и деревень. Иные слѣдятъ за ними по газетнымъ отчетамъ, выходящимъ черезъ каждые $1^1/_2$ часа; другіе собрались на крупныхъ площадяхъ, гдѣ механическіе показатели сообщаютъ обывателямъ каждую новую цифру. Но рабочіе—всѣ здѣсь, въ Maison du Peuple.

Большая зала полна народу. Несмотря на открытыя окна, страшно душно. На эстрадѣ за столомъ собрались депутаты отъ рабочихъ и довѣренныя лица партіи. Ежеминутно почтальоны приносятъ новыя телеграммы, и счетчики подсчитываютъ итоги.

Всю ночь и часть слѣдующаго дня длится напряженное состоянiе ожиданiя. Наконецъ, результаты извѣстны: клерикалы въ большинствѣ, но не въ абсолютномъ; назначена перебаллотировка между ними и соединеннымъ листомъ кандидатовъ рабочей партiи и радикаловъ (alliance démocratique), которому принадлежитъ большинство послѣ клерикаловъ. Кандидаты рабочей партiи и радикалы много выиграли въ сравненiи съ предъидущими выборами, и вездѣ на счетъ либераловъ, какъ показываютъ цифры.

Такiя собранiя, лекцiи, чтенiя составляютъ обычное явленiе въ «Домѣ народа», дѣлая его центромъ, куда ежедневно собирается трудящiйся людъ, чтобы отдохнуть, поучиться и въ своей компанiи провести время досуга.

Анна Фаль—ръ.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Успѣхи физики.

Профессора О. Д. Хвольсона.

I. Физика низкихъ температуръ.

Съ особымъ удовольствiемъ я принялъ предложенiе редакцiи журнала «Мiръ Божiй» отъ времени до времени бесѣдовать съ его многочисленными читателями о новѣйшихъ успѣхахъ физики. Хорошо сознаю трудности задачи, которую взялъ на себя. Знакомство съ физикою у насъ мало распространено. Образованная публика, интересующаяся научными открытiями, готова съ восторгомъ привѣтствовать всякую новую побѣду человѣческаго генiя; она жаждетъ уразумѣть смыслъ и значенiе всякаго шага на безконечномъ пути, ведущемъ къ познанiю природы, къ порабощенiю ея темныхъ силъ, къ завѣтной, недостижимой послѣдней цѣли всѣхъ наукъ—къ познанiю самого себя, къ уразумѣнiю сущности нашего бытiя, истиннаго отношенiя нашего мiра внутренняго къ мiру внѣшнему. Но та же публика болѣе знакома съ основами какой угодно другой науки, чѣмъ съ основами физики, которую она считаетъ состоящею изъ какихъ-то премудростей, темныхъ, спутанныхъ и мало понятныхъ. Здѣсь не мѣсто разбирать причины этого страннаго и даже грустнаго явленiя, но съ нимъ по необходимости приходится считаться, какъ съ фактомъ. А между тѣмъ вѣдь оказывается, что незнакомство съ физикою лишаетъ возможности правильно понимать многое, и даже очень многое, относящееся къ областямъ, повидимому, совершенно другихъ наукъ, выросшихъ, однако, на почвѣ физики, опирающихся на нее, или обильно черпающихъ изъ ея богатаго научнаго матерiала. Физика—наука о неорганизованной матерiи и о происходящихъ въ ней явленiяхъ—есть источникъ цѣлаго ряда наукъ, отдѣлившихся отъ нея и разросшихся въ самостоятельныя отрасли знанiя. Изъ нея вышли или на нее опираются химiя и астрономiя, метеорологiя и физическая географiя, минералогiя и геологiя и, въ особенности, техника въ широкомъ смыслѣ слова, обнимающая почти все, на чемъ основана современная культура, чѣмъ гордится нашъ вѣкъ. Безъ физики немыслимы строительная механика и паровая техника, фотографiя и электротехника съ ея многочисленными отдѣлами: телеграфiей, телефонiей, электрическимъ освѣщенiемъ, передачей работы, гальванопластикой и т. д. Изъ сокровищницы физики черпаютъ и бiологическiя науки, прежде всего физiологiя, какъ животныхъ, такъ

и растеній. Представители этихъ наукъ, какъ это ни странно, до сихъ поръ даже не могутъ столковаться и рѣшить основного вопроса: исчерпываютъ ли физика и химія совокупность тѣхъ явленій, которыя подлежатъ ихъ вѣдѣнію, или въ этихъ явленіяхъ еще играетъ роль таинственное, закулисное нѣчто, являющееся признакомъ и условіемъ жизни? Безъ физики немыслима и раціональная медицина будущаго, а въ настоящемъ такіе ея отдѣлы, какъ офталмологія и электротерапія.

Культурный человѣкъ, такимъ образомъ, на каждомъ шагу долженъ былъ бы видѣть «слѣды физики». Онъ ѣдетъ на пароходахъ и по желѣзнымъ дорогамъ; онъ телеграфируетъ и телефонируетъ; онъ пользуется электрическимъ освѣщеніемъ и, нерѣдко, электрической передачей работы; онъ лѣчится электричествомъ и отдаетъ разные предметы для гальваническаго серебренія, золоченія или никкелированія; онъ пользуется электрическими звонками и электрическими трамвеями; онъ фотографируется и даже самъ фотографируетъ; онъ посматриваетъ на барометръ и на термометръ и т. д. и т. д. Физику-то ужъ, кажется, слѣдовало бы ему знать! И онъ будетъ ее знать — со временемъ. Не отцы, такъ дѣти, а если не дѣти, такъ ужъ навѣрное внуки.

Итакъ, я съ удовольствіемъ берусь бесѣдовать объ успѣхахъ физики. Но эти успѣхи лишь въ самыхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаевъ представляютъ изъ себя нѣчто абсолютно новое, понятное и тому, кто мало знакомъ съ физикою. Эти успѣхи почти всегда являются дальнѣйшимъ развитіемъ того, что уже сдѣлалось достояніемъ науки и для правильнаго уразумѣнія ихъ истиннаго смысла и ихъ научнаго значенія необходимо основательно знать и правильно понимать (что не одно и то же!) многое предыдущее. Вслѣдствіе этого придется, разсказывая о новомъ, иногда вкратцѣ напоминать старое и даже элементарное. Это будетъ скучно для нѣкоторыхъ, но необходимо и полезно для многихъ.

Необозримо велико число экспериментальныхъ и теоретическихъ работъ по физикѣ, обогатившихъ эту науку новыми вкладами въ теченіе послѣднихъ двухъ или трехъ лѣтъ. Однако, не такъ уже велико число работъ, результаты которыхъ дѣйствительно могутъ заинтересовать всѣхъ и каждаго. Эти послѣднія могутъ быть соединены въ группы, а разсмотрѣніе каждой изъ такихъ группъ можетъ быть предметомъ особой статьи. Укажу въ видѣ примѣра хотя бы на слѣдующія темы, касающіяся болѣе или менѣе новыхъ успѣховъ физики, могущихъ, какъ мнѣ кажется, представить общій интересъ:

1. Физика низкихъ температуръ (достиженіе температуры въ 260° ниже нуля; явленія, обнаруживающіяся при такихъ температурахъ).

2. Вліяніе магнетизма на свѣтъ (отчасти старое, отчасти новое, а именно открытіе Zeeman'a).

3. Спектральное опредѣленіе скорости свѣтилъ.

4. Вліяніе свѣта на электричество (опыты Elster'a и Geitel'a и др.).

5. Свойства эаектрическихъ лучей Герца.

6. Цвѣтовое приноравливанье (мысли Wiener'a) и т. д. Этихъ темъ хватитъ надолго. Кромѣ того, я надѣюсь отъ времени до времени сообщать и болѣе мелкія новости, не развивая ихъ подробно и имѣя въ виду читателей, болѣе знакомыхъ съ физикою.

На первый разъ мы возьмемъ темою нашей бесѣды *физику низкихъ температуръ*. Мы разсмотримъ, какого ужаснаго холода удалось достигнуть, какими способами это было сдѣлано и, наконецъ, какія явленія обнаруживаются при различныхъ весьма низкихъ температурахъ.

Температура даннаго тѣла зависитъ отъ количества теплоты, которое въ немъ содержится. А что такое теплота? Современная физика, какъ извѣстно, предполагаетъ, что мельчайшія частицы, изъ которыхъ состоятъ тѣла, находятся въ состояніи непрерывнаго, весьма быстраго движенія. Въ тѣлахъ твердыхъ

частицы быстро колеблются около своихъ среднихъ положеній, отъ которыхъ они не удаляются. Въ жидкостяхъ частицы уже болѣе свободны; къ быстрому колебательному движенію присоединяется медленное измѣненіе среднихъ положеній, такъ что внутри жидкости, на видъ совершенно спокойной, происходитъ непрерывное внутреннее перемѣщеніе частицъ, нѣчто вродѣ медленнаго внутренняго перемѣшиванія. Наконецъ, въ газообразныхъ тѣлахъ частицы вполнѣ или почти вполнѣ свободны; каждая частица летитъ прямолинейно, пока не столкнется съ другою частицею или пока не ударится о поверхность какого-либо тѣла или объ стѣнку сосуда, въ которомъ газъ находится. Если газъ не очень сильно разрѣженъ, то столкновенія частицъ между собою происходятъ столь часто, что направленіе движенія каждой отдѣльной частицы мѣняется много милліоновъ разъ въ теченіе каждой секунды. Запасъ теплоты, содержащейся въ тѣлѣ, зависитъ отъ быстроты движенія частицъ. Чѣмъ больше скорость этого движенія, тѣмъ выше температура; чѣмъ она меньше, тѣмъ температура ниже. Основываясь на нѣкоторыхъ соображеніяхъ, которыя мы развивать не станемъ, ученые пришли къ мысли о существованіи такой, наиболѣе низкой температуры, при которой всякія движенія частицъ совершенно прекращаются; эту температуру называютъ *абсолютнымъ нулемъ* и по нѣкоторымъ причинамъ полагаютъ, что она находится при —273°, т. е. на 273 градуса ниже нашего обыкновеннаго нуля, принимаемаго, какъ извѣстно, при температурѣ таянія льда. Число 273 относится къ шкалѣ Цельсія, которою мы въ этой статьѣ только и будемъ пользоваться. Если взять четыре пятыхъ числа градусовъ по шкалѣ Цельсія, то получается соотвѣтствующая температура по шкалѣ Реомюра, которою въ Россіи обыкновенно пользуются, такъ что абсолютный нуль находится при —218° по Реомюру.

Всѣ свойства твердаго, жидкаго и газообразнаго вещества мѣняются съ измѣненіемъ температуры, а потому и всѣ наблюдаемыя нами явленія зависятъ отъ температуры. Одинъ знаменитый химикъ сказалъ, что всякая температура имѣетъ свою химію; онъ хотѣлъ этимъ выразить, что всевозможныя химическія явленія совершенно мѣняютъ свой характеръ, если мѣняется температура. То же самое можно сказать и про физику. Поэтому представляется въ высшей степени важнымъ прослѣдить ходъ и характеръ физическихъ явленій въ возможно широкихъ температурныхъ предѣлахъ и въ этомъ отношеніи удалось за послѣдніе годы чрезвычайно расширить предѣлы достижимыхъ температуръ, т. е. подняться вверхъ до весьма высокихъ и опуститься до весьма низкихъ температуръ. Въ первомъ направленіи были работы французскаго ученаго Moissan'а, устроившаго электрическую печь, въ которой подъ вліяніемъ сильныхъ электрическихъ токовъ достигается накаливанье тѣлъ до страшныхъ температуръ. Но не менѣе, если не болѣе интересны результаты работъ различныхъ ученыхъ, стремившихся достичь возможно низкихъ температуръ. Достаточно сказать, что удалось, какъ мы увидимъ ниже, дойти до температуры, приблизительно равной —260°, уже весьма недалекой отъ предполагаемаго абсолютнаго нуля.

Прежде всего разсмотримъ, какіе существуютъ способы полученія холода, т. е. пониженія температуры вещества, которое, допустимъ, заключено въ какой-нибудь сосудъ. Оказывается, что такихъ способовъ существуетъ три, хотя, впрочемъ, всѣ эти способы основаны на одной и той же основной идеѣ. Эти способы суть: плавленіе или раствореніе твердыхъ тѣлъ, испареніе жидкостей и, наконецъ, расширеніе газовъ. Чтобы понять значеніе этихъ трехъ способовъ и общность того принципа, на которомъ они основаны, слѣдуетъ вспомнить, что теплота можетъ быть затрачена на производство работы, причемъ сама теплота какъ бы безслѣдно исчезаетъ. Такъ, напр., исчезаетъ часть теплоты водяныхъ паровъ, когда они въ цилиндрѣ паровой машины, расширяясь, толкаютъ поршень и при

этомъ вертятъ колеса или винты пароходовъ, двигаютъ поѣзда или приводятъ въ движеніе разнообразныя машины на фабрикахъ и заводахъ. Пары, производя работу, охлаждаются; движеніе парохода, поѣзда или разныхъ машинъ возникаетъ какъ бы на счетъ движенія частицъ пара. Это движеніе частью расходуется, т. е. дѣлается болѣе медленнымъ, а это, какъ мы видѣли, и означаетъ, что *температура пара понижается*. Итакъ, если мы заставимъ тѣло производить работу безъ того, чтобы теплота, необходимая для производства этой работы, притекала извнѣ, то тѣло принуждено тратить часть собственнаго запаса теплоты, оно должно охлаждаться. Вспомнимъ, что работа можетъ быть двухъ родовъ: внѣшняя и внутренняя. Когда паръ или газъ, расширяясь, заставляетъ двигаться какія-нибудь тѣла, напр., поршень въ цилиндрѣ паровой машины или когда онъ преодолѣваетъ давленіе окружающаго воздуха, то онъ производитъ внѣшнюю работу. Но когда внутри тѣла происходитъ перемѣщеніе частицъ, иная ихъ группировка или измѣненіе ихъ взаимнаго разстоянія, то при этомъ совершается внутренняя работа, необходимая, чтобы преодолѣть тѣ мало разгаданныя «силы сцѣпленія», которыя дѣйствуютъ между частицами вещества, въ особенности твердаго и жидкаго. Когда тѣло нагрѣвается, то часть притекающей къ нему теплоты всегда расходуется на внутреннюю работу, ибо съ измѣненіемъ температуры, вообще говоря, мѣняется и внутренняя структура вещества. Внутренняя работа особенно велика, когда вещество переходитъ изъ твердаго состоянія въ жидкое, т. е. когда оно плавится или растворяется, и когда оно переходитъ изъ жидкаго состоянія въ парообразное, т. е. когда оно испаряется. Плавленіе и испареніе потому-то и происходятъ медленно, что эти переходы сопровождаются сравнительно огромною внутреннею работою, на производство которой расходуется большое количество теплоты, не вызывающей повышенія температуры тѣла. Это и есть такъ-называемая скрытая теплота плавленія и испаренія. Если мы заставимъ твердое тѣло перейти въ жидкое состояніе, напр., *растворяя его*, и если притомъ снаружи къ тѣлу не притечетъ теплота, то внутренняя работа будетъ произведена за счетъ запаса теплоты растворяемаго тѣла и растворителя, каковымъ обыкновенно служитъ вода; *ростворекіе вообще должно сопровождаться охлажденіемъ*. Если такое охлажденіе не всегда наблюдается, то это объясняется тѣмъ, что при растворeніи нерѣдко происходятъ химическія явленія, которыя сопровождаются выдѣленіемъ теплоты. Такимъ образомъ выясненъ первый изъ указанныхъ выше трехъ способовъ вызывать пониженіе температуры. Второй способъ мы получаемъ, если заставимъ жидкость быстро испаряться при отсутствіи притока къ ней теплоты извнѣ. Весьма большая внутренняя работа разъединенія частицъ жидкости совершается въ этомъ случаѣ за счетъ теплоты самой жидкости, которая, быстро испаряясь, должна сильно охлаждаться. Чтобы заставить жидкость быстро испаряться, слѣдуетъ при помощи воздушнаго насоса сперва разрѣдить воздухъ, находящійся въ данномъ сосудѣ надъ жидкостью, и затѣмъ продолжать при помощи того же насоса выкачивать пары, непрерывно поднимающіеся изъ жидкости. Всѣмъ извѣстно, что подъ колоколомъ воздушнаго насоса не трудно охладить воду до того, что она замерзнетъ.

Третій способъ искусственно вызвать охлажденіе заключается въ томъ, что заставляютъ по возможности сильно сжатый газъ быстро расширяться, причемъ онъ производитъ внѣшнюю работу и, какъ уже было сказано, охлаждается. Для этого удобнѣе всего сперва сжать газъ въ крѣпкомъ сосудѣ, который снабженъ краномъ: если затѣмъ открыть кранъ, то газъ черезъ него начнетъ быстро выходить, причемъ остающійся въ сосудѣ газъ сильно охладится. Такимъ образомъ мы выяснили три способа искусственнаго охлажденія тѣлъ, и мы видимъ, что общая ихъ основа заключается въ томъ, что мы заставляемъ тѣло производить внутреннюю или внѣшнюю работу при отсутствіи притока тепла

извнѣ, вслѣдствіе чего часть теплоты тѣла тратится на производство работы и само тѣло охлаждается.

Приведемъ нѣсколько численныхъ примѣровъ, показывающихъ, какъ велико можетъ быть охлажденіе при раствореніи твердыхъ тѣлъ и при внезапномъ расширеніи газовъ. Если къ 100 вѣсовымъ частямъ воды прибавить 30 частей нашатыря, то температура воды понижается на 18°, т. е., напр., отъ +14° до —4°. Подобнымъ же образомъ 75 частей селитры тоже даютъ охлажденіе на 18°; 140 частей іодистаго калія—на 22°; 250 частей хлористаго кальція—на 23° и, наконецъ, 150 частей роданистаго калія, растворяясь въ 100 частяхъ воды, понижаютъ температуру на 34°, т. е., напр., отъ +10° до —24°. Если смѣшать 33 части поваренной соли съ 100 частями снѣга, то соль и снѣгъ отчасти плавятся, образуя растворъ соли въ водѣ. При этомъ смѣсь можетъ охладиться отъ 0° до —21°. Если смѣшать почти равныя количества снѣга и алкоголя, то температура послѣдняго понижается, напр., отъ +4° до —30°. Смѣсь нѣсколько разбавленной сѣрной кислоты (66,2 процентной) со снѣгомъ при 0° можетъ дать пониженіе температуры до —37°. Наконецъ, укажемъ на замѣчательный примѣръ: если 100 частей хлористаго кальція смѣшать съ 70 частями снѣга, то температура послѣдняго понижается отъ 0° до —55°. Изъ этихъ примѣровъ видно, что переходъ тѣлъ изъ твердаго состоянія въ жидкое можетъ служить источникомъ весьма низкихъ—въ обыденномъ смыслѣ слова—температуръ. Еще несравненно болѣе низкія температуры достигаются при мгновенномъ расширеніи сжатаго газа. Предположимъ, что нѣкоторое вѣсовое количество какого-нибудь газа занимаетъ опредѣленный объемъ, и что температура газа 20°. Если газъ внезапно расширится на столько, что объемъ его удвоится, то температура понизится до —53°; если объемъ увеличится въ пять разъ, то охлажденіе дойдетъ до —119°, а если объемъ увеличится въ десять разъ, то температура газа понизится до —157°. Эти числа, впрочемъ, лишь приблизительно вѣрны; для различныхъ газовъ должны на дѣлѣ получиться не вполнѣ одинаковыя охлажденія. Указанныя охлажденія, вообще говоря достигаются только въ моментъ весьма быстраго расширенія газа, который тотчасъ же опять нагрѣвается окружающими его тѣлами, такъ что *окончательно получается сравнительно небольшое пониженіе температуры расширяющагося газа.* Мы увидимъ однако ниже, что при помощи повторнаго расширенія удалось охладить, напр., воздухъ до превращенія его въ жидкое состояніе.

Въ настоящее время производятъ изслѣдованіе при очень низкихъ температурахъ, пользуясь *ожижженными газами*, а потому мы прежде всего вкратцѣ разсмотримъ вопросъ о превращеніи газовъ въ жидкое состояніе. Когда жидкость, напр., вода, спиртъ, эфиръ, испаряется, то она превращается въ газообразное тѣло, называемое паромъ. Оказывается, что пары, особенно если они находятся далеко отъ насыщенія (при которомъ всякое охлажденіе вызвало бы переходъ части пара въ жидкое состояніе), по своимъ свойствамъ вовсе не отличаются отъ свойствъ обыкновенныхъ газовъ, каковы кислородъ и азотъ (смѣсь которыхъ составляетъ воздухъ), водородъ (одна изъ составныхъ частей воды) и другіе газы. Поэтому естественно явилась мысль, что и тѣ тѣла, которыя мы привыкли называть газами, суть не что иное, какъ пары нѣкоторыхъ жидкостей, которыя, однако, подъ обыкновеннымъ атмосфернымъ давленіемъ кипятъ при чрезвычайно низкой температурѣ. Подвергая газы охлажденію и сдавливанію, можно было надѣяться привести ихъ въ жидкое состояніе. И дѣйствительно, нѣкоторые газы весьма легко превратить въ жидкости. Сюда относится сѣрнистый газъ, образующійся при горѣніи сѣры, напр., при зажиганіи сѣрныхъ спичекъ, и обладающій ѣдкимъ, удушливымъ запахомъ. Достаточно охладить этотъ газъ, вовсе не сжимая его, т. е. оставляя его при обык-

новенномъ атмосферномъ давленіи, до —10°, и онъ уже превращается въ жидкость. Этого достигли впервые Monge и Clouet, охлаждая сѣрнистый газъ въ трубкѣ, окруженной смѣсью снѣга и поваренной соли. При обыкновенной комнатной температурѣ этотъ газъ превращается въ жидкость, если его подвергнуть давленію около трехъ атмосферъ. Даже при температурѣ въ 150° онъ дѣлается жидкимъ, если его весьма сильно сжать (до 71 атмосферы). Весьма легко превращается въ жидкое состояніе и амміакъ, растворъ котораго въ водѣ извѣстенъ подъ названіемъ нашатырнаго спирта. Первый Van Marum сгустилъ этотъ газъ, подвергая его при обыкновенной температурѣ давленію въ шесть атмосферъ; позже Guyton de Morveau вызвалъ ожижженіе амміака, охлаждая его при атмосферномъ давленіи. При достаточно сильномъ давленіи амміакъ дѣлается жидкимъ даже при температурѣ въ 125°. Сѣрнистый газъ и амміакъ были превращены въ жидкости еще до Фарадея, первая, классическая работа котораго появилась въ 1823 г.; вторую работу, посвященную вопросу объ ожижженіи газовъ, онъ опубликовалъ въ 1845 г. Не вдаваясь въ описаніе способовъ, которыми пользовался Фарадей, ограничиваемся указаніемъ на то, что ему удалось сгустить, кромѣ сѣрнистаго газа и амміака, еще сѣроводородъ (газъ, образующійся при гніеніи органическихъ веществъ, имѣетъ характерный запахъ испорченныхъ яицъ), закись азота, ціанъ (входитъ въ составъ синильной кислоты), хлоръ, *углекислый газъ* (образующійся при полномъ горѣніи угля и содержащійся въ шипучихъ напиткахъ), этиленъ (или маслородный газъ, входитъ въ составъ свѣтильнаго газа, служащаго для освѣщенія) и еще цѣлый рядъ другихъ, не столь общеизвѣстныхъ газовъ. Заставляя полученныя жидкости быстро испаряться подъ колоколомъ воздушнаго насоса, Фарадей многія изъ нихъ даже перевелъ въ твердое состояніе. Онъ нашелъ, что углекислый газъ затвердѣваетъ при —58°, амміакъ при —75°, сѣрнистый газъ при —76°, сѣроводородъ при —86°, закись азота при —105°. Knietsch нашелъ, что при —102° жидкій хлоръ дѣлается твердымъ. Смѣсь твердой углекислоты, похожей на снѣгъ, съ эфиромъ или съ хлороформомъ, имѣетъ температуру въ —77°. Подъ колоколомъ воздушнаго насоса эта смѣсь охлаждается примѣрно до —110°; это наиболѣе низкая температура, до которой дошелъ Фарадей. Villard и Jarry, изучая свойства твердой углекислоты, нашли (1895), что ея температура можетъ быть понижена до —125°, если, по возможности, уменьшить внѣшнее на нее давленіе. Любопытно, что объемъ жидкой углекислоты, примѣрно, въ 4 раза быстрѣе мѣняется съ измѣненіемъ температуры, чѣмъ объемъ газовъ. Вслѣдствіе этого плотность жидкой углекислоты быстро мѣняется съ температурою: при —34° она равна 1,06, при 0° плотность 0,91, наконецъ, при 30° она равна 0,6.

Послѣ всѣхъ упомянутыхъ опытовъ осталось 6 газовъ, которые не удалось превратить въ жидкое состояніе и которые поэтому долгое время назывались постоянными. Эти газы суть: кислородъ, азотъ, водородъ, метанъ или болотный газъ (образуется на днѣ болотъ и озеръ и входитъ въ составъ свѣтильнаго газа), окись азота и, наконецъ, окись углерода (ядовитый газъ, образующійся при неполномъ горѣніи угля, представляетъ причину такъ называемаго угара). Нѣмецкій ученый Natterer подвергалъ нѣкоторые изъ этихъ газовъ огромнымъ давленіямъ, причемъ ему, однако, не удалось превратить ихъ въ жидкое состояніе. Въ настоящее время причина этой неудачи вполнѣ выяснена. Чтобы ее понять, мы должны обратиться къ разъясненію того, что называется *критическою температурою*. Оказывается, что для каждаго вещества существуетъ опредѣленная температура, выше которой это вещество можетъ существовать только въ газообразномъ состояніи. Эта температура и называется критическою для даннаго вещества. Если температура вещества выше критической, то оно не превращается изъ газообразнаго состоянія въ жидкое, какимъ бы

громаднымъ давленіямъ мы его не подвергали. Укажемъ на критическія температуры нѣкоторыхъ веществъ. Для сѣрнистаго газа она равняется 156°, съ чѣмъ согласенъ вышеуказанный фактъ, что даже при 150° этотъ газъ можетъ быть превращенъ въ жидкое состояніе. Критическая температура амміака 130°, эфира 195°, алкоголя 235°, воды 365°, хлора 140°. Послѣднее число показываетъ, напр., что при температурѣ 141° хлоръ ни при какомъ давленіи не переходитъ въ жидкое состояніе. Примѣры болѣе низкихъ критическихъ температуръ суть слѣдующіе: критическая температура хлористо-водороднаго газа, растворъ котораго въ водѣ называется соляной кислотой, находится при 51°. Далѣе, имѣемъ, напр., такія критическія температуры: для закиси азота 36°, для углекислаго газа 31°, для этилена 10° и т. д. Мы видимъ изъ послѣднихъ чиселъ, что углекислый газъ можетъ быть превращенъ въ жидкость только при температурѣ ниже 31°. Существованіе критической температуры для каждаго вещества вполнѣ выясняетъ, почему долгое время не удавалось превратить въ жидкое состояніе упомянутые выше шесть постоянныхъ газовъ, критическія температуры которыхъ нынѣ намъ извѣстны. Оказывается, что критическая температура кислорода находится при —118°, азота при —146°, метана при —95°, окиси азота при —93°, окиси углерода при —140° и, наконецъ, критическая температура водорода, вѣроятно, около —234°. Опыты *Natterer*'а и другихъ, очевидно, производились при температурахъ, которыя были выше критическихъ температуръ соотвѣтствующихъ веществъ, а потому понятно, что газы, не смотря на огромныя давленія, которымъ ихъ подвергали, не переходили въ жидкое состояніе. Теперь ясно, что для превращенія одного изъ этихъ газовъ въ жидкость необходимо или охладить его ниже только что указанной критической температуры и затѣмъ подвергать надлежащему сжатію, что, во всякомъ случаѣ, сдѣлать не легко, или же, охладивъ и сгустивъ его елико возможно, подвергнуть внезапному расширенію. При такомъ расширеніи происходитъ, какъ мы видѣли, сильное охлажденіе, вслѣдствіе чего температура расширяющагося газа можетъ понизиться на столько, что часть его перейдетъ въ жидкое и даже въ твердое состояніе.

Новая эра въ исторіи вопроса о превращеніи газовъ въ жидкости началась въ концѣ 1877 г., когда были опубликованы почти одновременно работы Cailletet и Pictet. Обѣ работы были доложены парижской ададеміи наукъ въ одинъ и тотъ же день, а именно 24 декабря 1877 г. Cailletet сжималъ газъ въ трубкѣ, окруженной охладительною смѣсью; между прочимъ, онъ подвергалъ окись углерода и кислородъ давленію въ 300 атмосферъ, при температурѣ —30°, которая, какъ мы видимъ, значительно выше критической температуры этихъ газовъ; понятно, что газы не сгущались въ жидкость. Но когда Cailletet внезапно уничтожалъ давленіе, подъ которымъ газы находились, давая имъ, такимъ образомъ, возможность свободно расшириться, то въ трубкѣ образовывался туманъ и даже замѣчались струйки жидкости на внутренней стѣнкѣ самой трубки. Какъ туманъ, такъ и эти струйки исчезали весьма быстро. Дальнѣйшіе опыты Cailletet дали ему возможность наблюдать подобные же туманы при опытахъ съ воздухомъ, азотомъ и съ водородомъ. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Cailletet удалось обнаружить переходъ названныхъ выше газовъ въ жидкое состояніе. Въ 1882 г. Cailletet окружилъ трубку, содержащую изслѣдуемый газъ, жидкимъ этиленомъ, температура котораго около —102°; при такомъ предварительномъ охлажденіи переходъ кислорода въ жидкое состояніе при его расширеніи сдѣлался уже весьма хорошо замѣтнымъ. При помощи метода Cailletet удалось впослѣдствіи превратить въ жидкое состояніе смѣсь кислорода и озона, причемъ озонъ образовалъ жидкую каплю синяго цвѣта.

Pictet пользовался гораздо болѣе сложнымъ методомъ и несомнѣнно, что ему съ самаго начала удалось идти дальше, чѣмъ Cailletet. Мы не станемъ по-

дробно описывать довольно сложнаго прибора Pictet и ограничимся указаніемъ на главныя его части. Pictet подвергалъ испытуемый газъ давленію до нѣсколькихъ сотъ атмосферъ внутри трубки, окруженной жидкою углекислотою, которая при помощи воздушнаго насоса подвергалася весьма быстрому испаренію. При этомъ температура жидкой углекислоты опускается до —130°. Впослѣдствіи Pictet замѣнилъ углекислый газъ закисью азота, которая, находясь въ жидкомъ состояніи и быстро испаряясь подъ дѣйствіемъ воздушнаго насоса, охлаждаетъ трубку съ испытуемымъ газомъ до —140°. Открывая кранъ, находящійся на одномъ концѣ трубки, Pictet выпускалъ газъ сильно сгущенный и уже охлажденный до —130° или —140°. При этомъ часть газа превращалась въ жидкое состояніе, такъ что Pictet могъ, напр., наблюдать струю жидкаго кислорода, выходившаго изъ трубки, когда въ ней предварительно былъ сгущенъ кислородъ. Понятно, что эта жидкая струя весьма быстро исчезала, превращаясь въ газообразное состояніе. Pictet утверждаетъ, что онъ видѣлъ также синеватую струю жидкаго водорода, производившую даже при ударѣ объ полъ звукъ, напоминавшій удары металлическихъ предметовъ. Однако, въ настоящее время нельзя сомнѣваться въ томъ, что Pictet не могъ получить въ своихъ опытахъ жидкаго водорода. Впослѣдствіи Pictet устроилъ въ Берлинѣ «лабораторію низкихъ температуръ», въ которой сгущеніе газовъ производится въ широкихъ размѣрахъ. Подобную же лабораторію устроилъ Kamerlingh Onnes въ Лейденѣ.

Въ 1883 г. появилась первая работа Вроблевскаго и Ольшевскаго, которые затѣмъ продолжали работать независимо другъ отъ друга. Вроблевскій скончался въ 1886 г. отъ ожоговъ, причиненныхъ упавшею на него керосиновою лампою. Методъ, которымъ пользовался Вроблевскій, представляетъ видоизмѣненіе метода Cailletet. Охладителемъ здѣсь служилъ жидкій этиленъ, испарявшійся при низкомъ давленіи, т. е. подъ дѣйствіемъ воздушнаго насоса. Температура этилена понижалась до —152°, когда давленіе было понижено до 10 мм. ртутнаго столба (обыкновенное атмосферное давленіе равняется давленію 760 мм. ртутнаго столба). Кислородъ въ приборѣ Вроблевскаго легко сгущался въ жидкость при температурѣ около —130° и давленія въ 20 атмосферъ. Это понятно, если вспомнить, что критическая температура кислорода находится при —118°. Жидкій кислородъ представляетъ легкоподвижную слабо синеватую жидкость, плотность которой при —130° и давленіи 27 атмосферъ, около 0,9, т. е. немногимъ меньше плотности воды. Азотъ, воздухъ и окись углерода не сгущались въ приборѣ Вроблевскаго. Тогда этотъ ученый пошелъ еще дальше, воспользовавшись для охлажденія трубки, содержащей сжатый испытуемый газъ, жидкимъ кислородомъ, полученнымъ въ другомъ приборѣ. Заставляя жидкій кислородъ быстро испаряться подъ давленіемъ въ 20 мм. ртутнаго столба, онъ понизилъ его температуру до —200°. Интересно, что при этой температурѣ жидкій кислородъ не затвердѣваетъ. Пользуясь кипящимъ кислородомъ, какъ охладителемъ, Вроблевскому удалось, наконецъ, превратить въ жидкое состояніе азотъ и окись углерода, критическая температура которыхъ —146° и —141°. Если заставить жидкій азотъ быстро испаряться подъ давленіемъ въ 60 мм., то онъ охлаждается до —204° и при этой температурѣ затвердѣваетъ. Такимъ образомъ впервые удалось одну изъ двухъ главныхъ составныхъ частей воздуха превратить въ твердое состояніе. Подобнымъ же образомъ и жидкая окись углерода, испаряясь подъ давленіемъ въ 90 мм. ртутнаго столба, охлаждается до —199° и при этомъ затвердѣваетъ. Критическая температура воздуха оказалась равною —142°. Когда жидкій воздухъ кипитъ подъ атмосфернымъ давленіемъ, то его температура понижается до —198°, при чемъ азотъ выдѣляется быстрѣе, чѣмъ кислородъ, такъ что остающаяся жидкость дѣлается все болѣе и болѣе богатою кислородомъ и не затвердѣваетъ. Ольшевскій нашелъ, что жидкій метанъ кипитъ подъ атмосфернымъ давленіемъ при —164°, и затвердѣваетъ при —186°. Точка кипѣнія окиси

азота —154°, а при —157° это вещество затвердѣваетъ. Ольшевскій, повторяя опыты съ азотомъ, нашелъ, что азотъ затвердѣваетъ при —214°, а не при —203°, какъ полагалъ Вроблевскій. Заставляя жидкій азотъ испаряться при весьма слабомъ внѣшнемъ давленіи въ 4 мм., ртутнаго столба, Ольшевскому удалось охладить его до —225°. Кислородъ и при этой температурѣ не затвердѣваетъ. Сгущеніе водорода въ жидкость удалось лишь недавно. Теоретическія изслѣдованія Натансона показали, что критическая температура водорода должна находиться около —234° и точка кипѣнія жидкаго водорода подъ атмосфернымъ давленіемъ около —244°. Только въ 1895 г. Ольшевскому удалось опредѣлить эту температуру путемъ опыта; онъ сгущалъ водородъ до 190 атмосферъ и охлаждалъ его до —211° при помощи кипящаго кислорода. Уменьшая внезапно давленіе до 20 атмосферъ, онъ замѣчалъ бурное кипѣніе во всей массѣ водорода. Такимъ способомъ онъ нашелъ, что критическая температура водорода находится при—234°,5, и что его точка кипѣнія подъ атмосфернымъ давленіемъ равна —243°,5. Оба числа замѣчательно близки къ тѣмъ, которыя теоретически были предсказаны Натансономъ. Когда былъ открытъ аргонъ (составная часть воздуха), Ольшевскій подвергъ этотъ газъ изслѣдованію; онъ нашелъ, что критическая температура аргона находится при —121°; точка кипѣнія подъ атмосфернымъ давленіемъ —187°. Плотность жидкаго аргона около 1,5. Испаряясь при уменьшонномъ давленіи, аргонъ затвердѣваетъ при —189°,6.

Всѣмъ извѣстно, что недавно былъ открытъ еще новый, весьма легкій газъ, который уже давно былъ извѣстенъ астрономамъ, какъ одна изъ составныхъ частей фотосферы солнца, гдѣ его присутствіе было обнаружено спектральными изслѣдованіями. Этотъ газъ былъ названъ геліемъ. Присутствіе его на землѣ было открыто въ 1896 г. Получивъ небольшое количество этого газа, Ольшевскій сжималъ его до 140 атмосферъ, охлаждалъ до —182°,5 и затѣмъ внезапно уменьшалъ давленіе до одной атмосферы. Вычисленіе показываетъ, что гелій долженъ былъ охладиться при этомъ приблизительно до —264°, и не смотря на это, онъ не приходилъ въ жидкое состояніе, такъ что критическая температура гелія должна находиться еще ниже —264°. Эта послѣдняя температура наиболѣе низкая, достигнутая въ настоящее время; она всего на 9° выше того предполагаемаго абсолютнаго нуля, о которомъ было сказано раньше. Удастся ли идти еще дальше, еще болѣе приблизиться къ предполагаемому абсолютному нулю—вотъ вопросъ, нынѣ въ высокой степени интересующій ученыхъ. Разсужденія, которыя приводятъ къ абсолютному нулю при —273°, не могутъ быть названы строго научными и не вызывающими никакихъ возраженій, а потому не слѣдуетъ слишкомъ удивляться, если въ одинъ прекрасный день окажется, что удалось достигнуть температуры, лежащей еще ниже —273°.

Въ Германіи Linde построилъ замѣчательный приборъ (описанъ въ 1896 г.), непрерывно дающій жидкій воздухъ въ количествѣ нѣсколькихъ литровъ въ теченіе каждаго часа. Не вдаваясь въ подробное описаніе прибора Linde, замѣтимъ только, что охлажденіе воздуха въ немъ вызывается исключительно путемъ многократнаго расширенія, изъ которыхъ каждое, какъ мы видѣли выше, сопровождается сравнительно не особенно большимъ пониженіемъ температуры. Одно и то же количество воздуха много разъ продавливается чрезъ небольшое отверстіе, при чемъ его температура каждый разъ понижается на столько, что, наконецъ, получается непрерывное образованіе жидкаго воздуха. Несомнѣнно, что способъ Linde, которымъ нынѣ начинаютъ пользоваться и въ Англіи, имѣетъ большую будущность.

Въ Англіи въ особенности Dewar и Fleming занимаются различными вопросами, относящимися къ физикѣ низкихъ температуръ. Dewar'у удалось достигнуть, между прочимъ, затвердѣванія воздуха. Изъ другихъ ученыхъ упомянемъ

еще Estreicher'а, который нашелъ, что хлористый водородъ затвердѣваетъ при —111°, бромистый водородъ при —88° и іодистый водородъ при —50°8.

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о явленіяхъ, которыя обнаруживаются при достигнутыхъ нынѣ весьма низкихъ температурахъ, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ эти температуры измѣряются. Ртутный термометръ, какъ извѣстно, перестаетъ дѣйствовать при — 39°, когда ртуть замерзаетъ. Спиртъ затвердѣваетъ при —130°. Но измѣненіе объема этого вещества происходитъ при измѣненіи температуры столь неправильно, что нѣтъ возможности пользоваться термометрами, содержащими спиртъ, для измѣренія низкихъ температуръ. Такіе температуры могутъ быть измѣрены тремя способами: водороднымъ термометромъ, опредѣленіемъ электрическаго сопротивленія проволоки, и способомъ термоэлектрическимъ. Водородъ сжимается при охлажденіи весьма правильно, такъ что по объему даннаго количества водорода, наполняющаго термометръ, можно судить весьма точно о температурѣ среды, въ которой этотъ термометръ помѣщенъ.

Электрическое сопротивленіе платиновой проволоки уменьшается съ пониженіемъ температуры, и если законъ этого пониженія для данной проволоки предварительно былъ изученъ, то уже легко опредѣлить температуру среды, помѣщая въ нее эту же проволоку и измѣряя извѣстными способами ея электрическое сопротивленіе.

Термоэлектрическій способъ заключается въ слѣдующемъ. Представимъ себѣ двѣ проволоки изъ различнаго матеріала, напр., одну желѣзную, другую мѣдную, и спаяемъ оба конца одной проволоки съ обоими концами другой. Если температуры полученныхъ такимъ образомъ двухъ спаевъ неодинаковы, то въ замкнутомъ кругу цѣпи, образованномъ обѣими проволоками, появляется электрическій токъ, сила котораго зависитъ отъ разности температуръ обоихъ спаевъ. Помѣщая одинъ спай въ среду, температура которой извѣстна, напр., въ тающій ледъ, и измѣряя силу электрическаго тока въ проволокахъ, можно опредѣлить температуру другого спая, помѣщеннаго въ среду неизвѣстной температуры. Holborn и Wien въ 1896 г. пользовались спаемъ двухъ проволокъ, изъ которыхъ одна была желѣзная, а другая изъ новаго сплава, названнаго константаномъ. При помощи такого спая они нашли, напр., что эфиръ затвердѣваетъ при —117°,6, сѣроуглеродъ при —112°,8, амміакъ при —78°,3. Kamerlingh—Onnes пользуется въ своей лабораторіи, о которой было сказано выше, водороднымъ термометромъ, и, кромѣ того, термоэлектрическимъ методомъ, причемъ одна изъ его проволокъ изъ мѣди, другая изъ нейзильбера. Замѣтимъ, что по изслѣдованіямъ Kohlrausch'а, можно устроить термометръ, весьма удовлетворительно дѣйствующій при очень низкихъ температурахъ, если его наполнить тою смѣсью углеводородовъ, которая въ продажѣ извѣстна подъ названіемъ нефтяного эфира.

Когда удалось достигнуть весьма низкихъ температуръ, ученые обратились къ вопросу о томъ, какой характеръ принимаютъ различныя физическія явленія и какими свойствами обладаютъ различныя вещества при этихъ низкихъ температурахъ? Результаты относящихся сюда, впрочемъ, пока еще немногочисленныхъ работъ, произведенныхъ главнымъ образомъ за послѣдніе два года, мы теперь вкратцѣ и разсмотримъ. Мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ интересныя изслѣдованія Pictet въ области біологическихъ явленій, какъ не относящіяся къ предмету настоящей статьи *). Не останавливаемся также на вопросѣ о вліяніи низкихъ температуръ на явленія химическія. Укажемъ только на то, что при весьма низкихъ температурахъ *почти всѣ химическія реакціи прекращаются*, такъ что тѣла, которыя при обыкновенной температурѣ

---

*) См. «М. Б.», мартъ, 1897 г., «Научн. Хроника». *Прим. ред.*

весьма энергично химически дѣйствуютъ другъ на друга, при весьма низкихъ температурахъ могутъ находиться въ соприкосновеніи между собою, не подвергаясь никакимъ измѣненіямъ. Ограничиваемся двумя примѣрами. Всякому извѣстно, что металлы растворяются въ кислотахъ, и что химическая реакція происходитъ особенно энергично, когда металлъ натрій дѣйствуетъ, напр., на соляную кислоту. Оказывается, что если даже безводную соляную кислоту охладить до очень низкой температуры и затѣмъ опустить въ нее кусочекъ металлическаго натрія, то эти два тѣла вовсе другъ на друга не дѣйствуютъ. Другой примѣръ, еще болѣе замѣчательный. Химики давно знали о существованіи особаго газообразнаго тѣла, названнаго фторомъ и входящаго въ составъ плавиковаго шпата, плавиковой кислоты и т. д. Это вещество въ высшей степени энергично химически дѣйствуетъ на всевозможныя тѣла, въ томъ числѣ на всѣ металлы, на стекло и т. д., вслѣдствіе чего до недавняго времени не удавалось получить его въ чистомъ видѣ. Въ концѣ 1897 года были опубликованы первые результаты замѣчательной работы, произведенной совмѣстно французомъ Moissan'омъ и англичаниномъ Dewar'омъ надъ ожиженіемъ фтора. Оказалось, что фторъ не дѣйствуетъ на стѣнки стекляннаго сосуда, охлажденнаго жидкимъ кислородомъ. Когда заставили жидкій кислородъ быстро испаряться, такъ что температура понизилась до —185°, фторъ превратился въ свѣтло-желтую жидкость. Уголь, сѣра, фосфоръ, желѣзо и кремній, на которые фторъ при обыкновенной температурѣ весьма сильно дѣйствуетъ, остаются неизмѣнными, если погрузить ихъ въ жидкій фторъ. Если фторъ ввести въ жидкій кислородъ, то образуется бѣлый осадокъ, составъ котораго пока еще неизвѣстенъ.

Итакъ, разсмотримъ вкратцѣ результаты изслѣдованія различныхъ физическихъ явленій, происходящихъ при низкихъ температурахъ. Большинство этихъ изслѣдованій принадлежитъ англійскому ученому Dewar'у и его сотрудникамъ Fleming'у и Liveing'у и относится къ температурѣ испаряющагося жидкаго кислорода, т. е. къ температурѣ около —180°.

I. Dewar изслѣдовалъ *сопротивленіе разрыву* металлическихъ проволокъ, т. е. то натяженіе, подъ вліяніемъ котораго проволока рвется. Результаты этого любопытнаго изслѣдованія помѣщены въ нижеслѣдующей табличкѣ. Діаметръ нѣкоторыхъ проволокъ равнялся 2,49 мм., другихъ — 5,1 мм., причемъ Dewar сравнивалъ сопротивленіе разрыву при +15° и при —182°. Натяженіе (грузъ), отъ котораго проволока разрывалась, выражено въ килограммахъ.

Діаметръ проволокъ 2,49 мм.

	+15°	—182°
Мягкая сталь..	191 кгр.	318 кгр.
Желѣзо.......	145 »	304 »
Мѣдь.........	91 »	136 »
Латунь.......	141 »	200 »
Нейзильберъ...	213 »	272 »
Золото.......	116 »	154 »
Серебро.......	150 »	191 »

Діаметръ проволоки 5,1 мм.

	+15°	—182°
Олово........	91 кгр.	177 кгр.
Свинецъ......	35 »	77 »
Цинкъ........	16 »	12 »
Ртуть........	0 »	14 »
Висмутъ......	27 »	14 »
Сурьма.......	28 »	14 »
Паяльн. сплавъ	136 »	293 »
Сплавъ Wood'а.	64 »	204 »

Числа этой таблички показываютъ, что почти для всѣхъ металловъ сопротивленіе разрыву гораздо больше при —182°, чѣмъ при +15; особенно замѣчательны желѣзо, олово, свинецъ, паяльный сплавъ и сплавъ Wood'а. Ртуть при —182° крѣпче цинка, который, какъ висмутъ и сурьма, составляетъ исключеніе изъ общаго правила.

II. *Внутреннее треніе жидкостей.* Когда жидкость находится въ движеніи, то вообще говоря скорость движенія сосѣднихъ частей жидкости неоди-

наковая, вслѣдствіе чего между этими частями происходитъ треніе. Существуютъ различные способы для измѣренія этого внутренняго тренія, которое въ различныхъ жидкостяхъ весьма различное. На этихъ способахъ мы не останавливаемся. Dorn и Voellmer соизмѣряли (1897) внутреннее треніе соляной кислоты (24,3 проц.) и раствора (1,56 проц.) хлористаго литія въ алкоголѣ при —79°,3. Они нашли, что при этой низкой температурѣ внутреннее треніе соляной кислоты въ 55 разъ больше, а раствора хлористаго литія въ 8,9 разъ больше внутренняго тренія тѣхъ же жидкостей при 15°,5

III. Dewar помѣщалъ *мыльные пузыри*, отливавшіе радужными цвѣтами и, слѣдовательно, весьма тонкостѣнные, въ парахъ кипящаго кислорода. Они при этомъ затвердѣвали, сохраняя радужные цвѣта.

IV. Dewar изслѣдовалъ преломленіе лучей въ жидкомъ кислородѣ, спектръ поглощенія того же вещества, а также спектръ электрической искры, полученной внутри жидкаго кислорода. Ограничиваемся указаніемъ, что коэффиціентъ преломленія для желтаго луча оказался равнымъ 1,2214; для воды этотъ коэффиціентъ равенъ 1,3336.

V. *Фосфоресценція*. Всѣмъ извѣстно, что нѣкоторыя вещества свѣтятся въ темнотѣ, когда они предварительно были подвергнуты достаточно сильному освѣщенію; мы говоримъ, что эти тѣла фосфоресцируютъ. Особенно сильно фосфоресцируютъ нѣкоторыя соединенія сѣры съ металлами кальцій, барій и стронцій. Этими соединеніями иногда покрываютъ подсвѣчники, спичечницы и т. п., которые ночью слабо свѣтятся, если они днемъ были освѣщены. Кромѣ того, существуетъ огромное число тѣлъ, которыя послѣ освѣщенія въ темнотѣ испускаютъ весьма слабый и непродолжительный свѣтъ. Сюда относятся желатина, целлулоидъ, параффинъ, слоновая кость, рогъ, каучукъ и весьма многія другія вещества. Dewar и другіе ученые изслѣдовали вліяніе низкихъ температуръ на явленія фосфоренценціи. Оказалось, что какъ разъ вещества, сильно фосфоресцирующія при обыкновенной температурѣ, напр , сѣрнистый кальцій, *перестаютъ свѣтиться* при —80°. Но если ихъ сперва освѣтить при этой низкой температурѣ и затѣмъ нагрѣть въ темнотѣ, то они начинаютъ свѣтиться. Наоборотъ, желатина, рогъ и другія названныя выше вещества сильно фосфоресцируютъ при —180°. Кромѣ этихъ веществъ весьма сильно фосфоресцируютъ при —180° яичная скорлупа, перья, салициловая кислота и цѣлый рядъ органическихъ веществъ. Если двойную ціанистую соль аммонія и платины освѣтить при —180° электрическимъ свѣтомъ, то она въ темнотѣ фосфоресцируетъ весьма слабо. Но если затѣмъ вынуть эту соль изъ жидкаго кислорода, такъ что она быстро нагрѣется, то она начинаетъ свѣтиться «какъ лампа».

VI. *Фотографія*. Фотографическая пластинка остается чувствительною къ свѣту, когда ее охладить до —180°, хотя ея чувствительность при этой температурѣ уже въ 5 разъ меньше, чѣмъ при обыкновенной температурѣ. Даже при —200° свѣтъ еще дѣйствуетъ на такую пластинку, хотя при этой температурѣ вообще всѣ химическія дѣйствія прекращаются.

VII. *Телопрозрачность*. Каждое тѣло испускаетъ при всякой температурѣ лучи, невидимые для нашихъ глазъ; эти лучи представляють, какъ и видимые лучи свѣта, сотрясенія эфира, распространяющіяся во всѣ сторону со скоростью свѣта (300.000 километровъ въ секунду), и образующіяся (какъ и лучи свѣта) за счетъ того тепловаго движенія частицъ тѣла, о которомъ было сказано выше. Они отличаются отъ видимыхъ лучей свѣта только тѣмъ, что сотрясенія эфира происходятъ въ нихъ медленнѣе, чѣмъ въ лучахъ свѣта. Можно сказать, что эти лучи, которые *совершенно неправильно* принято называть тепловыми, относятся къ лучамъ видимымъ, какъ низкіе тоны относятся къ болѣе высокимъ. Тѣла, пропускающія черезъ себя эти лучи, называются теплопрозрачными (названіе также неправильное). Pictet нашелъ, что при температурахъ ниже —70°

непроводники тепла, въ родѣ дерева, ваты, шерсти и т. д., дѣлаются теплопрозрачными, и слѣд. перестають защищать весьма холодныя тѣла отъ нагрѣвающаго дѣйствія окружающихъ, болѣе теплыхъ тѣлъ. Эти наблюденія требуютъ однако еще дальнѣйшей повѣрки.

VIII. *Электрическое сопротивленіе.* Всѣмъ извѣстно, что металлы, уголь, а также растворы кислотъ и солей хорошо «проводятъ» электричество, или, что то же самое, что эти тѣла обладаютъ сравнительно небольшимъ электрическимъ сопротивленіемъ. Наоборотъ, нѣкоторыя тѣла, какъ, напр., параффинъ, стекло, слюда, сѣра и др., суть непроводники электричества (изоляторы); эти тѣла обладаютъ слѣд. весьма большимъ электрическимъ сопротивленіемъ. Dewar и Fleming, Holborn и Wien и др. изслѣдовали вліяніе низкихъ температуръ на электрическое сопротивленіе различныхъ веществъ. Замѣтимъ, что при обыкновенныхъ температурахъ сопротивленіе металловъ увеличивается при нагрѣваніи, сопротивленіе же растворовъ солей и кислотъ, а также сопротивленіе угля при нагрѣваніи уменьшается. Оказывается, что уменьшеніе сопротивленія металловъ продолжается до самыхъ низкихъ температуръ; это уменьшеніе происходитъ такимъ образомъ, что при абсолютномъ нулѣ, т. е. при —273°, сопротивленіе многихъ металловъ, повидимому, должно сдѣлаться равнымъ нулю. Наоборотъ, сопротивленіе растворовъ кислотъ и солей, а также угля продолжаетъ увеличиваться до самыхъ низкихъ температуръ. Такъ, напр., сопротивленіе соляной кислоты при —80° въ 34 раза больше, чѣмъ при +18°. Весьма замѣчательно вліяніе низкихъ температуръ на висмутъ, находящійся въ магнитномъ полѣ, т. е. въ пространствѣ, въ которомъ дѣйствуютъ магнитныя силы, напр. между полюсами сильнаго подковообразнаго магнита. Извѣстно, что если при обыкновенной температурѣ помѣстить висмутъ въ магнитное поле, то его электрическое сопротивленіе значительно увеличивается (примѣрно на 75%). Чѣмъ ниже температура висмута, не находящагося въ магнитномъ полѣ, тѣмъ меньше его сопротивленіе, которое, повидимому, равно нулю при —273°. Но дѣйствіе магнитнаго поля тѣмъ больше, чѣмъ ниже температура. Такъ, напр., при —180° сопротивленіе висмута увеличивается въ $4^1/_2$ раза подъ вліяніемъ магнитныхъ силъ. Dewar полагаетъ, что при абсолютномъ нулѣ, т. е. при —273°, сопротивленіе висмута равно нулю, а въ магнитномъ полѣ оно дѣлается безконечно большимъ, или, иначе говоря, что при —273° висмутъ подъ вліяніемъ магнитныхъ силъ изъ совершеннаго проводника электричества превращается въ совершенный непроводникъ.

IX. *Магнетизмъ.* Pictet нашелъ, что сила готоваго стальнаго магнита растетъ при сильныхъ охлажденіяхъ. Магнитъ, который при +30°, держалъ 57,3 грамма, могъ при —105° удержать 76,6 гр. Dewar также нашелъ, что сила магнита утеличивается при его охлажденіи до —182° на 30% и даже на 50%. Въ ученіи о магнетизмѣ играетъ весьма важную роль величина, называемая магнитною проницаемостью. Эта величина, въ сущности, характеризуетъ собою способность вещества намагничиваться, если его помѣстить въ магнитное поле. Dewar и Fleming изслѣдовали (1896) магнитную проницаемость различныхъ сортовъ желѣза при очень низкихъ температурахъ. Оказалось, что сильное охлажденіе мало вліяетъ на магнитную проницаемость, и что эта величина при низкихъ температурахъ для нѣкоторыхъ сортовъ желѣза больше, для другихъ—меньше, чѣмъ при температурахъ обыкновенныхъ. Жидкій кислородъ есть тѣло магнитное, хотя и въ очень слабой степени. Его магнитная проницаемость оказалась равною 1,00287 (въ пустотѣ магнитная проницаемость равна единицѣ, для желѣза, наиболѣе магнитнаго тѣла, она можетъ доходить до 1700).

X. *Индуктивная способность.* Всѣмъ извѣстно, что тѣла, одинаково наэлектризованныя, взаимно отталкиваются. Вообразимъ хотя бы два мѣдныхъ ша-

рика, которые одинаково наэлектризованы; они отталкиваютъ другъ друга съ нѣкоторою опредѣленною силою. Оказывается, что эта сила зависитъ отъ окружающей среды, т. е. отъ того вещества, внутри котораго оба шарика находятся. Вообще отталкиваніе во всякой средѣ *меньше*, чѣмъ въ пустотѣ или, что почти одно и то же, чѣмъ въ воздухѣ. Такъ, напр., отталкиваніе нашихъ шариковъ уменьшится въ 3 раза, если ихъ изъ воздуха перенести въ оливковое масло (не мѣняя, конечно, ихъ разстоянія другъ отъ друга и количества электричества на ихъ поверхностяхъ); въ рициновомъ маслѣ оно уменьшается въ 4,7 раза, въ вазелиновомъ маслѣ въ 2 раза, въ сѣроуглеродѣ въ 2,6 раза и т. д. Число, показывающее, во сколько разъ взаимодѣйствіе наэлектризованныхъ тѣлъ, помѣщенныхъ въ нѣкоторое вещество, меньше, чѣмъ въ воздухѣ, называется индуктивною способностью (или діэлекрическою постоянною) этого вещества. Такъ, напр., индуктивная способность оливковаго масла (см. выше) 3, рициноваго масла 4,7, далѣе вазелиноваго масла 2, сѣроуглерода 2,6 и т. д. Индуктивная способность представляетъ одну изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ величинъ, съ которыми имѣетъ дѣло современная физика. Одна изъ причинъ заключается въ слѣдующемъ: великій англійскій ученый Clark Maxwell показалъ, что для *немагнитныхъ* веществъ индуктивная способность должна равняться квадрату показателя преломленія лучей, соотвѣтствующихъ наиболѣе медленнымъ колебаніямъ эфира или весьма большой длинѣ волны. Такими лучами являются электрическіе лучи Герца. Для многихъ веществъ показатели преломленія различныхъ лучей, однако, не много отличаются другъ отъ друга; для нихъ индуктивная способность должна, приблизительно, равняться квадрату коеффиціента преломленія видимыхъ лучей. И дѣйствительно, такое равенство подтвердилось для многихъ веществъ, но далеко не для всѣхъ. Такъ, напр., индуктивная способность воды близка къ 80, алкоголя около 27, между тѣмъ какъ коеффиціенты преломленія воды 1,33, алкоголя 1,36. Оказалось, однако, что электрическіе лучи Герца имѣютъ въ этихъ средахъ огромные коеффиціенты преломленія, квадраты которыхъ дѣйствительно близки къ числамъ 80 и 27. Abegg изслѣдовалъ (1897) индуктивную способность при низкихъ температурахъ и нашелъ, что она значительно превышаетъ ту же способность при обыкновенной температурѣ. Такъ, индуктивная способность эфира при 10°,8 равна 4,45, а при —75° она равна 6,96; для алкоголя (этиловаго) онъ получилъ 26,4 при 14°,8 и 44,3 при —86°,6. *Fleming* и *Dewar* опредѣлили (1897) индуктивную способность льда при —198°, и нашли ее равною 2,83, а для льда, содержащаго разныя соли, равною отъ 2 до 3.

Для веществъ *магнитныхъ* квадратъ показателя преломленія, по теоріи *Maxwell'*а, долженъ равняться произведенію индуктивной способности на магнитную проницаемость (см. выше,) которая для слабо магнитныхъ веществъ очень мало отличается отъ единицы. Dewar опредѣлилъ коеффиціентъ преломленія жидкаго кислорода (при —180°) и нашелъ его равнымъ 1,2181 для лучей съ большою длиною волны. Квадратъ этого числа равенъ 1,484. Далѣе Dewar опредѣлилъ индуктивную способность жидкаго кислорода, которая оказалась равною 1,491. Если это число помножить на магнитную проницаемость 1,00287 жидкаго кислорода (см. выше), то получается число 1,495, дѣйствительно очень близкое къ 1,484.

Этимъ мы оканчиваемъ обзоръ новѣйшихъ изслѣдованій, относящихся къ «физикѣ низкихъ температуръ».

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Отвѣтъ академику А. С. Фаминцыну.

Въ январьской книжкѣ «Міра Божьяго» помѣщено начало, повидимому, весьма обширной статьи академика Фаминцына «Современное естествознаніе и психологія». Откладывая до окончанія статьи обсужденіе воззрѣній почтеннаго автора, я имѣю, однако, полное основаніе желать, чтобы въ теченіе этого долгаго промежутка времени у читателей «Міра Божьяго» не оставалось впечатлѣнія о моей умственной ограниченности, выражающейся, будто бы, въ моемъ неумѣніи различать, далеко одна отъ другой отстоящія, категоріи явленій, въ чемъ пытается убѣдить своихъ читателей А. С. Фаминцынъ.

Приведя длинныя выписки изъ одной моей статьи, онъ продолжаетъ: «Приведенныя цитаты относятся непосредственно, *конечно*, *къ процессамъ жизни растеній* и, слѣдовательно, къ физіологіи растеній, но изъ характера и общаго хода разсужденій видно, что авторъ не дѣлаетъ исключенія и для жизненныхъ процессовъ животныхъ и, *повидимому*, считаетъ приводимое имъ механическое воззрѣніе приложимымъ и *къ жизни животныхъ*, *со включеніемъ человѣка*» *).

Не касаясь вопроса, къ чему понадобилась почтенному ученому такая *экстраполяція* моихъ мыслей, замѣчу только, что угадываніе мыслей другого человѣка—занятіе вообще безполезное,—вдвойнѣ безполезно, когда этотъ человѣкъ уже самъ печатно высказывалъ эти свои мысли.

Въ той же книжечкѣ, изъ которой онъ дѣлаетъ выписки, и въ статьѣ, которую онъ долженъ былъ прочесть, такъ какъ самое ея заглавіе указываетъ, что именно она касается занимающаго его вопроса, почтенный академикъ долженъ былъ встрѣтить слѣдующія слова, совершенно упраздняющія его догадки **). «Буду держаться, какъ уже сказалъ, исключительно на извѣстной мнѣ почвѣ физіологіи растеній. Это мнѣ кажется и вообще болѣе удобнымъ, по самому содержанію нашей науки. *Здѣсь мы не имѣемъ дѣла съ тѣмъ усложненіемъ задачи*, *которое выступаетъ чуть не на первый планъ съ появленіемъ нервной системы и еще болѣе съ появленіемъ процессовъ психическихъ*. Нашъ защитникъ витализма, очевидно, самъ знаетъ, какъ невыгодно для него строго-научное обсужденіе вопроса на точно ограниченной почвѣ нашей науки и потому дѣлаетъ, ничѣмъ не оправдываемые, *скачки въ область психическихъ явленій*. Такъ, для большаго убѣжденія своихъ слушателей, онъ два раза увѣряетъ ихъ, что противники витализма готовы объяснить механически даже геній Ньютона, и уже на основаніи этого *самовольно навязаннаго имъ легкомыслія* позволяетъ себѣ и т. д.» Такимъ образомъ, я не только никогда не смѣшивалъ березы съ

*) Курсивы мои.

**) *Витализмъ и наука.*

человѣкомъ, но даже укорялъ своихъ противниковъ за такіе *скачки* и за произвольное *навязываніе такого легкомыслія* представителямъ строгой науки. Можно ли болѣе ясно и обстоятельно выразить мнѣніе, прямо противоположное тому, которое приписываетъ мнѣ академикъ Фаминцынъ?

Съ другой стороны, совершенно напрасно полагаетъ уважаемый авторъ, что тотъ широкій философскій взглядъ на взаимное отношеніе матеріальныхъ и психическихъ явленій, которому онъ придаетъ такое значеніе, беретъ начало съ профессора Бунге. Вотъ что, между прочимъ, высказывалъ и я по этому поводу не только до академика Фаминцына, но и за долго до профессора Бунге: «Еще одинъ послѣдній вопросъ: обладаетъ ли растеніе сознаніемъ? Но на этотъ вопросъ мы отвѣтимъ вопросомъ же: обладаютъ ли имъ всѣ животныя? Если мы не откажемъ въ немъ низшимъ животнымъ, то почему же откажемъ въ немъ растенію? А если мы откажемъ въ немъ простѣйшему животному, то, скажите, гдѣ же, на какой ступени органической лѣстницы лежитъ этотъ *порогъ* сознанія? *Гдѣ та грань, за которой объектъ становится субъектомъ?* Какъ выбраться изъ этой дилеммы? Не допустить ли, что сознаніе разлито въ природѣ, что оно глухо тлѣетъ въ низшихъ существахъ и только яркой искрой вспыхиваетъ въ разумѣ человѣка? Или, лучше, не остановится ли тамъ, гдѣ порывается руководящая нить положительнаго знанія, на томъ рубежѣ, за которымъ разстилается вѣчно влекущій въ свою заманчивую даль, вѣчно убѣгающій отъ пытливаго взора безпредѣльный просторъ умозрѣнія?» *)

Какъ и двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ, я остаюсь при убѣжденіи, что по отношенію къ реальному міру, человѣческая мысль представляетъ двѣ области: одну, въ которой она отправляется отъ опыта (въ широкомъ смыслѣ) и завершается опытной же провѣркой—это область науки, и другую—гдѣ мысль зарождается и замираетъ на почвѣ умозрѣнія—это область метафизики. Къ этой послѣдней, я полагаю, *пока* относятся одинаково, какъ разсужденія о мышленіи химическаго вещества **), такъ и разсужденія о химизмѣ человѣческой мысли.

Смѣшивать науку и метафизику «есть тьма охотниковъ—я не изъ ихъ числа». И, прибавлю, до сихъ поръ не имѣлъ повода въ томъ раскаиваться.

К. Тимирязевъ.

12-го января 1898 г.

---

*) Жизнь растенія 1878 г., стр. 217. Такова же *фактически* и точка зрѣнія Бунге. *Поговоривъ* во введеніи о психологическомъ, интроспективномъ методѣ, онъ, въ концѣ концовъ, долженъ сознаться, что наукѣ съ нимъ пока дѣлать нечего, и во всей книгѣ уже не возвращается къ своимъ мечтаніямъ.

**) Ферворнъ, одинъ изъ новѣйшихъ поборниковъ психологическаго метода, основнымъ критеріумомъ жизни считаетъ наличность дѣятельнаго бѣлковаго вещества.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".
Февраль 1898 г.

ПУБЛИЦИСТИКА.

С. Н. Южаковъ. «Вопросы просвѣщенія». — *В. Ф. Дерюжинскій.* «Замѣтки объ общественномъ призрѣніи».—*Анатоль Леруа Болье.* «Антисемитизмъ».

С. Н. Южаковъ. Вопросы просвѣщенія. Публицистическіе опыты. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к. Немного книгъ, которыя мы съ такой готовностью рекомендовали бы читателю, какъ «Вопросы просвѣщенія» г. Южакова. Своевременность и живость затронутыхъ почтеннымъ авторомъ темъ въ связи съ острой и талантливой критикой дѣлаютъ книгу глубоко интересной и значительной въ общественномъ смыслѣ. Книга состоитъ изъ ряда статей, печатавшихся за послѣдніе года въ «Русскомъ Богатствѣ». Собранныя теперь въ одно цѣлое, эти статьи, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, даютъ яркое представленіе о недостаткахъ нашего средняго и высшаго образованія, объ отсталости его отъ жизни и о томъ прискорбномъ шагѣ назадъ, который Россія сдѣлала за послѣднія пятнадцать лѣтъ въ области просвѣщенія. Что касается двухъ послѣднихъ статей: «Просвѣтительная утопія» и «Женщина и просвѣщеніе», то ихъ мы обойдемъ молчаніемъ, замѣтивъ только, что на мѣстѣ почтеннаго автора мы бы не включили ихъ въ отдѣльное изданіе, отчего послѣднее ничего не потеряло бы.

Главную цѣнность статей составляетъ критика нашей классической системы и превосходная, единственная въ своемъ родѣ, оцѣнка тѣхъ учебниковъ, по которымъ обучаются сотни тысячъ учениковъ. Г. Южаковъ относится отрицательно равнымъ образомъ и къ классическимъ гимназіямъ, и къ реальнымъ училищамъ, такъ какъ, въ своемъ современномъ видѣ, и тѣ, и другія преслѣдуютъ не столько задачи просвѣтительныя, сколько бюрократическія. Всецѣло обязанныя государству, вѣрнѣе, правительству, своимъ возникновеніемъ, среднія учебныя заведенія, а въ послѣднее время и университеты, ни мало не считаются съ запросами современности и потребностями жизни. Они ставятъ своей цѣлью выучку потребнаго количества чиновниковъ и профессіоналистовъ, безъ которыхъ даже и Россія обойтись нынѣ не можетъ. Но просвѣщеніе, понимаемое въ высокомъ и общественномъ значеніи этого слова, современной средней и высшей школѣ чуждо вполнѣ. Средняя школа должна готовить не техника и спеціалиста, а человѣка. Этотъ завѣтъ Пирогова и Ушинскаго остается не осуществленнымъ теперь, какъ и тридцать лѣтъ тому назадъ. Даже болѣе. Если во времена Пирогова и Ушинскаго были условія, при которыхъ могъ въ лучшихъ, по крайней мѣрѣ, умахъ найти откликъ этотъ завѣтъ, то въ послѣдующее время исчезла самая мысль о подобной задачѣ школы. Виноватъ

тутъ не классицизмъ, а общія условія, которыя привели школу къ самой худшей формѣ классицизма, отжившей у себя на родинѣ именно въ то время, когда его завели и усиленно поддерживали у насъ. Реальныя училища, явившіяся какъ бы нѣкоторой поправкой его, въ сущности такія же бюрократическія заведенія, проникнутыя не просвѣтительными, а чисто чиновничьими задачами. Необходимость въ спеціалистахъ всякихъ видовъ привела къ реальнымъ училищамъ, а не сознаніе несоотвѣтствія классической системы образованія требованіямъ общественной жизни.

Критика высшаго образованія приводитъ автора тоже къ выводу объ отсталости университетскаго преподаванія, объ исчезновеніи изъ университета духа высокой науки. Университетъ уже не отвѣчаетъ своему названію. На примѣрѣ филологическаго факультета авторъ показываетъ недостаточность, неполноту и устарѣлость университетскаго образованія. По старому, какъ сто лѣтъ тому назадъ, преобладаетъ на этомъ факультетѣ мертвечина, а все живое, что составляетъ достояніе современной науки, обойдено всецѣло. Кончая курсъ, филологъ уходитъ столь же свѣдущимъ въ современной наукѣ, какъ и вошелъ въ университетъ. Онъ ничего не слышалъ о филологіи современныхъ, живыхъ языковъ, незнакомъ съ соціологіей, безъ которой немыслимо теперь изученіе исторіи, не знаетъ этнографіи и антропологіи съ этнологіей, не говоря уже о всеобщей литературѣ, политической экономіи и статистикѣ.

Какъ ни интересны и важны статьи о постановкѣ средней и высшей школы, онѣ меркнутъ предъ критикой нашихъ гимназическихъ учебниковъ, которой отведена центральная и большая часть книги. Общія жалобы на неудовлетворительность учебниковъ слышны давно, но никогда еще не было такой вѣской, прямо уничтожающей оцѣнки всѣхъ этихъ Кирпичниковыхъ, Смирновыхъ и Иловайскихъ. Трудно повѣрить, не читая статей г. Южакова, какіе перлы учености преподаются этими признанными свѣтилами педагогической литературы вотъ уже болѣе четверти вѣка злополучнымъ учениками среднеучебныхъ заведеній. Нужно замѣтить, что почтенный авторъ отнюдь не зоилъ или злопыхательный критикъ, задавшійся нарочитой цѣлью, во что бы ни стало, открыть ошибки и промахи. Разбирая самые ходкіе учебники по русскому языку, географіи и исторіи, распространенные въ милліонахъ экземплярахъ, онъ останавливается лишь на коренныхъ вопросахъ, обходя детали и не касаясь второстепенныхъ частей грамматики, географіи и исторіи. И вотъ въ этихъ-то важнѣйшихъ вопросахъ, составляющихъ основу изученія предмета, онъ и указываетъ на прямое, ничѣмъ не прикрытое, если можно такъ выразиться, насмѣхающееся надъ ученикомъ невѣжество авторовъ. Не приводимъ образчиковъ его; для этого пришлось бы перепечатать всѣ статьи г. Южакова, представляющія сплошной почти перечень «учености» составителей учебниковъ. Г. Южаковъ ограничился только русской грамматикой, географіей и исторіей. Но что бы онъ нашелъ въ учебникахъ по древнимъ языкамъ и математикѣ, въ особенности въ знаменитыхъ задачникахъ! Жаль, что по стопамъ г. Южакова не пошли другіе спеціалисты, которые могли бы подвергнуть критикѣ учебники по этимъ предметамъ. Они открыли бы тамъ не меньшіе курьезы, которые серьезно преподаются подъ видомъ науки.

Выводы автора крайне печальны. Сравнивая одни и тѣ же учебники, онъ находитъ, что ихъ первыя изданія, вышедшія лѣтъ двадцать-тридцать назадъ, были полнѣе, научнѣе, лучше написаны, чѣмъ современныя, что указываетъ на общее пониженіе требованій школы, къ которымъ только и приноравливаются составители. Онъ показываетъ это на примѣрѣ учебника географіи г. Смирнова. «Учебникъ значительно ухудшился. Въ первыхъ изданіяхъ (1864 г.) г. Смирновъ тоже не отличается дарованіемъ, но онъ пробуетъ найти хотя какую-нибудь аріаднину нить для странствія по этому лабиринту именъ. Онъ

старается ихъ оживить и осмыслить, дѣлаетъ сближенія и сравненія, указываетъ связь и вліяніе. Видно вліяніе географовъ-мыслителей, изъ которыхъ кое-что заимствовано. Все это тщательно и окончательно истреблено въ рядѣ изданій до тридцать пятаго включительно. Общее пониженіе уровня нашей средней школы сказалось и въ этомъ самоискаженіи г. Смирнова», говоритъ авторъ.

Въ заключеніе, сравнивая разобранныхъ имъ составителей учебниковъ, г. Южаковъ замѣчаетъ: «Это обозрѣніе привело насъ къ выводамъ прискорбнымъ, и мы затрудняемся, кому отдать пальму первенства, учебникамъ ли русскаго языка за ихъ безграмотность, учебникамъ ли географическимъ за ихъ полное незнакомство съ географіей, или, наконецъ, руководствамъ по исторіи столько же за извращеніе, сколько непониманіе исторіи? Впрочемъ, это безразлично, кто восторжествовалъ бы въ этомъ оригинальномъ состязаніи, г. Кирпичниковъ, г. Смирновъ или г. Иловайскій: не безразлично только одно—это ихъ господство въ школѣ и то пониженіе школьнаго уровня, которое знаменуетъ это прискорбное господство. Уже многія поколѣнія, благодаря этому, лишены возможности научиться правильному употребленію родной рѣчи, а по общеобразовательнымъ предметамъ получаютъ какіе-то безсвязные, неосмысленные обрывки, зачастую невѣрные, элементарно ложные. Гдѣ же причина этого печальнаго явленія и какія средства борьбы съ этимъ зломъ? Общая причина, конечно, въ общемъ пониженіи уровня нашей гражданственности и нашей образованности». Передъ этой общей причиной теряютъ всякое значеніе какія бы то ни было частныя причины, тѣмъ болѣе, что въ концѣ концовъ и послѣднія сводятся къ тому же пониженію «нашей гражданственности и нашей образованности».

В. Ф. Дерюжинскій. Замѣтки объ общественномъ призрѣніи. (Вопросы науки, искусства, литературы и жизни, № 10). Москва, 1879 г. Изданіе книжн. магазин. Гросманъ и Кнебель. Цѣна 40 коп. Въ числѣ вопросовъ, поставленныхъ въ послѣднее время на очередь, одно изъ видныхъ мѣстъ должно быть удѣлено пересмотру нашего законодательства объ общественномъ призрѣніи. Потребность такого пересмотра ощущается у насъ давно и вызывается крайнею неудовлетворительностью существующаго законодательства по этому предмету. Г. Дерюжинскій начинаетъ съ указанія на положеніе вопроса объ общественномъ призрѣніи въ важнѣйшихъ иностранныхъ государствахъ, въ связи съ главными моментами его историческаго развитія; затѣмъ останавливается на нѣкоторыхъ наиболѣе любопытныхъ системахъ и мѣрахъ призрѣнія въ Западной Европѣ, могущихъ послужить поучительнымъ образцомъ и для реформы русскаго законодательства; наконецъ, дѣлаетъ краткій обзоръ прошлыхъ судебъ общественнаго призрѣнія въ Россіи и тѣхъ мѣропріятій послѣдняго времени, которыя, по мнѣнію автора, имѣютъ значеніе для дальнѣйшаго развитія этого дѣла въ нашемъ отечествѣ.

По поводу этихъ мѣропріятій въ настоящее время преждевременно было бы высказывать какія бы то ни было сужденія. Врядъ ли основательно, въ виду незначительнаго по времени опыта, утверждать, какъ это дѣлаетъ г. Дерюжинскій, что результаты этихъ мѣропріятій весьма значительны (см. стр. 114 и 115). Если къ концу 1895 г. и существовало въ различныхъ городахъ Россіи 44 дома трудолюбія; если послѣ того и открыто еще 23 такихъ же учрежденія, и если даже прибавить къ этому еще 43 такихъ же учрежденія, предположенныхъ къ открытію въ близкомъ будущемъ, то всѣ эти 110 учрежденій новѣйшей формы общественнаго призрѣнія будутъ каплей въ морѣ народной безпомощности и бѣдности, нуждающейся въ организованной поддержкѣ, и не даютъ еще никакихъ данныхъ, въ виду кратковременности своего существова-

нія, для выводовъ о «весьма значительныхъ результатахъ», достигнутыхъ дѣятельностью новыхъ учрежденій. Тѣмъ болѣе, что, какъ показалъ опытъ Запада, дома трудолюбія—одна изъ сомнительныхъ мѣръ въ борьбѣ съ пауперизмомъ, сами «призрѣваемые» избѣгаютъ ихъ, и не безъ основанія. Почтенному редактору «Трудовой Помощи» все это, конечно, лучше извѣстно, чѣмъ намъ. Съ своей стороны мы лишь считали нелишнимъ *подчеркнуть* его предвзятый оптимизмъ.

Анатоль Леруа-Болье. Антисемитизмъ. Рѣчь, произнесенная въ Католич. Институтѣ 27 февраля 1897 г. Переводъ съ французскаго І. Сорина. Спб. 1898 г. Цѣна 40 коп. 27 февраля 1897 г. Анатоль Леруа-Болье произнесъ рѣчь объ антисемитизмѣ въ Католическомъ Институтѣ (Institut Catholique) въ Парижѣ. Антисемиты, составлявшіе громадное большинство публики, наполнявшей залъ, не проявили ни благовоспитанности, ни уваженія къ свободѣ слова, и все время, пока А. Леруа-Болье произносилъ свою рѣчь, не переставали прерывать его неумѣстными шутками и грубыми замѣчаніями, не смотря на то, что ораторъ, согласно сдѣланному въ самомъ началѣ заявленію, разсматривалъ вопросъ вполнѣ объективно, безпристрастно и совершенно прямодушно, не оскорбляя никого изъ присутствовавшихъ.

Антисемитизмъ выставляетъ себя поборникомъ церкви и христіанства, защитникомъ отечества и борцомъ за національную идею. Такимъ образомъ, говоритъ Леруа-Болье, мы должны различать три вида антисемитизма: религіозный, національный и соціальный. Прежде чѣмъ разсмотрѣть обвиненія антисемитовъ, основанныя на почвѣ религіозной, національной и соціальной, Леруа-Болье указываетъ на двѣ причины, по которымъ необходимо осудить антисемитизмъ въ принципѣ. Во-первыхъ, антисемиты придаютъ еврею чрезмѣрное значеніе, несоотвѣтствующее количеству и способностямъ представителей этой націи и степени дѣйствительнаго вліянія еврейскаго элемента на наше общество. Антисемиты приписываютъ еврею сверхъестественную силу, ставятъ его выше всѣхъ націй и расъ, представляютъ его какимъ-то колоссальнымъ чудовищемъ, въ сравненіи съ которымъ самые большіе народы кажутся незначительными, безпомощными карликами. Во-вторыхъ, антисемиты часто позволяютъ себѣ осуждать всѣхъ безъ различія евреевъ за дѣйствія отдѣльныхъ личностей.

Переходя къ религіозному антисемитизму, ораторъ останавливается на главныхъ обвиненіяхъ противъ талмуда и евреевъ, будто у нихъ двѣ морали: одна для единовѣрцевъ, другая для иновѣрцевъ. «Но позвольте мнѣ спросить,—восклицаетъ Леруа-Болье,—не поступаютъ ли антисемиты, вопреки духу Евангелія, съ евреями такъ же, какъ, согласно ихъ обвиненіямъ, евреи поступаютъ съ христіанами?» Далѣе авторъ разбиваетъ взводимыя на евреевъ обвиненія въ томъ, что они главные дѣятели въ распространеніи безвѣрія среди современнаго общества, указывая на Вольтера, энциклопедистовъ и дѣятелей великой революціи, какъ на причины господствующаго раціонализма; что Alliance Israélite Universelle является какимъ-то таинственнымъ кагаломъ, своего рода негласнымъ правительствомъ всѣхъ странъ, указывая на прототипъ его—Alliance Evangélique — и на истинныя цѣли этого союза—матеріальный и моральный прогрессъ еврейства и эмансипацію евреевъ; что евреи являются основателями и главарями масонства, что они участвовали въ антиклерикальномъ движеніи и проч.

Переходя къ національному антисемитизму, Леруа-Болье опровергаетъ два положенія антисемитовъ. На первый планъ выдвигается упорная обособленность евреевъ. Но, по словамъ Леруа-Болье, вѣковая изолированность іудейскаго племени имѣетъ двоякую историческую причину. Она проистекаетъ, съ одной стороны, отъ ритуальныхъ постановленій торы, усиленныхъ и увеличенныхъ талмудомъ и раввинами, съ другой — отъ законовъ, издававшихся про-

тивъ евреевъ въ средніе вѣка, и отъ вынужденнаго пребыванія въ гетто. Намъ ли осуждать евреевъ, когда въ теченіе столькихъ вѣковъ мы препятствовали малѣйшей ихъ попыткѣ выйти изъ этой обособленности? Начавшаяся же ассимиляція евреевъ задержана антисемитизмомъ.

Упрекъ въ космополитизмѣ, дѣлаемый евреямъ, удивительно напоминаетъ обвиненія, сыпавшіяся въ XVIII и XIX вѣкахъ противъ космополитизма и универсальности католичества и іезуитовъ.

Наконецъ, разбирая экономическій антисемитизмъ, Леруа-Болье указываетъ, что посредничество, которымъ евреи преимущественно занимаются въ теченіе многихъ вѣковъ, не есть ихъ внутреннее призваніе, не есть необходимая принадлежность ихъ семитическаго происхожденія: въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ имъ систематически преграждали доступъ къ другимъ профессіямъ, ихъ заставили приняться за различныя предосудительныя занятія, въ чемъ теперь же и упрекаютъ.

Мы отмѣтили только главныя положенія рѣчи Леруа-Болье. Желающіе ближе ознакомиться съ этимъ блестящимъ опроверженіемъ антисемитизма должны обратиться къ самой рѣчи, появившейся теперь на русскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію, переводъ г. Сорина не вполнѣ удовлетворителенъ: въ немъ есть неточности и даже мѣста совершенно непонятныя.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Я. Абрамовъ. «Пѣвецъ тоски».—*Е. Дюрингъ.* «Великіе люди въ литературѣ».

Я. В. Абрамовъ. Пѣвецъ тоски (Гюи-де-Мопассанъ). Спб., 1898. У г. Абрамова есть пагубная склонность разсматривать литературныхъ дѣятелей непремѣнно парами. Такъ, онъ соединилъ въ небольшой брошюрѣ двухъ столь различныхъ художниковъ, какъ Ибсенъ и Бьернсонъ. Теперь, въ столь же короткой брошюрѣ, въ 63 страницы, онъ пытается не только дать очеркъ творчества Мопассана, но и найти ему двойника въ лицѣ Всеволода Гаршина. Это сопоставленіе двухъ писателей различныхъ странъ, различныхъ міросоверцаній и различныхъ талантовъ еще менѣе удачно, чѣмъ сопоставленіе Ибсена съ Бьернсономъ. Грустная нота въ разсказахъ Гаршина создана исключительно русской дѣйствительностью. Самыя формы русской жизни вызывали въ немъ уныніе, именно благодаря тому, что въ душѣ его жили очень опредѣленные идеалы, осуществимые, но не осуществленные. Его пессимизмъ—результатъ извѣстныхъ общественныхъ условій, а не философскаго міросозерцанія. Все въ немъ обличаетъ не только не пессимиста, лишеннаго всякой вѣры, а напротивъ того, страстнаго идеалиста, съ опредѣленными общественными понятіями, скорбящаго о невозможности провести ихъ въ жизнь при данныхъ общественныхъ условіяхъ. Сопоставить его съ Мопассаномъ—значитъ, совершенно не давать себѣ отчета въ томъ, что значитъ пессимизмъ. Мопассанъ, въ самомъ дѣлѣ, проникнутъ выдержаннымъ пессимизмомъ. Тѣ условія, о которыхъ мечталъ Гаршинъ, для Мопассана осуществлены, но являются такими же пустыми формами жизни, какъ и противоположныя имъ. Въ немъ нѣтъ вѣры ни въ какіе жизненные устои, и онъ показываетъ гангрену, одинаково и въ томъ, что люди называютъ зломъ, какъ и въ томъ, что они называютъ добромъ. Онъ не даетъ уроковъ жизни, потому что въ жизнь не вѣритъ, и если есть для него что-нибудь привлекательное въ людяхъ, то это только ихъ непримиренность со всѣмъ, что даетъ жизнь, ихъ грусть неизлѣчимая и не знающая исхода. Г. Абрамовъ не даетъ себѣ отчета въ этомъ коренномъ различіи между обличеніемъ извѣстныхъ жизненныхъ условій у Гаршина и общимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ жизни у Мопассана.

Въ оцѣнкѣ Гюи-де-Мопассана г. Абрамовъ повторяетъ ту же ошибку, которая почему-то дѣлается многими русскими критиками по отношенію къ Мопассану.

Въ Россіи его стали считать человѣкомъ высокой нравственности и проповѣдникомъ морали, только потому, что въ его произведеніяхъ встрѣчаются обличенія разныхъ общественныхъ язвъ. Но такое отношеніе къ Мопассану одностороннe. Мопассанъ обличаетъ не только дурныя стороны жизни; онъ развѣнчиваетъ всѣ общественные и нравственные устои современной жизни. Всякая добродѣтель сводится у него къ буржуазной каррикатурѣ. Семейная жизнь, родительская любовь, литературная дѣятельность, любовь во всѣхъ ея видахъ, т.-е. любовь молодыхъ людей и невинныхъ дѣвушекъ, зрѣлыхъ женщинъ, нарушающихъ супружескую вѣрность, старыхъ людей къ молодымъ дѣвушкамъ, наконецъ, любовь сына къ матери—все это безпощадно развѣнчивается и подводится подъ общій уровень всесильно господствующей пошлости. «Bel ami», «Une vie», «Héritage», «Fort comme la mort», «Pierre et Jean» и др. повѣсти и мелкіе разсказы являются отдѣльными этапами того похода противъ человѣческой нравственности и человѣческихъ принциповъ, который безпощадно ведетъ Мопассанъ. Единственная вещь, примиряющая его съ людьми—это элементъ грусти, недовольства и безсильнаго протеста, который онъ подмѣчаетъ въ болѣе чувствительныхъ и нѣжныхъ натурахъ. Положительные типы въ повѣстяхъ Мопассана стоятъ выше другихъ только своими страданіями. Это и породило невѣрное пониманіе Мопассана русскими критиками, по мнѣнію которыхъ Мопассанъ умиляется жертвами господствующаго зла и, обличая буржуазный строй сѣрой жизни, указываетъ на другую неиспорченную человѣческую среду, на чистыя души, торжество которыхъ привело бы къ торжеству добра. Но такая мораль менѣе всего лежитъ въ намѣреніяхъ Мопассана. Грусть и страданія кажутся ему, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ-то возвышающимъ человѣка, но только тогда, когда они относятся ко всѣмъ явленіямъ жизни и тѣмъ самымъ освобождаютъ человѣческую душу отъ привязанности къ ней, указываютъ ей на истинную красоту, т.-е. на то, что по своему существу противорѣчитъ жизни. Облагораживаніе грусти и тоски, замѣтное во всѣхъ лучшихъ произведеніяхъ Мопассана, спасаетъ его отъ нигилизма. Онъ не отрицатель жизни безъ философскихъ принциповъ во имя скептицизма, никуда не ведущаго. У него есть святыни, но святыни эти не удовлетворяются никакими приниженными человѣческими идеалами. Вотъ почему онъ безпощаденъ въ своемъ пессимизмѣ и развѣнчиваетъ еще съ большей настойчивостью и твердостью то, что люди считаютъ святымъ, показывая тѣмъ самымъ ограниченность и мелкость человѣческихъ идеаловъ.

Если бы Мопассанъ былъ тѣмъ обличителемъ общественныхъ язвъ и моралистомъ, каковымъ его считаетъ г. Абрамовъ и другіе его единомышленники, трудно было бы объяснить его чисто философскія вещи созерцательнаго характера, какъ, напр., его очеркъ «На водѣ» и одна изъ его лучшихъ вещей «Одиночество», изъ которой г. Абрамовъ приводитъ много прекрасныхъ и характерныхъ выдержекъ. Мопассанъ чувствовалъ одиночество человѣка въ жизни и въ особенности свое одиночество, какъ художника, обреченнаго на то, чтобы никогда не увидѣть воплощенія красоты, которая живетъ въ душѣ. Чувство одиночества—это выводъ всего его пессимистическаго міросозерцанія. Оно доведено у него до болѣзненной крайности, до галлюцинацій и привело его, наконецъ, къ безумію. Но въ немъ центръ его художественнаго творчества, послѣдній выводъ его теоріи о томъ, что человѣка облагораживаетъ только его тоска, т.-е. чувство протеста противъ жизни, и одиночество живой души среди мертвой дѣйствительности. Въ душѣ Мопассана было много любви, но любовь эта обращена не на людей, а на то, что людямъ вѣчно близко и вмѣстѣ съ тѣмъ недостижимо. Въ этомъ смыслѣ Мопассанъ истинный идеалистъ и, поэтому, какъ художникъ, описывающій жизнь, онъ могъ стать только послѣдовательнымъ и полнымъ пессимистомъ, не знающимъ примиренія съ жизнью.

Е. Дюрингъ. Великіе люди въ литературѣ. Переводъ съ нѣмецкаго Ю. М. Антоновскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1897 года. Цѣна 3 р. 50 к. Мало приходится въ современной литературѣ встрѣтить столь своеобразныя явленія, какъ лежащая предъ нами книга. Декаденты и прочіе психопаты давно пріучали публику къ публичнымъ спектаклямъ на тему гоголевскаго Фердинанда VIII. Всякому, вѣроятно, приходилось имѣть въ рукахъ произведеніе какого-нибудь Поприщина и онъ съ первыхъ же строкъ зналъ, кто ломается предъ нимъ въ роли непризнаннаго генія и непонятаго величія. За циническимъ самохвальствомъ слѣдовали и соотвѣтственныя иллюстраціи.

Но вотъ является авторъ съ заслуженнымъ именемъ въ наукѣ и въ общественной мысли, и пишетъ рядъ предисловій къ своему сочиненію совершенно въ духѣ какого-нибудь Саръ-Пеладана. Это сочиненіе, читаемъ мы, безусловно оригинально и ново по своимъ идеямъ, до такой степени, что читатель можетъ быть пораженъ новыми толкованіями старыхъ вопросовъ и новымъ освѣщеніемъ давно знакомыхъ фигуръ. «Фигура Гёте», пишетъ авторъ, «многимъ предстанетъ такою, какъ если бы имъ никогда еще не удавалось видѣть его лица... Бюргеръ такъ изображенъ, какъ будто въ столѣтнюю годовщину своей смерти онъ впервые родился».

Этого мало. Общій духъ книги также нѣчто исключительное, только автору свойственное. «Здѣсь читатель встрѣтитъ не вялыя чувства и не плоскія мысли, составляющія обыкновенную принадлежность исторій литературы, а напротивъ, огонь, котораго свѣтъ и теплота покажутся его (автора) врагамъ слишкомъ яркими и слишкомъ согрѣвающими,—огонь, который было бы желательно погасить и однако погасить его нельзя».

Авторъ дѣйствительно потерпѣлъ за свой «огонь», именно за антисемитическія идеи его сочиненія подверглись преслѣдованію въ Австріи. Съ этими идеями долженъ считаться и читатель. Но неужели только этотъ свѣтъ даетъ знаменитому ученому право воздвигать себѣ такой величественный памятникъ?

Если бы на этотъ вопросъ неизбѣжно было отвѣтить утвердительно, книгой Дюринга не стоило бы заниматься. Но она въ самомъ дѣлѣ оригинальный фактъ, не столько по идеямъ автора, сколько по изумительному смѣшенію дѣйствительно цѣнныхъ и проницательныхъ взглядовъ съ едва вѣроятнымъ оригинальничаньемъ. Нѣкоторые изъ этихъ взглядовъ могутъ оказать большую услугу и русскому читателю, менѣе всѣхъ избалованному «исторіями литературы».

Мы оставимъ въ сторонѣ антисемитическія построенія автора, и возьмемъ тѣ вопросы, гдѣ этотъ символъ вѣры не могъ оказать ни малѣйшаго вліянія на образъ мыслей Дюринга. Мы опустимъ также и германофильство автора, заставляющее его въ германскомъ геніи видѣть центральное свѣтило европейской цивилизаціи, хотя слѣдуетъ прибавить, что Дюрингъ совершенно не сочувствуетъ нѣмецкому воинствующему націонализму и считаетъ его зломъ и несправедливостью. Даже больше. Дюрингъ настаиваетъ на нѣкоторыхъ весьма нелестныхъ преданіяхъ германской націи и требуетъ, чтобы только дѣйствительно благородное въ характерѣ данной національности удостаивалось славы. Но интересъ книги, все-таки, не въ нарочитыхъ сильныхъ чувствахъ автора, а въ спокойныхъ, возможно объективныхъ сужденіяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ очень похожи на личныя страсти: такова вообще манера Дюринга разсуждать. Напримѣръ, намъ трудно помириться съ уничтожающими приговорами автора Канту и Лессингу. Значеніе Канта, можетъ быть, и не для всѣхъ вполнѣ ясно, но имя Лессинга достаточно популярно, чтобы безнаказанно можно было объявить его ничтожнымъ. Мы бы желали болѣе основательнаго суда и подробныхъ мотивовъ. Мы помнимъ о менѣе всего ничтожномъ вліяніи автора *Натана* и *Воспитанія человѣческаго рода* на просвѣщеніе своего времени и даже на очень отдаленное будущее. Ничтожествамъ обыкновенно такая честь не достается и еще

ни одинъ, ничего не стоющій писатель не доживалъ до всемірной извѣстности, не тускнѣющей въ теченіе вѣка.

Дюрингу слѣдовало бы, повторяемъ, объясниться. Но пусть всѣ эти poінts noirs остаются на его совѣсти. Для насъ достаточно убѣжденія, что странная оппозиція Лессингу беретъ свое начало не въ реакціонныхъ страстяхъ автора. Напротивъ. Врядъ ли кто во всей германской литературѣ обнаруживалъ болѣе свободное отношеніе къ разнымъ представителямъ національной славы и гордости, чѣмъ Дюрингъ.

Мы видѣли, онъ прежде всего гордится своимъ оригинальнымъ взглядомъ на Гете. И, дѣйствительно, страницы объ этомъ поэтѣ едва ли не самыя любопытныя во всей книгѣ. Автору не трудно было въ должномъ, отнюдь не блестящемъ свѣтѣ представить личный характеръ Гете. Только безнадежно порабощенные и загипнотизированные поклонники всякой традиціонной славы могутъ искренне вѣровать въ серьезный смыслъ гетевскаго олимпійства. Олимпіецъ въ званіи камергера и въ роли придворнаго поэта-лауреата—понятія несообразныя и дикія. И Дюрингъ превосходно очерчиваетъ мѣщанскую и эгоистическую природу автора *Вертера*, шагъ за шагомъ слѣдитъ за его компромиссами предъ какой бы то ни было реальной силой, будь это даже завѣдомое зло. Все это факты извѣстные и ни для кого не можетъ быть два отвѣта на вопросъ: могъ ли истинно свободный, органически возвышенный умъ преклоняться предъ Наполеономъ, какъ великой положительной силой, какъ предъ недосягаемымъ духовнымъ геніемъ новой исторіи? Могъ ли поэтъ цивилизаціи и человѣческаго достоинства превратиться въ бонапартиста и во имя культа предъ иноземнымъ завоевателемъ забыть о насущныхъ интересахъ и стремленіяхъ родного народа?

Гете не гражданинъ и даже далеко не безупречный человѣкъ въ смыслѣ общественнаго міросозерцанія. Но Дюрингъ идетъ дальше и наноситъ рядъ мѣткихъ ударовъ даже поэтическому таланту Гете.

Трудно съ большею жестокостью говорить о пресловутыхъ тайнахъ *Фауста*, о будто бы чрезвычайно глубокихъ истинахъ, скрытыхъ въ словесномъ туманѣ поэмы. Мы, со словъ даже восторженнѣйшаго поклонника этихъ тайнъ Эккермана, знаемъ, что самъ пророкъ не понималъ своихъ изреченій и дѣлалъ только загадочно-большіе глаза, когда другіе спрашивали у него объясненія. Дюрингъ убѣжденъ, что и понимать въ сущности нечего. Гете просто чувствовалъ природное влеченіе къ мистицизму и даже магизму. Это естественно у человѣка, не жившаго живыми общественными интересами и въ эпоху національной борьбы своего отечества противъ Наполеона искавшаго убѣжища или въ китайской литературѣ, или даже совсѣмъ за предѣлами Германіи. Въ результатѣ для Гете было безразлично устроить чисто католическій апоѳеозъ въ поэмѣ, начавшейся, будто бы, искренними и глубокими муками критической мысли.

На такой же высотѣ, если еще не ниже, стоитъ и гётевская лирика. Дюрингъ искусно выдѣляетъ донжуанскую черту изъ «сладкихъ» рѣчей поэта, обнаруживаетъ чувственный эгоизмъ любителя удовольствій до преклоннаго возраста и рисуетъ прирожденнаго эпикурейца даже тамъ, гдѣ предъ Гёте были строгіе историческіе факты и гражданскія темы, напримѣръ, въ драмѣ Эгмонта. И самъ по себѣ историческій Эгмонтъ не герой, Гёте же его превратилъ просто въ искателя романтическихъ приключеній. Такой приговоръ, можетъ быть, и грѣшитъ *формой*, но по существу Дюрингъ правъ.

Съ той же любовно-чувствительной точки зрѣнія Гёте написалъ свой знаменитый разборъ шекспировскаго *Гамлета*, превративъ его въ меланхолическаго прекраснодушнаго мечтателя. «Любовь его къ Офеліи», писалъ авторъ *Вильгельма Мейстера*, «не была сильною страстью, а скорѣе тихимъ проявленіемъ пробуждавшихся въ немъ сладостныхъ потребностей». Дюрингъ замѣчаетъ: «Однако это ужъ слишкомъ сладко. Изъ головы и сердца Шекспира

не могъ выйти такой сладкій Гамлетъ. Британскій поэтъ впередъ сдѣлалъ его носителемъ всякаго протеста и негодованія, къ какому самъ былъ способенъ». Эта психологія органически была недоступна Гёте, и, прибавимъ мы, его толкованіе Гамлета—идиллическое и усладительное, оказало роковое вліяніе на гамлетовскую критику, совершенно извратило истинный образъ датскаго принца, заставило критиковъ открыть въ немъ и безпримѣрно нѣжную душу, и неизлѣчимо слабую волю,—все, что совершенно чуждо натурѣ любимаго шекспировскаго героя.

Не понялъ Гёте и Байрона, о которомъ считалъ нужнымъ говорить покровительственныя рѣчи. Самая сущность байронической натуры. тотъ же протестъ, не могла войти въ душу неисправимо оптимистическаго созерцателя, и онъ, не вдаваясь въ особенно глубокій анализъ, рѣшился обвинять англійскаго поэта въ безнравственности.

Дюрингу не трудно было показать, что именно Гёте менѣе всего стоялъ на высотѣ подобныхъ обвиненій, что все несчастье Байрона заключалось въ его азартной, вызывающей дѣятельности, въ бравирующей откровенности, а Гёте все умѣлъ скрыть и прикрасить. Можно прибавить и еще одно соображеніе. Въ Байронѣ жила дѣйствительная страсть, горячее увлеченіе и жажда любви, Гёте обладалъ неоцѣненнымъ «домашнимъ средствомъ» излѣчиваться отъ всякаго увлеченія стихами, сочиненіемъ сонета или романа. Для Гёте это было вполнѣ естественно, но для другихъ, болѣе глубокихъ и сильныхъ натуръ подобное средство болѣе чѣмъ комично. Вообще, Дюрингъ оказываетъ большую услугу и исторіи литературы, и даже европейской общественной мысли, стараясь вложить величіе Гёте въ законныя рамки и тщательно провѣрить его славу.

Не менѣе удачна характеристика другой, гораздо болѣе сложной натуры, чѣмъ Гёте, сильно повліявшей на личность и талантъ германскаго поэта. Авторъ понимаетъ безъисходныя противорѣчія, угнетавшія умъ Руссо, то идеалиста естественнаго состоянія, то защитника цивилизаціи и «гражданскаго состоянія». Все это могло вмѣщаться въ душѣ писателя, лично исполненнаго праведнымъ гнѣвомъ на современныя уродства, и въ то же время лично захваченнаго этими уродствами. Трудно было твердой рукой рисовать свѣтлые идеалы человѣку, въ своей природѣ носившему не одинъ источникъ современныхъ несовершенствъ. «Руссо возсталъ противъ испорченности», говоритъ Дюрингъ, «съ ея гнетущей тяжестью на собственныхъ плечахъ». Отсюда сдѣлки и противорѣчія въ стремленіяхъ и идеяхъ женевскаго философа.

Еще болѣе благодарную пищу психологическому анализу Дюрингу представилъ прямой ученикъ Руссо—Шиллеръ, въ молодости, можно сказать, его компиляторъ.

На первый взглядъ странно, какъ авторъ *Разбойниковъ*, творецъ маркиза Позы, могъ превратиться въ безпредметнаго сладкопѣвца и античнаго эстетика въ духѣ Гёте. Овеймарщиванье съ Шиллеромъ совершилось чрезвычайно быстро, безъ борьбы и протеста, и Карлъ Мооръ принялся утѣшать себя въ житейскихъ противорѣчіяхъ самой успокоительной философіей.

То лишь вѣчно, что не разцвѣтало,
И чему подъ солнцемъ не цвѣсти.

И вмѣсто монологовъ радикальнаго маркиза, теперь къ публикѣ обращалась такая проповѣдь:

Отрекись отъ всѣхъ земныхъ суетъ—
Узкихъ, душныхъ—и взлети мечтами
Въ лучезарный идеала свѣтъ...

Повидимому, цѣлая пропасть между монологами и проповѣдью. На самомъ дѣлѣ никакой,—вполнѣ естественный переходъ. Дюрингъ указываетъ эту нить послѣдовательности, идущую именно отъ невыносимо-запальчивой юношеской драмы.

«Начало, обозначенное въ *Разбойникахъ*, было значительно и сильно, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно нашло въ себѣ и свое собственное ограниченіе въ томъ смыслѣ, что оно такъ и осталось только началомъ и уже непосредственно на себѣ самомъ испытало свою неспособность послѣдовательно привести къ чему-нибудь и дѣйствительно достигнуть извѣстной высоты. Мысль только пробовала себя. Она играла тѣмъ, что было сколько-нибудь смѣло, чтобы потомъ признаться себѣ, что этого нельзя. Нравственное банкротство Карла Моора состоитъ въ поворотѣ и подчиненіи собственнаго духа требованіямъ порядка. Послѣдній даже признается имъ провиденціальнымъ порядкомъ, и Карлъ отдаетъ себя въ руки правосудія. Онъ не прибѣгаетъ къ самоубійству, такъ какъ видитъ въ немъ грѣхъ».

Впослѣдствіи Шиллеръ, ставшій жертвой гоненій за свою пьесу, могъ вполнѣ оправдать себя ссылкой на столь благонамѣренное заключеніе неблагонамѣреннаго замысла.

Не было настоящаго гражданскаго идеала и въ заговорѣ *Фіеско*—пьесы аристократической и трактующей вопросъ о возстановленіи прежняго порядка, устраненнаго узурпаціей, т. е. того же республиканско-аристократическаго режима, а не чего-либо новаго, вытекающаго изъ протеста противъ всякихъ привилегій и несправедливыхъ ограниченій.

Замѣчаніе Дюринга, что Шиллеръ гораздо больше тѣшилъ себя контрастами, чѣмъ серьезно протестовалъ, можетъ найти подтвержденіе почти во всѣхъ драматическихъ произведеніяхъ поэта. У него дѣйствительно вездѣ на сценѣ полюсы—Филиппъ II и маркизъ Поза, Елизавета и Марія Стюартъ, Карлъ и Францъ, Фердинандъ и Вурмъ. Отсюда столь любимый актерами элементарный, но сильный сценической эффектъ чисто театральныхъ положеній.

Въ англійской литературѣ всѣ сочувствія Дюринга принадлежатъ Байрону, и сурова характеристика Шелли. Дюрингу неповадно неуловимое, совершенно оторванное отъ земли фантазерство, онъ не видитъ никакого смысла въ вознѣ съ идеалами, какихъ осуществить невозможно, а у Шелли ихъ даже подчасъ не легко и понять. Кромѣ того, эта эфирность лиризма далеко не всегда соотвѣтствуетъ выспренней красотѣ сущности. Исключительно идеальная любовь у Шелли просто покрывало для чувственности,—фактъ, не противорѣчащій и личной біографіи поэта, и излюбленнымъ мотивамъ его поэзіи.

Дюрингъ—убѣжденный реалистъ и прямолинейный защитникъ великой силы человѣческаго разума. Онъ не вѣритъ въ отрѣшенное искусство, и здѣсь одна изъ причинъ его жестокаго приговора концу нашего вѣка, поднявшаго, какъ извѣстно, идеалы искусства до полнаго разрыва ихъ съ дѣйствительностью. Дюрингъ въ отвѣтъ даетъ прекрасную теорію взаимнаго отношенія искусства и жизни:

«Единственное исключеніе, когда искусство можетъ подниматься выше дѣйствительности, не становясь однако неправдой, это—когда оно вполнѣ сознательно создаетъ идеальные образы. Здѣсь руководящимъ началомъ для истины служитъ гармонія не съ внѣшними фактами, а съ внутреннимъ творческимъ стремленіемъ и съ законами добра и красоты. Здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы создать образъ, хотя и не существующій, но который могъ бы однако явиться».

Это пристрастіе къ реальному и понятному у Дюринга, какъ и всѣ его идеи, принимаетъ крайне рѣзкій характеръ. Авторъ не допускаетъ ничего неяснаго до прозрачности, и неуловимаго до осязательности. Разумъ, несомнѣнно, великая сила, но Дюрингу желательно «неограниченное употребленіе разума», и еще желательнѣе устранить изъ обихода человѣческой культуры «пессимизмъ разума», т. е. отреченіе—всюду и вездѣ видѣть безпредѣльное господство человѣческой мысли. На этомъ основаніи Дюрингъ съ крайнимъ презрѣніемъ отзывается о мистическихъ теченіяхъ, открывшихъ и сопровождающихъ XIX-й вѣкъ. Никто не

станетъ, конечно, защищать серьезнаго просвѣтительнаго значенія людей, нарочито зарывавшихъ себя въ мірѣ тайнъ и чудесъ, но самая распространенность этого вкуса къ таинственному, охватившаго все европейское общество послѣ революціи, заслуживаетъ полнаго вниманія историка. А сомнѣнія въ неограниченномъ могуществѣ человѣческаго разума, удѣлъ отнюдь не однихъ мечтателей. Всѣмъ извѣстная отповѣдь Гамлета самоувѣренной и неограниченно-притязательной учености Гораціо была повторена такими положительными умами нашего времени, какъ Милль и Литтре—первостепенныя силы позитивистской школы и точной науки.

Крѣпкой фразой и сильнымъ чувствомъ нельзя отдѣлываться отъ непріятныхъ явленій дѣйствительности, да еще исторической и міровой—нѣтъ. Даже съ мистическими тендеціями приходится считаться и отыскивать въ нихъ извѣстную закономѣрную культурную реакцію героической философіи XVIII-го вѣка, мнившій все привести къ математической формулѣ и экономическому анализу. Послѣдствія не оправдали этихъ замысловъ, и великая задача человѣческаго ума именно и заключается въ точномъ опредѣленіи границъ своего вѣдѣнія и своего воздѣйствія на природу и человѣческое общество.

Можно бы указать и нѣсколько другихъ неосновательныхъ увлеченій автора, особенно можно бы во многомъ смягчить его приговоры о писателяхъ, которыхъ онъ не считаетъ создателями основъ для будущаго прогрессивнаго развитія литературы. Дюрингъ здѣсь подчасъ напоминаетъ нѣкоего командира, по личному капризу награждающаго той или другой степенью ордена подчиненныхъ ему воиновъ. Но даже и въ пристрастіяхъ Дюринга заключается зерно истины, хотя бы, напримѣръ, въ его характеристикѣ Гейне.

Для русскаго читателя во всякомъ случаѣ знакомство съ книгой можетъ оказать большую пользу, не столько новизной идей, сколько тѣмъ, что вызоветъ у читателя самостоятельную работу мысли. Къ сожалѣнію, только переводъ книги крайне плохъ, а въ первой части—ниже всякой критики. Безсмыслицы въ родѣ слѣдующей встрѣчаются на каждой страницѣ: «Такимъ образомъ, если многое въ исторіи, начиная съ 800 и приблизительно до 1600 года, дѣлается удобоваримымъ, что иначе было бы скучнѣйшей матеріей для серьезнаго ума и характера, то объясненіе этому лежитъ въ духовномъ тріумфѣ, отчасти благодаря подъему до комическаго пониманія» (стр. 106). Становится жаль именъ переводчика и издательницы, выставляемыхъ на неисчерпаемой сокровищницѣ подобной галиматьи. Неужели требуется обладать непремѣнно исключительной интеллигентностью, чтобы безграмотный наборъ дикихъ словъ принять за удобочитаемую книгу и издать ее, повидимому, съ любовью къ дѣлу, безъ завѣдомыхъ корыстныхъ разсчетовъ? Своего рода трагедія Донъ-Кихота!

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

Л. Грегуаръ. «Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ».

Л. Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Переводъ М. Лучицкой подъ редакціей И. Лучицкаго. Томъ четвертый. Изданіе Солдатенкова. Москва 1897. Намъ приходилось говорить о сочиненіи Грегуара *), и указывать на исключительное пристрастіе автора къ политической исторіи и равнодушіе къ культурнымъ и соціальнымъ явленіямъ. Въ результатѣ его обширная работа превращается въ прекрасный справочный источникъ на счетъ фактовъ внѣшней политики Франціи XIX вѣка и законодательныхъ и административныхъ мѣръ ея многочисленныхъ правительствъ, но Грегуаръ оказывается неудовлетворительнымъ руководителемъ всякій разъ, когда интересъ читателя направляется

*) См. 1896 г., іюнь, «Библ. отдѣлъ».

на общественную атмосферу, т. е. тѣ нравственныя и умственныя основы, которыя вызвали ту или другую мѣру правительства. Мы и отмѣтили, по поводу первыхъ томовъ *Исторіи*, крайне поверхностное отношеніе историка, напримѣръ, къ періодической печати, вообще къ внѣпарламентской политикѣ, игравшей такую роль во французскихъ переворотахъ нынѣшняго столѣтія.

Нѣтъ никакого смысла ограничиваться разсказомъ о дѣятельности палатъ даже въ самую реакціонную эпоху—въ періодъ реставраціи. Историкъ не долженъ забывать, что парламентскую политику дѣлала всего какая-нибудь сотня тысячъ французовъ, облагодѣтельствованная, путемъ весьма высокаго ценза, политическими правами, а вся остальная многомилліонная Франція была предоставлена самой себѣ и могла по собственному разумѣнію считаться съ своимъ безправно-политическимъ положеніемъ.

И она считалась съ большимъ усердіемъ и съ такой энергіей, что подготовила почву для цѣлаго ряда революцій, далеко не входившихъ въ планы самыхъ либеральныхъ политиковъ парламента. По крайней мѣрѣ, либеральные ораторы, историки и публицисты одинаково были поражены появленіемъ на общественную сцену новой силы, ими не подозрѣваемой. Это—фактъ капитальной важности, и современный историкъ не долженъ его забывать.

Если даже у такихъ историковъ, какъ Огюстэнъ Тьерри, перо выпадало изъ рукъ отъ изумленія и ужаса предъ новымъ дѣятелемъ политической жизни, *послѣ факта* непростительно подобное настроеніе хотя бы даже у писателя второстепеннаго таланта. Грегуаръ вообще мало знакомъ съ неоффиціальной Франціей XIX вѣка. Онъ все время пребываетъ или у парламентской трибуны, или въ кабинетѣ министровъ, а что творится за стѣнами парламента и дворца—для историка вопросъ темный и даже нелюбопытный.

И намъ невольно припоминается одна изъ либеральнѣйшихъ статей либеральнѣйшей газеты эпохи реставраціи. *National*, стоявшій во главѣ оппозиціи министерства Полиньяка, жестоко укорялъ реакціоннаго министра за его наклонность искать поддержки своимъ мѣрамъ внѣ избирателей и депутатовъ, въ народной массѣ.

Эта народная масса совсѣмъ другая нація. Она не читаетъ газетъ, не участвуетъ въ парламентскихъ дебатахъ, не располагаетъ капиталами, не управляетъ промышленностью и не владѣетъ землей. Это—низшіе слои населенія, гдѣ не существуетъ никакого общественнаго мнѣнія, гдѣ можно встрѣтить развѣ только смутный, отдаленный намекъ на политическую идею, гдѣ кишатъ милліарды существъ—добрыхъ, честныхъ, простодушныхъ и одинаково подверженныхъ обману и отчаянію. Дальше газета, совершенно въ духѣ античныхъ аристократическихъ политиковъ, готова отрицать у ремесленниковъ, вообще у трудового класса самую способность понимать политическіе вопросы, даже изрѣдка подумать о томъ, какъ страна управляется *).

И вдругъ эти простаки и косныя существа обнаружили и свой образъ мыслей, и весьма серьезную энергію. Послѣ іюльскихъ дней патентованнымъ политикамъ приходилось сознаваться, что реакція не была бы устранена безъ помощи «неполитической націи». И дальше начался длинный періодъ взаимныхъ счетовъ этой націи съ тою, которая читаетъ газеты и располагаетъ капиталами. Счеты время отъ времени принимали очень напряженный, угрожающій характеръ и ихъ участіе во всѣхъ смѣнахъ правительствъ и политическихъ формъ безусловно первостепенное. Если историкъ минуетъ ихъ, его разсказъ выйдетъ безпочвеннымъ и неисторическимъ. Онъ представитъ именно тотъ жанръ исторіи, надъ которымъ такъ жестоко издѣвался еще Сенъ-Симонъ, т. е. сборникъ

---

*) «National», 22 juillet 1830.

драматическихъ эпизодовъ, болѣе или менѣе занимательныхъ для празднаго воображенія любителей сенсаціоннаго чтенія.

Грегуаръ не подходитъ вполнѣ подъ эту мѣрку. Онъ время отъ времени покидаетъ залу парламента и въ первомъ же томѣ, напримѣръ, считаетъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о внѣпарламентской агитаціи, о тайныхъ обществахъ. Но это опять-таки политика въ тѣсномъ смыслѣ слова, та же либеральная оппозиція, только не въ законныхъ формахъ. Соціальный вопросъ нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ карбонаризмъ и бунтъ четырехъ сержантовъ,— этого-то вопроса и нѣтъ въ исторіи Грегуара. И онъ съ полнымъ правомъ можетъ примѣнить къ себѣ исповѣдь тѣхъ же политиковъ реставраціи, спрашивавшихъ себя послѣ іюльскаго переворота:

«Существовалъ ли вопросъ о народѣ во всей нашей борьбѣ?.. Мы разсуждали между собой, мы—доктора, негоціанты, депутаты, литераторы... Ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ, что̀ происходило ниже насъ, среди класса, лишеннаго политическихъ правъ, который не былъ допущенъ къ нѣсколько опасной чести—вести конституціонную оппозицію?»

Отвѣтъ отрицательный, и онъ извинителенъ журналисту двадцатыхъ годовъ, но новѣйшій историкъ заслуживаетъ полнаго порицанія за ту же политическую слѣпоту и наивное политиканство.

Тѣмъ болѣе заслуживаетъ, что рѣшительно всякое крупное политическое событіе наталкивало историка на пренебреженный вопросъ. Въ четвертомъ томѣ разсказывается о послѣднемъ десятилѣтіи имперіи и о франко-прусской войнѣ. Естественно, у историка нѣтъ сочувственныхъ словъ Наполеону III и его режиму, но это область краснорѣчія, а не исторіи. Наивно возмущаться личнымъ ничтожествомъ авантюриста, съумѣвшаго все-таки сосредоточить въ своихъ рукахъ власть надъ культурной страной послѣ цѣлаго ряда революцій и республикъ. Чѣмъ мельче герой, тѣмъ поучительнѣе исторія его героизма, и именно Наполеонъ III долженъ былъ побудить Грегуара съ особенной тщательностью изучить общественную атмосферу Франціи въ эпоху второй имперіи, тѣмъ болѣе, что недостатка въ матеріалѣ и источникахъ у автора не могло быть. Современники второго Бонапарта оставили множество всевозможныхъ свидѣтельствъ и они до послѣднихъ дней продолжаютъ занимать французскую печать.

Даже для читателя, не посвященнаго въ сложныя тайны исторіи, режимъ Наполеона III рисуется въ весьма опредѣленныхъ чертахъ. Циническая безпринципность политическихъ дѣятелей; разнузданная спекуляція и авантюризмъ въ высшихъ слояхъ общества, царство биржи и всевозможныхъ темныхъ продѣлокъ правителей и управляемыхъ,—такова нравственная и соціальная физіономія императорскаго періода.

Какъ же могла возникнуть такая полоса послѣ столькихъ, повидимому, достаточно внушительныхъ опытовъ? Какъ могла Франція терпѣть подобный режимъ вплоть до внѣшней катастрофы,—еще настоятельнѣе вопросъ, какъ она могла создать его? И именно послѣдній вопросъ не утратилъ своего значенія до нашихъ дней. Такъ еще недавно Парижъ былъ свидѣтелемъ буланжистскихъ зрѣлищъ и такъ мало оставалось до «увѣнчанія дѣла» новоявленному человѣку на лошади! Наполеонъ *лично* стоялъ даже ниже Буланже: отзывы современниковъ объ его *посредственности*—единодушны. И все-таки онъ выдался провиденціальнымъ героемъ и обошелъ всѣхъ мудрецовъ и талантовъ.

Грегуаръ почти совсѣмъ не знакомитъ читателя съ основными причинами, создавшими исторію, и, слѣдовательно, также съ причинами, поддерживавшими ее и, наконецъ, устранившими. Административный и политическій деспотизмъ ничего не доказываетъ: очевидно, онъ могъ опираться на нѣкую силу, если свободно развивался въ теченіи десятилѣтій.

Одна изъ этихъ силъ—удручающая политическая бездарность даже высшей

французской интеллигенціи, какую засталъ Наполеонъ въ самомъ началѣ своей карьеры. Предметъ этотъ превосходно изображенъ Токвилемъ въ его *Воспоминаніяхъ* и именно страницы, относящіяся къ первымъ шагамъ Луи-Наполеона, особенно драгоцѣнны. Онѣ даютъ гораздо больше, чѣмъ всѣ разсказы Грегуара о постепенныхъ смѣнахъ министерствъ и преобразованіяхъ партій.

Токвиль отнюдь не исключительный политическій талантъ. Для него, какъ для большинства типичныхъ политиковъ Франціи не только первой половины, а и всего XIX-го вѣка, нація французская собственно не существуетъ, ея соціальные интересы—внѣ его горизонта. Но онъ проницательный наблюдатель на своей хотя и очень ограниченной сценѣ и до такой степени мѣтко и ярко живописуетъ современныхъ героевъ трибуны и конституціи, что въ результатѣ у васъ невольно слабѣетъ чувство презрѣнія къ «клятвопреступнику» и «похитителю свободы». Всякій вѣдь находится подъ властью правительства, какого онъ заслуживаетъ, а чего же, кромѣ бонапартизма, достойны были такого рода законодатели?

Дѣло шло о составленіи новой конституціи немедленно послѣ февральской революціи. Среди законодателей было, конечно, не мало и старыхъ, уже знакомыхъ съ дѣлами. Относительно ихъ Токвиль выражается очень картинно:

«Эти государственные люди, которые почти всѣ сформировались среди правильной и уравновѣшенной жизни конституціонной свободы и которыхъ только что совершившійся переворотъ захватилъ взрослыхъ, оказались въ положеніи пловцовъ, привыкшихъ плавать только по рѣкамъ и вдругъ выброшенныхъ въ открытое море. Свѣдѣнія, какія они пріобрѣли въ своихъ маленькихъ путешествіяхъ, гораздо больше вредили имъ, чѣмъ помогали, и они часто оказывались менѣе искусными и находчивыми, чѣмъ сами пассажиры».

Законодательная палата представляла часто комическое зрѣлище. Благодаря подавляющей централизаціи, при отсутствіи мѣстной политической жизни, всякій французъ, не бывшій ни разу депутатомъ или сенаторомъ, чувствовалъ себя въ парламентѣ, какъ въ совершенно невѣдомой странѣ. Новые представители не въ силахъ были различать дѣло отъ бездѣлья; серьезнѣе всего, напримѣръ, слушали протоколы и пропускали мимо ушей важнѣйшія рѣчи. Самыя ничтожныя мелочи въ парламентской процедурѣ сбивали ихъ съ толку. У однихъ въ памяти были эпизоды изъ революціи 89 года, и они принялись съ чисто школьническимъ усердіемъ копировать манеры, костюмъ, языкъ старыхъ революціонеровъ, принимали названія старыхъ партій, старались устраивать бурныя сцены на манеръ конвента. Даже интеллигентнѣйшіе члены собранія вызывали у Токвиля смѣхъ. Особенно комичными оказывались духовные и адвокаты.

Первые о всякихъ пустякахъ говорили тономъ проповѣдниковъ и двухъ словъ не могли сказать безъ театральнаго паѳоса. Адвокаты безпрестанно уснащали свои рѣчи всевозможными прикрасами и эффектами, обычными въ ихъ профессіи, и не могли правдиво и точно передать простыхъ фактовъ.

Они, по словамъ Токвиля, наносили существенный вредъ парламентскимъ дебатамъ и запутывали людей менѣе опытныхъ, неспособныхъ отличить фальшивыхъ красокъ отъ сущности дѣла.

Съ нравственной незрѣлостью народныхъ представителей соединялось умственное невѣжество и часто пошлость. У Токвиля подробно разсказывается, какъ возникла конституція, долженствовавшая воспріять бонапартизмъ, хотя была направлена къ совершенно другимъ цѣлямъ—установить республиканскую свободу. Токвиль былъ однимъ изъ членовъ коммиссіи и едва ли не единственный, отдававшій болѣе или менѣе ясный отчетъ въ будущемъ. Идеи его, какъ и слѣдовало ожидать, касались только политическихъ вопросовъ, но были самыми здравыми, какія слышала коммиссія. Токвиль настаивалъ на избраніи президента не путемъ плебисцита, а по крайней мѣрѣ путемъ двойныхъ выборовъ, если

не въ самомъ собраніи представителей. Онъ стоялъ также за систему двухъ палатъ.

Оба предложенія, несомнѣнно, являлись существеннымъ препятствіемъ кандидатурѣ Луи-Наполеона и его дальнѣйшей карьерѣ, но коммиссія отвергла ихъ. И иного отношенія нельзя было ожидать отъ ея состава.

У большинства были на столько смутныя представленія, что одни предлагали предоставить будущему президенту республики право распускать парламентъ, и предлагавшіе заявляли себя при этомъ горячими сторонниками республики, другіе хлопотали объ учрежденіи при государственномъ совѣтѣ особой «секціи прогресса» для выработки «новыхъ идей».

Токвиль, между прочимъ, сообщаетъ такой любопытный фактъ. Коммиссія, сочинявшая конституцію, не имѣла никакого представленія, напримѣръ, о конституціи Американскихъ Штатовъ. Были въ коммиссіи и любители анекдотовъ и сомнительнаго качества остротъ, и Токвиль даже въ интересахъ чести собранія хотѣлъ, чтобы протоколы ея засѣданій не были преданы гласности.

Такимъ путемъ менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ былъ составленъ текстъ конституціи, заключающій 139 статей. Замѣчательнѣе всего, что во время этого процесса произошло событіе, способное, повидимому, излѣчить самое закоренѣлое легкомысліе. Спустя ровно четыре мѣсяца послѣ февральской революціи произошло возстаніе парижскихъ рабочихъ,—возстаніе безъ вождей и вдохновителей. Это былъ еще первый примѣръ массоваго движенія, лишеннаго главы. Очевидно, стремленія рабочаго класса успѣли выясниться до послѣдней степени. Не требовалось болѣе программъ и рѣчей. Толпы людей, молча, спокойно утромъ 25-го іюня принялись строить баррикады и повели правильный бой съ защитниками учредительнаго собранія безъ криковъ и воплей. Токвиль былъ пораженъ этой невидимой, будто инстинктивной организаціей низшихъ классовъ въ то время, когда законодатели окончательно растерялись и чуствовали себя совершенно безпомощными. Фактъ отнюдь не новый: въ такомъ же положеніи очутились и оппозиціонные политики ровно восемнадцать лѣтъ назадъ. Они составили очень энергическій адресъ Карлу X, но рѣшительно не знали, какъ свою словесную энергію осуществить на дѣлѣ. Изъ мучительнаго томленія ихъ вывела все та же соціальная атмосфера, и тогда не менѣе, чѣмъ теперь, насыщенная *своей* политикой.

Теперь учредительное собраніе, создававшее республику, несомнѣнно, было бы разсѣяно, и трудно предсказать, чѣмъ окончилась бы эта оригинальная, но исконно-французская борьба чисто-политическаго либерализма съ соціальными запросами народа, если бы провинція—на этотъ разъ впервые послѣ великой революціи—не вмѣшалась въ парижскія событія. Очевидецъ считаетъ даже это вмѣшательство вообще безпримѣрнымъ въ исторіи Франціи. И онъ правъ, если принять во вниманіе, что провинція на этотъ разъ спѣшила въ Парижъ *спасать* существующій порядокъ.

Соціалистическія теоріи, распространявшіяся среди рабочаго класса столицы и крупныхъ промышленныхъ центровъ, перепугали одинаково всѣхъ собственниковъ, и въ Парижъ устремились вмѣстѣ и крестьяне, и представители стараго дворянства. Это былъ первый открытый бой, данный трудомъ капиталу, и нельзя было не видѣть, съ какой энергіей люди труда стремились, въ свою очередь, дѣлать исторію. Еще въ февралѣ они нуждались въ руководителяхъ и, можетъ быть, вѣрили въ республику. Въ іюнѣ они за свой счетъ поднимаютъ борьбу противъ конституціоннаго результата февральскаго движенія, который политики считали существеннымъ и вполнѣ удовлетворительнымъ.

Съ какими же отвѣтами правящій классъ шелъ на встрѣчу столь грозному и неожиданно-упорному движенію?

На первое время буржуазія страшно перепугалась. На парижскихъ улицахъ

не видно было ни одного *visif—тунеядца*, какъ теперь называли всякаго собственника и капиталиста. Революція совершилась почти безъ крови, о грабежѣ народъ и не думалъ. Страхи буржуазіи на счетъ разгрома оказались напрасными. Это свидѣтельствуетъ тотъ же Токвиль, не носившій въ себѣ ни единаго демагогическаго нерва. Тогда буржуазія, будто въ благодарность, пошла на поклонъ къ «новому господину».

И посмотрите, сколько опять политическаго комизма, удручающей общественной незрѣлости, сколько жалкаго и презрѣннаго у этихъ вчерашнихъ героевъ трибуны и биржи! Крупные собственники, еще вчера пролѣзавшіе изо всѣхъ силъ въ знать, теперь тщательно отрывали въ своихъ родословныхъ простыхъ рабочихъ и съ благоговѣніемъ указывали на своего родича-пролетарія. Иные нарочно розыскивали въ своей роднѣ какого-нибудь mauvais sujet—неудачника или разорившагося мота—и осыпали его милостями. Въ одной газетѣ появилось письмо одного домовладѣльца такого содержанія:

«Г. редакторъ! Я пользуюсь вашей газетой, чтобы предупредить моихъ квартирантовъ о томъ, что, желая, согласно ихъ взглядамъ, которые должны вдохновить истинныхъ демократовъ, осуществить принципъ братства, я выдамъ росписки въ полученіи платы за ближайшій срокъ тѣмъ изъ квартирантовъ, которые этого потребуютъ».

Президентъ былъ выбранъ путемъ плебисцита. Съ незапамятныхъ временъ извѣстно, что плебисцитъ—вѣрнѣйшій путь получить отъ народа утвердительный отвѣтъ на какой угодно вопросъ, и махинація эта недаромъ стала излюбленнымъ средствомъ всѣхъ Бонапартовъ. Но для Луи Наполеона вопросъ нѣсколько сложнѣе, и историкъ нашъ, по обыкновенію, не видитъ этой сложности. А между тѣмъ она только и можетъ объяснить возникновеніе «позорнаго режима».

Провинція недаромъ двинулась въ Парижъ. Она почувствовала колебанія самыхъ основъ существующаго—не политическаго, а общественнаго строя. Вопросъ шелъ не о политической формѣ: къ нему Франція, кромѣ Парижа, искони была равнодушна и регулярно расклеивала по столбамъ тѣ афиши, какія ей присылались изъ столицы. Совершенно иное положеніе было создано іюньскими днями. Вопросъ шелъ не о хартіи съ такими или иными статьями, не о Бурбонахъ, Орлеанахъ или Бонапартахъ, а о существованіи самого общества на традиціонныхъ устояхъ. Естественно, провинція желала оберечь эти устои и вождѣлѣла о сильной власти.

Этимъ фактомъ объясняется отчасти смута, царившая въ умахъ составителей конституціи.

Эти составители не могли не привезти съ собой въ столицу отголосковъ провинціальнаго настроенія и въ то же время принуждены были дѣйствовать въ средѣ, пропитанной революціонными и республиканскими стремленіями. Этимъ въ сильной степени разрѣшается противорѣчіе клятвенныхъ завѣреній въ республиканскихъ чувствахъ и желаній снабдить президента самыми широкими полномочіями—завѣреній и желаній, исходившихъ изъ однихъ и тѣхъ же устъ.

Но все это не исчерпываетъ до конца почвы, создавшей второй бонапартизмъ. Мы только-что слышали чрезвычайно разсудительныя мнѣнія Токвиля. Ему же кстати пришлось быть министромъ иностранныхъ дѣлъ при второй республикѣ и, слѣдовательно, наблюдать за подъемомъ наполеоновской звѣзды. Понималъ ли этотъ благоразумнѣйшій и освѣдомленнѣйшій очевидецъ смыслъ совершавшихся событій? И употребилъ ли онъ возможныя усилія, чтобы предотвратить разцвѣтъ цезаризма?

Мы должны отвѣтить отрицательно, и, можетъ быть, сильнѣйшій грѣхъ Грегуара и заключается въ полномъ невѣдѣніи на счетъ образа мыслей высшей интеллигенціи въ эпоху Луи Наполеона. А между тѣмъ, этотъ вопросъ—точная мѣрка исторической необходимости даннаго явленія.

Токвиль крайне невысокаго мнѣнія о Наполеонѣ. Бонапартъ будто и попалъ на такую высоту благодаря своей очевидной посредственности. Это весьма неясно, и становится прямо нелѣпо послѣ такого заявленія Токвиля: «Нація выбрала его затѣмъ, чтобы онъ дерзалъ на все, и она ждала отъ него смѣлости, а не благоразумія».

Слѣдовательно, націи Луи-Наполеонъ не казался ничтожнымъ? Да правда ли, что и самъ министръ былъ убѣжденъ въ этомъ фактѣ? По крайней мѣрѣ, въ эпоху самихъ событій.

Онъ тщательно останавливается на чертахъ, обличающихъ въ Наполеонѣ опытнаго интригана и заговорщика. Онъ разсказываетъ, какъ Наполеонъ энергично старался проводить всюду на видные дипломатическіе посты и въ администрацію «своихъ людей». Тотъ же Токвиль тщательно подчеркиваетъ важный фактъ, какимъ пользуется Грегуаръ,—вѣру Бонапарта въ свое провинденціальное назначеніе, въ свою звѣзду... И послѣ всего этого тотъ же министръ держитъ къ президенту такую рѣчь:

«Я не буду служить вамъ, чтобы низвергнуть республику, но я охотно буду работать, чтобы обезпечить вамъ въ ней великое значеніе (une grande place), и я увѣренъ, что всѣ мои друзья сдѣлаютъ то же самое. Конституція можетъ быть пересмотрѣна. Статья 45, запрещающая переизбраніе, можетъ быть измѣнена. На пути къ этой цѣли мы охотно будемъ помогать вамъ».

Мало этого. Когда Токвиль увидѣлъ, что мало шансовъ устроить формальный пересмотръ конституціи, онъ сталъ внушать Наполеону такого рода надежду: если онъ будетъ управлять Франціей спокойно, мудро, скромно, довольствуясь положеніемъ перваго магистрата націи и не стремясь стать ея повелителемъ и господиномъ, онъ можетъ быть вполнѣ избранъ президентомъ, не смотря на статью 45.

Такое значеніе имѣлъ основной государственный законъ въ глазахъ его первыхъ исполнителей! Чего же было стараться о конституціонномъ образѣ дѣйствій человѣку, считавшему себя орудіемъ Провидѣнія?

Tout le monde vouloit sortir de la constitution—всѣ желали выйти изъ предѣловъ конституціи. Она, такъ быстро и опрометчиво составленная, никому не внушала уваженія, и радикальная партія, носившая старое наименованіе «монтаньяровъ», усерднѣе всѣхъ расчищала путь для цезаризма. Онѣ, въ интересахъ чисто-политической оппозиціи, продолжала волновать далеко еще не устоявшіяся страсти парижскаго населенія и наводила панику на правительство и всѣ сословія. Ровно годъ спустя послѣ іюньскихъ событій 48 года, послѣдовало новое возстаніе. Его быстро погасили, но это еще сильнѣе разожгло пламя реакціи. Даже Токвиль счелъ нужнымъ снабжать администрацію особыми полномочіями, не смотря на обвиненія монтаньяровъ въ военномъ деспотизмѣ. Въ палатѣ съ каждымъ годомъ расло большинство, готовое на всѣ уступки по адресу президента, и нашъ здравомыслящій либералъ ничего не могъ возразить принципіально противъ этого теченія.

Онъ лично защищалъ законы, направленные противъ политическихъ клубовъ, противъ печати и даже законъ объ осадномъ положеніи, соглашаясь, что мѣры противъ печати были даже «энергичнѣе», чѣмъ во времена монархіи. Одинъ изъ его товарищей по министерству называлъ это «парламентской диктатурой», но диктатура оставалась диктатурой, какимъ бы эпитетомъ ея ни украшать.

Ясно, слѣдовательно, что имперія не столько создавалась, сколько ее создавали, и цезарскій вѣнокъ сплетали не одни завзятые бонапартисты, а можно сказать, вся Франція, только подъ вліяніемъ разныхъ побужденій. Среди націи послѣ февральскихъ и іюньскихъ дней царствовало то самое настроеніе, какое послѣ директоріи и революціонныхъ погромовъ заставляло крестьянъ почти-

тельно и добровольно снимать шапки предъ жандармами, какъ воплотителями прочнаго порядка вещей. Среди народныхъ представителей господствовала политическая идеологія, можетъ быть, еще въ сильнѣйшей степени, чѣмъ въ старыхъ революціонныхъ собраніяхъ. Теперь въ памяти всѣхъ были уже не античныя преданія, а свѣжій отечественный неисчерпаемый источникъ республиканскаго краснорѣчія и гражданскаго героизма. Наконецъ, самые осмотрительные и передовые политики, понимавшіе хорошо личный характеръ Бонапарта, усердно помогали его росту. Естественно, и «маленькій Наполеонъ» при такихъ обстоятельствахъ могъ быстро развиться до «большого».

Все это въ высшей степени поучительныя данныя, не только для точнаго представленія о логикѣ прошлаго, но и въ интересахъ текущаго дня. Даже изъ нашего краткаго обзора причинъ, создавшихъ вторую имперію, читатель могъ извлечь не мало ясныхъ политическихъ отголосковъ, во всей неприкосновенности долетѣвшихъ до конца XIX-го вѣка. А между тѣмъ, историки продолжаютъ идти путемъ либеральныхъ ораторовъ стараго закала, усерднѣйше излагаютъ многообразную путаницу парламентскихъ событій и инцидентовъ и не желаютъ знать самыхъ корней историческихъ явленій.

Грегуаръ, напримѣръ, передаетъ о поразительномъ успѣхѣ рошфоровской газеты въ столицѣ и въ провинціи, но читателю неясно, чѣмъ этотъ успѣхъ подготовленъ въ умахъ и чувствахъ читателей. Онъ все время видѣлъ *парадъ* имперіи, ея сценическія зрѣлища и его не посвящали въ закулисныя тайны этого блеска,—тайны, игравшія исключительную роль какъ разъ при второй имперіи. Историкъ неистощимъ въ доказательствахъ поразительно-циничной лживости Наполеона, безъ зазрѣнія совѣсти извращавшаго всѣмъ извѣстные факты въ публичныхъ рѣчахъ и манифестахъ, напримѣръ, относительно мексиканской авантюры, относительно внутренней политики. Бонапартъ, казалось, принималъ своихъ министровъ и всю націю за совершенно несмысленныхъ младенцевъ или безнадежно-тупыхъ илотовъ, заставляя ихъ обсуждать проекты явно злоумышленническаго содержанія.

Все это справедливо, но мы не знаемъ психологіи той среды, гдѣ были возможны подобныя упражненія. Можно сколько угодно возмущаться площадной игрой актера, его грубымъ фокусничествомъ и нарушеніемъ всякихъ правилъ искусства и даже приличія. Но это значитъ стрѣлять мимо цѣли. Сущность явленія—въ публикѣ, предъявляющей запросъ на подобное лицедѣйство или, по крайней мѣрѣ, допускающей его. Такъ и здѣсь. Намъ необходимо предварительно знать Францію, а потомъ ея правителей, духъ народа, и, какъ слѣдствіе его, революціонное движеніе или бонапартовскій фейерверкъ.

Нашъ историкъ, мы видимъ, избралъ благую часть. Ничего нѣтъ проще, какъ разложить даже весьма интересно перипетіи парламентскаго ритуала, какъ сенсимонисты презрительно обзывали безконечную игру партій въ министерскія комбинаціи. Сенсимонисты не вполнѣ правы: смѣна министерствъ также имѣетъ свой смыслъ, но они правы въ своихъ укоризнахъ политиканству парламента и прессы въ томъ, что она всю свою государственную мудрость и тактику полагаетъ въ партійной чисто-политической борьбѣ, и до тѣхъ поръ не выходитъ изъ тѣсныхъ предѣловъ парламентскихъ корридоровъ и залъ, пока, наконецъ, пренебреженные интересы массы не заговорятъ баррикадами и пушками.

Если современные французскіе историки будутъ держаться политики своихъ исконныхъ «великихъ людей», мало останется надежды на мирное, истинно-культурное и всестороннее развитіе національной силы и народнаго благоденствія.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

«Исторія труда въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности».

Исторія труда въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности. Статьи изъ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». Перев. съ нѣмецкаго подъ редакціей С. Н. Булгакова. Съ приложеніемъ статьи Ф. Кнаппа: Рабство и свобода въ сельскомъ трудѣ. Пер. В. Дена. Изд. М. И. Водовозовой. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к. Г-жа Водовозова продолжаетъ полезное дѣло, начатое покойнымъ Н. В. Водовозовымъ, и цѣлымъ рядомъ переводныхъ сочиненій даетъ хорошо подобранный матеріалъ для чтенія по общественно-экономическимъ наукамъ. Передъ нами теперь пятый выпускъ статей изъ извѣстной энциклопедіи обществознанія Конрада. Въ этой энциклопедіи приняли участіе лучшіе «соціалъ-политики» Германіи. Въ то время, какъ теорія политической экономіи можетъ указать теперь очень мало новыхъ пріобрѣтеній, а обработка ея съ буржуазной точки зрѣнія не только не подвинулась впередъ, а скорѣе сдѣлала шагъ назадъ, *фактическій* матеріалъ, статистическій, историческій, юридическій,—выросъ въ огромныхъ размѣрахъ. Врядъ ли какая эпоха владѣла большимъ количествомъ матеріаловъ для опредѣленія характера современной общественной жизни. Въ общественныя науки проникъ методъ естествознанія, анализъ, дифференцированье, вивисекція. Спеціальныя изслѣдованія отдѣльныхъ фактовъ растутъ, литература монографій все больше вытѣсняетъ общія изслѣдованія. Понятно, поэтому, стремленіе собрать воедино, свести всѣ эти матеріалы хотя бы чисто внѣшнимъ, энциклопедическимъ путемъ И въ этомъ смыслѣ энциклопедія Конрада является однимъ изъ лучшихъ пособій для всякаго изслѣдователя общественной жизни. Составленная лучшими спеціалистами (попадаются, впрочемъ, и ученые, мало чести приносящіе изданію, въ родѣ Георга Адлера), она представляетъ надежнаго руководителя въ хаосѣ соціально-политическихъ монографій.

Предложить ее цѣликомъ русскимъ читателямъ—задача непосильная при современныхъ условіяхъ книжнаго рынка, да и врядъ ли особенно необходимая для «большой публики». Поэтому нельзя не признать мысль покойнаго Н. Водовозова и теперешнихъ продолжателей его дѣла вполнѣ правильной: сдѣлать выборку лучшихъ, наиболѣе для русскаго читающаго люда интересныхъ и систематически подобранныхъ статей. Правда, такіе сборники статей въ значительной мѣрѣ потеряютъ характеръ справочнаго пособія. Но это и не важно, такъ какъ нуждающіеся въ справкахъ—меньшинство сравнительно съ тѣми, кто нуждается въ самообразованіи. Для рефератовъ не въ кружкахъ самообразованія и теперь можно найти справки по спеціальнымъ вопросамъ, которымъ посвящены сборники. Тѣмъ важнѣе удовлетворить насущной потребности въ самообразованіи. Въ рецензіи «Міра Божьяго» на предшествующіе выпуски (1897 г., № 4), уже указывалось, что эта цѣль не вполнѣ удачно осуществляется вслѣдствіе разноцѣнности и разнохарактерности подобранныхъ статей. То же самое можно сказать и о новомъ сборникѣ «Исторія труда». Мы говоримъ не только о неизбѣжныхъ недостаткахъ, разъ издателямъ приходится пользоваться энциклопедіей, гдѣ каждая статья обработана самостоятельно. Съ этимъ приходится мириться. Но важно, чтобы и самый подборъ статей былъ сдѣланъ тщательно, по опредѣленной программѣ. Передъ каждымъ, кто заинтересуется исторіей труда, является сразу извѣстный рядъ вопросовъ, которымъ долженъ отвѣчать такой сборникъ: положеніе труда въ классическую эпоху (рабство и свободные ремесленники), въ средніе вѣка (домашнее производство, ремесло, цехи), въ эпоху перехода къ новому времени (ремесло, цехи, мануфактура, домашняя про-

мышленность), наконецъ, современное положеніе труда (ремесло, домашняя промышленность, мануфактура, фабрика). Трудъ въ земледѣльческой области при этомъ долженъ былъ бы составить совершенно особый отдѣлъ. Можетъ быть, изданіе такого сборника было бы трудно только по матеріаламъ энциклопедіи Конрада. Но кто заставляетъ придерживаться слѣпо ея одной? Сдѣлалъ же отступленіе редакторъ даннаго сборника, приложивъ статью (вѣрнѣе, четыре публичныя лекціи) Кнаппа о сельскомъ трудѣ. Какъ разъ это отступленіе мы не можемъ одобрить, потому что «сельскій трудъ» на этотъ разъ торчитъ оазисомъ среди вопросовъ совершенно другого характера и самъ состоитъ не изъ связнаго изложенія, а изъ отдѣльныхъ, плохо связанныхъ отрывковъ.

Нѣмецкая литература для систематическаго сборника по исторіи труда, этого животрепещущаго вопроса современности, доставила бы прекрасный матеріалъ, обработанный съ симпатичной и послѣдовательной точки зрѣнія, въ изобиліи. Но, конечно, можно воспользоваться литературами и другихъ странъ. Можно держаться и не буквальнаго перевода, а реферировать наиболѣе существенное (такіе переводчики, какъ А. Б. и М. Б. Струве, С. Л. Франкъ, такъ хорошо справившіеся съ переводами, вѣроятно, справились бы и съ рефератами). Такимъ путемъ придется, можетъ быть, сильно отступить отъ первоначальнаго плана изданія, но зато русская публика получила бы въ высшей степени цѣнное пособіе для самообразованія. Такое отступленіе особенно извинительно было бы въ исторіи труда, потому что въ этой исторіи большинство сотрудниковъ Конрада—націоналъ-либеральные профессора, у которыхъ, увы! двѣ души въ одномъ тѣлѣ, которые цѣликомъ состоятъ изъ «съ одной стороны», и «съ другой стороны»,—являющіеся довольно сомнительными руководителями, чѣмъ ближе мы подходимъ къ современности.

Возвращаясь къ нашему сборнику, мы должны отмѣтить, что онъ особенно сильно поражаетъ отсутствіемъ системы, которая сдѣлала бы изъ него хрестоматію для самообразованія. Мы сразу наталкиваемся на цехи, точно до цеховъ исторіи труда не было. Затѣмъ переходимъ къ одной изъ лучшихъ статей сборника, «Историческое развитіе и классификація формъ промышленности» К. Бюхера, мѣсто котораго было бы впереди, потому что она единственная, дающая общій, связный историческій очеркъ формъ труда. Далѣе идетъ прекрасная статья Шенланка, касающаяся «союзовъ подмастерьевъ» и переносящая насъ опять къ цехамъ. Статья К. Грюнберга о различныхъ формахъ рабства, больше юридическаго характера, возвращаетъ насъ вспять къ античному рабству и неожиданно смѣняется лекціями Кнаппа, посвященными крѣпостному праву въ Германіи, главнымъ образомъ, прошлаго вѣка. Но дальше мы уже просто поражены порядкомъ, избраннымъ г. редакторомъ. Статьѣ Зомбарта о «домашней промышленнести въ Германіи» онъ предпосылаетъ двѣ статьи Вальтерсгаузена о трудѣ китайцевъ и негровъ!.. Не споримъ, вопросъ это интересный и переплетающійся съ рабочимъ вопросомъ въ Соединенныхъ Штатахъ и колоніяхъ, но представленный безъ связи съ современными формами рабочаго движенія, pêle-mêle съ сельскимъ трудомъ и домашней промышленностью, онъ производитъ очень странное впечатлѣніе!

Мы далеки отъ излишней придирчивости. Еслибъ мы имѣли дѣло только съ справочнымъ, энциклопедическимъ изданіемъ, вопросъ о расположеніи статей былъ бы не важенъ. Но человѣка, ищущаго самообразованія, особенно нужно уберечь отъ сумятицы въ головѣ и дать ему, по возможности, связное цѣлое. Въ крайнемъ случаѣ, это можно было бы сдѣлать, снабдивъ сборникъ редакціоннымъ предисловіемъ. Тогда остался бы только второй, хотя и самый важный недостатокъ,—отсутствіе статей относительно цѣлыхъ эпохъ исторіи труда. Мы, впрочемъ, надѣемся что *современную* исторію труда издатели представятъ въ особомъ выпускѣ.

Переводъ всѣхъ статей вполнѣ хорошъ, и самое изданіе, какъ и другія той же издательницы, хорошее и дешевое. Мы надѣемся, что за этимъ сборникомъ, являющимся исторіей труда преимущественно въ Германіи, послѣдуютъ и другіе, которые познакомятъ читателей съ этимъ вопросомъ и въ другихъ странахъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Т. Паркеръ. «Лекціи по элементарной біологіи». — *Э. Ланкастеръ.* «Полчаса съ микроскопомъ».

Лекціи по элементарной біологіи. Т. Паркеръ. Пер. съ англійск. В. Н. Львова. Нельзя не привѣтствовать появленія этой прекрасной книги въ нашей популярно-научной литературѣ. Т. Паркеръ предпринялъ трудную задачу, дать по возможности полный обзоръ главнѣйшихъ типовъ животнаго и растительнаго царствъ, ихъ строеніе, питаніе, развитіе и размноженіе, указать на сходство и различіе этихъ царствъ, начиная съ тѣхъ простѣйшихъ формъ, гдѣ границы между растительной и животной жизнью исчезаютъ почти совершенно, до самыхъ сложныхъ представителей этихъ двухъ отдѣловъ органическаго міра. Авторъ удачно выбралъ изъ каждаго отдѣла животныхъ и растеній по одному или нѣсколько типовъ, сжато, но ясно описалъ ихъ морфологическое строеніе, развитіе, ростъ и питаніе, и какъ бы мимоходомъ сообщилъ массу легко усвояемыхъ свѣдѣній изъ растительной и животной физіологіи и біологической химіи. Особенную заслугу этой книги составляетъ то, что начинающій, если онъ располагаетъ микроскопомъ, можетъ самъ познакомиться съ описываемыми типами и, такимъ образомъ, непосредственно, самостоятельно, а, главное, легко и безъ всякой подготовки изучить главнѣйшія явленія органической жизни. Выбравъ такіе типы, которые встрѣчаются всюду, и указавъ, гдѣ и какъ ихъ можно найти, сообщая простые пріемы приготовленія для микроскопическаго наблюденія и изученія ихъ строенія, авторъ, несомнѣнно, имѣлъ въ виду именно эту цѣль. Такимъ образомъ, и не посвященный въ искусство микроскопической техники и изслѣдованія, можетъ убѣдиться, что великая книга природы доступна не однимъ только жрецамъ науки, что ее можетъ читать и «профанъ», разъ только у него есть любовь къ знанію.

Впрочемъ, лекціи Паркера прочтутся съ большою пользою и студентами, приступившими уже къ изученію зоологіи и ботаники. Живая передача главнѣйшихъ фактовъ этихъ наукъ, связанныхъ обобщающими и строго-научными взглядами, указаніе на аналогію растительныхъ и животныхъ процессовъ и строенія, уясненіе постепеннаго хода развитія, начиная съ самыхъ простѣйшихъ органическихъ формъ до самыхъ сложныхъ, помогутъ и студенту легче оріентироваться въ огромномъ матеріалѣ спеціальныхъ трактатовъ зоологіи и ботаники.

Расположеніе и выборъ матеріала въ разбираемой книгѣ сдѣланъ въ общемъ чрезвычайно удачно. Отдѣлъ высшихъ типовъ, какъ, напр., позвоночныхъ въ животномъ царствѣ и явнобрачныхъ—въ растительномъ, составленъ, правда, не совсѣмъ полно и, можетъ быть, нѣсколько схематиченъ, но, очевидно, авторъ старался избѣжать чрезмѣрнаго обилія фактическаго матеріала. Намъ, кажется, однако, что было бы не лишне дать, хотя бы и самое краткое, описаніе ланцетника (Amphictus)—этого промежуточнаго типа, составляющаго звено между міромъ позвоночныхъ и безпозвоночныхъ. Безъ этого родство двухъ главныхъ отдѣловъ животнаго царства не можетъ быть выяснено съ достаточною убѣдительностью.

*

Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ. Рисунки въ общемъ не дурны, жаль только, что начальныя буквы, которыми въ англійскомъ оригиналѣ обозначены на рисункахъ названія частей растенія или животнаго, не переданы соотвѣтствующими русскими. Нельзя также не пожалѣть, что переводчикъ не замѣнилъ нѣсколько оригинальную терминологію автора общепринятою. Приложенный въ концѣ книги конспектъ даетъ возможность скоро и легко возстановить въ памяти изученный въ книгѣ матеріалъ и составляетъ вмѣстѣ съ «алфавитнымъ указателемъ» цѣнное прибавленіе.

Полчаса съ микроскопомъ. Популярное руководство къ употребленію микроскопа, какъ средства для удовольствія и поученія. Составилъ Эдвинъ Ланкастеръ. Переводъ съ англійскаго (съ 19-го изданія). Изданіе К. И. Тихомирова. Москва 1897 года. Цѣна 75 коп. Современная индустрія съ каждымъ днемъ удешевляетъ производство микроскоповъ и они становятся доступными даже и для небогатыхъ людей. Къ сожалѣнію, публика все еще смотритъ на микроскопъ съ чувствомъ нѣкотораго благоговѣйнаго страха, какъ на нѣкій священный предметъ, доступный только ученымъ спеціалистамъ. Пора бы разсѣять такое ни на чемъ не основанное предубѣжденіе. Школа и самообразованіе много выиграютъ, когда микроскопъ станетъ однимъ изъ самыхъ необходимыхъ педагогическихъ пособій. Поэтому нельзя не сочувствовать Эдвину Ланкастеру, взявшему на себя задачу, такъ сказать, популяризировать употребленіе микроскопа. Авторъ, видимо, желаетъ, чтобы микроскопъ служилъ не пустою забавою; онъ стремится къ тому, чтобы люди, совсѣмъ не посвященные въ методы научнаго микроскопическаго изслѣдованія, убѣдились, что и для нихъ микроскопъ можетъ доставить не только интересное, но и весьма поучительное занятіе. Съ этою цѣлью авторъ старается выбрать и расположить матеріалъ такимъ образомъ, чтобы по доступнымъ каждому и легко приготовляемымъ микроскопическимъ препаратамъ всякій могъ бы познакомиться съ основами строенія живой и мертвой природы, а затѣмъ могъ бы и продолжать это изученіе болѣе или менѣе самостоятельно.

Къ сожалѣнію, мы лишены всякой возможности судить, насколько успѣшно авторъ выполнилъ свою задачу. Книга его, къ несчастью, попалась въ руки такого переводчика, который не только не считалъ для себя обязательнымъ хотя бы нѣкоторое знакомство съ ея предметомъ, но даже и умѣнья правильно писать по-русски.

Мы затрудняемся, съ чего начать, чтобы показать всю топорность этого перевода, абсолютное невѣжество и безграмотность переводчика. Возьмемъ, на удачу, нѣсколько «перловъ»; полагаемъ, что этого будетъ совершенно достаточно, чтобы убѣдить читателя, что мы не грѣшимъ излишней строгостью въ оцѣнкѣ перевода. Вотъ что встрѣчаемъ мы уже на 2-й страницѣ книги: «Возьмите, напр., изученіе растеній и животныхъ,—говоритъ г. переводчикъ,—и тѣ, и другія одарены тѣмъ, что мы называемъ *жизнью*; они растутъ и отправляютъ извѣстныя жизненныя функціи; *но что касается до способовъ ихъ возрастанія и манеры отправленія ихъ функціи...*» и т. д. Крайне своеобразна также терминологія переводчика и «объясненія» терминовъ. Объективъ—переводчикъ поясняетъ: «т.-е. кусокъ выпуклаго стекла», гильзу, охватывающую трубку микроскопа, называетъ «полой стойкой», колебанія эфира превращаются въ «колебанія медіума». Описаніе микроскопа, сплошь блещущее подобными перлами, заканчивается, между прочимъ, такой тирадой: «въ микроскопѣ мы имѣемъ такой инструментъ, который самъ воздѣйствуетъ на теорію своей конструкціи» (стр. 26). Дальше все въ томъ же родѣ. Чего только тутъ нѣтъ! «Крахмалъ обращается въ камедь отъ дѣйствія теплоты на сѣрную кислоту» (стр. 60), «сократительное движеніе плазмы... происходитъ среди атомовъ, движущихся по стѣнкамъ клѣточекъ». Спорангіи переводчикъ называетъ то «тѣльцами», то «ящичками», то «капсюлями». Ножки же насѣкомыхъ именуются «лапами». Подчасъ, должно быть,

изобрѣтательность переводчика истощается и онъ оставляетъ терминъ безъ перевода. Такъ, имъ не были осилены «thecae», «sori» и т. п.

Подобные курьезы встрѣчаются на каждой страницѣ книги. Приведемъ еще только заключительную тираду перевода: «Въ самомъ дѣлѣ, микроскопъ есть инструментъ, помогающій глазу изслѣдовать строенія и функціи, гдѣ бы они ни встрѣтились на обширномъ полѣ природы; и изслѣдователь будетъ обладать очень узкимъ взглядомъ на природу знанія, если предположить или то, что микроскопъ есть только инструментъ для разысканій, или что какое-нибудь изслѣдованіе, при которомъ съ его помощью открываются новые факты, можетъ быть съ успѣхомъ произведено и безъ его помощи».

Переводчикъ пожелалъ остаться неизвѣстнымъ. Была ли это съ его стороны скромность или ему стало, въ концѣ концовъ, стыдно, что онъ испортилъ хорошую книгу—исторія умалчиваетъ.

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

Л. Ландуа. «Учебникъ физіологіи человѣка».—*Л. Бертенсонъ.* «Бакинскіе нефтяныя промыслы».

Учебникъ физіологіи человѣка, доктора L. Landois. Переводъ съ девятаго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ дополненіями профессора В. Я. Данилевскаго въ Харьковѣ. Изданіе третье. Медицинская литература особенно бѣдна хорошими учебниками по физіологіи. Причина этого лежитъ какъ въ чрезвычайной трудности опредѣлить точно границы физіологіи, такъ въ крайнемъ обиліи противорѣчивыхъ гипотезъ и теорій, которыми такъ богата эта еще очень молодая отрасль естествознанія. Къ этому присоединяется еще и крайне неблагодарная задача физіолога, какъ преподавателя: вслѣдствіе массы другихъ занятій, студенту нѣтъ почти физической возможности удѣлить необходимое время для ознакомленія, хотя бы, съ главными методами физіологическаго изслѣдованія. Пользуясь необязательностью лабораторныхъ занятій по физіологіи, студентъ медикъ проходитъ курсъ физіологіи или по записаннымъ лекціямъ своего профессора, или по первому попавшемуся учебнику. Чисто книжное изученіе этой науки, основанной на наблюденіи и опытѣ, является для студента въ концѣ концовъ только потерею времени; между тѣмъ. никто не станетъ отрицать огромнаго значенія физіологіи въ ряду медицинскихъ наукъ. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что только основательное знакомство съ этою наукой можетъ воспитать изъ медика мыслящаго врача.

Учебникъ физіологіи Ландуа, за относительныя достоинства котораго ручается имя автора и широкое распространеніе его не только въ Германіи, гдѣ онъ выдержалъ девять изданій, но и въ другихъ странахъ,—не изъятъ, къ сожалѣнію, отъ общихъ почти всѣмъ современнымъ учебникамъ физіологіи недостатковъ. Прежде всего по сложившейся и ничѣмъ неоправдываемой рутинѣ, всѣ такіе учебники наполнены изложеніемъ свѣдѣній, не составляющихъ самого предмета физіологіи. Такъ, намъ кажется, совершенно лишнимъ давать въ учебникѣ физіологіи, хотя бы и краткій, курсъ анатоміи, гистологіи и эмбріологіи. L. Landois нашелъ почему-то нужнымъ сдѣлать это даже въ большемъ объемѣ, чѣмъ въ другихъ учебникахъ физіологіи. При устраненіи этихъ отдѣловъ книга сократилась бы, по крайней мѣрѣ, на треть своего объема. Но разбираемый учебникъ содержитъ, сверхъ того, чрезвычайное обиліе свѣдѣній и изъ другихъ побочныхъ отраслей,—напр., физики и химіи и притомъ довольно элементарной отведено не мало мѣста; подробное изложеніе чисто спеціальныхъ методовъ клиническаго изслѣдованія составляютъ также излишнюю роскошь.

Все только что сказанное составляетъ пока péché par excès и не было бы еще большимъ недостаткомъ учебника. Обиліе посторонняго матеріала мѣшало бы, конечно, болѣе удобному обзору чисто физіологической части книги, но этотъ недостатокъ могъ бы быть искупленъ вполнѣ, если бы самый предметъ физіологіи былъ при этомъ обработанъ сообразно съ запросами, которые рождаются у всякаго желающаго познакомиться съ методами этой науки, съ тѣмъ сложнымъ процессомъ, которымъ выработывались основныя ея положенія. Важно пріобрѣсти не извѣстную только сумму знаній, безъ всякой провѣрки ихъ относительнаго научнаго достоинства, но и съумѣть критически оріентироваться въ огромномъ обиліи физіологическихъ теорій и гипотезъ. Для этого въ учебникѣ физіологіи должно быть отведено главное мѣсто самому подробному изложенію главнѣйшихъ опытовъ, на которыхъ основываются принципы этой науки. Физіологія еще очень далека отъ точности физики и химіи, ея даже основныя положенія вытекаютъ изъ опытовъ, далеко не представляющихъ той недоступной критикѣ убѣдительности, которая характеризуетъ химическіе или физическіе опыты. Поэтому, подробное изложеніе наиболѣе приближащихся къ такой точности физіологическихъ опытовъ имѣетъ огромное воспитательное значеніе.

Приближается ли учебникъ Ландуа хотя сколько-нибудь къ такому идеалу? Къ величайшему нашему прискорбію, мы должны сказать, что онъ на ряду съ другими учебниками совершенно не удовлетворяетъ поставленнымъ выше требованіямъ. Ландуа всѣ свои старанія, повидимому, употребилъ на то, чтобы его учебникъ исчерпывалъ по возможности всю совокупность наличнаго физіологическаго матеріала. Изложеніе чисто догматическое. Физіологическія теоріи и гипотезы, самыя противорѣчивыя, излагаются въ сжатой формѣ, безъ всякой попытки критическаго къ нимъ отношенія со стороны автора. Ландуа даже для своихъ собственныхъ взглядовъ не сообщаетъ данныхъ, на которыхъ они основываются. Magister dixit—таковъ принципъ, положенный Ландуа въ основу изложенія, и онъ отъ него нигдѣ почти не отступаетъ. Упоминая о гипотезахъ, теоріяхъ или отдѣльныхъ взглядахъ, онъ просто, въ скобкахъ, ставитъ имя ученаго, даже не дѣлая ссылки на его работы. Если прибавить ко всему этому, что Ландуа нигдѣ не даетъ указателя литературы по частнымъ отдѣламъ физіологіи, не указываетъ даже источниковъ, которые послужили ему при составленіи его учебника, то за нимъ нельзя признать даже достоинствъ справочной книги.

Мы не можемъ здѣсь войти въ болѣе или менѣе подробный критическій разборъ занимающаго насъ учебника. Но достаточно взять на удачу любой отдѣлъ, чтобы увидѣть его огромные недостатки. Отдѣлъ объ иннерваціи сердца, напр., изложенъ такъ, что всякій незнакомый съ литературою этого вопроса положительно не въ состояніи отдать себѣ отчетъ, какая же изъ господствующихъ по данному вопросу теорія ближе къ истинѣ. Ландуа, по усвоенной имъ всюду манерѣ, просто сообщаетъ, что существуютъ, молъ, такія-то и такія-то на этотъ счетъ теоріи. При этомъ излагаются именно тѣ теоріи, которыя, какъ далѣе самъ же Ландуа говоритъ, уже почти всѣми физіологами оставлены. Нѣтъ даже и помину о теоріяхъ сердечнаго ритма физіолога Шиффа, одного изъ первыхъ и самыхъ ожесточенныхъ противниковъ такъ называемыхъ автоматическихъ сердечныхъ центровъ, не мало поработавшаго для опроверженія этой научно несостоятельной теоріи. Въ физіологіи желудочнаго пищеваренія анатомія и гистологія занимаютъ больше мѣста, чѣмъ самое изложеніе пищеварительныхъ процессовъ. Роль соляной кислоты въ желудочномъ пищевареніи, методы, послужившія къ ея открытію въ желудочномъ сокѣ (знаменитыя вычисленія Шмидта), наконецъ, даже тотъ элементарный фактъ, что значительная часть ея находится въ желудкѣ въ связанномъ состояніи, все это или опущено совсѣмъ, или

изложено до того поверхностно и не ясно, что потребовало со стороны редактора русскаго перевода обширныхъ добавленій.

Подобные пробѣлы и недостатки встрѣчаются всюду въ книгѣ Ландуа. Обширныя и представляющія глубокій научный интересъ добавленія и примѣчанія къ этой книгѣ въ русскомъ переводѣ нашего почтеннаго проф. Данилевскаго, не въ состояніи, къ сожалѣнію, исправить основныхъ недостатковъ учебника Ландуа, и онъ на ряду съ другими представляетъ скучный, объемистый сводъ накопленнаго въ физіологіи матеріала безъ малѣйшей попытки критической его обработки. Не понятно, для чего авторъ напечаталъ свою книгу двумя родами шрифтовъ. Во-первыхъ, мелкимъ шрифтомъ напечатано далеко не все, менѣе существенное, а во-вторыхъ, имъ такъ испещренъ текстъ, что при чтеніи чрезвычайно трудно его выпускать, не теряя нити изложенія.

Невольно, конечно, возникаетъ вопросъ, почему же однако учебникъ этотъ нашелъ такое широкое распространеніе? Отвѣтить на этотъ вопросъ не такъ легко, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда. Несомнѣнно, что одна изъ причинъ—это бѣдность вообще учебниковъ по физіологіи и свойственные имъ еще въ большей степени указанные недостатки. Недавно еще очень распространенный учебникъ физіологіи Бониса содержитъ еще большее обиліе посторонняго физіологіи матеріала и изложенъ не менѣе догматично.

Но едва ли не большую роль играетъ здѣсь то далеко еще необщепризнанное значеніе экспериментальной физіологіи въ курсѣ медицинской науки. Медицина, особенно въ ея практическомъ примѣненіи, далеко еще не достигла степени науки въ строгомъ смыслѣ этого слова. До сихъ поръ спеціальные трактаты медицины наполнены самыми противорѣчивыми физіологическими теоріями, часто устарѣлыми. Во всякомъ темномъ вопросѣ, а ихъ не мало еще въ медицинѣ, клиницистъ беретъ на удачу, на прокатъ какую-нибудь физіологическую теорію. Что за бѣда, что теорія эта плохо научно обоснована, можетъ быть, даже давно уже опровергнута, лишь бы она годилась для даннаго случая. Авторитетъ медицинскаго всезнанія спасенъ—чего же больше? Вотъ при такомъ-то отношеніи къ физіологіи учебникъ Ландуа—рѣдкій кладъ. Изъ этого винегрета фактовъ, свѣдѣній, гипотезъ и теорій, всякій можетъ всегда выудить что-нибудь подходящее и удобное для объясненія любого неизученнаго еще клиническаго явленія.

Какъ ни прискорбно это явленіе, но тому, кто желаетъ поучиться методамъ, критическому отношенію къ физіологическому мышленію, приходится за недостаткомъ хорошихъ руководствъ въ современной литературѣ всякій разъ возвращаться къ трудамъ творцовъ экспериментальной физіологіи: Мажанди, Клодъ-Бернару, Валентину, Броунъ-Секару, Шиффу и др. Эти люди умѣли сочетать глубину научнаго изслѣдованія съ блестящими педагогическими пріемами изложенія, доступнаго даже малопосвященному въ тайны созиданія науки. Ихъ всеобъемлющая эрудиція, строго объединяющія идеи, положенныя въ основу ихъ многочисленныхъ трудовъ, являются поразительнымъ контрастомъ съ тою спѣшностью, разрозненностью, которые отличаютъ большинство современныхъ научныхъ работъ, съ ихъ массовымъ, индустріальнымъ, такъ сказать, способомъ выполненія. Научный матеріалъ, достигшій въ современный наукѣ колоссальныхъ размѣровъ, но въ грубой, необработанной формѣ, ждетъ, для приведенія его въ стройную систему, новыхъ обобщающихъ геніевъ. Но пока эти геніи явятся, нужно, чтобы методы и пособія преподаванія науки удовлетворяли хотя бы элементарнымъ требованіямъ научной критики.

Л. Бертенсонъ. Бакинскіе нефтяные промыслы и заводы въ санитарно-врачебномъ отношеніи. Спб. 1897 г., Ц. 1. р. Если наша фабрично-заводская промышленность вообще оставляетъ желать очень и очень многаго въ

санитарно-врачебномъ отношеніи, то въ Баку, на нефтяныхъ промыслахъ и заводахъ, положеніе вещей въ этомъ отношеніи черезчуръ ужъ печально: здѣсь собрались во-едино всевозможнные неблагопріятные моменты, гибельно дѣйствующіе на здоровье и жизнь рабочихъ. Сама природа съ болотистой, міазматической почвой, отсутствіе мало-мальски годной питьевой воды, характеръ самой работы на нефтяныхъ промыслахъ и заводахъ, предрасполагающей къ разнообразнымъ тяжелымъ профессіональнымъ заболѣваніямъ и несчастнымъ случаямъ, къ частымъ пожарамъ съ своими спутниками—ожогами, и на ряду со всѣмъ этимъ отсутствіе фабричной инспекціи и урегулированія рабочаго времени, не введенныхъ на Кавказѣ, — всѣ эти условія создаютъ совершенно невозможную въ санитарномъ отношеніи картину. Между тѣмъ, «сила человѣческаго ума и воли въ Бакинскомъ краѣ пока сказывается, главнымъ образомъ, въ одномъ направленіи—въ пріобрѣтеніи матеріальныхъ выгодъ; другихъ культурныхъ проявленій немного: весьма мало здѣсь дѣлается для здоровья рабочаго вообще и, конечно, и того меньше для оздоровленія мѣстности въ частности».

Таковъ общій выводъ Л. Бертенсона, члена горнаго ученаго комитета, командированнаго министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ концѣ 1896 г. на Бакинскіе нефтяные промыслы и заводы для изслѣдованія ихъ въ санитарно - врачебномъ отношеніи. Указанная въ заголовкѣ брошюра представляетъ отчетъ объ этой командировкѣ. Изъ него мы узнаемъ, что въ 1895 г. рабочихъ было на 174 нефтяныхъ промыслахъ около 7.000, а на 128 заводахъ около 3.000; все это по преимуществу русскіе съ Поволжья, армяне, татары, персы и пр.

Зной, отсутствіе дождя, зелени и прѣсной воды придаетъ бакинской природѣ видъ песчаной пустыни; такъ наз. «Сабунчанское озеро», вѣрнѣе говоря, болото, расположенное у самыхъ промысловъ, является скопищемъ зловонныхъ нечистотъ съ промысловъ и порождаетъ всевозможныя болѣзни: упорную болотную лихорадку, дизентерію и т. п. Улицы, дворы селеній и заводовъ заполнены грязью и всевозможными заводскими отбросами, представляя непролазное, зловонное болото.

Водою рабочій людъ пользуется совершенно негодною, колодезною, соленогорькою на вкусъ, съ большимъ количествомъ солей и при томъ даже слабительныхъ. Понятно, какъ пагубно дѣйствуетъ подобная вода на здоровье. Но даже и такая вода нерѣдко является роскошью, и рабочимъ, имѣющимъ дѣло съ нефтью, сильно загрязняющей кожу и вызывающей всевозможныя сыпи, нечѣмъ бываетъ вымыться; бани попадаются лишь въ видѣ исключенія.

Не болѣе отрадное впечатлѣніе производятъ помѣщенія рабочихъ: они сплошь заполнены нарами, на которыхъ рабочіе спятъ въ повалку; все это грязно, темно, зловонно, чему содѣйствуетъ еще въ значительной степени нефтяное отопленіе. Но даже и такія казармы для многихъ рабочихъ являются роскошью: иные заводы совершенно не даютъ помѣщеній рабочимъ, и имъ приходится ютиться въ грязныхъ, сырыхъ, темныхъ углахъ и при томъ за довольно высокую плату.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ пищей рабочихъ: она сводится нерѣдко всего лишь только къ хлѣбу.

Естественно, что уже сами по себѣ подобныя условія жизни гибельно дѣйствуютъ на здоровье рабочихъ, но дѣло становится еще безотраднѣе, если принять во вниманіе такіе два фактора, какъ несчастные случаи во время работъ и профессіональныя болѣзни. Число несчастныхъ случаевъ на Бакинскихъ промыслахъ и заводахъ особенно значительно: этому, съ одной стороны, содѣйствуетъ отсутствіе необходимыхъ приспособленій для огражденія здоровья и жизни рабочихъ, а съ другой — переутомленіе ихъ работой, продолжающейся

14 и даже 18 часовъ въ сутки! До извѣстной степени о числѣ несчастныхъ случаевъ можно судить на основаніи того, что въ Балаханской, напримѣръ, больницѣ и амбулаторіи за $2^1/_2$ года отмѣчено 4.460 увѣчій (раны, ожоги, переломы и т. п.), а въ Черногородской больницѣ и амбулаторіи и трехъ пріемныхъ покояхъ въ теченіе 10 мѣсяцевъ перебывало 1.653 увѣчныхъ, а цифры эти, вѣдь, еще ниже дѣйствительныхъ, ибо не всѣ потерпѣвшіе обращаются за помощью въ больницу. Изъ профессіональныхъ болѣзней особенно часты всевозможныя, нерѣдко весьма тяжелыя, кожныя болѣзни, пораженія дыхательныхъ путей съ кровохарканьемъ, болѣзни глазъ, разрушеніе зубовъ, мышечныя боли, малокровіе и т. п.

Знакомя съ постановкой медицинской помощи на промыслахъ и заводахъ, авторъ отчета указываетъ на недостаточность медицинскаго персонала, больницъ и пріемныхъ покоевъ.

Не останавливаясь на выводахъ, къ которымъ приходитъ Л. Бертенсонъ, отмѣтимъ лишь его указаніе на необходимость распространенія на Бакинскіе промыслы и заводы закона о фабричной инспекціи и о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени. Быть можетъ, хоть эти мѣры заставятъ промышленниковъ и заводчиковъ среди погони за наживой хотя бы на минуту призадуматься о своемъ долгѣ предъ рабочими.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го декабря 1897 г. по 15-е января 1898 года.

Н. С. Тихонравовъ. Сочиненія, т. III, ч. 1. Русская литература XVIII и XIX вв. Изданіе Сабашниковыхъ. Москва 98 г.

Боккачіо. Декамеронъ (съ иллюстраціями). Безпл. приложеніе къ «Вѣстн. Иностр. Литературы» за 1898 г. Спб. 98 г.

А. И. Свирскій. Погибшіе люди, въ 3 томахъ. Изданіе Морозова, цѣна за три тома 2 р. 25 к. Спб. 98 г.

М. А. Гусева. Родная нива. Хрестоматія, часть I. Спб. 97 г. Ц. 80 к.

В. Я. Стоюнинъ. О преподаваніе русской литературы. Изд. V. Спб. 98 г. Ц. 1 р. 60 к.

А. Хирьяковъ. Легенды любви. Изд. Общ. «Издатель». Спб. 98 г. Ц. 50 к.

Джонъ Локкъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Москва 98 г. Ц. 3 р.

Э. Лависсъ и А. Рамбо. Всеобщая исторія, т. II. Изданіе Солдатенкова. Москва 97 г. Ц. 3 р.

Матеріалы по изслѣдованію землепользованія Ялуторовскаго округа Тоб. губ. т. I, изданіе Министерства Земледѣлія и Государств. Имуществъ. Москва. 97 г.

Проф. Кернеръ Ф. Мерилаунъ. Жизнь растеній. Изд. «Просвѣщенія», вып. 2 и 3. Цѣна за 30 вып. 12 р. 80 к., отд. вып. 50 к. Сб. 98 г.

Гёте. Фаустъ. Изданіе II, Мошнина съ иллюстр. Москва 98 г.

Кн. С. Волконскій. Очерки русской исторіи и русской литературы. Публичн. лекціи, читанныя въ Америкѣ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кн. Е. Кудашева. Умственныя способности женщины. Екатеринославъ 97 г. Ц. 70 к.

В. Г. Вальтеръ. Какъ учить игрѣ на скрипкѣ. Практическое пособіе для учителей и учащихся. Спб. 97 г. Ц. 50 к.

А. Н. Филипповъ. Физическое воспитаніе учащихся. Москва 98 г.

Е. Ловичъ. Прогрессъ и педагогика. Изъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія». Москва 97 г.

А. Өедоровъ-Давыдовъ. Зимнія сумерки, разсказы, сказки и стихотворенія. Москва. Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». 98 г. Ц. 35 к.

А. Д. Сѣдовъ. Психологія юношескаго возраста. Изъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія». Москва 97 г.

В. Свѣтловъ. Уголокъ Колхиды. Спб. 98 г. Ц. 1 р.

А. Ө. Кони. Задачи трудовой помощи. Изъ журнала «Трудовая помощь». Спб. 97 г.

Максъ Нордау. О современномъ положеніи евреевъ. Рѣчь, произнесенная на всемірномъ конгрессѣ сіонистовъ и Базенъ.

Э. Кэрдъ. Гегель. Перев. кн. С. Н. Трубецкой. Москва 98 г. Ц. 1 р. 50 к.

Георгій Батюшковъ. Вабиды. Персидская секта. Очеркъ. Спб. 97 г.

Д-ръ Коровинъ. На что намъ общества трезвости? Москва 97 г. Ц. 5 к.

Эрнестъ Энгель. Цѣнность человѣка. Пер. съ нѣмец. «Общеполезная библіотека для самообразованія». Изданіе М. В. Клюкина. Москва. Ц. 40 к.

Ирвингъ. Жизнь Магомета. Перев. Л. Никифорова «Общеполезн. библіотека для самообразованія». Изданіе Клюкина. Москва Ц. 1 р. 50 к.

Маг. Себастьянъ Кнейппъ. Какъ надо жить. Указанія и совѣты для здоровыхъ и больныхъ людей для простой и разумной жизни и естеств. методовъ лѣченія.

Фридрихъ Іодль. Исторія этики въ новой философіи, т. II. Кантъ и этика въ девятнадцатомъ столѣтіи. Переводъ съ нѣмецк. подъ ред. Соловьева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва 98 г. Ц. 2 р.

А. Фонъ-Фрикенъ. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. II. Изд. К. Т. Солдатенкова. Ц. 2 к. Москва. 98 г.

Густавъ Лансонъ. Исторія французской литературы. Переводъ со II-го фр. изданія. т. II. Изд. К. Т. Солдатенкова. Ц. 3 р. 50 к. Москва 98 г.

D-r Emil Kraepllin. Умственный трудъ, переводъ съ нѣм. Одесса 98 г.

— Къ вопросу о переутомленіи. Пер. съ нѣм. Одесса 98 г.

Петръ Вартъ. Поворотный моментъ въ русскопольскихъ отношеніяхъ. Спб. 97 г.

Д-ръ С. Фишеръ. Человѣкъ и животное. Этико-юридическій очеркъ. Спб. 98 г. Ц. 1 р. 20 к.

К. Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи. Перев. съ нѣмец. подъ ред. Протопопова. Ц. 1 р. 50 к, Изд. О. Н. Поповой. Спб. 98 г.

Августъ Міасковскій. Проблема распредѣленія поземельной собственности въ историческомъ развитіи, пер. съ нѣм. Ц. Поплавскаго. Кіевъ 98 г. Ц. 30 к.

Габріель Сеайль. Леонардо-да-Винчи, какъ художникъ и ученый. Опытъ психологической біографіи, пер. съ франц. Спб. Изд. Пантелѣева. 98 г. Ц. 2 р.

Проф. В. К. Надлеръ. Лекціи по исторіи революціи и имперіи Наполеона. Изд. въ обработкѣ проф. В. П. Бузескула. Харьк. 98 г. Ц. 2 р.

Г. Шерръ. Всеобщая исторія литературы, вып. XXIII.

Лекціи по славянскому языкознанію Тимофея Флоринскаго. Часть II. Спб. 97 г. Ц. 4 р.

Географія Владимірской губ. Курсъ родиновѣдѣнія, сост. И. С. Смирновъ. Владиміръ 96 г. Ц. 65 к.

Справочная книжка по географіи. I. Настольный словарь географическихъ названій. II. Географическо - статистич. таблицы. В. Покровской. Юрьевъ 98 г. Ц. 1 р.

А. Н. Клюкинъ. Злобы жизни. Разсказы. Ц. 1 р. Спб. 98 г.

Д-ръ Морозовъ. По вопросу о служителяхъ въ психіатрическихъ больницахъ. Казань. 97 г.

Отчетъ по вѣдомству дѣтскихъ пріютовъ, состоящихъ подъ непосредственнымъ Ихъ Императорскихъ Величествъ покровительствомъ за 1895 г.

Ходатайство Тифлисской городской думы объ учрежденіи въ Тифлисѣ политехникума съ сельско-хоз. и горн. отдѣленіями. Тифлисъ 97 г.

Отчетъ Общества взаимн. вспомощ. учащимъ и учившимъ Тульской губ. съ 19 сент. 95 г. по 1-е сент. 96 г.

Тоже съ 96 по 97 г.

В. В. Косацкій. Полный систематическій сборникъ вопросовъ и отвѣтовъ. Спб. 98 г. Ц. 75 к.

Русскій астрономъ. Календарь 98 г. Москва 98 г. Ц. 75 к.

П. Смирновъ. Изъ дѣтской жизни, разсказъ для дѣтей. Моск. 98. Ц. 40 к.

Клавдіи Лукашевичъ. Свѣтлячекъ. Сборн. для младшаго возраста. Изд. Клюкина, Москва 98 г. Ц. 80 к.

П. В. Засодимскаго. Дѣдушкины разсказы и сказки. Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». Москва 98 г. Ц. 1 р.

Д-ръ С. Г. Ковнеръ. Спиноза, его жизнь и сочиненія. Варшава. Ц. 75 к.

М. Богдановъ. Краткій курсъ экономической науки. Изд. книж. скл. Муриновой

М. Бренеръ. Очеркъ исторіи искусствъ. Переводъ съ нѣмец. Н. Лемана съ 46 рис Спб. 98 г. Изд. ред. журн. «Образованіе». Ц. 1 р. 50 к.

Гербертъ Спенсеръ. Слезы, смѣхъ и граціозность. Спб. 98 г. Ц. 20 к.

Привислянскій календарь на 1898 г. Варшава 98 г.

Календарь для акушерокъ. 1898 г. Записная и справочная книжка съ рис. въ текстѣ. Изд, и ред. д-ра Б. А. Оксъ. Цѣна съ пер. 1 р. 40 к.

Календарь фельдшеровъ. 1898 г. Записная и справочная книжка съ рис. и текстомъ ред. и изд. д-ра Б. А. Оксъ. Спб. 98 г. Цѣна съ пер. 1 р. 40 к.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Культурные плоды германскаго единства.

По поводу книги: *Gerhart Hauptmann*, von Adolph Bartels. Weimar, 1897.

Лежащая предъ нами книга не отличается большими достоинствами и врядъ ли сама по себѣ можетъ разсчитывать на особенное вниманіе публики даже въ своемъ отечествѣ. Книга даже написана не вполнѣ удовлетворительнымъ литературнымъ языкомъ и, хотя издана въ Веймарѣ—когда-то питомникѣ классической германской литературы, блещетъ скорѣе курьёзами международнаго берлинскаго жаргона, чемъ перлами чистаго отечественнаго стиля.

Иностранному читателю, знакомому съ хорошей нѣмецкой прозой, и привыкшему вѣрить въ богатство и почвенную силу нѣмецкаго языка, странно читать цѣлыя страницы, изукрашенныя такими, напримѣръ, незаконнорожденными словосочиненіями: tangieren, existieren, renommieren, en stück spacieren und ein Rencontre haben...

Это хорошо въ извѣстныхъ стихахъ Гейне:

Aber bei all ihrem Protegieren
Hätte ich von Hunger krepieren...

Но цѣлая книга критическаго содержанія, написанная уродливымъ жаргономъ, вовсе не производитъ впечатлѣнія остроумной выдумки. Впрочемъ, въ нашемъ случаѣ и стиль критика поучителенъ. Мы увидимъ, это одно изъ краснорѣчивыхъ знаменій времени.

Несомнѣнный интересъ книги въ ея предметѣ. Врядъ ли кто изъ новѣйшихъ европейскихъ писателей пріобрѣталъ въ столь короткое время такую громкую славу, какую создалъ себѣ Гауптманъ. Прислушаться къ многочисленному хору его поклонниковъ, выходитъ это—одновременно и Гёте, и Шиллеръ, и даже Шекспиръ.

По крайней мѣрѣ, въ произведеніяхъ тридцатипятилѣтняго драматурга проницательные читатели успѣли отыскать ясные слѣды генія всѣхъ трехъ писателей. Первый плодъ гауптмановскаго творчества долженъ былъ сойти за разбойниковъ, драма изъ эпохи крестьянской войны выполнить роль Гёца, а послѣ *Ткачей* и *Потонувшаго колокола* самому автору оставалось превратиться въ Шекспира, правда, еще «блуждающаго», но несомнѣнно, заявившаго себя таковымъ.

Не оставлены въ покоѣ и болѣе древніе авторитеты. Даже профессора усиливаются увѣрить публику, что эстетика трагедіи съ этихъ поръ будетъ основываться не на драмахъ Эсхила, Софокла, Эврипида,—о Шекспирѣ, Лессингѣ, Гёте и Шиллерѣ нечего и толковать,—а на произведеніяхъ Ибсена и того же Гауптмана.

Публикѣ большею частью нѣтъ дѣла до ученыхъ умозаключеній и эстетическихъ изслѣдованій. Она произноситъ приговоръ по впечатлѣнію, т. е. по обилію и глубинѣ интереса, вложеннаго въ литературное произведеніе.

Гауптманъ и здѣсь остался побѣдителемъ.

Нѣкоторыя его драмы въ короткое время достигли громадной цифры представленій и выдержали множество изданій. *Ткачи*, напримѣръ, появившіеся на сценѣ въ первый разъ въ февралѣ 1893 года, въ теченіе четырехъ лѣтъ были даны 211 разъ и изданы 18 разъ. *Потонувшій колоколъ* въ теченіе года шелъ болѣе ста разъ и разошелся въ двадцати восьми изданіяхъ...

Критикамъ, повидимому, естественно съ покорностью склонить головы предъ такими внушительными фактами, а самому герою предаться самымъ важнымъ мечтаніямъ.

И предъ нами достаточно того и другого. У Гауптмана имѣется цѣлый штатъ спеціальныхъ глашатаевъ его славы. Появленію каждой пьесы предшествуютъ самыя интригующія замѣтки, слухи, интервью, въ родѣ того, что драматургъ погруженъ въ научныя историческія изысканія, прилежно изучаетъ народный языкъ XVI вѣка и скоро подаритъ міръ исторической драмой, безпримѣрной со временъ *Гёца*.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, что «интервьювируютъ» только того, кто желаетъ этого и много пишутъ о *кабинетныхъ* занятіяхъ только того, кто самъ разсказываетъ о нихъ. И Гауптмана слѣдуетъ признать однимъ изъ искуснѣйшихъ агентовъ собственной популярности.

Онъ превосходно устроилъ свои личныя дѣла. Перепробовавъ въ молодости разныя профессіи, между прочимъ, искусство ваянія, онъ женился на очень богатой невѣстѣ, побывалъ въ Америкѣ, обзавелся роскошной виллой и всѣми послѣдними чудесами роскоши, и сталъ спокойно и увѣренно шагъ за шагомъ создавать себѣ положеніе литературнаго Вагнера. И путь къ цѣли у драматурга оказывается неизмѣримо легче, чѣмъ у музыканта.

Вагнеру пришлось очень долго бороться съ людьми и обстоятельствами и только счастливая случайность, въ лицѣ несчастнаго монарха, увѣнчала испытанія артиста. Гауптману поприще заранѣе расчищено, и среди его друзей давно развита идея особой *гауптмановской сцены*, долженствующей для драматическаго искусства создать то же самое, чѣмъ музыка обязана Байрейту.

Рѣдкая судьба, и несомнѣнно любопытная, тѣмъ болѣе, что писатель находился въ самомъ разцвѣтѣ силъ и предъ нами, можетъ быть, только завязь мощнаго плода. Въ тридцать пять лѣтъ еще не поздно начинать, а здѣсь уже громкая всеевропейская слава!

Нашъ критикъ не принадлежитъ къ толпѣ ослѣпленныхъ и довольно трезво судитъ о томъ, что̀ успѣлъ сдѣлать Гауптманъ. Но собственно сужденія объ отдѣльныхъ пьесахъ въ данномъ случаѣ имѣютъ второстепенное значеніе. Гораздо поучительнѣе выяснить общій смыслъ дѣятельности Гауптмана и ея связь съ современной культурной почвой Германіи.

Намъ говорятъ, явился новый Шекспиръ среди общеевропейскаго литературнаго затишья, особенно въ драмѣ. Ибсенъ, несомнѣнно, отжилъ свой творческій періодъ и подписалъ себѣ приговоръ рѣ-

шительнымъ переходомъ къ символизму. Зудерманъ и на родинѣ считается искуснымъ *театральнымъ мастеромъ* — гораздо больше, чѣмъ драматическимъ писателемъ, менѣе психологомъ и общественнымъ живописцемъ, чѣмъ знатокомъ сцены. Остается Гауптманъ...

Какія-же силы выдвинули столь исключительное дарованіе? И дѣйствительно ли оно исключительно? Выдающійся поэтъ всегда яркій органъ своего народа и своего времени, какіе бы вопросы онъ ни разрѣшалъ. Будь это даже Гамлетъ—одинъ изъ глубочайшихъ общечеловѣческихъ типовъ, корни его психологіи мы непремѣнно отыщемъ въ жизни поэта и его современниковъ. Иначе, типъ и не привлекъ бы интереса публики, какъ совершенно ей чуждый и по духу, и по природѣ. Это особенно примѣнимо къ сценическимъ явленіямъ, подлежащимъ суду самой широкой и пестрой публики.

Чѣмъ, слѣдовательно, драматургъ быстрѣе пріобрѣтаетъ извѣстность и горячія сочувствія,—онъ непремѣнно идетъ на встрѣчу *общимъ* думамъ и *общимъ* идеаламъ. Онъ лично становится точной мѣркой современнаго нравственнаго уровня большинства, и если это положеніе онъ умѣетъ удержать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, его именемъ будетъ отмѣчена эпоха. Повидимому, Гауптману суждена столь почетная судьба, по крайней мѣрѣ, самъ онъ не сомнѣвается въ своемъ назначеніи.

Для насъ это тѣмъ любопытнѣе, что за нимъ скрывается едва ли не значительнѣйшее явленіе западно-европейской исторіи нашего вѣка. Около четверти вѣка тому назадъ, между первенствующими націями европейскаго континента возгорѣлась борьба и окончилась возникновеніемъ новой могущественной имперіи.

Послѣдствія этого факта—нравственныя и культурныя—неисчислимы и вряд ли нашему времени по силамъ оцѣнить ихъ по достоинству. Это будетъ великой задачей будущихъ историковъ. Намъ приходится часто отмѣчать отдѣльныя черты, отрывочные мотивы, вызванные изъ жизни міровымъ событіемъ. И несомнѣнно, проще всего опредѣлить ихъ въ области литературы и нравственно-общественныхъ воззрѣній. Именно здѣсь обнаружились результаты, въ высшей степени оригинальные, подчасъ неожиданные. По крайней мѣрѣ, логически никоимъ образомъ нельзя бы предсказать странныхъ плодовъ, вызванныхъ на германской почвѣ великой распрей и головокружительной побѣдой.

Политическое положеніе нѣмецкаго народа, конечно, должно было рѣзко измѣниться: на мѣсто разрозненныхъ и порознь безсильныхъ мелкихъ державъ явилась цѣльная военная сила, тѣмъ болѣе самоувѣренная и проницательная, что возстала и возросла увѣнчанная лаврами на поляхъ битвъ.

Но политикой не могъ ограничиться неизбѣжный историческій ходъ вещей. Культурное отношеніе самой германской націи къ остальному міру преобразовалось кореннымъ образомъ, и, въ сравненіи съ прошлымъ, новая Германія явилась почти неузнаваемой силой въ области литературы и мысли.

Мы бросимъ бѣглый взглядъ на это прошлое за тѣмъ, чтобы ярче и, въ историческомъ смыслѣ, внушительнѣе предстало намъ настоящее.

II.

Не особенно давно одинъ нѣмецкій профессоръ составилъ весьма длинный списокъ литературныхъ произведеній противонѣмецкаго содержанія, появившихся во Франціи *). Всего нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ самая мысль о возможности подобной литературы показалась бы французамъ несбыточнымъ бредомъ. Совершенно напротивъ, можно было представить обширное изслѣдованіе на тему галльскаго восторга и преклоненія предъ Германіей, ея культурой, наукой, даже характеромъ ея народа.

Первую главу изслѣдованія пришлось бы посвятить г-жѣ Сталь съ ея удивительной книгой *О Германіи*. Съ какимъ самоотверженіемъ краснорѣчивая писательница доказывала преимущества германской стихіи надъ французской! Съ какимъ блескомъ и страстнымъ личнымъ чувствомъ краснорѣчивая писательница стремилась развѣнчать національный французскій скептическій *esprit*, покорившій міръ, и вознести на недосягаемую высоту глубину нѣмецкой философской мысли! Гордые литературные завоеватели вселенной узнавали, что ихъ литературѣ грозитъ полное истощеніе и безплодіе, что ихъ неизбѣжно оплодотворить творчествомъ другой націи. Нѣмецкіе писатели, заявляла француженка, «люди самые образованные и самые глубокомысленные во всей Европѣ», и въ доказательство цѣлая книга, переполненная лиризмомъ по адресу Германіи, и сатирическими стрѣлами въ лицо отечественной поверхностности и легкомыслія.

Все это вмѣстѣ, при всемъ подчасъ слишкомъ стремительномъ азартѣ, было истиннымъ подвигомъ культурнаго ума и литературнаго таланта. Подъ искуснымъ и нервнымъ перомъ писательницы оживали и являлись увлекательными предметы, безусловно странные и даже дикіе: Вольтеръ расхохотался бы надъ одними ихъ именами. Не только Фаустъ но даже философія Канта, Фихте, послушно втискивались въ рамки изящной картины и должны были чувствовать искреннюю благодарность къ отважному живописцу: о нихъ впервые говорили съ безпредѣльнымъ сочувствіемъ на языкѣ всего цивилизованнаго міра...

Усилія писательницы оказались предзнаменованіемъ и сама она основательницей своего рода религіи. Франція—исконная законодательница европейской интеллигенціи, первая пошла за Рейнъ съ жадными поисками новыхъ истинъ и новыхъ вдохновеній. Быстро превратился въ моду даже всякій умственный интересъ, французы съ каждымъ днемъ становились все болѣе горячими служителями новаго культа. Появились спеціальныя періодическія изданія для переводовъ и толкованій нѣмецкой литературы, народились особые ученые: они не только одолѣвали страшный языкъ, вызывавшій у Вольтера судороги, но проникали въ самую глубь нѣмецкой учености и даже философіи. Кузэнъ, неотразимый ораторъ и благодарнѣйшій восприниматель чужой мысли, наложилъ на себя искусъ—раскрывать предъ французскимъ юношествомъ тайны кантіанства и даже гегельянства.

Философъ шелъ дальше. Онъ провозглашалъ философскій союзъ французскаго и германскаго генія, и его слушали съ восторгомъ и

*) Prof. Kosshwitz въ «Zeitschrift für französische Sprache und Literatur», XV, p. 73.

искренно усваивали его идеи. Кузэнъ говорилъ о своей духовной жаждѣ германскихъ вдохновеній, и тоже чувство проникало его аудиторію.

Изъ нея вышли новые апостолы нѣмецкаго пути къ спасенію. Предъ ними должны были умолкнуть всякій голосъ недовѣрія и вражды: «ораторствовать противъ нѣмецкой философіи», заявляли они презрительно и гнѣвно, «значитъ возставать противъ необходимаго развитія человѣческаго ума».

И такихъ ораторовъ находилось гораздо меньше, чѣмъ эдиповъ, разгадывавшихъ нѣмецкихъ сфинксовъ. Одинъ только журналъ *Révue des deux Mondes* далъ читателямъ цѣлую энциклопедію по германской литературѣ, исторіи, философіи. На его страницахъ съ самаго основанія стали появляться обширные трактаты спеціалистовъ предмета, усерднѣйшихъ посредниковъ между двумя націями.

Поэты не замедлили вложить обильную дань въ національное дѣло. Романтизмъ высказался со всей своей страстностью и неудержимостью. Гюго, казалось, въ самой природѣ носилъ нѣкое духовное сродство съ геніемъ Шиллера и Гёте, и именно онъ высказалъ поразительную истину, рѣзко свидѣтельствовавшую о подлинныхъ донкихотскихъ чувствахъ французской лиры:

«Франція и Германія—Европа по преимуществу. Германія—сердце, а Франція—мозгъ. Германія и Франція—цивилизація по преимуществу. Германія чувствуетъ, а Франція думаетъ».

Стремительный романтикъ шелъ дальше и заявлялъ, что если бы онъ не былъ французомъ, онъ желалъ бы быть нѣмцемъ.

Германіи «родинѣ мысли»—*la patrie de la pensée*, какъ называла ее г-жа Сталь—было, конечно, нѣсколько неожиданно попасть на emploi чувства и сердца, но во всякомъ случаѣ, она не могла отрицать рыцарственныхъ намѣреній перваго французскаго поэта.

Очевидно, по ту сторону Рейна продолжали смотрѣть на своихъ сосѣдей все тѣми же глазами сердца и воображенія, какія были широко раскрыты у г-жи Сталь. Французамъ грезилась не столько реальная Германія, сколько опоэтизированная божественная представительница только что открытой страны: мечтательная, золотокудрая, цѣломудренная красавица съ мощнымъ мыслящимъ челомъ и идеально вдохновленными взорами... Самый народъ, можетъ быть, нѣсколько тяжеловѣсенъ и комиченъ, но честенъ и добродушенъ. Если тамъ, въ шиллеровскимъ царствѣ—голубое небо, здѣсь—здоровая бравая натура съ неизсякаемыми источниками нравственныхъ силъ..

И даже ученые не отступали передъ неслыханнымъ во Франціи самоотрѣченіемъ. Имъ доставляло будто особенное наслажденіе развивать идею г-жи Сталь о преимуществахъ нѣмецкой основательности предъ французской легковѣсностью.

«Наши мнимые философы,—писалъ одинъ изъ первостепенныхъ французскихъ ученыхъ,—были только публицистами и литераторами, они могли быть полезными для своего времени, но они пренебрегали великими вопросами метафизики и исторіи за тѣмъ, чтобы служить болѣе настоятельнымъ потребностямъ и страстямъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ философіей. Какую противоположность представляла Германія! Какой кругозоръ! Какая широта взглядовъ! Какія знанія! Какая глубина убѣжденія! Какое безкорыстіе! Системы могли быть ложными, но они были

настолько же искренни, насколько оригинальны, настолько же значительны, насколько многочисленны. Никакія внѣшнія воздѣйствія не могли повліять на нихъ, онѣ искали только истины» *).

Поистинѣ, въ девятнадцатомъ вѣкѣ еще одинъ романскій народъ, подобно древнимъ римлянамъ, казнилъ свои изъяны добродѣтелями германцевъ! Разница была только въ цѣляхъ стараго Тацита и его позднѣйшихъ послѣдователей: тотъ ополчался на пороки, современные клеймили недостатки ума, но всѣ проповѣдывали одинаково безпощадно и самоотверженно.

Волна съ теченіемъ времени не только не падала, но грозила вырости Богъ вѣсть до какихъ предѣловъ. У насъ много говорили и говорятъ о гегельянствѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ; загляните къ французскимъ писателямъ, и вы будете поражены холодомъ и скептицизмомъ русскихъ гегельянцевъ сравнительно съ французскими.

Взять, напримѣръ, Тэна.

Его основная нравственная черта — не признавать за собой предшественниковъ и замалчивать не только учителей, а даже самыхъ непосредственныхъ внушителей и подсказывателей. По этой системѣ, представляющей одну изъ формъ шарлатанства, тщательно устраняется съ глазъ читателей какъ разъ самые близкіе и существенные авторитеты—истинные благодѣтели автора и развѣ только въ случаяхъ крайней необходимости, для засвидѣтельствованія собственной начитанности упоминаются величественно и кратко.

Такъ, между прочимъ, поступилъ Тэнъ съ первоисточникомъ своей философіи Кондильякомъ и еще хуже обошелся съ Кантомъ въ той же философіи, съ Демсегоромъ и г-жей Сталь—въ исторіи, съ Мишле, Кузэномъ, Сентъ-Бёвомъ—въ критикѣ. Но именно для Гегеля величественный компиляторъ сдѣлалъ исключеніе.

Прежде всего онъ, по обыкновенію, довелъ чужія идеи до послѣдняго логическаго звена и провозгласилъ уничтожающую аксіому:

«Германія будетъ для насъ тѣмъ самымъ, чѣмъ Англія была для людей восемнадцатаго вѣка».

Дальше идти некуда: это значило—съ одной стороны открытія, самостоятельныя изслѣдованія, съ другой—ученическая популяризація. Въ порывѣ увлеченія историкъ забылъ даже о своемъ предназначеніи «передѣлать философію». Если въ Германіи онъ находилъ идеи, способныя наполнить все столѣтіе, что́ же оставалось на долю самого Колумба? Впрочемъ, онъ не потерялся и поспѣшилъ присвоить недоконченное дѣло Кузэна: слить философіи различнаго типа въ одну.

Гегель, вѣроятно, долженъ былъ играть роль перваго инструмента въ этой музыкѣ будущаго. По крайней мѣрѣ, по его адресу неслись самые восторженные гимны. «Я,—сообщилъ Тэнъ,—читалъ Гегеля ежедневно въ теченіе цѣлаго года въ провинціи; по истинѣ, я никогда не испытаю ощущенія, равныя тѣмъ, какія онъ во мнѣ вызвалъ. Изъ всѣхъ философовъ нѣтъ ни одного, кто бы поднимался на такія высоты или чей геній приближался бы къ этой чудовищной необъятности».

---

[1]) Barthélemy Saint-Hilaire.

По обыкновенію сильно настолько, что даже опасно вѣрить. Но общій смыслъ факта внѣ сомнѣнія. Гегель дѣйствительно одинъ изъ учителей французовъ XIX-го вѣка, и притомъ изъ самыхъ почитаемыхъ: это доказывается обиліемъ статей, посвященныхъ ему во французскихъ журналахъ.

Болѣе благоразумные и достовѣрные свидѣтели, чѣмъ Тэнъ, Мишле и Ренанъ не менѣе ліричны во славу Германіи.

Мишле заинтересовался самой основой поразительнаго философскаго развитія Германіи и нашелъ ее въ реформаціи. Въ нѣдрахъ католичества невозможно ничего подобнаго. Реформація по самой сущности—прогрессъ личной мысли и нравственной свободы. Отсюда энтузіазмъ Мишле предъ Лютеромъ и «культъ Германіи»,—во имя ея великаго реформатора.

Такія же чувства и такая же ассоціація идеи одушевляютъ Ренана. Для него Германія—храмъ, нравственное ученіе Канта—совершеннѣйшее произведеніе человѣческаго ума, и философомъ овладѣваютъ мрачныя мысли, когда онъ начинаетъ сравнивать страну мыслителей съ своей родиной. У Франціи нѣтъ культурнаго міроваго будущаго. Она безсильна обновить человѣчество; остается Германія. Какъ бы французскій ученый желалъ быть такимъ же мыслителемъ, какъ Гердеръ, Кантъ, Фихте; но развѣ это возможно въ католической средѣ?

И Ренанъ договорился до голоса сердца г-жи Сталь, онъ даже, какъ надлежитъ философу и ученому, обобщаетъ чувствительную рѣчь и переноситъ ее въ область неотразимыхъ законовъ природы. Галльская раса, по мнѣнію Ренана, тогда только раскроетъ всѣ свои духовныя богатства, когда время отъ времени будетъ оплодотворяться германской расой.

Все это отнюдь не реторика, а глубоко продуманное убѣжденіе, подтверждаемое тщательнѣйшимъ изученіемъ нѣмецкой науки, мысли, и кто бы могъ ожидать изъ устъ француза—ея «*чуднаго* языка»!

Такъ перемѣнились настроенія съ того времени, когда нѣмецкій діалектъ казался Вольтеру не болѣе, какъ собачьимъ лаемъ.

«Идите въ Германію, только одна Германія усовершенствуетъ васъ какъ слѣдуетъ!» Это подлинный кличъ французовъ,—помните народа, еще такъ недавно являвшаго изъ себя безспорную монархическую власть ума и искусства надъ всей Европой и теперь готовой забыть, сколько зрѣлыхъ плодовъ собрали на ея нивахъ величайшіе писатели Германіи въ родѣ Лессинга, Шиллера, Гёте.

Трудно сказать, къ какому бы результату привело это теченіе, дѣйствительно ли осуществилось бы сліяніе германскаго генія съ галльскимъ, долго ли оставался бы порядокъ вещей, когда, напримѣръ, появленіе статьи о Гегелѣ становилось событіемъ литературы... Все это вопросы преждевременно закатившихся и прекрасныхъ дней Аранжуэца...

Еще Тэнъ продолжаетъ горѣть прусскими чувствами противъ Австріи, во время войны 1866 года, еще онъ питаетъ замыселъ сочинить особую книгу въ честь германской націи, гдѣ бы собраны были всѣ движенія восторженнаго и благодарнаго сердца философа, вдругъ «сѣверовосточный вѣтеръ» убиваетъ пѣсню еще въ груди соловья. Наступилъ «страшный годъ», и перспективы мгновенно измѣнились.

Страна недосягаемаго глубокомыслія и эфирнѣйшаго идеализма оказалась также родиной Бисмарковъ и Мольтке. Какъ всѣ эти

Тэны и Ренаны за прекраснодушіемъ Миньонъ и Германовъ, за діалектическими полетами философовъ просмотрѣли пруссака, уже сильно успѣвшаго заявить себя въ исторіи! Не особенно давно существовалъ Фридрихъ II и совсѣмъ еще недавно Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Одинъ — въ юности легкомысленный обожатель энциклопедической философіи, на тронѣ съ волшебной быстротой превратился въ «совершенно прусскаго» человѣка и произнесъ отреченіе отъ «всѣхъ этихъ глупостей»—разумѣлись стихи и Вольтеръ. Другой гораздо послѣдовательнѣе: для него всю жизнь «либерализмъ» представлялся въ формѣ душевнаго недуга или эпидеміи въ родѣ холеры.

Это бы еще было ничего: можетъ, въ подобномъ воззрѣніи и заключается «обязанность прусскаго короля», какъ выражался Фридрихъ II,—гораздо важнѣе, что Ранке раздѣлялъ чувства своего монарха, что Гегель готовъ былъ «разумную дѣйствительность» ввести въ прусскій фронтъ и діалектическое развитіе идеи расположить по плану прусскаго прогресса. Это обстоятельство должно бы обратить вниманіе французскихъ германофиловъ. Но сильнымъ чувствамъ, очевидно, суждено быть слѣпыми...

Разочарованіе постигло бѣдныхъ шиллеристовъ и гегельянцевъ внезапно, будто громъ изъ яснаго неба. Не только такіе проницательные политики, какъ Тэнъ, привѣтствовали побѣду при Садовой и явное пруссифицированіе поэтической и ученой Германіи, но даже безусловно мыслящіе французы все еще продолжали упиваться грезами о появленіи на міровую сцену новаго франко-нѣмецкаго генія, блестящаго и глубокаго, общедоступнаго и важнаго, однимъ словомъ, сливающаго въ своемъ существѣ все великое и прекрасное земли.

И вдругъ нашествіе, погромъ и *Пѣснь о черномъ орлѣ*—призывъ къ германской націи «совершить послѣднее кровавое путешествіе» къ страсбургскому собору... Подъ *пѣсней* стояло имя *ученаго историка*—Генриха Трейчке...

III.

Историкъ, авторъ военной пѣсни, написанной для аккомпанимента съ барабаномъ,—оригинальная черта эпохи франко-прусской борьбы. Но она не единственная и не временная.

Прежде всего любопытно, что именно Трейчке искреннѣе всѣхъ современныхъ поэтовъ отозвался на военныя событія. Никому не удалось вдохновиться зарей германскаго единства и даже остававшіеся въ живыхъ пѣвцы единой имперіи въ эпоху идеальныхъ сороковыхъ годовъ, теперь не находили въ себѣ силъ отозваться на явное осуществленіе своихъ мечтаній. Выручилъ Трейчке, не питавшій ни малѣйшаго сочувствія къ допотопнымъ идеологамъ.

Это въ высшей степени замѣчательно. Поэты молчатъ, а ученые поютъ. Одновременно съ Трейчке знамя побѣдоносныхъ войскъ взяли въ руки еще двое ученыхъ первостепеннаго таланта—Моммзенъ и Штраусъ.

Дѣло пошло уже не о гимнѣ и не о страсбургскомъ соборѣ, а просто о правахъ Франціи на политическое бытіе. Моммзенъ находилъ вопросъ не только сомнительнымъ, но прямо рѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Французы—раса кельтическая, а эта раса, по изслѣдованіямъ историка, «не отличается твердостью и гибкостью стали», т. е., по толкованію самого изслѣдователя, не обладаетъ политическими талантами. Остается безропотно исчезнуть съ лица земли, и любимый герой историка—цезарь—положилъ основаніе этой судьбѣ, истребилъ въ свое время милліонъ галловъ. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ великое дѣло продолжаютъ англичане, всячески измываясь надъ ирландцами. За ними должны пойти нѣмцы. Настоящая война ихъ съ французами не просто война двухъ народовъ, а борьба расъ и по «приговору историческаго развитія» одна—германская — должна восторжествовать, а другая — кельтическая— испить чашу до дна.

Такъ послѣдовательно историкъ умѣетъ вязать завѣты вѣковъ съ прусскими тріумфами. Это искусство не покинетъ Моммзена до послѣднихъ дней, и онъ, натравивши однажды нѣмцевъ на французовъ, произведетъ ту же операцію по случаю распри нѣмцевъ съ славянами, и все во имя принципа *расы* и историческаго прогресса.

Штраусъ не такъ рѣшителенъ и болѣе культуренъ, но и ему нѣтъ основаній впадать въ чувствительность. Тѣмъ болѣе, что наивные французы десятилѣтіями собирали противъ себя всевозможныя улики. Въ ослѣпленіи восторга предъ глубокомысленной и дѣвственной Германіей, они насочинили груду сатиръ на отечественное легкомысліе—умственное и нравственное. Теперь нѣмцамъ оставалось только цитировать своихъ противниковъ и зажимать имъ ротъ ихъ же рѣчами. И подобное зрѣлище совершается воочію.

Моммзенъ разноситъ французскую литературу, сравнивая ее съ грязной водой Сены, и изыскиваетъ средства спасти міръ отъ этого яда. Штраусъ, менѣе запальчивый, бьетъ тѣмъ основательнѣе.

У него завязалась переписка съ Ренаномъ, и какую печальную роль онъ играетъ предъ своимъ «ученымъ учителемъ»! Предъ нами борьба вооруженнаго съ головы до ногъ воина съ безоружнымъ штатскимъ человѣкомъ. Штраусъ побиваетъ Ренана неотразимой логикой фактовъ: и прошлымъ, и настоящимъ Франціи, и сравнительной оцѣнкой германской цивилизаціи и литературы съ французской, германской вдумчивости съ французской погоней за эффектомъ...

Штраусъ ни разу не ссылается ни на одного француза, но Ренанъ долженъ чувствовать всю горечь нѣмецкихъ уликъ и, можетъ быть, тайное злорадство учителя. Ренанъ рѣшается заговорить объ умѣренности, о человѣколюбіи, даже объ евангельскихъ истинахъ. Въ отвѣтъ нѣтъ и предѣловъ торжеству Штрауса. Французы всю исторію свою наполнили войнами, неоднократно потрясали миръ всей Европы, а теперь вооружаются евангеліемъ! Нѣтъ! нѣмцы извлекутъ изъ войны все, что только могутъ, и *продиктуютъ* условія міра *).

Ренанъ пытается возразить соображеніями о нежелательномъ ослабленіи и даже смерти Франціи, какъ страны, необходимой въ концертѣ міровой культуры. Штраусъ не совсѣмъ согласенъ; онъ не видитъ, чтобы Франція, въ своемъ настоящемъ видѣ, была безусловно нужна въ хорѣ цивилизованныхъ народовъ.

---

*) Вся переписка, безъ одного письма Ренана, напечатана въ *Kleine Schriften* Strauss'a. Bonn 1877, Erster Band. Всѣ письма Ренана въ *La Reforme intellectuelle et morale*.

Правда, она всегда являлась горячей протестанткой противъ всего мертваго и односторонняго, противъ педантизма и догматизма. Эта струна—цѣнна, но ничто не мѣшаетъ ослабить ея звукъ, т. е. заставить замолчать единственныя трубы Франціи, нарушавшія безпрестанно европейскую гармонію.

Однимъ словомъ, Ренану всѣ пути заказаны, прежде всего, конечно, потому, что у сильнаго всегда безсильный виноватъ.

Такъ горячо ученые встали на защиту совершавшихся событій! Законное чувство патріотизма увлекло ихъ далеко за предѣлы той самой образованности и вообще цивилизаціи, на какую они съ гордостью указывали въ своемъ отечествѣ. Патріотизмъ быстро переродился въ нетерпимое настроеніе національной исключительности. Ученые могли гордиться, что они въ сильной степени подготовили результаты войны. Въ сороковые годы идея германскаго единства стояла въ политической программѣ либеральныхъ идеологовъ, въ родѣ Гервинуса. Штраусъ даже указывалъ на связь настоящаго съ прошлымъ и проводилъ интересную параллель: тогда была идея, но не было силы ее осуществить, теперь идея нашла осуществителей въ лицѣ прусскихъ талантовъ. Это—одно.

Другое—фактъ присоединенія Эльзаса и Лотарингіи также наслѣдство ученыхъ. Они упорно доказывали, что обѣ эти земли исконно-нѣмецкія, что языкъ, нравы, культура въ нихъ—германскаго происхожденія и, слѣдовательно, провинціи должны быть отторгнуты отъ Франціи.

Мы видимъ, научная мысль предшествовала и сопровождала объединеніе Германіи. Казалось, никогда еще во всей исторіи, до такой степени послѣдовательно политика не выполняла предначертаній знанія и идей. Фактъ, дѣйствительно, поражалъ съ перваго взгляда. Положимъ, моммзеновскіе манифесты никоимъ образомъ нельзя было приписать учености и идеализму, но, можетъ быть, человѣка охватилъ патріотическій азартъ, затмилъ на время его здравый смыслъ и лишилъ человѣческаго достоинства. Пройдутъ моменты возбужденія, и ученый лучше пойметъ свое назначеніе.

Подобныхъ настроеній держался, по крайней мѣрѣ, Штраусъ.

Онъ настаивалъ на исключительно культурномъ характерѣ франко-германской распри, въ борьбѣ видѣлъ осуществленіе исторической правды, и горячо протестовалъ противъ дальнѣйшаго развитія воинственной горячки въ своемъ отечествѣ. Онъ и не вѣрилъ въ такое паденіе.

Нѣмцы возстановятъ справедливость, оправдаютъ свой національный идеалъ, и сложатъ мечи. Дальше начнется величественное шествіе мира, гуманности и цивилизаціи.

Европа будетъ вполнѣ довольна новымъ порядкомъ вещей, человѣчество, благодаря нѣмецкимъ побѣдамъ и германскому объединенію, сдѣлаетъ значительный шагъ впередъ и люди, двигающіе прогрессъ, снова радостно протянутъ руки другъ другу.

И Штраусъ разсчитывалъ прежде всего на совершенное дружелюбіе съ своимъ корреспондентомъ...

Но, очевидно, судьба нѣмцамъ безпрестанно создавать все новыя воплощенія маркиза Позы. Едва Штраусъ дописалъ свои сладкія рѣчи, какъ ему пришлось поссориться какъ разъ съ Ренаномъ. *Аугсбургская газета*, печатавшая письма нашихъ корреспондентовъ, не напечатала письма Ренана, очевидно, изъ чувства оскорбленнаго патріотизма. Лапа побѣдоноснаго льва начинала царапать и Ре-

нанъ болѣзненно почувствовалъ первую же царапину. Штраусъ не обратилъ вниманія на поступокъ газеты и напечаталъ отвѣтъ на *ненапечатанное* письмо Ренана. Мало этого. Онъ издалъ всю переписку въ пользу нѣмецкихъ инвалидовъ...

Ренану оставалось право протестовать, но опять голосомъ слабѣйшаго. Онъ писалъ своему «учителю»:

«Страсть, которая васъ наполняетъ и которая кажется вамъ священной, способна побудить васъ на тягостный поступокъ», *un acte pénible*.

Это—очень метко, и дальнѣйшія рѣчи Ренана о томъ, сколько международной ненависти, дикихъ и корыстныхъ притязаній, неизлѣчимаго недовѣрія, вызоветъ германское торжество въ средѣ европейскихъ націй, эти рѣчи звучатъ истинно-пророческой силой. Любопытно, что философъ почти предсказалъ франко-русскій союзъ, не видя въ будущемъ для Франціи иного выхода, кромѣ единенія съ славянами.

Но Ренанъ пророчествовалъ въ области внѣшней политики. Труднѣе, но и поучительнѣе было проникнуть въ будущее внутренняго культурнаго прогресса вновь возникшей имперіи. Штраусъ готовъ былъ рисовать чистую идиллію, тоже исконное голубое небо германскаго идеализма, только помимо звѣздъ разукрашенное еще лаврами. На сколько же жизнь совпала съ мечтами!

IV.

Трейчке, затмившій поэтовъ во время войны, поспѣшилъ дать точный отвѣтъ на счетъ и жизни, и мечтаній. Онъ, убѣдившись лично въ безсиліи поэтовъ воспѣть достойно великое національное событіе, имѣлъ полное право положить въ основу своего культурнаго міросозерцанія презрѣніе къ поэзіи и вообще литературѣ, особенно въ ея такъ-называемыхъ идеальныхъ задачахъ.

Онъ—блестящій ораторъ, направилъ всю силу своего слова противъ преданій прекраснодушнаго германскаго творчества, именно того самаго творчества, которое создало Германіи культъ по ту сторону Рейна. Прежде всего развѣнчанъ *Натанъ Мудрый*, за вздорную неосуществимую идею единенія народовъ, а потомъ въ такой же мѣрѣ оцѣнена и вся прочая идеологія XVIII-го вѣка.

Эстетика оригинальнаго критика чрезвычайно несложна. Величайшіе поэты нашего времени—Бисмаркъ и Кавуръ и они воплощаютъ идею прекраснаго въ государственномъ организмѣ. Оба героя стóятъ другъ друга: одинъ основалъ *военную монархію* въ полномъ смыслѣ, по мнѣнію профессора, германское національное государство, другой — совершеннѣйшій образецъ *нелитературности*. Онъ не читалъ даже такихъ отечественныхъ поэтовъ, какъ Аріосто и Данте; для него — по его собственному героическому признанію — легче объединить Италію, чѣмъ сочинить сонетъ. Онъ всю жизнь оставался только военнымъ человѣкомъ, хозяиномъ своихъ помѣстій и политикомъ. Вотъ это идеалъ!

И на родинѣ профессора должна обязательно водвориться прусская манера управлять и подчиняться. *Preussische Zucht* написано на знамени новаго германскаго прогресса, и долой всякій либерализмъ, космополитизмъ и прочія чувствительности. Да здравствуетъ желѣзный патріотизмъ и несокрушимая воинственная отвага подъ крыльями безпощаднаго «чернаго орла».

Трейчке велъ свою линію очень послѣдовательно. Отъ его перуновъ не спасся ни парламентъ, ни даже покойный императоръ Фридрихъ. Историкъ, очевидно, чувствовалъ подъ собой прочную почву и ратоборствовалъ, не покладая рукъ.

И вполнѣ естественно. Литературность, личный врагъ профессора, продолжала оставаться въ состояніи конфуза и послѣ объединенія отечества.

На первыхъ порахъ всѣхъ обуяли восторженныя ожиданія. Прошлое, казалось, ихъ поощряло. Въ самомъ дѣлѣ,—когда Германія не представляла изъ себя никакой цѣльной политической силы и являлась не болѣе, какъ этнографическимъ терминомъ, ее успѣли прославить Гёте, Шиллеръ, Лессингъ. Что же будетъ теперь, когда Германія царитъ надъ міромъ, стала *Weltgebietende Macht*. «Всякая задача,—писалъ одинъ изъ патріотовъ,—какую бы время ни предъявило матеріальнымъ и идеальнымъ силамъ нашего народа, казалась легкой»...

Разочарованіе поразило энтузіастовъ немедленно, еще раньше, чѣмъ золотой дождь французскихъ милліардовъ до конца излился на побѣдителей.

Въ семидесятые годы на верху литературной славы стояли Фрейтагъ и Шпильгагенъ. Оба раньше успѣли зарекомендовать себя талантливыми и отзывчивыми писателями. Теперь глаза всей читающей Германіи невольно были обращены на нихъ. Романистамъ предстояло выполнить нравственный долгъ—показать публикѣ въ художественныхъ образахъ новыя теченія и новыхъ героевъ, вызванныхъ къ жизни великимъ политическимъ преобразованіемъ.

Такъ думали всѣ, и совершенно неожиданно увидѣли, что нѣмецкіе писатели начинаютъ увлекаться тѣми же стремленіями, какія въ первое время послѣ погрома господствовали въ странѣ побѣжденныхъ. Тамъ, въ наукѣ съ особеннымъ усердіемъ принялись изучать историческое прошлое, въ искусствѣ предались воспоминаніямъ о старыхъ талантахъ, сцена, напримѣръ, сразу переполнилась классическими комедіями и трагедіями XVII-го вѣка...

Со стороны Франціи это понятно. Люди всегда ищутъ отдыха отъ тяжелаго настоящаго въ лучшемъ прошломъ. Но въ Германіи дѣйствительность являлась такой блестящей и розовой! Казалось бы, у писателя не могло быть ни малѣйшей потребности направить тоскующіе взоры въ глубь вѣковъ. И особенно для Фрейтага, повидимому, это было неестественно.

Онъ, ближайшій очевидецъ фактовъ, лишь участвовалъ въ походѣ, жилъ при главной квартирѣ кронпринца и событія произвели на него глубокое впечатлѣніе. Но по какой-то странной ассоціаціи воображеніе писателя заинтересовала не совершавшаяся воочію дѣйствительность, а вызванныя ею историческія воспоминанія.

Побѣдоносная армія короля Вильгельма напомнила ему древнія полчища франковъ и аллемановъ, когда-то вторгавшихся въ римскую Галлію, и писатель принялся усердно отыскивать архивныя параллели къ недавнему тріумфу. Въ результатѣ—рядъ романовъ, посвященныхъ *предкамъ*. Всѣ они, конечно, дышали и горѣли патріотическими чувствами, но по существу оставались чуждыми новымъ интересамъ современниковъ. Публика видѣла историка, одареннаго художественнымъ иллюстраторскимъ талантомъ, но не находила поэта, чутко воспринимающаго радости и сомнѣнія своихъ соотечественниковъ... Оставался Шпильгагенъ.

Здѣсь надежды могли простираться еще выше. Вѣдь это тотъ самый писатель, который успѣлъ всю Европу увлечь неотразимыми образами «геніальныхъ» и «загадочныхъ» натуръ. Это онъ изобразилъ въ яркихъ краскахъ общественное движеніе Германіи наканунѣ мартовской революціи. Несомнѣнно, онъ и теперь попадетъ на соотвѣтствующій тонъ.

Прежде всего, что представляло нѣмецкое общество наканунѣ борьбы за объединеніе?

Шпильгагенъ въ отвѣтъ переноситъ читателей въ мѣщанскую душную атмосферу второстепеннаго нѣмецкаго двора и раскрываетъ сѣть интригъ, обуревающихъ никому ненужный жалкій муравейникъ и бередящихъ микроскопическую фантазію политиковъ-лиллипутовъ.

Послѣ войны является Шпильгагенъ, сочиняетъ романъ *Sturmflut*. Публика ждала романа съ напряженнымъ нетерпѣніемъ. Поэтъ готовился изобразить нравственную смуту, охватившую нѣмцевъ въ самый разгаръ торжества, заклеймить оргію, вызванную милліардами и дикой погоней за животными благами. И романистъ могъ располагать богатѣйшимъ матеріаломъ.

Обширная сцена быстро выросшей столицы, вереница новыхъ типовъ дѣльцовъ, авантюристовъ и ихъ жертвъ, сплошь одержимыхъ горячкой предпринимательства за предѣлами всякаго нравственнаго кодекса.

Шпильгагенъ, вмѣсто широкой вдумчивой живописи, вмѣсто грандіозной эпической картины, представилъ сборникъ благородночувствительныхъ приговоровъ надъ современностью. Онъ не далъ психологіи общества и не раскрылъ съ проницательностью, доступной истинному художнику, полноту воочію развивающейся новой жизни. Онъ повторилъ роль израильтянина, сидящаго на рѣкахъ вавилонскихъ и краснорѣчиво оплакалъ свой погибшій Іерусалимъ—идеализмъ сороковыхъ годовъ. Но это не значило убѣдить публику въ заразѣ, ее окружающей, и указать ей прямые пути къ искупленію. Люди благонамѣренные могли искреннѣе сочувствовать благородному негодованію писателя, но научиться у него было нечему.

Дальше шелъ длинный рядъ «второстепенныхъ боговъ», большею частью начавшихъ свое литературное бытіе въ героическую эпоху объединенія. Эта молодежь поняла свою отвѣтственность и рѣшила быть достойной созвѣздій, встрѣчавшихъ ея появленіе на сцену. Они провозгласили новый *Sturm und Drang* отечественной литературы, т. е. такое же геніально стремительное движеніе къ новому и оригинальному, какое создано старымъ романтизмомъ, увѣнчано Шиллеромъ, Гете и множествомъ менѣе яркихъ, но также приснопамятныхъ свѣтилъ нѣмецкой поэзіи.

Теперь, объявляла молодежь, настало также время бури и натиска, должны быть проложены новые пути творчества, завоеваны невѣдомые до сихъ поръ источники вдохновенія, и тогда современная литература станетъ на уровнѣ политическаго могущества Германіи.

Говорились сильныя рѣчи, но какими же чудесами разрѣшились отважные ораторы?

На этотъ вопросъ уже неоднократно отвѣчали сами нѣмецкіе критики.

Далъ, между прочимъ, отвѣтъ и Максъ Нордау въ своемъ

Вырожденіи. Здѣсь имѣется эффектная глава подъ заглавіемъ—*Младогерманскія обезьяны—Die jungdeutschen Nachäffe.* Заглавію соотвѣтствуетъ и характеристика, разбивающая нà-голову юную нѣмецкую беллетристику.

Это сраженіе не представляло бы особеннаго интереса. Цѣна воинственныхъ предпріятій Нордау извѣстна: въ нихъ всегда больше театральнаго сногсшибательнаго героизма, чѣмъ любви къ истинѣ. Но авторъ «парадоксовъ» на этотъ разъ попалъ въ благодарную среду и могъ съ полнымъ правомъ изощрять свое краснорѣчіе.

Его издѣвательства надъ особой породой берлинскихъ беллетристовъ, съ ужасающимъ франко-тевтонскимъ жаргономъ и съ наивнѣйшимъ чисто-плебейскимъ обожаніемъ наноснаго пораженію шика — вполнѣ вѣрны дѣйствительности и представляютъ серьезную сатиру.

Скороспѣлый нѣмецкій *Weltstadt—міровой* городъ, непосредственно послѣ торжества надъ производителями «грязной воды», сломя голову набросился именно на эту воду. Газетная и журнальная печать наводнилась сенсаціонными романами въ стилѣ парижскихъ бульварныхъ листковъ, скандалы и судебная хроника французской столицы стали доставлять излюбленную пищу нѣмецкимъ талантамъ и, что убійственнѣе всего,—нѣмецкіе таланты принялись щеголять развинченностью парижскихъ манеръ и капризами парижскаго жаргона. И какъ щеголять! На манеръ нашихъ нижегородскихъ галломановъ, для которыхъ французское le bien être général значило хорошо быть генераломъ, а русское *Горе отъ ума—Malheur à force d'Esprit...* Нордау умѣетъ набрать множество именно подобныхъ примѣровъ франко-берлинской просвѣщенности.

И Нордау не остался въ одиночествѣ: именно потому и любопытны его злостныя упражненія. Въ послѣднее время безпрестанно слышатся вопли искреннихъ нѣмецкихъ патріотовъ, горючими слезами оплакивающихъ обезьянскій и вырожденскій характеръ новаго періода бури и натиска. Три года назадъ, лейпцигскій профессоръ Лицманнъ издалъ цѣлую книгу весьма пессимистическаго содержанія *). Авторъ весь на сторонѣ германскаго единства и въ свое время преисполненъ былъ самыми выспренними надеждами на новое движеніе германской мысли и творчества. И чѣмъ беззавѣтнѣе были надежды, тѣмъ горше оказался обманъ. Лицманнъ рѣшилъ признать его всенародно, и представилъ картину берлинскаго періода литературы съ не менѣе рѣзкими чувствами, чѣмъ Нордау.

Лицманнъ переполнилъ свой обвинительный актъ цитатами изъ произведеній старыхъ романтиковъ и новѣйшихъ бурныхъ геніевъ и пришелъ къ грустному заключенію: тамъ сильное, оригинальное и здоровое вдохновеніе, культъ ума, науки и отзывчиваго сердца, теперь, вмѣсто всего этого, симптомы всевозможныхъ недуговъ, исторіи, неразумной подражательности—вплоть до подчиненія символизму и декадансу.

И что ужаснѣе и противоестественнѣе всего, новая нѣмецкая драма—копія съ французской, притомъ грубая, ремесленническая, ученически-рабская. Галлія будто отомстила Германіи за военный разгромъ, взяла въ свое подданство ея художественное творчество, ту самую силу, какую она раньше готова была превознести даже въ ущербъ своей національной гордости.

---

*) *Das Deutsche Drama in den literarischen Bewegungen der Gegenwart* Leipzig, 1894.

И спасеніе, повидимому, очень далеко. Даже первостепенный драматическій талантъ пребываетъ въ «авиньонскомъ плѣненіи»; что же говорить о другихъ? Да, Гергардъ Гауптманъ, этотъ тріединый геній, вобравшій въ себя элементы Шиллера, Гёте, Шекспира, ничто иное, какъ одно изъ воплощеній недуга *международности* въ новѣйшемъ нѣмецкомъ искусствѣ.

V.

До какой степени Гауптманъ мало оригиналенъ и слабъ, какъ представитель самобытнаго германскаго духа, доказываетъ вся книга Бартельса. Критикъ для всякой пьесы своего автора непремѣнно находитъ *Patenstück*, т. е. *подлинникъ* и почти всегда иностранный. Золя, Ибсенъ, гр. Толстой вдохновители Гауптмана не только въ общихъ мотивахъ, но даже въ частностяхъ.

Гауптманъ началъ школьническимъ подражаніемъ Байрону, сочинилъ поэму по программѣ Чайльдъ-Гарольда; это былъ *романтизмъ*. Потомъ сразу совершился переходъ къ *натурализму*—и какому! Даже нѣмецкій критикъ признаетъ такія драмы, какъ *Предъ восходомъ солнца* и *Одинокіе люди*—патріотическимъ матеріаломъ. Наконецъ, *столь же неожиданно*: эта черта особенно замѣчательна—Гауптманъ выступилъ съ символическими пьесами, *Ганнеле* и *Потонувшій колоколъ*.

Путь—истинно головокружительный, если принять во вниманіе молодость драматурга. Достигъ ли онъ цѣли и успокоится ли онъ на аллегорическихъ сказкахъ или устремится еще дальше? Говорятъ, онъ пишетъ *Христа...* Будетъ ли религіозная или даже мистическая драма—неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, натурализму, повидимому, конецъ. Гауптманъ все дальше уносится отъ земли и скучной земной правды.

Фактъ, достойный вниманія, но имъ не исчерпывается интересъ, представляемый Гауптманомъ.

О романтической поэмѣ не можетъ быть рѣчи: ее самъ авторъ потомъ предавалъ уничтоженію. Слѣдовательно, свое литературное крещеніе онъ считаетъ съ натуралистическихъ драмъ.

Первую изъ нихъ онъ назвалъ «соціальной драмой». Это звучало самой нервной современностью и молодому автору дѣлало честь, рѣшительность, отдать свое вдохновеніе безпокойнѣйшему вопросу дня.

Но заглавіе оказалось просто фальшивой вывѣской. Въ драмѣ весь соціализмъ ограничивается ролью демократическаго мечтателя весьма сомнительной нравственной силы и даже просто подозрительнаго ума. Онъ влюбляется въ дѣвицу, узнаетъ, что ея семья заражена алкоголизмомъ, и стремительно спасается отъ невѣсты. Въ этомъ алкоголизмѣ вся суть пьесы: авторъ просто изобразилъ семью пьяницъ, весьма реально представилъ симптомъ недуга, и даже не поставилъ «соціальнаго» вопроса.

Не поставилъ и не могъ поставить при своемъ взглядѣ на натурализмъ. Для Гауптмана это непремѣнно область патологіи. Мы видѣли героевъ, алкоголиковъ, въ слѣдующей драмѣ герой страдаетъ маніей преслѣдованія, въ *Одинокихъ людяхъ* «одинокій человѣкъ» съ разбитыми нервами и совершенно неспособенъ ни владѣть собой, ни отдавать здравый отчетъ въ своихъ желаніяхъ и въ явленіяхъ внѣшней дѣйствительности.

Положимъ, нашъ вѣкъ, говорятъ, по преимуществу нервный,

хотя, вѣроятно, исторія и отвергла бы эту привилегію, напомнивъ только одни средневѣковые психозы на почвѣ религіи... Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что Гауптманъ именно на недужныхъ въ полномъ смыслѣ клиническихъ субъектовъ возлагаетъ рѣшеніе самыхъ головоломныхъ задачъ, по его, по крайней мѣрѣ, замыслу.

Напримѣръ, *Одинокіе люди* должны изображать ни болѣе, ни менѣе, какъ борьбу поколѣній, нѣмецкихъ отцовъ и дѣтей. И, знаете, на какой основѣ? *Сынъ*, поклонникъ Дарвина, Геккеля, Дюбуа-Реймона, а *отцы*—религіозны и не сочувствуютъ его естественно-научной работѣ. На сторонѣ отцовъ и жена несчастнаго. Отсюда драма. Зачѣмъ собственно нашему ученому сочувствіе окружающихъ, чтобы писать книгу—остается неизвѣстнымъ. И потомъ, противополагать естественныя науки религіозному чувству, непозволительно наивно: герою стоило бы вспомнить сочувственное письмо знаменитаго англійскаго богослова къ Гексли о дарвиновской теоріи, и, можетъ быть, его набожный пасторъ пересталъ бы ворчать на портретъ Дарвина. Но, не зависимо отъ этого обстоятельства, какъ животрепещуще-ново и поучительно устраивать культурную распрю во имя прогресса, въ девяностыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка, по поводу естествознанія? Кое-гдѣ авторъ, можетъ быть, ухитрился бы отыскать и такихъ *отцовъ*, которые не признаютъ не только естественныхъ, а вообще всякихъ наукъ. Но какой вышелъ бы толкъ изъ благородныхъ рѣчей *сыновей*? Тургеневскій романъ, на тридцать лѣтъ опередившій драму Гауптмана, неизмѣримо глубже захватывалъ вопросъ о *старомъ* и *новомъ*, не минуя того же естествознанія. И потомъ, русскій *сынъ* не представлялъ готоваго паціента по нервнымъ болѣзнямъ, а обладалъ всѣми данными постоять за себя.

А здѣсь, сильнѣйшая личность, русско-нѣмецкая нигилистика, Анна Моръ изъ Остзейскаго края и она своимъ появленіемъ должна доказать, какъ цѣнна дружба и взаимное пониманіе мужчины и женщины.

Герой горячо набрасывается на сродство душъ, своей и дѣвицы, но, по слабости своей натуры, не можетъ выпутаться изъ коллизіи идейнаго союза съ супружескимъ долгомъ и кончаетъ самоубійствомъ.

Было бы жестоко напутствовать несчастнаго «худая трава изъ поля вонъ», но нельзя не признать, что герой съ самаго начала оказался мертворожденнымъ и до невмѣняемости немощнымъ. Нѣмецкимъ патріотамъ оставалось бы придти въ полное отчаяніе, если бы такіе «одинокіе люди» представляли молодое поколѣніе современной Германіи.

А между тѣмъ авторъ самъ, повидимому, стремится внушить эту мысль: передовую политику у него олицетворяетъ комическій и трусливый доктринеръ, опытную науку—невропатъ. Послѣ такихъ ассоціацій не мудрено удариться въ символизмъ и у него доискиваться настоящей поэзіи и психологіи.

Алкоголизмъ сыгралъ свою роль еще въ одной драмѣ Гауптмана: здѣсь симптомы опьяненія и запойнаго пьянства изображены съ еще болѣе тщательными подробностями, но съ такими же цѣнными результатами для публики и для литературы, какъ и раньше. Настоящая *реальная* правда и душа здороваго человѣка оказывались неуловимыми для таланта и ума драматурга. Онъ попробовалъ попытать счастья въ исторіи и написалъ *Ткачей*.

Пьеса была сначала запрещена, что, конечно, подняло ея кредитъ и подготовило своего рода тріумфъ. Но натуралистическая наивность и непосредственность автора сказались и здѣсь.

Пьеса состоитъ изъ ряда картинъ, изображающихъ отчаянное положеніе силезкихъ рабочихъ въ срединѣ сороковыхъ годовъ. Но вся галлерея фактовъ и лицъ не проводитъ ни къ какимъ результатамъ, хотя *исторически* эти результаты существовали и продлжаютъ существовать. Силезскія событія, одинъ изъ корней современной соціалъ-демократіи, слѣдовательно, въ высшей степени сильнаго и яснаго отвѣта на поставленный экономическій вопросъ.

Гауптманъ, смѣшавши раньше соціальную драму съ діагнозомъ наслѣдственнаго алкоголизма, теперь въ заключеніе *Ткачей* проповѣдуетъ, «христіанскую» покорность судьбѣ. Можно подумать, его соблазнило знаменитое «непротивленіе злу» и онъ совершенно не распозналъ, по какому адресу можно и нельзя направлять это мнимо-христіанское откровеніе.

Въ нѣмецкомъ обществѣ оно не могло найти благодарной почвы, но для творчества автора — оно краснорѣчивый моментъ. Переходъ къ аллегоріямъ, видѣніямъ и сказкамъ не такое неожиданное приключеніе, какъ можно было подумать съ перваго взгляда.

У Гауптмана и въ натуралистическихъ драмахъ всегда дѣйствовали особые герои — *Sonderlinge*, по-русски можно бы перевести *уроды*. Подлиннаго *реализма*, слѣдовательно, не было и раньше, въ *содержаніи* пьесъ. А *смыслъ* мы только-что видѣли. Ни то, ни другое не препятствовало послѣ исторіи заняться игрой чистой фантазіи и послѣ больницы и анатомическаго театра изобрѣсти, ради отдыха и утѣшенія, панораму изъ чудесъ и сновидѣній.

Явилась *Ганнеле*. Реальная основа, по обыкновенію, не блещетъ новизной: это—судьба бѣдной сироты въ рукахъ жестокаго благодѣтеля. Тема, использованная всѣми литературами новаго времени и не Гауптману, конечно, соперничать хотя бы съ Диккенсомъ. Онъ и не соперничаетъ. Его героиня — совсѣмъ особенное существо. Она—четырнадцатилѣтняя крестьянская дѣвочка, но поэтизируетъ не хуже идеально-воспитанной и поразительно глубокомысленной барышни. Нашъ критикъ желаетъ даже знать, не читала ли она гетевскаго *Фауста?* Маргарита, во всякомъ случаѣ, не столь краснорѣчива, а по преціозному жеманничанью и вымученно-утонченному тону развѣ только бабочки XVII вѣка могутъ сравниться съ этимъ Wunderkind'омъ. Галлюцинаціи, ангельскіе голоса и прочія дива мы оставимъ въ сторонѣ: на все есть свои любители, вѣроятно, кому-нибудь понравится даже преступное, по нашему мнѣнію, смѣшеніе жестокой правды человѣческой нужды и безпомощности съ усладительными вымыслами невозмутимо-эпикурействующей и праздной фантазіи.

И *Ганнеле* нашла свою публику; еще счастливѣе оказался *Потонувшій колоколъ*. По крайней мѣрѣ, въ отечествѣ теперь Гауптмана иначе и не называютъ, какъ «авторомъ *Потонувшаго колокола*», и драматургъ можетъ остаться на разъ принятомъ пути.

Его новое произведеніе требуетъ толкованій, подобно *Божественной комедіи* и *Фаусту*. Но результаты получаются различные. Истолкованная поэзія Данта оказывается чрезвычайно рѣзкимъ, даже преднамѣреннымъ отраженіемъ дѣйствительности, и поэтъ, можетъ быть, прибѣгалъ къ аллегоріямъ и загадкамъ именно затѣмъ, чтобы прикрыть слишкомъ раздражающіе вопросы совре-

менности и словесной формой смягчить азартъ своихъ партiйныхъ политическихъ страстей.

У Гауптмана ничего подобнаго. Ключъ его ребуса—невиннѣйшая въ мiрѣ истина, по возрасту почтеннѣйшая среди всѣхъ человѣческихъ истинъ. Герой *Потонувшаго колокола* носитъ одно имя съ Фаустомъ, но новый Генрихъ не задается необъятными стремленiями своего тёзки къ всеобъемлющей истинѣ и живому безсмертному счастью. Онъ просто рѣшаетъ вопросъ по теорiи эстетики, какъ сдѣлаться настоящимъ поэтомъ?

Путь къ отвѣту преисполненъ иносказанiй и хитроумныхъ изворотовъ, но цѣль ясна, какъ день, и стара, какъ мiръ: сближенiе съ природой до обожанiя ея силъ и красотъ, вдохновенiе первобытнымъ творчествомъ, дѣвственной поэзiей сказокъ...

Стоило огородъ городить и изощряться въ тонкихъ узорахъ! Но для Гауптмана они — послѣднее слово его философскаго духа. Вопросъ теперь покончепъ со всѣми соцiальными драмами и психологическими задачами реальнаго мiра. Умъ и взоръ поэта *потонулъ* въ мiрѣ эльфовъ и фей и голосъ его звучитъ, подобно звону его колокола, «пѣснью дѣтской любви», внушенной сказками. Поэтъ прибавляетъ, вѣроятно, для красоты стиля, еще и «пѣснь родины».

Но врядъ ли сама «родина» можетъ принять участiе въ этомъ поэтическомъ концертѣ. Не до дѣтскихъ ей удовольствiй и она отлично знаетъ по опыту, что ужасы и бѣдствiя человѣческой жизни не боятся никакихъ колоколовъ ни реальныхъ, ни сказочныхъ, и поэтъ просто услаждаетъ себя праздными словоизверженiями, декламируя о грядущихъ чудесахъ своей дѣтской пѣсни.

Германiи придется подождать другихъ звонарей, болѣе зрѣлаго возраста, болѣе вразумительнаго таланта и, главное, съ болѣе осуществимыми для человѣческихъ силъ задачами.

А пока «родинѣ» приходится сидѣть въ глубокомъ траурѣ на могилахъ давно почившихъ своихъ великихъ сыновъ и съ тоской думать о будущемъ. Настоящее жестоко ее обмануло. Она, увѣнчанная лаврами, засыпанная золотой данью побѣжденныхъ, нуждалась только въ одномъ: въ могучемъ вдохновенномъ словѣ, которое разсказало бы потомству о великой эпохѣ. Она слышала такiя слова въ прошломъ, когда и помину не было объ ея величiи и силѣ, неужели же теперь—*Im Siegerkranz*,—въ вѣнкѣ побѣдъ, кругомъ нея воцарится безмолвiе или будутъ звучать только «дѣтскiя пѣсни» или, еще обиднѣе, пѣсни чужого народа, только что разбитаго и униженнаго!

Да, чашу пришлось выпить до дна и подтвердить старую историческую истину: побѣжденный народъ съ высшей культурой мститъ побѣдителямъ болѣе тяжелымъ игомъ, чѣмъ всѣ контрибуцiи, умственнымъ господствомъ и непреодолимыми нравственными влiянiями. И литература объединенной Германiи, при всѣхъ своихъ «буряхъ и стремленiяхъ», покорная данница французской, вплоть до символизма и декаданса. Явится ли и здѣсь свой Бисмаркъ и выполнитъ ли онъ вожделѣнiя отечественныхъ патрiотовъ въ родѣ упомянутыхъ нами критиковъ, видѣть родную литературу, самобытной и свободной? Это вопросъ и, повидимому, очень не близкаго будущаго. Сильны искушенiя зарейнской Цирцеи, если они такъ быстро, легко и безнадежно зачаровали современнаго нѣмецкаго Шекспира. **Ив. Ивановъ.**

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*L'Histoire*; *Entretiens sur l'évolution historique, par André Lefèvre*» (*Schleicher frères*). (*Исторія*; *бесѣды объ исторической эволюціи*). Авторъ начинаетъ съ того, что отказывается отъ всѣхъ предвзятыхъ теорій и принятыхъ воззрѣній на исторію. Свободный отъ всякихъ стѣснительныхъ путъ и отрѣшившись отъ заранѣе установленныхъ рамокъ, авторъ, съ своей личной точки зрѣнія, разсматриваетъ тридцать главъ всемірной исторіи, начиная съ древняго Египта и кончая причинами и послѣдствіями революцій. Сужденія автора отличаются оригинальностью и независимостью и, безъ сомнѣнія, они должны шокировать нѣкоторыя уже установившіяся вѣрованія и обращаютъ въ прахъ нѣкоторые изъ историческихъ догматовъ. Несомнѣнно, однако, что на воззрѣніяхъ автора все-таки отражается довольно сильное вліяніе матеріалистической доктрины. Во всякомъ случаѣ, его исторія заслуживаетъ прочтенія, хотя многимъ его взгляды покажутся, быть можетъ, черезчуръ смѣлыми и недостаточно убѣдительными.

(Revue des Revues).

«*La physiologie de la femme*» *par Paul Mantegazza*. (*Физіологія женщины*). Это сочиненіе не заключаетъ въ себѣ никакихъ оригинальныхъ взглядовъ и не носитъ строго-научнаго характера, тѣмъ не менѣе, въ немъ находится много интересныхъ цитатъ, сопоставленій и собрано много любопытныхъ данныхъ, касающихся женщинъ.

(Revue de Paris).

«*Le dressage des animaux et le combats des bêtes*» *par Pierre Hachet-Souplet (Maison Didot)*. (*Дрессировка животныхъ и борьба звѣрей*). Это очень интересная книга въ анекдотическомъ отношеніи и заслуживаетъ вниманія какъ ученыхъ, такъ и всѣхъ любителей животныхъ. Авторъ знакомитъ читателей со всѣми чудесами дрессировки животныхъ и расширяетъ существующія воззрѣнія на умъ животныхъ. Разсказавъ объ успѣхахъ, достигнутыхъ дрессировкою въ нѣкоторыхъ случаяхъ, авторъ говоритъ, что если бы нужно было сдѣлать классификацію животныхъ, сообразно съ ихъ умственными способностями. то во главѣ лѣстницы пришлось бы поставить обезьяну, затѣмъ собаку, слона, большихъ хищниковъ, кошку, тюленя, осла, лошадь, козу и т. д. Замѣчательно, что, судя по словамъ автора, гусь вовсе не такая глупая птица, какъ это принято думать; онъ обладаетъ довольно хорошею памятью и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже лучше поддается дрессировкѣ, нежели свинья и даже голубь; послѣдняго авторъ считаетъ положительно неспособнымъ къ ассоціаціи идей. На пресмыкающихся можно дѣйствовать только музыкой.

(Revue des Revues).

«*Société. Etat. Patrie* (*etudes historiques, politiques, philosophiques, sociales et juridiques*)» *par P. Fabrequettes membre de l'Académie des Sciences. Prix: 15 francs*. (*Государство, общество, отечество*). Ученый авторъ этого сочиненія разсматриваетъ идею общества, государства и отечества съ точки зрѣнія историка, философа, экономиста и юриста. Онъ изслѣдуетъ разнообразныя формы соціальной проблемы въ различныя времена. Прогрессъ, по мнѣнію автора, является результатомъ труда и человѣческой воли. Онъ не долженъ заключаться только въ матеріальномъ удовлетвореніи и въ развитіи наукъ, какія бы улучшенія это ни влекло за собою. Только свобода, руководимая идеей справедливости, служитъ залогомъ истиннаго прогресса. Авторъ, между прочимъ, доказываетъ, что главныя проблемы нашего времени столько же имѣютъ нравственный характеръ, сколько политическій и соціальный. Идеалъ автора—свободный индивидъ въ свободной ассоціаціи и государство, исполняющее свои функціи нравственнымъ и раціональнымъ образомъ. (Journal des Débats).

«*A History of China*» *by K. J. Machowan. London*. (*Исторія Китая*). Авторъ прожилъ долгіе годы въ Китаѣ и тамъ произвелъ историческія разслѣдованія. Его исторія Китая начинается отъ самыхъ легендарныхъ временъ, за 2500 или 3000 лѣтъ до Р. Х., и доходитъ до на-

шихъ дней, т.-е. вплоть до китайско-японской войны и симоносекскаго мирнаго договора. Къ книгѣ приложена прекрасная карта и нѣсколько интересныхъ прибавленій; между прочимъ, въ одномъ изъ нихъ сообщаются крайне любопытныя свѣдѣнія о народонаселеніи Китая. Въ виду возникновенія такъ-называемаго «вопроса крайняго Востока», книга эта пріобрѣтаетъ двойной интересъ.

(Revue des deux Mondes).

«*L'Ouvrier américain*» *par E. Levasseur*. (*Американскій рабочій*). Пятимѣсячное пребываніе въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1893 году дало возможность автору собрать факты и наблюденія, а также цифровыя данныя. Подвергнувъ все это тщательной обработкѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, авторъ представилъ свои выводы въ трехъ частяхъ, на которыя распадается его трудъ. Въ первой части онъ говоритъ о рабочемъ на работѣ, о рабочемъ въ его отношеніяхъ къ промышленности, нанимателю, ассоціаціямъ и т. д., а также о регламентаціи труда, стачкахъ, забастовкахъ, безработицѣ и заработной платѣ. Во второй онъ изучаетъ рабочаго въ его домашней обстановкѣ, изслѣдуетъ его образъ жизни, жилище, одежду, привычки, вкусы, условія благосостоянія и страданія. Третья часть посвящена рабочему вопросу въ различныхъ его видахъ, идеямъ реформы и мечтамъ, вызваннымъ порывами состраданія. Авторъ обсуждаетъ различные проекты ассоціацій, основанные на солидарности, и доктрины прогресса, высказывая, въ свою очередь, предположенія относительно вѣроятнаго и возможнаго будущаго.

(Revue de Paris).

«*Comment on devient criminel, principales causes de différentes catégories de crimes*» *par Théodore Carboud. Fribourg. Libraire de l'Université*. (*Какъ дѣлаются преступниками*). Авторъ, директоръ тюрьмы въ Фрибургѣ, задался цѣлью изучить генезисъ преступленія въ отдѣльныхъ случаяхъ, чтобы судить о причинахъ развитіи преступности въ различныхъ слояхъ современнаго общества. Собравъ въ своей книгѣ монографіи различныхъ преступниковъ, авторъ стремится опредѣлить, какія условія вліяли на преступника и чѣмъ было вызвано преступленіе. Книга очень интересна какъ съ юридической, такъ и психологической точки зрѣнія, и бросаетъ яркій свѣтъ на состояніе человѣческой души и современнаго общества.

(Journal de Génève).

«*Die Jungfrau und das Berner Oberland*». *Theodor Wundt. Berlin*. (*Юнгфрау и Бернскій Оберляндъ*). Очень изящное иллюстрированное изданіе отдѣленія австрійскаго и германскаго альпійскаго клубовъ. Эту книгу можно рекомендовать всѣмъ, желающимъ ознакомиться съ Бернскимъ Оберляндомъ и прекрасною, величественною горой, составляющей одно изъ его главныхъ украшеній.

(National Zeitung).

«*Marriage Customs in Many Lands*» *by M-r Hutchinson*. (*Брачные обычаи во многихъ странахъ*). Очень интересная книга, хотя и представляющая не что иное, какъ компиляцію разныхъ извѣстныхъ ученыхъ изслѣдованій по этому вопросу. Авторъ очень добросовѣстно изучилъ источники и поэтому книга его обладаетъ полнотою свѣдѣній, относящихся къ различнымъ странамъ и народамъ.

(Daily News).

«*Life and Letters of Harriet Beecher Stowe*» *Edited by Annie Fields* (*Sampson Low and C°*). (*Жизнь и переписка Гарріетъ Бичеръ-Стоу*). Эта новая біографія знаменитой американской писательницы изобилуетъ новыми данными относительно ея жизни и американскаго общества въ ея время. Въ этомъ отношеніи особенно интересна ея переписка, обрисовывающая общественное настроеніе въ эпоху, предшествующую великой борьбѣ.

(Daily News).

«*Die Sociale Frage im Lichte der Philosophie*». *Vorlesungen über Social-Philosophie und ihre Geschichte von D-r Ludivig Stein. Stuttgart*. (*Соціальный вопросъ въ философскомъ освѣщеніи*). Авторъ этихъ лекцій, Лудвигъ Штейнъ, состоитъ уже нѣсколько лѣтъ профессоромъ философіи въ율Бернѣ и пріобрѣлъ извѣстность своими историко-критическими изслѣдованіями философіи стоиковъ, Лейбница и Спинозы. Въ новомъ своемъ трудѣ онъ предпринимаетъ историко-психологическое изслѣдованіе развитія современнаго общественнаго строя и разбираетъ отношеніе къ соціальнымъ задачамъ и вопросамъ въ различныя эпохи, начиная отъ Платона до нашихъ дней. Книга проникнута глубокимъ соціальнымъ оптимизмомъ, въ основу котораго положено философское міровоззрѣніе.

(National Zeitung).

«*Dictionnaire de la Femme*» *encyclopedie-manuel des connaissances utiles à la femme, par G. Cerfberr et M. G. Ramin* (*Maison Didot*). (*Словарь женщины; энциклопедія полезныхъ знаній для женщины*). Въ этой книгѣ собраны всѣ свѣдѣнія о положеніи женщины въ различныхъ странахъ, а также разныя медицинскія, юридическія и гигіеническія указанія и всевозможныя свѣдѣнія, касающіяся домоводства и сельскаго хозяйства, которыя могутъ быть нужны и полезны для женщинъ.

(Revue des Revues).

«*Natural History in Shakespere's time*» *by H. W. Senger*. (*Естественная исторія во времена Шекспира*). Естественныя науки въ началѣ XVII вѣка находились еще въ пеленкахъ и, разумѣется, въ эпоху Елизаветы въ англійскомъ обществѣ были распространены въ высшей степени курьезныя понятія, въ родѣ, напримѣръ, того, что «египетская змѣя и крокодилъ зарождаются въ рѣчномъ илѣ подъ вліяніемъ сол-

нечныхъ лучей». Авторъ названной книги собралъ въ сочиненіяхъ Шекспира и другихъ авторовъ различныя указанія на подобныя ошибочныя воззрѣнія, господствовавшія среди англійской интеллигенціи тѣхъ временъ, и прослѣдилъ постепенный ходъ развитія естественныхъ наукъ и освобожденіе изъ-подъ гнета различныхъ суевѣрій и предразсудковъ. (Daily News).

«*Gleanings in Buddha Fields*» *by Lafcadio Hearn. London.* (*Жатва на поляхъ Будды*). О Японіи много писали въ послѣднее время, и европейская читающая публика должна быть достаточно знакома съ ея политической и соціальной жизнью, съ ея вооруженіями, парламентаризмомъ, съ ея общественнымъ строемъ, литературой, театромъ и артистами. Тѣмъ не менѣе, эта новая книга о Японіи представляетъ, несомнѣнно, выдающійся интересъ, такъ какъ авторъ писалъ ее не какъ путешественникъ-европеецъ, изучающій нравы и страну, а какъ истый японецъ, описывающій свою родину. Авторъ проникся японскимъ духомъ и поэтому ему удалось постичь такія тайны японской жизни, которыя совсѣмъ недоступны европейцамъ. Прибавимъ, что авторъ занимаетъ каѳедру англійской литературы въ университетѣ въ Токіо. (Daily News).

«*The Romance of the Yrish Stage*» *by J. Fitzgerald Molloy. London.* (*Романъ ирландской сцены*). Судя по названію, можно было бы думать, что рѣчь въ этой книгѣ идетъ только о театрѣ; между тѣмъ, въ ней описывается ирландское общество XVIII вѣка. Авторъ воспользовался историческими документами и поэтому его книга представляетъ не столько исторію театра, сколько исторію ирландской жизни и ея послѣдовательной эволюціи. (Daily News).

«*Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft*» *E. Grosse. Friburg und Leipzig.* (*Формы семьи и формы хозяйства*). Авторъ имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду изучить вліяніе одного только фактора, а именно экономической жизни, на развитіе брака и семьи; другими словами: авторъ изслѣдуетъ, какія формы семьи сопровождали извѣстные фазисы экономической жизни. Авторъ раздѣляетъ всѣ народы земли на пять классовъ: низшихъ охотниковъ и рыбаковъ, высшихъ охотниковъ и рыбаковъ, кочевниковъ, живущихъ исключительно скотоводствомъ, низшихъ земледѣльцевъ и высшихъ земледѣльцевъ, болѣе высокую и послѣднюю ступень развитія которыхъ составляютъ промышленные народы. Авторъ последовательно изучаетъ различныя формы семьи, вліяніе клана и общинной семьи, отношенія половъ, положеніе женщинъ и способы заключенія браковъ въ различные періоды экономическаго развитія. (National Zeitung).

«*Le Progrès de la Science économique depuis Adam Smith; revision des doctrines économiques*». (*Deuxième édition*) *Paris.* (*Прогрессъ экономической науки со временъ Адама Смита; обзоръ экономическихъ доктринъ*). Нельзя не отозваться съ большою похвалою объ этомъ новомъ трудѣ ученаго экономиста, воспользовавшагося громаднымъ матеріаломъ, имѣвшимся у него въ рукахъ, не только въ качествѣ экономиста и историка, но и въ качествѣ публициста. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать автору этой книги, заключается въ томъ, что онъ слишкомъ мало придаетъ значенія соціологіи, какъ наукѣ, которая воплощается для него только въ личности Огюста Конта. Но именно тѣ данныя, которыя авторъ собралъ въ своей книгѣ, обнаруживъ при этомъ громадную эрудицію, должны быть заложены въ фундаментъ великаго зданія соціологіи. (Journal des Débats).

«*Esquisse d'une philosophie de la religion d'après la psychologie et l'histoire*» *par A. M. Auguste Sabatier.* (*Очеркъ философіи религіи по даннымъ психологіи и исторіи*). Въ трехъ частяхъ этой книги авторъ изучаетъ религію и ея происхожденіе, христіанство и его сущность и изслѣдуетъ происхожденіе и развитіе религіознаго догмата съ философской точки зрѣнія. (Journal des Débats).

«*Volkshochschulen und Universitäts-Ausdehnungs Bewegung*». *Von Ernst Schultze in Berlin.* (*Высшія народныя школы и университетское движеніе*). Книга въ сжатомъ изложеніи знакомитъ читателя съ исторіей европейскихъ и американскихъ попытокъ приблизить университетъ къ народу. Авторъ даетъ подробный указатель литературы университетскаго движенія и подробно обсуждаетъ его этическую, соціальную и культурную роль въ жизни народовъ. (National Zeitung).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

раться въ густой темнотѣ, чтобы найти какое-нибудь болѣе чистое мѣстечко, гдѣ можно было бы сѣсть.

Долгій день проходилъ среди темноты и молчанія, и ночь не принесла никакой перемѣны. Среди полной пустоты и отсутствія внѣшнихъ впечатлѣній онъ постепенно потерялъ сознаніе времени, и когда на слѣдующее утро повернулся ключъ въ замкѣ, испуганныя крысы бросились съ пискомъ бѣжать мимо него,—онъ вскочилъ въ ужасѣ; сердце его безумно билось, въ ушахъ звенѣло, какъ будто бы его держали вдали отъ свѣта не часы, а цѣлые мѣсяцы.

Дверь открылась, пропустивъ слабый свѣтъ фонаря—ему онъ показался ослѣпительнымъ—вошелъ главный сторожъ съ кускомъ хлѣба и кувшиномъ воды въ рукахъ. Артуръ сдѣлалъ шагъ впередъ; онъ былъ увѣренъ, что сторожъ пришелъ, чтобы выпустить его; но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ выговорить слово, человѣкъ далъ ему въ руки хлѣбъ и кувшинъ, повернулся и ушелъ ничего не говоря; дверь снова закрылась.

Артуръ топнулъ ногой. Въ первый разъ въ жизни онъ чувствовалъ бѣшенство. Но по мѣрѣ того, какъ проходили часы, сознаніе времени и мѣста болѣе и болѣе ускользало отъ него. Темнота казалась безграничной, безъ начала и безъ конца, и жизнь какъ бы остановилась для него. На вечеръ третьяго дня, когда открыли дверь, и сторожъ появился у порога въ сопровожденіи солдата, Артуръ поднялъ глаза, ослѣпленный и растерянный, закрывая глаза отъ необычнаго свѣта и смутно думая о томъ, сколько часовъ или недѣль онъ провелъ въ этой могилѣ.

— Пожалуйте, — произнесъ холоднымъ дѣловымъ голосомъ сторожъ.

Артуръ поднялся и машинально пошелъ за нимъ, съ чувствомъ странной неувѣренности, шатаясь, какъ пьяный. Онъ оттолкнулъ руку сторожа, который хотѣлъ помочь ему подняться по крутымъ узкимъ ступенямъ, ведущимъ во дворъ. Но когда онъ дошелъ до послѣдней ступени, у него внезапно закружилась голова, онъ пошатнулся и упалъ бы, если бы сторожъ не поддержалъ его за плечо.

— Ну, теперь все будетъ ладно,— произнесъ привѣтливый голосъ; — это всегда бываетъ, когда выходятъ отсюда на воздухъ.

Артуръ дѣлалъ отчаянныя попытки вздохнуть, когда ему наново брызнули водой въ лицо. Темнота, казалось, отпадала отъ него, распадаясь съ грохотомъ на куски. Потомъ онъ вдругъ пришелъ въ полное сознаніе, и, оттолкнувъ руку сторожа, пошелъ почти твердо по корридору и по лѣстницѣ. Они остановились на минуту передъ какой-то дверью; потомъ она открылась, и прежде, чѣмъ Артуръ сообразилъ, куда его ведутъ, онъ очутился въ свѣтлой комнатѣ, гдѣ его прежде допрашивали, и въ смущеніи глядѣлъ на столъ, бумаги и чиновниковъ, сидящихъ на обычныхъ мѣстахъ.

— А, м-ръ Бертенъ! — сказалъ полковникъ. — Надѣюсь, теперь мы будемъ болѣе мирно разговаривать. Ну, какъ вамъ нравится карцеръ? Онъ не такъ роскошенъ, какъ гостиная вашего брата, не правда ли?

Артуръ поднялъ глаза на улыбающееся лицо полковника. Его обуяло бѣшеное желаніе схватить за горло этого фата съ сѣдыми бакенбардами и разорвать его зубами. Вѣроятно, это было замѣтно на его лицѣ, потому что полковникъ тотчасъ же прибавилъ совсѣмъ другимъ тономъ:

— Сядьте, м-ръ Бертенъ и выпейте немного воды! Вы возбуждены.

Артуръ оттолкнулъ стаканъ воды, который ему протягивали. Онъ оперся руками о столъ, опустилъ голову на руку и старался собрать свои мысли. Полковникъ сидѣлъ, зорко наблюдая за нимъ и замѣчая своимъ опытнымъ глазомъ легкое дрожаніе его губъ и рукъ, слѣды сырости на волосахъ и тусклый взглядъ, свидѣтельствующій о физическомъ угнетеніи и разстроенныхъ нервахъ.

— Теперь, м-ръ Бертенъ, — сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, —мы опять начнемъ съ того, на чемъ остановились и такъ какъ между нами произошли ма-

леренькія непріятности, то я долженъ сказать вамъ, что съ своей стороны желаю только быть благосклоннымъ къ вамъ. Если вы будете вести себя благоразумно,—мы не будемъ примѣнять къ вамъ излишнихъ строгостей.

— Чего вы хотите отъ меня?

Артуръ говорилъ жесткимъ, сердитымъ голосомъ, совершенно не похожимъ на его обыкновенный.

— Я хочу, чтобы вы намъ искренно, просто и честно сказали обо всемъ, что вы знаете относительно этого общества и его членовъ. Прежде всего, какъ долго вы знали Боллу?

— Я никогда въ жизни его не видѣлъ. Я ничего о немъ не знаю.

— Неужели? Ну, мы еще вернемся къ этому предмету. Я полагаю, вы знакомы съ молодымъ человѣкомъ, по имени Карлъ Бини?

— Я никогда не слыхалъ о такомъ человѣкѣ.

— Чрезвычайно странно! Ну, а Франческо Нерри?

— Въ первый разъ слышу это имя.

— А вотъ письмо, написанное вашимъ почеркомъ и обращенное къ нему. Посмотрите!

Артуръ небрежно взглянулъ на него и отложилъ его.

— Вы узнаете это письмо?

— Нѣтъ.

— Вы отрицаете, что это вашъ почеркъ?

— Я ничего не отрицаю, я не помню.

— Можетъ быть, вы вспомните это письмо?

Ему подали второе письмо и онъ увидѣлъ, что это было письмо, написанное имъ осенью одному товарищу.

— Нѣтъ.

— И не помните лицо, къ которому оно обращено?

— Нѣтъ.

— У васъ удивительно короткая память!

— Я всегда страдалъ этимъ недостаткомъ.

— Неужели? А мнѣ недавно говорилъ одинъ профессоръ университета, что васъ вовсе не считаютъ неспособнымъ. Напротивъ, васъ считаютъ очень умнымъ.

— Вы, вѣроятно, судите объ умѣ съ полицейской точки зрѣнія. Профессора университета употребляютъ это слово въ другомъ смыслѣ.

Въ голосѣ Артура ясно слышалось возрастающее раздраженіе. Онъ былъ физически истощенъ отъ голода, безсонницы и сквернаго воздуха. Каждая частица его тѣла причиняла ему боль. Голосъ полковника раздражалъ его возбужденные нервы, дѣйствуя на него какъ звукъ грифеля по доскѣ.

— М-ръ Бертенъ!—сказалъ полковникъ съ достоинствомъ, откидываясь въ креслѣ.—Вы опять забываетесь и я долженъ васъ опять предупредить, что такого рода разговоръ не доведетъ васъ до добра. Надѣюсь, вы достаточно испытали прелести карцера, чтобы не желать вторично заключенія въ немъ. Я долженъ откровенно сказать вамъ, что долженъ буду употреблять серьезныя мѣры, если вы будете продолжать отвергать болѣе мягкія. Помните, у меня есть доказательство, положительное доказательство, что нѣкоторые изъ этихъ молодыхъ людей занимались контрабанднымъ провозомъ запрещенныхъ книгъ, и о томъ, что вы были въ сношеніяхъ съ ними. Теперь спрашиваю васъ: хотите вы сказать безъ всякаго принужденія, что вы знаете относительно этого дѣла.

Артуръ низко опустилъ голову. Слѣпое, безсмысленно звѣрское бѣшенство копошилось въ немъ, какъ живое существо. Возможность потерять власть надъ собой казалась ему страшнѣе всего другого. Первый разъ въ жизни онъ понялъ, сколько возможной дикости скрыто за культурностью воспитанныхъ людей и за смиреніемъ христіанина. И ужасъ передъ самимъ собой обуялъ его съ великой силой.

— Я жду вашего отвѣта, — сказалъ полковникъ.

— Мнѣ нечего отвѣчать.

— Вы рѣшительно отказываетесь отвѣчать?

— Я вамъ ничего не скажу.

— Тогда я долженъ буду распорядиться, чтобы васъ опять посадили въ карцеръ, и держать васъ тамъ, пока вы не измѣните своего рѣшенія. Если вы

будете еще больше бунтовать, васъ закуютъ въ цѣпи.

Артуръ поднялъ глаза, дрожа съ головы до ногъ.

— Дѣлайте, что вамъ угодно!—медленно сказалъ онъ. — А позволитъ ли англійскій посланникъ, чтобы такъ обращались съ британскимъ подданнымъ, не доказавъ его преступности ни въ чемъ — это, конечно, его дѣло рѣшать.

Наконецъ, Артура отвели обратно въ его собственную камеру, гдѣ онъ бросился на постель и проспалъ до слѣдующаго утра. Въ цѣпи его не заковывали и мрачнаго карцера онъ больше не видѣлъ. Но распря между нимъ и полковникомъ обострялась съ каждымъ новымъ допросомъ. Артуръ тщетно молился въ своей комнатѣ, чтобы небо помогло ему побороть свои дурныя страсти, и напрасно онъ думалъ по цѣлымъ ночамъ о смиреніи и терпѣніи Христа. Какъ только его приводили опять въ длинную пустую комнату, къ покрытому сукномъ столу и онъ видѣлъ вылощенные усы полковника, мятежный духъ снова овладѣвалъ имъ, внушая ему озлобленныя возраженія и презрительные отвѣты. Прежде чѣмъ прошелъ мѣсяцъ со времени его заключенія, обоюдное раздраженіе достигло такой степени, что онъ и полковникъ не могли взглянуть другъ другу въ лицо, не теряя самообладанія.

Продолжительность этой мелкой войны начинала угнетать его нервы. Зная, какъ сильно за нимъ наблюдали и вспоминая слухи о томъ, что заключенныхъ поятъ белладоной и записываютъ ихъ бредъ, онъ понемногу сталъ бояться ѣсть и пить. Если мимо него пробѣгала мышь ночью, онъ вскакивалъ весь покрытый холоднымъ потомъ и дрожалъ отъ ужаса, воображая, что кто-нибудь спрятанъ въ комнатѣ и слушаетъ, что онъ говоритъ во снѣ. Начальство, очевидно, старалось устроить ему ловушку и вырвать у него какое-нибудь показаніе, могущее выдать Боллу. И такъ велико было его опасеніе попасть по неосторожности въ ловушку, что онъ могъ, въ самомъ дѣлѣ, попасться, благодаря своей нервности. Имя Боллы звучало въ его ушахъ днемъ и ночью, мѣшая его молитвамъ и срывалось съ его устъ вмѣсто имени Маріи, когда онъ перебиралъ четки. Самымъ ужаснымъ было то, что и вѣра его вмѣстѣ съ внѣшнимъ міромъ ускользала отъ него съ теченіемъ дней. Онъ лихорадочно держался за этотъ послѣдній оплотъ, проводя нѣсколько часовъ каждый день среди молитвъ и размышленій. Но мысли его все чаще и чаще возвращались къ Боллѣ и молитвы становились совершенно машинальными.

Его единственнымъ утѣшеніемъ былъ главный сторожъ тюрьмы. Это былъ маленькій старичокъ, толстый и лысый, который сначала пытался глядѣть сурово. Но понемногу его природное добродушіе, сказывавшееся въ каждой ямочкѣ его пухлаго лица, одержало верхъ надъ его служебнымъ рвеніемъ и онъ началъ передавать порученія заключенныхъ изъ камеры въ камеру.

Однажды въ половинѣ мая, сторожъ пришелъ въ камеру съ такимъ мрачнымъ и сердитымъ лицомъ, что Артуръ взглянулъ на него въ изумленіи.

— Что случилось, Энрико? — спросилъ онъ.

— Ничего, — сердито отвѣтилъ Энрико и, подойдя къ постели, началъ снимать одѣяло, принадлежавшее Артуру.

— Зачѣмъ вамъ понадобились мои вещи? Развѣ меня переводятъ въ другую камеру?

— Нѣтъ, васъ выпускаютъ.

— Выпускаютъ? Сегодня? Совсѣмъ? Энрико!

Артуръ, возбужденный, схватилъ за руку сторожа, но тотъ ее сердито отдернулъ.

— Энрико, что съ вами? Почему вы не отвѣчаете? Развѣ насъ всѣхъ выпускаютъ?

Презрительное ворчаніе было единственнымъ отвѣтомъ.

— Что съ вами?—Артуръ опять взялъ руку старика, смѣясь.—Нечего сердиться на меня, потому что я, все равно, не обижусь. Я хочу знать о другихъ.

— О другихъ? — заворчалъ Энрико, опуская вдругъ рубашку, которую онъ складывалъ.—Не о Боллѣ, надѣюсь?

— О Боллѣ и о другихъ, конечно! Энрико, что съ вами?

— Ну его-то ужъ не такъ скоро выпустятъ, бѣдняжку, когда товарищъ выдалъ его. У-у-у!

Энрико съ жестомъ отвращенія опять сталъ складывать рубашку.

— Выдалъ его товарищъ? Какой ужасъ!

Глаза Артура раскрылись отъ ужаса. Энрико быстро обернулся къ нему.

— Да развѣ не вы выдали его?

— Я? Да вы съ ума спятили!

— Ну, во всякомъ случаѣ, ему вчера сказали такъ при допросѣ. Я очень радъ, что это не вы, потому что я всегда считалъ васъ порядочнымъ человѣкомъ. Идите за мной!

Энрико вышелъ въ корридоръ и Артуръ пошелъ за нимъ, начиная вдругъ понимать въ чемъ дѣло.

— Они сказали Боллѣ, что я его выдалъ. Конечно, они это сдѣлали! Вѣдь, они же мнѣ сказали, что онъ меня выдалъ! Надѣюсь, Болла не такой дуракъ, чтобы повѣрить!

— Да? Такъ это, въ самомъ дѣлѣ, неправда?

Энрико остановился у лѣстницы и сталъ вглядываться въ Артура, который только пожалъ плечами.

— Ну, я радъ это знать и скажу ему объ этомъ. Но видите ли, они ему сказали, что вы его выдали изъ-за ревности, потому что, будто бы, вы оба любите одну и ту же дѣвушку.

— Это ложь!—Артуръ повторилъ эти слова прерывистымъ шепотомъ. Внезапный, сковывающій его члены ужасъ охватилъ его.—Ту же дѣвушку... ревность... какъ они могли это знать! какъ они могли это знать!

— Подождите немножко, молодой человѣкъ!—Энрико остановился въ корридорѣ, ведущемъ въ комнату для допросовъ, и мягко заговорилъ: — Я вамъ вѣрю, но скажите мнѣ одну вещь: я знаю, что вы католикъ, не говорили ли вы чего-нибудь на исповѣди?

— Это ложь!—На этотъ разъ голосъ Артура поднялся до еле сдерживаемаго крика.

Энрико пожалъ плечами и пошелъ впередъ.

— Вамъ, конечно, лучше знать. Но вы не первый молодой вѣтренникъ, попавшійся такимъ образомъ. Теперь какъ разъ идутъ страшные толки объ одномъ священникѣ въ Пизѣ, котораго уличили нѣкоторые изъ вашихъ друзей. Они даже напечатали о томъ, что онъ шпіонъ.

Онъ открылъ дверь въ комнату и, видя, что Артуръ стоитъ недвижно, устремивши безжизненный взглядъ передъ собой, слегка втолкнулъ его.

— Здравствуйте, м-ръ Бертенъ! — сказалъ полковникъ, улыбаясь и дружелюбно оскаляя зубы. — Мнѣ очень пріятно поздравить васъ. Изъ Флоренціи пришелъ приказъ о вашемъ освобожденіи. Будьте любезны подписать эту бумагу.

Артуръ подошелъ къ столу.

— Я хотѣлъ бы знать,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ:—кто меня выдалъ.

Полковникъ поднялъ брови съ улыбкой.

— Вы не можете догадаться? Подумайте на минутку!

Артуръ отрицательно покачалъ головой.

Полковникъ протянулъ обѣ руки съ выраженіемъ вѣжливаго изумленія.

— Не можете догадаться? Неужели? Да вы же сами, м-ръ Бертенъ! Кто же другой можетъ знать ваши личныя сердечныя дѣла.

Артуръ молчаливо отвернулся. На стѣнѣ висѣло большое деревянное распятіе, и глаза его медленно обратились къ нему, но безъ молитвеннаго выраженія, а только съ смутнымъ изумленіемъ передъ этимъ терпѣливымъ богомъ, у котораго нѣтъ громовъ, чтобы поразить священнослужителя, нарушившаго тайну исповѣди.

— Будьте любезны подписать квитанцію въ выдачѣ вашихъ бумагъ,— мягко сказалъ полковникъ:—и затѣмъ мнѣ нѣтъ надобности задерживать васъ. Я увѣренъ, что вы спѣшите домой, а я теперь чрезвычайно занятъ дѣломъ этаго безумнаго юноши Боллы, который подвергъ столь жестокому испытанію вашу христіанскую кротость. Боюсь, что съ нимъ строго поступятъ. Прощайте!

Артуръ, подписавъ квитанцію, взялъ бумаги и вышелъ въ глубокомъ молчаніи. Онъ послѣдовалъ за Энрико къ тя-

желымъ воротамъ и, не прощаясь съ нимъ, сошелъ внизъ, къ рѣкѣ, гдѣ его ждалъ лодочникъ, чтобы перевезти черезъ ровъ. Когда онъ подходилъ къ каменнымъ ступенямъ, ведущимъ на улицу, къ нему подбѣжала дѣвушка, въ ситцевомъ платьѣ и въ соломенной шляпѣ, протягивая ему обѣ руки.

— Артуръ! я такъ счастлива, такъ счастлива!

Онъ отстранилъ свои руки, весь дрожа.

— Джимъ!—сказалъ онъ совершенно чужимъ голосомъ.—Джимъ!

— Я жду тебя здѣсь цѣлые полчаса. Мнѣ говорили, что тебя выпустятъ въ четыре. Артуръ, почему ты такъ на меня глядишь? Что съ тобой, Артуръ? Остановись!

Онъ отвернулся отъ нея и медленно шелъ по улицѣ, какъ бы забывъ ея присутствіе. Испуганная его поведеніемъ, она побѣжала за нимъ и схватила его за руку.

— Артуръ.

Онъ остановился и взглянулъ на нее дикими глазами. Она взяла его подъ руку и они шли нѣсколько минутъ въ молчаніи.

— Послушай, дорогой мой!—сказала она мягко.—Ты слишкомъ принимаешь это къ сердцу. Я знаю, что это ужасно, но всякій понимаетъ.

— О чемъ ты говоришь?—спросилъ онъ тѣмъ же глухимъ голосомъ.

— О письмѣ Боллы.

По лицу Артура прошла скорбная тѣнь при этомъ имени.

— Я думала, что ты не зналъ объ этомъ, но тебѣ, вѣроятно, сказали,— продолжала Гемма. — Болла, вѣроятно, прямо съ ума сошелъ, выдумавъ такую вещь.

— Какую вещь?

— Такъ ты, значитъ, ничего не знаешь! Онъ написалъ ужасное письмо, о томъ, что ты сказалъ о контрабандѣ и виноватъ въ его арестѣ. Это, конечно, нелѣпо, каждый это понимаетъ, и только тѣ, кто тебя не знаютъ, пришли въ волненіе. Я изъ за этого именно пришла, чтобъ сказать тебѣ, что никто въ нашей группѣ не вѣритъ этому.

— Гемма, но, вѣдь, это правда!

Она медленно отшатнулась отъ него и остановилась съ раскрытыми и полными ужаса глазами, съ лицомъ, бѣлымъ, какъ повязанный вокругъ ея шеи платокъ. Большая ледяная волна молчанія охватила ихъ обоихъ, отдѣливъ ихъ въ обособленномъ мірѣ отъ жизни и движенія улицы.

— Да,—прошепталъ онъ, наконецъ.— Да, я объ этомъ говорилъ и я называлъ его имя.—О Боже, Боже, что мнѣ дѣлать?

Онъ вдругъ пришелъ въ себя и увидѣлъ смертельный ужасъ въ ея лицѣ. Да, конечно, она должна думать...

— Гемма, ты не понимаешь!—проговорилъ онъ, подходя къ ней ближе.

Но она отшатнулась отъ него съ рѣзкимъ возгласомъ.

— Не касайся меня!

Артуръ схватилъ ея правую руку съ внезапной яростью.

— Послушай, ради Бога! Я...

— Уходи! Пусти мою руку!.. Уходи!

Въ слѣдующую минуту она вырвала свою руку и ударила его по щекѣ. Его окружилъ какой-то туманъ. Нѣсколько времени онъ ничего не сознавалъ, кромѣ блѣднаго, отчаяннаго лица Геммы и вида ея правой руки, которую она вытирала своей ситцевой юбкой. Потомъ опять окружилъ его солнечный свѣтъ, онъ оглянулся и увидѣлъ, что одинъ.

Глава VII.

Было уже совершенно темно, когда Артуръ позвонилъ у дверей большого дома на Via Borra. Онъ помнилъ, что долго блуждалъ по улицамъ, но гдѣ и почему, и какъ долго—онъ не имѣлъ представленія. Грумъ Юліи открылъ ему дверь, зѣвая, и многозначительно усмѣхнулся при видѣ его разстроеннаго окаменѣлаго лица. Ему показалось удивительно забавнымъ, что молодой баринъ вернулся изъ тюрьмы похожимъ на пьянаго, грязнаго нищаго. Артуръ поднялся по лѣстницѣ. Наверху онъ встрѣтилъ Гиббонса, который сходилъ внизъ съ выраженіемъ торжественнаго и надменнаго порицанія. Артуръ попытался быстро

пройти мимо него, пробормотавъ: «Добрый вечеръ!» Но отъ Гиббонса не такъ легко было отдѣлаться противъ его воли.

— Господъ нѣтъ дома, сэръ,—сказалъ онъ, кинувъ критическій взглядъ на неряшливую одежду и растрепанные волосы Артура.—Они отправились и не вернутся раньше двѣнадцати.

Артуръ посмотрѣлъ на свои часы. Было девять часовъ. О, да! у него еще есть время, много времени.

— Барыня поручила мнѣ спросить васъ, не хотите ли вы ужинать, сэръ? Она надѣется, что вы подождете ея возвращенія, потому что она очень желаетъ поговорить съ вами еще сегодня.

— Мнѣ ничего не нужно, спасибо! Можете ей сказать, что я не лягу спать.

Онъ поднялся въ свою комнату. Въ ней ничего не измѣнилось со времени его ареста. Портретъ Монтанелли стоялъ на столѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ оставилъ его, и распятіе также стояло въ альковѣ, какъ прежде. Онъ остановился на минуту на порогѣ и сталъ прислушиваться. Но въ домѣ было совершенно тихо. Очевидно, никто не придетъ мѣшать ему. Онъ тихо вошелъ въ комнату и закрылъ дверь.

Итакъ, насталъ конецъ. Нечего было думать и тревожиться. Только бы отдѣлаться отъ ненужнаго и непріятнаго сознанія и дѣло съ концомъ. И все-таки это какъ-то глупо и безцѣльно.

Онъ не принялъ яснаго рѣшенія совершить самоубійство. Онъ даже не особенно думалъ объ этомъ—настолько это ему казалось неизбѣжнымъ и очевиднымъ. У него не было ни малѣйшаго представленія о томъ, какого рода смерть избрать. Только бы покончить скорѣе—покончить и забыть. Въ комнатѣ не было никакого оружія, не было даже простого ножа. Но не все ли равно—достаточно полотенца или простыни, разрѣзанной на куски.

Какъ разъ надъ окномъ былъ вбитъ большой гвоздь. Вотъ и отлично. Нужно только хорошенько укрѣпить его, чтобы онъ вынесъ тяжесть его тѣла. Артуръ всталъ на стулъ и потрогалъ гвоздь: онъ оказался недостаточно крѣпкимъ, и юноша опять сошелъ и досталъ изъ комода молотокъ. Онъ прибилъ гвоздь и хотѣлъ уже сдернуть простыню съ кровати, когда вдругъ вспомнилъ, что еще не молился. Конечно, нужно помолиться передъ смертью; это долгъ христіанина. Есть даже особенныя молитвы для отходящей души.

Онъ подошелъ къ алькову и сталъ на колѣни предъ распятіемъ.

— Всемогущій и всеблагій Боже!—началъ онъ громко и потомъ вдругъ остановился и больше ничего не прибавилъ. Жизнь стала теперь для него такой мрачной, что у него не оставалось ни о чемъ молиться, ни отъ чего просить избавленія. А кромѣ того, развѣ Христосъ зналъ о такого рода страданіяхъ—Христосъ, который никогда ихъ не испытывалъ. Онъ былъ только преданнымъ, какъ Болла. Его не заставили обманнымъ образомъ стать предателемъ.

Артуръ всталъ, перекрестившись по старой привычкѣ. Подойдя къ столу, онъ увидѣлъ на немъ письмо, адресованное ему почеркомъ Монтанелли. Письмо было написано карандашемъ:

«Дорогой мой мальчикъ! Я въ отчаяніи, что не могу видѣть тебя въ день выхода изъ тюрьмы. Но меня позвали къ умирающему. Я вернусь только поздно ночью. Приди ко мнѣ завтра рано утромъ». Подпись: Л. М.

Онъ отложилъ письмо со вздохомъ. Бѣдный padre!

А люди смѣялись и весело болтали на улицахъ! Все было такимъ же, какъ въ тѣ дни, когда онъ былъ живымъ. Ни одна изъ мельчайшихъ будничныхъ подробностей не измѣнилась изъ-за того, что убили живую человѣческую душу. Все было попрежнему. Вода била въ фонтанахъ, воробьи щебетали подъ крышами, какъ вчера. Только онъ одинъ превратился въ мертвеца.

Артуръ присѣлъ на кровать, положилъ руки на желѣзную спинку и опустилъ голову на руки. Оставалось еще много времени; у него болѣла голова—самая середина мозга. Все казалось скучнымъ и глупымъ—безнадежнымъ...

Раздался рѣзкій звонокъ у входной двери. Артуръ вскочилъ, задыхаясь отъ

ужаса и схватился руками за горло. Они вернулись! А онъ сидѣлъ тутъ въ полуснѣ и упустилъ драгоцѣнное время! Теперь опять придется видѣть ихъ лица и слышать ихъ жестокія слова,—насмѣшки и толки. Еслибъ только былъ подъ рукой ножъ!

Онъ съ отчаяніемъ оглянулся вокругъ себя въ комнатѣ. На маленькой этажеркѣ стояла рабочая корзинка его матери. Тамъ, навѣрно, были ножницы! Можно бы ими открыть артерію. Нѣтъ, простыня и гвоздь гораздо надежнѣе, если только у него останется время. Онъ стянулъ простыню съ постели и съ яростной поспѣшностью сталъ отрывать полосу полотна. На лѣстницѣ раздавались шаги. Оторванная полоса была слишкомъ широкой. Нельзя будетъ сдѣлать крѣпкій узелъ. Онъ еще быстрѣе сталъ работать, слыша, какъ приближаются шаги. Въ вискахъ у него стучало, въ ушахъ былъ невыносимый шумъ. Скорѣе—скорѣе, еще только бы пять минутъ!...

Раздался стукъ въ дверь. Оторванная полоса полотна выпала у него изъ рукъ и онъ сѣлъ тихо, затаивъ дыханіе. Ручка двери задвигалась, послышался голосъ Юліи:

— Артуръ!

Онъ всталъ, еле дыша.

— Артуръ, открой дверь, пожалуйста, мы ждемъ.

Онъ собралъ обрывки простыни, бросилъ ихъ въ ящикъ и быстро оправилъ постель.

— Артуръ!—На этотъ разъ его звалъ Джемсъ, нетерпѣливо стуча въ дверь.—Ты спишь?

Артуръ оглянулся въ комнатѣ, увидѣлъ, что все спрятано, и открылъ дверь.

— Я надѣялась, что ты, по крайней мѣрѣ, исполнишь мою просьбу и подождешь насъ,—сказала Юлія, вплывая въ комнату, очевидно, взбѣшенная.—Ты считаешь совершенно въ порядкѣ вещей, чтобы мы полчаса ждали у дверей.

— Четыре минуты, дорогая,—кротко поправилъ ее Джемсъ, вступая въ комнату, вслѣдъ за розовымъ шелковымъ шлейфомъ своей жены.—Конечно, Артуръ, было бы болѣе прилично...

— Что вамъ нужно?—прервалъ Артуръ. Онъ стоялъ, держась одной рукой за ручку двери и озираясь на вошедшихъ, какъ попавшійся въ западню звѣрь. Но Джемсъ былъ слишкомъ тупъ, а Юлія слишкомъ взбѣшена, чтобы обратить вниманіе на его видъ.

М-ръ Бертенъ поставилъ стулъ для своей жены и сѣлъ самъ, заботливо вздергивая у колѣнъ свои новые панталоны.

— Юлія и я,—началъ онъ,—считаемъ своимъ долгомъ поговорить съ тобой серьезно.

— Я сегодня не въ состояніи слушать васъ. Я нездоровъ. У меня голова болитъ. Обождите до завтра.

Артуръ говорилъ страннымъ невнятнымъ голосомъ, какъ-то смущенно и растерянно. Джемсъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ тревожно, вспомнивъ вдругъ, что Артуръ вернулся изъ настоящаго очага заразы.—Надѣюсь, что ты не заболѣлъ? У тебя лихорадочный видъ.

— Глупости! — рѣзко прервала Юлія.—Это его обычное комедіантство, ему стыдно глядѣть намъ въ глаза! Подойди сюда и сядь, Артуръ!

Артуръ медленно прошелъ черезъ комнату и сѣлъ на кровать.

— Ну что?—спросилъ онъ усталымъ голосомъ.

М-ръ Бертенъ кашлянулъ, прочистилъ горло, пригладилъ свою и безъ того безупречную бороду и началъ снова приготовленную заранѣе рѣчь.

— Я считаю своимъ долгомъ—своимъ тягостнымъ долгомъ—поговорить серьезно съ тобой о твоемъ необычайномъ поведеніи, о томъ, что ты связался съ... беззаконниками и поджигателями и... людьми самыми гнусными. Я, конечно, полагаю, что ты, быть можетъ, скорѣе безразсуденъ, чѣмъ пороченъ... и...

Онъ остановился.

— Ну?—сказалъ Артуръ.

— Я не хочу быть слишкомъ суровымъ къ тебѣ,—продолжалъ Джемсъ, невольно смягчаясь отъ усталаго и безнадежнаго вида Артура.—Я радъ повѣрить, что ты только поддался дурнымъ

совѣтчикамъ. Я готовъ принять во вниманіе твою молодость, неопытность и неосторожный... и... страстный характеръ, который ты унаслѣдовалъ отъ твоей матери.

Глаза Артура медленно поднялись на портретъ матери и онъ ничего не сказалъ.

— Но ты долженъ понять, и я увѣренъ, что поймешь, — продолжалъ Джемсъ,—что мнѣ совершенно невозможно держать у себя въ домѣ человѣка, который навлекъ позоръ на такое высокочтимое имя, какъ наше.

— Ну? — повторилъ еще разъ Артуръ.

— Это что такое? — рѣзко спросила Юлія, захлопывая вѣеръ и кладя его на колѣни. — Будешь ли ты столь добръ сказать что-нибудь, кромѣ «ну», Артуръ?

— Поступайте, какъ считаете нужнымъ,—отвѣтилъ онъ медленно, не двигаясь.—Это не важно.

— Не важно!—повторилъ въ ужасѣ Джемсъ и жена его встала со стула съ хохотомъ.

— Вотъ какъ! Не важно! Ну что же, Джемсъ! Я надѣюсь, ты понялъ теперь, какой благодарности можно здѣсь ожидать. Я говорила тебѣ, что̀ выходитъ, когда оказываютъ благодѣянія католическимъ авантюристкамъ и ихъ...

— Молчи! Ради Бога, молчи, дорогая!

— Все это глупости, Джемсъ! Будетъ съ насъ этой сантиментальщины! Незаконный ребенокъ изображаетъ изъ себя члена семьи! Пора ему знать, кѣмъ была его мать. Зачѣмъ намъ возиться съ ребенкомъ католическаго попа? Вотъ, вотъ, посмотри!

Она вынула изъ кармана скомканный кусокъ бумаги и передала его черезъ столъ Артуру. Онъ развернулъ бумагу. Письмо было написано за четыре мѣсяца до его рожденія, рукой его матери. Это было признаніе, написанное ея мужу, и подъ нимъ двѣ подписи.

Глаза Артура медленно скользнули внизъ бумаги, мимо нетвердыхъ буквъ ея имени, и онъ увидѣлъ твердую, знакомую ему подпись: «Лоренцо Монтанелли». Съ минуту онъ недвижно глядѣлъ на бумагу, затѣмъ, не говоря ни слова, снова ее сложилъ и положилъ на мѣсто.

Джемсъ всталъ и взялъ жену свою за руку.

— Оставь, Юлія! Иди къ себѣ, теперь поздно. А мнѣ еще нужно поговорить о дѣлахъ съ Артуромъ. Это тебѣ не будетъ интересно.

Она взглянула на мужа, потомъ опять на Артура, который сидѣлъ, безмолвно глядя на полъ.

— Онъ выглядитъ, какъ сумасшедшій,—прошептала она.

Когда она подняла шлейфъ и вышла изъ комнаты, Джемсъ тщательно закрылъ дверь и усѣлся опять на стулѣ у стола. Артуръ сидѣлъ попрежнему неподвижно и молчалъ.

— Артуръ!—началъ Джемсъ болѣе мягкимъ тономъ, послѣ того, какъ Юлія уже не могла его услышать.—Я очень жалѣю, что такъ случилось. Ты бы могъ и не знать. Ну, да теперь нельзя измѣнить. Все открыто, и я радъ, что ты отнесся такъ спокойно. Юлія немножко возбуждена. Это часто бываетъ у женщинъ. Я же не хочу быть суровымъ къ тебѣ.

Онъ остановился, чтобы посмотрѣть, какъ отнесется Артуръ къ его добрымъ словамъ. Но тотъ попрежнему не двигался.

— Конечно, дорогой мой,—продолжалъ Джемсъ черезъ минуту,—это все очень печально и самое лучшее не говорить объ этомъ. Отецъ мой былъ великодушенъ, и не развелся съ твоей матерью, когда она созналась ему въ своей винѣ. Онъ только потребовалъ, чтобы ея соблазнитель сейчасъ же уѣхалъ, и, какъ ты знаешь, онъ отправился въ Китай миссіонеромъ. Я, съ своей стороны, былъ очень противъ того, чтобы у тебя были съ нимъ сношенія послѣ его возвращенія. Но отецъ согласился, чтобы онъ училъ тебя, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ никогда не пытался видѣться съ твоей матерью. Я долженъ по справедливости признать, что они соблюдали это условіе до конца. Это очень печальное дѣло, но...

Артуръ поднялъ глаза. Жизнь и вы-

раженіе исчезли съ лица его. Оно было похоже на восковую маску.

— Не к-ка-жет-ся-ли тебѣ,—сказалъ онъ тихо, странно заикаясь на каждомъ словѣ: — не к-ка-жет-ся-ли тебѣ, что эт-то... очень... о-о-чень забавно?...

— *Забавно*! — Джемсъ оттолкнулъ стулъ отъ стола и всталъ, глядя на Артура въ изумленіи.—Артуръ! Ты съ ума сошелъ?..

Артуръ вдругъ откинулъ голову и залился безумнымъ хохотомъ.

— Артуръ! — воскликнулъ кораблевладѣлецъ, поднимаясь съ достоинствомъ.—Я пораженъ твоимъ легкомысліемъ.

Въ отвѣтъ ему раздавались лишь взрывы хохота, такого громкаго и неудержимаго, что, наконецъ, Джемсъ сталъ подозрѣвать, что дѣло не въ одномъ легкомысліи.

— Точно истеричная женщина!—пробормоталъ онъ, презрительно пожавъ плечами, и сталъ нетерпѣливо ходить по комнатѣ.—Право, Артуръ, ты хуже Юліи. Ну, а теперь перестань смѣяться. Я не могу здѣсь ждать всю ночь.

Онъ могъ бы съ тѣмъ же успѣхомъ потребовать, чтобы распятіе снялось съ своей подножки. Артуръ былъ недоступенъ ни просьбамъ, ни убѣжденіямъ. Онъ только смѣялся, смѣялся, смѣялся безъ конца.

— Это глупо! — сказалъ, наконецъ, Джемсъ, остановившись среди своего гнѣвнаго шаганія по комнатѣ.—Ты, очевидно, слишкомъ возбужденъ для разумнаго разговора. Я не могу говорить съ тобой о дѣлѣ, пока ты будешь продолжать эти глупости. Зайди ко мнѣ завтра утромъ, послѣ завтрака, а теперь иди лучше спать. Спокойной ночи!

Онъ вышелъ, захлопнувъ за собой дверь.

— Ну, а теперь начнется истерика внизу,—бормоталъ онъ, спускаясь по лѣстницѣ тяжелыми шагами.—Тамъ, вѣроятно, ужъ будутъ слезы.

Безумный хохотъ Артура сразу оборвался. Онъ схватилъ молотокъ, лежавшій на столѣ, и расколотилъ имъ распятіе.

Послѣдовавшій за этимъ трескъ заставилъ его очнуться. Онъ увидѣлъ себя стоящимъ передъ пустымъ подножьемъ, съ молоткомъ въ рукахъ; куски разбитаго распятія валялись вокругъ него.

Онъ бросилъ молотокъ на полъ.

— Какъ это просто!—сказалъ онъ и отвернулся.—И какъ я былъ глупъ!

Онъ сѣлъ у стола, тяжело дыша, и опустилъ голову на руки. Затѣмъ онъ всталъ, подошелъ къ умывальнику, облилъ голову холодной водой и, совершенно успокоившись, сѣлъ опять къ столу.

Это изъ-за такихъ-то пустяковъ—изъ-за лживыхъ людей и рабовъ, изъ-за нѣмыхъ и бездушныхъ идоловъ онъ выстрадалъ такія муки позора и отчаянія! Вѣшаться изъ-за того только, что одинъ священникъ оказался лгуномъ! Какъ будто всѣ они не лгуны! Теперь все кончено, онъ сталъ мудрымъ. Нужно только отбросить всю эту нечисть и начать новую жизнь.

Въ гавани стояло множество кораблей. Ему легко будетъ пробраться на одинъ изъ нихъ и уплыть въ Канаду, въ Австралію, въ Южную Африку—куда угодно. Не все ли равно—куда, лишь бы подальше. Тамъ ужъ онъ какъ-нибудь устроится. Если въ одномъ мѣстѣ не понравится, можно переѣхать въ другое.

Онъ вынулъ кошелекъ: тамъ было только тридцать-три паоли... Но у него хорошіе часы. Они на время выручатъ... Да это все равно. Онъ какъ-нибудь выпутается. Но они, всѣ эти люди, будутъ искать его. Они, навѣрное, станутъ разспрашивать въ докахъ. Нѣтъ, нужно навести ихъ на ложный слѣдъ, увѣрить ихъ въ своей смерти. Тогда онъ будетъ свободенъ, совсѣмъ свободенъ... Онъ тихо засмѣялся при мысли о томъ, какъ Бертены будутъ искать его трупъ. Какая все это комедія!

Взявши листъ бумаги, онъ написалъ первыя слова, которыя ему пришли въ голову:

«Я вѣрилъ въ васъ, какъ вѣрилъ въ Бога. Но вы обманули меня ложью». Онъ

Здѣсь надежды могли простираться еще выше. Вѣдь это тотъ самый писатель, который успѣлъ всю Европу увлечь неотразимыми образами «геніальныхъ» и «загадочныхъ» натуръ. Это онъ изобразилъ въ яркихъ краскахъ общественное движеніе Германіи наканунѣ мартовской революціи. Несомнѣнно, онъ и теперь попадетъ на соотвѣтствующій тонъ.

Прежде всего, что представляло нѣмецкое общество наканунѣ борьбы за объединеніе?

Шпильгагенъ въ отвѣтъ переноситъ читателей въ мѣщанскую душную атмосферу второстепеннаго нѣмецкаго двора и раскрываетъ сѣть интригъ, обуревающихъ никому ненужный жалкій муравейникъ и бередящихъ микроскопическую фантазію политиковъ-лиллипутовъ.

Послѣ войны является Шпильгагенъ, сочиняетъ романъ *Sturmflut*. Публика ждала романа съ напряженнымъ нетерпѣніемъ. Поэтъ готовился изобразить нравственную смуту, охватившую нѣмцевъ въ самый разгаръ торжества, заклеймить оргію, вызванную милліардами и дикой погоней за животными благами. И романистъ могъ располагать богатѣйшимъ матеріаломъ.

Обширная сцена быстро выросшей столицы, вереница новыхъ типовъ дѣльцовъ, авантюристовъ и ихъ жертвъ, сплошь одержимыхъ горячкой предпринимательства за предѣлами всякаго нравственнаго кодекса.

Шпильгагенъ, вмѣсто широкой вдумчивой живописи, вмѣсто грандіозной эпической картины, представилъ сборникъ благородночувствительныхъ приговоровъ надъ современностью. Онъ не далъ психологіи общества и не раскрылъ съ проницательностью, доступной истинному художнику, полноту воочію развивающейся новой жизни. Онъ повторилъ роль израильтянина, сидящаго на рѣкахъ вавилонскихъ и краснорѣчиво оплакалъ свой погибшій Іерусалимъ—идеализмъ сороковыхъ годовъ. Но это не значило убѣдить публику въ заразѣ, ее окружающей, и указать ей прямые пути къ искупленію. Люди благонамѣренные могли искреннѣе сочувствовать благородному негодованію писателя, но научиться у него было нечему.

Дальше шелъ длинный рядъ «второстепенныхъ боговъ», большею частью начавшихъ свое литературное бытіе въ героическую эпоху объединенія. Эта молодежь поняла свою отвѣтственность и рѣшила быть достойной созвѣздій, встрѣчавшихъ ея появленіе на сцену. Они провозгласили новый *Sturm und Drang* отечественной литературы, т. е. такое же геніально стремительное движеніе къ новому и оригинальному, какое создано старымъ романтизмомъ, увѣнчано Шиллеромъ, Гете и множествомъ менѣе яркихъ, но также приснопамятныхъ свѣтилъ нѣмецкой поэзіи.

Теперь, объявляла молодежь, настало также время бури и натиска, должны быть проложены новые пути творчества, завоеваны невѣдомые до сихъ поръ источники вдохновенія, и тогда современная литература станетъ на уровнѣ политическаго могущества Германіи.

Говорились сильныя рѣчи, но какими же чудесами разрѣшились отважные ораторы?

На этотъ вопросъ уже неоднократно отвѣчали сами нѣмецкіе критики.

Далъ, между прочимъ, отвѣтъ и Максъ Нордау въ своемъ

Вырожденіи. Здѣсь имѣется эффектная глава подъ заглавіемъ—*Младогерманскія обезьяны*—*Die jungdeutschen Nachäffe*. Заглавію соотвѣтствуетъ и характеристика, разбивающая нà-голову юную нѣмецкую беллетристику.

Это сраженіе не представляло бы особеннаго интереса. Цѣна воинственныхъ предпріятій Нордау извѣстна: въ нихъ всегда больше театральнаго сногсшибательнаго героизма, чѣмъ любви къ истинѣ. Но авторъ «парадоксовъ» на этотъ разъ попалъ въ благодарную среду и могъ съ полнымъ правомъ изощрять свое краснорѣчіе.

Его издѣвательства надъ особой породой берлинскихъ беллетристовъ, съ ужасающимъ франко-тевтонскимъ жаргономъ и съ наивнѣйшимъ чисто-плебейскимъ обожаніемъ наноснаго пораженію шика — вполнѣ вѣрны дѣйствительности и представляютъ серьезную сатиру.

Скороспѣлый нѣмецкій *Weltstadt*—*міровой* городъ, непосредственно послѣ торжества надъ производителями «грязной воды», сломя голову набросился именно на эту воду. Газетная и журнальная печать наводнилась сенсаціонными романами въ стилѣ парижскихъ бульварныхъ листковъ, скандалы и судебная хроника французской столицы стали доставлять излюбленную пищу нѣмецкимъ талантамъ и, что убійственнѣе всего,—нѣмецкіе таланты принялись щеголять развинченностью парижскихъ манеръ и капризами парижскаго жаргона. И какъ щеголять! На манеръ нашихъ нижегородскихъ галломановъ, для которыхъ французское le bien être général значило хорошо быть генераломъ, а русское *Горе отъ ума*—*Malheur à force d'Esprit*... Нордау умѣетъ набрать множество именно подобныхъ примѣровъ франко-берлинской просвѣщенности.

И Нордау не остался въ одиночествѣ: именно потому и любопытны его злостныя упражненія. Въ послѣднее время безпрестанно слышатся вопли искреннихъ нѣмецкихъ патріотовъ, горючими слезами оплакивающихъ обезьянскій и вырожденскій характеръ новаго періода бури и натиска. Три года назадъ, лейпцигскій профессоръ Лицманнъ издалъ цѣлую книгу весьма пессимистическаго содержанія *). Авторъ весь на сторонѣ германскаго единства и въ свое время преисполненъ былъ самыми выспренними надеждами на новое движеніе германской мысли и творчества. И чѣмъ беззавѣтнѣе были надежды, тѣмъ горше оказался обманъ. Лицманнъ рѣшилъ признать его всенародно, и представилъ картину берлинскаго періода литературы съ не менѣе рѣзкими чувствами, чѣмъ Нордау.

Лицманнъ переполнилъ свой обвинительный актъ цитатами изъ произведеній старыхъ романтиковъ и новѣйшихъ бурныхъ геніевъ и пришелъ къ грустному заключенію: тамъ сильное, оригинальное и здоровое вдохновеніе, культъ ума, науки и отзывчиваго сердца, теперь, вмѣсто всего этого, симптомы всевозможныхъ недуговъ, исторіи, неразумной подражательности—вплоть до подчиненія символизму и декадансу.

И что ужаснѣе и противоестественнѣе всего, новая нѣмецкая драма—копія съ французской, притомъ грубая, ремесленническая, ученически-рабская. Галлія будто отомстила Германіи за военный разгромъ, взяла въ свое подданство ея художественное творчество, ту самую силу, какую она раньше готова была превознести даже въ ущербъ своей національной гордости.

---

*) *Das Deutsche Drama in den literarischen Bewegungen der Gegenwart* Leipzig, 1894.

И спасеніе, повидимому, очень далеко. Даже первостепенный драматическій талантъ пребываетъ въ «авиньонскомъ плѣненіи»; что же говорить о другихъ? Да, Гергардъ Гауптманъ, этотъ тріединый геній, вобравшій въ себя элементы Шиллера, Гёте, Шекспира, ничто иное, какъ одно изъ воплощеній недуга *международности* въ новѣйшемъ нѣмецкомъ искусствѣ.

V.

До какой степени Гауптманъ мало оригиналенъ и слабъ, какъ представитель самобытнаго германскаго духа, доказываетъ вся книга Бартельса. Критикъ для всякой пьесы своего автора непремѣнно находитъ *Patenstück*, т. е. *подлинникъ* и почти всегда иностранный. Золя, Ибсенъ, гр. Толстой вдохновители Гауптмана не только въ общихъ мотивахъ, но даже въ частностяхъ.

Гауптманъ началъ школьническимъ подражаніемъ Байрону, сочинилъ поэму по программѣ Чайльдъ-Гарольда; это былъ *романтизмъ*. Потомъ сразу совершился переходъ къ *натурализму*—и какому! Даже нѣмецкій критикъ признаетъ такія драмы, какъ *Предъ восходомъ солнца* и *Одинокіе люди*—патріотическимъ матеріаломъ. Наконецъ, *столь же неожиданно*: эта черта особенно замѣчательна—Гауптманъ выступилъ съ символическими пьесами, *Ганнеле* и *Потонувшій колоколъ*.

Путь—истинно головокружительный, если принять во вниманіе молодость драматурга. Достигъ ли онъ цѣли и успокоится ли онъ на аллегорическихъ сказкахъ или устремится еще дальше? Говорятъ, онъ пишетъ *Христа*... Будетъ ли религіозная или даже мистическая драма—неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, натурализму, повидимому, конецъ. Гауптманъ все дальше уносится отъ земли и скучной земной правды.

Фактъ, достойный вниманія, но имъ не исчерпывается интересъ, представляемый Гауптманомъ.

О романтической поэмѣ не можетъ быть рѣчи: ее самъ авторъ потомъ предавалъ уничтоженію. Слѣдовательно, свое литературное крещеніе онъ считаетъ съ натуралистическихъ драмъ.

Первую изъ нихъ онъ назвалъ «соціальной драмой». Это звучало самой нервной современностью и молодому автору дѣлало честь, рѣшительность, отдать свое вдохновеніе безпокойнѣйшему вопросу дня.

Но заглавіе оказалось просто фальшивой вывѣской. Въ драмѣ весь соціализмъ ограничивается ролью демократическаго мечтателя весьма сомнительной нравственной силы и даже просто подозрительнаго ума. Онъ влюбляется въ дѣвицу, узнаетъ, что ея семья заражена алкоголизмомъ, и стремительно спасается отъ невѣсты. Въ этомъ алкоголизмѣ вся суть пьесы: авторъ просто изобразилъ семью пьяницъ, весьма реально представилъ симптомъ недуга, и даже не поставилъ «соціальнаго» вопроса.

Не поставилъ и не могъ поставить при своемъ взглядѣ на натурализмъ. Для Гауптмана это непремѣнно область патологіи. Мы видѣли героевъ, алкоголиковъ, въ слѣдующей драмѣ герой страдаетъ маніей преслѣдованія, въ *Одинокихъ людяхъ* «одинокій человѣкъ» съ разбитыми нервами и совершенно неспособенъ ни владѣть собой, ни отдавать здравый отчетъ въ своихъ желаніяхъ и въ явленіяхъ внѣшней дѣйствительности.

Положимъ, нашъ вѣкъ, говорятъ, по преимуществу нервный,

хотя, вѣроятно, исторія и отвергла бы эту привилегію, напомнивъ только одни средневѣковые психозы на почвѣ религіи... Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что Гауптманъ именно на недужныхъ въ полномъ смыслѣ клиническихъ субъектовъ возлагаетъ рѣшеніе самыхъ головоломныхъ задачъ, по его, по крайней мѣрѣ, замыслу.

Напримѣръ, *Одинокіе люди* должны изображать ни болѣе, ни менѣе, какъ борьбу поколѣній, нѣмецкихъ отцовъ и дѣтей. И, знаете, на какой основѣ? *Сынъ*, поклонникъ Дарвина, Геккеля, Дюбуа-Реймона, а *отцы*—религіозны и не сочувствуютъ его естественно-научной работѣ. На сторонѣ отцовъ и жена несчастнаго. Отсюда драма. Зачѣмъ собственно нашему ученому сочувствіе окружающихъ, чтобы писать книгу—остается неизвѣстнымъ. И потомъ, противополагать естественныя науки религіозному чувству, непозволительно наивно: герою стоило бы вспомнить сочувственное письмо знаменитаго англійскаго богослова къ Гексли о дарвиновской теоріи, и, можетъ быть, его набожный пасторъ пересталъ бы ворчать на портретъ Дарвина. Но, не зависимо отъ этого обстоятельства, какъ животрепещуще-ново и поучительно устраивать культурную распрю во имя прогресса, въ девяностыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка, по поводу естествознанія? Кое-гдѣ авторъ, можетъ быть, ухитрился бы отыскать и такихъ *отцовъ*, которые не признаютъ не только естественныхъ, а вообще всякихъ наукъ. Но какой вышелъ бы толкъ изъ благородныхъ рѣчей *сыновей*? Тургеневскій романъ, на тридцать лѣтъ опередившій драму Гауптмана, неизмѣримо глубже захватывалъ вопросъ о *старомъ* и *новомъ*, не минуя того же естествознанія. И потомъ, русскій *сынъ* не представлялъ готоваго паціента по нервнымъ болѣзнямъ, а обладалъ всѣми данными постоять за себя.

А здѣсь, сильнѣйшая личность, русско-нѣмецкая нигилистика, Анна Моръ изъ Остзейскаго края и она своимъ появленіемъ должна доказать, какъ цѣнна дружба и взаимное пониманіе мужчины и женщины.

Герой горячо набрасывается на сродство душъ, своей и дѣвицы, но, по слабости своей натуры, не можетъ выпутаться изъ коллизіи идейнаго союза съ супружескимъ долгомъ и кончаетъ самоубійствомъ.

Было бы жестоко напутствовать несчастнаго «худая трава изъ поля вонъ», но нельзя не признать, что герой съ самаго начала оказался мертворожденнымъ и до невмѣняемости немощнымъ. Нѣмецкимъ патріотамъ оставалось бы придти въ полное отчаяніе, если бы такіе «одинокіе люди» представляли молодое поколѣніе современной Германіи.

А между тѣмъ авторъ самъ, повидимому, стремится внушить эту мысль: передовую политику у него олицетворяетъ комическій и трусливый доктринеръ, опытную науку—невропатъ. Послѣ такихъ ассоціацій не мудрено удариться въ символизмъ и у него доискиваться настоящей поэзіи и психологіи.

Алкоголизмъ сыгралъ свою роль еще въ одной драмѣ Гауптмана: здѣсь симптомы опьяненія и запойнаго пьянства изображены съ еще болѣе тщательными подробностями, но съ такими же цѣнными результатами для публики и для литературы, какъ и раньше. Настоящая *реальная* правда и душа здороваго человѣка оказывались неуловимыми для таланта и ума драматурга. Онъ попробовалъ попытать счастья въ исторіи и написалъ *Ткачей*.

Пьеса была сначала запрещена, что, конечно, подняло ея кредитъ и подготовило своего рода тріумфъ. Но натуралистическая наивность и непосредственность автора сказались и здѣсь.

Пьеса состоитъ изъ ряда картинъ, изображающихъ отчаянное положеніе силезкихъ рабочихъ въ срединѣ сороковыхъ годовъ. Но вся галлерея фактовъ и лицъ не приводитъ ни къ какимъ результатамъ, хотя *исторически* эти результаты существовали и продлжаютъ существовать. Силезскія событія, одинъ изъ корней современной соціалъ-демократіи, слѣдовательно, въ высшей степени сильнаго и яснаго отвѣта на поставленный экономическій вопросъ.

Гауптманъ, смѣшавши раньше соціальную драму съ діагнозомъ наслѣдственнаго алкоголизма, теперь въ заключеніе *Ткачей* проповѣдуетъ, «христіанскую» покорность судьбѣ. Можно подумать, его соблазнило знаменитое «непротивленіе злу» и онъ совершенно не распозналъ, по какому адресу можно и нельзя направлять это мнимо-христіанское откровеніе.

Въ нѣмецкомъ обществѣ оно не могло найти благодарной почвы, но для творчества автора — оно краснорѣчивый моментъ. Переходъ къ аллегоріямъ, видѣніямъ и сказкамъ не такое неожиданное приключеніе, какъ можно было подумать съ перваго взгляда.

У Гауптмана и въ натуралистическихъ драмахъ всегда дѣйствовали особые герои — *Sonderlinge*, по-русски можно бы перевести *уроды*. Подлиннаго *реализма*, слѣдовательно, не было и раньше, въ *содержаніи* пьесъ. А *смыслъ* мы только-что видѣли. Ни то, ни другое не препятствовало послѣ исторіи заняться игрой чистой фантазіи и послѣ больницы и анатомическаго театра изобрѣсти, ради отдыха и утѣшенія, панораму изъ чудесъ и сновидѣній.

Явилась *Ганнеле*. Реальная основа, по обыкновенію, не блещетъ новизной: это—судьба бѣдной сироты въ рукахъ жестокаго благодѣтеля. Тема, использованная всѣми литературами новаго времени и не Гауптману, конечно, соперничать хотя бы съ Диккенсомъ. Онъ и не соперничаетъ. Его героиня — совсѣмъ особенное существо. Она—четырнадцатилѣтняя крестьянская дѣвочка, но поэтизируетъ не хуже идеально-воспитанной и поразительно глубокомысленной барышни. Нашъ критикъ желаетъ даже знать, не читала ли она гетевскаго *Фауста?* Маргарита, во всякомъ случаѣ, не столь краснорѣчива, а по преціозному жеманничанью и вымученно-утонченному тону развѣ только бабочки XVII вѣка могутъ сравниться съ этимъ Wunderkind'омъ. Галлюцинаціи, ангельскіе голоса и прочія дива мы оставимъ въ сторонѣ: на все есть свои любители, вѣроятно, кому-нибудь понравится даже преступное, по нашему мнѣнію, смѣшеніе жестокой правды человѣческой нужды и безпомощности съ усладительными вымыслами невозмутимо-эпикурействующей и праздной фантазіи.

И *Ганнеле* нашла свою публику; еще счастливѣе оказался *Потонувшій колоколъ*. По крайней мѣрѣ, въ отечествѣ теперь Гауптмана иначе и не называютъ, какъ «авторомъ *Потонувшаго колокола*», и драматургъ можетъ остаться на разъ принятомъ пути.

Его новое произведеніе требуетъ толкованій, подобно *Божественной комедіи* и *Фаусту*. Но результаты получаются различные. Истолкованная поэзія Данта оказывается чрезвычайно рѣзкимъ, даже преднамѣреннымъ отраженіемъ дѣйствительности, и поэтъ, можетъ быть, прибѣгалъ къ аллегоріямъ и загадкамъ именно затѣмъ, чтобы прикрыть слишкомъ раздражающіе вопросы совре-

менности и словесной формой смягчить азартъ своихъ партійныхъ политическихъ страстей.

У Гауптмана ничего подобнаго. Ключъ его ребуса—невиннѣйшая въ мірѣ истина, по возрасту почтеннѣйшая среди всѣхъ человѣческихъ истинъ. Герой *Потонувшаго колокола* носитъ одно имя съ Фаустомъ, но новый Генрихъ не задается необъятными стремленіями своего тёзки къ всеобъемлющей истинѣ и живому безсмертному счастью. Онъ просто рѣшаетъ вопросъ по теоріи эстетики, какъ сдѣлаться настоящимъ поэтомъ?

Путь къ отвѣту преисполненъ иносказаній и хитроумныхъ изворотовъ, но цѣль ясна, какъ день, и стара, какъ міръ: сближеніе съ природой до обожанія ея силъ и красотъ, вдохновеніе первобытнымъ творчествомъ, дѣвственной поэзіей сказокъ...

Стоило огородъ городить и изощряться въ тонкихъ узорахъ! Но для Гауптмана они — послѣднее слово его философскаго духа. Вопросъ теперь покончень со всѣми соціальными драмами и психологическими задачами реальнаго міра. Умъ и взоръ поэта *потонулъ* въ мірѣ эльфовъ и фей и голосъ его звучитъ, подобно звону его колокола, «пѣснью дѣтской любви», внушенной сказками. Поэтъ прибавляетъ, вѣроятно, для красоты стиля, еще и «пѣснь родины».

Но врядъ ли сама «родина» можетъ принять участіе въ этомъ поэтическомъ концертѣ. Не до дѣтскихъ ей удовольствій и она отлично знаетъ по опыту, что ужасы и бѣдствія человѣческой жизни не боятся никакихъ колоколовъ ни реальныхъ, ни сказочныхъ, и поэтъ просто услаждаетъ себя праздными словоизверженіями, декламируя о грядущихъ чудесахъ своей дѣтской пѣсни.

Германіи придется подождать другихъ звонарей, болѣе зрѣлаго возраста, болѣе вразумительнаго таланта и, главное, съ болѣе осуществимыми для человѣческихъ силъ задачами.

А пока «родинѣ» приходится сидѣть въ глубокомъ траурѣ на могилахъ давно почившихъ своихъ великихъ сыновъ и съ тоской думать о будущемъ. Настоящее жестоко ее обмануло. Она, увѣнчанная лаврами, засыпанная золотой данью побѣжденныхъ, нуждалась только въ одномъ: въ могучемъ вдохновенномъ словѣ, которое разсказало бы потомству о великой эпохѣ. Она слышала такія слова въ прошломъ, когда и помину не было объ ея величіи и силѣ, неужели же теперь—*Im Siegerkranz*,—въ вѣнкѣ побѣдъ, кругомъ нея воцарится безмолвіе или будутъ звучать только «дѣтскія пѣсни» или, еще обиднѣе, пѣсни чужого народа, только что разбитаго и униженнаго!

Да, чашу пришлось выпить до дна и подтвердить старую историческую истину: побѣжденный народъ съ высшей культурой мститъ побѣдителямъ болѣе тяжелымъ игомъ, чѣмъ всѣ контрибуціи, умственнымъ господствомъ и непреодолимыми нравственными вліяніями. И литература объединенной Германіи, при всѣхъ своихъ «буряхъ и стремленіяхъ», покорная данница французской, вплоть до символизма и декаданса. Явится ли и здѣсь свой Бисмаркъ и выполнитъ ли онъ вожделѣнія отечественныхъ патріотовъ въ родѣ упомянутыхъ нами критиковъ, видѣть родную литературу, самобытной и свободной? Это вопросъ и, повидимому, очень не близкаго будущаго. Сильны искушенія зарейнской Цирцеи, если они такъ быстро, легко и безнадежно зачаровали современнаго нѣмецкаго Шекспира.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*L'Histoire*; *Entretiens sur l'évolution historique, par André Lefèvre*» (*Schleicher frères*). (*Исторія*; *бесѣды объ исторической эволюціи*). Авторъ начинаетъ съ того, что отказывается отъ всѣхъ предвзятыхъ теорій и принятыхъ воззрѣній на исторію. Свободный отъ всякихъ стѣснительныхъ путъ и отрѣшившись отъ заранѣе установленныхъ рамокъ, авторъ, съ своей личной точки зрѣнія, разсматриваетъ тридцать главъ всемірной исторіи, начиная съ древняго Египта и кончая причинами и послѣдствіями революцій. Сужденія автора отличаются оригинальностью и независимостью и, безъ сомнѣнія, они должны шокировать нѣкоторыя уже установившіяся вѣрованія и обращаютъ въ прахъ нѣкоторые изъ историческихъ догматовъ. Несомнѣнно, однако, что на воззрѣніяхъ автора все-таки отражается довольно сильное вліяніе матеріалистической доктрины. Во всякомъ случаѣ, его исторія заслуживаетъ прочтенія, хотя многимъ его взгляды покажутся, быть можетъ, черезчуръ смѣлыми и недостаточно убѣдительными.

(Revue des Revues).

«*La physiologie de la femme*» *par Paul Mantegazza*. (*Физіологія женщины*). Это сочиненіе не заключаетъ въ себѣ никакихъ оригинальныхъ взглядовъ и не носитъ строго-научнаго характера, тѣмъ не менѣе, въ немъ находится много интересныхъ цитатъ, сопоставленій и собрано много любопытныхъ данныхъ, касающихся женщинъ.

(Revue de Paris).

«*Le dressage des animaux et le combats des bêtes*» *par Pierre Hachet-Souplet (Maison Didot)*. (*Дрессировка животныхъ и борьба звѣрей*). Это очень интересная книга въ анекдотическомъ отношеніи и заслуживаетъ вниманія какъ ученыхъ, такъ и всѣхъ любителей животныхъ. Авторъ знакомитъ читателей со всѣми чудесами дрессировки животныхъ и расширяетъ существующія воззрѣнія на умъ животныхъ. Разсказавъ объ успѣхахъ, достигнутыхъ дрессировкою въ нѣкоторыхъ случаяхъ, авторъ говоритъ, что если бы нужно было сдѣлать классификацію животныхъ, сообразно съ ихъ умственными способностями, то во главѣ лѣстницы пришлось бы поставить обезьяну, затѣмъ собаку, слона, большихъ хищниковъ, кошку, тюленя, осла, лошадь, козу и т. д. Замѣчательно, что, судя по словамъ автора, гусь вовсе не такая глупая птица, какъ это принято думать; онъ обладаетъ довольно хорошею памятью и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже лучше поддается дрессировкѣ, нежели свинья и даже голубь; послѣдняго авторъ считаетъ положительно неспособнымъ къ ассоціаціи идей. На пресмыкающихся можно дѣйствовать только музыкой.

(Revue des Revues).

«*Société. Etat. Patrie* (*etudes historiques, politiques, philosophiques, sociales et juridiques*)» *par P. Fabrequettes membre de l'Académie des Sciences. Prix: 15 francs*. (*Государство, общество, отечество*). Ученый авторъ этого сочиненія разсматриваетъ идею общества, государства и отечества съ точки зрѣнія историка, философа, экономиста и юриста. Онъ изслѣдуетъ разнообразныя формы соціальной проблемы въ различныя времена. Прогрессъ, по мнѣнію автора, является результатомъ труда и человѣческой воли. Онъ не долженъ заключаться только въ матеріальномъ удовлетвореніи и въ развитіи наукъ, какія бы улучшенія это ни влекло за собою. Только свобода, руководимая идеей справедливости, служитъ залогомъ истиннаго прогресса. Авторъ, между прочимъ, доказываетъ, что главныя проблемы нашего времени столько же имѣютъ нравственный характеръ, сколько политическій и соціальный. Идеалъ автора—свободный индивидъ въ свободной ассоціаціи и государство, исполняющее свои функціи нравственнымъ и раціональнымъ образомъ. (Journal des Débats).

«*A History of China*» *by K. J. Machowan. London*. (*Исторія Китая*). Авторъ прожилъ долгіе годы въ Китаѣ и тамъ произвелъ историческія разслѣдованія. Его исторія Китая начинается отъ самыхъ легендарныхъ временъ, за 2500 или 3000 лѣтъ до Р. Х., и доходитъ до на-

шихъ дней, т.-е. вплоть до китайско-японской войны и симоносекскаго мирнаго договора. Къ книгѣ приложена прекрасная карта и нѣсколько интересныхъ прибавленій; между прочимъ, въ одномъ изъ нихъ сообщаются крайне любопытныя свѣдѣнія о народонаселеніи Китая. Въ виду возникновенія такъ-называемаго «вопроса крайняго Востока», книга эта пріобрѣтаетъ двойной интересъ.

(Revue des deux Mondes).

«*L'Ouvrier américain*» *par E. Levasseur.* (*Американскій рабочій*). Пятимѣсячное пребываніе въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1893 году дало возможность автору собрать факты и наблюденія, а также цифровыя данныя. Подвергнувъ все это тщательной обработкѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, авторъ представилъ свои выводы въ трехъ частяхъ, на которыя распадается его трудъ. Въ первой части онъ говоритъ о рабочемъ на работѣ, о рабочемъ въ его отношеніяхъ къ промышленности, нанимателю, ассоціаціямъ и т. д., а также о регламентаціи труда, стачкахъ, забастовкахъ, безработицѣ и заработной платѣ. Во второй онъ изучаетъ рабочаго въ его домашней обстановкѣ, изслѣдуетъ его образъ жизни, жилище, одежду, привычки, вкусы, условія благосостоянія и страданія. Третья часть посвящена рабочему вопросу въ различныхъ его видахъ, идеямъ реформы и мечтамъ, вызваннымъ порывами состраданія. Авторъ обсуждаетъ различные проекты ассоціацій, основанные на солидарности, и доктрины прогресса, высказывая, въ свою очередь, предположенія относительно вѣроятнаго и возможнаго будущаго.

(Revue de Paris).

«*Comment on devient criminel, principales causes de différentes catégories de crimes*» *par Théodore Carboud. Fribourg. Libraire de l'Université.* (*Какъ дѣлаются преступниками*). Авторъ, директоръ тюрьмы въ Фрибургѣ, задался цѣлью изучить генезисъ преступленія въ отдѣльныхъ случаяхъ, чтобы судить о причинахъ развитіи преступности въ различныхъ слояхъ современнаго общества. Собравъ въ своей книгѣ монографіи различныхъ преступниковъ, авторъ стремится опредѣлить, какія условія вліяли на преступника и чѣмъ было вызвано преступленіе. Книга очень интересна какъ съ юридической, такъ и психологической точки зрѣнія, и бросаетъ яркій свѣтъ на состояніе человѣческой души и современнаго общества.

(Journal de Génève).

«*Die Jungfrau und das Berner Oberland*». *Theodor Wundt. Berlin.* (*Юнгфрау и Бернскій Оберляндъ*). Очень изящное иллюстрированное изданіе отдѣленія австрійскаго и германскаго альпійскаго клубовъ. Эту книгу можно рекомендовать всѣмъ, желающимъ ознакомиться съ Бернскимъ Оберляндомъ и прекрасною, величественною горой, составляющей одно изъ его главныхъ украшеній.

(National Zeitung).

«*Marriage Customs in Many Lands*» *by M-r Hutchinson.* (*Брачные обычаи во многихъ странахъ*). Очень интересная книга, хотя и представляющая не что иное, какъ компиляцію разныхъ извѣстныхъ ученыхъ изслѣдованій по этому вопросу. Авторъ очень добросовѣстно изучилъ источники и поэтому книга его обладаетъ полнотою свѣдѣній, относящихся къ различнымъ странамъ и народамъ.

(Daily News).

«*Life and Letters of Harriet Beecher Stowe*» *Edited by Annie Fields (Sampson Low and C°).* (*Жизнь и переписка Гарріетъ Бичеръ-Стоу*). Эта новая біографія знаменитой американской писательницы изобилуетъ новыми данными относительно ея жизни и американскаго общества въ ея время. Въ этомъ отношеніи особенно интересна ея переписка, обрисовывающая общественное настроеніе въ эпоху, предшествующую великой борьбѣ.

(Daily News).

«*Die Sociale Frage im Lichte der Philosophie*». *Vorlesungen über Social-Philosophie und ihre Geschichte von D-r Ludivig Stein. Stuttgart.* (*Соціальный вопросъ въ философскомъ освѣщеніи*). Авторъ этихъ лекцій, Лудвигъ Штейнъ, состоитъ уже нѣсколько лѣтъ профессоромъ философіи въ Бернѣ и пріобрѣлъ извѣстность своими историко-критическими изслѣдованіями философіи стоиковъ, Лейбница и Спинозы. Въ новомъ своемъ трудѣ онъ предпринимаетъ историко-психологическое изслѣдованіе развитія современнаго общественнаго строя и разбираетъ отношеніе къ соціальнымъ задачамъ и вопросамъ въ различныя эпохи, начиная отъ Платона до нашихъ дней. Книга проникнута глубокимъ соціальнымъ оптимизмомъ, въ основу котораго положено философское міровоззрѣніе.

(National Zeitung).

«*Dictionnaire de la Femme*» *encyclopedie-manuel des connaissances utiles à la femme, par G. Cerfberr et M. G. Ramin* (*Maison Didot*). (*Словарь женщины; энциклопедія полезныхъ знаній для женщины*). Въ этой книгѣ собраны всѣ свѣдѣнія о положеніи женщины въ различныхъ странахъ, а также разныя медицинскія, юридическія и гигіеническія указанія и всевозможныя свѣдѣнія, касающіяся домоводства и сельскаго хозяйства, которыя могутъ быть нужны и полезны для женщинъ.

(Revue des Revues).

«*Natural History in Shakespere's time*» *by H. W. Senger.* (*Естественная исторія во времена Шекспира*). Естественныя науки въ началѣ XVII вѣка находились еще въ пеленкахъ и, разумѣется, въ эпоху Елизаветы въ англійскомъ обществѣ были распространены въ высшей степени курьезныя понятія, въ родѣ, напримѣръ, того, что «египетская змѣя и крокодилъ зарождаются въ рѣчномъ илѣ подъ вліяніемъ сол-

нечныхъ лучей». Авторъ названной книги собралъ въ сочиненіяхъ Шекспира и другихъ авторовъ различныя указанія на подобныя ошибочныя воззрѣнія, господствовавшія среди англійской интеллигенціи тѣхъ временъ, и прослѣдилъ постепенный ходъ развитія естественныхъ наукъ и освобожденіе изъ-подъ гнета различныхъ суевѣрій и предразсудковъ. (Daily News).

«Gleanings in Buddha Fields» by Lafcadio Hearn. London. (Жатва на поляхъ Будды). О Японіи много писали въ послѣднее время, и европейская читающая публика должна быть достаточно знакома съ ея политической и соціальной жизнью, съ ея вооруженіями, парламентаризмомъ, съ ея общественнымъ строемъ, литературой, театромъ и артистами. Тѣмъ не менѣе, эта новая книга о Японіи представляетъ, несомнѣнно, выдающійся интересъ, такъ какъ авторъ писалъ ее не какъ путешественникъ-европеецъ, изучающій нравы и страну, а какъ истый японецъ, описывающій свою родину. Авторъ проникся японскимъ духомъ и поэтому ему удалось постичь такія тайны японской жисни, которыя совсѣмъ недоступны европейцамъ. Прибавимъ, что авторъ занимаетъ каѳедру англійской литературы въ университетѣ въ Токіо. (Daily News).

«The Romance of the Yrish Stage» by J. Fitzgerald Molloy. London. (Романъ ирландской сцены). Судя по названію, можно было бы думать, что рѣчь въ этой книгѣ идетъ только о театрѣ; между тѣмъ, въ ней описывается ирландское общество XVIII вѣка. Авторъ воспользовался историческими документами и поэтому его книга представляетъ не столько исторію театра, сколько исторію ирландской жизни и ея послѣдовательной эволюціи. (Daily News).

«Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft» E. Grosse. Friburg und Leipzig. (Формы семьи и формы хозяйства). Авторъ имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду изучить вліяніе одного только фактора, а именно экономической жизни, на развитіе брака и семьи; другими словами: авторъ изслѣдуетъ, какія формы семьи сопровождали извѣстные фазисы экономической жизни. Авторъ раздѣляетъ всѣ народы земли на пять классовъ: низшихъ охотниковъ и рыбаковъ, высшихъ охотниковъ и рыбаковъ, кочевниковъ, живущихъ исключительно скотоводствомъ, низшихъ земледѣльцевъ и высшихъ земледѣльцевъ, болѣе высокую и послѣднюю ступень развитія которыхъ составляютъ промышленные народы. Авторъ последовательно изучаетъ различныя формы семьи, вліяніе клана и общинной семьи, отношенія половъ, положеніе женщинъ и способы заключенія браковъ въ различные періоды экономическаго развитія. (National Zeitung).

«Le Pyogrès de la Science économique depuis Adam Smith; revision des doctrines économiques». (Deuxième édition) Paris. (Прогрессъ экономической науки со временъ Адама Смита; обзоръ экономическихъ доктринъ). Нельзя не отозваться съ большою похвалою объ этомъ новомъ трудѣ ученаго экономиста, воспользовавшагося громаднымъ матеріаломъ, имѣвшимся у него въ рукахъ, не только въ качествѣ экономиста и историка, но и въ качествѣ публициста. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать автору этой книги, заключается въ томъ, что онъ слишкомъ мало придаетъ значенія соціологіи, какъ наукѣ, которая воплощается для него только въ личности Огюста Конта. Но именно тѣ данныя, которыя авторъ собралъ въ своей книгѣ, обнаруживъ при этомъ громадную эрудицію, должны быть заложены въ фундаментъ великаго зданія соціологіи. (Journal des Débats).

«Esquisse d'une philosophie de la religion d'après la psychologie et l'histoire» par A. M. Auguste Sabatier. (Очеркъ философіи религіи по даннымъ психологіи и исторіи). Въ трехъ частяхъ этой книги авторъ изучаетъ религію и ея происхожденіе, христіанство и его сущность и изслѣдуетъ происхожденіе и развитіе религіознаго догмата съ философской точки зрѣнія. (Journal des Débats).

«Volkshochschulen und Universitäts-Ausdehnungs Bewegung». Von Ernst Schultze in Berlin. (Высшія народныя школы и университетское движеніе). Книга въ сжатомъ изложеніи знакомитъ читателя съ исторіей европайскихъ и американскихъ попытокъ приблизить университетъ къ народу. Авторъ даетъ подробный указатель литературы университетскаго движенія и подробно обсуждаетъ его этическую, соціальную и культурную роль въ жизни народовъ. (National Zeitung).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

раться въ густой темнотѣ, чтобы найти какое-нибудь болѣе чистое мѣстечко, гдѣ можно было бы сѣсть.

Долгій день проходилъ среди темноты и молчанія, и ночь не принесла никакой перемѣны. Среди полной пустоты и отсутствія внѣшнихъ впечатлѣній онъ постепенно потерялъ сознаніе времени, и когда на слѣдующее утро повернулся ключъ въ замкѣ, испуганныя крысы бросились съ пискомъ бѣжать мимо него,— онъ вскочилъ въ ужасѣ; сердце его безумно билось, въ ушахъ звенѣло, какъ будто бы его держали вдали отъ свѣта не часы, а цѣлые мѣсяцы.

Дверь открылась, пропустивъ слабый свѣтъ фонаря—ему онъ показался ослѣпительнымъ—вошелъ главный сторожъ съ кускомъ хлѣба и кувшиномъ воды въ рукахъ. Артуръ сдѣлалъ шагъ впередъ; онъ былъ увѣренъ, что сторожъ пришелъ, чтобы выпустить его; но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ выговорить слово, человѣкъ далъ ему въ руки хлѣбъ и кувшинъ, повернулся и ушелъ ничего не говоря; дверь снова закрылась.

Артуръ топнулъ ногой. Въ первый разъ въ жизни онъ чувствовалъ бѣшенство. Но по мѣрѣ того, какъ проходили часы, сознаніе времени и мѣста болѣе и болѣе ускользало отъ него. Темнота казалась безграничной, безъ начала и безъ конца, и жизнь какъ бы остановилась для него. На вечеръ третьяго дня, когда открыли дверь, и сторожъ появился у порога въ сопровожденіи солдата, Артуръ поднялъ глаза, ослѣпленный и растерянный, закрывая глаза отъ необычнаго свѣта и смутно думая о томъ, сколько часовъ или недѣль онъ провелъ въ этой могилѣ.

— Пожалуйте, — произнесъ холоднымъ дѣловымъ голосомъ сторожъ.

Артуръ поднялся и машинально пошелъ за нимъ, съ чувствомъ странной неувѣренности, шатаясь, какъ пьяный. Онъ оттолкнулъ руку сторожа, который хотѣлъ помочь ему подняться по крутымъ узкимъ ступенямъ, ведущимъ во дворъ. Но когда онъ дошелъ до послѣдней ступени, у него внезапно закружилась голова, онъ пошатнулся и упалъ бы, если бы сторожъ не поддержалъ его за плечо.

— Ну, теперь все будетъ ладно,— произнесъ привѣтливый голосъ; — это всегда бываетъ, когда выходятъ отсюда на воздухъ.

Артуръ дѣлалъ отчаянныя попытки вздохнуть, когда ему нàново брызнули водой въ лицо. Темнота, казалось, отпадала отъ него, распадаясь съ грохотомъ на куски. Потомъ онъ вдругъ пришелъ въ полное сознаніе, и, оттолкнувъ руку сторожа, пошелъ почти твердо по корридору и по лѣстницѣ. Они остановились на минуту передъ какой-то дверью; потомъ она открылась, и прежде, чѣмъ Артуръ сообразилъ, куда его ведутъ, онъ очутился въ свѣтлой комнатѣ, гдѣ его прежде допрашивали, и въ смущеніи глядѣлъ на столъ, бумаги и чиновниковъ, сидящихъ на обычныхъ мѣстахъ.

— А, м-ръ Бертенъ! — сказалъ полковникъ. — Надѣюсь, теперь мы будемъ болѣе мирно разговаривать. Ну, какъ вамъ нравится карцеръ? Онъ не такъ роскошенъ, какъ гостиная вашего брата, не правда ли?

Артуръ поднялъ глаза на улыбающееся лицо полковника. Его обуяло бѣшеное желаніе схватить за горло этого фата съ сѣдыми бакенбардами и разорвать его зубами. Вѣроятно, это было замѣтно на его лицѣ, потому что полковникъ тотчасъ же прибавилъ совсѣмъ другимъ тономъ:

— Сядьте, м-ръ Бертенъ и выпейте немного воды! Вы возбуждены.

Артуръ оттолкнулъ стаканъ воды, который ему протягивали. Онъ оперся руками о столъ, опустилъ голову на руку и старался собрать свои мысли. Полковникъ сидѣлъ, зорко наблюдая за нимъ и замѣчая своимъ опытнымъ глазомъ легкое дрожаніе его губъ и рукъ, слѣды сырости на волосахъ и тусклый взглядъ, свидѣтельствующій о физическомъ угнетеніи и разстроенныхъ нервахъ.

— Теперь, м-ръ Бертенъ, — сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, —мы опять начнемъ съ того, на чемъ остановились и такъ какъ между нами произошли ма-

ленькія непріятности, то я долженъ сказать вамъ, что съ своей стороны желаю только быть благосклоннымъ къ вамъ. Если вы будете вести себя благоразумно,—мы не будемъ примѣнять къ вамъ излишнихъ строгостей.

— Чего вы хотите отъ меня?

Артуръ говорилъ жесткимъ, сердитымъ голосомъ, совершенно не похожимъ на его обыкновенный.

— Я хочу, чтобы вы намъ искренно, просто и честно сказали обо всемъ, что вы знаете относительно этого общества и его членовъ. Прежде всего, какъ долго вы знали Боллу?

— Я никогда въ жизни его не видѣлъ. Я ничего о немъ не знаю.

— Неужели? Ну, мы еще вернемся къ этому предмету. Я полагаю, вы знакомы съ молодымъ человѣкомъ, по имени Карлъ Бини?

— Я никогда не слыхалъ о такомъ человѣкѣ.

— Чрезвычайно странно! Ну, а Франческо Нерри?

— Въ первый разъ слышу это имя.

— А вотъ письмо, написанное вашимъ почеркомъ и обращенное къ нему. Посмотрите!

Артуръ небрежно взглянулъ на него и отложилъ его.

— Вы узнаете это письмо?

— Нѣтъ.

— Вы отрицаете, что это вашъ почеркъ?

— Я ничего не отрицаю, я не помню.

— Можетъ быть, вы вспомните это письмо?

Ему подали второе письмо и онъ увидѣлъ, что это было письмо, написанное имъ осенью одному товарищу.

— Нѣтъ.

— И не помните лицо, къ которому оно обращено?

— Нѣтъ.

— У васъ удивительно короткая память!

— Я всегда страдалъ этимъ недостаткомъ.

— Неужели? А мнѣ недавно говорилъ одинъ профессоръ университета, что васъ вовсе не считаютъ неспособнымъ. Напротивъ, васъ считаютъ очень умнымъ.

— Вы, вѣроятно, судите объ умѣ съ полицейской точки зрѣнія. Профессора университета употребляютъ это слово въ другомъ смыслѣ.

Въ голосѣ Артура ясно слышалось возрастающее раздраженіе. Онъ былъ физически истощенъ отъ голода, безсонницы и сквернаго воздуха. Каждая частица его тѣла причиняла ему боль. Голосъ полковника раздражалъ его возбужденные нервы, дѣйствуя на него какъ звукъ грифеля по доскѣ.

— М-ръ Бертенъ!—сказалъ полковникъ съ достоинствомъ, откидываясь въ креслѣ.—Вы опять забываетесь и я долженъ васъ опять предупредить, что такого рода разговоръ не доведетъ васъ до добра. Надѣюсь, вы достаточно испытали прелести карцера, чтобы не желать вторично заключенія въ немъ. Я долженъ откровенно сказать вамъ, что долженъ буду употреблять серьезныя мѣры, если вы будете продолжать отвергать болѣе мягкія. Помните, у меня есть доказательство, положительное доказательство, что нѣкоторые изъ этихъ молодыхъ людей занимались контрабанднымъ провозомъ запрещенныхъ книгъ, и о томъ, что вы были въ сношеніяхъ съ ними. Теперь спрашиваю васъ: хотите вы сказать безъ всякаго принужденія, что вы знаете относительно этого дѣла.

Артуръ низко опустилъ голову. Слѣпое, безсмысленно звѣрское бѣшенство копошилось въ немъ, какъ живое существо. Возможность потерять власть надъ собой казалась ему страшнѣе всего другого. Первый разъ въ жизни онъ понялъ, сколько возможной дикости скрыто за культурностью воспитанныхъ людей и за смиреніемъ христіанина. И ужасъ передъ самимъ собой обуялъ его съ великой силой.

— Я жду вашего отвѣта, — сказалъ полковникъ.

— Мнѣ нечего отвѣчать.

— Вы рѣшительно отказываетесь отвѣчать?

— Я вамъ ничего не скажу.

— Тогда я долженъ буду распорядиться, чтобы васъ опять посадили въ карцеръ, и держать васъ тамъ, пока вы не измѣните своего рѣшенія. Если вы

будете еще больше бунтовать, васъ закуютъ въ цѣпи.

Артуръ поднялъ глаза, дрожа съ головы до ногъ.

— Дѣлайте, что вамъ угодно!—медленно сказалъ онъ. — А позволитъ ли англійскій посланникъ, чтобы такъ обращались съ британскимъ подданнымъ, не доказавъ его преступности ни въ чемъ — это, конечно, его дѣло рѣшать.

Наконецъ, Артура отвели обратно въ его собственную камеру, гдѣ онъ бросился на постель и проспалъ до слѣдующаго утра. Въ цѣпи его не заковывали и мрачнаго карцера онъ больше не видѣлъ. Но распря между нимъ и полковникомъ обострялась съ каждымъ новымъ допросомъ. Артуръ тщетно молился въ своей комнатѣ, чтобы небо помогло ему побороть свои дурныя страсти, и напрасно онъ думалъ по цѣлымъ ночамъ о смиреніи и терпѣніи Христа. Какъ только его приводили опять въ длинную пустую комнату, къ покрытому сукномъ столу и онъ видѣлъ вылощенные усы полковника, мятежный духъ снова овладѣвалъ имъ, внушая ему озлобленныя возраженія и презрительные отвѣты. Прежде чѣмъ прошелъ мѣсяцъ со времени его заключенія, обоюдное раздраженіе достигло такой степени, что онъ и полковникъ не могли взглянуть другъ другу въ лицо, не теряя самообладанія.

Продолжительность этой мелкой войны начинала угнетать его нервы. Зная, какъ сильно за нимъ наблюдали и вспоминая слухи о томъ, что заключенныхъ поятъ белладоной и записываютъ ихъ бредъ, онъ понемногу сталъ бояться ѣсть и пить. Если мимо него пробѣгала мышь ночью, онъ вскакивалъ весь покрытый холоднымъ потомъ и дрожалъ отъ ужаса, воображая, что кто-нибудь спрятанъ въ комнатѣ и слушаетъ, что онъ говоритъ во снѣ. Начальство, очевидно, старалось устроить ему ловушку и вырвать у него какое-нибудь показаніе, могущее выдать Боллу. И такъ велико было его опасеніе попасть по неосторожности въ ловушку, что онъ могъ, въ самомъ дѣлѣ, попасться, благодаря своей нервности. Имя Боллы звучало въ его ушахъ днемъ и ночью, мѣшая его молитвамъ и срывалось съ его устъ вмѣсто имени Маріи, когда онъ перебиралъ четки. Самымъ ужаснымъ было то, что и вѣра его вмѣстѣ съ внѣшнимъ міромъ ускользала отъ него съ теченіемъ дней. Онъ лихорадочно держался за этотъ послѣдній оплотъ, проводя нѣсколько часовъ каждый день среди молитвъ и размышленій. Но мысли его все чаще и чаще возвращались къ Боллѣ и молитвы становились совершенно машинальными.

Его единственнымъ утѣшеніемъ былъ главный сторожъ тюрьмы. Это былъ маленькій старичокъ, толстый и лысый, который сначала пытался глядѣть сурово. Но понемногу его природное добродушіе, сказывавшееся въ каждой ямочкѣ его пухлаго лица, одержало верхъ надъ его служебнымъ рвеніемъ и онъ началъ передавать порученія заключенныхъ изъ камеры въ камеру.

Однажды въ половинѣ мая, сторожъ пришелъ въ камеру съ такимъ мрачнымъ и сердитымъ лицомъ, что Артуръ взглянулъ на него въ изумленіи.

— Что случилось, Энрико? — спросилъ онъ.

— Ничего, — сердито отвѣтилъ Энрико и, подойдя къ постели, началъ снимать одѣяло, принадлежавшее Артуру.

— Зачѣмъ вамъ понадобились мои вещи? Развѣ меня переводятъ въ другую камеру?

— Нѣтъ, васъ выпускаютъ.

— Выпускаютъ? Сегодня? Совсѣмъ? Энрико!

Артуръ, возбужденный, схватилъ за руку сторожа, но тотъ ее сердито отдернулъ.

— Энрико, что съ вами? Почему вы не отвѣчаете? Развѣ насъ всѣхъ выпускаютъ?

Презрительное ворчаніе было единственнымъ отвѣтомъ.

— Что съ вами?—Артуръ опять взялъ руку старика, смѣясь.—Нечего сердиться на меня, потому что я, все равно, не обижусь. Я хочу знать о другихъ.

— О другихъ? — заворчалъ Энрико, опуская вдругъ рубашку, которую онъ складывалъ.—Не о Боллѣ, надѣюсь?

— О Боллѣ и о другихъ, конечно! Энрико, что съ вами?

*

— Ну его-то ужъ не такъ скоро выпустятъ, бѣдняжку, когда товарищъ выдалъ его. У-у-у!

Энрико съ жестомъ отвращенія опять сталъ складывать рубашку.

— Выдалъ его товарищъ? Какой ужасъ!

Глаза Артура раскрылись отъ ужаса. Энрико быстро обернулся къ нему.

— Да развѣ не вы выдали его?

— Я? Да вы съ ума спятили!

— Ну, во всякомъ случаѣ, ему вчера сказали такъ при допросѣ. Я очень радъ, что это не вы, потому что я всегда считалъ васъ порядочнымъ человѣкомъ. Идите за мной!

Энрико вышелъ въ корридоръ и Артуръ пошелъ за нимъ, начиная вдругъ понимать въ чемъ дѣло.

— Они сказали Боллѣ, что я его выдалъ. Конечно, они это сдѣлали! Вѣдь, они же мнѣ сказали, что онъ меня выдалъ! Надѣюсь, Болла не такой дуракъ, чтобы повѣрить!

— Да? Такъ это, въ самомъ дѣлѣ, неправда?

Энрико остановился у лѣстницы и сталъ вглядываться въ Артура, который только пожалъ плечами.

— Ну, я радъ это знать и скажу ему объ этомъ. Но видите ли, они ему сказали, что вы его выдали изъ-за ревности, потому что, будто бы, вы оба любите одну и ту же дѣвушку.

— Это ложь!—Артуръ повторилъ эти слова прерывистымъ шепотомъ. Внезапный, сковывающій его члены ужасъ охватилъ его.—Ту же дѣвушку... ревность... какъ они могли это знать! какъ они могли это знать!

— Подождите немножко, молодой человѣкъ!—Энрико остановился въ корридорѣ, ведущемъ въ комнату для допросовъ, и мягко заговорилъ: — Я вамъ вѣрю, но скажите мнѣ одну вещь: я знаю, что вы католикъ, не говорили ли вы чего-нибудь на исповѣди?

— Это ложь!—На этотъ разъ голосъ Артура поднялся до еле сдерживаемаго крика.

Энрико пожалъ плечами и пошелъ впередъ.

— Вамъ, конечно, лучше знать. Но вы не первый молодой вѣтренникъ, попавшійся такимъ образомъ. Теперь какъ разъ идутъ страшные толки объ одномъ священникѣ въ Пизѣ, котораго уличили нѣкоторые изъ вашихъ друзей. Они даже напечатали о томъ, что онъ шпіонъ.

Онъ открылъ дверь въ комнату и, видя, что Артуръ стоитъ недвижно, устремивши безжизненный взглядъ передъ собой, слегка втолкнулъ его.

— Здравствуйте, м-ръ Бертенъ! — сказалъ полковникъ, улыбаясь и дружелюбно оскаляя зубы. — Мнѣ очень пріятно поздравить васъ. Изъ Флоренціи пришелъ приказъ о вашемъ освобожденіи. Будьте любезны подписать эту бумагу.

Артуръ подошелъ къ столу.

— Я хотѣлъ бы знать,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ:—кто меня выдалъ.

Полковникъ поднялъ брови съ улыбкой.

— Вы не можете догадаться? Подумайте на минутку!

Артуръ отрицательно покачалъ головой.

Полковникъ протянулъ обѣ руки съ выраженіемъ вѣжливаго изумленія.

— Не можете догадаться? Неужели? Да вы же сами, м-ръ Бертенъ! Кто же другой можетъ знать ваши личныя сердечныя дѣла.

Артуръ молчаливо отвернулся. На стѣнѣ висѣло большое деревянное распятіе, и глаза его медленно обратились къ нему, но безъ молитвеннаго выраженія, а только съ смутнымъ изумленіемъ передъ этимъ терпѣливымъ богомъ, у котораго нѣтъ громовъ, чтобы поразить священнослужителя, нарушившаго тайну исповѣди.

— Будьте любезны подписать квитанцію въ выдачѣ вашихъ бумагъ,— мягко сказалъ полковникъ:—и затѣмъ мнѣ нѣтъ надобности задерживать васъ. Я увѣренъ, что вы спѣшите домой, а я теперь чрезвычайно занятъ дѣломъ этаго безумнаго юноши Боллы, который подвергъ столь жестокому испытанію вашу христіанскую кротость. Боюсь, что съ нимъ строго поступятъ. Прощайте!

Артуръ, подписавъ квитанцію, взялъ бумаги и вышелъ въ глубокомъ молчаніи. Онъ послѣдовалъ за Энрико къ тя-

желымъ воротамъ и, не прощаясь съ нимъ, сошелъ внизъ, къ рѣкѣ, гдѣ его ждалъ лодочникъ, чтобы перевезти черезъ ровъ. Когда онъ подходилъ къ каменнымъ ступенямъ, ведущимъ на улицу, къ нему подбѣжала дѣвушка, въ ситцевомъ платьѣ и въ соломенной шляпѣ, протягивая ему обѣ руки.

— Артуръ! я такъ счастлива, такъ счастлива!

Онъ отстранилъ свои руки, весь дрожа.

— Джимъ!—сказалъ онъ совершенно чужимъ голосомъ.—Джимъ!

— Я жду тебя здѣсь цѣлые полчаса. Мнѣ говорили, что тебя выпустятъ въ четыре. Артуръ, почему ты такъ на меня глядишь? Что съ тобой, Артуръ? Остановись!

Онъ отвернулся отъ нея и медленно шелъ по улицѣ, какъ бы забывъ ея присутствіе. Испуганная его поведеніемъ, она побѣжала за нимъ и схватила его за руку.

— Артуръ.

Онъ остановился и взглянулъ на нее дикими глазами. Она взяла его подъ руку и они шли нѣсколько минутъ въ молчаніи.

— Послушай, дорогой мой!—сказала она мягко.—Ты слишкомъ принимаешь это къ сердцу. Я знаю, что это ужасно, но всякій понимаетъ.

— О чемъ ты говоришь?—спросилъ онъ тѣмъ же глухимъ голосомъ.

— О письмѣ Боллы.

По лицу Артура прошла скорбная тѣнь при этомъ имени.

— Я думала, что ты не зналъ объ этомъ, но тебѣ, вѣроятно, сказали,—продолжала Гемма.—Болла, вѣроятно, прямо съ ума сошелъ, выдумавъ такую вещь.

— Какую вещь?

— Такъ ты, значитъ, ничего не знаешь! Онъ написалъ ужасное письмо, о томъ, что ты сказалъ о контрабандѣ и виноватъ въ его арестѣ. Это, конечно, нелѣпо, каждый это понимаетъ, и только тѣ, кто тебя не знаютъ, пришли въ волненіе. Я изъ за этого именно пришла, чтобъ сказать тебѣ, что никто въ нашей группѣ не вѣритъ этому.

— Гемма, но, вѣдь, это правда!

Она медленно отшатнулась отъ него и остановилась съ раскрытыми и полными ужаса глазами, съ лицомъ, бѣлымъ, какъ повязанный вокругъ ея шеи платокъ. Большая ледяная волна молчанія охватила ихъ обоихъ, отдѣливъ ихъ въ обособленномъ мірѣ отъ жизни и движенія улицы.

— Да,—прошепталъ онъ, наконецъ.—Да, я объ этомъ говорилъ и я называлъ его имя.—О Боже, Боже, что мнѣ дѣлать?

Онъ вдругъ пришелъ въ себя и увидѣлъ смертельный ужасъ въ ея лицѣ. Да, конечно, она должна думать...

— Гемма, ты не понимаешь!—проговорилъ онъ, подходя къ ней ближе.

Но она отшатнулась отъ него съ рѣзкимъ возгласомъ.

— Не касайся меня!

Артуръ схватилъ ея правую руку съ внезапной яростью.

— Послушай, ради Бога! Я...

— Уходи! Пусти мою руку!.. Уходи!

Въ слѣдующую минуту она вырвала свою руку и ударила его по щекѣ. Его окружилъ какой-то туманъ. Нѣсколько времени онъ ничего не сознавалъ, кромѣ блѣднаго, отчаяннаго лица Геммы и вида ея правой руки, которую она вытирала своей ситцевой юбкой. Потомъ опять окружилъ его солнечный свѣтъ, онъ оглянулся и увидѣлъ, что одинъ.

Глава VII.

Было уже совершенно темно, когда Артуръ позвонилъ у дверей большого дома на Via Borra. Онъ помнилъ, что долго блуждалъ по улицамъ, но гдѣ и почему, и какъ долго—онъ не имѣлъ представленія. Грумъ Юліи открылъ ему дверь, зѣвая, и многозначительно усмѣхнулся при видѣ его разстроеннаго окаменѣлаго лица. Ему показалось удивительно забавнымъ, что молодой баринъ вернулся изъ тюрьмы похожимъ на пьянаго, грязнаго нищаго. Артуръ поднялся по лѣстницѣ. Наверху онъ встрѣтилъ Гиббонса, который сходилъ внизъ съ выраженіемъ торжественнаго и надменнаго порицанія. Артуръ попытался быстро

пройти мимо него, пробормотавъ: «Добрый вечеръ!» Но отъ Гиббонса не такъ легко было отдѣлаться противъ его воли.

— Господъ нѣтъ дома, сэръ,—сказалъ онъ, кинувъ критическій взглядъ на неряшливую одежду и растрепанные волосы Артура.—Они отправились и не вернутся раньше двѣнадцати.

Артуръ посмотрѣлъ на свои часы. Было девять часовъ. О, да! у него еще есть время, много времени.

— Барыня поручила мнѣ спросить васъ, не хотите ли вы ужинать, сэръ? Она надѣется, что вы подождете ея возвращенія, потому что она очень желаетъ поговорить съ вами еще сегодня.

— Мнѣ ничего не нужно, спасибо! Можете ей сказать, что я не лягу спать.

Онъ поднялся въ свою комнату. Въ ней ничего не измѣнилось со времени его ареста. Портретъ Монтанелли стоялъ на столѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ оставилъ его, и распятіе также стояло въ альковѣ, какъ прежде. Онъ остановился на минуту на порогѣ и сталъ прислушиваться. Но въ домѣ было совершенно тихо. Очевидно, никто не придетъ мѣшать ему. Онъ тихо вошелъ въ комнату и закрылъ дверь.

Итакъ, насталъ конецъ. Нечего было думать и тревожиться. Только бы отдѣлаться отъ ненужнаго и непріятнаго сознанія и дѣло съ концомъ. И все-таки это какъ-то глупо и безцѣльно.

Онъ не принялъ яснаго рѣшенія совершить самоубійство. Онъ даже не особенно думалъ объ этомъ—настолько это ему казалось неизбѣжнымъ и очевиднымъ. У него не было ни малѣйшаго представленія о томъ, какого рода смерть избрать. Только бы покончить скорѣе—покончить и забыть. Въ комнатѣ не было никакого оружія, не было даже простого ножа. Но не все ли равно—достаточно полотенца или простыни, разрѣзанной на куски.

Какъ разъ надъ окномъ былъ вбитъ большой гвоздь. Вотъ и отлично. Нужно только хорошенько укрѣпить его, чтобы онъ вынесъ тяжесть его тѣла. Артуръ всталъ на стулъ и потрогалъ гвоздь: онъ оказался недостаточно крѣпкимъ, и юноша опять сошелъ и досталъ изъ комода молотокъ. Онъ прибилъ гвоздь и хотѣлъ уже сдернуть простыню съ кровати, когда вдругъ вспомнилъ, что еще не молился. Конечно, нужно помолиться передъ смертью; это долгъ христіанина. Есть даже особенныя молитвы для отходящей души.

Онъ подошелъ къ алькову и сталъ на колѣни предъ распятіемъ.

— Всемогущій и всеблагій Боже!—началъ онъ громко и потомъ вдругъ остановился и больше ничего не прибавилъ. Жизнь стала теперь для него такой мрачной, что у него не оставалось ни о чемъ молиться, ни отъ чего просить избавленія. А кромѣ того, развѣ Христосъ зналъ о такого рода страданіяхъ—Христосъ, который никогда ихъ не испытывалъ. Онъ былъ только преданнымъ, какъ Болла. Его не заставили обманнымъ образомъ стать предателемъ.

Артуръ всталъ, перекрестившись по старой привычкѣ. Подойдя къ столу, онъ увидѣлъ на немъ письмо, адресованное ему почеркомъ Монтанелли. Письмо было написано карандашемъ:

«Дорогой мой мальчикъ! Я въ отчаяніи, что не могу видѣть тебя въ день выхода изъ тюрьмы. Но меня позвали къ умирающему. Я вернусь только поздно ночью. Приди ко мнѣ завтра рано утромъ». Подпись: Л. М.

Онъ отложилъ письмо со вздохомъ. Бѣдный padre!

А люди смѣялись и весело болтали на улицахъ! Все было такимъ же, какъ въ тѣ дни, когда онъ былъ живымъ. Ни одна изъ мельчайшихъ будничныхъ подробностей не измѣнилась изъ-за того, что убили живую человѣческую душу. Все было попрежнему. Вода била въ фонтанахъ, воробьи щебетали подъ крышами, какъ вчера. Только онъ одинъ превратился въ мертвеца.

Артуръ присѣлъ на кровать, положилъ руки на желѣзную спинку и опустилъ голову на руки. Оставалось еще много времени; у него болѣла голова—самая середина мозга. Все казалось скучнымъ и глупымъ—безнадежнымъ...

Раздался рѣзкій звонокъ у входной двери. Артуръ вскочилъ, задыхаясь отъ

ужаса и схватился руками за горло. Они вернулись! А онъ сидѣлъ тутъ въ полуснѣ и упустилъ драгоцѣнное время! Теперь опять придется видѣть ихъ лица и слышать ихъ жестокія слова,—насмѣшки и толки. Еслибъ только былъ подъ рукой ножъ!

Онъ съ отчаяніемъ оглянулся вокругъ себя въ комнатѣ. На маленькой этажеркѣ стояла рабочая корзинка его матери. Тамъ, навѣрно, были ножницы! Можно бы ими открыть артерію. Нѣтъ, простыня и гвоздь гораздо надежнѣе, если только у него останется время. Онъ стянулъ простыню съ постели и съ яростной поспѣшностью сталъ отрывать полосу полотна. На лѣстницѣ раздавались шаги. Оторванная полоса была слишкомъ широкой. Нельзя будетъ сдѣлать крѣпкій узелъ. Онъ еще быстрѣе сталъ работать, слыша, какъ приближаются шаги. Въ вискахъ у него стучало, въ ушахъ былъ невыносимый шумъ. Скорѣе—скорѣе, еще только бы пять минутъ!...

Раздался стукъ въ дверь. Оторванная полоса полотна выпала у него изъ рукъ и онъ сѣлъ тихо, затаивъ дыханіе. Ручка двери задвигалась, послышался голосъ Юліи:

— Артуръ!

Онъ всталъ, еле дыша.

— Артуръ, открой дверь, пожалуйста, мы ждемъ.

Онъ собралъ обрывки простыни, бросилъ ихъ въ ящикъ и быстро оправилъ постель.

— Артуръ!—На этотъ разъ его звалъ Джемсъ, нетерпѣливо стуча въ дверь.— Ты спишь?

Артуръ оглянулся въ комнатѣ, увидѣлъ, что все спрятано, и открылъ дверь.

— Я надѣялась, что ты, по крайней мѣрѣ, исполнишь мою просьбу и подождешь насъ,—сказала Юлія, вплывая въ комнату, очевидно, взбѣшенная.— Ты считаешь совершенно въ порядкѣ вещей, чтобы мы полчаса ждали у дверей.

— Четыре минуты, дорогая,—кротко поправилъ ее Джемсъ, вступая въ комнату, вслѣдъ за розовымъ шелковымъ шлейфомъ своей жены.—Конечно, Артуръ, было бы болѣе прилично...

— Что вамъ нужно?—прервалъ Артуръ. Онъ стоялъ, держась одной рукой за ручку двери и озираясь на вошедшихъ, какъ попавшійся въ западню звѣрь. Но Джемсъ былъ слишкомъ тупъ, а Юлія слишкомъ взбѣшена, чтобы обратить вниманіе на его видъ.

М-ръ Бертенъ поставилъ стулъ для своей жены и сѣлъ самъ, заботливо вздергивая у колѣнъ свои новые панталоны.

— Юлія и я,—началъ онъ,—считаемъ своимъ долгомъ поговорить съ тобой серьезно.

— Я сегодня не въ состояніи слушать васъ. Я нездоровъ. У меня голова болитъ. Обождите до завтра.

Артуръ говорилъ страннымъ невнятнымъ голосомъ, какъ-то смущенно и растерянно. Джемсъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ тревожно, вспомнивъ вдругъ, что Артуръ вернулся изъ настоящаго очага заразы.— Надѣюсь, что ты не заболѣлъ? У тебя лихорадочный видъ.

— Глупости! — рѣзко прервала Юлія.—Это его обычное комедіантство, ему стыдно глядѣть намъ въ глаза! Подойди сюда и сядь, Артуръ!

Артуръ медленно прошелъ черезъ комнату и сѣлъ на кровать.

— Ну что?—спросилъ онъ усталымъ голосомъ.

М-ръ Бертенъ кашлянулъ, прочистилъ горло, пригладилъ свою и безъ того безупречную бороду и началъ снова приготовленную заранѣе рѣчь.

— Я считаю своимъ долгомъ—своимъ тягостнымъ долгомъ—поговорить серьезно съ тобой о твоемъ необычайномъ поведеніи, о томъ, что ты связался съ... беззаконниками и поджигателями и... людьми самыми гнусными. Я, конечно, полагаю, что ты, быть можетъ, скорѣе безразсуденъ, чѣмъ пороченъ... и...

Онъ остановился.

— Ну?—сказалъ Артуръ.

— Я не хочу быть слишкомъ суровымъ къ тебѣ,—продолжалъ Джемсъ, невольно смягчаясь отъ усталаго и безнадежнаго вида Артура.—Я радъ повѣрить, что ты только поддался дурнымъ

совѣтчикамъ. Я готовъ принять во вниманіе твою молодость, неопытность и неосторожный... и... страстный характеръ, который ты унаслѣдовалъ отъ твоей матери.

Глаза Артура медленно поднялись на портретъ матери и онъ ничего не сказалъ.

— Но ты долженъ понять, и я увѣренъ, что поймешь, — продолжалъ Джемсъ,—что мнѣ совершенно невозможно держать у себя въ домѣ человѣка, который навлекъ позоръ на такое высокочтимое имя, какъ наше.

— Ну? — повторилъ еще разъ Артуръ.

— Это что такое? — рѣзко спросила Юлія, захлопывая вѣеръ и кладя его на колѣни. — Будешь ли ты столь добръ сказать что-нибудь, кромѣ «ну», Артуръ?

— Поступайте, какъ считаете нужнымъ,—отвѣтилъ онъ медленно, не двигаясь.—Это не важно.

— Не важно!—повторилъ въ ужасѣ Джемсъ и жена его встала со стула съ хохотомъ.

— Вотъ какъ! Не важно! Ну что же, Джемсъ! Я надѣюсь, ты понялъ теперь, какой благодарности можно здѣсь ожидать. Я говорила тебѣ, что̀ выходитъ, когда оказываютъ благодѣянія католическимъ авантюристкамъ и ихъ...

— Молчи! Ради Бога, молчи, дорогая!

— Все это глупости, Джемсъ! Будетъ съ насъ этой сантиментальщины! Незаконный ребенокъ изображаетъ изъ себя члена семьи! Пора ему знать, кѣмъ была его мать. Зачѣмъ намъ возиться съ ребенкомъ католическаго попа? Вотъ, вотъ, посмотри!

Она вынула изъ кармана скомканный кусокъ бумаги и передала его черезъ столъ Артуру. Онъ развернулъ бумагу. Письмо было написано за четыре мѣсяца до его рожденія, рукой его матери. Это было признаніе, написанное ея мужу, и подъ нимъ двѣ подписи.

Глаза Артура медленно скользнули внизъ бумаги, мимо нетвердыхъ буквъ ея имени, и онъ увидѣлъ твердую, знакомую ему подпись: «Лоренцо Монтанелли». Съ минуту онъ недвижно глядѣлъ на бумагу, затѣмъ, не говоря ни слова, снова ее сложилъ и положилъ на мѣсто.

Джемсъ всталъ и взялъ жену свою за руку.

— Оставь, Юлія! Иди къ себѣ, теперь поздно. А мнѣ еще нужно поговорить о дѣлахъ съ Артуромъ. Это тебѣ не будетъ интересно.

Она взглянула на мужа, потомъ опять на Артура, который сидѣлъ, безмолвно глядя на полъ.

— Онъ выглядитъ, какъ сумасшедшій,—прошептала она.

Когда она подняла шлейфъ и вышла изъ комнаты, Джемсъ тщательно закрылъ дверь и усѣлся опять на стулѣ у стола. Артуръ сидѣлъ попрежнему неподвижно и молчалъ.

— Артуръ!—началъ Джемсъ болѣе мягкимъ тономъ, послѣ того, какъ Юлія уже не могла его услышать.—Я очень жалѣю, что такъ случилось. Ты бы могъ и не знать. Ну, да теперь нельзя измѣнить. Все открыто, и я радъ, что ты отнесся такъ спокойно. Юлія немножко возбуждена. Это часто бываетъ у женщинъ. Я же не хочу быть суровымъ къ тебѣ.

Онъ остановился, чтобы посмотрѣть, какъ отнесется Артуръ къ его добрымъ словамъ. Но тотъ попрежнему не двигался.

— Конечно, дорогой мой,—продолжалъ Джемсъ черезъ минуту,—это все очень печально и самое лучшее не говорить объ этомъ. Отецъ мой былъ великодушенъ, и не развелся съ твоей матерью, когда она созналась ему въ своей винѣ. Онъ только потребовалъ, чтобы ея соблазнитель сейчасъ же уѣхалъ, и, какъ ты знаешь, онъ отправился въ Китай миссіонеромъ. Я, съ своей стороны, былъ очень противъ того, чтобы у тебя были съ нимъ сношенія послѣ его возвращенія. Но отецъ согласился, чтобы онъ училъ тебя, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ никогда не пытался видѣться съ твоей матерью. Я долженъ по справедливости признать, что они соблюдали это условіе до конца. Это очень печальное дѣло, но...

Артуръ поднялъ глаза. Жизнь и вы-

раженіе исчезли съ лица его. Оно было похоже на восковую маску.

— Не к-ка-жет-ся-ли тебѣ,—сказалъ онъ тихо, странно заикаясь на каждомъ словѣ: — не к-ка-жет-ся-ли тебѣ, что эт-то... очень... о-о-чень забавно?...

— *Забавно*! — Джемсъ оттолкнулъ стулъ отъ стола и всталъ, глядя на Артура въ изумленіи. —Артуръ! Ты съ ума сошелъ?..

Артуръ вдругъ откинулъ голову и залился безумнымъ хохотомъ.

— Артуръ! — воскликнулъ кораблевладѣлецъ, поднимаясь съ достоинствомъ.—Я пораженъ твоимъ легкомысліемъ.

Въ отвѣтъ ему раздавались лишь взрывы хохота, такого громкаго и неудержимаго, что, наконецъ, Джемсъ сталъ подозрѣвать, что дѣло не въ одномъ легкомысліи.

— Точно истеричная женщина!—пробормоталъ онъ, презрительно пожавъ плечами, и сталъ нетерпѣливо ходить по комнатѣ.—Право, Артуръ, ты хуже Юліи. Ну, а теперь перестань смѣяться. Я не могу здѣсь ждать всю ночь.

Онъ могъ бы съ тѣмъ же успѣхомъ потребовать, чтобы распятіе снялось съ своей подножки. Артуръ былъ недоступенъ ни просьбамъ, ни убѣжденіямъ. Онъ только смѣялся, смѣялся, смѣялся безъ конца.

— Это глупо! — сказалъ, наконецъ, Джемсъ, остановившись среди своего гнѣвнаго шаганія по комнатѣ.—Ты, очевидно, слишкомъ возбужденъ для разумнаго разговора. Я не могу говорить съ тобой о дѣлѣ, пока ты будешь продолжать эти глупости. Зайди ко мнѣ завтра утромъ, послѣ завтрака, а теперь иди лучше спать. Спокойной ночи!

Онъ вышелъ, захлопнувъ за собой дверь.

— Ну, а теперь начнется истерика внизу,—бормоталъ онъ, спускаясь по лѣстницѣ тяжелыми шагами.—Тамъ, вѣроятно, ужъ будутъ слезы.

Безумный хохотъ Артура сразу оборвался. Онъ схватилъ молотокъ, лежавшій на столѣ, и расколотилъ имъ распятіе.

Послѣдовавшій за этимъ трескъ заставилъ его очнуться. Онъ увидѣлъ себя стоящимъ передъ пустымъ подножьемъ, съ молоткомъ въ рукахъ; куски разбитаго распятія валялись вокругъ него.

Онъ бросилъ молотокъ на полъ.

— Какъ это просто!—сказалъ онъ и отвернулся.—И какъ я былъ глупъ!

Онъ сѣлъ у стола, тяжело дыша, и опустилъ голову на руки. Затѣмъ онъ всталъ, подошелъ къ умывальнику, облилъ голову холодной водой и, совершенно успокоившись, сѣлъ опять къ столу.

Это изъ-за такихъ-то пустяковъ—изъ-за лживыхъ людей и рабовъ, изъ-за нѣмыхъ и бездушныхъ идоловъ онъ выстрадалъ такія муки позора и отчаянія! Вѣшаться изъ-за того только, что одинъ священникъ оказался лгуномъ! Какъ будто всѣ они не лгуны! Теперь все кончено, онъ сталъ мудрымъ. Нужно только отбросить всю эту нечисть и начать новую жизнь.

Въ гавани стояло множество кораблей. Ему легко будетъ пробраться на одинъ изъ нихъ и уплыть въ Канаду, въ Австралію, въ Южную Африку—куда угодно. Не все ли равно—куда, лишь бы подальше. Тамъ ужъ онъ какъ-нибудь устроится. Если въ одномъ мѣстѣ не понравится, можно переѣхать въ другое.

Онъ вынулъ кошелекъ: тамъ было только тридцать-три паоли... Но у него хорошіе часы. Они на время выручатъ... Да это все равно. Онъ какъ-нибудь выпутается. Но они, всѣ эти люди, будутъ искать его. Они, навѣрное, станутъ разспрашивать въ докахъ. Нѣтъ, нужно навести ихъ на ложный слѣдъ, увѣрить ихъ въ своей смерти. Тогда онъ будетъ свободенъ, совсѣмъ свободенъ... Онъ тихо засмѣялся при мысли о томъ, какъ Бертены будутъ искать его трупъ. Какая все это комедія!

Взявши листъ бумаги, онъ написалъ первыя слова, которыя ему пришли въ голову:

«Я вѣрилъ въ васъ, какъ вѣрилъ въ Бога. Но вы обманули меня ложью». Онъ

сложилъ записку, надписалъ адресъ Монтанелли и, взявши другой листъ, написалъ на немъ: «Ищите мой трупъ въ Дарсенѣ». Потомъ онъ надѣлъ шляпу и вышелъ изъ комнаты. Проходя мимо портрета матери, онъ взглянулъ на него со смѣхомъ и пожалъ плечами. Она тоже лгала ему.

Онъ тихо пробрался по корридору и, открывъ засовъ на дверяхъ, вышелъ на большую, темную, гулкую мраморную лѣстницу. Ему казалось, что онъ спускался въ какой-то мрачный колодезь.

Онъ прошелъ черезъ дворъ, ступая осторожно, чтобы не разбудить Джанъ-Батиста, спавшаго внизу. Въ дровяномъ сараѣ было маленькое рѣшетчатое окно, которое открывалось на каналъ и поднималось не болѣе, чѣмъ на четыре фута отъ земли. Онъ припомнилъ, что заржавленная рѣшетка сломана въ одномъ мѣстѣ. Можно будетъ расшатать ее и сдѣлать достаточно большое отверстіе, чтобы вылѣзть изъ него на улицу.

Рѣшетка оказалась, однако, довольно устойчивой и Артуръ сильно расцарапалъ руки и разорвалъ рукавъ сюртука. Но онъ не обратилъ на это вниманія. Онъ оглянулся на улицу. Никого не было видно, и каналъ лежалъ мрачной, безобразной полосой, раздѣлявшей двѣ прямыя, покрытыя плѣсенью стѣны. Неизвѣстный ему міръ, быть можетъ, окажется очень мрачнымъ, но онъ не можетъ быть болѣе невзрачнымъ и тоскливымъ, чѣмъ мѣсто, которое онъ покидалъ. Ему не о чемъ было жалѣть, не о чемъ тосковать. Онъ оставлялъ за собой смрадный мірокъ, полный низкой лжи, неумѣлыхъ обманщиковъ и зловонныхъ лужъ, даже недостаточно глубокихъ, чтобы утонуть въ нихъ.

Онъ пошелъ вдоль берега канала и вышелъ на маленькую площадь у дворца Медичи. Сюда Гемма пришла ему на встрѣчу .. Тутъ была маленькая лѣсенка, съ каменными сырыми ступенями, ведущими внизъ къ крѣпостному валу. Тамъ, по ту сторону грязнаго канала, поднималась крѣпость. Онъ прежде не замѣчалъ ея жалкаго, понураго вида.

Проходя по узкимъ улицамъ, онъ дошелъ до пристани и тогда снялъ съ головы шляпу и бросилъ ее въ воду. Ее, конечно, найдутъ, когда будутъ искать его трупъ. Потомъ онъ продолжалъ идти вдоль берега, размышляя о томъ, какъ поступить теперь. Необходимо спрятаться на какомъ-нибудь кораблѣ. Но это было очень трудно. Онъ рѣшилъ продолжать путь къ огромному старому молу и пойти вдоль него. На концѣ его былъ кабакъ, гдѣ, можетъ быть, найдется матросъ, котораго можно будетъ подкупить.

Но ворота, ведущіе къ докамъ, были заперты. Какъ попасть въ нихъ и пройти мимо таможенныхъ досмотрщиковъ. У него не было достаточно денегъ, чтобы заплатить за свободный пропускъ, да еще безъ паспорта. Кромѣ того, его могутъ узнать.

Проходя мимо бронзовой статуи «Четырехъ мавровъ», онъ увидѣлъ человѣка, выходящаго изъ стараго дома противъ пристани; онъ приближался къ мосту. Артуръ скользнулъ въ глубокую тѣнь за статуей, притаился и сталъ осторожно выглядывать изъ-за угла пьедестала.

Была мягкая, весенняя, теплая и звѣздная ночь. Вода ударялась о каменныя стѣны водяного бассейна и всплески легкихъ волнъ вокругъ ступенекъ казались тихимъ хохотомъ. Гдѣ-то вблизи звякнула цѣпь и стала тихо раскачиваться. Громадная желѣзная труба поднималась, высокая и унылая въ полусвѣтѣ. На сіяющемъ фонѣ звѣзднаго неба и жемчужныхъ облаковъ рѣзко вырисовывался темный памятникъ, съ фигурами скованныхъ, борющихся рабовъ, напрасно возстающихъ послѣдними силами противъ безжалостнай судьбы.

Кто-то шелъ неровнымъ шагомъ вдоль воды, напѣвая англійскую уличную пѣсню. Это былъ, очевидно, матросъ, возвращающійся послѣ попойки. Никого другого не было видно. Когда онъ подошелъ ближе, Артуръ вышелъ изъ своей засады и сталъ поперегъ дороги. Матросъ оборвалъ пѣсню ругательствомъ и остановился.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами,— сказалъ Артуръ по-итальянски.—Вы меня понимаете?

Тотъ покачалъ головой.

— Напрасно говорить со мной тарабарскимъ говоромъ,—сказалъ онъ; затѣмъ, перейдя на дурной французскій языкъ, онъ спросилъ сердито:—Что вамъ нужно? Зачѣмъ вы остановили меня?

— Пойдемте со мной на минутку сюда, гдѣ не такъ свѣтло. Мнѣ нужно поговорить съ вами!

— Вотъ какъ, гдѣ не свѣтло! У васъ ножъ при себѣ?

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Развѣ вы не видите, что я нуждаюсь въ вашей помощи. Я вамъ заплачу за это.

— А, вотъ что! Да вы и одѣты франтомъ.

Матросъ опять перешелъ на англійскую рѣчь. Онъ пошелъ за Артуромъ и прислонился къ рѣшеткѣ памятника.

— Ну-съ,—сказалъ онъ.—Чего вамъ нужно?

— Мнѣ нужно уѣхать отсюда.

— Ахъ, вотъ какъ, удрать! Что же, вы хотите, чтобы я спряталъ васъ? Напроказили тутъ? Пырнули ножемъ когонибудь, да? Всѣ вы на одинъ ладъ здѣсь. И чего же вы хотите отъ меня? Чтобы я васъ въ полицейскій участокъ повелъ, что ли?

Онъ разсмѣялся пьянымъ смѣхомъ, подмигивая Артуру.

— Вы съ какого корабля?

— *Карлотта*. Плаваетъ изъ Лигорно въ Буэносъ-Айресъ. Везетъ масло въ одну сторону и кожу въ другую. Вонъ она тамъ!—показалъ онъ по направленію къ гавани. — Отвратительная старая развалина.

— Въ Буэносъ - Айресъ? Отлично. Спрячьте меня гдѣ-нибудь на *Карлоттѣ*.

— Сколько вы дадите?

— Немного. У меня только нѣсколько паоли.

— Не могу меньше, чѣмъ за пятьдесятъ. И это еще дешево для такого франта, какъ вы.

— Что вы называете франтомъ? Если вамъ нравится мое платье, перемѣнимся. Но денегъ я не могу дать больше, чѣмъ у меня есть.

— Но у васъ часы есть, — дайте мнѣ ихъ!

Артуръ вынулъ дамскіе золотые часы съ тонкой рѣзьбой и эмалью, съ буквами Г. Б. на крышкѣ. Часы были его матери! Но теперь это все равно.

— А!—воскликнулъ матросъ, быстро взглянувъ на часы.—Краденые, конечно? Покажите!

Артуръ отстранилъ его руку.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.—Я дамъ вамъ часы, когда мы будемъ на кораблѣ—не раньше.

— Да вы не такъ глупы, въ концѣ-концовъ! И, вѣдь это, ваша первая продѣлка, держу пари!

— Это ужъ мое дѣло. Но вотъ полиція.

Они притаились за статуей и подождали, пока прошелъ полицейскій. Потомъ матросъ всталъ и велѣвъ Артуру слѣдовать за собой, пошелъ впередъ, глупо смѣясь про себя.

Артуръ слѣдовалъ за нимъ молча.

Матросъ повелъ его обратно черезъ маленькую площадь, мимо дворца Медичи, остановился въ темномъ углу и забормоталъ что-то, долженствующее быть осторожнымъ шепотомъ.

— Подождите здѣсь, а то васъ замѣтятъ.

— А что же вы хотите сдѣлать?

— Достать вамъ платье. Я не могу провести васъ къ намъ съ окровавленнымъ рукавомъ.

Артуръ взглянулъ на рукавъ, разорванный рѣшеткой. На немъ было нѣсколько пятенъ крови отъ расцарапанной руки. Этотъ человѣкъ, какъ видно, считалъ его убійцей. Впрочемъ, не все ли равно, что люди думаютъ. Черезъ нѣсколько времени матросъ вернулся торжествующій, со сверткомъ подъ мышкой.

— Переодѣньтесь,—сказалъ онъ,—и поторопитесь. Я долженъ вернуться скорѣе, а этотъ старый жидъ цѣлые полчаса заставилъ меня торговаться съ нимъ.

Артуръ повиновался, побѣждая невольное отвращеніе отъ перваго прикосновенія къ подержанному платья. Къ счастью, эта одежда, хотя грубая и уродливая, была опрятна. Когда онъ вышелъ къ свѣту въ своемъ новомъ платьѣ, матросъ посмотрѣлъ на него съ полной торжественностью и важно кивнулъ головой въ знакъ одобренія.

— Хорошо,—сказалъ онъ. — Теперь идите за мной. Только потише.

Артуръ, неся въ рукахъ сброшенное имъ платье, послѣдовалъ за нимъ черезъ лабиринтъ извивающихся каналовъ и темныхъ узкихъ проходовъ. Они шли по средневѣковому пригородному кварталу, который лигорнское населеніе называетъ «Новой Венеціей». Кое-гдѣ мрачные старые дворцы, одинокіе среди жалкихъ домовъ и грязныхъ дворовъ, подымались между двумя шумными трущобами съ печальнымъ, удрученнымъ видомъ, какъ бы стараясь сохранить свое старинное достоинство и зная безполезность своихъ усилій. Нѣкоторые переходы и улицы, по которымъ они шли, были извѣстными притонами воровъ, разбойниковъ и контрабандистовъ; въ другихъ жило нищенское населеніе города.

У одного изъ маленькихъ мостовъ матросъ остановился и, оглянувшись, чтобы убѣдиться, что никто за ними не слѣдитъ, пошелъ внизъ по каменнымъ ступенямъ лѣстницы къ узкой пристани. Подъ мостомъ стояла грязная развалившаяся старая лодка. Велѣвъ Артуру впрыгнуть въ нее и лечь на дно, матросъ самъ сѣлъ и началъ грести по направленію къ гавани. Артуръ лежалъ тихо на сырыхъ и скользкихъ доскахъ, покрытый платьемъ, которое на него бросилъ матросъ и глядя изъ-подъ него на знакомые ему улицы и дома.

Вскорѣ они опять подъѣхали подъ другой мостъ и вошли въ ту часть канала, которая образуетъ ровъ для крѣпости. Крѣпкія стѣны поднимались изъ воды, широкія у основанія и съуживающіяся кверху, образуя хмурыя башни. Какими страшными и грозными онѣ казались ему еще нѣсколько часовъ тому назадъ. А теперь... Онъ тихо засмѣялся, лежа на днѣ лодки.

— Тише!—прошепталъ матросъ,—и закройте голову. Мы подъѣзжаемъ къ таможнѣ.

Артуръ покрылъ голову платьемъ. Вскорѣ лодка остановилась передъ рядомъ мачтъ, соединенныхъ цѣпями и лежащихъ поперегъ канала, загромождая узкій водяной проѣздъ между таможней и крѣпостной стѣной. Сонный таможенный чиновникъ вышелъ, зѣвая, и нагнулся надъ водой съ фонаремъ въ рукахъ.

— Паспорта!

Матросъ передалъ ему свои бумаги. Артуръ, полузадушенный подъ платьемъ, притаилъ дыханіе и прислушивался.

— Нашелъ время возвращаться среди ночи на корабль,—ворчалъ чиновникъ.— Загулялся на берегу, что ли? А что тамъ въ лодкѣ?

— Старое платье. Дешево купилъ.

Онъ взялъ жилетъ, чтобы показать. Чиновникъ опустилъ фонарь, вглядываясь.

— Ну, ладно. Проѣзжай!

Онъ открылъ проходъ и лодка медленно поплыла по темной бурливой водѣ. Черезъ нѣсколько времени Артуръ сѣлъ въ лодкѣ и освободился отъ наваленнаго на него платья.

— Вотъ она, «Карлотта»,—сказалъ вскорѣ матросъ.—Идите за мной и молчите.

Онъ вскарабкался на громадное черное чудище и ругалъ шепотомъ своего спутника за его неуклюжесть, хотя природная ловкость Артура дѣлала его менѣе неповоротливымъ, чѣмъ всякій другой былъ бы на его мѣстѣ. Взобравшись благополучно на бортъ, они осторожно пробрались среди темной массы колесъ и машинъ и дошли, наконецъ, до небольшого трапа, который матросъ безшумно приподнялъ.

— Полѣзайте внизъ, — прошепталъ онъ.—Я сейчасъ вернусь.

Дыра, передъ которой очутился Артуръ, была не только сырой и темной; изъ нея шелъ страшный запахъ гнили. Въ первую минуту Артуръ невольно отшатнулся, задыхаясь отъ запаха сырой кожи и протухлаго масла. Но онъ вспомнилъ свой карцеръ и спустился внизъ по лѣстницѣ, пожимая плечами. Жизнь повсюду одна и та же, казалось ему: уродство, гниль, грязь, позорныя тайны и темные углы. И все-таки жизнь есть жизнь и нужно стараться справиться съ ней.

Черезъ нѣсколько минутъ матросъ вернулся, держа что-то въ рукахъ, чего Артуръ не могъ разсмотрѣть въ темнотѣ.

— Ну, а теперь давайте мнѣ часы и деньги. Да живѣе!

Пользуясь темнотой, Артуру удалось утаить нѣсколько монетъ для себя.

— Дайте мнѣ что-нибудь поѣсть,— сказалъ онъ.—Я еле живъ отъ голода.

— Я принесъ, вотъ вамъ!—Матросъ передалъ ему кувшинъ, нѣсколько сухарей и кусокъ солонины.—Ну, а теперь помните, что нужно спрятаться въ этой пустой бочкѣ, когда таможенные чиновники будутъ дѣлать осмотръ завтра утромъ. Держитесь тихо, какъ мышь, пока мы не выберемся въ море. Я скажу, когда можно выйти. И не попадайтесь на глаза капитану. Вотъ и все. Получили питье? Спокойной ночи!

Трапъ захлопнулся и Артуръ, поставивши въ безопасное мѣсто свое питье, взобрался на бочку отъ масла и сталъ ѣсть солонину и сухари. Потомъ онъ улегся на грязномъ полу и, въ первый разъ, со времени своего младенчества, легъ спать безъ молитвы. Крысы сновали вокругъ него въ темнотѣ, но ни ихъ назойливый пискъ, ни качанье корабля, ни ужасный запахъ масла, ни даже мысль о предстоящей морской болѣзни, не мѣшали ему спать. Артуръ также не думалъ о нихъ, какъ о всѣхъ разбитыхъ и опозоренныхъ идолахъ, которые еще вчера были для него предметомъ преклоненія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Черезъ тринадцать лѣтъ.

I.

Однажды, въ іюльскій вечеръ въ 1846 г. нѣсколько знакомыхъ профессора Фабрици сошлись у него въ домѣ, во Флоренціи, чтобы поговорить о планахъ будущихъ политическихъ дѣйствій.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ принадлежали къ партіи Мацдини и твердо стояли на своемъ требованіи демократической республики и объединенной Италіи. Другіе были сторонниками конституціонной монархіи и либералами разныхъ оттѣнковъ. Въ одномъ пунктѣ, однако. всѣ были согласны—въ недовольствѣ тосканской цензурой; любимый всѣми профессоръ созвалъ собратьевъ, надѣясь, что по этому вопросу, по крайней мѣрѣ, представители враждующихъ партій смогутъ потолковать безъ непремѣнныхъ ссоръ.

Прошло только двѣ недѣли со времени знаменитой амнистіи, которую папа Пій IX далъ при своемъ водвореніи на папскомъ престолѣ, политическимъ преступникамъ въ Папской Области. Но волна либеральнаго восторга, возбужденнаго этимъ событіемъ, охватывала уже всю Италію. Въ Тосканѣ даже правительство казалось возбужденнымъ этимъ необычайнымъ событіемъ. Профессору Фабрици и нѣкоторымъ другимъ флорентинцамъ это казалось благопріятнымъ моментомъ для смѣлой попытки измѣнить законы печати.

— Конечно, — сказалъ драматургъ Лега, когда съ нимъ впервые заговорили объ этомъ.—Невозможно начать издавать газету, пока не измѣнятъ законовъ печати. Иначе нельзя выпустить ни одного нумера. Но все-таки мы можемъ издавать и при существующихъ цензурныхъ условіяхъ отдѣльныя брошюры и чѣмъ скорѣе мы начнемъ, тѣмъ скорѣе мы добьемся реформы.

Онъ объяснялъ въ кабинетѣ Фабрици, какъ должны были вести себя теперь либеральные писатели.

— Несомнѣнно,—вмѣшался въ разговоръ одинъ изъ присутствующихъ, сѣдой адвокатъ, говорящій тягучимъ голосомъ,—что мы должны тѣмъ или другимъ образомъ воспользоваться минутой. Мы не скоро дождемся другого столь же благопріятнаго момента для проведенія серьезныхъ реформъ. Но я не вѣрю въ пользу памфлетовъ: они только раздражаютъ и пугаютъ правительство, вмѣсто того, чтобы располагать его въ нашу

пользу, чего мы, въ сущности, добиваемся. Какъ только власти начнутъ считать насъ опасными агитаторами, мы уже не сможемъ разсчитывать на ихъ помощь.

— Такъ что же, по вашему, нужно дѣлать?

— Подать петицію.

— Великому герцогу?

— Да, просить у него бо̀льшей свободы печати.

Сидѣвшій у окна человѣкъ съ зоркимъ взглядомъ и темными волосами, повернулся къ бесѣдующимъ съ хохотомъ.

— Многаго вы добьетесь петиціями!— сказалъ онъ.—Казалось бы, исходъ дѣла Ренци долженъ былъ излѣчить всякаго отъ такихъ мечтаній.

— Я такъ же опечаленъ, какъ и вы, сударь, тѣмъ, что намъ не удалось помѣшать выдачѣ Ренци, но, право, я не хочу говорить никому непріятностей и все-таки не могу не думать, что наша неудача происходила отъ нетерпѣливости и горячности нѣкоторыхъ нашихъ членовъ. Я, конечно, не рѣшился бы...

— Всѣ пьемонтцы никогда не рѣшаются,—рѣзко прервалъ его брюнетъ.— Не знаю, что вы называете нетерпѣливостью и горячностью. Ужъ не тотъ ли рядъ осторожныхъ петицій, которыя мы посылали. Это, быть можетъ, для Тосканы и Пьемонта называется горячностью, но въ Неаполѣ мы разсуждаемъ не такъ.

— Къ счастью, — замѣтилъ пьемонтецъ,—неаполитанцамъ приходится дѣйствовать только въ Неаполѣ.

— Пожалуйста, пожалуйста, господа, перестаньте! — вмѣшался профессоръ.— Неаполитанскіе нравы по своему очень хороши, такъ же, какъ и пьемонтскіе. Но теперь мы въ Тосканѣ, а въ Тосканѣ любятъ заниматься только сущностью дѣла. Грассини высказывается за петиціи, а Галли противъ нихъ. Каково же ваше мнѣніе, д-ръ Рикардо?

— Я не вижу вреда въ подаваніи петицій и подпишусь подъ той, которую вздумаетъ подать Грассини. Но я полагаю, что однѣми петиціями нельзя ничего достигнуть. Нельзя ли дѣйствовать заодно и петиціями, и памфлетами?

— Только для того, чтобы памфлеты раздражали правительство и побуждали его не исполнять того, что просятъ въ петиціяхъ?—сказалъ Грассини.

— Этого оно все равно не исполнитъ.—Неаполитанецъ всталъ и подошелъ къ столу.

— Господа, вы идете по ложному пути. Заигрыванье съ правительствомъ ни къ чему не поведетъ. Нужно поднять народъ.

— Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать... Съ чего бы вы начали?

— Смѣшно предлагать такіе вопросы Галли! Конечно, начнетъ онъ съ того, что хлопнетъ цензора по головѣ.

— Вовсе нѣтъ, — отвѣтилъ средито Галли. — Вы всегда думаете, что южанинъ не вѣритъ ни во что, кромѣ холодной стали.

— Ну такъ что же вы предлагаете? Тише! Послушайте, господа, Галли хочетъ что-то предложить!

Вся компанія, разбившаяся на отдѣльныя маленькія группы, въ которыхъ велись обособленные споры, собралась вокругъ стола, чтобы слушать. Галли поднялъ руки съ протестующимъ жестомъ.

— Нѣтъ, господа, я ничего не предлагаю. Я хочу только высказать одно соображеніе. Мнѣ кажется, что очень опасно радоваться новому папѣ. Всѣ думаютъ, что разъ онъ пошелъ по новому пути и далъ амнистію, то мы всѣ, вся Италія должна броситься въ его объятія, и онъ приведетъ насъ въ обѣтованную землю. Я, конечно, восторгаюсь не менѣе всѣхъ другихъ поведеніемъ папы. Амнистія была прекраснымъ поступкомъ.

— Какая честь для его святѣйшества,—насмѣшливо замѣтилъ Грассини.

— Полно, Грассини, дайте ему говорить!—прервалъ Рикардо въ свою очередь. — Замѣчательно, что вы оба никогда не можете встрѣтиться, чтобы не сцѣпиться, какъ кошка съ собакой. Продолжайте, Галли!

— Я хотѣлъ сказать только вотъ что. Святой отецъ дѣйствовалъ несомнѣнно съ самыми лучшими намѣреніями, но удастся ли ему провести свое—это другой вопросъ. Теперь какъ разъ все идетъ гладко и, конечно, реакціонеры

будутъ молчать нѣсколько мѣсяцевъ, пока не улягутся восторги изъ-за амнистіи, но они никогда не уступятъ своей власти безъ борьбы, и я лично увѣренъ, что прежде, чѣмъ пройдетъ половина зимы опять всѣ іезуиты и грегоріанцы, и санфедисты, и вся ихъ компанія пустятъ въ дѣло обычные заговоры и интриги, отравляя всѣхъ тѣхъ, кого нельзя подкупить.

— Это весьма вѣроятно.

— Ну, вотъ видите, такъ зачѣмъ же намъ ждать здѣсь и посылать миролюбивыя петиціи до тѣхъ поръ, пока Ламбрускини и его компанія убѣдятъ герцога отдать насъ подъ начальство іезуитовъ, быть можетъ, съ прибавкой австрійскихъ гусаръ, для охраны улицъ и для того, чтобы держать насъ въ порядкѣ? Не лучше ли предупредить это и воспользоваться ихъ временнымъ пораженіемъ, чтобы нанести первый ударъ.

— Скажите, въ чемъ долженъ состоять первый ударъ?

— Я бы предложилъ организовать пропаганду и агитацію противъ іезуитовъ.

— Война на бумагѣ? такъ, что ли?

— Да. Разоблачать ихъ интриги, выдавать ихъ секреты и взывать къ народу для общаго дѣйствія противъ нихъ.

— Но здѣсь некого обличать. Нѣтъ іезуитовъ.

— Нѣтъ! Подождите три мѣсяца и увидите, сколько ихъ будетъ. Но тогда будетъ слишкомъ поздно, чтобы справиться съ ними.

— Но для того, чтобы возбуждать народъ противъ іезуитовъ, нужно говорить свободно. Какъ же обойти цензуру?

— Я бы не обходилъ ее, а бросилъ ей вызовъ.

— Вы думаете печатать памфлеты тайно? Это прекрасно, но всѣ мы имѣли дѣло съ тайными типографіями и знаемъ...

— Я не про это говорю. Я бы предложилъ печатать памфлеты съ нашими именами и адрессами, и пусть они насъ преслѣдуютъ, если смѣютъ.

— Это истинное безуміе!—воскликнулъ Грассини.—Это все равно, что положить голову въ львиную пасть изъ чистаго легкомыслія.

— Да не бойтесь,—рѣзко оборвалъ его Галли:—мы васъ не попросимъ идти въ тюрьму изъ-за нашихъ памфлетовъ.

— Перестаньте, Галли!—сказалъ Рикардо.—Никто не говоритъ о боязни. Мы всѣ такъ же готовы, какъ и вы, идти въ тюрьму, если это къ чему-нибудь приведетъ. Но глупо подвергаться опасности безъ всякой пользы. Что касается меня, то я предлагаю нѣкоторое измѣненіе вашего плана.

— Что такое?

— Мнѣ кажется, что мы можемъ при благоразуміи бороться съ іезуитами, не входя въ столкновенія съ цензурой.

— Право, не знаю, какъ это вы устроите.

— Мнѣ кажется, что можно сказать то, что хочешь, въ такой иносказательной формѣ...

— Что цензура не пойметъ? И вы думаете, что всякій рабочій и крестьянинъ пойметъ, недоступное цензурѣ, только силой своего невѣжества и своей глупости? Нѣтъ, это не имѣетъ никакого смысла.

— Мартини, каково ваше мнѣніе?—спросилъ профессоръ, обращаясь къ сидящему около него человѣку съ большой русой бородой.

— Я не могу высказать свое мнѣніе, пока не соберу больше фактовъ. Нужно дѣлать опыты и посмотрѣть, что выйдетъ.

— А вы, Саккони?

— Я хотѣлъ бы знать, что имѣетъ сказать синьора Болла. Ея мнѣніе всегда очень вѣское.

Всѣ обернулись въ сторону единственной женщины, бывшей въ комнатѣ. Она сидѣла, опустивши голову на руки, и молча внимала говорящимъ.

У нея были глубокіе, серьезные темные глаза, но когда она подняла ихъ теперь, въ нихъ свѣтилась нѣкоторая игривость.

— Я должна сознаться, — сказала она,—что я ни съ кѣмъ не согласна.

— Какъ всегда, и бѣда въ томъ, что вы всегда правы,—вставилъ Рикардо.

— Я думаю, конечно, что необходимо бороться противъ іезуитовъ, и если этого нельзя дѣлать однимъ средствомъ, нужно

пускать въ ходъ другое. Но одна словесная борьба—слабое орудіе, а изворачиваться слишкомъ скучно. Что же касается петиціи, то это дѣтская игрушка.

— Надѣюсь, синьора,—возразилъ ей Грассини съ торжествующимъ лицомъ:—что вы не указываете на такого рода средства, какъ... убійство?

Мартини теребилъ свои большіе усы, и Галли презрительно усмѣхнулся. Даже серьезная молодая женщина не могла удержаться отъ улыбки.

— Повѣрьте,—сказала она:—что если бы я была достаточно жестокой, чтобы думать о такихъ вещахъ, я не была бы такимъ ребенкомъ, чтобы говорить о нихъ. Но самое смертоносное оружіе, которое я знаю,—это насмѣшки. Если вамъ только удастся сдѣлать іезуитовъ смѣшными, высмѣять ихъ и ихъ требованія, вы одержите побѣду безъ пролитія крови.

— Въ этомъ, конечно, вы правы,—сказалъ Фабрици,—но я не знаю, какъ это осушествить.

— Почему бы нѣтъ?—спросилъ Мартини.—Сатиру легче проводить черезъ цензуру, чѣмъ серьезныя произведенія. И если уже нужно говорить намеками, то обычные читатели гораздо легче поймутъ скрытый смыслъ шутки, чѣмъ идеи научнаго или экономическаго трактата.

— Такъ вы предполагаете, синьора, что намъ слѣдовало бы издавать сатирическіе памфлеты или попробовать издавать юмористическую газету? Послѣдняго, конечно, цензура не дозволитъ.

— Я не совсѣмъ объ этомъ говорю. Мнѣ кажется, было бы хорошо издавать цѣлую серію маленькихъ сатирическихъ листковъ въ стихахъ и въ прозѣ и продавать ихъ дешево или раздавать даромъ на улицахъ. Если бы мы нашли умѣлаго художника, который проникся бы духомъ этой затѣи, можно было бы издавать ихъ съ иллюстраціями.

— Вотъ великолѣпная идея! Если бы только ее осуществить! Но для этого нужны первоклассныя силы. Гдѣ мы достанемъ настоящаго сатирика?

— Вы сами знаете, — прибавилъ Риго,—что большинство изъ насъ серьезные писатели. Не желая никого обидѣть, я все-таки долженъ сказать, что всеобщая наша попытка писать въ юмористическомъ родѣ можетъ представить зрѣлище слона, пытающагося танцовать тарантеллу.

— Я вовсе не предлагала, чтобы всѣ мы занялись дѣломъ, къ которому неспособны. Я думаю о томъ, что нужно было бы найти настоящаго талантливаго сатирика—вѣдь можно же достать такого въ Италіи—и предоставить ему необходимыя средства. Конечно, мы должны что-нибудь знать объ этомъ человѣкѣ и быть увѣренными, что онъ будетъ идти въ общемъ съ нами направленіи.

— Но гдѣ же его найти? Я могу пересчитать по пальцамъ всѣхъ талантливыхъ сатириковъ, и ни одинъ изъ нихъ къ намъ не пойдетъ. Джусти и такъ слишкомъ занятъ. Есть одинъ или два подходящихъ писателя въ Ломбардіи, но они пишутъ на миланскомъ діалектѣ.

— И кромѣ того,—сказалъ Грассини,—на тосканскій народъ можно дѣйствовать болѣе высокими средствами. Я увѣренъ, что было бы, по меньшей мѣрѣ, отсутствіемъ политическаго такта разсматривать серьезный вопросъ о гражданской и религіозной свободѣ, какъ предметъ для шутокъ. Флоренція не водоворотъ фабрикъ и торговыхъ предпріятій, какъ Лондонъ, и не мѣсто праздной роскоши, какъ Парижъ. Это городъ съ великимъ прошлымъ.

— Таковы были и Аѳины,—прервала она, улыбаясь, — но граждане Аѳинъ были слишкомъ вялы и понадобился оводъ, чтобы растормошить ихъ.

Рикардо ударилъ рукой по столу.

— Да, какъ это мы не вспомнили про Овода. Вотъ человѣкъ, котораго намъ нужно.

— Кто это?

— Оводъ — Феличче Риварессъ. Не помните его? Членъ партіи Муратори, пріѣзжавшій сюда изъ Испаніи всего три года тому назадъ.

— Ахъ, да, вы знали ту компанію. Я помню, какъ вы ѣздили съ нимъ, когда онъ отправлялся въ Парижъ.

— Да, я поѣхалъ въ Лигорно провожать Ривересса, который отправлялся

въ Марсель. Но онъ не хотѣлъ останавливаться въ Тосканѣ; онъ говорилъ, что тутъ оставалось только смѣяться послѣ того, какъ не удался мятежъ,—онъ счелъ лучшимъ ѣхать прямо въ Парижъ. Онъ, очевидно, думаетъ, какъ и синьоръ Грассини, что въ Тосканѣ не слѣдуетъ смѣяться. Я увѣренъ, однако, что онъ вернется, если мы его позовемъ, такъ какъ теперь есть что дѣлать въ Италіи.

— Какъ вы его назвали?

— Риварессъ. Онъ, кажется, бразильянецъ. Во всякомъ случаѣ, я знаю, что онъ жилъ въ Бразиліи. Это одинъ изъ самыхъ остроумныхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ. Ужъ до чего намъ было не весело въ ту недѣлю въ Лигорно, сердце сжималось, глядя на бѣднаго Ласа Бертини. И все-таки нельзя было удержаться отъ смѣха, когда приходилъ Риварессъ. Его разговоръ—непрерывный фейерверкъ блестящихъ шутокъ! У него былъ ужасный шрамъ на лицѣ отъ удара сабли. Онъ—странное существо, но своими шутками не давалъ бѣднымъ миланцамъ тогда пасть духомъ.

— Это тотъ, который помѣщаетъ политическія шутки во французскихъ газетахъ за подписью «Le taon»?

— Да, большею частью короткія замѣтки и юмористическіе фельетоны. Контрабандисты въ Аппенинахъ назвали его «Оводомъ» за его языкъ, и онъ воспользовался этимъ прозвищемъ, какъ псевдонимомъ.

— Я знаю кое-что объ этомъ господинѣ,—сказалъ Грассини, вмѣшиваясь въ бесѣду и говоря медленнымъ насмѣшливо-торжественнымъ тономъ,—и то, что я знаю, едва ли говоритъ въ его пользу. У него есть внѣшній, бросающійся въ глаза умъ, хотя, мнѣ кажется, что талантъ его преувеличиваютъ. Возможно также, что онъ храбрый человѣкъ, но въ Парижѣ и въ Вѣнѣ онъ оставилъ по себѣ, кажется, далеко не безупречную память. Это господинъ, имѣвшій много приключеній и много неизвѣстнаго въ прошломъ. Говорятъ, что его подобрала изъ милости экспедиція Дюпресса гдѣ-то въ тропическихъ странахъ Южной Америки въ состояніи невѣроятной одичалости и паденія. Кажется, онъ никогда не могъ хорошенько объяснить, какимъ образомъ онъ дошелъ до такого состоянія. Что же касается до возстанія въ Апеннинахъ, то въ этомъ несчастномъ дѣлѣ принималъ участіе всевозможный сбродъ. Казненные въ Болоньи были самыми обыкновенными негодяями. Репутація же тѣхъ, которые спаслись бѣгствомъ, самая печальная. Конечно, нѣкоторые изъ участвовавшихъ были люди, чрезвычайно высоко стоящіе.

— Нѣкоторые изъ нихъ были близкими друзьями присутствующихъ здѣсь! — прервалъ Рикардо сердитымъ тономъ.— Хорошо быть разборчивымъ и строгимъ, Грассини, но вспомните, что эти «простые негодяи» умерли за свои убѣжденія, а это больше, чѣмъ вы и я сдѣлали до сихъ поръ.

— Но въ другой разъ, когда вамъ будутъ передавать парижскія сплетни,—сказалъ Галли,—вы можете сказать отъ моего имени, что все это вздоръ. Я знаю адъютанта Дюпресса-Мартеля и слышалъ эту исторію отъ него лично. То, что они нашли Ривaресса, вѣрно; онъ былъ взятъ плѣнникомъ во время войны, сражаясь за Аргентинскую республику, и бѣжалъ. Онъ бродилъ по странѣ въ различныхъ костюмахъ, пытаясь вернуться въ Буэносъ-Айресъ. Но разсказы о томъ, что они подобрали его изъ жалости, совершеннѣйшая выдумка. У нихъ заболѣлъ переводчикъ и долженъ былъ вернуться назадъ, а ни одинъ изъ французовъ не умѣлъ говорить на туземныхъ языкахъ. Тогда они предложили Риварессу мѣсто переводчика, и онъ провелъ съ ними три года, изслѣдуя притоки Амазонской рѣки. Мартель сказалъ мнѣ, что они ни за что не довели бы экспедицію до конца безъ помощи Ривaресса.

— Какъ бы то ни было,—сказалъ Фабрици,—а должно быть что-нибудь замѣчательное въ человѣкѣ, который привязалъ къ себѣ двухъ такихъ старыхъ солдатъ, какъ Мартель и Дюпрессъ. Они очень его полюбили. Какъ вы полагаете, синьора?

— Я ничего не знаю о всемъ этомъ дѣлѣ. Я была въ Англіи въ то время, когда бѣглецы проѣхали черезъ Тоскану, но мнѣ кажется, что если товарищи по

экспедиціи, длившейся три года, и соучастники въ мятежѣ о немъ хорошаго мнѣнія, то это достаточный противовѣсъ разнымъ бульварнымъ сплетнямъ.

— О томъ, что его товарищи хорошо къ нему относятся, не можетъ быть и вопроса,—сказалъ Рикардо, — начиная съ Мураторн, Замбекари и до самыхъ грубыхъ горцевъ, всѣ были ему преданы. Кромѣ того, онъ личный другъ Орсини. Совершеннѣйшая правда, съ другой стороны, что цѣлый рядъ сказокъ передается о немъ въ Парижѣ; но если человѣкъ боится создать себѣ враговъ, онъ не долженъ дѣлаться сатирикомъ.

— Я не помню въ точности,—сказалъ Лега,—но мнѣ кажется, что я его видѣлъ разъ въ обществѣ другихъ эмигрантовъ. Онъ горбатъ или хромаетъ, или что-то въ этомъ родѣ?

Профессоръ открылъ ящикъ въ своемъ письменномъ столѣ и сталъ рыться въ бумагахъ.

— Мнѣ помнится, что у меня есть гдѣ-то описаніе его примѣтъ. Помните, когда мы убѣжали и прятались въ горахъ, повсюду вывѣшены были ихъ портреты, и кардиналъ—какъ имя этого мерзавца?—Спинола предлагалъ награду за ихъ головы.

— Между прочимъ, есть великолѣпный разсказъ о Риварессѣ и этомъ описаніи примѣтъ. Онъ переодѣлся въ старый солдатскій мундиръ и ходилъ по Италіи въ качествѣ солдата, раненаго на своемъ посту и отыскивавшаго теперь свой полкъ. Ему удалось втереться въ компанію сыщиковъ Спинолы и ѣхать цѣлый день въ одной изъ ихъ повозокъ, разсказывая имъ ужасающія вещи о томъ, какъ мятежники взяли его въ плѣнъ и завели его въ свои убѣжища въ горахъ, о страшныхъ пыткахъ, которыя онъ тамъ у нихъ претерпѣлъ. Они показали ему описаніе его примѣтъ, и онъ говорилъ имъ всякій вздоръ о мерзавцѣ, который называется Оводомъ. Потомъ ночью, когда всѣ заснули, онъ влилъ ушатъ воды въ ихъ порохъ и удралъ, набивъ карманы провизіей и аммуниціей.

— А вотъ и описаніе примѣтъ,— прервалъ его Фабрици: — «Феличче Риварессъ, по прозванію *Оводъ*; возрастъ— около тридцати, мѣста рожденія и происхожденія неизвѣстнаго — вѣроятно, южно-американскаго; профессія—журналистъ; малаго роста; черные волосы, черная борода, смуглый цвѣтъ лица; глаза голубые; широкій лобъ; носъ, ротъ, подбородокъ... а, вотъ особенныя примѣты: хромаетъ на правую ногу; лѣвая рука короче; двухъ пальцевъ недостаетъ на лѣвой кисти, незалѣченный шрамъ на лицѣ; заикается». А затѣмъ еще примѣчаніе: «великолѣпный стрѣлокъ. Быть осторожнымъ при арестѣ».

— Замѣчательно, какъ это ему удалось обмануть сыщиковъ при такомъ обиліи особыхъ примѣтъ.

— Конечно, его выручала только его страшная смѣлость. Если бы имъ на минуту пришло въ голову заподозрить его, все было бы кончено. Но его умѣнье принимать невинный и довѣрчивый видъ, когда нужно, всегда выпутываетъ его. Ну-съ, господа, какъ же вы полагаете дѣйствовать? Риварессъ, очевидно, хорошо знакомъ каждому изъ присутствующихъ. Передать ему, что ли, что мы будемъ рады его участію въ нашемъ дѣлѣ?

— Я думаю, — сказалъ Фабрици:— что слѣдовало бы съ нимъ поговорить объ этомъ предметѣ, чтобы узнать его мнѣніе.

— О, онъ несомнѣнно будетъ на нашей сторонѣ, разъ дѣло идетъ о борьбѣ съ іезуитами. Это самый непримиримый врагъ церкви, какого я когда-либо видѣлъ. Онъ въ этомъ вопросѣ доходитъ до бѣшенства.

— Такъ вы ему напишете, Рикардо?

— Конечно. Дайте вспомнить, гдѣ онъ теперь. Я думаю, въ Швейцаріи. Это удивительно безпокойное существо. Всегда гдѣ-нибудь блуждаетъ. А что касается вопроса о памфлетахъ...

Они возобновили длинный и оживленный споръ. Когда, наконецъ, общество стало расходиться, Мартини подошелъ къ спокойной молодой женщинѣ.

— Я провожу васъ домой, Гемма.

— Благодарю. Я хотѣла бы поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ.

— Что-нибудь вышло съ адресами?— спросилъ онъ тихо.

— Ничего серьезнаго. Но мнѣ кажется,

что слѣдовало бы ихъ перемѣнить. Два письма были задержаны на прошлой недѣлѣ на почтѣ. Въ нихъ не было ничего важнаго, это, быть можетъ, только случайность. Но какъ только у полиціи являются подозрѣнія относительно одного изъ нашихъ адресовъ, ихъ надо тотчасъ же перемѣнять.

— Я заѣду поговорить объ этомъ завтра. Мнѣ не хочется говорить сегодня о дѣлахъ, у васъ такой усталый видъ.

— Я не устала.

— Такъ вы опять загрустили?

— О, нѣтъ. Не болѣе, чѣмъ всегда.

II.

— Госпожа дома, Кэтти?

— Да, сэръ. Она одѣвается. Войдите, пожалуйста, въ гостиную. Она выйдетъ черезъ нѣсколько минутъ.

Кэтти ввела посѣтителя въ гостиную съ привѣтливостью настоящей девонширской дѣвушки. Мартини пользовался ея особеннымъ расположеніемъ. Онъ говорилъ по англійски, конечно, какъ иностранецъ, но довольно сносно. Онъ никогда не сидѣлъ до поздней ночи, споря до хрипоты о политикѣ, несмотря на то, что госпожа была уставши, какъ это дѣлали другіе посѣтители Кромѣ того онъ пріѣхалъ въ Девонширъ помочь госпожѣ въ горѣ, когда умеръ ея ребенокъ и умиралъ мужъ. И съ тѣхъ поръ полный, неловкій, тихій человѣкъ былъ для Кэтти такимъ же «членомъ семьи», какъ лѣнивая черная кошка, которая усѣлась теперь у него на колѣняхъ. Паштъ, съ своей стороны, видѣлъ въ Мартини полезную часть привычной домашней обстановки: этотъ гость не наступалъ ему на хвостъ, не курилъ ему подъ самыми глазами и не казался ему враждебнымъ двуногимъ существомъ. Онъ велъ себя, какъ полагается человѣку. У него были удобныя колѣни, гдѣ коту было хорошо лежать и мурлыкать, и за столомъ онъ никогда не забывалъ, что кошкамъ не интересно только глядѣть, какъ человѣческія существа ѣдятъ рыбу. Между ними установилась прочная дружба. Когда-то. когда Паштъ былъ котенкомъ и госпожа его была слишкомъ больна, чтобы о немъ думать, Мартини привезъ его изъ Англіи въ удобной корзинкѣ. Съ тѣхъ поръ долгій опытъ убѣдилъ Пашта, что это неуклюжее человѣческое существо было надежнымъ другомъ.

— Какъ вы тутъ оба удобно устроились, —сказала Гемма, входя въ комнату;—какъ будто расположились на весь вечеръ.

Мартини осторожно снялъ кошку съ колѣнъ.

— Я пришелъ рано,—сказалъ онъ:—надѣюсь, что вы дадите мнѣ чаю, прежде, чѣмъ мы пойдемъ. Будетъ страшная масса народу, и Грассини, навѣрно, не дастъ намъ порядочнаго ужина. Въ этихъ аристократическихъ домахъ никогда не умѣютъ накормить.

— Ну, вотъ,—сказала она, смѣясь:— у васъ такой же злой языкъ, какъ у Галли. У бѣднаго Грассини достаточно своихъ собственныхъ грѣховъ, чтобы сваливать еще на его голову неумѣнье жены его хозяйничать. Чай вамъ дадутъ черезъ нѣсколько минутъ. Кэтти приготовила для васъ девонширскихъ пирожковъ.

— Кэтти добрая душа. Не правда ли, Паштъ? Кстати, вы все таки рѣшились одѣть это красивое платье. Я боялся, что вы забудете.

— Я вѣдь вамъ обѣщала носить его, хотя оно слишкомъ теплое для такого вечера, какъ сегодняшній.

— Будетъ гораздо прохладнѣе въ Фіезоле. А вамъ ничто такъ не идетъ, какъ бѣлый кашемиръ. Я вамъ привезъ нѣсколько цвѣтовъ, чтобы приколоть къ платью.

— О, какія чудныя розы! Какъ я люблю ихъ. Но ихъ гораздо лучше поставить въ воду, я не люблю носить цвѣты.

— Ну, вотъ. Это одна изъ вашихъ суевѣрныхъ фантазій.

— Нѣтъ, право же нѣтъ. Но, я думаю, имъ будетъ ужасно скучно провести вечеръ приколотыми къ такой скучной особѣ.

— Боюсь, что намъ всѣмъ будетъ скучно сегодня вечеромъ. Это conversazione будетъ невыносимо тягостнымъ.

— Почему?

— Да отчасти потому, что все, что

устраиваетъ Грассини, становится такимъ же скучнымъ, какъ и онъ самъ.

— Не будьте злымъ, не хорошо такъ говорить, идя въ гости къ человѣку.

— Вы всегда правы, мадонна. Ну, въ такомъ случаѣ, скучно будетъ оттого, что половины интересныхъ людей не будетъ.

— Почему?

— Не знаю. Одни уѣхали, другіе больны, или тамъ что-нибудь другое выдумаютъ. Навѣрно, будутъ два или три посланника, нѣсколько ученыхъ нѣмцевъ и обычная пестрая толпа туристовъ и русскихъ принцевъ, литераторовъ, клубныхъ знаменитостей и нѣсколько французскихъ офицеровъ. Больше, кажется, никого, за исключеніемъ, конечно, новаго сатирика, который будетъ львомъ вечера.

— Новый сатирикъ? Неужели Риварессъ? Но, кажется, Грассини говорилъ о немъ такъ рѣзко.

— Да, но разъ онъ здѣсь, и о немъ навѣрно будутъ много говорить, то, конечно, Грассини хочетъ, чтобы новый левъ показался прежде всего въ его домѣ. Будьте увѣрены, что Риварессъ ничего не слыхалъ о дурномъ отношеніи къ нему Грассини. Онъ, можетъ быть, самъ догадается. Онъ достаточно для этого уменъ.

— Я даже не знала, что онъ пріѣхалъ.

— Онъ пріѣхалъ только вчера. А вотъ и чай. Не вставайте, дайте я вамъ придвину чайникъ.

Ему нигдѣ не было такъ хорошо, какъ въ этой маленькой гостиной. Дружба Геммы, ея спокойное невѣдѣніе своего собственнаго обаянія, ея открытое товарищеское обращеніе были самымъ свѣтлымъ пунктомъ въ его жизни, которая, въ общемъ, не была слишкомъ свѣтлой; какъ только онъ чувствовалъ себя болѣе грустнымъ, чѣмъ обыкновенно, онъ приходилъ сюда послѣ занятій и сидѣлъ съ ней, большею частью въ молчаніи, глядя, какъ она сидѣла, нагнувшись надъ работой или разливала чай. Она никогда не разспрашивала его о его непріятностяхъ и не выражала своего сочувствія словами. Но онъ всегда уходилъ ободреннымъ и спокойнымъ, чувствуя, какъ онъ самъ говорилъ себѣ, что сможетъ «довольно сносно пробиться еще двѣ недѣли». Она обладала, сама того не зная, рѣдкимъ умѣньемъ приносить утѣшеніе. Когда, два года тому назадъ, самые его близкіе друзья попались въ Калабріи и были разстрѣляны, какъ волки, ея твердая вѣра была единственной поддержкой его.

По воскресеньямъ утромъ онъ иногда приходилъ къ ней «говорить о дѣлѣ». Этимъ выраженіемъ обозначалось все связанное съ практической дѣятельностью партіи Маццини, къ которой оба они принадлежали. Она становилась тогда совершенно другимъ человѣкомъ — хладнокровнымъ, проницательнымъ и логичнымъ, необычайно добросовѣстнымъ и совершенно безпристрастнымъ. Тѣ, кто знали ее только какъ политическую дѣятельницу, видѣли въ ней опытную, прошедшую черезъ строгую дисциплину заговорщицу, на которую можно было положиться, и храбраго, во всѣхъ отношеніяхъ цѣннаго члена партіи, только нѣсколько лишеннаго самобытности и увлеченія

— Она рождена для политической роли и стоитъ дюжины насъ, но больше въ ней ничего нѣтъ, — сказалъ о ней Галли. Но «мадонна Гемма», которую зналъ Мартини, была чѣмъ-то, гораздо болѣе сложнымъ.

— Каковъ же вашъ новый сатирикъ? — спросила она, подойдя къ буфету и говоря съ Мартини черезъ плечо. — Вотъ вамъ, Чезаре, ячменный сахаръ и засахаренные фрукты. И почему это, кстати, революціонеры такъ любятъ сласти?

— Другіе люди ихъ тоже любятъ, но только считаютъ нужнымъ это скрывать. Вы спрашиваете о новомъ сатирикѣ? Это одинъ изъ тѣхъ людей, отъ котораго обыкновенныя женщины въ восторгѣ и который вамъ не понравится. Профессіональный острякъ, ходитъ по свѣту съ томнымъ видомъ и съ красивой балетной танцовщицей, не отходящей отъ него ни на шагъ.

— Вы говорите о настоящей балетной танцовщицѣ, или просто злитесь и тоже хотите остроумничать?

— Сохрани меня Боже. Нѣтъ, балетчица самая настоящая и считается очень красивой тѣми, кто любитъ крикливую

красоту. Мнѣ лично она не нравится. Она венгерская цыганка или что-то въ этомъ родѣ, какъ говоритъ Рикардо; она изъ какого-то провинціальнаго театра въ Галиціи. Онъ оказался человѣкомъ довольно рѣшительнымъ и представляетъ эту дѣвушку всѣмъ знакомымъ такъ непринужденно, какъ будто бы она была его незамужней тетушкой.

— Что же, это только благородно съ его стороны, разъ онъ взялъ ее къ себѣ.

— Вы можете такъ смотрѣть на вещи, дорогая мадонна, но общество такъ не смотритъ, и я думаю, что многимъ непріятно быть представленнымъ женщинѣ, которая, очевидно, его возлюбленная.

— Какъ они это могутъ знать, если только онъ не говоритъ.

— Это совершенно ясно, вы сами поймете, если встрѣтите ее. Но думаю, что и у него не хватитъ смѣлости привести ее въ домъ Грассини.

— Тамъ бы ея не приняли; синьора Грассини не изъ тѣхъ женщинъ, которыя нарушили бы свѣтскіе обычаи. Но скажите же что-нибудь о синьорѣ Ривaрессѣ, какъ о сатирикѣ, а не какъ о человѣкѣ. Фабрици сказалъ, что онъ ему писалъ и что тотъ согласился вести кампанію противъ іезуитовъ. Вотъ все, что я знаю. На этой недѣлѣ я была такъ занята, что никого не видѣла.

— Не знаю, что бы я могъ прибавить еще. Кажется, не представляется никакихъ трудностей въ денежномъ отношеніи, какъ мы прежде боялись. Онъ, кажется, обезпеченъ и согласенъ работать даромъ.

— У него есть собственныя средства?

— Кажется. Хотя это странно. Вы помните, что говорили у Фабрици о его положеніи во время экспедиціи Дюпресса. Но у него есть какія то акціи въ бразильскихъ копяхъ и затѣмъ онъ имѣлъ громадный успѣхъ своими фельетонами въ Парижѣ, въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ. Онъ знаетъ полдюжины языковъ, какъ свой собственный, и ничто не помѣшаетъ ему поддерживать сношенія съ другими газетами и отсюда. Не все же время онъ будетъ занятъ побиваніемъ іезуитовъ.

— Это, конечно, правда. Намъ время идти, Чезаре. Я приколю только розы. Подождите минутку.

Она пошла къ себѣ наверхъ и вернулась съ приколотыми къ корсажу розами и съ длиннымъ шарфомъ изъ черныхъ испанскихъ кружевъ на головѣ.

Мартини осмотрѣлъ ее съ видомъ знатока.

— Вы выглядите, madonna mia, какъ великая и мудрая королева Савская.

— Хорошъ комплиментъ!—возразила она, смѣясь.—Вы знаете вѣдь, какъ я стараюсь преобразовать себя въ настоящую свѣтскую даму. Развѣ революціонеркѣ подобаетъ имѣть видъ королевы Савской? Это значитъ обращать на себя вниманіе шпіоновъ.

— Вы никогда не съумѣете изобразить изъ себя глупую даму изъ общества, какъ бы вы ни старались. Но это все равно. Вы настолько красивы, что шпіоны, глядя на васъ, не будутъ задумываться о вашихъ убѣжденіяхъ, если даже вы и не умѣете жантильничать и играть вѣеромъ, какъ синьора Грассини.

— Да ну, васъ, Чезаре, оставьте въ покоѣ эту бѣдную женщину. Вотъ возьмите конфету, чтобы смягчить свою злобу. Вы готовы? Намъ пора идти.

Мартини былъ совершенно правъ, говоря, что Conversazione будетъ многолюднымъ и скучнымъ. Нѣсколько литераторовъ говорили вѣжливыя, ничего не значущія фразы и имѣли безнадежно скучающій видъ, между тѣмъ, какъ пестрая толпа туристовъ носилась по комнатамъ, разспрашивая другъ друга о разныхъ присутствующихъ знаменитостяхъ и стараясь вести умные разговоры. Грассини принималъ своихъ гостей съ утонченной вѣжливостью. Но его холодное лицо вспыхнуло при видѣ Геммы. Онъ, въ сущности, не любилъ ея и втайнѣ нѣсколько ее боялся. Но онъ понималъ, что безъ нея гостиная его лишена будетъ большого украшенія.

Онъ занималъ выдающееся мѣсто въ своей профессіи, и теперь, когда онъ былъ богатъ и извѣстенъ, онъ всего болѣе занятъ былъ тѣмъ, чтобы сдѣлать свой домъ центромъ либеральнаго и интеллектуальнаго общества. Онъ пони-

малъ, что незначительная, разряженная, маленькая женщина, на которой онъ имѣлъ глупость жениться въ молодости, не годилась со своими пустыми разговорами и увядшимъ лицомъ быть хозяйкою большого литературнаго салона. Когда ему удавалось заручиться присутствіемъ Геммы, онъ былъ увѣренъ, что вечеръ удастся. Ея спокойныя, граціозныя манеры приводили гостей въ пріятное расположеніе, и самое ея присутствіе, казалось ему, удаляло призракъ вульгарности, постоянно носящійся, какъ ему казалось, въ этомъ домѣ.

Синьора Грассини любезно поздоровалась съ Геммой, восклицая громкимъ шопотомъ:

— Какая вы сегодня прелестная!

И разсматривая бѣлое кашемировое платье недобрымъ, критическимъ взоромъ, она ненавидѣла свою гостью какъ разъ за то, за что ее любилъ Мартини: за ея спокойную стойкость характера, за ея искренность и серьезность, за уравновѣшенность ея души, даже за выраженіе ея лица. А когда синьора Грассини ненавидѣла женщину, она выражала это преувеличенной нѣжностью къ ней. Гемма отлично знала цѣну ея привѣтствій и комплиментовъ и выслушивала ея слова, не думая о нихъ. То, что называется «бывать въ свѣтѣ», было для нея одной изъ самыхъ скучныхъ и непріятныхъ обязанностей конспираторовъ, необходимыхъ однако для того, чтобы не обращать на себя вниманія шпіоновъ. Для нея выѣзды въ свѣтъ, были столь же труднымъ дѣломъ, какъ писаніе шифрованныхъ писемъ. Но зная, какъ репутація хорошо одѣтой свѣтской женщины спасаетъ отъ подозрѣній, она изучала модные журналы такъ же тщательно, какъ ключи своихъ шифровъ.

Скучающія литературныя знаменитости оживились при имени Геммы. Она пользовалась ихъ симпатіями. Журналисты радикальной партіи сейчасъ же направились къ тому мѣсту длинной комнаты, гдѣ она стояла, но она была слишкомъ опытной заговорщицей, чтобы оставаться исключительно въ ихъ обществѣ. Радикаловъ она могла имѣть всегда, и теперь, когда они тѣснились вокругъ нея, она любезно, но твердо разсѣяла ихъ, напоминая имъ съ улыбкой, что не стоитъ терять времени, убѣждая ее, когда здѣсь было такъ много туристовъ, нуждающихся въ поученіяхъ. Она, съ своей стороны, усердно занялась англійскимъ членомъ парламента, сочувствіе котораго было очень важно для республиканской партіи; зная, что онъ былъ спеціалистомъ по финансовымъ вопросамъ, она возбудила его вниманіе, спросивъ его мнѣніе о какомъ-то техническомъ пунктѣ австрійской монетной системы, и затѣмъ ловко навела разговоръ на условія ломбардо-венеціанскихъ доходовъ. Англичанинъ, который ожидалъ отъ нея легкой болтовни, посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ, боясь, что онъ попалъ въ когти синяго чулка, но, видя, что она была и красива, и интересна въ разговорѣ, пересталъ сопротивляться и сталъ такъ же глубокомысленно обсуждать итальянскіе финансы, какъ если бы она была Меттернихомъ. Когда Грассини подвелъ къ Геммѣ француза, который желалъ бы узнать у синьоры Болла исторію «Молодой Италіи», членъ парламента всталъ съ страннымъ сознаніемъ, что, можетъ быть, Италія имѣетъ больше основанія быть недовольной, чѣмъ онъ предполагалъ.

Позже вечеромъ Гемма незамѣтно отъ другихъ вышла на террасу подъ окнами гостиной, чтобы посидѣть нѣсколько минутъ наединѣ среди громадныхъ камелій и олеандровъ. Отъ спертаго воздуха и постояннаго мельканія людей въ комнатахъ у нея начинала болѣть голова. Въ противоположномъ концѣ террасы стоялъ рядъ пальмъ и древесныхъ папоротниковъ въ широкихъ кадкахъ, скрытыхъ клумбами лилій и другихъ цвѣтущихъ растеній. Вся эта зелень образовала густыя ширмы. За ними былъ маленькій тихій уголокъ, съ чуднымъ видомъ въ долину. Гранатовыя вѣтви, осыпанныя поздними цвѣтами, свѣшивались, окаймляя узкій проходъ между растеніями.

Въ этомъ углу Гемма скрылась, надѣясь, что никто не откроетъ ея, пока она не отдѣлается отъ начинающейся головной боли короткимъ отдыхомъ и молчаніемъ. Ночь была теплая и удивительно

тихая, но, выйдя изъ душныхъ комнатъ, она почувствовала легкую прохладу и накинула кружевной шарфъ на голову.

Вдругъ шумъ голосовъ и шаговъ, приближавшихся вдоль террасы, пробудилъ ее отъ соннаго состоянія, въ которое она впала. Она откинулась назадъ, въ тѣнь, надѣясь остаться незамѣченной и воспользоваться еще нѣсколькими минутами молчанія, прежде чѣмъ опять начнутся разговоры. Къ великому ея разочарованію, шаги остановились близко отъ нея, и тоненькій голосокъ синьоры Грассини замолкъ на минуту среди потока болтовни. Другой, мужской голосъ былъ замѣчательно мягкимъ и музыкальнымъ. Но его ласковость портилъ странный тягучій тонъ, можетъ быть, намѣренный, но, скорѣе происходящій отъ привычки бороться противъ какого-то недостатка рѣчи; во всякомъ случаѣ, звукъ этотъ былъ непріятный.

— Англичанка, вы говорите?—спрашивалъ мужской голосъ:—но вѣдь имя ея чисто итальянское.

— Да, она вдова бѣднаго Джіованни Болла, который умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вы помните. Ахъ, я забыла, вы ведете такую странствующую жизнь, что нельзя требовать, чтобы вы знали всѣхъ мучениковъ нашей несчастной родины. Ихъ такъ много.

Синьора Грассини вздохнула. Она всегда говорила въ такомъ тонѣ съ иностранцами. Роль патріотки, страдающей за Италію, соединялась въ ней съ манерами школьницы и капризными дѣтскими гримасами.

— Онъ умеръ въ Англіи,—повторилъ другой голосъ.—Онъ, значитъ, былъ эмигрантомъ. Мнѣ кажется, что я помню это имя. Не было ли оно въ связи съ «Молодой Италіей» въ началѣ ея дѣятельности?

— Да, онъ былъ однимъ изъ несчастныхъ молодыхъ людей, арестованныхъ въ тридцать третьемъ году. Вы помните эту печальную исторію. Его черезъ нѣсколько мѣсяцевъ освободили. Потомъ, два или три года спустя, когда его опять хотѣли арестовать, онъ убѣжалъ въ Англію. Тамъ и женился. Это было очень легкомысленно, но бѣдный Болла всегда былъ романтикомъ!

— Онъ умеръ въ Англіи, вы говорите?

— Да, отъ чахотки. Онъ не могъ перенести ужаснаго англійскаго климата, а она потеряла своего единственнаго ребенка, какъ разъ передъ его смертью. Ребенокъ умеръ отъ скарлатины. Какая грустная судьба, не правда ли? И мы всѣ такъ любимъ милую Гемму. Она немножко безчувственна, бѣдняжка, но, мнѣ кажется, что горе сдѣлало ее такой.

Гемма встала и раздвинула вѣтви гранатнаго дерева. Разсказы объ ея печальной судьбѣ, съ цѣлью занимать гостя разговоромъ, показались ей нестерпимыми, и съ видимымъ неудовольствіемъ на лицѣ она вышла къ свѣту.

— А вотъ и она!—воскликнула хозяйка очень холодно:—Гемма, милая, куда это вы исчезли? Синьоръ Феличче Риварессъ желаетъ съ вами познакомиться.

— Такъ вотъ этотъ Оводъ,—подумала Гемма, глядя на него съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

Онъ поклонился ей очень вѣжливо, но глаза его разглядывали ея лицо взглядомъ, который ей показался испытующимъ и дерзкимъ.

— Вы здѣсь нашли прелестный, м-милый уголокъ,—замѣтилъ онъ, глядя на густыя ширмы: — и к-как-кой дивный видъ!

— Да, здѣсь очень мило. Я вышла подышать свѣжимъ воздухомъ.

— Право, почти грѣшно оставаться въ комнатѣ въ такой чудный вечеръ,— сказала хозяйка, поднимая глаза къ небу (у нея были красивыя рѣсницы и она любила показывать ихъ).—Посмотрите, синьоръ, развѣ наша нѣжная Италія не была бы раемъ, если бы она была свободна. И подумать только, что она рабыня, обладая такими цвѣтами и такими небесами!

— И такими патріотками,—тихо сказалъ Оводъ своимъ мягкимъ, тягучимъ голосомъ. Гемма посмотрѣла на него съ негодованіемъ. Его дерзость была слишкомъ явная, чтобы кого-нибудь обмануть, но она не знала достаточно любви синьоры Грассини къ комплиментамъ.

Бѣдная женщина опустила рѣсницы со вздохомъ.

— О, синьоръ! Что можетъ сдѣлать женщина? Можетъ быть, я когда нибудь докажу свое право называться итальянкой. А теперь я должна вернуться къ общественнымъ обязанностямъ. Французскій посланникъ просилъ меня представить его воспитанницу всѣмъ знаменитостямъ. Пойдемте посмотрѣть на нее, это прелестная дѣвушка. Гемма, дорогая, я вызвала синьора Риваресса сюда полюбоваться прелестнымъ видомъ. Теперь я должна его оставить съ вами. Я знаю, что вы о немъ позаботитесь и познакомите его со всѣми. А вотъ и нашъ милый русскій принцъ! Вы его знаете? Говорятъ, что онъ любимецъ Императора Николая. Онъ военный начальникъ какого-то польскаго города, имени котораго и произнести нельзя. Quelle nuit magnifique, n'est-ce pas, mon prince?

Она упорхнула, безъ удержу болтая съ человѣкомъ, съ короткой бычачьей шеей, крупнымъ подбородкомъ и мундиромъ, осыпаннымъ орденами. Ея томныя жалобы по поводу «notre malheureuse patrie», перемѣшанныя со словами «charmant» и «mon prince» замерли вскорѣ вдали.

Гемма стояла молча около гранатоваго дерева. Ей все еще было обидно за бѣдную глупую женщину и ее злила медлительность и дерзость Овода. Онъ глядѣлъ вслѣдъ удаляющимся фигурамъ съ такимъ выраженіемъ, которое ее злило; ей казалось некрасивымъ смѣяться надъ такими жалкими существами.

— Вотъ тамъ идетъ итальянскій и русскій патріотизмъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ ней съ улыбкой,—рука объ руку и, кажется, довольные другъ другомъ. Который изъ двухъ вы предпочитаете?

Она нахмурила брови и не отвѣтила.

— К-конечно, — продолжалъ онъ: — это дѣло л-личнаго вкуса; но мнѣ кажется, что изъ двухъ я предпочелъ бы русскій патріотизмъ. Онъ болѣе цѣльный. Если бы Россія основывала свою власть на цвѣтахъ и небесахъ, вмѣсто пороха и солдатъ, какъ долго, думаете вы, удержался бы «mon prince» въ польской к-крѣпости?

— Мнѣ кажется, — отвѣтила она серьезно, — что можно выражать свои личныя мнѣнія безъ насмѣшекъ надъ женщиной, у которой мы въ гостяхъ.

— Ахъ, да, я и забылъ гостепріимство итальянцевъ. Они удивительно гостепріимны, эти итальянцы, по крайней мѣрѣ, австрійцы навѣрно этого мнѣнія. Не хотите ли присѣсть?

Онъ пошелъ, прихрамывая, за стуломъ для Геммы, а самъ помѣстился противъ нея, опираясь на перила. Свѣтъ окна падалъ ему прямо въ лицо и она могла хорошенько его разсмотрѣть.

Она была разочарована. Она ожидала увидѣть значительное и властное, если и не красивое лицо. Но въ немъ прежде всего бросалась въ глаза склонность къ фатовству въ платьѣ и еле скрашенная дерзость выраженій и манеръ. Онъ былъ смуглъ, какъ мулатъ, и несмотря на свою хромоту, гибокъ, какъ кошка. Вся его внѣшность странно напоминала чернаго ягуара. Лобъ и лѣвая щека были страшно обезображены длиннымъ кривымъ шрамомъ отъ удара сабли. И она замѣтила уже, что когда онъ начиналъ заикаться въ разговорѣ, эта сторона его лица подергивалась нервнымъ тикомъ. Безъ этихъ недостатковъ онъ былъ бы красивъ; только въ лицѣ его не было ничего привлекательнаго.

Опять онъ началъ говорить сдержаннымъ гортаннымъ голосомъ,—«такъ долженъ былъ бы говорить ягуаръ, если бы онъ могъ говорить и былъ бы въ хорошемъ настроеніи», подумала Гемма съ возростающимъ раздраженіемъ.

— Мнѣ говорили,—сказалъ онъ,— что васъ интересуетъ радикальная пресса. Вы пишете въ газетахъ?

— Очень немного. У меня нѣтъ времени.

— О, да, конечно. Я понялъ, по словамъ синьоры Грассини, что вы заняты также и болѣе серьезнымъ дѣломъ.

Гемма слегка подняла брови. Синьора Грассини, какъ глупая женщина, навѣрно, неосторожно проболталась этому скользкому ягуару, который начиналъ сильно нравиться Геммѣ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

для

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи,* присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны,* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 70 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

[redacted]

